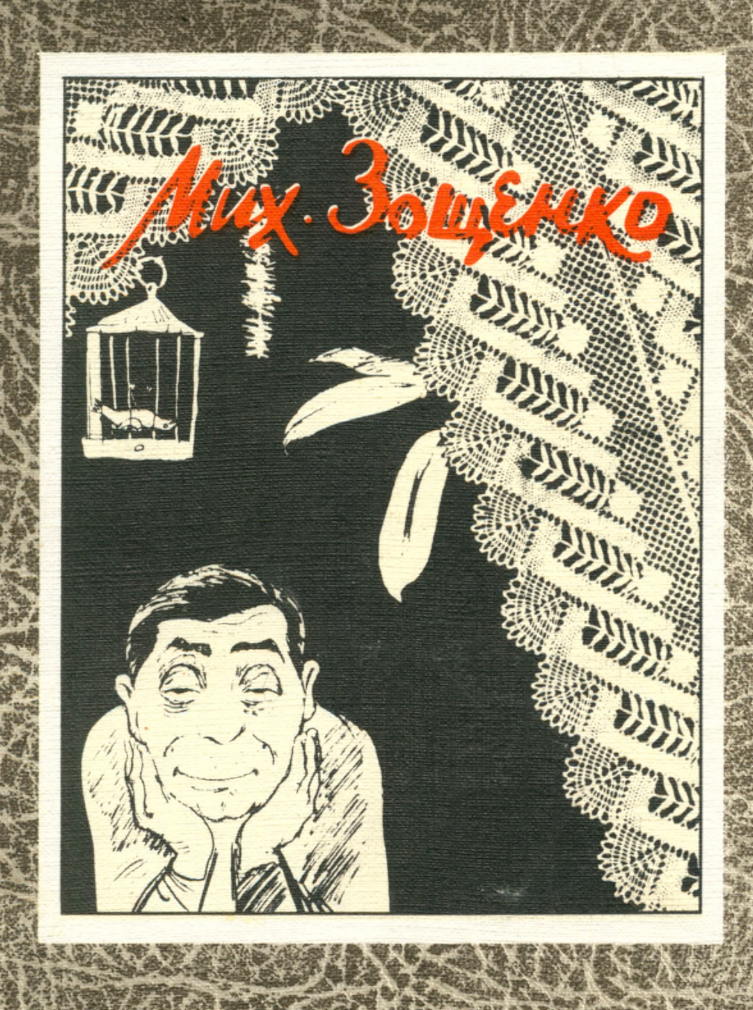
ИЗ АРХИВА ПЕЧАТИ



ИЗ АРХИВА ПЕЧАТИ

МИХ. ЗОЩЕНКО

Уважаемые граждане

ПАРОДИИ
РАССКАЗЫ ФЕЛЬЕТОНЫ
САТИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПИСЬМА К ПИСАТЕЛЮ
ОДНОАКТНЫЕ КОМЕДИИ

Издание подготовлено
М. З. Долинским

Москва Издательство «Книжная палата» 1991

ББК 84Р7
3888

Серия «Из архива печати» основана в 1989 году

Серию разработали *И. Борисова, Б. Ушацкий*
Макет и оформление *Н. С. Антонова*

В оформлении книги использован шарж Кукрыниксов из их совместной с Александром Архангельским книги «Карикатуры и пародии» (1935). Шарж этот вклеен в составленный А. Крученых альбом «17 лет жизни М. Зощенко. 1916—33». Сбоку — надпись: «Это чистое хулиганство со стороны художников. М. Зощенко»

*На фронтисписе: Михаил Зощенко. 1923.
Фото Бориса Игнатовича*

З $\frac{4702010201-004}{008(01)-91}$ **Без объявл.**

ISBN 5-7000-0205-1

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

1.

На первый взгляд, этот том несколько странен по составу. Сложилась традиция, в общем-то вполне естественная для книг из серии «Избранного», включать в очередное издание Зощенко несомненные его шедевры — истории, рассказанные господином Синебрюховым, что-то из «Сентиментальных повестей», нередко «Мишеля Синягина» и уж непременно «Аристократку», «Баню», «Нервных людей», «Тормоз Вестингауза», ну и так далее, каждый легко продолжит перечень сам.

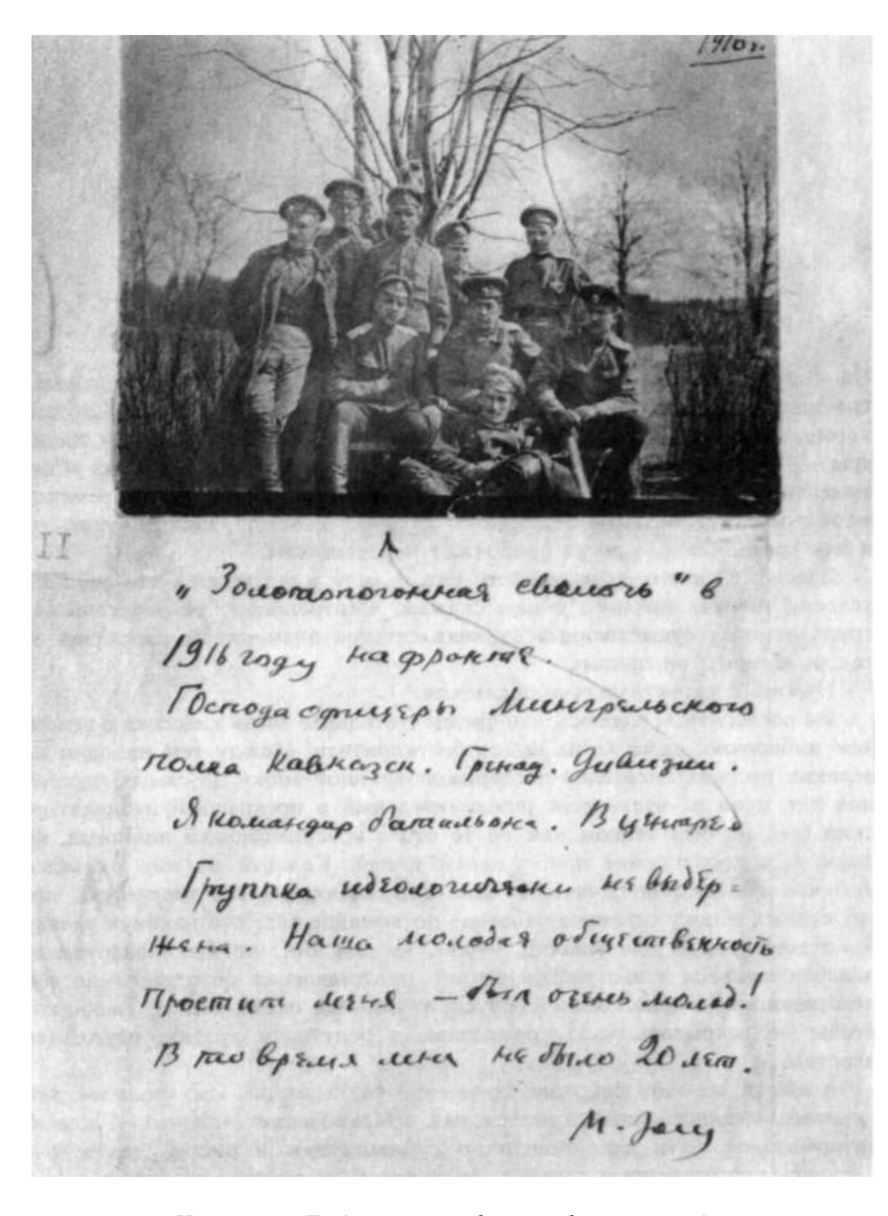
Здесь же ничего из названного нет. А если и встретится что-либо из, условно говоря, «первого ряда», скажем, «Матренища», то читатель без труда заметит существенные отличия текстов знаменитых рассказов от тех, к которым он привык.

Нужно, следовательно, объясниться.

Вы согласитесь, надеюсь, что предпочтительнее знать классика в целом, чем выборочно, даже когда выбор безукоризнен. Между тем ни один из великих русских писателей послереволюционной эпохи до самых последних лет, пока не взял старт ошеломительный и прекрасный публикаторский бум, не был знаком нам не то что с исчерпывающей полнотой, но даже и в достаточном приближении к ней. Каждый из них оказался автором произведений, часто основополагающих для его творчества, погруженных в искусственное забвение по команде тех, кто накинул удавку на отечественную словесность, чтобы, не дай Бог, не были разрушены вдалбливавшиеся в нас десятилетиями представления об идеологической девственности и нравственной безукоризненности одних или же, наоборот, чтобы не вскрылась ложь, опутывавшая репутации других, неугодных властям.

А ежели все-таки собрание сочинений титуловалось как «полное», что произошло единственный, кажется, раз, с Маяковским («полный» Горький затормозился, чуть дело дошло до публицистики и писем), то в нем делались неоговоренные купюры, заменялись «крамольные» фразы и вычеркивались запретные имена.

Не последнее место занимали и иные причины, по которым новый материал редко и неохотно вводился в широкий читательский обиход. Я уж не говорю о том, что существовало официальное правило, запрещавшее очень многим издательствам включать в книги хоть что-нибудь из



На войне. Любительская фотография из альбома, составленного Алексеем Крученых, — «17 лет жизни М. Зощенко. 1916—33». ЦГАЛИ. 1916.

рукописного наследия. Но и помимо этого из-за непредсказуемости реакции идеологических вождей — больших и малых, из-за вполне понятного, основанного на опыте страха редакторского аппарата перед обвинениями в политической близорукости и утрате партийного чутья вновь и вновь печаталось в основном то, что уже было неоднократно апробировано.

И наконец, вечные спутники нашей жизни — очередь и дефицит — определяют издательское дело, как и все остальное. Живые и мертвые, без разбора, годами ждут выхода в свет под несмолкающий гул начальственных голосов, толкующих о нехватке бумаги и полиграфических мощностей. А когда, наконец, желанный срок настает, выясняется, что почти ничего сверх хорошо известного в новоиспеченное «Избранное» не вмещается.

Вся эта совокупность обстоятельств повлияла, разумеется, и на посмертную судьбу книг Михаила Михайловича Зощенко. Правда, Ю. В. Томашевскому удалось-таки в недавнем трехтомном собрании сочинений писателя осуществить серьезный прорыв в сторону неизвестного, то есть включить в него многое из того, что не переиздавалось полстолетия, а то и более. Он же в очередном «Избранном» (М.: Сов. Россия, 1989) вернул из небытия, пусть и не в полном объеме, смешные и язвительные сборники текстов и карикатур Зощенко и художника Николая Радлова «Веселые проекты», «Счастливые идеи» и две комедии. Время от времени появляются в разных журналах публикации забытых рассказов и фельетонов, писем, статей.

Но, повторю, до полноты, хотя бы и относительной, все еще далеко. Конечно же, книга наша, несмотря на свой немалый объем, все пробелы восполнить не может. Однако к цели, думается, приближает, не повторяя трехтомник ни в чем.

Центром ее мне видятся «Письма к писателю», невзирая на то, что зощенковских пояснений, реплик, ремарок здесь гораздо меньше, чем чужого текста.

Это требует отдельного разговора.

2.

Случалось (и случается), что писатели обнародовали одно или несколько писем к себе, видя в этом повод для размышлений на занимающую их тему. Но такого издания, в котором адресатом были бы собраны и прокомментированы несколько десятков разнообразнейших посланий к себе, не объединенных ничем, кроме его имени, насколько я знаю, больше не существует. В истории литературы «Письма к писателю» уникальны.

Он считал их самой интересной своей книгой, о чем прямо сказал, приводя сведения о себе на последних страницах «Возвращенной молодости». Почему? Был ли это прежде всего способ прояснить, вопреки устоявшейся тенденции сводить его творчество исключительно к антимещанской сатире и бытовому анекдоту, истинное свое лицо, дав слово тем, для кого он, собственно, и работал и кто видел в нем не только забавника

Юрий Анненков. Портрет Михаила Зощенко из первого тома мемуаров художника «Дневник моих встреч. Цикл трагедий». 1921

или обличителя, но и защитника любой «рядовой» личности, вынужденной приспосабливаться к жизни в жестких условиях классовой нетерпимости, взаимного ожесточения и антигуманных идеологических догм? В значительной степени, мне кажется, да. Однако побудительные мотивы к созданию такого сборника бесхитростных и беззащитных перед насмешкой документов эпохи, не предназначенных к печати и потому по-настоящему искренних, не исчерпываются столь однозначно.

Да, читательская почта, всегда бывшая у Зощенко до августа 1946 года обильной и разномастной, поддерживала его в убеждении, что он делает необходимое дело, что его понимают. И как бы он порой ни раздражался, сталкиваясь с глупостью и пошлостью, которых хватало в его корреспонденции, как бы ни сетовал на круглогодичное половодье писем, жить без них уже было бы трудно. Обе эти стороны точно отражены в интервью, данном в самом начале 1934 года. Журналист записывает за ним:

— Какая страшная вещь — иметь постоянный адрес! Каждый день два-три письма, — говорит он тихо. — Есть же счастливцы, которые жалуются на неисправность почты... Впрочем, между нами говоря, я был бы очень огорчен, если бы некоторые письма до меня не дошли... Письма читателей, друзей, критиков, героев моих произведений... Я бы чувствовал себя одиноким, если бы действительно не имел постоянного адреса... (Полностью интервью напечатано в комментарии к т*о*му.)

Все так. Но не менее важно и другое, то, о чем сказано в предисловии к первому изданию «Писем к писателю»: «Здесь, так сказать, дыхание нашей жизни. Дыхание тех людей, которых мы, писатели, стараемся изобразить в так называемых художественных произведениях. Здесь, в этой книге, можно видеть настоящую трагедию, незаурядный ум, наивное добродушие, жалкий лепет, глупость, энтузиазм, мещанство, жульничество и ужасающую неграмотность».

Эти современники Зощенко, выплеснувшие на него, каждый в меру своего разумения, скрытые от других чувства и мысли, подтвердившие его художническую правоту в выборе героев, воссоздании их языка, их психологического портрета, укрытого от поверхностного читателя покровом смеха, были ведь теми, от кого мы произошли. Они наши отцы и матери, бабушки и дедушки, наши предшественники. Через много лет мы продолжаем слышать в зощенковской книге живые голоса из прошлого, голоса подлинные, не «типические», а индивидуальные, не откорректированные и подкрашенные мастерством нравоописателей и газетных литобработчиков, а звучащие во всей своей непритязательности, царапающие слух и душу неуклюжестью речи и фразеологическими штампами, за которыми спрятано то, что не высказано по неумелости, из природной застенчивости, маскируемой порой развязностью, или из неосознанной, на генетическом уровне, боязни «ляпнуть лишнее».

Вот что более всего сегодня интересно мне в этом сборнике «криков и шепотов», сборнике исповедей и напористых требований, отчаянных призывов о помощи и хрупких надежд на волшебные перемены судьбы. Надеюсь, что это будет не менее интересно и вам. Здесь в избытке мате-

Серапионовы братья. Сидят — Константин Федин, Михаил Зощенко, Илья Груздев, Вениамин Каверин. Стоят — Михаил Слонимский, Николай Тихонов, Елизавета Полонская, Николай Никитин. Снимок из журнала «Литературные записки». 1922. № 3

риала и для волнения, и для размышления. Зощенко именно этого и ждал, подчеркивая: «Книга сделана как роман».

Центральная роль, отведенная «Письмам к писателю», определила и тенденции подбора остального. Сфера частной жизни, проявившаяся в сборнике, должна была — для создания достаточно цельной картины времени — сочетаться с иными сторонами действительности. Этим объясняется особое внимание, которое уделено в томе произведениям, возникшим на документальной основе: сатирическим заметкам и фельетонам, написанным по горячим следам событий, происшествий и казусов. Как правило, Зощенко пользовался для них или редакционной почтой, или свежими газетными сообщениями.

Впрочем, и рассказы он писал, основываясь на тех же *реалиях*, — и его часто упрекали за них в мелкотравчатости, зубоскальстве по ничтожным поводам. Причем «упрекали» — мягко сказано. Августовская расправа сорок шестого года имела давние и прочные корни. В материалах к биографической хронике вы прочитаете отрывки из статьи, увидевшей свет еще в 1923 году, когда Зощенко лишь начинал свой тернистый путь сатирика и моралиста. Кое-что оттуда к месту повторить сейчас. Вот что писал студент Зиновьевского университета Ф. Левин в «Литературном еженедельнике»: «А вот и Зощенко. С лицом заматерелого провинциального комика, без единой улыбки, читает он свои смешные рассказы. Что ж? Смешно. И то хлеб, как говорится. Но не рассказы это все, а просто анекдоты, вроде аверченковской юмористики, только, пожалуй, еще сортом ниже».

Те, кто считали себя идейными противниками писателя, кто предъявляли ему изустно и печатно политические обвинения, сильно смахивавшие на доносы (вы убедитесь в этом, знакомясь со следующим разделом — «Документы»), не замечали — или не хотели замечать, ибо это завело бы их далеко, пробив брешь в ортодоксии псевдосоциализма с его установкой на подмену сущего *воображаемым*, — что микроскопические житейские истории, веселившие читающую публику столько же слогом, сколько и сюжетами, имели глубокую подоплеку отнюдь не юмористического толка. Ведь забавная нелепость ситуаций и персонажей точно соответствовала нелепостям каждодневного существования страны. Складываясь вместе, эти истории составляли вкупе с фельетонами и сатирическими заметками как бы мозаичное панно тогдашней жизни — и смех был не самоцелью, а инструментом ее познания и представления на всеобщий суд.

Вот почему, в отличие от всех предыдущих изданий, в том числе и подготовленных самим автором, я помещаю их подряд, не разделяя рубриками и следуя только хронологии. Кстати, в подкрепление такой позиции можно было бы сослаться на самого Зощенко, который, случалось, один и тот же текст числил в разные годы то фельетоном, то рассказом. Иначе говоря, жанровая принадлежность вещи иногда не поддавалась непререкаемой классификации. Но все-таки, как уже сказано, я исходил из иного. Мне представлялось важным соблюсти единство того мощного

Этот снимок Борис Игнатович сделал в Москве в 1923 году, когда Михаил Зощенко на минуту остановился — по пути в очередную редакцию — возле уличного торговца. Из альбома «17 лет жизни М. Зощенко. 1916—33»

сатирического потока, что почти непрестанно выплескивался из-под пера писателя, показать во всей полноте силу его нравственного напора в разные периоды жизни страны. Конечно, подобное решение не бесспорно, но, думается, и небезосновательно.

И наконец, еще одно. Коль скоро в замысле этого тома был явственно обозначен крен в сторону документальной прозы, коль скоро я хотел, чтобы голоса из прошлого донеслись до нас в своем не искаженном никакими последующими помехами звучании, следовало избрать и соответствующий текстологический принцип. Он, на мой взгляд, состоял в том, чтобы дать читателю возможность познакомиться не с позднейшей редакцией того или иного произведения, а именно с первой (разумеется, печатной, а не рукописной), как с конкретно датированным литературным документом, наиболее точно фиксирующим приметы времени. Оно определено здесь далеко не в равных пропорциях. И не только, даже не столько потому, что это связано с неодинаковой в разные периоды интенсивностью творчества Михаила Зощенко. Не потому лишь, что, избегая повторов, я должен был сообразовываться с тем, насколько полно отражены в трехтомном собрании сочинений писателя годы двадцатые, тридцатые и сороковые.

Есть и другая причина.

3.

Какой бы отрезок нашей истории, в том числе и истории культуры, мы ни сравнивали с двадцатыми годами, особенно с первой их половиной, вывод делался — и делается — в их пользу. Это вполне справедливо, ибо что было дальше — все хорошо знают. Но что, если взглянуть на них отдельно, безотносительно к будущему?

Помню, когда лет тридцать назад под дружные усмешки зубров книжного рынка, занятых раритетами, я начал собирать массовую периодику двадцатых, бывшую тогда чуть не бросовым товаром, и не только собирать, но и внимательно читать, меня поначалу охватил эйфорический восторг. Я уподобился тому типу в подержанной бороде из романа «Двенадцать стульев», который обнимал малахитовую колонну в бывшем барском особняке и страстно мычал: «Эх, люди жили!» В самом деле: нэп в разгаре — и рынок в быстром темпе насыщается продовольствием и ширпотребом; конечно, есть безработные, беспризорные, есть жилищный кризис, но экономика явно на подъеме, а главное — главное, какие смелые эксперименты во всех областях искусства, каким рывком поднялась новая превосходная литература, насколько остра полемика и широка свобода мнений!

Для меня не были секретом ни расстрел Гумилева, ни Соловки — я даже сумел раздобыть несколько номеров лагерного журнала «Соловецкие острова», — ни высылка из страны большой группы свободомыслящих интеллектуалов, «философов-идеалистов», как их называли (параллель еще не с чем было проводить — кампания по «лишению гражданства»,

Михаил Зощенко в 1926 году.
Фотография из того же альбома.
Сбоку — надпись:
«Снимала Лидия Лесная. Мих. Зощ.»

если не считать угрозу Пастернаку, так, правда, и неосуществленную, пока не началась), ни многое другое из того же ряда. Но — странное дело! — зная все это, негодуя задним числом, я первое время как бы выносил такие факты за скобки, полагая их издержками движения вперед, заторможенного лишь в сталинскую эпоху, издержками трагическими, однако не слишком влиявшими на общую высокую оценку. Что скрывать — так было! И так думал не я один.

И вот, хотя, как тонко подметил поэт, «мы диалектику учили не по Гегелю», количество все-таки стало переходить в качество. Было прочитано очень много — и эйфория начала улетучиваться. Разрозненные сведения складывались в систему, в которой все настойчивее и очевиднее набирали силу запреты и репрессии. Распавшаяся было связь времен восстановилась — и я увидел, что между закрытием горьковской «Новой жизни», не говоря уже о других газетах, не согласных с большевиками, и свистопляской, развернувшейся через десятилетие вокруг Замятина и Пильняка, продолженной затем вокруг иных имен, в том числе и Зощенко, между расстрелом Гумилева и фальсифицированными процессами, на которых распинали интеллигенцию в конце «легендарных двадцатых», как и процессами шестидесятых-семидесятых, между Блоком, задохнувшимся в безвоздушном пространстве военного коммунизма, Есениным, не смогшим перенести крушения своих идеалов, и затравленным Пастернаком можно и д*о*лжно прочертить единую прямую.

Все, что мы получили в наследство, которое еще долго будет тяготеть над нами, возникло и пошло в рост именно тогда, в двадцатые. А тот немалый культурный капитал, что тем не менее был накоплен (на проценты с него мы живем и поныне), постарались в значительной, лучшей его части упрятать, сделать неупоминаемым, как бы несуществующим, или ошельмовать.

Речь, разумеется, следует вести не только о культуре. Чем полнее и детальнее проступают сквозь время истинные картины двадцатых годов, тем несомненнее преемственность экономическая, политическая, социальная, бытовая, даже терминологическая. И один из тех, кто помогает это понять с «последней простотой», беспощадной к нашему мифологизированному с о з н а н и ю, — Михаил Михайлович Зощенко.

Тем в первую очередь и объясняется особое внимание, уделенное в томе этому периоду, хотя существуют и чисто объективные причины: именно тогда писатель работал наиболее интенсивно, и многое до сих пор так и оставалось невостребованным, несмотря на обилие журнальных публикаций, появившихся в последнее время.

Сказать, что классик современен в с е г д а, — значит изречь банальность. Подтвердить это ссылкой на долговечность, типичность созданных его талантом характеров и ситуаций — значит прибегнуть к еще одному трюизму. Оставим это в данном случае за границами разговора. Я имею в виду, настаивая на злободневности Зощенко, не расхожие литературоведческие дефиниции, а нечто совсем иное, с одной стороны — гораздо более заземленное, с другой — материально неощутимое и всеобщее.

В Ялте. 1927. Фотография из того же альбома

Читая его рассказы и фельетоны, всегда смеешься, как смеялись и современники писателя, и их дети, едва только становились постарше. Но потом с некоторым страхом начинаешь замечать, что, при всей юмористичности изложения, при всех забавных и виртуозных поворотах сюжетов, веселиться особенно не приходится. И в самом деле, как же мы жили все эти долгие десятилетия, если нас и зощенковских героев мучают одинаковые проблемы, то есть мы по-прежнему находимся там, откуда хотели уйти? Бег на месте хорош для утренней разминки, но не для общественного развития.

И не стоит гневно обличать меня в клевете, с пафосом напоминая о промышленном скачке, совершенном некогда, достигнутой военной мощи, космических кораблях и прочем в том же величественном роде. Я не об этом, а о категориях самых в конечном счете существенных для каждого в отдельности и для народа в целом: уровне жизни и уровне нравственности. Вот тут-то и видишь, что ни то, ни другое принципиально не изменилось.

Жилищный кризис, от которого сатанели зощенковские обитатели коммуналок? Мы строим, строим, строим, рапортуем о миллионах квадратных метров и сотнях тысяч новых квартир — и они действительно есть. Но есть и все тот же жилищный кризис. Самодурство и непрофессионализм больших и малых начальников, многократно осмеянное писателем? Сколько угодно! Издевательские, бессмысленные и бесчисленные чиновничьи правила и установления, по поводу которых выпущено столько сатирических стрел? В полном объеме. Вот, правда, одно обстоятельство, вроде бы переменившееся: персонажи Зощенко постоянно озабочены нехваткой денег, думают, где бы сшибить рублишко-другой, а то и полтинник, мы же утверждаем, будто средств у населения скопилось непомерно много (не принимая, конечно, в расчет сорок-пятьдесят, если не все восемьдесят миллионов тех, кто живет за чертой бедности). Но результат-то схож: и они и мы заняты поисками одного и того же дефицита, в который превратились сахар и мыло, обувь и одежда, и многое, многое другое. Я не стану множить число примеров, чтобы не лишать читателя возможности самому заняться сравнительным анализом, находя почти в каждом материале неоспоримые примеры сегодняшнего дня.

Что же касается нравственного состояния послереволюционного и нынешнего общества, то, хотя факторы, влиявшие на него тогда и влияющие теперь, тождественны не на все сто процентов, главные из них совпадают, ибо, как ни крути, а бытие все-таки определяет сознание. Ведь до самого последнего времени, еще два-три года назад, существовало принципиальное расхождение между прокламируемыми идеалами и действительностью (рецидивы этого существуют и поныне), возникшее как раз в двадцатые годы и многократно усилившееся в последующие десятилетия. И мы расхлебываем сейчас последствия. За какую нить ни потяни — обнаружишь разительную одинаковость житейского и социального поведения обитателей двадцатых и восьмидесятых.

О чем писал Зощенко? Об одичании человека, замороченного бара-

Фотография из альбома, составленного Алексеем Крученых, — «Зощенко М. М. 1931—1945». ЦГАЛИ. Снимал В. В. Пресняков. Сбоку — надпись: «На квартире у Зильберштейна. 1927 год. М. З.»

банным боем пропаганды, замордованного непреходящими бытовыми неурядицами, ожесточенной борьбой за жалкие, по сути своей, преимущества перед другими. Тут уже не до благородства, сострадания и воспарения духа. Тут может разгореться жаркая потасовка из-за примусного ежика, произойти динамитная диверсия по поводу нескольких украденных полешек дров. Ложь становится нормой: если врет власть, то неизбежна цепная реакция, доходящая до самого низа, где пациент не считает зазорным обмануть врача, управдом — объегорить жильцов, мелкий чиновник — посетителя — и так до бесконечности.

Но и мы сейчас не на шутку встревожены тем же — катастрофическим падением нравов с последствиями куда более жестокими и страшными: разгулом уголовщины, коллективным озлоблением, находящим выход то в межнациональной ненависти, то в требованиях насильственного уравнивания имущественного положения, то в разгроме кооперативных лавок.

Много десятков лет назад писатель едко высмеял городские власти, вздумавшие разбить на месте кладбища увеселительный парк с аттракционами. Что бы он сказал теперь, когда то и дело слышишь об осквернении могил, кражах надгробных памятников, обворовывании покойников в крематориях, устройстве на месте кладбищ автостоянок, танцплощадок или чего-нибудь еще в том же роде? Читая Зощенко, узнаешь, что бичами его времени были повальное пьянство, мелкое воровство на фабриках и заводах, давняя российская беда — взяточничество, мздоимство. Но разве все это прошло, хотя бы уменьшилось? Вопрос чисто риторический.

Эх, да что говорить...

4.

Нам всем еще предстоит научиться не то чтобы спокойному — это вряд ли удастся, — но аналитическому, многогранному отношению к прошлому. История, окрашенная лишь в контрастные цвета, черный и белый, когда иные части спектра не замечаются или отбрасываются за ненадобностью, перестает быть самой собой, остается без понимания. Это же правило должно распространяться на биографии тех, кого мы любим и кого ненавидим. В противном случае (примеров таких не счесть) в ореол вокруг одних и мрачный фон вокруг других проникнут фальшивые блики — и те изначальные побуждения, с которыми рисовался портрет героя, мученика или злодея, поневоле окажутся скомпрометированными.

Михаил Зощенко был человеком чести в самом высоком значении этого понятия. Он не позволял себе ни лжи во спасение, не говоря уже о всякой другой, ни даже тени небрежности в щепетильнейших денежных делах, ни малейшего интриганства, столь расцветшего вместе с публичными и тайными доносами в те годы. Он был верен своим друзьям и старался защитить их от беды, как было, скажем, с дважды арестовывавшимся Валентином Стеничем. Вы познакомитесь в биографической хронике с его письмом по этому поводу. А недавно в интереснейшей работе

Фотография из альбома
«17 лет жизни М. Зощенко. 1916—33».
Сбоку — надпись: «Снято в Москве на Тверской.
Благополучный человек! Таким бы всегда!
Снято 1928. М. Зощенко»

Анатолия Наймана «Рассказы об Анне Ахматовой» я прочитал, что и в 1937 году Стенича «хотели спасти, заступились Зощенко и Катаев» (М.: ХЛ, 1989. С. 68).

Или откроем воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам: «У каждого поколения была своя реакция на предложение сотрудничать с органами. Старшие страдали от того, что со страху дали подписку хранить разговор в тайне. Из моих знакомых только Зощенко отказался подписаться под таким документом. Следующие поколения даже не понимали, чем такая подписка предосудительна» (Юность. 1988. № 8. С. 57).

Словом, писателю органически была свойственна глубокая порядочность. И приверженца исключительно черной и белой красок может поставить в тупик нечто как будто прямо противоположное только что рассказанному: ведь и он не выбился из общего хора хулителей мнимых «врагов народа», требовавших крови и смерти. Что двигало им — ужас перед гибельными последствиями отказа, заставляющий забыть о чести, стремление «каплей литься с массами» или все-таки убежденность в подлинности тех обвинений, которые предъявлялись подсудимым? С полной определенностью на этот вопрос уже никто никогда не ответит.

Но, исходя из характера Зощенко, в котором преобладала неподдельная искренность, зная из писем и воспоминаний о его доверчивости, не раз обманутой, однако же сохранившейся до последних дней, наконец, о некоторой политической наивности, я убежден, что именно они и сыграли главную роль во всем происшедшем. Ну, и не стоит, конечно, забывать об атмосфере времени, повлиявшей на многое из того, что Зощенко говорил и писал в тридцатые годы.

Помните строгого гражданина, который убеждал авторов «Золотого теленка», что смеяться в реконструктивный период ни в коем случае нельзя? А сейчас, уже с позиций полярных, начисто лишенных благоговения перед реконструктивным и всеми иными периодами, раздаются голоса, негодующие по поводу того, как могла значительная часть населения страны, видя вокруг себя миллионы безвинных жертв и их палачей, «петь и смеяться, как дети». Эмоциональная подоплека этого понятна — и не дай Бог, если кто-нибудь придаст моим словам осудительный смысл. Я просто хотел сказать, что чувство историзма и в таких крайних, трагических случаях не должно нас оставлять, ибо без него есть немалый риск упростить проблему.

Ощущение двойственности времени — вот что сохранила от тех лет вызывающая полное доверие очевидица событий Наталья Петровна Бехтерева, ныне академик медицины, посвятившая себя изучению человеческой психики: «Оно было и страшным и тягостным. И в то же время — ярким и праздничным. Бодрые песни не только звучали по радио — им с упоением подпевали. Слова о том, что „жить стало лучше, жить стало веселее", находили отзыв во многих сердцах. Жизнь в городах становилась сытнее, наряднее. На улицах появлялось все больше красиво одетых женщин. <...> Давно исчезли с улиц раскулаченные в нагольных полушубках, просившие „хоть корочку хлеба". Люди шли по Невскому и улы-

Обложка сборника статей,
посвященного Михаилу Зощенко. 1928

бались. А после праздничных, ярких дней наступали страшные ночи — со звонками и стуком в дверь, с обысками и арестами. (Как писал Осип Мандельштам: „Я на лестнице черной живу, и в висок // Ударяет мне вырванный с мясом звонок, // И всю ночь напролет жду гостей дорогих, // Шевеля кандалами цепочек дверных". — *М. Д.*) Но те, кого до поры до времени миновала эта горькая чаша, продолжали верить, что с ними ничего не случится. Ведь они же *знали,* что они ни в чем не виновны. Да, конечно, бывают ошибки, но не могут же ошибки быть системой! <...> А жизнь продолжала свой пир — „пир во время чумы", прочла я у Домбровского, первым из прочитанных мной писателей хотя бы вкратце отметившим эту двуликость времени» (Лит. газета. 1989. № 14. С. 4).

Я прошу вас не забывать об этом, когда вы станете читать некоторые рассказы и фельетоны Зощенко тридцатых годов. Признаюсь, я долго колебался, включать ли, например, в том благостную сказку «Браки заключаются в небесах» или сусальный «Долг чести». Но это сейчас они коробят нас, а ведь тогда автором и подавляющей массой читателей все воспринималось иначе. И сделать вид, что ничего подобного у Зощенко не было, значило бы исказить умолчанием большой этап его творческого пути.

До сих пор разговор шел о том, что представлено в предлагаемой книге. А теперь несколько слов о том, чего в ней нет. Не вообще, поскольку, разумеется, здесь отсутствует многое, не вошедшее и в трехтомник, просто по недостатку места (например, замечательный цикл рассказов о Миньке и Лельке, весьма широко известный, или же многоактные комедии), а по каким-то, что ли, более принципиальным соображениям.

Первоначально мне хотелось довести хронологию до конца, то есть до 1958 года. Но потом все-таки я решил оборвать там, где это сделал и составитель собрания сочинений, и сделал, по-моему, вполне оправданно. Ведь и впрямь, перед нами два совершенно разных Зощенко — до августа 1946 года и после него. И тот, второй, несмотря на прекрасный перевод романа Лассилы «За спичками» и несколько блестящих сцен в драматургических опытах, лишь бледная тень первого.

После того, как Зощенко сломали жизнь, растоптали его честь и достоинство, не давали печататься, а затем предложили попробовать себя в диковинном, противоестественном жанре «положительной сатиры», и он вынужден был пойти на это и вымучивать каждый рассказ; после всех подобных мытарств и унижений он уже не сумел по-настоящему подняться. За полгода до смерти он сам произнес в письме Корнею Чуковскому горькие слова: «А писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации».

Некоторые рассказы и фельетоны последнего периода были при его жизни напечатаны в журналах, некоторые из них вошли и в книги, которые легко получить в библиотеке. Так что при желании вы сможете сопоставить свое мнение с моим. Конечно же, все это должно быть представлено на страницах полного Зощенко, но здесь оно выглядело бы странно и инородно.

Газетный шарж, наклеенный в альбом «17 лет жизни М. Зощенко. 1916—33». Внизу — надпись: «Похоже. Но я красивей. М. Зощенко. Декабрь, 23, 29 г. М. Зощенко»

5.

Сложились некие каноны, которым уважительно следуют те, кто пишут о Зощенко и говорят при этом немало умного и интересного. Например, с тех пор как с легкой руки Евгения Замятина, благословившего Серапионов на самой заре их литературной карьеры, был пущен в оборот термин «сказ», приложенный к творческой манере сразу трех молодых авторов — Зощенко, Вс. Иванова и Никитина, его подхватили словно эстафетную палочку. К двоим он, правда, не привился, но зато был отыгран с виртуозными вариациями почти во всех работах по поэтике «советского Гоголя». Так что нет нужды лишний раз вторгаться в заповедные угодья академического литературоведения, вне зависимости от того, собираюсь ли я почтительно подбирать трофеи удачливых охотников или браконьерствовать. Не место для этого краткая вступительная статья.

Будем, учитывая документальный уклон собранного в томе материала, держаться ближе к фактам, с которыми имел дело Зощенко.

Долгое время Франц Кафка был для нас писателем крамольным. Он мог навести «простого советского человека», сознание которого стерилизовалось всей тупой мощью пропагандистского аппарата, на ненужные аналогии, на мысли о том, что и мы — покорные игрушки в руках некоей грозной и беспощадной системы, карающей за несовершенные преступления, жестко предопределяющей место каждого в ее структуре, регламентирующей любой шаг и поступок всякого, кто находится внутри нее. С нашим умением превращать слова, несущие в себе исключительно безоценочную информацию, в позорные клейма и ругательства мы припечатали австрийского гения кличкой «модернист», вложив в нее самый отрицательный смысл. Понадобились крутые перемены в идеологии, происшедшие в последние годы, чтобы обвиняемого превратили в союзника.

Осознанный нами абсурдизм собственного существования оттеснил в сторону даже мрачные фантазии Кафки или, если хотите, наполнил их нашим, вполне реальным содержанием. И, скажем, в газете ЦК КПСС «Советская культура» я читаю статью доктора исторических наук Алексея Кивы, в которой анализируются, применительно именно к нам, проявления «иррациональной общественной модели, работающей по своей собственной логике, но не в интересах человека» (1989. № 122. С. 3).

Но все-таки первой, и уже очень давно, об этом попыталась заговорить сатира. Конечно, она не могла позволить себе никаких обобщений, а когда нечто подобное проскальзывало, то добром для авторов это не кончалось. И если сатирико-философские фрески Андрея Платонова, «Собачье сердце» Михаила Булгакова или «Мы» Евгения Замятина смогли увидеть свет лишь сейчас, то «мелкие факты», подаваемые разрозненно, заполняли страницы юмористических журналов с самых первых послереволюционных лет. И для людей мыслящих не составляло особого труда, сложив их вместе, получить картину, страшную именно своей иррациональностью.

Однако это понимали и на командных высотах. Поле деятельности

Групповая фотография
из фонда писателя С. Марвича. ЦГАЛИ. Коктебель. 1937.
На обороте — надпись: «Сверху вниз и слева направо:
С. Марвич, рядом жена Слонимского М. — Ида Исаковна,
Леонтий Раковский, Толя Кучеров, Люба Стенич, сестра-хозяйка
Анна Игнатьевна, жена Марвича Мария, Тася Каплер,
жена Кучерова, Михаил Михалыч Зощенко,
Григорий Мирошниченко, его жена (справа), слева — Ия Лихарева,
Люся Каплер, директор „Дома"»

советских Ювеналов, достаточно обширное в двадцатые годы, когда Михаил Зощенко и его коллеги имели возможность печататься одновременно во многих журналах, когда на смену угасшему почему-либо очередному «сатирикону» тут же являлся другой, неуклонно сжималось, как шагреневая кожа, пока, наконец, к началу тридцатых не остался один-единственный «Крокодил». Впрочем, даже и на его тщательно контролируемых страницах можно было проследить за набиравшей силу абсурдностью бытия.

Конечно же, творчество Зощенко далеко выходит за рамки этого направления. И я обращаю на него сугубое внимание потому, что такова специфика данной книги, где и часть рассказов, погруженных в документальную среду, служит ее продолжением, художественным доказательством одного и того же тезиса.

В том мире, который возникает под пером писателя и который есть прямая проекция реальности, все перевернуто с ног на голову, переполнено нелепицами и несуразицами. В нем казенная бумага, будь то дурацкий ведомственный циркуляр или справка, выданная домоуправлением, заслоняет человека, превращает его в свое приложение, уничижая или вознося. Там можно всю жизнь держаться на плаву, ничего не зная и ничего не умея, кроме произнесения классово выдержанных речей. Или же внезапно оказаться в заколдованном кругу, когда в профсоюз не принимают, потому что ты работаешь у частника, а работать у частника ты не можешь, потому что не член профсоюза.

И правила социального поведения здесь свои, зазеркальные. Многократно проваливая дело, начальники думают не о том, как его наладить, а о подыскании убедительных для еще бóльших начальников причин, по которым оно находится в плачевном состоянии. Впрочем, и рядовые исполнители думают о том же. Здесь ценятся «почины», пусть и самые идиотические, лишь бы вокруг них устроить побольше шуму, вполне заменяющего результат. Обратите внимание на фельетон «Опасный поворот». Ей-богу, фантазии тех, кто подвиг своих подчиненных на битву с мухами, позавидуют самые изощренные мастера театра абсурда. Конкуренцию инициаторам этого начинания могли бы, пожалуй, составить лишь вдохновители давнего китайского эксперимента по уничтожению воробьев, когда каждому жителю страны, кроме грудных младенцев, предписывалось устрашающими птиц звуками не давать им присесть на ветку или на землю, чтобы они погибли от изнеможения.

Впрочем, что я вам рассказываю? Ведь вы жили и живете рядом, а не за тридевять земель, так что на личном опыте познали все, о чем писал Михаил Зощенко и о чем пишут сейчас иные Михаилы — Жванецкий и Задорнов. И давайте осознаем трезво и до конца: самое ужасное состояло в том, что, оказавшись во власти иррационального, мы именно его почитали нормой. «Значит, так н а д о», — говорили мы об очередном предписанном свыше бреде — и покорно впадали в него или, во всяком случае, делали вид, что впадаем. Ведь это из глубин нашего прошлого пришел горький анекдот, суть которого состояла в том, что в ответ на

Снимок из альбома «Зощенко М. М. 1931—1945».
Внизу надпись рукою Зощенко: «1940 г. Ленинград. Лето.
(Станция Ольгино.)
Рядом — Лидия Александровна Чалова»

заявление некоего руководящего лица о необходимости — в интересах государства — завтра повесить тех, кто его слушает, из толпы следовал вопрос: «А веревку с собой приносить, или там дадут?»

6.

Решите сами — совпадение это или закономерность, но в первой разгромной статейке 1923 года, которую я уже цитировал, имена Михаила Зощенко и Анны Ахматовой стоят рядом. Он, как вы помните, хотя слово еще впрямую и не произнесено, представлен пошляком, что спустя двадцать три года и было объявлено со всех государственных амвонов, а о ней сказано так: «И льются, льются бесконечные вариации на все ту же изжеванную тему будуарной поэзии: любовь, ревность и тоска, тоска. Пять с лишним лет революции прошли над Ахматовой, не задев даже ее великолепной прически». Ну чем не «блудница», как припечатал ее товарищ Жданов А. А. в своем красочном докладе, добавив еще для полноты картины, что «блуд смешан с молитвой».

Анне Андреевне Ахматовой довелось пережить многих своих друзей, загубленных режимом. У нее есть стихи, посвященные памяти расстрелянного Бориса Пильняка, мучившегося от вынужденного безгласия Михаила Булгакова, сгинувшего в магаданском лагере Осипа Мандельштама... Есть и стихотворение «Памяти М. М. Зощенко», написанное в Комарове в год его смерти, том самом Комарове, на кладбище которого спустя семь лет нашла последнее успокоение и она сама. Вот оно:

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

Ветры с залива оплакивают их обоих: от Комарово до Сестрорецка, где похоронен Михаил Михайлович Зощенко, всего километров пятнадцать.

Я никогда не видел ни его, ни ее, не видел, хотя и мог бы, потому что во второй половине пятидесятых годов взял обширные интервью почти у всех крупных писателей. Но вот именно, что «почти». К Ахматовой и Зощенко ни одна редакция меня не направляла. Сам же я, как и большинство из нас, был сыном своего времени, то есть всего-навсего послушным исполнителем вышестоящей воли. А поздние сожаления — кому они нужны?

Однако, как опять-таки многие, я любил их. Но любовь свою теперь приходится приносить не живым, а мертвым. Каждый год, вот уже десятка полтора лет, отшагав вместе с другими такими же по длинной комаровской дороге, замкнутой двумя шеренгами сосен, к местному погосту и покло-

Сороковые годы.
Снимок из фонда Виктора Ардова. ЦГАЛИ

нившись праху Ахматовой, мы с женой отправляемся в Сестрорецк. Автобус останавливается невдалеке от кладбища, возле ограды которого, как и всюду в таких местах, сухонькие старушки торгуют нехитрыми цветами, искусственными розочками и рассадой.

Поддержав их коммерцию, мы идем по знакомой дорожке почти в самый конец кладбища, постепенно взбираясь вверх, на дюну, и подходим к скромной ограде. Тихо. Шум машин с шоссе доносится сюда легким успокоительным шорохом. Изредка внизу прогремит электричка — и снова шелестящая тишина.

Когда мы пришли впервые, здесь, внутри ограды, была одна могила с небольшой вертикальной плитой, на которой выбиты имя и даты жизни. Теперь их три: рядом примостились жена и сын. Место это всегда ухожено — и нужно только полить цветы да посадить новые. Если посидеть немного на скамейке, то обязательно увидишь кого-то, кто, как и мы, кладет свой букетик к изножию плиты. В последний раз мы видели молодую пару, для которой Зощенко — далекое прошлое, где сами они не существовали. Просто великая тень в ряду других великих. Они положили свои незабудки, постояли, помолчали и как-то очень деликатно исчезли.

С залива и в самом деле дул легкий бриз, в котором только поэт мог расслышать ноты плача...

М. Долинский

ДОКУМЕНТЫ

МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИЧЕСКОЙ
ХРОНИКЕ

Название раздела точно соответствует его содержанию. Читатель сразу же должен понять, что здесь есть, а чего нет. Есть, чаще всего в выдержках, именно — и только — документы: письма, дневниковые записи, стенограммы собраний, интервью, газетная хроника, рецензии на отдельные произведения и сборники рассказов, написанные сразу же по их выходе, даже канцелярские справки. Нет — цитаций из статей обобщающего характера, охватывающих целые периоды в творчестве Зощенко или все его целиком. Во-первых, хотя они и принадлежат своему времени и в этом смысле могут вплестись в хронологическую канву, ретроспективность, им свойственная, нарушила бы ход событий, то есть структурный принцип монтажа, избранный как основополагающий. Во-вторых, это потребовало бы значительного увеличения объема, что практически являлось неосуществимым. Нет — мемуаров, пусть и причисленных к документальной прозе, но все-таки написанных много позже, по памяти, преимущественно без точных дат. Здесь же — лишь прижизненный материал.

Жаль, конечно, что пришлось опустить такой солидный массив интереснейших текстов. Недавно, скажем, беседуя с Еленой Ржевской, Георгий Владимов вспомнил впечатляющий эпизод. «Мою мать, — сообщил он, — в 1952 году арестовали „за разговоры", готовилось и на меня дело, да смерть Сталина его пресекла. Дело это тянулось из 1946 года, когда я, пятнадцатилетним суворовцем, прочтя постановление о журналах „Звезда" и „Ленинград", явился на квартиру к Михаилу Зощенко выразить ему сочувствие» (Московские новости. 1989. № 4. 22 января. С. 16).

Или же случай, описанный переводчиком Ф. А. Гариным и относящийся к 1953 году. Однажды он сидел в номере гостиницы «Москва» у молдавского писателя И. Канны — и вдруг раздался стук в дверь. Вошли двое — сатирик Е. Весенин и Зощенко, который, прочитав в «Крокодиле» несколько рассказов Канны, захотел с ним познакомиться и попросил Весенина представить его.

«Завязалась беседа, длившаяся несколько часов. Михаил Михайлович рассказал о трудных годах, проведенных им в Ленинграде после того, как его и А. Ахматову незаслуженно и оскорбительно „высекли", как он выразился, в постановлении ЦК партии. Рассказывая, Зощенко мял в руках кепи. Как оказалось, А. Фадеев позаботился, чтобы Литфонд выдал писателю пособие, и на полученные деньги Зощенко первым делом купил себе кепи. <...>

— Как же вы жили все эти годы? — допытывался Канна.

— По утрам я находил в своем почтовом ящике денежные купюры от неизвестных людей. Я никогда не думал, что народ нас так любит.

— Почему нас?

— Ведь Анна Андреевна Ахматова точно так же получала „пособие"» (ЦГАЛИ, 2839, 1, 177, л. 3).

Я больше ни разу не встречал подобного и не знаю, как к этому отнестись — как к апокрифу или же как к факту. Но даже и в первом случае краткая заметка Гарина представляется любопытной. Однако принцип есть принцип — и мемуарные свидетельства остались за границами раздела.

Следует обязательно оговорить, что он, этот раздел, далек от полноты. Документов существует, как минимум, на порядок больше, чем приведено в нем. Они в общей сложности могут составить несколько томов. И конечно же, отбор был труден. Вполне возможны упреки, что я пропустил то-то и то-то, слишком усиленное внимание уделил одному в ущерб другому. Заранее их принимаю и признаю, что был субъективен. Но — отнюдь не в оправдание — хочу пояснить, чем же я все-таки руководствовался.

Мне хотелось прежде всего, чтобы литература и жизнь шли в едином потоке, как это и происходит в действительности, где все неразрывно связано и взаимозависимо — вдохновение и гонорары, творческое подвижничество и бытовые неурядицы, идеологические постулаты и выбор писателем тематики, цены на продукты и политические страсти, а также многое-многое другое, что определяет и облик общества, и бытование в нем художника. Вот почему я старался монтировать разнофактурный материал, не чураясь резких стыков.

Столь же необходимо было представить Михаила Михайловича Зощенко в самых разных его ипостасях, определявшихся в равной мере личностными качествами, талантом, особенностями мировосприятия и меняющимся временем. Мною руководило желание, чтобы и вы отнеслись к нему так же, как отношусь к нему я, — не только как к великому писателю, но и как к замечательному человеку.

Здесь почти нет комментария, только самые необходимые уточнения. Но роль бесстрастного летописца все же не удалось выдержать до конца: в нескольких местах я дал волю чувству, за что и прошу прощения.

И последнее. В разделе «Комментарий и дополнения» даются автобиографии Зощенко, написанные в разные годы, — от первой шутливой до обстоятельной последней. Из них можно почерпнуть сведения о жизни писателя до 1921 года, с которого начинается эта подборка [1]. Там же — список источников, сокращений и пояснения текстологического характера.

[1] Более подробное знакомство с документами этого — раннего — периода дают публикации Ю. В. Томашевского в «Вопросах литературы» (1973. № 10), «Новом мире» (1984. № 11), В. В. Зощенко в сборнике «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников» (1981), монография М. О. Чудаковой «Поэтика Михаила Зощенко» (М.: Наука, 1979).

1921

2 мая. М. Л. Слонимский — А. М. Горькому. Многоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, посылаю Вам две рукописи: М. Зощенки — рассказ «Старуха Врангель» и свой рассказ. Зощенко — новый Серапионов брат, очень, по мнению Серапионов, талантливый. (ЛН, 70. С. 375.)

5 мая. Горький — Слонимскому. Рассказы Зощенко и Ваш я прочитал — мне очень хотелось бы побеседовать с ним и с Вами по этому поводу. (Там же.)

24 мая. Из дневника К. И. Чуковского. Вчера вечером в Доме искусств был вечер <...> с участием Ремизова, Замятина — и молодых: Никитина, Лунца и Зощенко. Замятин в деревне — не приехал. Зощенко — темный, больной, милый, слабый, вышел на кафедру (т. е. сел за столик) и своим еле слышным голосом прочитал «Старуху Врангель» — с гоголевскими интонациями, в духе раннего Достоевского. Современности не было никакой — но очень приятно. Отношение к слову — фонетическое. <...> «Не для цели торговли, а для цели матери» — очень понравилось Ремизову, к-рый даже толкнул меня в бок. Жаль, что Зощенко такой умирающий: у него как будто порвано все внутри. Ему трудно ходить, трудно говорить: порок сердца и начало чахотки. (ЛП. С. 497—498.)

28 мая. Из дневника Чуковского. Вчера, в воскресение, были у меня вполне прелестные люди: Серапионы. <...> пришли два Миши: Миша Зощенко и Миша Слонимский. Зощенко темный, молчаливый, застенчивый, милый. Не знаю, что выйдет из него, но сейчас мне его рассказы очень нравятся. <...> Все Серапионы говорят словечками его рассказов. «Вполне прелестный человек», «блекота» и пр. стало уже крылатыми словами. Он написал кучу пародий, — говорят, замечательных. К Синебрюхову он нарисовал множество рисунков. (Там же.)

Июнь. М. М. Зощенко — В. В. Зощенко. Денег у меня нету. Достать их раньше как через неделю не смогу. Об этом нужно было раньше думать. И потом: ты только переехала (на дачу. — *М. Д.*). Я думаю, достаточно хозяевам пока половины цены. Мне вот сейчас нужно платить 6 тысяч за дрова. Черт их знает, откуда достать, придется продать крупу или селедки. Хлеб я получу в

понедельник, только во вторник приеду сам. Твой же хлеб выслал тебе. Если нужно, могу прислать крупы. Напиши. Посылаю порошок для мальчика (недавно родившегося сына. — *М. Д.*) и книги. Все остальное: корыто, блузки, костюм, хлеб привезу сам. Пока целую. Мих. <...> Поцелуй мальчика. Мих. Во вторник побранимся. (НМ, 84. С. 223.)

1 июля. Зощенко — В. В. Зощенко. Пущено июля 1 дня. С совершенным своим решпектом посылаю Вам, жена моя Вера, один малый куверт песку — сахарного рефинада, другой малый куверт, но побольше — белой вермишели и вовсе малый оковалок свинины. Оные съестные припасы питания получены мною добавочным образом из ученого дома в размере от руки ниженаписанного: *песку рефинадн.* — 5/8 (фунта. — *М. Д.*); *белой вермишели* (оную вермишель вкусно уваривать в коровьем молоке) — 1 ф.; *крупы* с крысиным пометом — 2 ф.; *оковалок кабана* некрупного зело с костьми и со сбоем — 1 1/2 ф. Сие все окромя протчей съестной рухлядишки и курительного табаку. Впредь выдача припасов приостановлена, дондеже <...> разрешения не получил. Но и сие нужно пока держать в селенсе, дабы пашквиль и кривотолки не случились.

Засим предваряю Вас, што жизнь в Санкт-Петербурхе премного слаще в холостом образе, чем в женатом, и даже жизнь эта сладчайшая. Так вчерась случилось посетить театр, где усладил слух и зрение отменной музыкой и позорищем комедиантов и плясунов. И так сие встряхнуло младые годы, годы даже вьюношеские, што буде случится машкерад, пребуду и в машкераде.

Сапоги же Ваши изготовлены весьма изрядно, и оные сапоги во избежание покражи содержатся мною за картиной родной Вашей бабушки, што висит в углу красной гостиной комнаты. Засим до свидания — куранты бьют пять пополудни. Повелеваю пребыть Вам и семье нашей в добром здравии. Супруг Ваш Михаил, он же кавалер ордена Обезьяньего Знака. (А. М. Ремизовым была основана шутейная «Обезьянья великая и вольная палата», куда зачислялись люди, близкие сердцу писателя. В Обезвелволпале состоял, например, Александр Блок. Туда же Ремизов ввел и Зощенко после того, как услышал рассказ «Старуха Врангель». Каждому члену палаты вручался «Обезьяний Знак» — рисунок Ремизова. — *М. Д.*) (Там же.)

31 октября. Запись в альбоме З. А. Никитиной (жены серапиона М. Э. Козакова, ей было в то время 19 лет. Высококвалифицированный литературный редактор, работала в журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы»).

...— На каком языке, любопытно, говорить будут?.. Границ нет... Кругом интернационал...

— Пожалуй что на русском. Все-таки Россия первая начала это дело, первая пострадала — ей и почет.

— Это верно... Только вот как немцы? Немцы-то воспротивятся... Гордая нация... «Позвольте, скажут, почему же не на немецком...» Войну еще объявят... Скверная нация... Очень скверная, черт Побери их душу.

М. Зощенко. (2533, 1, 471, л. 5.)

1 декабря. Изд-во «Картонный домик» выпускает книгу молодого беллетриста М. Зощенко «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова». (ЛДЛ. № 3. С. 9.)

1922

15 января. Нас просят сообщить, что книга рассказов Михаила Зощенко — «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» — выйдет не в издательстве «Картонный домик», как предполагалось, а в издательстве «Эрато». (ЛДЛ. № 1—2. С. 9.)

16 января. Зощенко — А. К. Воронскому (редактору «Красной нови»). Вы, конечно, правы: тон моего рассказа («Любовь». — *М. Д.*), это точно, не идет Вашему журналу. Но только это не контрреволюция, это я просто размахнулся на большее, чем нужно. Впрочем, я не оправдываюсь. Я только хочу Вам сказать, что «для удовольствия белой печати» не писал и писать не хочу — пишу так, как есть. А если и выходит иной раз с душком — такова жизнь, а не я. (ЛН, С. 553.)

22 февраля. Из статьи Сергея Городецкого «Зелень под плесенью (Литературный Петербург)». <...> идеологически пустое место представляет собою <...> отличный рассказ Зощенко о конокраде Гришке Жигане (в «Петербургском сборнике». — *М. Д.*). (Изв. № 42. С. 3.)

Март. В феврале истек год со дня основания в Петрограде литературного общества «Серапионовы братья». За этот год общество устроило 50 закрытых литературных вечеров, на которых «братьями» были прочитаны и подвергнуты критическому разбору новые произведения членов общества. Кроме этих закрытых вечеров молодые беллетристы (М. Зощенко, Вс. Иванов, Л. Лунц, Ник. Никитин, Мих. Слонимский, Конст. Федин и др.) выступали в Доме искусств и в Доме литераторов в публичных живых альманахах. (НК. № 1. С. 25.)

Апрель. Из статьи Воронского «Литературные отклики». Последние месяцы характерны появлением именно художественной прозы. Б. Пильняк, Всев. Иванов, Ник. Никитин, А. Яковлев, Константин Федин, Мих. Зощенко <...> начали печататься, и их имена все чаще и чаще встречаются в сборниках, журналах и отдельных изданиях. При всем различии в характере их творчества, есть у них всех много общего: они вышли из революции, пережили ее, стремятся каждый по-своему ее отобразить, их тянет к быту, к современности, к недавним дням. Их реализм причудливо порой

переплетается с Гофманом, — это потому, что в нашем быту так много страшного, фантастического, невероятного, не укладывающегося в нормальные рамки. <...> Почти все «молодые» подражают кому-нибудь. В рассказах Пильняка нередко чувствуется А. Белый, у Лидина — Бунин, у Всеволода Иванова — М. Горький, у Ник. Никитина — Замятин и Ремизов, у Зощенко — Замятин и Лесков и т. д. Это понятно, так было — так будет, и не опасно, так как у большинства своя достаточно выявленная индивидуальность. Да и влияние чисто внешнее, формальное. (КН. № 2. С. 270, 271.)

Май. Выходит альманах «Серапионовы братья», в котором напечатана «Виктория Казимировна» — вторая часть из «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова».

25 мая. Из статьи Е. И. Замятина «Серапионовы братья». Зощенко, Вс. Иванов и Никитин — «изографы», фольклористы, живописцы. Новых архитектурных, сюжетных форм они не ищут <...>, а берут уже готовую: сказ. Зощенко применяет пока простейшую разновидность сказа: от первого лица. Так написан у него весь цикл «Рассказов Синебрюхова». <...> Отлично пользуется Зощенко синтаксисом народного говора: расстановка слов, глагольные формы, выбор синонимов — во всем этом ни единой ошибки. Забавную новизну самым стертым, запятаченным словам он умеет придать ошибочным (как будто) выбором синонимов, намеренными плеоназмами («пожить в полное семейное удовольствие», «на одном конце — пригорок, на другом — обратно пригорок», «в нижних подштанниках»). И все-таки долго стоять на этой станции Зощенко не стоит. Надо трогаться дальше, пусть даже по шпалам. (ЛЗ. № 1. С. 7.)

12 июня. Зощенко — Воронскому. Тов. Воронский, а ведь Вы меня совсем забыли. Даже не ответили, где пойдет «Любовь». (Воронский рассказ так и не напечатал. Он появился в № 9 «Литературной недели». — *М. Д.*) Может быть, Вы не получили моего письма, где я пишу: «Можно еще кое-что почирикать». Если Вы сомневаетесь, напечатать ли этот рассказ или нет, то лучше не стоит печатать. Право, может, и на самом деле там кое-что этакое... А мне этого не хочется. Если же печатать рассказ Вы все-таки решили, то пришлите мне, пожалуйста, денег. Очень нужно. <...> *Если же печатать не будете* (печатать его, кроме как у Вас, я не буду), то ответьте. *Денег же не высылайте,* а вышлите, как только я пришлю Вам новый рассказ. Я вот на днях собрался Вам посылать, да деньги понадобились срочно — продал в «Петроградскую правду», в газету (Веселая жизнь». Напечатан там 25 июня. — *М. Д.*). А это не интересно. (ЛН, 93. С. 565.)

Июль. Издательство «Эрато» выпустило 1-ю книгу рассказов молодого талантливого беллетриста, «бытописателя революции» Мих. Зощенка, произведения которого печатались в «Красной

нови» и других периодических изданиях и сборниках и который входит в литературную группу «Серапионовы братья». Вышедшая книга Зощенки носит название «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова». (НК. № 3. С. 25.)

1 августа. Напечатана автобиография «О себе, об идеологии и еще кое о чем» (см. «Комментарий и дополнения»).

19 августа. Горький — Слонимскому. На днях достал и прочитал «Серапионовы братья» — альманах. Очень хорош Зощенко, как всегда интересен Зильбер (Каверин. — *М. Д.*) — оригинальнейший писатель, сильно написал Лунц, — излишне хвалить Иванова. Сила какая! (ЛН, 70. С. 378.)

Начало сентября. Горький — К. А. Федину. С трепетным нетерпением жду книжку Зощенка. (Там же. С. 470.)

24 сентября. В. А. Каверин — Горькому. Серапионы <...> все здоровы, у Федина родилась дочка. Все пишут. Миша Слонимский выпустил книгу «6-й стрелковый». Лунц написал очень интересную трагедию «Бертран де Борн». Зощенко написал «Записки офицера» (рукопись была вскоре, по воспоминаниям Каверина, уничтожена автором. — *М. Д.*), словом, все работают на совесть. (Там же. С. 171.)

Октябрь. Из рецензии Н. Асеева. <...> фактура рассказов достаточно однообразна, фабула — анекдотична, а затраченное на прочтение рассказов время не оправдано ни внутренним, ни внешним их мастерством. <...> Приходится предположить, что «Рассказы Синебрюхова» — оселок, на котором пробует дарование молодой автор. Но в таком случае ни в печать, ни в продажу эти первые шаги пускать ни в коем случае не следовало бы. (ПИР. № 7. С. 316.)

Декабрь. Из рецензии Воронского. Синебрюхов — жаден, животен, хитер, туп, жалок и смешон. И рассказано про него автором хорошо; свежий, сочный, молодой язык, — удачная в общем стилизация разговорной речи людей с растеряевых улиц, легкость и занимательность сюжета, — жалость и негодование, просвечивающие сквозь смех по поводу несчастной жвачности Синебрюховых. <...> Зощенко идет от Лескова и Гоголя. Это — хорошие учителя. <...> Тема о Синебрюховых очень своевременна. Только нужно уметь по-настоящему связать ее с нашей эпохой <...>. Иначе будут получаться либо недоговоренности и неопределенности, либо безделушки и бонбоньерки, либо прямо контрреволюционные вещи. У Зощенко есть неопределенность <...>.

Сатира и смех теперь нужны, как никогда, и о Синебрюховых нужно писать, но пусть читатель чувствует, что частица великого революционного духа бьется в груди писателя и передается каждой вещи, каждой странице. А для этого с вершин, с вершин эпохи нужно смотреть, а не копошиться в мелкостях одних и «блекоте». М. Зощенко одарен. Субъективно он близок к нам, большевикам,

он молод. Зощенко не стоит на месте. У него есть вещи еще лучше, чем рассказы Синебрюхова: «Коза», «Лялька Пятьдесят», «Любовь». Следует поэтому относиться к нему внимательней и строже. А в какой партии Гучков (см. первую автобиографию. — *М. Д.*), все-таки знать следует, а то может получиться неприятность, горшая во сто крат, чем от предложения подняться на вершины. (КН. № 6. С. 344.)

29 декабря. Н. Н. Никитин — Воронскому. Сижу у Зощенки — только что рассказал ему содержание моего письма в пункте о Замятине. Видим — огромную ошибку каждого, кто обязательно приклеивает к нам замятинский ярлычок. Мы не обороняемся, а напоминаем, что Замятин своей статьей о Серапионах <...> создал из себя мэтра. Это неверно по существу и отчасти неверно формально. <...> Зощенко говорит — что мы не связаны с ним <...> одной кровной идеей. Это не тот учитель, от каждой новой вещи которого ждут откровения. (ЛН, 93. С. 577.)

1923

Начало апреля. Слонимский — Горькому. Серапионы все живы и здоровы. Плотное ядро — Лева (Лунц. — *М. Д.*), Зощенко, Федин, я, Тихонов. Срослись и не разойдемся. (ЛН, 70. С. 386.)

21 апреля. Из рецензии А. Ин. на первую книгу альманаха «Круг». Повесть Мих. Зощенко «Коза» написана с теплым юмором, рисует излюбленного автором героя — современного советского мещанина, одного из тех ничтожных, кому имя легион. (ЛЕ. № 16. С. 7.)

18 мая. Запись в альбоме А. И. Ходасевич (второй жены В. Ф. Ходасевича). **Из синебрюховских настроений.** Жизнь штука, прямо скажу, подлая. Нет, больше. В жизни есть особенная, окаянная подлость. Заметьте, Анна Ивановна, — если на пол падает хлеб, намазанный маслом, то он непременно падает маслом. Мих. Зощенко. (Вольная цитата из рассказа «Мадонна». — *М. Д.*) (537, 1, 127, л. 105.)

26 мая. Из статьи студента Зиновьевского университета Ф. Левина, посвященной вечеру в клубе университета — устному альманаху «Серапионовых братьев», в котором участвовала и А. А. Ахматова. Прообраз гласных политических доносов, ставших вскоре неотъемлемой приметой нашей жизни. Статья называлась «Ушей не спрятать...». Убей меня бог бутылкой рома, никак не пойму. Как будто в тот момент, когда написала Ахматова свое первое стихотворение, сказал «Некто в сером» (персонаж пьесы Леонида Андреева «Жизнь человека». — *М. Д.*) — «Время — остановись!» И стало все, и с тех пор стоит все... Так же чопорно сжаты губы, так же певуче дрожит голос, так же исходят от нее духи французские, не то «Шипр Коти», не то «Убиган». И льются,

льются бесконечные вариации на все ту же изжеванную тему будуарной поэзии: любовь, ревность и тоска, тоска. Пять с лишним лет революции прошли над Ахматовой, не задев даже ее великолепной прически. Скучно... и смешно. <...>

А вот и Зощенко. С лицом заматерелого провинциального комика, без единой улыбки читает он свои смешные рассказы. Что ж? Смешно. И то хлеб, как говорится. Но не рассказы это все, а просто анекдоты, вроде аверченковской юмористики, только, пожалуй, еще сортом ниже. А один его рассказик так и прямо с тенденцией. Это — «Карусель». Явная насмешка над бесплатностью. <...> (Дальше в статье говорится о Замятине, также выступившем т а м , — «сплошное издевательство над революцией», после чего ретивый студент переходит к о б о б щ е н и я м. — *М. Д.*) И в конечном итоге умилительный, трогательный блок узколобого мещанства с черной реакцией, блок, прикрытый дешевыми фразами об отсутствии идеологии, тенденции, точки зрения. Но этот номер не пройдет. Ослу не спрятать своих ушей. (ЛЕ. № 20—21. С. 11—12.)

9 июня. Из рецензии А. С. (А. Свентицкого) на сборник Зощенко «Рассказы», озаглавленной «Синебрюховщина». Этот навязчивый образ, как какая-то недотыкомка (образ-символ из романа Федора Сологуба «Мелкий бес», означающий все дурное в ч е л о в е к е. — *М. Д.*), чувствуется почти везде, но, как ни досаден, как ни однообразен анекдотический характер рассказов, все же некоторые читаются с неослабевающим интересом. Описание живо, сюжет развивается мастерски, образы колоритны. Надо пожелать автору быстрого и решительного разрыва с чаевничающим Назаром Синебрюховым. Непонятно — к чему такое постоянство? (ЛЕ. № 23. С. 15.)

20 июля. Федин — Л. Н. Лунцу. Письма твои читают все. Отвечать предоставляют мне. Я польщен, но полагаю, что Зощенко, Тихонов, Полонская и Каверин — йоркширские свиньи. Впрочем, не теряй надежды. Зощенко всерьез считает свою работу в юмористических приложениях стоящей. (Каверин. ВД. С. 40.)

9 октября. Каверин — Лунцу. Зощенко уединен, молчалив попрежнему и много халтурит. (Каверин. Л-р. с. 13.)

Середина октября. Зощенко — Лунцу (из коллективного письма Серапионов). После Федина невозможно писать. Федин романы пишет. После него мой стиль пропадает. Левушка! Целую нежно и все такое. А сын мой, Валька, умеет говорить «Люнц». Миша Зощенко. (Каверин. ВД. С. 46.)

22 октября. Лунц — Зощенко и Слонимскому. Зощенко, милый! Помнишь, когда я в прошлую зиму болел, ты часто приходил ко мне, садился в кресло, курил м а х о р к у, — и мы чесали языки, как старые бабы: сплетничали. Лежал я тогда в конуре, паршиво было и грязно, но было душевное, скажем, утешение в лице друзей

и знакомых. А тут лучшая в Европе больница (Лунц пишет из Гамбурга; он умер там 8 мая следующего года. — *М. Д.*), и хоть помирай с тоски. <...> И даже ругаться с тобой согласен, лишь бы посмотреть на тебя. Немного таких, о которых так тоскую, — я эмигрантским нытьем пока не заразился. Говорят, у тебя вышли юмористические рассказы. Пришли, если можно. Ты помнишь, я их ценил очень и, в противовес многим, отнюдь не видел в этом умаления таланта. Плюнь на мудрых хулителей — им только Достоевского и подавай — просто смеяться не умеют. <...> Валерию скажи, что «Люнц» кланяется. Поцелуй ручку супруге. (Там же. С. 51.)

Октябрь. Н. С. Тихонов — Лунцу. Миша Зощенко — маститый и почтенный, горд и по-прежнему томен. Сын его уже знает, сколько стоит червонец ежедневно. Он отец серьезный. Пишет большую повесть. Не знаю, что выйдет. (Там же. С. 49—50.)

2 ноября. Слонимский — Лунцу. Я хожу в галошах и шубе, ставлю градусник, не признаю спиртных напитков, работаю — а Миша Зощенко вваливается ко мне в 3 часа ночи с кепкой на затылке, приплясывает, напевает что-то нечленораздельное и рассказывает о своих многочисленных романах. Я слушаю, как ты: снисходительно и научно. (Там же. С. 52.)

4 ноября. Из статьи А. Свентицкого «Октябрь в литературе» — раздел, озаглавленный «Ничего не произошло». Что же увидели Серапионы в революции? Вот М. Зощенко. Страшно не то, что он «работает», как любят о нем теперь говорить некоторые критики, «под Лескова» или «под Лейкина», как утверждал это кто-то, не имея ровно никаких оснований. Пусть пишет, ибо всякий художник, тем более молодой, связан властью литературной традиции, зависит от тех, кто творил до него. А страшно, что он видит в жизни, такой «пафосной» и напряженной, только ползучее, маленькое-маленькое, мизерное и пришибленное. (Собственно, «разоблачители» Зощенко в 1943, 1946 и 1954 годах ничего нового не выдумали. Все обвинения уже прозвучали задолго до того — и разница лишь в употреблении позднейшими негодяями грязной брани, от которой предшественники из двадцатых годов старались все же воздерживаться. — *М. Д.*)

Творческий аппарат Зощенки устроен таким образом, что, например, как «у помойной ямы стояла коза безрогая» и что «вымя у ней до земли», он заметил, что «вида поп никакого не имел и при малом росте — до плечика матушки — совершенно рыжая наружность» — тоже отметил. Но что в жизни произошли какие-то небывало огромные события, что была революция — этого он не приметил, творчески не ощутил. <...>

Для М. Зощенко — человек до Октября тот же, что после Октября. Он так долго и внимательно рассматривал козу, что не успел вглядеться в мир революции, а если бы посмотрел, то увидал

бы, что нет старого гоголевского Башмачкина, что человек-то изменился: тот да не тот, стало быть, новый человек родился — вот что главнее всего и что не ощутил своим творчеством писатель. Но не один Зощенко, так думают и другие Серапионы. (ЛЕ. № 43. С. 8.)

14 декабря. Каверин — Лунцу. Зощенко замкнулся в себе, упорно ищет нового пути для работы и недавно прочел прекрасный рассказ «Мудрость». Стилистически необыкновенно тонко. (Каверин. Л-р. С. 15.)

1924

14 января. Каверин — Лунцу. Мы довольно симпатично встретили Новый год. <...> Пели частушки, сочиненные Юрием (Тыняновым; в третьей строке речь идет о М. Слонимском. — *М. Д.*). <...>

Эх, который Михаил
Десять дам покорил?
Тот, который с круглым глазом
Иль который пишет сказом?

(Там же. С. 17.)

27 января. Из отзыва, подписанного инициалами В. А. Богатый, образный русский язык, полное владение сюжетом, великолепно вычерченные типы даже мелких действующих лиц — все заставляет думать, что писательское будущее у Зощенко обеспечено. (Нак. № 22. С. 7.)

1 февраля. Зощенко — Лунцу. Левушка, милый, самый хороший человек в моей жизни. Целую тебя нежно и... на днях пишу тебе обширное послание. Если не напишу — подлец я и последняя собака... Последняя собака Зощенко. (2578, 1, 23. — Каверин. ВД. С. 61.)

10 февраля. Из статьи «Михаил Зощенко» Романа Гуля. «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь?» Но подобных вопросов наверняка не задает себе Зощенко. Это — чужое. Молодые ведь все — безвопросники. Отсюда и бестрадиционность юмора — освобождение голого смеха — типичная черта письма Зощенко. <...> Не беда, что над всем смеется. И грустить не умеет. Такая уж молодежь пошла. — «Смеется и причин уважительных нету». Важно другое — важно, как смеется Михаил Зощенко. А смеется он очень талантливо. (Нак. № 34. С. 2—3.)

16 июля. Федин — Горькому. Зощенко вынужден по-прежнему писать для юмористических журналов. Это ему, очевидно, вредит, он устал, износился. В книгу, которую он вскоре выпускает, войдут два новых рассказа в духе «Аполлона и Тамары» — сентиментальные и немного стилизованные. (ЛН, 70. С. 474.)

Середина года. В сборнике «Литературная Россия» публикуется краткая автобиография Зощенко (см. «Комментарий и дополнения»).

1925

Февраль — март. Б. Л. Пастернак — Тихонову. Как Вам понравился «Ковш»? (Книга первая. В ней напечатана повесть Зощенко «Страшная ночь». В числе авторов альманаха Б. Пастернак, Н. Тихонов, А. Толстой, Л. Леонов, В. Каверин, А. Гайдар, О. Мандельштам, П. Антокольский, К. Вагинов. — *М. Д.*) Сидели, сидели, все-таки кое-что высидели — сразу же обрушилось на нашу голову, что это контрреволюция и проч. В общем, старая история. (ЛН, 93. С. 674.)

31 марта. Горький — Слонимскому. Зощенко — смелее Вас, и этим — хорош. Его рассказ («Страшная ночь». — *М. Д.*) и заставляет ждать очень «больших» книг от Зощ. В его «юморе» больше иронии, чем юмора, а ирония жизненно необходима нам. Он обещает стать мастером. Как его здоровье, как он живет? (ЛН, 70. С. 387.)

17 сентября. Горький — Федину. Если последний (Зощенко, напечатавший в альманахе «Ковш», кн. 2, повесть «О чем пел соловей», по поводу которой и пишет Горький. — *М. Д.*) остановится на избранном им языке рассказа, углубит его и расширит, наверное можно сказать, что он создаст вещи оригинальнейшие. Люди, которые сравнивают его с Лесковым, ошибаются, на мой взгляд, Зощенко заряжен иначе, да и весь — иной. Очень хорош. (Там же. С. 497.)

Октябрь. Письмо в редакцию. Деловое предложение. Предлагаю редакции журнала «Бегемот» устроить конкурс на лучшего фельетониста этого журнала и получившему большинство голосов дать премию. Больше всех мне нравятся фельетоны Мих. Зощенко. С. Никонова.

Ответ. Конкурс на лучшего фельетониста объявлять, конечно, не будем. Все фельетонисты у нас лучшие, один другого хлеще. Да и скромности все необычайной. Иному присудишь премию, а он ее и не возьмет, застыдится. А вот мнение наших читателей о журнале нас, действительно, очень интересует. Поэтому с ближайшими номерами «Бегемота» мы разошлем специальные опросные листки: «Что нравится или не нравится в „Бегемоте"». (Бегемот. № 39. С. 15.)

К № 50 и в самом деле была приложена анкета «Кто нравится, а кто не нравится в „Бегемоте"?». Ее повторили в № 8 и 31 за 1926 год, но результатов опроса читатели так и не дождались.

1926

25 января. Из дневника Чуковского. Приехал сюда Мейерх. повидаться с Ленинград. писателями, дабы заказать им пьесы. Заказал Федину и Слонимскому, но с Зощенко у него дело не вышло. Зощенко (которого Мейерхольд как писателя очень любит) отказался придти к Мейерхольду и вообще не пожелал с ним знакомиться, сославшись на болезненное свое состояние.

Это меня так взволновало, что я в тот же день отправился к Зощенко. Действительно, его дела не слишком хороши. Он живет в Доме искусств одиноко, замкнуто, насупленно. Жена его живет отдельно. Он уже несколько дней не был у нее. Готовит он себе сам на керосинке, убирает свою комнату сам и в страшной ипохондрии смотрит на все существующее. «Ну на что мне моя „слава", — говорит он. — Только мешает! Звонят по телефону, пишут письма! К чему? На письма надо отвечать, а это такая тоска!» Едет на днях в провинцию, в Москву, в Киев, в Одессу (кажется) читать свои рассказы, — с ним вместе либо Лариса Рейснер, либо Сейфуллина, — и это ему кажется страданием. Я предложил ему поселиться вместе зимой в Сестрорецком курорте, он горячо схватился за это предложение. (ЛП. С. 498—499.)

6 февраля. Зощенко — Слонимскому. Дорогой Миша, передай мои извинения всем товарищам за то, что я не был 3 числа в Доме печати (на вечере, посвященном пятилетию «Серапионовых братьев». — *М. Д.*). Я был в Детском и не мог приехать. Кроме того, все это время у меня плохое сердце. Вчера я даже послал телеграмму в Харьков, в Одессу и в Москву с отказом от выступления. <...> Если говорить правду, то сердце у меня не так уж плохое, даже хорошее, но просто ужасно не хотелось и не хочется выступать. Ты, надеюсь, меня понимаешь. Так пущай «серапионы» меня простят. Целую тебя. Твой Зощенко. (Восп. С. 118.)

25 апреля. Зощенко — Эмилю Кроткому (Э. Я. Герману). Все время у меня искреннее желание работать в «Бузотере» и, между тем, третий месяц не работаю. То болезни, то всякие обстоятельства мешают. Позавчера я вернулся из Харькова. Ездил читать. Приехал совершенно больной. А перед этим лежал 2 месяца в санатории — думал, что поправился окончательно. Черт меня дернул поехать в Харьков. Это очень беспокойно и суетливо оказалось. Сейчас дело обстоит так: отлежусь неделю и на праздниках пришлю побольше материалу. (2566, 1, 142, л. 3—3об.)

1927

5 августа. Из дневника Чуковского. Два раза б[ыл] у меня Зощенко. Поздоровел, стал красавец, обнаружились черные брови (хохлацкие) — и на всем лице спокойствие, словно он узнал

какую-нибудь великую истину. Эту истину он узнал из книги J. Marcinowski «Борьба за здоровые нервы» — которую привез мне из города. Человек не должен бороться с болезнью, потому что эта борьба вызывает болезнь. «Нужно быть идеалистом, отказаться от честолюбивых желаний, подняться душою над дрязгами, и болезнь пройдет сама собой! — вкрадчиво проповедует он. — Я все это на себе испытал, и теперь мне стало хорошо». И он принужденно усмехается. Но из дальнейшего выясняется, что люди ему по-прежнему противны, что весь окружающий быт — вызывает в нем по-прежнему гадливость, что он ограничил круг своих близких тремя людьми, <...> что по воскресениям он уезжает из Сестрорецка в город, чтобы не видеть толпы. По поводу нынешней прессы: кто бы мог подумать, что на свете столько нечестных людей! Каждый сотрудник «Кр. г[азеты]» с дрянью в душе — даже Радлов (который теперь ред. «Бегемота»).

О Федине: Рабиндранат Тагор. «Он узнал, что я так называю его, — и страшно обиделся».

О. Л.: «Я вчера видел его жену. Красивая, но какая наглая!»

О себе: «Был я в Сестрорецком курорте. Обступили меня. Смотрят как на чудо. Но почему? — „Вот человек, который получает 500 рублей"». (ЛП. С. 499—500.)

6 августа. Из дневника Чуковского. С утра пришел Зощенко. Принес три свои книжки: «О чем пел соловей», «Нервные люди», «Уважаемые граждане». Жалуется, что Горохов (вероятно, редактор ГИЗа. — *М. Д.*) исказил предисловие к «Соловью». Ему, очевидно, хотелось посидеть, поговорить о своих вещах, но я торопился к Луначарскому, и мы пошли вместе. <...> Погода прекрасная, я в белом костюме. Зощенко в туфлях на босу ногу, еле протискались в парк (вход 40 копеек) и прямо в ресторан, чрез который — проход к Луначарскому. Зощенко долго отказывался, не хотел идти, но я видел, что он просто робеет, и уговорил его пойти со мной. <...>

Войдя в ресторан, мы сразу увидали Луначарского. Он сидел за столом и пил зельтерскую. Я познакомил его с Зощенкой, и пошли к нему в номер, он впереди, не оглядываясь. Вошли в комнату <...>. Тут же была и Розенель (актриса, жена Луначарского. — *М. Д.*) — стройная женщина с крашеными волосами и прелестная девочка, ее дочка, с бабушкой. <...>

Розенель <...> (Зощенко): А вас на всех портретах рисуют непохоже. Как жаль, что в ваших вещах столько мужских ролей (к этому времени им еще не была написана ни одна пьеса. — *М. Д.*) — и ни одной роли для женщин. Почему вы нас так обижаете? <...>

Тут Зощенко поведал мне, что у него, у Зощ., арестован брат его жены — по обвинению в шпионстве. А все его шпионство заключалось будто бы в том, что у него переночевал однажды один

знакомый, который потом оказался как будто шпионом. (Вон оно когда уже все это развертывалось. — *М. Д.*) Брата сослали в Кемь. Хорошо бы похлопотать о молодом человеке: ему всего 20 лет. Очень бы обрадовалась теща.

— Отчего же вы не хлопочете?

— Не умею.

— Вздор! Напишите бумажку, пошлите к Комарову или к Кирову.

— Хорошо... непременно напишу.

Потом оказалось, что для Зощенки это не так-то просто. «Вот я три дня буду думать, буду мучиться, что надо написать эту бумагу... Взвалил я на себя тяжесть... Уж у меня такой невозможный характер».

— А вы бы вспомнили, что говорит Марциновский.

— А ну его к черту, Марциновского.

И он пошел ко мне, мы сели под дерево, и стал читать свои любимые рассказы: «Монастырь», «Матренищу», «Исторический рассказ», «Дрова».

И жаловался на издателей. «ЗИФ» за «Уважаемых граждан» платит ему 50 процентов гонорара. «Пролетарий» (харьковское издательство. — *М. Д.*) его и совсем надул, только и зарабатываешь, чтоб иметь возможность работать.

Зощенко очень осторожен — я бы сказал: боязлив. Дней 10 назад я с детьми ездил по морю под парусом. Это было упоительно. <...> Мы наслаждались безмерно, но, когда мы причалили к берегу, оказалось, что паруса запрещены береговой охраной. Вот я и написал бумагу от лица Зощенки и своего, прося береговую охрану разрешить нам кататься под парусом. Луначарский подписал эту бумагу и удостоверил, что мы вполне благонадежные люди. Но Зощенко погрузился в раздумье, испугался, просит, чтобы я зачеркнул его имя, боится «как бы чего не вышло», — совсем расстроился от этой бумажки. (Там же. С. 500—502.)

14 августа. Из статьи М. Ольшевца «Обывательский набат» (о «Сентиментальных повестях» М. Зощенко). <...> в этой книге («О чем пел соловей». — *М. Д.*) перед нами все тот же старый зощенковский герой, маленький гнусненький человечек, плотоядный и косноязычный, глупый, но с хитрецой, корыстный, тупой и ничтожный. <...> Если бы у Зощенко-сатирика за бичующими строками проглядывала хоть тень любви к человеку и веры в его будущее, его творчество не было бы таким тяжелым и жутким. <...> Ну, у Зощенко нет этой любви, этой веры, у него ничего за душой нет. Это — обыкновенный, рядовой обыватель, который с некоторым даже злорадством копается, переворачивает человеческие отбросы. (Обратите внимание на этот пассаж. Он в 1944 году будет почти дословно воспроизведен в журнале «Большевик» в связи с повестью «Перед восходом солнца». — *М. Д.*) <...> в этой книжке

автор сам «пужается» и «пужает» читателя. Но если по поводу андреевских бездн (то есть рассказа Леонида Андреева «Бездна». — *М. Д.*), которые писались в эпоху царского безвременья, Толстой говорил: «Он пужает, а мне не страшно», то обывательский набат зощенковских Блохиных и Белокопытовых в наши дни самоотверженной героической борьбы масс не только не страшен, но и просто никуда не доносится и никакой тревоги не будит. <...> получается клевета <...>. (Изв. № 185. С. 3.)

22 августа. Из «Чукоккалы». Самая «умная» фраза, которую я сочинил — Смысл жизни не в том, чтоб удовлетворять свои желания, а в том, чтоб иметь их. Мих. Зощенко. 22 августа 27 г. г. Мымры. (С. 357.)

23 августа. Из дневника Чуковского. Одно мое в эти дни утешение — Зощенко, который часто приходил ко мне на целые дни. Он очень волнуется своей книгой «О чем пел соловей», его возмущает рецензия, напечатанная каким-то идиотом в «Известиях», <...> и в ответ на эту рецензию он написал для 2-го изд. «Соловья» уморительное примечание к предисловию — о том, что автор этой книги Коленкоров один из его персонажей. Судьба «Соловья» очень волнует его, и он очень обрадовался, когда я сказал ему, что воспринимаю эту книгу как стихи, что то смешение стилей, которое там так виртуозно совершено, не мешает мне ощущать в этой книге высокую библейскую лирику. <...> Поразительно, что вид у него сегодня староватый, он как будто постарел лет на десять, — по его словам, это оттого, что он опять поддался сидящему в нем дьяволу. Дьявол этот в нежелании жить, в тоскливом отъединении от всех людей, в отсутствии сильных желаний и пр. «Я, — говорит он, — почти ничего не хочу. Если бы, например, я захотел уехать за границу, побывать в Берлине, Париже, я через неделю был бы там, но я так ясно воображаю себе, как это я сижу в номере гостиницы, и как вся заграница мне осточертела, что я не двигаюсь с места. Нынче летом я хотел поехать в Батум, сел на пароход, но доехал до Туапсе (кажется) и со скукой повернул назад. Эта тошнота не дает мне жить и, главное, писать. Я должен написать другую книгу, не такую, как „Сент. рассказы", жизнерадостную, полную любви к человеку, для этого я должен раньше всего переделать себя. Я должен стать как человек: как другие люди. Для этого я, например, играю на бегах — и волнуюсь, и у меня выходит „совсем как настоящее", как будто я и вправду волнуюсь, и только иногда я с отчаянием вижу, что это подделка. Я изучил биографию Гоголя и вижу, на чем свихнулся Гоголь, прочитал много медицинских книг и понимаю, как мне поступать, чтобы сделаться автором жизнерадостной, положительной книги. Я должен себя тренировать — и раньше всего не верить в свою болезнь. У меня порок сердца, и прежде я выдумывал себе, что у меня колет там-то, что я не

могу того-то, а теперь — в Ялте — со мной случился припадок, но я сказал себе „врешь, притворяешься" — и продолжал идти как ни в чем не бывало — и победил свою болезнь. У меня психастения, а я заставляю себя не обращать внимания на шум и пишу в редакции, где галдеж со всех сторон. Скоро я даже на письма начну отвечать». <...>

Мы вышли вместе из моей квартиры и зашли в «Academia» (издательство, при котором был магазин. — *М. Д.*) за письмами Блока. Там Зощенко показали готовящуюся книгу о нем — со статьей Шкловского, еще кого-то и вступлением его самого. <...> В «Academia» ему сказали, что еще одну статью о нем пишет Замятин. Он все время молчал, насупившись. (Книга «Михаил Зощенко. Статьи и материалы» была первым выпуском серии «Мастера современной литературы». Кроме Шкловского в ней приняли участие А. Г. Бармин и В. В. Виноградов. Статьи Замятина там нет. — *М. Д.*)

— Какой вы счастливый! — сказал он, когда мы вышли. — Как вы смело с ними со всеми разговариваете.

Взял у меня Фета воспоминания — и не просто так, а для того, чтобы что-то такое для себя уяснить, ответить себе на какой-то душевный вопрос, — очень возится со своей душой человек. (ЛП. С. 502—504.)

Конец августа. Из дневника Чуковского. Позвонил Зощенко. «К. И.! Так как у меня теперь *ставка на нормального человека,* то я снял квартиру в вашем районе на Сергиевской, 3 дня перед этим болел: все лежал и думал, снимать ли? — и вот наконец снял, соединяясь с семьей, одобряете? Буду ли я лучше писать? Вот вопрос». Я сказал ему, что у Щедрина уже изображена такая ставка на нормального человека — в «Современной идиллии», — когда Глумов стал даже Кшепшицюльскому подавать руку.

— Этого я не знал, вообще я Щедрина терпеть не могу и очень радуюсь, что Фет его ругает в тех воспоминаниях, которые я читаю теперь. (Там же. С. 504.)

15 сентября. Из дневника Чуковского. Был у меня вчера Зощенко. Кожаный, желтый шоферский картуз, легкий дождевой плащ. Изящество и спокойствие. «Я на новой квартире, и мне не мешают спать трамваи. В Доме искусств всю ночь — трамвайный гуд». Заплатил тысячу въездных. На даче его обокрали. Покуда он с женою ездил смотреть квартиру, у него похитили брюки (те, серые!), костюм и пр.

Выпускает в «ЗИФ» новую книгу «Над кем смеетесь».

«Считается почему-то, что я не смеюсь ни над крестьянами, ни над рабочими, ни над совслужащими — что есть еще какое-то сословие — зощенковское».

Принес мне «Воспомин.» Фета. Очень ему понравились там письма Льва Толстого. Просил дать ему Шенрока «Письма Гоголя».

Я сказал ему, что следовало бы включить в новую книгу его «Социальную грусть», которой он не придает значения. Он возражал, но потом согласился и решил вставить туда те куски, которые запретила цензура, хотя они и были в «Бузотере». В понед. мы пойдем с ним в Публ. б-ку. (Там же. С. 504—505.)

20 сентября. Зощенко — В. А. Регинину (заведующему редакцией журнала «30 дней»). К большому сожалению, рассказа для юбилейного номера я дать не могу. У меня решительно *нет сколько-нибудь подходящей темы.* <...> Я очень прошу меня извинить. Хотя особо тяжелой вины за собой я не чувствую. Я обещал весьма *уклончиво.* И денег не просил! (1433, 2, *55,* л. 1.)

28 сентября. Зощенко — Горькому. Я прочел у Гете замечательную фразу. Когда умер один из его друзей — 70-летний старик З., — Гете сказал: «Я удивляюсь, как это у людей не хватает храбрости жить дольше». Стало быть, Гете считал, что для долгой жизни надо только иметь желание и как бы представление, уверенность в том, что жить можно долго и даже сколько угодно. <...> Я хотел Вас спросить, как Вы думаете, — верно ли это? Верно ли, что люди часто создают себе философию (как, например, Л. Толстой), которая не идет вразрез ни с собственными силами, ни с возможностью жить долго. Или я заблуждаюсь. И люди живут как придется, по временам советуясь с врачами о своих недомоганиях и кушая пилюли, которые поддерживают жизнь. Мне все же кажется, что это не так. (ЛН, 70. С. 157—158.)

Сентябрь. Написана третья автобиография — «О себе», напечатанная в 1928 году в сборнике «Бегемотник» (см. «Комментарий и дополнения»).

30 октября. Из дневника Чуковского. Я пошел к Зощенко. Он живет на Сергиевской, занимает квартиру в 6 комнат, чернобров, красив, загорел. Только что вернулся с Кавказа. «Я, как на грех, налетел на писателей: жил в одном пансионе с Толстым, Замятиным и Тихоновым. <...> А я здоров. Я ведь организую свою личность для нормальной жизни. Надо жить хорошим третьим сортом. Я нарочно в Москве взял себе в гостинице номер рядом с людской, чтобы слышать ночью звонки и все же спать. Вот вы и Замятин все хотели не по-людски, а я теперь, если плохой рассказ напишу, все равно печатаю. И водку пью. Вчера вернулся домой в два часа. Был у Жака Израилевича. Жак женился, жена молодая (ну, она его уже цукает, скоро согнет в бараний рог). У Жака были Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум — все евреи, я один православный, впрочем, нет, был и Всев. Иванов. Скучно было очень. Шкловский потолстел, постарел, хочет написать хорошую книгу, но не напишет, а Всев. Иванов — пьянствует и ничего не делает. А я теперь пишу по-нормальному — как все здоровые люди, — утром в одиннадцать часов сажусь за стол — и работаю до 2-х — 3 часа, ах, какую я теперь отличную повесть пишу, кроме

„Записок офицера" (эта вторая попытка тоже не удалась. — *М. Д.*), — для второго тома „Сентиментальных повестей", вы и представить себе не можете...»

Мы вышли на улицу, а он продолжал очень искренне восхищаться своей будущей повестью. «Предисловие у меня уже готово. Знаете, Осип Мандельштам знает многие места из моих повестей наизусть, — может быть, потому, что они как стихи. Он читал мне их в Госиздате. Героем будет тот же Забежкин, вроде него, но сюжет, сюжет».

— Какой же сюжет?

— Нет, сюжета я еще не скажу... Но я вам первому прочту, чуть напишется.

И он заговорил опять об организации здоровой жизни. «Я каждый день гимнастику делаю. Боксом занимаюсь...»

<...> Когда он волнуется или говорит о задушевном, он произносит «г» по-украински, очень мягко. <...>

Мы пришли к Радлову. Ник. Эрн. Радлов только что встал. Накануне он пьянствовал у Толстого. До 6 часов утра. Ничего не пил — кроме водки и шампанского. <...> Рассматривали мы книгу, которую изготовили Радлов и Зощенко, — «Веселые изобретения» («Веселые проекты». — *М. Д.*) — очень смешную. Книга будет иметь колоссальный успех. «Вы знаете, сколько тысяч моей последней книжки напечатала „Красная газета"? — говорит Зощенко надменно. — 92 тысячи!» — «Но там много слабых рассказов!» — говорю я. — «Нет! — отвечает Зощенко. — Там есть рассказ о матери и дочери и проч. Теперь я не слушаю, если меня бранят... Как меня бранили, когда я стал писать свои маленькие рассказы, — особенно были недовольны Мих. Слонимский и Федин... Нет, я публику знаю и не ошибаюсь... нет!»

Это он говорил на обратном пути, а у Радлова больше молчал, т. к. Радлов взялся написать большой его портрет для будущей книги о нем, к-рая выходит в «Академии». Портрет Радлову не очень удался «после вчерашнего» <...>.

Впрочем, скоро мы с Зощ. пошли обратно. Он говорил о той книге, что выходит о нем в «Academia»: «Я послушал вашего совета и сказал в предисловии, что моя статья о себе была „читана в виде доклада", чтобы не подумали, что я специально написал ее для этой книжки» (см. «Комментарий и дополнения». — *М. Д.*).

Жаловался, что читатели не понимают его «Сентиментальных повестей». (ЛП. С. 505—507.)

Октябрь. Эпиграмма Пинг-Понга (Н. А. Рабиновича).

Зощенко

Несешься в безвоздушном ты пространстве,
Как метеор или болид,

И говоришь нам только о мещанстве,
Блюдя пословицу: «что у кого болит...»

(НЛП. № 20. С. 129.)

26 ноября. Из дневника Чуковского. Увидел третьего дня вечером на Невском какого-то человека, который стоял у окна винного склада и печально изучал стоящие там бутылки. Человек показался знакомым. Я всмотрелся — Зощенко. Чудесно одет, лицо молодое, красивое, немного надменное. Я сказал ему: недавно я думал о вас, что вы — самый счастливый человек в СССР. У вас молодость, слава, талант, красота — и деньги. Все 150 000 000 остального населения страны должны жадно завидовать вам.

Он сказал понуро: «А у меня такая тоска, что я уже третью неделю не прикасаюсь к перу. Лежу в постели и читаю письма Гоголя — и никого из людей видеть не могу». — «Позвольте! — крикнул я. — Не вы ли учили меня, что нужно жить, „как люди", не чуждаясь людей, не вы ли только что завели квартиру, радио, не вы ли заявляли, как хорошо проснуться спозаранку, делать гимнастику, а потом сесть за стол и писать очаровательные вещи — „Записки офицера" и проч.?!»

— Да, у меня есть отличные семь или восемь сюжетов, — но я к ним уже давно не приступаюсь. А люди... я убегаю от них, и, если они придут ко мне в гости, я сейчас же надеваю пальто и ухожу... У нас так условлено с женою: чуть придет человек, она входит и говорит: Миша, не забудь, что ты должен уйти...

— Значит, вы всех ненавидите? Не можете вынести ни одного?

— Нет, одного могу... Мишу Слонимского... Да и то лишь тогда, если я у него в гостях, а не он у меня...

<...> Вина он так и не купил. По дороге домой он говорил, что он непременно победит, сорганизует свое здоровье, что он только на минуту сорвался, и от его бодрости мне было жутко. Он задал мне вопрос: должен ли писатель быть добрым? И мы стали разбирать: Толстой и Достоевский были злы, Чехов натаскивал себя на доброту, Гоголь — бессердечнейший эгоцентрист, один добрый человек — Короленко, но зато он и прогадал как поэт. «Нет, художнику доброта не годится. Художник должен быть равнодушен ко всем!» — рассуждал Зощенко, и видно, что этот вопрос его страшно интересует. Он вообще ощущает себя каким-то инструментом, который хочет наилучше использовать. Он видит в себе машину для производства плохих или хороших книг и принимает все меры, чтобы повысить качество продукции. (ЛП. С. 507—508.)

1928

3 февраля. Из дневника Чуковского. Третьего дня <...> на Литейном я встретил Зощенку. <...> Он «опять воспрянул», «взял себя в руки», — «все бегемотные мелочишки я пишу прямо набело, для

тренировки», «теперь в ближайших номерах у меня будет выведен Гаврюшка, новый герой — увидите, выйдет очень смешно». (Там же. С. 508.)

15 марта. Из «Стихов о Серапионовых братьях, оконченных в 1924 году» Евгения Шварца.

Зощенко Михаил
Всех дам покорил —
Скажет слово сказом,
И готово разом *.

Есть вариант более удачный, но менее приличный. (Чукоккала. С. 324.)

23 марта. Горький — Р. Роллану. Зощенко разменялся на мелкие рассказы, что не умаляет его таланта, он постепенно переходит от юмора к бытовой сатире. (ЛН, 70. С. 19—20.)

15 мая. Зощенко — И. Л. Кремлеву (И. Свэну, известному юмористу). Дорогой Свэн! Прошу прощенья — не мог тебе позвонить, так как уехал из Москвы несколько раньше, чем предполагал. Пишу тебе об этом не то чтоб из вежливости, пишу главным образом, зная твой угрюмый характер и склонность предполагать о людях всякую дрянь. И насчет меня, насчет того, что я тебе не позвонил, ты уже несомненно поторопился вывести некоторые заключения (генеральствует, зазнался, наглеет, подлец). Этого не было. А просто замотался в Москве. (Черт, трясет вагон. Пишу под Киевом.) Опять же ты меня видел в Москве не в печальном одиночестве. Это тоже в некотором роде расстроило счастливое свидание друзей. Извини, сделай милость, за хамский почерк — нет возможности писать, хотя и еду в барском вагоне. Будь здоров. Жму твою мужественную руку. Еду в Одессу развеять свою меланхолию. В этом счастливом городе, говорят, есть в избытке то, чего нету у меня, — энергия, любовь к деньгам и тщеславие. Поэтому и еду. (Частное собрание. Москва.)

11 октября. Зощенко — Регинину. Дорогой и многоуважаемый Василий Александрович! Дело в следующем. Вчера мне позвонили из «Огонька» (не журнала, а издательства — крупного акционерного предприятия, выпускавшего много книг и периодики, в том числе и «Смехач», к которому Регинин имел отношение. — *М. Д.*) и просили зайти за деньгами. К сожалению, я никак не могу взять мои деньги. (Чтобы крепче привязать Зощенко к журналу, его зачислили на «денежное довольствие». — *М. Д.*) Я ничего еще не сделал для «Смехача» и в скором времени навряд ли что сделаю. Совсем неожиданно мое здоровье до того ухудшилось, что я валяюсь в кровати и ничего не могу делать. Работа не идет на ум, хандрю и проклинаю свое жалкое существование. Я понимаю — особой болезни у меня нет, но то душевное состояние, в котором

я с е й ч а с, — буквально не позволяет приняться мне за работу. <...> Сейчас меня едва хватает сочинить две-три жалкие мелочишки для «Пушки». И то я это делаю, чтоб не порвать всякую связь с работой. <...> Еще месяц назад я думал, что я окончательно поправился, и вот опять. <...> И я очень прошу Вас, Василий Алекс, войдите в мое положение и аннулируйте (временно) наше соглашение. Одним словом — покорнейше прошу В а с, — снимите меня с жалования до тех пор, покуда я сколько-нибудь не приду в нормальное состояние и не начну работать. Получать же деньги просто так мне морально тяжело и на это я, конечно, никогда не пойду. И если «Смехач» из вежливости и предлагает мне получать (как больному), *то я ни в коем случае* не соглашусь. <...> А пока оплакиваю свои молодые годы, когда легко, и весело, и просто было работать и когда было много бодрости и любопытства к людям. Сейчас же мне только скучно, и, кажется, в этом вся моя болезнь. <...> Но все же надеюсь на лучшие времена. (1433, 2, *55,* л. 5—6 об.)

1929

3 февраля. Из дневника Федина. Первого — годовщина Серапионов. Как ни традиционен этот день, было внезапно весело и молодо. <...> Была «стенная газета», злая и остроумная (Зощенко, Тихонов, Каверин). <...> Но вот теперь Слонимского попросили написать статью о Серапионах, и он кается мне в том, что писать не о чем, что говорить правду — значит признать распад, а не признавать его — значит лгать. Ничего не остается делать, как вспомнить прошлое и помянуть лишний раз покойника Лунца. Он умер «символически» — говорит Слонимский — в начале развала Серапионов, и унес с собой наше «единство». Вероятно, это так. (Федин, 12. С. 35.)

26 марта. Из дневника Чуковского. Вчера был у меня Зощенко. Я пригласил его накануне, так как Ангерт (один из руководителей Г о с и з д а т а. — *М. Д.*) просил меня передать ему, чтобы он продал избранные свои рассказы в Госиздат для трехтомного издания. Зощенко не захотел. «Это мне не любопытно. Получишь сразу пятнадцать тысяч и разленишься, ничего делать не захочешь. Писать бросишь. Да и не хочется мне в красивых коленкоровых переплетах выходить. Я хочу еще года два на воле погулять — с диким читателем дело иметь...»

(Разговор странный. Вероятно, Зощенко был не в настроении. Дело в том, что именно в 1929 году издательство «Прибой» начало выпуск его шеститомного собрания сочинений и тогда же вышли — с небольшим перерывом — два тома: второй и третий. В 1930 году появились первый и четвертый тома. Госиздат (ле-

нинградское отделение, куда влился «Прибой») в 1931—1932 годах дублировал тома первый и второй, а пятый и шестой выпустил только под своей маркой. Коленкора, правда, не было — переплеты картонажные, скромно, как и суперобложка, оформленные М. Кирнарским. — *М.Д.*)

Очень поправился, но сердце болит. Хотел купить велосипед, доктор запретил. (ЛП. С. 508—509.)

8 мая. Запись в альбоме Г. В. Алексеева (беллетриста). *Жизнь не удалась.* Вот дожил до 33-х лет. Что самое главное в жизни? Самое главное в жизни, я полагаю, — иметь побольше всяких желаний. В таком случае жизнь мне не удалась — так же, как и тебе, надо думать, дорогой Глеб Васильевич! Мих. Зощенко. (2524, 1, 94, л. 8.)

13 мая. В ЛГ появляется письмо в защиту О. Мандельштама, который был облыжно обвинен в предыдущем номере той же газеты Д. Заславским в плагиате. Письмо подписали Б. Пастернак, Вс. Иванов, Б. Пильняк, М. Козаков, И. Сельвинский, А. Фадеев, В. Катаев, К. Федин, Ю. Олеша, М. Зощенко, Л. Леонов, Э. Багрицкий, Л. Авербах и другие писатели и критики. (№ 4. С. 4.)

12 сентября. Зощенко — Слонимскому. Чертовски ругают. <...> Невозможно объясниться. Я сейчас только соображаю, за что меня (последний год) ругают — за мещанство! Покрываю и любуюсь мещанством! Эва, дела какие! Я долго не понимал, в чем дело. Последняя статья разъяснила. Черт побери, ну как разъяснишь? Тему путают с автором. Не могу же я к каждому рассказу прилагать учебник словесности. <...> В общем худо, Мишечка! Не забавно. Орут. Орут. Стыдят в чем-то. Чувствуешь себя бандитом и жуликом. (Восп. С. 124.)

2 ноября. Из дневника Чуковского (описывается день накануне). <...> телефонный звонок. Настойчивый голос Михаила Кольцова:

— Хотите посмеяться? Бросьте все и приезжайте ко мне в «Европейскую». Ручаюсь: нахохочетесь всласть.

Я бегу что есть духу в гостиницу — сквозь мокрые вихри метели — и, чуть только вхожу к Михаилу Ефимовичу в большую теплую и светлую комнату, чувствую уже на пороге, что сегодня мне и вправду обеспечена веселая жизнь: на диване и на креслах сидят первейшие юмористы страны — Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров. И тут же Кольцов, их достойный собрат. <...> Шумно приветствует запоздавшего Леонида Утесова и <...> приступает к организации «веселого вечера». Но ничего не происходит. Все молчат. <...>

Я встречался с Ильфом и Петровым в Москве. <...> Там они каждую свободную минуту напропалую резвились, каламбурили, острили без удержу. <...> А теперь они оба нахохлились над стаканами остывшего чая и сумрачно глядят на угрюмого Зощенко,

который сидит в уголке и демонстративно молчит, как тот, кто, страдая зубами, дал себе заранее слово во что бы то ни стало не стонать и не хныкать, а дострадать до конца. Он пришел на этот праздничный вечер такой нахмуренный, кладбищенски мрачный, что впечатлительные Ильф и Петров сразу как-то поблекли и сникли. <...>

Чтобы хоть чем-нибудь отвлечь Михаила Михайловича от его горестных мыслей, я кладу перед ним «Чукоккалу», которая нередко смешила его. Он даже позаимствовал из нее несколько строк для своего известного рассказа «Дрова». Но теперь он оцепенело глядит на нее, словно не понимая, откуда она взялась на столе. И только перед самым уходом набрасывает в ней грустную запись:

«Был. Промолчал 4 часа. Несколько оживился, когда предложил Кольцову книжку в „Огонек". Согласился. Ну что ж, давайте, говорит. М. Зощенко». <...>

«Вечер смеха» оказался самым скучным и томительным вечером, какой я когда-либо проводил в своей жизни. (Восп. С. 55—57. — Чукоккала. С. 353—356.)

24 ноября. Из дневника Федина. За истекшие две недели самое главное — возрождение Серапионова братства. Вчера первое «исполнительное» заседание у Никитина. Читал Зощенко — «Сирень цветет» и маленькие рассказы. Единодушие полное. Перед этим — неделю назад — организационное собрание у меня. <...> На этом собрании отыскана «база» для реставрации: борьба за *качество* литературы, т. е. то же, что нас объединяло и девять лет назад. Разногласия общественные, тактические остаются в стороне. Работа снова переносится в формальную плоскость, и здесь группировка сил остается неизменной и, конечно, неминуемо должна привести к новому распаду. <...> повесть Зощенки, прослушанная писателями и оцененная ими, — это тот редкий лётный день, который радует авиатора у нас, на севере. (Федин, 12. С. 43—44.)

1930

8 января. В. Э. Мейерхольд — Зощенко (письмо на директорском бланке Театра имени Вс. Мейерхольда). Дорогой Михаил Михайлович, прошу Вас приехать в Москву числа 15.1.30, так как 16.1.30 (во вторую половину дня) необходимо прочитать Вашу пьесу труппе и художественно-политическому Совету при нашем театре. Подготовлю благоприятную обстановку для Вашего выступления.

Я *уже* сочинил конструкцию для Вашего спектакля («Уважаемый товарищ»). Пока ее знают только два лица: Зин. Ник. (Райх. — *М. Д.*) и архитектор С. Е. Вахтангов, который будет делать модель. <...> Целую Вас. Зин. Ник. шлет привет. Ждем.

Любящий Вас Вс. Мейерхольд. (601, 1, 1, л. 54. — В. Э. Мейерхольд. Переписка: 1896—1939. М.: Искусство, 1976. С. 304.)

Читка пьесы состоялась 17 января. Дело, казалось, было на мази.

27 марта. Зощенко — Ю. К. Олеше. На днях получил письмо от Райх и Мейерхольда. Они настоящие люди! А Зиночка так мило и умно написала, что я прямо диву даюсь. Эта мадам еще не разгадана! И Мастер мило написал. Другой бы на его месте закричал, затопал бы ногами, зачем пристаю со своей пьеской перед отъездом (на заграничные гастроли. — *М. Д.*), а он так сердечно написал. Я их горячо полюбил. Я Вам хотел было послать спешное письмо с просьбой на прощанье поцеловать Мастера (его желтую щеку), да так и не послал. А-а, думаю. Хотел было приехать в Москву попрощаться с ними и повидать Вас, но тоже отложил — худо себя чувствую до невозможности — еле волочу свои ноги. <...>

(Идиллия длилась недолго. Зощенко неосмотрительно передал «Уважаемого товарища» почти одновременно в Ленинградский театр сатиры, где пьеса и была поставлена в том же 1930 году. Узнав об этом, Мейерхольд писал Олеше о «предательстве Зощенко», о том, что он — «случайный гость в театре». Ставить спектакль Мастер отказался и поручил это Н. И. Боголюбову. Это не устроило автора — и летом 1931 года он забрал комедию из театра. — *М. Д.*)

Юрочка, относительно денег не извольте беспокоиться. Должок небольшой. Погожу описывать Ваше имущество. Нет, право, Юрочка, что за разговоры, это самое последнее дело — отдадите, когда засияют на Вас золотые штаны с бриллиантовыми пуговицами. Как называется? Гульфик? Разрез на брюках. Так вот, он застегивается бриллиантовыми пуговицами. Вот тогда отдадите. Сейчас позвонил Валя Стенич (В. О. Стенич — известный переводчик, критик, поэт, один из друзей Зощенко. Был расстрелян в 1938 году. — *М. Д.*). Вашу «Беседу» запретила цензура. Еще не знаю, в чем дело. Наверное, отстоят. Есть шансы. Докатились! (358, 1, 26, л. 1—2 об.)

Март. В журнале «Литературная учеба» напечатана статья Зощенко «Как я работаю» (см. «Комментарий и дополнения»).

22 апреля. Из дневника Чуковского. Еду в трамвае. Вижу близорукими глазами фигурку, очень печальную, — и по печальной походке узнаю, вернее, угадываю — Зощенко. Я соскочил с трамвая (у Бассейной), пошел к нему. Сложное, мутное, замученное выражение лица. Небритые щеки — усталые глаза. «Плохо мне». — «Что такое?» — «С театром... столько неприятности. Актеры ничего не понимают... Косой пол делают. (В голосе тоска)... Звали меня сегодня в Большой драматический, чтобы я почитал им своего „Товарища", я обещал, не спал из-за этого всю ночь и кончил тем,

что по телефону отказался... Хотя они все собрались». Я стал говорить ему, что он самый счастливый в СССР человек, что его любят и знают миллионы людей, что талант его дошел до необыкновенной зрелости, что не дальше чем сегодня я читал вслух его «Сирень» — и мы хохотали до слез. Это его приободрило, он пошел провожать меня в ГИЗ — и особенно обрадовался, когда я случайно по другому поводу сказал, что Гоголя тоже ругали — именуя его вещи «малороссийскими жартами». Давно я не видал его в такой мизантропии. Он говорит, что видеть никого не может, что Стенич ему надоел, но что без людей он тоже не может. Я сказал ему, чтобы он поехал в Сестрорецк и кончил бы там свою повесть «Мишель Синягин», которую он сейчас пишет. Он с испугом: «Я там и дня без людей не проживу. Мелькают, мне легче». О Маяковском (за восемь дней до того он покончил жизнь самоубийством. — *М. Д.*): Зощ. видел его после провала «Бани» в Народном доме. Маяк. был угрюм, растерян, подавлен. «Никогда я его таким не видел. Я сказал ему: „Вы всегда такой победительный"». (ЛП. С. 509.)

18 июня. Зощенко — И. В. Ильинскому. Дорогой Игорь Владимирович, сообщаю Вам, что в Сестрорецке частных пансионов нету, — всюду узнавал и у всех спрашивал. Да и вообще с продовольствием здесь так плохо, что навряд ли кто рискнет держать пансион. <...> Да, собственно, и в Ленинграде ни черта нету. Достаем все случайно и по бешеным ценам. <...> Я живу в Сестрорецке — Литейная набережная, д. 11 (Морозова). <...> Вчера купили какую-то дохлую куру за 12 рублей! (601, 3, 7.)

16 сентября. Горький — Зощенко. Отличный язык выработали Вы, М. М., и замечательно легко владеете им. И юмор у Вас очень «свой». Я высоко ценю Вашу работу, поверьте: это — не комплимент. Ценю и уверен, что Вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у Вас — налицо, чувство иронии очень острое, и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого, лишь изредка удавалось это Питеру Альтенберг, австрийцу, о котором Р. М. Рильке сказал: «Он иронизирует, как влюбленный в некрасивую женщину». (ЛН, 70. С. 159.)

30 сентября. Зощенко — Горькому. Я нарочно, для собственного успокоения, прочел недавно чуть ли не все биографии сколько-нибудь известных и знаменитых писателей. Я, конечно, не хочу равняться ни с кем, но вот ихняя жизнь на меня очень успокоительно подействовала и привела в порядок. В сущности говоря, страшно плохо все жили. Например, Сервантесу отрубили руку. А потом он ходил по деревням и собирал налоги. <...> Данте выгнали из страны, и он влачил жалкую жизнь. Вольтеру сожгли дом. Я уж не говорю о других, более мелких, писателях. И тем не менее, они писали замечательные и даже удивительные вещи

и не слишком жаловались на свою судьбу. Так что, если бы писатели дожидались золотого века, то, пожалуй, от всей литературы ничего бы и не осталось. Все это привело меня в порядок, и я понял, что надо работать при всех обстоятельствах и вопреки всему. (Там же. С. 161—162.)

13 октября. Горький — Зощенко. А юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня — да и для множества грамотных людей — бесспорно, так же, как бесспорна его «социальная педагогика». (Там же. С. 163.)

27 октября. Зощенко — Горькому. Я, к сожалению, не в силах Вам сделать что-нибудь хорошее. Ну, я хотел посвятить Вам свою последнюю повесть («Мишель Синягин». — *М. Д.*). Но в последний момент у меня не хватило духу. Может, Вам это было бы неприятно, — я подумал. Тем более у меня не было уверенности в своей работе. Я хорошо задумал эту повесть. Но написал ее с некоторой, что ли, усталостью. Я пришлю Вам ее, как только она выйдет. Без уверенности. <...>

Мне говорили, что после 30 лет (к 40 годам) очень легко и просто жить. Мне 35 лет. И я этого не нахожу. (Там же. С. 164.)

8 ноября. Горький — Зощенко. Намерением Вашим посвятить мне повесть — очень сконфужен и тронут. Спасибо. Повесть очень жду. Я люблю читать Ваши вещи. То, что Вы не исполнили намерения посвятить мне повесть, — никак не должно смущать Вас, ведь дело не в том, чтобы засвидетельствовать в печати Ваше дружеское отношение ко мне, а в том, что оно — есть! (Там же. С. 165.)

1931

26 марта. Зощенко — Л. В. Никулину. Дорогой и уважаемый Лев Вениаминович, 19 марта арестовали Валю Сметанича (настоящая фамилия Стенича. — *М. Д.*). Сколько я ни старался — мне не удалось выяснить, за что именно его арестовали и какова его судьба в дальнейшем. Родственникам его не удалось до сего времени даже сделать ему передачу. Сколько я понимаю, никаких дел у него не было, исключая болтовни, правда, иной раз резкой и бесшабашной. Но и это, я думаю, скорей всего от излишней бравады, фрондерства и суетливости его характера, чем от серьезных убеждений. Во всяком случае, очень жалко нашего философа, и я просто не представляю, как ему помочь. Я понимаю, что сейчас это особенно трудно, но ежели при случае Вам будет возможность с кем-либо потолковать, то это было бы очень неплохо.

Конечно, возможно, что все кончится благополучно и философ не сегодня-завтра снова засияет на наших ленинградских улицах,

которые без него просто осиротели. Но все же есть предположения, что его могут выслать. Ехать в ссылку сейчас особенно тяжело, да и голодно, пожалуй. Сметанич хотя и здоров, но нервы его жидковаты, так что неизвестно, как он сможет перенести эту свою беду. Очень бы хорошо замолвить за него словечко. Я тоже со своей стороны сделаю все возможное, хотя с моим характером [будет?] и чертовски трудно.

Приписка на обороте первого листа. 27. III. Сейчас узнал, что родственники сделали передачу. Стенич находится на Шпалерной — ул. Воинова, 25, камера 93. (На этот раз его удалось вызволить. Ему дали прожить еще семь лет. — *М. Д.*) (350, 1, 184, л. 1—2.)

3—4 мая. Из дневника М. С. Шагинян. Была 4 дня в Ленинграде, и на этот раз мало продуктивного, кроме глубокого разговора по душам с Зощенко, он понимает пятилетку, он, пожалуй, ближе мне сейчас, чем все остальные друзья. Зощенко изумительно растет — с году на год. (Шагинян. С. 405.)

20 мая. Из дневника Шагинян. Приезжал Миша Зощенко. На него сильно действует среда, он меняется, теряет завоеванное. (Шагинян. С. 406.)

Начало декабря. Приписка на приглашении секции малых форм ЛОО Всероскомдрама, зовущем пятого на «товарищескую беседу с писателями и драматургами. Тема беседы — „Писатель и эстрада". Вступительное слово скажет председатель секции малых форм Михаил Михайлович Зощенко». Дорогой тов. Вишневский! Пользуемся Вашим обещанием — зайдите на беседу хотя бы на 1/2 часа. М. Зощенко. (Отношения, как видим, самые хорошие. До 1946 года, когда Всеволоду Вишневскому доверили начать разгром Зощенко, еще 15 лет. — *М. Д.*) (1038, 1, 2811, л. 1.)

1932

5 апреля. Письмо из Кёнигсберга. Книгоиздательство «Земля и фабрика». Москва. Многоуважаемый Государь! Я Вас прошу мне назвать адрес писателя: Михаила Зощенко; мне нужно узнать этот, почему я хочу получать от него позволение для перевода в немецкий язык одного его писания: «Нервные люди». Может быть, я переведу даже «Веселое приключение». С великим почтением Вам препокорный Otto Krichberg. (601, 1, 1, л. 44.)

19 мая. Зощенко — Никитиной. Зоичка, ко мне зашел поэт — из провинции приехал, — нельзя ли его познакомить с кем-нибудь из ленингр. поэтов. Я его стихов не читал, но парнишка, видать, толковый и тихий. Будь другом, устрой ему свидание с к.-н. нашим поэтом. Если можно, то с Тихоновым или с Прокофьевым. (2533, 1, 192, л. 1.)

1933

15 января. Зощенко — М. З. Мануильскому (редактору «Крокодила»). Очень огорчительно, что два рассказа пошли с сокращением. Ничего там нет такого, чтоб не печатать. Рассказ «Личная жизнь» с таким сильным сокращением, боюсь, что теряет смысл. <...> Немного я сбит с толку — не понимаю, почему приходится так подправлять рассказы. 4 рассказа, отданные в другие журналы («Огонек», «Ленинград», «Комсом. правда», «Веч. Москва»), — все пошли *без единой помарки.* Надеюсь, что в дальнейшем не случится этого. Или всякий раз будем договариваться о возможных изменениях. <...> Попробую еще проработать месяц или два и потом подведу итоги — можно ли работать в сатир. журнале. (ВСП. С. 207—208.)

2 *февраля.* Из дневника Федина. Вчера серапионы у Ильи (Груздева. — *М. Д.*). Полная примиренность на основе: 1. решительного и единодушного молчания по поводу внутрисерапионовских отношений и 2. единогласного признания исключительного дарования Зощенки. Он прочел несколько рассказов громадной силы (за последние два месяца написал три листа — 18 рассказов — после более чем годового молчания). Его стараются «снизить», — измельчить, печатают в юмористических журнальчиках, чтобы он, кой грех, не поднялся до высоты большой, общественно важной индивидуальности. А он — явление из ряда вон выходящее, очень значительное, не только — не Лейкин, не Горбунов, не Аверченко, но нечто большее по масштабу, подымающееся до Гоголя. <...> Его стараются представить зубоскалом (и то, что он пишет, действительно неудержимо смешно), мещанским «рупором», а он — безжалостный сатирик и — может быть — единственный в наши дни писатель с гражданским мужеством и человеческим голосом, без фистулы подобострастия. Мне показалось, что он переживет всех нас, и, вероятно, я не ошибаюсь. (Федин, 12. С. 63—64.)

5 марта. Развернулась работа бригады сатириков. В программе занятий намечено обсуждение произведений и доклады на теоретические темы: специфика советской сатиры, сюжет, проблема жанров. Беседы проведут тт. Д. Бедный, М. Кольцов, М. Зощенко, Ильф и Петров, Зорич, Рыклин, Арго и др. (ЛГ. № 11. С. 4.)

25 марта. Зощенко — Мануильскому. Уважаемый Михаил Захарович, я получил Ваше письмо и возврат. Мне думается, что Вы неправы, оценивая мой рассказ «Весна». Никакой «русской хандры» у меня нету. Рассказ написан со всей бодростью и правдиво. Конец же, смею думать, далек от фальши. Во всяком случае я его «белыми нитками» не пришивал. А если сделал вывод, и тем более политический, и в данном случае несколько даже пафосный, то сделал это со всей сердечностью и все продумав.

Неужели, Михаил Захарович, Вы могли подумать, что я, желая, скажем, заработать гонорар, приспособил к рассказу фальшивую революционную концовку? Этого никогда не было и никогда не будет. У меня нет ни одной строчки, написанной неискренне. А если что и пишу, то именно так и думаю. Рассказ этот переделывать я не буду. (ВСП. С. 209.)

Апрель. Зощенко — Мануильскому. Дорогой Михаил Захарович, должен, к сожалению, признать, что Вы правы. Я перечел рассказ — он оказался недоделанным. Имею мужество сознаться в этом. <...> Прошу извинить меня, Мих. Зах., за последнее письмо с выражением недовольства. Я был неправ. Я очень редко ошибаюсь, оценивая свои вещи, но тут попутала меня чертова повесть, над которой сижу день и ночь («Возвращенная молодость». — *М. Д.*). Так извините за мой скверный характер. (Там же. С. 210.)

23 апреля. Журналист Вл. Соболь взял серию интервью у ленинградских писателей и напечатал ее на полосу под заголовком «Писатель за рукописью». Разговор с Зощенко следует после беседы с Фединым. Федин и Зощенко живут в разных местах Ленинграда. Федин — на проспекте Володарского, Зощенко — по улице Чайковского, почти у самого Таврического сада. Но конец нашей беседы у Федина встретился с началом нашей беседы у Зощенко. <...>

— Вечером еду в Выборгский дом культуры. Буду выступать. Расскажу чего-нибудь о здоровьи, о том, как нужно отдыхать.

— Общественная нагрузка?

— Нет. Так пришлось. А тут как раз пишу повесть. О здоровьи. <...>

Глаза и весь вид у Михаила Михайловича — будто он только что проснулся. <...> Зощенко захватила и увлекла его повесть. Над нею он дьявольски много работает. Небольшая (всего 8 печатных листов), она отнимает у него уйму времени. <...>

— А все-таки пять листов из восьми уже написал. Это — помимо того, что за последние три года написал много рассказов — маленьких и больших. Вы знаете что? — вдруг неожиданно оживляется он, тихо, по-зощенковски, почти робко. — Буду отдыхать. Я внимательно наблюдал за Маяковским. Мы встречались с ним у Мейерхольда, иногда на курорте. Нужно отдыхать. Маяковский только внешне подчинялся режиму санатория. В действительности он всегда работал, мозг его безостановочно ворочал жернова. А я хорошо знаю законы энергетики. (ЛГ. № 18—19. С. 3.)

3 июля. Вышла шестая (июньская) книжка журнала «Звезда». «Гвоздь» номера — повесть М. Зощенко «Возвращенная молодость». Повесть, которую автор называет «культурфильмой», является философским произведением на тему о продлении жизни. (ЛЛ. № 1. С. 3.)

9 августа. Из заключительного комментария к книге «Возвра-

щенная молодость». Итак, книга кончена. Последние страницы я дописываю в Сестрорецке 9 августа 1933 года. Я сижу на кровати у окна. Солнце светит в мое окно. Темные облака плывут. Собака лает. Детский крик раздается. Футбольный мяч взлетает в воздух. Красавица в пестром халате, играя глазами, идет купаться. <...> В саду скрипнула калитка. Маленькая девчурка, как говорит мой друг Олеша — похожая на веник, идет в гости к моему сыну. Благополучие и незыблемость этих вечных картин меня почему-то радуют и утешают. Я не хочу больше думать. И на этом прерываю свою повесть. (СС, 1986—87. Т. 3. С. 159—160.)

25 августа. **Писатели на Беломорско-Балтийском канале.** Четыре железнодорожных вагона были переполнены писателями Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Средней Азии. Этот поезд, 18 августа выехавший на ст. Медвежья Гора, оттуда в Повенец — порт, с которого экскурсия писателей начала осмотр Беломорско-Балтийского канала, 22 августа вернулся в Ленинград. <...> Среди приехавших товарищей: В. Иванов, Л. Леонов, В. Лидин, А. Малышкин, А. Безыменский, Б. Ясенский, М. Зощенко, народный поэт Белоруссии Янка Купала, <...> В. Инбер, Е. Габрилович, М. Козаков, <...> Л. Славин, Петров и Ильф <...>. Все писатели восторженно отзываются о грандиозной работе, проделанной на Беломорско-Балтийском канале, о его строителях — большевиках-чекистах. (ЛЛ. № 6. С. 1.)

5 сентября. **Мих. Зощенко. Возвращенная молодость.** Общее впечатление от Беломорского канала необычайное. Прежде всего, это очень красиво и грандиозно. Канал чрезвычайно декоративен. <...> Мне кажется, что без любви и без сильного желания и даже, скажем, без подлинного вдохновения нельзя так сделать. <...> Меня заинтересовали люди, которые строили свою жизнь на праздности, на обмане, на грабежах и убийствах. (Политических каторжан, которых было большинство на этом строительстве, загубившем множество жизней, писателям не показали. Или же некоторых из них представляли как уголовников. — *М. Д.*) Вот к этим людям я отнесся со всей внимательностью <...>. Я на самом деле увидел подлинную перестройку, подлинную гордость строителей и подлинное изменение психики у многих (сейчас можно назвать так) товарищей. (Результатом поездки была повесть «История одной жизни», написанная почти сразу же и увидевшая свет в 1934 году. — *М. Д.*) (ЛЛ. № 7. С. 1.)

17 сентября. Собрание драматургов Ленинграда состоялось. 10 сентября. <...> Собрание утвердило организацию ленинградского группкома драматургов с руководящим составом: тт. М. Зощенко, В. Каверина, А. Тур, А. Флита и др. Председателем группкома избран М. Зощенко. (ЛГ. № 43. С. 4.)

27 сентября. Зощенко — Мануильскому. Дорогой тов. Мануильский, мне сказали, что Вы «удивлены моим поведением». Дей-

ствительно, я должен в «Крокодил» рассказ, а вот уже полгода как не посылаю. Долг этот я очень помню. А что до сего времени не послал, то только потому, что не писал рассказов. Вот полгода как я был занят большой книгой. <...> Нынче, после столь большой работы, я нездоров. <...> В общем, прошу у редакции извинения за задержку. Рассказ вышлю при первой возможности. (ВСП. С. 211.)

15 октября. Напечатан шарж Н. Радлова «В кабинете начинающего врача» с подписью: «М. Зощенко. Тут, можно сказать, молодость возвращают, а пациент, сволочь, чего-то не идет». (ЛЛ. № 11. С. 4.)

14 ноября. Зощенко — В. Е. Ардову. Я заходил в издат. писат. (Издательство писателей в Ленинграде — И П Л . — *М. Д.*), узнавал насчет Вашей книги. <...> Мне сказали, что план на 34 год был жесткий, так что книгу юмористич. рассказов они включить не могли. Как видите, наше ремесло мало почитается! Однако я не теряю еще надежды. Буду стараться как-нибудь пробиться сквозь тьму и варварство. <...> Пока что много работаю. Задумал одну удивительную книжку («Голубую к н и г у ». — *М. Д.*). Все, что раньше п и с а л , — оказались черновые наброски к этой книге. В общем, мир ахнет и удивится от моей новой фантазии. (1822, 1, 368, л. 1—1 об.)

20 декабря. Зощенко — Мануильскому. Дорогой Михаил Захарович, у нас совершенно разные понятия о сатире. Вы считаете, что мой рассказ «Страдания Вертера» — неправильный и ошибочный. А я считаю, что это один из самых лучших моих рассказов. *Это настоящий сатирический рассказ. То же самое могу сказать и о последнем рассказе.* Понятие о сатире я имею более твердое, чем Вы предполагаете. И в этом меня «перевоспитывать» не следует. Другое дело — подходят ли такого рода вещи «Крокодилу». Допускаю, что не подходят.

Вам нравятся такие мои фельетоны, как у меня напечатан в «Правде». (Кстати, этот фельетон взят из «Сталинца», из политотдельской газеты Октябр. ж. д.) Но такого типа фельетоны (может, нужные и полезные) — это же чепуховая работа. Такие рассказы я могу левой рукой по шесть штук в день делать. В литературном смысле это пустячок. И для меня пройденный этап. Я могу сколько угодно так писать. Но литературного удовлетворения от такой работы я не имею.

Вот теперь мне понятно, что хочет от меня «Крокодил». И теперь понятны все мои «страдания» в вашем журнале. За 14 лет моей работы только в единственном журнале я получал возврат — это в «Крокодиле». Это мне не обидно, но это меня не поучает. Я достаточно хорошо знаю, как мне следует писать.

Такие фельетоны, как Вам нравятся, я пишу и писал все время — и в заводских газетах, и теперь для политотдела. Это

нужно, и я это делаю даже без всякого гонорара. Но «Крокодил» я расценивал как литературный журнал, в котором я могу поискать новых путей. Если это не так, то работать в «Крокодиле» мне не интересно. А работать исключительно для денег я никогда не умел. И за такие фельетоны я никогда не взял бы таких денег, что мне предложили. Таких денег стоит новая работа и новые поиски. <...>

Прошу Вас, Михаил Захарович, извинить меня за то, что я приношу столько беспокойства и Вам и журналу. Я сам теряюсь — почему у меня так не завязывается работа с «Крокодилом». Тем более что, прошу поверить, я не менее Вас заинтересован и не меньше, чем Вы, желаю успеха нашей социалистической жизни. Но понятие о сатире у меня иное, чем у Вас. (ВСП. С. 211—212.)

26 декабря. Из коллективного обращения Н. Тихонова, М. Козакова, М. Слонимского, Ю. Тынянова, В. Каверина, В. Саянова, А. Чапыгина, А. Толстого, М. Зощенко, А. Прокофьева, В. Шишкова, Н. Никитина, О. Форш и других литераторов «Напишем книгу о городе Ленина». Через месяц откроется 17-й съезд ленинской ВКП(б), руководимой великим Сталиным. <...> Партия и рабочий класс устами вождя назвали советских писателей «инженерами человеческих душ». <...> Мы, советские писатели, призываем всех писателей и работников искусств города Ленина <...> создать такие произведения, которые были бы острым оружием партии. Мы считаем, что одним из таких произведений должна быть многотомная книга о городе Ленина, о социалистическом Ленинграде. Эта книга должна быть написана коллективно и автором ее должны стать лучшие писатели нашей страны. (ЛЛ. № 22. С. 1.)

Конец года. Из статьи в «Большой советской энциклопедии». Комизм произведений З., гл. образом мелких рассказов, строится на анекдотических бытовых курьезах — приключениях, испытываемых мещанином, чаще всего мелким служащим, в советских условиях. <...> Мелкие рассказы З. воскрешают традиции Аверченки, отчасти раннего Чехова, в повестях же <...> комизм З. переходит в юмор, иногда напоминающий Гоголя («Коза»). Однако внешний, поверхностный анекдотизм, отсутствие четкой социальной перспективы делают рассказы З. в известной их части лишь обывательским развлекательным чтением. (Т. 27. С. 254.)

1934

12 января. Из дневника Чуковского. Видел Зощенку. Лицо сумасшедшее, самовлюбленное, холеное. «Ой, К. И., какую я великолепную книгу пишу». Книга — «Декамерон» — о любви, о коварстве и еще о чем-то. «Какие эпиграфы! Какие цитаты! А Горький вступился за мою „Возвращенную молодость". Это оттого, что он старик, ему еще пожить хочется, а в моей книге рецепт

долголетия. Вот он и полюбил мою книгу. Прислал в Главлит ругательное письмо — ужасно ругательное, — Миша Слонимский сразу заблагоговел перед моей книгой, — а Главлит, которому я уже сделал было кое-какие уступки, пропустил даже то, что я согласился выбросить...»

Были у нас с визитом Стеничи. Жена В. О. рассказывает, что Зощенко уверен, что перед ним не устоит ни одна женщина. И вообще о нем рассказывают анекдоты и посмеиваются над ним, а я считаю его самым замечательным писателем современности. (ЛП. С. 510.)

Январь. Зощенко — Горькому (это письмо предваряет «Голубую книгу», вышедшую через год отдельным изданием). Дорогой Алексей Максимович! Два года назад в своем письме Вы посоветовали мне написать смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни. <...> Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей Максимович, посвятить Вам этот мой слабый, но усердный труд, эту мою «Голубую книгу», которую Вы так удивительно предвидели и которую мне было тем более легко и радостно писать, сознавая, что Вы будете ее читателем. (ЛН, 70. С. 165—166.)

Февраль. Зощенко — Мануильскому. Уважаемый Михаил Захарович, я хотел было приехать в Москву 25, но заболел. Даже пришлось отложить мой вечер в МГУ. Что-то случилось с сердцем. Плохо работает. Перебои и всякая дрянь. Приходится лежать. Очень скучно и огорчительно. Так что пока все вопросы отложим на дальнейшее. Сейчас только один вопрос можно разрешить — квартирный. Мне дают в Ленинграде квартиру в 3 комнаты, так что московская квартира и дача с коровкой (Мануильский предлагал Зощенко перебраться в столицу. — *М. Д.*) — отпадает. Впрочем, на дачу я буду приезжать в гости, если не подохну до лета. (ВСП. С. 213.)

15 марта. На днях в столовой Ленкублита в узком товарищеском кругу писателей и ученых обсуждалась повесть Михаила Зощенко «Возвращенная молодость». К сожалению, сам автор не мог присутствовать на этом собрании по нездоровью. Вместо «вступительного слова» он прислал нижепомещаемую статью. Дискуссия прошла очень оживленно. Книга М. Зощенко встретила положительную оценку.

Из статьи. Прежде всего мне хотелось бы снять с себя то обвинение, которое может возникнуть. Если возникнет соображение, что книга моя элементарно-дискуссионна для столь высококвалифицированной аудитории, то я в этом не виноват. Я эту книгу писал не для людей науки, а для своих читателей, для которых я знаю, что требуется. Кроме того, инициатива обсуждения моей книги не принадлежит мне. Этим я хочу снять с себя обвинение, что, может быть, понапрасну потревожены работники науки. <...>

И не без волнения я ожидаю, что скажут представители науки о моей книге, — как у меня в повести сказано — «наследил и натоптал ли я в чужом огороде» или, может быть, «сожрал чужую брюкву». (ЛЛ. № 12. С. 2.)

20 апреля. Ленинградские писатели <...> горячо откликнулись на выпуск займа 2-го года второй пятилетки. <...> В «Издательстве писателей» среди авторов через час после начала подписки оказалось размещенными облигаций займа на 21 500 рублей. Первыми подписались: Н. Тихонов — на 3 000 руб., Б. Лавренев — на 1 500 руб., <...> Ю. Либединский — на 1 000 руб., О. Форш — на 1 500 руб., М. Зощенко — на 2 000 руб., <...> К. Федин — на 2 000 руб., <...> М. Козаков — на 2 000 руб., М. Слонимский — на 1 500 руб. (ЛЛ. № 18. С. 1.)

23 апреля. Из статьи А. Горелова «В поисках формулы молодости», напечатанной под рубрикой «К предстоящему обсуждению „Возвращенной молодости" в Оргкомитете». <...> ложное мировоззрение автора, нашедшее свое откровенное выражение в «комментариях» к повести, вошло в жесточайшее противоречие с реалистическим методом писателя, изуродовав его произведение. <...> Долгие годы живет писатель Зощенко в клопином мире укороченных людей. Вокруг плещет могучим потоком жизнь социалистической страны, а в стороне, в переулке, все копошится маленький обыватель, нудный, скучный, потертый, дурно пахнущий, дурно разговаривающий, злой и завистливый. (Не плагиат ли это? Ведь почти то же писал Ольшевец в 1927 году. Или это стойкий стереотип восприятия, соответствующий «социальному заказу»? — *М. Д.*) (ЛЛ. № 19. С. 3.)

8 мая. Еще одна газетная полоса под шапкой «Десятого мая Ленинградский Оргкомитет обсуждает повесть М. Зощенко „Возвращенная молодость"». Полемизируя с А. Гореловым, Е. Журбина, посвятившая себя изучению творчества Зощенко и написавшая о нем не одну серьезную работу, в статье «Критическая алхимия и баланс поисков молодости» приходит к выводу, что писатель вышел «в высокую, настоящую сатиру».

Из статьи А. Бескиной «М. Зощенко в поисках оптимизма». Блестяще разоблачив мелкобуржуазную ограниченность теоретического мышления своего героя, которое заставляет его подменять проблему своей социальной судьбы вопросами своего пищеварения, Зощенко все-таки не показал тех реальных путей, на которых возможна социальная «перековка» мещанства. (ЛЛ. № 21. С. 3.)

14 мая. Из отчета об обсуждении «Возвращенной молодости» в Оргкомитете. Зощенко. В течение пятнадцати лет моей литературной работы я был в разладе с большой литературой. Пятнадцать лет назад я принес первые два рассказа в «Красную газету». Литературным отделом тогда заведовал В. Князев (поэт-сатирик, погиб в 1937 году. — *М. Д.*). Ответ я прочел в «Почтовом ящике»:

«Нам нужен ржаной хлеб, а не сыр бри». Моя работа считалась «сыром бри» или «сатириконской литературой», которой нет места в большой литературе. Даже в 1934 году я еще читаю в «Литературной энциклопедии» и БСЭ, что Зощенко — писатель, пишущий на потребу обывателя. Да, толстые журналы меня не печатали. Мне возвращали рукописи и Замятин, и Чуковский, и Кузмин. Как ни странно, только сейчас, на этом заседании Оргкомитета, я впервые встречаюсь с большой литературой. Но, признаюсь, эта встреча не вызывает во мне энтузиазма. Мнение, существующее о моей повести, меня не удовлетворяет.

Прения. Зощенко поддержал М. Слонимский, сравнив его судьбу с судьбой Маяковского. Иного мнения держался редактор «Литературного Ленинграда» В. Ральцевич, утверждавший, что писатель зашел в тупик, что повесть — «не победа, а глубокое поражение». По словам М. Козакова, «в „Возвращенной молодости" мы видим, как язык Зощенко совершенно меняется. И это самое замечательное...» Но композицию он определил как «аварийную». Н. Свирин счел так: «<...> поставленной проблемы он не разрешает, пытаясь это сделать на неверной идейной базе вульгарного материализма». Но — нельзя зачеркивать художественные достоинства вещи. Автор отчета Ис. (Ю. Исаков) заключил: «Мы должны отметить и то, что на заседании оказалось очень мало членов Оргкомитета, а значительная часть присутствовавших в обсуждении не участвовала». (ЛЛ. № 22. С. 1.)

8 августа. Напечатан шарж Б. Антоновского «Оркестр ленинградских писателей перед Всесоюзным съездом писателей». Зощенко в этом оркестре задумчиво перебирает струны арфы. (ЛЛ. № 37. С. 3.)

11 августа. Из речи Федина на ленинградской писательской конференции. Зощенко остается крупнейшим мастером короткого рассказа на современную тему. Теперь он расширяет эту тему, выходит из быта в соседние с искусством научные области, ищет новые формы. Известна его повесть «Возвращенная молодость», построенная на неожиданном соотношении сентиментальной новеллы в духе его же, зощенковской, традиции с науковидным комментарием из примечаний. Повесть вызвала целое «движение», но все еще не оценена со стороны ее роли в развитии жанра. Теперь Зощенко выступил с повестью «Голубая книга», еще более острой по новизне писательского отношения к материалу. Значение разностороннего изобретательства Зощенко в стиле и конструкции сюжетной новеллы огромно. (ЛЛ. № 38. С. 4.)

20 октября. Из интервью, взятого Евг. Танком и напечатанного под заголовком «О книгах М. Зощенко и письмах к нему» в рубрике «Творческая мастерская». Он, над рассказами которого смеются миллионы читателей, в частной жизни — очень серьезный, почти меланхолический человек, осторожно взвешивающий каждое

слово, редко улыбающийся, почти никогда не смеющийся. Сам Зощенко с иронией показывает письмо одной читательницы, которая восклицает: «Воображаю, как весело с вами вашей семье!» <...>

— В 1933 году я выступал по СССР на 14 читательских вечерах, почти каждый раз перед аудиторией в две-три тысячи человек. <...>

— Что вы читаете, а, главное, перечитываете? Какие писатели оказали на вас влияние?

— Мои любимые книги — «Тысяча и одна ночь», «Жизнь Бенвенуто Челлини» и «Похождения Хаджи-Баба» Мариэтта, писателя, которого у нас мало знают и, по-моему, недооценивают. <...> Я считаю, что на меня повлияли Мопассан и Мериме. У них я старался учиться искусству короткой новеллы. (ЛЛ. № 53. С. 3.)

3 декабря. Делегация Союза советских писателей возложила венок и живые цветы на гроб Сергея Мироновича Кирова. В почетном карауле стояли тт. Алексей Толстой, Ник. Тихонов, Анат. Горелов, А. Камегулов, Л. Соболев, М. Зощенко, С. Маршак, С. Семенов, М. Козаков. (ЛЛ. № 60. С. 3.)

1935

1 января. Пародия А. Флита — анкета «Над чем я буду работать в 1935 году». Михаил Зощенко. Закончив «Голубую книгу», сразу же приступлю к «Зеленой физике» для небогатых. Предполагаю соединить мои старые рассказы с новейшими исследованиями атомного ядра под общим заглавием «Шалости атомистики» (Резерфорд, Нильс Бор и другие). В книге будут три раздела: 1 — «Граждане Протончики», 2 — «В рассуждении Позитрона» и 3 — «Нейтронная личность». (ЛЛ. № 1. С. 4.)

3 июня. Из «Прощания с читателем» — послесловия к «Голубой книге». А эту Голубую книгу мы заканчиваем у себя на квартире, в Ленинграде, 3 июня 1935 года. Сидим за письменным столом и пишем эти строчки. Окно открыто. Солнце. Внизу — бульвар. Играет духовой оркестр. Напротив серый дом. И там, видим, на балкон выходит женщина в лиловом платье. И она смеется, глядя на наше варварское занятие, в сущности не свойственное мужчине и человеку. И мы смущены. И бросаем это дело. Привет, друзья. (СС, 1986—87. Т. 3. С. 446.)

20 июля. Сообщается, что «в ленинградском отделении ССП широко развернулась посылка писательских бригад на места», в состав одной из которых, отправляющейся на Дальний Восток, включен Зощенко. (ЛЛ. № 33. С. 1.)

24 октября. Справка. Дана настоящая справка писателю тов. Зощенко М. М. в том, что он отдыхал в санатории (в Коктебеле. — *М. Д.*) с 10—25 октября 1935 г.

Внизу приписка: «Г[остиница] „Метрополь". 2. XI. 35. Да, был.

После двух недель возвращаюсь еще более хворый, чем был раньше. М. З.». (601, 1, 3, л. 26.)

26 октября. **М. Зощенко. О моей трилогии** (в рубрике «Наши интервью». — *М. Д.*). На «Голубую книгу» у меня ушло два года беспрерывной, изо дня в день, работы. До этого три года я готовил «Возвращенную молодость». Итак, почти пять лет я жил работой над двумя книгами, почти не отрываясь для других дел. Сейчас я думаю приняться за новую книгу, которая будет последней в моей трилогии, начатой «Возвращенной молодостью» и продолженной «Голубой книгой» («Ключи счастья», получившую потом название «Перед восходом солнца». — *М. Д.*). Все эти три книги, хоть и не объединены единым сюжетом, связаны внутренней идеей. Последняя книга трилогии задумана значительно более сложной; в ней будет несколько иной подход ко всему материалу, чем в «Возвращенной молодости» и «Голубой книге», а те вопросы, которые я затрагивал в предыдущих двух книгах, получат завершение в специальной главе новой книги. Эта книга будет мало похожа на обычную художественную прозу. Это будет скорей трактат философский и публицистический, нежели беллетристика. Впрочем, я не думаю лишить ее элементов художественного произведения. В книге будут новеллы и, может быть, даже единый сюжет. Во всяком случае, все главы должны быть связаны единой идеей. Возможно, что в будущем году в печати уже появятся отдельные главы новой книги, но закончить ее я думаю только через три года. Она будет довольно обширна (около 20 листов), работа предстоит очень сложная, хотя почти весь материал уже собран.

Параллельно с этой «капитальной» работой у меня в плане комедия, ряд газетных фельетонов и ряд новелл. О комедии я уже думал давно, у меня есть кое-какие наметки и сюжеты, но их надо уточнить. До сих пор меня целиком поглощала «Голубая книга», сейчас я твердо решил в 1935—1936 годах написать советскую бытовую комедию.

В последнее время моим творчеством довольно усиленно занималась критика. Из всех критических работ, которые мне известны, наиболее интересной мне кажется статья А. Лежнева в «Октябре». В этой статье А. Лежнев удивительно близко подошел к тому, о чем я сам думал. В ней есть немало спорных положений, но в общем это первая серьезная критика моей работы. Хотелось бы отметить также очень интересные статьи А. Бескиной и Е. Журбиной. Эти три критических статьи удовлетворили меня как писателя. Судя по ним, я могу считать, что наша критика находится не в таком уж печальном положении, как это многие утверждают. Я указываю на эти статьи не потому, что авторы их благосклонно относятся к моему творчеству. Меня обрадовала не столько их похвала, сколько правильное (с моей точки зрения)

проникновение в суть дела, верный анализ идейного содержания книг. (ЛЛ. № 49. С. 1.)

Осень. Письмо из акционерного общества «Литературное агентство». Рад сообщить Вам, что нами заключен договор с лондонским издательством «Вишарт» на «Возвращенную молодость». Книга выйдет, очевидно, еще в 1935 г.

Приписка. Обещают около 100 долларов! Не знаю. Не думаю. М. З. (601, 1, 3, л. 25.)

1936

14 января. В последнем номере «Красной нови» (№ 12) напечатана заключительная часть (пятая) «Голубой книги» М. Зощенко. <...> «Голубая книга» М. Зощенко по своему замыслу и художественному мастерству представляет исключительный интерес для читателя и критики. (ЛЛ. № 3. С. 4.)

25 марта. Горький — Зощенко. Дорогой Михаил Михайлович — вчера прочитал я «Голубую книгу». Комплименты мои едва ли интересны для Вас и нужны Вам, но все же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант Ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних. Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать Вас. <...> Искренно рад узнать, что здоровье Ваше в добром порядке, а то, знаете, тревожно было слышать от товарищей, что Вы неважно чувствуете себя. Ну и — будьте здоровы на долгие годы. (ЛН, 70. С. 167—168.)

Март. Из статьи Ал. Дымшица «О „Голубой книге" М. Зощенко». Следует опасаться, что некоторые не в меру наивные люди начнут подходить к этому произведению как к историческому исследованию. Печальный опыт медицинских диспутов вокруг «Возвращенной молодости» вполне подсказывает такую возможность. Против подобного рода анекдотической «критики» надо предостеречь с самого начала. Нужно решительно заявить, что тот, кто пожелает подходить к «историку» Зощенко всерьез, как к беллетристу-историку, а «Голубую книгу» примет за историческую прозу, достоин того, чтобы его лечили по «рецептам» «Возвращенной молодости». (Рез. № 6. С. 18—19.)

8 апреля. К этому дню «дискуссия о формализме», как ее фарисейски именовали, а на самом деле погромная кампания, начатая после серии статей в «Правде», открытой печально известным материалом «Сумбур вместо музыки», чуть-чуть поутихла, во всяком случае на несколько дней. Сделали перерыв и в Ленинграде, где с 25 марта непрерывно обличали, каялись и публично доносили друг на друга музыканты, художники, писатели. Недокаявшихся и недогромивших известили, что «продолжение дискуссии — 13 апреля в Доме писателя им. Маяковского. Ожидаются

выступления Н. Тихонова, М. Слонимского, Ю. Германа, М. Зощенко и других литераторов». (ЛЛ. № 17. С. 3.)

13 апреля. Из выступления Зощенко, напечатанного под заголовком «Литература должна быть народной» 20 апреля, а затем — как статья — в обоих изданиях книги «1935—1937». Как же с этим формализмом обстоит у меня? Я никогда не писал, как поют птицы в лесу. Я прошел через формальную выучку. Новые задачи и новый читатель заставили меня обратиться к новым формам. Не от эстетических потребностей я взял те формы, с которыми вы меня видите. Новое содержание диктовало мне именно такую форму, в которой мне наивыгодно было бы подать содержание. То, что я не ошибся в основных моих поисках демократической (пусть временно) ф о р м ы, — это очевидно. Тому порукой большое количество читателей.

Композиция моих работ, по-видимому, ни для кого не является спорной. Что же касается языка, то тут по временам я терпел нарекания и происки наших критиков. Но эти нарекания несправедливы. Я прошу взглянуть внимательно на мои, хотя бы избранные, р а с с к а з ы, — они написаны почти что академически правильно — без искажения слов и без «простонародного» сюсюканья. А эффект достигнут тем, что я немного изменил синтаксис, изменил расстановку слов, приняв за образец народную речь. Конечно, я, пожалуй, мог бы писать более, что ли, мягко, не прибегая иной раз к резким оборотам и выражениям. Но тут у меня была двойная задача. С одной стороны, мне надо было максимально достичь моего читателя, а с другой стороны, я подошел к языку сатирически, то есть я посмеялся над искаженным языком, на котором многие говорят. <...>

Что касается «Голубой книги», то критик Зелинский, желая принести посильную пользу в борьбе с формализмом, усмотрел формализм в этой моей работе. Критику показалось, что для исторических новелл не следует употреблять этот мой язык. Но это ошибка. И вот почему. Если бы исторические новеллы, помещенные в «Голубой книге», были написаны совсем иным языком, чем рядом лежащие советские новеллы, то получился бы абсурд, потому что историческая часть выглядела бы торжественно, что не входило в мои задачи. Во-вторых, мне нужно было разбить привычный и традиционный подход читателя к такой теме. В-третьих, новеллы написаны мной просто правильным языком, а эффект упрощения опять-таки достигнут иными путями. И пусть критики более внимательно смотрят, как это сделано. Никакого «мещанского сказа» тут у меня нет. (ЛЛ. № 19. С. 2.)

9 мая. Из статьи А. Гурштейна «По аллеям истории». Имя Михаила Зощенко очень популярно. Он — автор многих новелл, героем которых является собирательный мещанин, <...> доживающий свои последние дни в нашей социалистической действитель-

ности. <...> Зощенковский рассказчик находится в близком родстве — идейном и социальном — с зощенковский «героем». Вот он рассказывает о том, как спекулянта выслали в Нарымский край, он не умеет точно определить, дали ли ему «минус семь или плюс семь», потому что: «я в этих делах пока что слабо понимаю». Он *пока что* в этом слабо разбирается, но он может этому легко научиться! <...>

Новая книга Мих. Зощенко в основном состоит из традиционных зощенковских новелл. Но Зощенко ставит себе здесь и другую, необычную для него задачу. «Голубая книга» включает также «исторические новеллы» <...> он предлагает читателю совместно с ним прогуляться «по аллеям истории». <...> С его «философией истории» произошла прелюбопытная и вместе с тем пренеприятная история. «Материалы» подбирал Зощенко, рассказать о них в книге собирался как будто тоже Зощенко, а на высокую писательскую кафедру взобрался со свойственной ему бойкостью его традиционный персонаж. <...> Приелась советскому читателю косвенная и окольная речь иных наших писателей, ему порядком надоело пробираться сквозь иронические стилизации и стилизованную иронию. <...> «Голубая книга» Зощенко продолжает — особенно в исторической части — эту ироническую традицию. <...> Получается иногда — будем говорить без иносказаний — зубоскальство. <...>

Зощенковский рассказчик, который водил пером автора, умудряется опошлить <...> весьма значительные темы и сюжеты. <...> Незнание, непонимание истории, невежество обнаружил писатель Зощенко. Все богатство исторической жизни он свел к анекдоту. <...> Мысль бедная, убогая. <...> Это — не сатира на историю, а мещанская прогулка «по аллеям истории», копилка исторических анекдотов на потребу обывательской пошлости. (Пр. № 126. С. 2—3.)

5 сентября. Из репортажа Евг. Танка «В гостях у Михаила Зощенко». После летнего отдыха в Ленинград возвратился Мих. Зощенко. (Все лето газеты, в том числе и «Литературный Ленинград», вели наводящую жуть и сейчас травлю «врагов народа». Их видели повсюду — и разоблачали, требовали немедленного вмешательства НКВД, расправы, смерти. — *М. Д.*) <...>

— Теперь я возвращаюсь к своему старому жанру — короткому рассказу и новелле, к жанру, в котором я дебютировал лет десять назад на страницах «Бегемота». Рассказы эти будут печататься в журналах, и в первую очередь — в «Крокодиле», с которым я на днях заключил соглашение.

— А «Ключи счастья»?

— Я отнюдь не думаю забросить эту тему. <...> трудность темы заставляет меня отложить ее примерно на год, чтобы лучше обдумать и подготовиться. <...>

— Есть ли какое-нибудь сходство между «маской» Чаплина (речь перед тем шла о фильме «Новые времена». — *М. Д.*) и вашей литературной маской?

— Об этом мне пришлось слышать от некоторых друзей, например от Юрия Олеши. Мне лично трудно судить об этом. Все же мне кажется, что есть в картине места (особенно там, где Чарли фантазирует о своем благополучии в собственном коттедже и доит корову), которые чем-то напоминают мне моего «маленького» человека. <...>

— Что вы подготовили для печати за последнее время?

— Нынешним летом я закончил для издания «Две пятилетки» повесть «Возмездие» размером в четыре листа. <...> Для юбилейного сборника ЭПРОНа (Экспедиции подводных работ особого назначения. — *М. Д.*) я написал большой очерк «Черный принц». Этот исторический очерк — новый для меня жанр. Меня увлек материал — история о том, как зародилась легенда о миллионах, похороненных якобы в трюмах английского парохода «Черный принц» на дне Балаклавской бухты. (ЛЛ. № 41. С. 2.)

5 октября. Напечатано коллективное письмо «Писателям революционной Испании», под которым стоит и подпись Зощенко. (ЛЛ. № 46. С. 1.)

1937

5 января. **Мой план.** В январе прошлого года мною были задуманы к 20-й годовщине Великой пролетарской революции следующие работы: 1. Повесть «Черный принц» — глава из истории ЭПРОНа. 2. Повесть «Возмездие» для сборника «Две пятилетки». 3. Книга новых рассказов. 4. Новая книга под названием «Ключи счастья». <...> Две первые работы — семь печатных листов — мною сданы и редакциями приняты к печати. Книга новых рассказов заканчивается. Книга «Ключи счастья» начата, и я буду работать над ней в 1937 году. Надеюсь, что она будет закончена к лету или к осени. М. Зощенко. (ЛГ. № 1. С. 3.)

29 января. Под шапкой «Смерть троцкистским извергам — изменникам родины» и заголовком «Никакой пощады!» напечатан отчет об общем собрании ленинградских писателей, на котором выступили С. Марвич, М. Чумандрин, А. Прокофьев, А. Гитович («Только один разговор остался для этой сволочи, — заявил в своих стихах А. Гитович, — это „точный, скупой разговор свинца"»).

Выступил и Зощенко. «Ни о какой жалости не может быть и речи! — говорит Мих. Зощенко. — Я, считавший себя знатоком человеческой совести, никогда не предполагал, что можно совместить столько подлости и грязи, сколько совмещали в себе Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и другие фашистские наймиты».

После него то же самое говорили Л. Соболев, Ю. Либединский, В. Саянов, Б. Лавренев («Я голосую за смерть»), М. Козаков, А. Горелов, В. Эрлих, М. Фроман, И. Авраменко, Г. Мирошниченко. Резолюция собрания, под которой в числе других стоит подпись Зощенко, заканчивается так: «Мы, ленинградские писатели, требуем расстрелять всю фашистскую шайку — всех до единого!»

На следующей полосе — заметка Мих. Зощенко. **Суд сурово покарает преступников.** Процесс контрреволюционного «параллельного центра» поражает и возмущает еще больше, чем прошлый процесс Зиновьева—Каменева. Вероятно, потому, что контрреволюционную деятельность удалось раскрыть еще глубже. Методы борьбы оказались более циничны, отвратительны и ужасны, чем можно было предполагать. История не знает примеров более тягостных. Границы между троцкистом, диверсантом и фашистом окончательно стерлись. Поражает полная аморальность участников блока. У них даже нет и не было спайки между собой. Они пылают друг к другу ненавистью, как обыкновенные мелкие воры. И какое презрение к советскому народу! Они хотели решить судьбу страны через голову народа. Они принимали его за быдло, с которым не следует считаться. Контакт участников блока с фашистами показывает, что в основе лежит не только стремление к власти, но именно это презрение, лютая ненависть к народу, неверие в его силы. Суд сурово покарает преступников, и это явится предостережением всем тем людям, которые думают, что можно изменить судьбу нашей страны без ведома и воли самого народа. (ЛЛ. № 5. С. 1, 2.)

10 февраля. Зощенко написал «Шестую повесть Белкина». Как рассказывает писатель, «Шестая повесть Белкина» является попыткой воспроизвести сюжетные и стилистические особенности «Повестей Белкина». В настоящее время Зощенко готовит новый томик рассказов-новелл, который в феврале будет сдан в Гослитиздат. (ВМ. № 33. С. 3.)

11 апреля. Зощенко — М. М. Шкапской (поэт, прозаик). Мне кажется, что редакция альманаха «XX год» находится в некоторой нерешительности по поводу моей статьи («Четыре письма Горького». — *М. Д.*), которую Вы им передали. Вероятно, смущает IV, последнее, письмо Горького, в котором дана столь высокая оценка «Голубой книги». Или, может быть, смущает весь тон переписки и мои заметки по этому поводу. Мария Михайловна, если мое предположение верно и если у редакции имеется *хотя бы тень сомнения,* — я очень Вас прошу *взять статью* назад. Не горю желанием напечатать письма. Мне лично это не надо. Я подумал, что, может, и не дело при жизни печатать то, что имеет в какой-то мере интимный характер. Подать же казенно эти письма нельзя было. Поэтому я и написал в том стиле, в каком следует это сделать. Надо печатать либо все, либо ничего. <...> Я хотел было

в случае чего напечатать статью с письмами — в журнале «Звезда», но теперь решил вовсе не печатать. Критика у нас грубая, пишут невероятно оскорбительно и заносчиво, так что предвижу всякие обиды, которые я, кстати сказать, терплю много лет. (2182, 1, 325, л. 1—2.)

1 апреля. Зощенко — в редакцию альманаха «Год XX». Все-таки письма идут вразрез с той критикой, которая существует сейчас в отношении меня. Значит, я ошибся, что прислал письма для печати. И значит, я не учел этот момент. Не учел, потому что не имел в виду этими письмами «поправить» свою репутацию. <...> Прошу вас вернуть то, что я прислал. <...> Я раздумал печатать — вероятно, что в письмах имеется элемент субъективного отношения Горького ко мне, и, возможно, это вызовет недоумение. (622, 1, 2а, л. 6—7 об.)

Вторая половина апреля. Н. Н. Накоряков (редактор альманаха «Год XX») — Зощенко. Редакция ни одной минуты не сомневалась по поводу опубликования Вашей переписки, не сомневалась в ее объективной ценности. Но если Вы думаете, что это может осложнить Ваш ответ критике и может рассматриваться как попытка, что вместо ответа Вы публикуете материал, апеллируя к имени А. М. Горького, то я готов идти на уступку и отказаться от публикации временно. <...> Но вместе с тем в будущем, в последующих номерах Альманаха, поставимте цель все-таки опубликовать эти письма, когда Вы найдете это более удобным. (Там же. Л. 9.)

История имела неожиданный финал: 17 июня статья «Четыре письма А. М. Горького» появилась в «Ленинградской правде».

19 октября. Зощенко — И. Г. Лежневу (заведующему отделом литературы и искусства «Правды»). <...> в ближайшие дни я начну работать в Окружной избирательной комиссии — тогда, надеюсь, у меня будет достаточный материал и я тотчас подошлю фельетон о выборах. (2252, 1, 147, л. 3об.)

20 октября. **М. Зощенко. Впервые в истории.** Впервые в истории человеческих отношений в высший государственный орган — в Верховный Совет СССР — будут избраны всенародно прямым и тайным голосованием люди, которые выдвинулись не дворянской знатностью своего рода и не объемистым кошельком, а своим личным трудом, честностью, талантом, умом, преданностью своей стране. Вот почему день выборов — 12 декабря — надо считать историческим днем. И вот почему писатели, творчество которых принадлежит н а р о д у, — не должны безучастно отнестись к этому величайшему событию. <...> Ленинград. *(По телефону.)* (ЛГ. № 57. С. 2.)

26 ноября. Смерть Сулеймана Стальского — огромная утрата для советской литературы. <...> С огромным талантом и силой он пел о братстве свободных народов, об их счастье и расцвете, о великом вожде трудящихся Иосифе Сталине. <...> А. Н. Толстой,

Н. С. Тихонов, Б. А. Лавренев, А. А. Прокофьев, М. М. Зощенко, А. А. Шабанов, Ю. Н. Тынянов, О. Д. Форш, Г. И. Мирошниченко, В. М. Саянов. (ЛГ. № 64. С. 1.)

19 декабря. Зощенко — Лежневу. Физическое состояние очень дурное, переутомлен до крайности. Последние две недели работа в Окружн. избират. комиссии чрезвычайно напряженная, несколько ночей пришлось не спать. Так что я сейчас в «плохой форме», пишу посредственно, надо отдохнуть. <...> Весьма смущен, что не выполнил Вашу просьбу. Здоровье нехорошо и нервы не в порядке. Пишется плохо. Раньше — написать фельетон — это был для меня не вопрос, а сейчас машина что-то начала сдавать. (2252, 1, 147, л. 4—4 об.)

1938

Январь. Из рецензии И. Эвентова на сборник «Рассказы» (1937). Автор не изменяет своей излюбленной манере — манере сатирического сказа, колоритно и остро раскрывающего характер рассказчика. Однако самый облик рассказчика в последних новеллах уже не тот, что прежде: это не самовлюбленный мещанин, это рядовой советский труженик-оптимист и остряк, зло высмеивающий «забавные фактики» нашего быта. <...> Неудачными следует считать рассказы «Загадочная история» и «20 лет спустя». Они повествуют о случаях, не типичных для нашего быта, и лишены той содержательности и теплоты, которыми характеризуются остальные новеллы этого сборника. (Рез. № 1. Третья стр. обложки.)

Начало года. Зощенко — Лежневу. В настоящий момент я нездоров и вот уже недели три, как не работаю. Все никак не могу (после гриппа) оправиться. <...> Надеюсь, что это состояние не будет продолжительно, и вскоре я смогу приняться за работу. Но вот беда — у меня есть срочная работа (сценарий по Щедрину). Этот сценарий я должен сдать 25 марта. Если мое здоровье будет вполне хорошим, то я смогу совместить эту работу с газетной и журнальной. И тогда я подошлю в «Правду» 1—2 фельетона. Пока же не могу прислать даже в «Крокодил» — мой очередной фельетон. <...> В «Правду» же писать нелегко. И в вялом состоянии я не взялся бы за фельетон. Из шести фельетонов (что я послал в «Правду» за эти два года) только один был напечатан. <...> Если б Вы знали, как трудна моя р а б о т а, — Вы были бы ко мне снисходительны. (2252, 1, 147, л. 7—8об.)

Март. Из рецензии С. Гехта «Новые рассказы Зощенко». Зощенко опубликовал <...> «Возмездие», повесть в сущности героическую. Это — увлекательная и правдивая история одной прислуги, ставшей незаурядным подпольным работником. Как и Блок, Зощенко видит прежде всего в нашей революции возмездие. <...>

Повесть Зощенко воспринимаешь, как русскую народную сказку, сказку жизни. <...> Сатира Зощенко иногда оказывается холостой, так как она убивает тех, кто давно уже мертв. <...> В рассказе «Тишина» Зощенко <...> зря тратит порох. Это и забавная и изящная история двух старорежимных старушек, ничтожных и жалких. Забытые и никому не опасные, они где-то дотлевали, но Зощенко вытащил их на свет, чтобы еще раз произнести им тот приговор, который время произнесло двадцать лет назад. (Лит. обозр. № 6. С. 8—10.)

31 марта. Писатель Мих. Зощенко сегодня утром «Красной стрелой» приехал в Москву. Михаил Зощенко рассказал нашему сотруднику о своих творческих планах:

— В настоящее время я заканчиваю большую книгу «Ключи счастья», над которой работаю уже пять лет. <...>

Кроме того, тов. Зощенко написаны сценарий на колхозную тему для «Мосфильма», несколько новелл на современные темы <...>. (ВМ. № 73. С. 1.)

1 апреля. В дружеской обстановке прошла вчера вечером встреча московских писателей с ленинградским писателем Михаилом Зощенко. Большой зал Московского клуба писателей был переполнен писательской аудиторией. Вечер открыл директор клуба поэт С. Кирсанов и предоставил слово председателю совета клуба А. Н. Толстому. Приветствуя Михаила Зощенко, А. Н. Толстой сказал:

— Искусство только тогда становится большим, когда оно ярко окрашено личностью писателя. Искусство М. М. Зощенко насквозь пропитано этим очарованием его личности, яркостью его таланта.

Писатель П. А. Павленко приветствовал М. Зощенко от имени московских писателей. После этого «слово для творческого отчета» получил Михаил Зощенко, прочитавший ряд своих последних новелл. (ВМ. № 74. С. 3.)

5 апреля. На днях М. Зощенко <...> читал <...> свои замечательные рассказы. Их острая сатира и тонкий юмор не раз вызывали взрывы смеха и аплодисменты. Особенным успехом пользовались его короткие «Детские рассказы не совсем для детей». Рассказы М. Зощенко мастерски читал и приехавший в этот вечер в клуб Игорь Ильинский. (ЛГ. № 19. С. 6.)

1 июня. Писатель Михаил Зощенко по заданию ленинградской студии «Белгоскино» работает над литературным сценарием большого звукового комедийного фильма «Бедный Федя». Тема сценария — развитие физкультурного движения в нашей стране, готовность советских физкультурников к обороне и защите страны социализма. (ВМ. № 123. С. 3.)

22 сентября. Писатель М. М. Зощенко приступил к работе над новеллами, посвященными великому поэту украинского народа Тарасу Шевченко. (ВМ. № 218. С. 3.)

12 октября. Зощенко — Никитиной. Я провел в Коктебеле дней 16. Тут еще до сих пор хорошо. Солнце и тепло. Но скучновато, пустынно. Все уехали. А в первые дни было весело. Тут танцевали и ухаживали за девушками. Уж и не знаю, когда я, наконец, постарею! (2533, 1, 192, л. 2об.)

22 октября. Писатель М. М. Зощенко по договору с Малым театром пишет сейчас комедию «Опасные связи». Комедия посвящена борьбе с пережитками капитализма. Действие происходит в одном из крупных городов в 1937 году. Пьеса будет сдана театру в марте. (СИ. № 141. С. 4.)

17 ноября. Вчера на собрании писателей избран новый президиум ленинградского Союза советских писателей. В президиум вошли тт. Зощенко, Прокофьев, Каверин, Герман, Рахманов и другие. (Изв. № 267. С. 4.)

17 декабря. Зощенко — Л. С. Ленчу (Попову). Дорогой тов. Ленч! Я получил Ваше письмо. В ближайшее время я пошлю в президиум Союза свои принципиальные соображения о жанре комического рассказа (и о Вас). Было бы нелепо не признавать этот жанр. *Если же этот жанр будет «признан», то нет основания Вас не принимать в Союз.* Постараюсь это сделать убедительно. [И надеюсь, что Союз заново пересмотрит Ваше заявление. <...> Советую Вам быть поспокойней. Вы сами говорили, что имели много случаев убедиться, что читатель Вас любит. А это главное.] Уверяю Вас, что меня не признавали лет десять. И перечисляя писателей — *не упоминали моего имени.* Я на это реагировал тем, что ушел в тонкий журнал и там утвердил то, что казалось сомнительным. (601, 3, 8, л. 1—1об. — Восп. С. 243.)

1939

1 февраля. Опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении советских писателей». В числе ста двух человек — Зощенко, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. (Пр. № 31. С. 2.)

25 февраля. Писатель Михаил Зощенко прочитал в клубе писателей свою новую пьесу — комедию «Опасные связи». (ВМ. № 45. С. 3.)

30 марта. Ленинград. Дом писателя им. Маяковского продолжает проводить творческие вечера крупнейших советских писателей. Второй вечер был посвящен Михаилу Зощенко. <...> Вступительное слово <...> сделал Юрий Тынянов. Он говорил о том значительном месте, которое М. Зощенко занимал и занимает в нашей советской литературе. «Самое ценное в творчестве Зощенко, — говорит в своей речи Евг. Петров, — самое главное, делающее Зощенко исключительным писателем, — это то, что им создан собирательный образ мещанина, разработанный с ювелирной тща-

тельностью. <...> Все мы, в сущности, еще молодые писатели. <...> Молод и Зощенко. Он будет жить в коммунистическом обществе, для которого он работает сейчас, самоотверженно вылизывая „чахоткины плевки" точнейшим и острейшим языком своих рассказов и повестей». «Уважение к литературе — вот черта, которая отличает работу М. Зощенко», — говорит В. Каверин. <...> После выступления режиссера Леонида Трауберга М. Зощенко рассказал о своей работе над пьесой «Опасные связи» и с огромным успехом прочел ряд своих рассказов и фельетонов. (ЛГ. № 18. С. 6.)

20 августа. Объявлен конкурс (журналом «Огонек» и ССП) на «лучшую советскую новеллу — короткий рассказ». В жюри вошли М. Зощенко, В. Катаев, К. Паустовский и другие литераторы. (ЛГ. № 46. С. 2.)

25 ноября. Литературный концерт В. Н. Яхонтова, составленный из произведений Мих. Зощенко, имел заслуженный успех у посетителей переполненного на этот раз концертного зала Большого театра. (ВМ. № 269. С. 3.)

5 декабря. Завтра, 6 декабря, в клубе МГУ состоится творческий вечер М. Зощенко. Доклад о его творчестве сделает В. Шкловский. Несколько рассказов М. Зощенко прочтет В. Н. Яхонтов. (ЛГ. № 67. С. 6.)

1940

17 января. Зощенко — Яхонтову. Дорогой Владимир Николаевич! <...> Очень жалею, что мы не повидались. 17-го я позвонил в «Асторию», но Вы уже уехали. А до этого все дни я был в дурном состоянии — что-то плохо было с сердцем и с нервами. В таком виде я обычно сижу в одиночестве. Вы уж извините меня. <...> Все больше я убеждаюсь, что Вы сделали удивительную работу. Я был (в силу особых свойств характера) замаскирован смехом. Но Вам удалось, не повредив тканей рассказа, сохранить и смех и все другие чувства. Вы передаете мои чувства с огромной силой, и это поразительно, как Вам это удается. Можно, пожалуй, спорить о пропорции, — вероятно, я сильней и мужественней, чем иной раз получается в Вашем рисунке, но это не беда — общий характер правилен, и Ваше обаяние велико для того, чтоб спорить о деталях. Еще раз скажу — я попросту удивлен Вашей силе. Не сомневаюсь, что Вы поразительно прочтете то, что задумали, — комические рассказы — «Баню», «Аристократку», «Историю болезни»... Это будет сенсация. И многим актерам будет не по себе. (2440, 1, 130, л. 1—1 об.) — Полностью: Н. Крымова. Владимир Яхонтов. М.: Искусство, 1978. С. 282.)

Январь. Из рецензий А. Титовой на сборник «Рассказы» (1939). Нам кажется, что Детиздат оказал плохую услугу М. Зощенко, выпустив его старые рассказы для взрослых в издании

для детей. Рассказы эти не пригодны для детского чтения, и не только потому, что приучают ребят к грубым, пошлым и блатным выражениям, с которыми приходится вести борьбу и в школе и в семье. Возьмем, например, <...> рассказ «Няня». <...> Смысл рассказа в том, что поступившая к Фарфоровым нянька под видом прогулок с ребенком собирала с ним по углам милостыню. Что занимательного для ребят в этом рассказе? И кто дал право детскому издательству воспитывать в детях отношение к труду родителей, как к огребанию денег? <...> Следует посоветовать М. Зощенко, если он действительно хочет, чтобы его книги читались детьми, серьезно подумать о значении языка и содержания своих рассказов для юного читателя. (НМ. № 1. С. 255.)

26 мая. Из статьи А. Ивича «О младенцах и разумных существах». Откроем «Чиж». Вот Зощенко разговаривает с детьми как с мыслящими существами. <...> При всей их (рассказов. — *М. Д.*) почти предельной простоте они значительны. В несложные, весело рассказанные эпизоды Зощенко вкладывает богатые наблюдения и точные характеристики. <...> они заставляют ребят думать о поступках героев, самостоятельно их оценивать. (ЛГ. № 29. С. 5.)

30 июня. В ближайшее время поступит в продажу юбилейное издание рассказов Мих. Зощенко «Уважаемые граждане», выпущенное издательством «Советский писатель». Книга включает лучшие произведения Зощенко и является как бы творческим отчетом писателя за пятнадцать лет работы — с 1923 по 1938 г. Издание прекрасно оформлено и иллюстрировано автолитографиями Евг. Кибрика. (ЛГ. № 36. С. 6.)

17 июля. Михаил Зощенко совместно с драматургом М. Большинцовым закончил для киностудии малых форм сценарий комедийного фильма «Уважаемые граждане» на тему об уважении личности. (Ни этот, ни предыдущие, ни последующие сценарии поставлены не были. — *М. Д.*) (ВМ. № 163. С. 3.)

12 ноября. В газете «Советское искусство» от 20 октября была помещена статья начальника Главреперткома И. Бурмистенко «Об эстрадном репертуаре». В этой статье какая-то эстрадная сценка под названием «Радиошутка» приписывалась мне. Причем было сказано, что в этой «политически вредной, пошлой сценке» я протаскиваю «антисоветскую болтовню о колхозах». Хотя такой сценки я не писал и эстрадным исполнителям никогда ничего не давал, — я тем не менее затребовал в Главреперткоме текст этой сценки, допуская, что кто-либо из эстрадных исполнителей переделал на свой лад какой-нибудь мой рассказ. Оказалось, что никакого отношения, даже косвенного, к этой сценке я не имел. Больше того, эту сценку нельзя даже назвать литературным произведением. Это — галиматья, которая ничего общего с литературой не имеет. Я не знаю, как произошла ошибка, благодаря которой начальник Главреперткома нашел уместным сказать обо

мне так, как он это сказал. Дело это в дальнейшем разберется. Пока же возникают два вопроса.

1. Как мог начальник Главреперткома, через руки которого проходят сотни произведений, как он мог такую антихудожественную, вульгарную чушь приписать мне — писателю, проработавшему в литературе 20 лет?

2. В своей статье начальник Главреперткома весьма резко обругал (кроме меня) еще целый ряд эстрадных произведений московских и ленинградских авторов. Эти произведения были названы: пошлыми, фальшивыми и клеветническими. Вся статья пестрит словами: пошлость, зубоскальство, сусальность, клевета, низкий идейный уровень. Однако возникает вопрос — что же смотрел начальник Главреперткома? Ведь некоторые из указанных эстрадных произведений шли на эстраде 5 и 6 лет. Ведь начальник Главреперткома в одинаковой мере, а может, даже и в большей степени, чем авторы, несет ответственность за появление на эстраде пошлых вещей.

Надо быть справедливым. И не следует все промахи перекладывать только на чужие головы. Мих. Зощенко. (ЛГ. № 56. С. 6.)

16 декабря. Зощенко — Г. Е. Рыклину (фельетонисту и редактору «Крокодила»). Дорогой Григорий Ефимович! Посылаю новогодний рассказ «Сынок и пасынок». <...> В конце месяца надеюсь прислать еще один фельетон. <...> То, что рассказ новогодний, — это будет видно в самом конце. Так что читайте без тревоги. (Рассказ напечатан в № 1 за 1941 год. — *М. Д.*) (601, 3, 10, л. 1.)

22 декабря. Ленинград. Отдел пропаганды и агитации Куйбышевского райкома ВКП (б) регулярно проводит встречи партийного и комсомольского актива с ленинградскими писателями. Состоялись уже встречи с Ю. Германом и В. Кавериным. Недавно состоялся вечер М. Зощенко, собравший свыше 700 активистов района — коммунистов и комсомольцев. М. Зощенко прочел ряд новых рассказов и поделился опытом своей литературной работы. (ЛГ. № 62. С. 6.)

1941

12 февраля. Зощенко — Ардову. Материал для сборника под Вашей уважаемой редакцией — постараюсь подослать, хотя тут имеются затруднения. Могу предложить — старье-с. Нового (из комического репертуара) почти не пишем. Как говорится — товар скоропортящийся — фирму ни с какой стороны не обогащает — себе дороже. Заняты больше почти что научной продукцией. Строгаем помимо того детские рассказы. Да изредка сочиняем побасенки душеспасительного содержания. Кое-что написали и для отечественной сцены — представление «для акта трансформации».

Одна актриса уговорила написать. Не мог отказать. Слаб. На днях приступаем к большому полотну — историческая повесть из жизни бедных людей под названием — «Рука Всевышнего отечество спасла» (это — название ура-патриотической драмы Нестора Кукольника. — *М. Д.*). А с весны приняли государственный заказ на написание пиесы, достойной украсить столичные подмостки.

Из всего этого Вы можете видеть, что комический фельетон мы почти что не держим в магазине. И Ваше предложение, почтеннейший, застало нашу фирму врасплох. По причине этого мы можем подослать чего-нибудь из залежалого. А ежели поновей, то из детского гардероба. (1822, 1, 368, л. 6—6 об.)

19 февраля. Ленгорисполком. Удостоверение. Настоящим удостоверяется, что тов. Зощенко Михаилу Михайловичу (так в тексте! — *М. Д.*) делегируется партийными, советскими и общественными организациями города Ленинграда на юбилейную сессию Верховного Совета Грузинской ССР, посвященную 20-й годовщине Советской Грузии. (601, 1, 3, л. 32.)

Март. Из рецензии Р. Ковнатора на «Рассказы о Ленине». Написанные с предельной простотой, необычайно легко и ясно, рассказы Зощенко о Ленине, конечно, далеко выходят за рамки «детского чтения». <...> Над образом Ленина будут работать многие художники, многие писатели. Михаил Зощенко стоит в том ряду советских литераторов, который может решить одну из центральных задач нашего искусства. (Л-д. № 6. С. 22—23.)

1 мая. **Мих. Зощенко.** О себе. Обычно мне удавалось все, что было связано с моим большим желанием. Иной раз я ставил себе весьма трудные задачи (и не только в литературе) и выполнял их. Будучи студентом, я на пари скроил и сшил китель. Хотя до этого времени я если и держал иголку в руках, то только для того, чтобы пришить пуговицу. Этот китель я по условию должен был носить месяц. Однако я проходил в нем целое лето — китель был сшит довольно сносно. В 19-м году я (без подготовки) стал следователем уголовного розыска. И довольно порядочно вел дела. В 32-м году я поставил в Мюзик-холле мою одноактную комедию «Свадьба». Эта моя режиссерская работа увенчалась успехом. В 34-м году я, худо или хорошо, но проиллюстрировал мою «Голубую книгу». Довольно прилично и в короткое время я изучил медицину.

Но одно дело, с которым я столкнулся в жизни, я не мог преодолеть. Я говорю о драматургии. Вот в большой драматургии я успеха не имел. Хотя желание написать хорошую трехактную комедию было у меня не меньше, чем тогда, когда я брался за китель. Из этого заключаю, что драматургия — одно из нелегких дел. И это действительно так. Во всяком случае, для рук литераторов, пишущих повести и романы. Драматургическое произведение требует не совсем обычного подхода. Французский замок нельзя открыть обыкновенным, хотя бы и великолепно сделанным ключом.

Но я не сложил оружие. И в марте этого года я снова взялся за комедию. Я подписал договор на государственный заказ. И в первых числах мая я сдам мою комедию Комитету по делам искусств. Я имею надежду, что на этот раз я преодолел препятствия. (ЛГ. № 18. С. 3.)

29 мая. Вчера закончилось продолжавшееся два дня общее собрание ленинградских писателей. <...> В состав нового правления избраны 23 товарища, в том числе: Зощенко, Лозинский, Тихонов, Лавренев, Саянов, Герман, Прокофьев, Тынянов <...>. (Пр. № 147. С. 1.)

До начала войны оставалось меньше месяца...

3 сентября. Напечатано коллективное обращение «Защитим нашу культуру!», подписанное академиками А. Байковым, Л. Орбели, П. Степановым, И. Мещаниновым, композитором Д. Шостаковичем, писателем М. Зощенко, режиссером С. Радловым. (Изв. № 208. С. 2.)

24 сентября. Отделение издательства «Советский писатель» в Ленинграде выпускает сборники стихов, очерков и рассказов (под названием «Родина зовет». — *М. Д.*) писателей о героической борьбе Красной Армии против гитлеровских орд, о мужестве бойцов и партизан. Первые два сборника вышли. В них напечатаны произведения М. Зощенко, В. Каверина, Б. Лавренева, В. Саянова, Н. Тихонова <...>. Заканчивается печатание третьего сборника. (ЛГ. № 38. С. 3.)

Октябрь. Зощенко эвакуирован из Ленинграда в Алма-Ату.

1942

Весь год. Работает на сценарной студии «Мосфильма», входившего в Алма-Ате в ЦОКС — Центральную объединенную киностудию. Живет по адресу: Узбекская, 136, кв. 3.

12 марта. А. А. Ахматова — Н. И. Харджиеву (известному литературоведу). Я закончила поэму («Поэму без героя». — *М. Д.*), которая Вам когда-то нравилась. Из Ленинграда вестей нет. Привет Шкловскому, Зощенко и Лиле Брик. («В. Шкловский, М. Зощенко и Н. Харджиев, встретившись в Алма-Ате, <...> послали совместное письмо Анне Ахматовой в Ташкент. Л. Ю. Брик тогда находилась в г. Молотове». — *Прим. публикатора Э. Бабаева.*) (ВЛ. 1989. № 6. С. 228.)

8 мая. Бригада Малого театра едет на фронт. <...> Артисты бригады рассказали нашему сотруднику: <...> «Мы покажем бойцам сцены из пьесы „Любовь Яровая" К. Тренева, комедии „Укрощение строптивой" В. Шекспира, „На бойком месте" А. Островского, скетч „Необычайное происшествие" М. Зощенко». (ВМ. № 106. С. 3.)

Август. «Крокодил» (№ 31, 32) печатает две сценки Зощенко — «Кукушка и ворона» и «Трубка Фрица».

30 октября. Зощенко — Н. П. Акимову (он находился со своим театром в Сталинабаде). Над комедией я сейчас работаю — не закончил еще — весьма много отнимает времени кинодраматургия. Дело это интересное, но паскудное. (2737, 1, 105, л. 1.)

1943

18 января. Зощенко — Акимову (о комедии, написанной с соавтором, посланной адресату и весьма кисло им оцененной, о чем он и сообщил в Алма-Ату, предложив существенные переделки). Если убрать производство, то вряд ли можно найти что-либо *равносильное* для того, чтобы лейтенант *поднялся в глазах девушек.* Это не французская комедия. <...> Заранее можно сказать, что ничего сколько-нибудь равного для замены работы найти нельзя. Ибо — происходит война, и *тыловая добродетель — работа.* Это продиктовано нашим бытом. <...> Если убрать «паровозы», то от моего соавтора почти ничего не останется. Не указывать же его фамилию не считаю удобным. В силу этих соображений я решил комедию не переделывать <...> комедию я дал только Вам и Завадскому. С Завадским у меня договор. Комедия у него пойдет, но пойдет как водевиль <...>. Название комедии кинематографическое, но комедия писалась для театра и в кино не будет. (Там же. Л. 2—2 об.)

16 марта. Зощенко — Акимову. Дорогой Николай Павлович! Я весьма тяжело болел и по этой причине не уехал в Москву. <...> Комедия эта — простенькая и пустенькая, и мне не хочется к ней вторично обращаться. Тем более что надо убрать то, что принадлежит соавтору. И тогда все дело очень усложнится. Так что если Вы не будете ставить в том виде, в каком есть, то и бог с ней. <...> Новая моя комедия — «Пусть неудачник плачет» — вчерне закончена. Но комедия сатирична, и у меня нет уверенности, что она сейчас может п о й т и , — разве что ее п р и ч е с а т ь , — о чем я сейчас и думаю. <...> Возможно ли сейчас ставить «Облака», подработав эту комедию? <...> Ведь досадно, что такая смешная вещь лежит без толку. (Там же. Л. 4.)

Конец апреля. Зощенко вызван в Москву. Он становится членом редколлегии «Крокодила», в котором еще в январе (№ 3) напечатал два «Рассказа о войне»: «Плохая земля» и «Федот, да не тот», а в апреле (№ 16) — знаменитую «Рогульку».

20 мая. Извещение. Гр. Зощенко, прожив. в № 1038 г-цы «Москва». Ввиду истечения срока проживания <...> дирекция гостиницы просит освободить занимаемый Вами номер к 24.V.43 г. (601, 1, 3, л. 77.)

Июнь — октябрь. Зощенко активно печатается в «Крокодиле»:

опубликованы 11 его рассказов и фельетонов на фронтовые и Силовые темы (№ 20, 21, 22—23, 24, 29, 30—31, 32, 34—35, 36, 37). Последний из них назывался пророчески: «Более чем грустно». Затем он вступил в полосу беды — еще не главной, самой страшной, но достаточно серьезной. И журнал очень долго не печатал своего прежде любимого автора.

Начало августа. Вышел журнал «Октябрь» (№ 6—7) с первыми тремя главами повести «Перед восходом солнца».

Начало октября. Подписчики получают № 8—9 «Октября» с еще тремя главами повести. На этом ее публикация обрывается.

5 ноября. Большой вечер состоится 11 ноября в Концертном зале им. Чайковского. <...> На вечере выступят писатели и поэты Н. Асеев, М. Зощенко, М. Исаковский, В. Лебедев-Кумач, М. Рыльский, Л. Соболев, А. Сурков, М. Танк, И. Эренбург. (ВМ. № 262. С. 4.)

Подтверждения, что вечер состоялся, я не нашел. Но даже если он и был и Зощенко на нем выступал, это уже ничего не меняло.

25 ноября. Зощенко — И. В. Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович! Только крайние обстоятельства позволили мне обратиться к Вам. Мною написана книга — «Перед восходом солнца». Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав. Помимо художественного описания жизни в книге заключена научная тема об условных рефлексах И. П. Павлова. Эта теория основным образом была проверена на животных. Мне удалось собрать материал, доказывающий полезную применимость ее и к человеческой жизни. При этом с очевидностью были обнаружены грубейшие идеалистические ошибки Фрейда, а, в свою очередь, доказаны большая правда и значение теории Павлова — простой, точной и достоверной.

Редакция журнала «Октябрь» не раз давала мою книгу на отзыв, еще в период, когда я писал эту книгу, академику А. Д. Сперанскому. Он признал, что книга написана в соответствии с данными современной науки и заслуживает печати и внимания. Книгу начали печатать. Однако, не подождав конца, критика отнеслась к ней отрицательно. Печатание ее было прекращено. Мне кажется несправедливым оценивать работу по первой ее половине, ибо в первой половине нет разрешения вопроса. Там приведен лишь материал, поставлены задачи и отчасти показан метод. И только во второй половине развернута художественная и научная часть исследования, а также сделаны соответствующие выводы.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я не посмел бы тревожить Вас, если б не имел глубокого убеждения, что книга моя, доказывающая могущество разума и его торжество над низшими силами, нужна в наши дни. Она может быть нужна в советской науке. И еще мне думается, что книга моя полезна людям как художественное произведение, ибо она осмеивает пошлость, лживость и безнрав-

ственность. В силу этого беру на себя смелость просить Вас ознакомиться с моей работой либо дать распоряжение проверить ее более обстоятельно, чем это сделано критиками. И во всяком случае, проверить ее целиком. Все указания, которые при этом могут быть сделаны, я с благодарностью учту.

Сердечно пожелаю Вам здоровья. Мих. Зощенко. <...> Гостиница «Москва». № 1038. (ДН. С. 169.)

Конец ноября — начало декабря. Из докладной записки начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Александрова, его заместителя А. Пузина и заведующего отделом художественной литературы А. Еголина секретарям ЦК ВКП(б) Г. Маленкову и А. Щербакову о «грубых политических ошибках» журналов «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». В журнале «Октябрь» <...> опубликована пошлая, антихудожественная и политически вредная повесть Зощенко «Перед восходом солнца». Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа. <...> Вся повесть Зощенко является клеветой на наш народ, опошлением его чувств и его жизни. <...> Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах. (И его приняли — спустя, правда, почти три года. — *М. Д.*) (Д. Бабиченко. «Повесть приказано ругать...». Политическая цензура против Михаила Зощенко. — СК. 1990. № 37. С. 15. — Коммунист. 1990. № 13.)

1 декабря. Главрепертком Комитета по делам искусств. Протокол № 609/43-то. «Строгая девушка» М. Зощенко. Комедия в 1-м действии. Представлена ВДНТ (Всесоюзным домом народного творчества. — *М. Д.*) имени Н. К. Крупской. <...> В пьесе изображен некий неряшливый боец-недотепа — повар, который тем не менее при самых невероятных обстоятельствах забирает в плен несколько румынских солдат. В развитии нехитрого сюжета пьески нагромождено столько нелепостей, что поистине диву даешься. Например: вначале незадачливого повара Киселева забирают в плен румыны, а он, уподобляясь Глупышкину, просит отпустить его, упирая на то, что ему надо «для роты щи варить». Румыны и впрямь решают отпустить Киселева, а затем просятся сами «в плен». Киселев... отказывается: «Да как же я вас в плен поведу. Ведь я даже без винтовки...» Один из румын предлагает ему свою винтовку, и дело улаживается к обоюдному удовольствию персонажей и искреннему недоумению читателя, который невольно задает себе вопрос: зачем понадобилось М. Зощенко так нелепо «обсмеять» советского солдата? Ясно, что пьеса совершенно неприемлема.

Заключение политредактора: запретить. Ст. Политредактор Б. Ростоцкий. Заключение ГУРК: в репертуар не включать. Начальник ГУРК Б. Мочалин. (656, 5, 3177, л. 11.)

4 декабря. Из статьи Л. Дмитриева «О новой повести М.

Зощенко».<...> действительная, реальная жизнь подменена в повести узким кругом мещанских чувств, интересов и представлений автора. Взирая на окружающее с мелкой обывательской «кочки зрения», автор не видит ничего, кроме своего болота.<...> Жизнь предстает в этой повести уродливо искаженной. <...> Создав условный мир, мрачный и душный, М. Зощенко сам поверил в его существование и проникся к нему глубоким страхом. (Вспомните статью М. Ольшевца шестнадцатилетней давности! — *М. Д.*) <...> Его повесть противостоит лучшим, благороднейшим традициям нашей литературы. <...> Это пошлое и вредное произведение. (ЛИИ. № 49. С. 3.)

Зощенко — В. В. Зощенко. Меня тут немного прорабатывают за книжку — это уж, как обычно, приходится терпеть. Но ничего, вытерплю. Тем более — я прав. (ДН. С. 170.)

5 декабря. Зощенко — В. В. Зощенко. С деньгами стало неважно, т. к. книга не пошла в печать (в «Советском писателе». — *М. Д.*), и это нарушило мои финансы. Сейчас очень много придется работать, чтобы наверстать. (Там же.)

11 декабря. Из редакционного отчета «На обсуждении журнала „Октябрь"». 6 декабря на расширенном заседании президиума Союза советских писателей состоялось обсуждение журнала «Октябрь». <...> Темой горячих прений было не только содержание журнала в целом, но и отдельные произведения и, главным образом, <...> повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца», получившая резкую оценку писательской общественности, как произведение антихудожественное, чуждое интересам народа. <...> Подробный разбор повести М. Зощенко <...> дал в своей речи А. Фадеев. <...> С. Маршак, критикуя повесть Зощенко и возражая О. Форш, пытавшейся свести весь спор к чисто формальному вопросу о литературных жанрах (она сравнивала повесть с «Исповедью» Руссо. — *М. Д.*), показал несостоятельность этой точки зрения. <...> Повесть М. Зощенко аморальна, в ней попираются самые элементарные нормы человеческого поведения, проповедуется цинизм в отношении к женщине. (ЛИИ. № 50. С. 3.)

22 декабря. Зощенко — В. В. Зощенко. Неудача с книгой весьма плохо повлияла на меня. <...> Вообще получилось глупо. Книга была разрешена ЦК. Ученые дали замечательный отзыв. Потом кому-то (Ю. Томашевский справедливо замечает, что Зощенко так и не понимал: этот «кто-то» был Сталин. — *М. Д.*) из начальства не понравилось. И начали бранить. Выдержать все это не так-то легко было. Тем более очень переутомлен работой. И вдобавок грипп. Вообще все утрясется. Но предстоит много поработать, чтоб все наладить, — а то, чего доброго, отнимут паек. Ну, надеюсь, что до этого не дойдет. (Действительно, не дошло. Хлебные карточки отобрали в 1946 году и вернули далеко не сразу. — *М. Д.*) (ДН. С. 170.)

23 декабря. Из дневника Федина. Похороны Тынянова. Я говорю речь — у гроба в Литературном институте, откуда выносим. Машинами в быстром темпе — на Ваганьково. Ждем очереди с гробом, пока освободятся могильщики. Хожу с Зощенкой, он рассказывает — как было с ним. Холод. Так же, как мы, гуляют вблизи ожидающих покойников Форш и Чуковский, Всев. Иванов и Томашевский. Потом несем гроб и закапываем. У всех забота: украдут венки или нет, сохранятся до утра следующего дня или исчезнут, как только стемнеет. В этот день — все время вспоминаю «Улисса» Джойса. (Федин, 12. С. 84.)

1944

8 января. Из заявления Зощенко на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова. <...> я должен признать, что книгу не следовало печатать в том виде, как она есть. Я глубоко удручен неудачей и тем, что свой опыт произвел несвоевременно. <...> Я работаю в литературе 23 года. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы сделать мою литературу в полной мере понятной массовому читателю. Постараюсь, чтобы и впредь моя работа была нужной и полезной народу. Я заглажу свою невольную вину.

В конце ноября я имел неосторожность написать письмо т. Сталину. Если мое письмо было передано, то я вынужден просить, чтобы и это мое признание стало бы известно тов. Сталину. В том, конечно, случае, если Вы найдете это нужным. Мне совестно и неловко, что я имею смелость вторично тревожить тов. Сталина и ЦК. (Каверин. Эпилог: Мемуары. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 479.)

«Насколько мне известно, — пишет В. Каверин, — это было единственное „раскаянье" Зощенко. Эта позиция — как показало время — ни в малейшей степени не помогла ему. Более того, она год за годом заставляла его терять душевное равновесие, искать выхода там, где выхода не было, отказываться от себя в надежде найти жанр, который позволил бы ему остаться в литературе». (Там же. С. 69.)

1 февраля. Зощенко — В. В. Зощенко. Это время (2 месяца) дела мои были весьма неважны. Резкая и даже грубая критика осложнила мои отношения с журналами. Из «Крокодила» пришлось уйти. Вернее — я был выведен из состава редколлегии. Но выведен не сверху (ЦК), а самой редколлегией, которая из перестраховки пошла на это, не зная, что со мной будет. (Он в это верил, чистая душа! — *М. Д.*) Конечно, работать там уже не буду, хотя бы меня и очень просили. В общем, это дело сыграло роль и в моих отношениях с другими журналами — меня перестали приглашать. И два месяца я оставался совершенно без заработка. <...>

В общем, ужасно глупо получилось. Написал хорошую книгу (хотя, может, трудную, не массовую и не вовремя). Имел отличные отзывы ученых, писателей и т. д. И вдруг все эти похвалы сменились криками и бранью. Держался я, в общем, крепко. Но здоровье и нервы ужасно сдали. Главное, это получилось тотчас после работы — я не успел от нее даже отдохнуть пару дней. Плохое здоровье не позволяет мне написать что-либо хорошее. А если б написал — журналы, конечно, напечатали бы, так как запрета, конечно, нет (печататься), но настороженность в редакциях имеется, и от этого меня не приглашают, как бывало раньше. <...> Но с деньгами плохо. И с продовольствием несколько хуже, чем было, так как один паек потерял (который давал «Крокодил»). Основной же паек (по Союзу) не отняли. Надо полагать, и впредь буду получать, но гарантии, конечно, нет. <...> Из гостиницы пришлось уехать (так как приехали делегаты на сессию). Ютился я по знакомым — то в одном месте, то в другом. В общем, было холодно, неуютно и неудобно <...>. В последние месяцы не был уверен, следует ли приезжать (в Ленинград. — *М. Д.*), поскольку тут у начальства проштрафился. <...> Нельзя было предвидеть такую неожиданность. (ДН. С. 171.)

12 февраля. Из отчета о IX пленуме правления ССП «Советская литература — боевое оружие народа». На пленуме единодушно были подвергнуты резкой критике повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца», стихи И. Сельвинского «России», «Кого баюкала Россия», некоторые стихи Н. Асеева. Сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед великим Сталиным, гению которого открыты все пути победы, — это сознание повышало активность работы писателей. (ЛИИ. № 7. С. 1.)

Из доклада Тихонова «Советская литература в дни Отечественной войны» на том же пленуме. Повесть Зощенко — явление, глубоко чуждое духу, характеру советской литературы. В этой повести действительность показана с обывательской точки зрения — уродливо искаженной, опошленной, на первый план выдвинута мелкая возня субъективных чувств. [Опубликован как статья в журнале «Большевик», № 3—4. С. 35 (подписан в печать 22 февраля) и еще позже — со ссылкой на доклад — в журнале «Ленинград», № 3. С. 12 (подписан в печать 21 апреля)].

Середина февраля. Из статьи В. Горшкова, Г. Ваулина, Л. Рутковской, П. Большакова «Об одной вредной повести». Зощенко рисует чрезвычайно извращенную картину жизни нашего народа. Психология героев, их поступки носят уродливый характер. <...> Вся повесть «Перед восходом солнца» проникнута презрением автора к людям. <...> Весь мир кажется ему пошлым. Почти все, о ком пишет Зощенко, — это пьяницы, жулики и развратники. Это грязный плевок в лицо нашему читателю. <...> Тряпичником бродит Зощенко по человеческим помойкам, выискивая что похуже. <...>

Он упорно замалчивает все то хорошее, от чего пропала бы у любого настоящего человека хандра и меланхолия. Видимо, автор повести находил время потолкаться по пивным, но не нашел в своей жизни и часа, чтобы побывать на заводах. Противно читать повесть. <...> Как мог написать Зощенко эту галиматью, нужную лишь врагам нашей родины? <...> Мы твердо уверены, что в нашей стране не найдется читателей для 25 тысяч экземпляров повести Зощенко. (Большевик. № 2. Январь (подписан в печать 11 февраля). С. 56—58.)

15 февраля. Зощенко — В. В. Зощенко. Приеду я, вероятно, числа 3—7 марта. Надеюсь, что командировку дадут. Прокофьев сказал, что по командировке они быстро оформят мое ленинградское состояние. И Лихарев (Б. М. Лихарев, поэт, руководил тогда вместе с Прокофьевым ленинградской писательской организацией. — *М. Д.*), и Прокофьев весьма хорошо отнеслись. Чего не скажешь про Тихонова, который напуган больше, чем я думал. Ведь он читал мою книгу в рукописи и весьма одобрил. Конечно, я не требую, чтоб он славословил, но уж ему-то бранить книгу не следовало бы, неловко получилось. Ну, бог с ним. (ДН. С. 171.)

2 апреля. Зощенко вернулся в Ленинград.

20 июля. Из стенограммы беседы с Зощенко в Управлении МГБ по Ленинградской области. Писателю был задан 31 вопрос.

Вопрос. Как оценивает Вашу повесть Тихонов?

Ответ. Он хвалил ее. Потом на заседании Президиума объяснил мне, что повесть «приказано» ругать, и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в «Большевике», я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта «перемена фронта»? Тихонов стал извиняться, сбивчиво объяснил, что от него потребовали усиления критики, «приказали» жестоко критиковать, и он был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним и не согласен. <...>

Вопрос. Кто был заинтересован в этом? Ваши литературные враги?

Ответ. Нет, тут речь могла идти о соответствующих настроениях «вверху». <...>

Вопрос. Как вы оцениваете общее состояние нашей литературы?

Ответ. Я считаю, что литература советская сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон, все пишется по шаблону. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели.

Вопрос. Как вы расцениваете партийное руководство литературой?

Ответ. Руководить промышленностью и железнодорожным

транспортом легче, чем искусством. Нет зачастую у руководителей глубокого понимания задач искусства. <...>

Вопрос. Предполагаете ли вы, что после войны изменится политическая обстановка в литературе?

Ответ. Да. Литературе будет предложено злей и беспощадней писать о наших недостатках. (СК. 1990. № 37. С. 15. — Коммунист. 1990. № 13.)

Конец года. Негласный запрет на зощенковские публикации снят. Его снова начинают печатать — главным образом в газетах.

1945

3 июля. Зощенко — Ардову. Пока было весьма туго, но сейчас я как будто на пороге богатства. Комедия моя («Парусиновый портфель». — *М. Д.*) прошла в Ленинграде успешно. И если ГУРК даст разрешение (на распространение пьесы. — *М. Д.*), то через полгода буду ходить в золотых штанах. (1822, 1, 368, л. 8.)

Декабрь. Журнал «Мурзилка» печатает рассказ «Приключения обезьянки» (в последующих публикациях — «Приключения обезьяны»).

1946

15 января. Зощенко — Никитиной. Зоюшка! Предъявитель этой записки — *врач и литератор* Ник. Ник. Черний (Н. Н. Бренев, псевдоним — В. Черний. — *М. Д.*). В течение многих лет я работал с ним в различных юмористических журналах. Он — ленинградец. Возвращается сюда. Но у него имеются некоторые препятствия. <...> Будь добра, выслушай его и дай совет — как ему поступать. Быть может, Литфонд что-то сможет сделать. (2533, 1, 192, л. 3.)

31 января. Из дневника Б. М. Эйхенбаума. 28-го читал большой доклад в Союзе писателей (в секции прозаиков) о Толстом. <...> Народ был, но не очень много. (Зато на его докладах об Ахматовой, которых он прочел в первой половине года около десяти, залы были полны, что ему потом и припомнили. — *М. Д.*) Председателем был Зощенко.

Середина февраля. В ленинградском отделении Детгиза вышла из печати книжка Зощенко «для детей младшего возраста» «Графин» — рассказ о Ленине. (КЛ. № 7. № 2795.)

4 марта. Из дневника Эйхенбаума. Вчера у Вечесловой (Т. М. Вечеслова — знаменитая балерина и педагог. — *М. Д.*) — было хорошо. Ахматова была простой, веселой, чудной. Читала стихи, пила.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

Это конец одного ее нового стихотворения. Ее сборник подписан к печати — должен выйти в марте. Вчера я себя чувствовал с ней легко. Необыкновенная женщина — как Россия. И ни один поэт, конечно, ничего не стóит перед ней — прежде всего как человек.

27 апреля. На днях большой группе ленинградских писателей были вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.». Среди награжденных — <...> Михаил Лозинский, Ольга Берггольц, Михаил Зощенко <...>. С краткими речами выступили М. Зощенко и Б. Тимофеев. (ЛГ. № 18. С. 4.)

Первая декада мая. Лениздат выпустил книгу Зощенко «Фельетоны. Рассказы. Повести». (КЛ. № 20. № 7436.)

Июнь. Поступил к подписчикам № 5—6 журнала «Звезда» с перепечаткой рассказа «Приключения обезьяны». (Подробно история рассказа изложена в разделе «Комментарий и дополнения».)

26 июня. Решением Ленинградского горкома ВКП(б) Зощенко введен в состав редколлегии журнала «Звезда». (ДН. С. 171.)

Начало июля. В ленинградском отделении ГИХЛа вышли «Избранные произведения» Зощенко. (КЛ. № 27. № 9759.)

Июль. В серии «Библиотека „Огонек"» издательство «Правда» выпускает «Рассказы» Зощенко. Они подписаны к печати 22 июня.

9 августа. Состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) с участием И. В. Сталина и А. А. Жданова. (Рассказ о нем см. 4 сентября.)

10 августа. Из статьи Н. Маслина «О литературном журнале „Звезда"». В последнем номере журнала опубликован рассказ М. Зощенко «Приключения обезьяны». <...> Этот пустейший балаганный рассказ с его обывательским злопыхательством лишний раз подчеркивает падкость журнала на «необычные», искажающие действительность сюжеты. (КИЖ. № 5. С. 4.)

Из рецензии Вс. Вишневского «Вредный рассказ Михаила Зощенко», напечатанной под рубрикой «Письма в редакцию». В первый раз после войны большой журнал <...> открывает свои страницы детским рассказом. Ждешь вещей приятных, занимательных, свежих и вместе с тем чем-то полезных и поучительных... И я, вместе с другими читателями, доверчиво, с душой, открытой поэзии, сказке, наивности и занимательности, читаю рассказ Мих. Зощенко. Он небольшой — всего четыре журнальных страницы...

У всех в памяти первые рассказы Мих. Зощенко, написанные в 1923—24 годах, — «Разнотык», «Карточный домик» и прочие (по невежеству он все путает: таких рассказов у Зощенко нет; «Раз-

нотык» — пятая главка рассказа «Старуха Врангель», давшая название сборнику, выпущенному издательством «Былое», а «Карточный домик», под которым следует понимать «Картонный домик», — частное издательство начала двадцатых годов, собиравшееся выпустить «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова», но отказавшееся от этой затеи. — *М. Д.*), памятна коллекция жактовских дрязг, кухонных скандалов, столкновений в трамвае, в бане, в пивной и на улице, о чем писал М. Зощенко. <...>

Я напоминаю сейчас об этом потому лишь, что Мих. Зощенко и в произведениях последних лет, к сожалению, сохраняет старое представление о действительности в неприкосновенности, словно бы жизнь осталась неизменной. «Приключения обезьяны» — это отнюдь не детский рассказ, хотя и наивна его фабула. Опять Мих. Зощенко написал некую новеллу, где все, как нарочно, как на заказ, скомплектовано из застарелых, окаменевших деталей нэповского быта: опять орущая толпа, опять пивные, опять какие-то пьяные инвалиды, опять люди-уродцы, среди которых обезьяне скучно и тесно, опять скандалы в магазинах, опять бани, опять милицейские свистки... В действительности военных лет ничего примечательного не заметил Мих. Зощенко. Нарочито подобрав всякие нелепости, он преподносит это детям в 1946 году! <...>

В одном из «рассуждений» обезьяны, то есть рассуждений, сделанных Зощенко за обезьяну, прямо говорится, что жить в клетке, то есть подальше от людей, лучше, чем в среде людей. В архиве Вишневского есть рукописная страничка, представляющая собой вставку после этих строк, которую он в последний момент предложил редакции. Из нее использованы лишь две фразы. А вот из неиспользованных: «Заявим М. Зощенко прямо — ни в угоду ему, ни его обезьяне современные люди „перестраиваться" не собираются. Перестраиваться придется не обществу, — а Михаилу Зощенко». (1038, 1, 1887, л. 2.) (Откуда взялись эти филиппики, вы увидите, прочитав отчет за 4 сентября." А не вставили их в «Письмо в редакцию» скорее всего потому, что они не по чину опережали документы, в которых должны были содержаться сходные мотивы. — *М. Д.*) <...>

Народ говорит ясно: следует писать не нелепицы, где все и вся обессмыслено, а произведения, помогающие жить и трудиться, расширяющие представление о жизни и о человеке. Плохо поступила редакция журнала «Звезда», напечатав рассказ Зощенко и обманув и обидев тем самым читателей. Не радость вызывает рассказ Мих. Зощенко у людей, а горечь, возмущение и сильный протест. Спрашивается, до каких пор редакция журнала «Звезда» будет предоставлять свои страницы для произведений, являющихся клеветой на жизнь советского народа? (Там же.)

14 августа. Из постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда" и „Ленинград"», принятого в этот день и напечатанного 20-го

в «Культуре и жизни», а 21-го в «Правде». Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов <...> представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезды» хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца». <...>

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства — «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе. <...>

ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой. <...> Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов <...>. Более того, зная отношение партии к Зощенко и его «творчеству», <...> не имея на то права, утвердил решением горкома <...> новый состав редколлегии журнала «Звезда», в которую был введен и Зощенко. <...>

ЦК ВКП(б) постановляет: 1. <...> выправить линию журнала («Звезда»; «Ленинград» был закрыт. — *М. Д.*) и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных. (КИЖ. № 6. С. 1.)

16 августа. Из доклада А. А. Жданова, напечатанного лишь 21-го и представляющего собой «сокращенную и обобщенную стенограмму докладов т. Жданова на собрании партийного актива и собрании писателей в Ленинграде». Зощенко совершенно не интересует труд советских людей, их усилия и героизм, их высокие общественные и моральные качества. Эта тема всегда у него отсутствует. Зощенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта. <...> Зощенко привык глумиться над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми, прикрывая это глумление маской пустопорожней развлекательности и никчемной юмористики. <...> Зощенко с его омерзительной моралью удалось проникнуть на страницы большого ленинградского журнала и устроиться там со всеми удобствами. <...> Трудно подыскать в нашей литературе что-либо более отвратительное, чем та «мораль», которую проповедует Зощенко в повести «Перед восходом солнца», изображая людей и самого себя как гнусных похотливых зверей, у которых нет ни стыда, ни совести. <...>

Если Зощенко не нравятся советские порядки, что же прикажете: приспосабливаться к Зощенко? Не нам же перестраиваться во вкусах. Не нам же перестраивать наш быт и наш строй под Зощенко. Пусть он перестраивается, а не хочет — пусть убирается из советской литературы. (Вишневский и Жданов говорят почти одними и теми же словами. И это отнюдь не случайное совпадение, как вы увидите дальше. — *М. Д.*) В советской литературе не может быть места гнилым, пустым, безыдейным и пошлым произведениям. *(Бурные аплодисменты.)* <...>

Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и молельней. <...> Не то монахиня, не то блудница, а вернее, блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой. <...> Разве можно культивировать среди советских читателей и читательниц присущие Ахматовой постыдные взгляды на роль и призвание женщины, не давая истинно правдивого представления о современной советской женщине вообще, о ленинградской девушке и женщине-героине, в частности. <...>

Товарищ Сталин учит нас, что, если мы хотим сохранить кадры, учить и воспитывать их, мы не должны бояться обидеть кого-либо, не должны бояться принципиальной, смелой, откровенной и объективной критики. <...> Тот, кто боится критики своей работы, тот презренный трус, не достойный уважения со стороны народа. *(Бурные аплодисменты.)* (Пр. № 225. С. 2—3.)

17 августа. Из дневника Эйхенбаума. Теперь начинается новый трудный сезон. Он открылся вчера общегородским собранием писателей в актовом зале Смольного. Этому предшествовало со-

вещание в Москве, в ЦК: были вызваны редактора наших журналов (Саянов, Лихарев, Леванский, Капица), Прокофьев, Никитин. С ними беседовал Сталин! Была поставлена резолюция, которую огласил вчера А. А. Жданов со своими комментариями (говорил полтора часа). <...> О Зощенке — сплошная ругань, самая резкая <...>. Было сказано и о «Серапионовых братьях» в тоне глубокого презрения. <...> Самым резким тоном о символистах. Одним словом — обоим смертный приговор. Секретарь горкома Широков снят. Капустину — выговор, журнал «Ленинград» закрыт (довольно и одного журнала для такой литературы), Лихареву — выговор, Саянову — выговор, редактором «Звезды» назначен А. М. Еголин (он присутствовал, но не выступал). После доклада Жданова были выступления разных людей, о которых умолчу: зрелище жалкое. Итак, Зощенку постигла судьба его же обезьяны. В дальнейшем будут, очевидно, еще всякие последствия: Тихонов не будет председателем Союза (это было ясно из некоторых речей), Прокофьев (он был вчера в совершенно растерянном состоянии) не будет председателем Лен. отд-ия Союза. <...>

Надо полагать, что теперь будет собрание (и не одно) в Союзе, где опять все это будет обсуждаться и где будет произведена церемония исключения Зощенки и Ахматовой из Союза. Возможно, что там придется не только голосовать, но и выступать. Задача! Если придется, надо сказать исторически (Лесков) — с точки зрения вопроса о стихийности и сознательности в искусстве. Голосовать за исключение я не могу — надо тогда сказать, что все Лен. отд-ие (или, во всяком случае, правление) должно выйти из Союза. Что делать — не знаю. Надо прямо сказать, что я не считаю государственным преступлением, если не соглашусь с оценкой ЦК отдельных писателей или произведений, и что я считаю Зощенко и Ахматову крупнейшими русскими писателями.

20 августа. Из дневника Эйхенбаума. Вчера было заседание правления Союза. Председательствовал Прокофьев, присутствовал А. М. Еголин, от Моск. правления был поэт С. Щипачев; наши были все — за исключением О. Форш, Е. Добина, М. Лозинского. Первым пунктом был вопрос об исключении Зощенки и Ахматовой из правления и снятия Зощ. с других выборных постов (редсовет изд-ва «Сов. пис.» и пр.). Было обсуждение — По типу того, какие были 16-го. Выступали: Саянов, Кратт, Орлов (В. Н. Орлов. — *М.Д.*), Никитин, Рахманов, Н. Браун, Тимофеев-Еропкин.

Мне тоже пришлось: я сказал о политической основе постановления, а о литер. стороне вопроса сказал: «Было бы никому не нужной ложью, если бы я сказал, что мне легко принять то, что сказано об Ахматовой и Зощ.» и т. д. Это звучало некоторым отличием от вполне подлых речей Брауна, Никитина и прочих. На меня обрушился было секретарь Кожемякин, но не успел он кончить, как Прокофьев, не дав ни секунды времени, объявил

голосование резолюции. Это было неспроста, а специально для того, чтобы не давать хода дальнейшему обсуждению моей речи. Интересно, что после моей речи Еголин подходил к Прокофьеву и шептался с ним — не о том ли, чтобы не обсуждать меня? Характерно, что в своем дальнейшем выступлении (о «Звезде» и перестройке работы Союза) Еголин, подробно остановившийся не только на беллетристике «Звезды», но и на статьях (Громова, Т. Хмельницкой), не сказал ни слова о моих.

Сегодня в «Лен. правде» напечатана основная часть постановления ЦК.

21 августа. Из дневника Эйхенбаума. «Интересы государства и народа». Проблема человека и его счастья. Государство и человек (проблема Толстого) — вот основная тема у Z. (Так — «зетом» — зашифрован Зощенко, что достаточно наивно, но весьма показательно для времени всеобщего страха. — *М. Д.*) Не сатира, а юмор-грусть, Чаплин.

23 августа. Из статьи Б. Борисова (явный псевдоним, к чему прибегали многие подлецы во все времена. — *М. Д.*) «Театр фальшивых пьес». М. Зощенко <...> нашел приют и ласку у руководителей этого театра (Ленинградского драматического театра им. Ленсовета. — *М. Д.*). Его карикатурно-анекдотические пьесы — «Парусиновый портфель» и «Очень приятно» — явились как бы программными работами театра. <...> «Парусиновый портфель» — пошлая, типично ремесленническая, абсолютно безыдейная пьеса. <...> «Очень приятно». В этой пьесе представлены такие же нелепые фигуры. (СИ. № 35. С. 2.)

Из дневника Эйхенбаума. В газете напечатаны резолюции собрания партактива и общего собрания писателей. 29-го новое заседание правления с писательским активом. Опять, значит, будут говорения на ту же тему.

26 августа. Зощенко — Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович! Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольцем пошел в Красную Армию и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск. Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений — с кем мне идти — с народом или с помещиками. Я всегда шел с народом. И этого от меня никто не отнимет. Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с искренним желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеянию в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью.

Нет сомнения, я делал иной раз ошибки, впадая подчас в карикатуру, каковая в 20-х годах требовалась для сатирических листков. И если речь идет о моих молодых рассказах, то следует сделать поправку на время. За 20 лет изменилось даже отношение к слову. Достаточно сказать, что я работал в советском журнале «Бузотер», каковое название в то время не казалось ни пошлым,

ни вульгарным. Однако меня самого никогда не удовлетворяла моя сатирическая позиция в литературе. И я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но это было нелегко сделать — так же трудно, как комическому актеру играть героические роли. Можно вспомнить Гоголя, который не смог перейти на положительные образы. Шаг за шагом я стал избегать сатиры, и, начиная с 30-го года, у меня было все меньше и меньше сатирических рассказов.

Я это сделал еще и потому, что увидел, насколько сатира опасное оружие. Белогвардейские издания нередко печатали мои рассказы, иной раз искажая их, а подчас и приписывая мне то, что я не писал. И уж во всяком случае, не датировали мои рассказы, тогда как наш быт необыкновенно изменился за 25 лет. Все это заставило меня быть осмотрительней и, начиная с 35 года, я сатирических рассказов не писал, за исключением газетных фельетонов, сделанных на конкретном материале. В годы Отечественной войны с первых же дней я активно работал в журналах и газетах. И мои антифашистские фельетоны нередко читались по радио. И мое сатирическое антифашистское обозрение «Под липами Берлина» играли на сцене ленинградского театра «Комедия» в сентябре 1941 г.

В дальнейшем же я был эвакуирован в Среднюю Азию, где не было журналов и издательств, и я поневоле стал там писать киносценарии. В начале 43 года я был вызван в Москву, и там я работал в журналах и газетах, напечатав за полгода не менее 15 фельетонов. Что касается моей книги «Перед восходом солнца» (начатой в эвакуации), то мне казалось, что книга эта нужна и полезна в дни войны, ибо она вскрывает истоки фашистской «философии» и обнаруживает одно из слагаемых в той сложной сумме, которая иной раз толкала людей к отказу от цивилизации и к отказу от высокого сознания и разума.

Я вовсе не один так думал. Десятки людей обсуждали начатую мной книгу. В июне 43 года я был вызван в ЦК, и мне было указано продолжать эту мою работу, получившую столь высокие отзывы ученых и авторитетных людей. И если эти люди в дальнейшем отказались от своего мнения, то я и не сосчитал возможным усиливать их трусость своими жалобами. А если я сообщаю сейчас об этом, то отнюдь не в плане жалобы, а с единственным желанием показать, какова была обстановка, приведшая меня к тем шагам, за которые несу ответственность только лишь я сам, ибо я литератор и, стало быть, сам должен был все учесть. После резкой критики, которая была в «Большевике», я решил писать для детей и для театров, к чему у меня была склонность. Этот маленький шуточный рассказ «Приключения обезьяны» был написан в начале 45 года для журнала «Мурзилка». И там же он был и напечатан.

Конечно, в толстом журнале я бы никогда не поместил этот рассказ. Оторванный от детских или юмористических рассказов, этот рассказ в толстом журнале, несомненно, вызывает нелепое впечатление, как и любая шутка или карикатура для ребят, помещенная среди серьезного текста. В журнал «Звезда» я этого рассказа не давал. И в журнале он был перепечатан без моего ведома. Несомненно, по некоторой неопытности редакции.

Однако в этом моем рассказе никакого подтекста нет. И нет никакого эзоповского языка. Это потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово. А если бы я хотел сатирически изобразить какую-либо сценку нашего быта, то я мог бы это сделать более тонко и остроумно. И, уж во всяком случае, не воспользовался бы таким устаревшим методом завуалированной сатиры, методом, который вполне был опорочен еще в 19 столетии.

В одинаковой мере и в других моих рассказах, в коих усматривался этот же метод, — я не применял сатирической направленности. А если иной раз люди стремились увидеть в моем тексте какие-либо якобы затушеванные зарисовки, то это могло быть только лишь случайным совпадением, в котором никакого моего злого намерения не было.

Прошу мне поверить — я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверяю Вас. Мих. Зощенко. (ДН. С. 173—174.)

27 августа. Из дневника Эйхенбаума. Слышал, что Тихонов на заседании Оргбюро сказал, что в отношении А. А. он не согласен, — отсюда все выводы отношения к нему.

28 августа. Из дневника Эйхенбаума. Вчера позвонили мне из Союза о том, что собрание актива откладывается ввиду отъезда Прокофьева в Москву. Об А. А. сведения печальные: плохо с сердцем, совсем одна. Я не могу пойти после того, как принимал участие в голосовании.

31 августа. Из редакционной статьи «Клевета и пошлость». Забыв о том, что партийная печать не раз указывала на подлинное общественно-политическое лицо этого злобствующего пасквилянта, театр (все тот же — имени Ленсовета. — *М. Д.*) дал Зощенко приют. <...> Редакция газеты «Вечерний Ленинград» <...> напечатала неправильную, неверно ориентирующую зрителя рецензию Евг. Мана о спектакле «Очень приятно», в которой положительно оценивалась пьеса Зощенко. <...> редакция <...> совершила грубую политическую ошибку. (Веч. Л-д. № 205. С. 3.)

2 сентября. Из дневника Эйхенбаума. Вчера (позавчера. — *М. Д.*) в «Веч. Ленинграде» — статья «Клевета и пошлость»: о «Пре-

ступлении» Мариенгофа — Козакова и о пьесах Зощенки. Статья уже совершенно идиотская, для выставки. Подлецы и дураки подняли головы (как всегда бывает в таких положениях) — надеюсь, что им их срежут (как тоже у нас обычно бывает в таких случаях), но скоро ли? (Увы! Многие из «героев» тех лет процветают и сегодня. А постановление ЦК ВКП(б) имело силу свыше сорока лет и отменено только в наши дни. — *М. Д.*)

3 сентября. Из дневника Эйхенбаума. Вчера приходил Г. Э. Сорокин — рассказывал, что творится в изд-ве «Советский писатель». Почти весь план снят, работа остановилась. Говорят, что Z написал письмо самому И. В.

4 сентября. Из выступления Вс. Вишневского на заседании Президиума ССП совместно с членами Правления (по стенограмме). Мне хотелось бы сказать несколько слов относительно последних событий в литературе. Мне хотелось бы поделиться с вами тем, что мы слышали 9 августа на Оргбюро (ЦК ВКП(б). — *М. Д.*), потому что слова, которые обратил товарищ Сталин к нам, писателям, — он говорил две речи — речь к литераторам и речь к кинематографистам, — они должны быть у нас в сердце. <...>

[Я вижу перед собой встречу 9 числа.] Мы не знали, что мы встретимся с товарищем Сталиным. Нас предупредили, что будет Оргбюро, вопрос о ленинградских журналах, вопросы театральные, вопросы репертуара, еще 2—3 вопроса и т. д. Ровно в 8 заседание началось на пятом этаже в Мраморном зале, в том историческом зале, где товарищ Сталин встречался не раз с литераторами. Ровно в 8 пришел товарищ Сталин. Он был не в военной форме. Он, по-моему, подчеркнул этим традицию, что он разговаривает с интеллигенцией, с представителями искусства. Затем 4 часа подряд большая духовная инициатива разговора была в его руках. Он не выключался из беседы, как выключаешься иногда, а в течение четырех часов он был в курсе разговора. Он бросал много реплик. Я по своей привычке записывал, и я хочу поделиться с вами рядом записей, так как я считаю, что каждое слово, которое сказал товарищ Сталин, для нас важно и ценно.

Сначала несколько его реплик — о зощенковском рассказе «Приключения обезьяны». «Рассказ ничего ни уму, ни сердцу не дает. Был хороший журнал „Звезда". Зачем теперь даете место балагану? [Простите, что я вас прерывал». Кстати сказать, форма вежливости была подчеркнута. Когда он обратился к Саянову, вот «Приключения обезьяны» <...> Саянов переживал, он со слезами на глазах советовался с нами, как быть. Мы говорим: «Поблагодари». То же было и с киноработниками. Человечность настоящая, и слова Сталина подчеркивают эту человечность в нашей жизни и практике. <...> И весь разговор с нашими литераторами надо вести серьезно, по-человечески, а не так: ну-ка стукну. Мне стыдно, что появляются критики, которые начинают терять равновесие,

не понимают обстановки, которые выскакивают и начинают метать.] <...>

(Господи, прости нас, грешных! После всего, что произошло, после грязной брани, заляпавшей газеты и журналы, после собственной постыдной рецензии — слова о человечности. Что это — глупость? Или все-таки фантастическое лицемерие? Как вы думаете? — *М. Д.*)

Затем относительно Зощенко. Несколько раз он говорил: «Человек войны не заметил. Накала войны не заметил. Он ни одного слова не сказал на эту тему. Рассказы Зощенко о городе Борисове, приключения обезьяны поднимают авторитет журналов? Нет. А Анна Ахматова? Что у Анны Ахматовой можно найти? Одно, два, три стихотворения». Была сделана ссылка на «Знамя». Прокофьев сказал, что есть недостатки и в других журналах, что надо заняться. Товарищ Сталин сказал — знаю. <...> Когда цикл этих разговоров прошел, товарищ Сталин сказал: «Журналы не могут быть аполитичными. Некоторые думают, что политика — дело правительства, а нам — литераторам — надо только писать хорошо. А есть такие, которые отравляют молодежь. В этом у нас получается расхождение с литераторами. Почему я недолюбливаю Зощенко? Зощенко — проповедник безыдейности, терпеть его на руководящих постах нельзя. И советский народ не потерпит, чтобы отравляли сознание молодежи. <...> Нужны авторитетные люди, которые будут давать замечания, советы и помощь молодым писателям, а если мы не будем никого обижать, Ахматову, например, не будет журнала. У нас журналы — не частные предприятия. В других странах — это частные предприятия отдельных лиц и отдельных групп. Наш журнал — журнал народа. Он не должен приспосабливаться к Ахматовой». <...>

Вот одна из ключевых фраз: «Разве Ахматова справится с воспитанием молодого поколения? Нет. Нам нужны редакторы, которые не боятся сказать правду в лицо. Воспитание молодежи в ленинском духе — это самое главное». Затем он переходит к теме о Зощенко. Он касался этой темы в ряде мест. «Не обществу перестраиваться по Зощенко, а ему надо перестраиваться, а не перестроится, пускай убирается к чертям». (Вот и автор, которого копировали Вишневский и Жданов, появился на сцене. Фраза и в самом деле впечатляющая. — *М. Д.*) <...>

Я помню, когда в 1934 году Сурков выступал на съезде писателей, и он не был ни слепым, ни глухим. Правильная была речь в 1934 году, он говорил о Зощенко и делал предупреждение о болотном начале [в его творчестве. Спустя 12 лет Сурков, к сожалению, ошибся, выпустив сборник Зощенко (в «Библиотеке „Огонек"». — *М. Д.*). Сделал промах. Надо проанализировать, в чем ошибка. Это относится не только к А. Суркову. Руководя

журналом «Знамя», я тоже допустил ошибку. В журнале (№ 4, 1945) были напечатаны стихи Ахматовой.] <...>

Меня очень тронуло то, что говорил Жданов. Беседа была короткая, но она вошла в сердце. Я никогда не видел его в таком накале. При осаде Ленинграда я его таким не видел. Он подошел ко мне и Тихонову и говорит: «Помните выступление на Первом съезде писателей? Не буду переоценивать своего доклада, я дал от имени партии зачатки теории. Надо было перехватить это. Почитайте стенограмму 1-го съезда. <...> То, что говорил Жданов, было очень сильно. Я записывал каждое его слово. <...>

[Постановление Центрального Комитета мобилизует людей. Я говорю это тем обывателям, которые начинают залезать в щели, которые распространяют: «Перестать писать с полгодика», пускают книги в разборку, вычеркивают из издательских списков десятки книг, не хотят нести литературной ответственности и этим мешают делу. Партия собирает и мобилизует писателей, двигает их вперед. Это постановление нельзя трактовать как постановление грозное — оно светлое, оздоравливающее, ведущее вперед.] (1038, 1, 1886, л. 8, 12—16, 21—23, 26. — Юн. С. 70—71.)

7 сентября. Отчет об этом заседании напечатан в «Литературной газете». В кратком резюме выступления Вишневского почти ничего из сказанного не оказалось, в том числе и о Сталине и Жданове. Зато есть фраза, отсутствующая в стенограмме: «Я полагаю, что надо ставить вопрос о дальнейшем пребывании в Союзе и Ахматовой и Зощенко».

Из других выступлений. С. Михалков: «Я не отнимаю у Ахматовой профессионального уменья, но она и до революции никогда не была в кругу своих современников выдающимся явлением. Как же могло случиться, что в наши дни в Ленинграде она, окруженная салонными девушками, получила вдруг нездоровую и незаслуженную популярность!» А. Прокофьев: «Сигнал, данный нам со страниц „Большевика" в отношении Зощенко, был по существу нами, писательской организацией, игнорирован. Мы, как и некоторые другие организации, своеобразно амнистировали грубейшие политические ошибки Зощенко. Зощенко был не только введен в руководство писательской организацией, но чуть не каждый день ему предлагались новые руководящие посты. Мы кончили тем, что ввели его в редколлегию журнала „Звезда"». А. Сурков: «Почему же мне особенно горько выступать? Были времена, когда мне лично не надо было каяться, когда я с иронией слушал людей, которые в кулуарах утверждали, что Зощенко — глубокий психолог и под его гаерством скрывается настоящая душа. То же и в отношении Анны Ахматовой. А сейчас я оказался, как редактор „Огонька" и его приложений, человеком, который только недавно напечатал книжку Зощенко, в том числе и его пресловутый рассказ <...>. В качестве редактора „Литературной газеты" я вместе со всей

редакционной коллегией больше года тому назад напечатал под рубрикой „Будущие книги" интервью Анны Ахматовой с ее портретом. Я себя спрашиваю теперь, когда все это стало ясно, как, отчего это произошло? Не аллилуйствуя, не бросая слов на ветер, я должен признать, что потерял остроту идейной оценки литературных явлений».

Из резолюции. 1. Освободить тов. Тихонова Н. С. от обязанностей председателя Правления Союза советских писателей. <...> 7. Исключить Зощенко М. М. и Ахматову А. А. из Союза советских писателей, как несоответствующих в своем творчестве требованиям параграфа 2 Устава Союза, гласящего, что членами Союза советских писателей могут быть писатели, «стоящие на платформе Советской власти и участвующие в социалистическом строительстве». (ЛГ. № 37. С. 1—3.)

Из дневника Эйхенбаума. В «Лен. правде» сегодня — статья Плоткина (Л. А. Плоткин был зам. директора ИРЛИ. — *М. Д.*) о Зощенко: «Пошлость и клевета под маской литературы». Интересно, доживет он до того, когда ему будет стыдно? Пишу дальше о Толстом — это теперь мое спасение и лечение. Тяжело и гнусно.

8 сентября. Из дневника Эйхенбаума. Приехал А. М. Еголин — говорят, будет ревизия в Инст-те литературы. Генеральным секретарем Союза пис. будет Фадеев, а его помощниками — Вишневский, Леонов, Симонов и Тихонов, который все-таки помилован. <...> Объявлен в лектории горкома цикл лекций о сов. литературе и критике: Еголин, Плоткин, М. Лифшиц и Друзин. Прелесть! Интересно, до чего докатимся в этом новом погроме.

11 сентября. Из дневника Эйхенбаума. В «Лит. газете» — ужасные выступления писателей. Нападение на Пастернака. Вишневский негодует, что Ахматова «молчит».

18 сентября. Из дневника Эйхенбаума. 29-го собрание в Союзе с перевыборами правления. Надо иметь бешеное здоровье и железные нервы.

21 сентября. Из дневника Эйхенбаума. Сегодня говорил с Плоткиным о предстоящем 25-го ученом совете в инст-те. Он «дружески» предложил мне выступить с некоторым «самобичеванием». Я сказал, что не занимаюсь этим и не считаю нужным, п. ч. мне не в чем каяться. Он нес совершенный бред — предлагал говорить о моих статьях в «Звезде», о формализме и «Серапионовых братьях». Я наотрез отказался. Какая мерзость! Им нужно иметь «виноватых», чтобы самим быть невинными. Как грустна наша жизнь! Спасение только в том, что это в то же время смешно. Так не может долго продолжаться.

24 сентября. Из дневника Эйхенбаума. Завтра ученый совет в Инст-те с речью Плоткина. <...> А если потребуют, чтобы я сказал по вопросу о Зощенке и Ахматовой? Тогда сказать, что вот в этом вопросе я должен покаяться: не все мне ясно. Если бы

поэзия Ахматовой была просто «безыдейной», нечего было бы с ней бороться; если бы творчество Зощенки было бы просто «пошлым», не могло бы оно существовать 25 лет и встречать признание у Горького. Очевидно другое: оба они оказались сейчас *политически* (объективно, а не субъективно) вредными — Ахматова трагическим тоном своей лирики, Зощенко ироническим тоном своих вещей. Трагизм и ирония — не в духе нашего времени, нашей политики. В этом весь смысл. Надо было нанести резкий, грубый удар, чтобы показать нашим врагам, что ни Зощенко, ни Ахматова не отражают действительных основ советской жизни, что пользоваться ими в этом направлении недопустимо. Вынесенный им приговор имеет чисто политическое значение. <...> Сказал ли Плоткин о том, что 7 августа (на блоковском вечере) он сочинял проект литературных вечеров в институте, первым из которых должен был быть вечер Ахматовой, а вторым — вечер Зощенки?

26 сентября. Из дневника Эйхенбаума. Я выступал и ответил на вопрос о формализме и Ахматовой. Сказал, что мои выступления об Ахматовой были, очевидно, политической ошибкой, но, как и другие, я не представлял себе тогда этого и думал, что важно указать на переход Ахматовой к военным и историческим темам. (Не знаю, как вам, а мне больно читать это и сегодня. Но — не сужу, да не судим буду. — *М. Д.*)

Сентябрь (?). Из выступления Вс. Вишневского во время встречи с американскими журналистами (по стенограмме). [Под шум войны некоторые отсталые и вредные элементы стали, осторожно озираясь, воскрешать никчемные идеи «искусства для искусства», идеи ухода от борьбы, мистицизм и пр. Весь этот сор, вся эта декадентщина были выметены из русской литературы уже давно. Нелепо ведь наблюдать минорные религиозно-сексуальные стихи или подражание Э. Т. А. Гофману в среде писателей, идущих верным, реалистическим путем, писателей, которые изображают жизнь такой, какая она есть.] <...>

Толкуют о Зощенко... Кто он такой... Офицер царской армии, человек, который перепробовал ряд профессий, без удач и толка, и начавший в 1922 году писать сатирические рассказы. Они в ту пору били мещан, обывателей. Но потом в стране произошли грандиозные изменения. Страна в 9 раз удвоила свой индустриальный потенциал. [Страна произвела небывалую аграрную революцию — коллективизацию, равную по значению Октябрьской революции. Страна породила новую 10-миллионную интеллигенцию.] <...>

А Зощенко, замкнутый, угрюмый, стареющий, все продолжал писать свои сатиры, год за годом повторяя приемы 1922 года. Это надоедало. Он продолжал. Это раздражало, критика указывала на его сумбур, путаницу, на незнание им реальной жизни. Зощенко продолжал свое. Когда началась война, он бросил Ленинград, уехал

за пять тысяч километров и стал писать свою «исповедь». Это одна из самых мрачных и грязных книг, которые я когда-либо читал. Это нудное и циничное самораздевание, раздевание своих близких... Не буду продолжать.

Осажденный Ленинград, прочтя первую часть этой «исповеди», возмутился. Дело было в 1943 году — Ленинград выступил с протестом против клеветника, пасквилянта. Рабочие радиозавода, работавшие 730 суток под огнем немцев, написали решительное письмо-протест. Я сам всю войну был в осажденном Ленинграде и это дело знаю хорошо. С некоторыми рабочими с радиозавода я знаком, они приходили ко мне. Казалось бы, протест боевых, настоящих людей должен был повлиять на Зощенко. Но он опять угрюмо, индивидуалистически отвернулся. Он не понял или не захотел понять возмущения читателей. Он клеветал в своей повести на Ленинград — и Ленинград сам ему ответил. Зощенко продолжал свои писания.

Он дошел в своем падении до того, что не дал ни одной строки о великой войне! Он игнорировал величайшие муки и жертвы своего народа. <...> И с этим старым клеветником, несоветским человеком мы расстались. <...> Думаю, что мне нечего добавить к сказанному. (1038, 1, 1886, л. 3, 4. — Юн. С. 71, 74. В журнале выступление датировано августом, хотя, как явствует из текста, оно было после исключения Зощенко из ССП, то есть после 4-го сентября.)

1947

7 апреля. М. Зощенко. Письмо Ваше от 3. IV. 47 г. секретариатом Союза советских писателей получено. По поручению и. о. Генерального секретаря ССП СССР тов. Вишневского Вс. просьба прислать рукопись Вашей книги [«Никогда не забудете». Книгу не напечатали и лишь в «Новом мире», 1947, № 9) были опубликованы десять коротких рассказов из нее с небольшим предисловием автора о встречах с партизанами и под общим заголовком «Никогда не забудем». — *М. Д.*) в правление ССП. Зав. секретариатом ССП СССР Зеленская. (1038, 1, 3878.)

28 мая. Из дневника Эйхенбаума. Сегодня был в Доме кино — смотрел американский фильм 1943 г. «Сахара». Была А. А. Ахматова. Она и Зощенко получили карточки и литеры. Говорят, что Сталин нашел лишение их этого неправильным.

22 октября. Из дневника Эйхенбаума. Вечером в тот же день (20-го. — *М. Д.*) слушал у Толи (Мариенгофа. — *М. Д.*) новую пьесу Зощенко — «Здесь вам будет весело». Были Шлепянов, Козаков, М. Блейман. Говорили с Зощенкой до 4 ч. утра. Он измученный, нервный — обижается на каждое замечание. А пьеса путаная (в драматургическом отношении) и кое-где рискованная.

Основная пружина очень хороша и остроумна (двойник миллионера). Будет договор с театром Акимова.

1948

19 апреля. Из дневника Федина. У Всеволода (Иванова. — *М. Д.*) вечер с Зощенкой, которого я вижу впервые после его «падения» и которого начинают «приподнимать» (разрешают, кажется, новую его пьесу). Очень изменился. Даже глаза переменились — не по выражению, а *формой.* (Федин, 12. С. 165.)

27 декабря. Зощенко — В. К. Кетлинской. (В сентябре семья Зощенко, не в состоянии вносить плату за свою квартиру, обменяла ее на меньшую с писательницей Кетлинской, жившей в том же доме. Часть мебели осталась на старом месте, ибо на новом ее негде было поставить. — *М. Д.*) Дорогая Вера Казимировна! Я с маленькой просьбой к Вам. Просьба моя, вернее, относится к А. И. Зонину (мужу адресата. — *М. Д.*). Но он всегда суровый, и я не рискую тревожить его. Дело в том, что Ал. И. обещал мне заплатить в декабре за мою злосчастную конторку (он сказал — рублей 600—700). Видимо, А. И. не получил денег. А у меня завтра (28) последний срок заплатить за квартиру. Не Можете ли Вы дать мне хотя бы 300 рублей (напоминаю, что все названные суммы должны быть поделены на 10, ибо речь идет о дореформенных деньгах. — *М. Д.*) под этот долг А. И.? Госизд-во (в Петрозаводске) задолжало мне (за напечатанный перевод) — 7 тысяч. И не платит за неимением денег. Вот и приходится изыскивать нелитературные доходы. Извините, что беспокою Вас этим делом. Не сердитесь на меня за это письмецо. Мих. Зощенко. (ДН. С. 177.)

1949

Весна. Зощенко — Д. Г. Беляеву (редактору «Крокодила»). Мне передал т. Раскин (писатель, сотрудник журнала. — *М. Д.*) предложение «Крокодила» — принять участие в работе. Задача оказалась крайне нелегкой — создать положительный жанр в комическом фельетоне. И главная трудность заключалась в том, что в русской комической литературе нет примеров, на которых можно учиться. Наша комическая литература всегда была обличительной. И все наши журналы (в каких я работал с 21 года) велись в духе «Сатирикона». И отсюда-то и возникли многие наши грехи против задач, поставленных перед нашей литературой. А в общем, в нашей комической литературе не было иной традиции. Тем интереснее сломать традицию и поискать новых путей. И в этом направлении я занялся поисками. Скажу по совести — в тяжком труде провел

полтора месяца. Однако нашел некоторые пути и набрал до десятка фельетонов. И вот посылаю Вам на пробу три. (ДН. С. 179.)

Фельетоны не были напечатаны. До 1950 года «Крокодил» оставался для Зощенко закрытым.

12 июня. Зощенко — Акимову. Дорогой Николай Павлович! Шварц сообщил мне (с Ваших слов), что Пименов (В. Ф. Пименов работал начальником Главного управления театрами Комитета по делам искусств и был заместителем председателя комиссии по драматургии ССП. — *М. Д.*) не получил мою комедию («Здесь вам будет весело», ту самую, о которой Федин и Эйхенбаум писали в своих дневниках. — *М. Д.*), посланную ему почтой. Комедию я послал 7 мая и передо мной расписка. Не получить комедию Комитет не мог. Одно из двух — либо секретарь не передал Пименову, либо Владимир Федорович отказался от моей пьесы столь вежливым способом. И то и другое досадно в высшей степени. Тем более досадно, что пьеса на этот раз политически правильная — я давал ее на экспертизу специалистам по вопросам, затронутым в пьесе. Препятствия и преграды оказались столь велики, что они сломили мой дух и я не считаю более приличным просить и клянчить. Еще осталась слабая надежда на Симонова, которому я недели две назад послал экземпляр комедии, но я полагаю, что и тут результатов не будет, ибо дело не в литературе, а в ситуации. (Он, конечно, оказался прав. — *М. Д.*) Извините, что я столь часто беспокоил Вас этой своей работой. Наивность не покидала меня за эти два года. Благодарю Вас за Вашу помощь и сочувствие. (2737, 1, 105, л. 10. — Юн. С. 74.)

27 августа. Генеральному секретарю ССП, члену ЦК т. А. А. Фадееву. Дорогой Александр Александрович! За три года я написал 22 печ. листа (три комедии, рассказы, фельетоны, книга о партизанах). Все работы мои, в основном, одобрялись, правились и в конечном счете отклонялись, хотя я и не отказывался сделать именно так, как требовалось. Всякий раз я наталкивался на такие преграды, которые не позволяли думать, что работы мои могут быть напечатаны или поставлены без особого разрешения. И это, несомненно, так. Один редактор (Д. Г. Беляев. — *М. Д.*), которому я недавно послал несколько рассказов, откровенно мне написал, что лично он очень хочет, чтоб я сотрудничал в его Журнале, но это не зависит от него.

С грустью вижу, что моя трехлетняя работа сводилась к бессмысленному занятию и что этим я лишь напрасно отнимал время у людей и у себя. Это тем более печально, что свою квалификацию я отнюдь не потерял. И готов читать свои работы в самой строгой аудитории. Я много раз пробовал достать какую-нибудь несамостоятельную работу (правка, переводы, переделка), но за исключением одного финского перевода (М. Лассила. За спичками. Петрозаводск, 1949. Зощенко активно дарил книгу — я видел не-

сколько томиков с дарственными надписями. В частности, мне достался экземпляр от известного кинокритика и сценариста М. Ю. Блеймана с надписью: «Дорогому Михаилу Юрьевичу Блейману. Сердечно любящий Вас М. Зощенко. 22. XII. 1949». — *М. Д.*) мне ничего не удалось получить. Все телефонные распоряжения на этот счет (даже секретаря горкома) ни к чему не приводили. Издательства остерегались иметь дело со мной.

Я пробовал устроиться на службу (не литераторскую), но и тут мне отказывали, узнав мою фамилию. Четвертый год я нахожусь без работы и без заработка. Обращаюсь к тебе, как к члену ЦК, — укажи, как мне поступить, чтоб не быть лишним человеком в государстве. Все мои искренние желания и многократные попытки включиться в общую работу не дали желательных результатов. Я прошу у ЦК указания — что я должен делать? Мих. Зощенко. (ДН. С. 177—178.)

По сообщению Ю. Томашевского, Фадеев вызвал Зощенко в Москву, прочитал и предложил отложить фельетоны, переработать комедию и стал хлопотать о переводческой работе. Осенью Зощенко получил заказ на перевод еще одной книги Лассилы — «Воскресший из мертвых». В 1950 году им была переведена повесть А. Тимонена — тоже с финского — «От Карелии до Карпат».

2 сентября. Из дневника Федина. Завтракал с Зощенкой. <...> Зощенко отлично видит и понимает прошлые свои «заблуждения», чувствует себя нравственно в силах «начать новый путь». Трагично, что профессиональное сознание не хочет и не может в нем умереть, хотя он и говорит, что «слава» ему уже не нужна и он думает лишь об одном существовании. <...>

Давно не бывавший разговор с писателем. И невероятно, что он состоялся именно с самым несчастным (вероятно) писателем современности. Мне стало сейчас очевидно, что поиски счастливого героя Зощенко вел в трагически неверном направлении, ибо само «счастье» представлял себе крайне обывательски. (Приехали! И Федин туда же. — *М. Д.*) И получилось, что сами поиски счастливого героя воспринимались читателями Зощенки как *сатира* на современный «идеал» благополучия, как обвинение современности в обывательщине. Тут самое зерно трагедии Зощенки-писателя и — увы! — разгадка великого несчастья его жизни... (Федин, 12. С. 183—184.)

1950

Весна. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Г. Маленкову. Дорогой Георгий Максимилианович! После постановления ЦК «О журналах „Звезда" и „Ленинград"» я приложил все старания и многолетний опыт для того, чтобы выполнить требования, поставленные перед советской литературой. Мне хотелось успешно решить новые за-

дачи и этим несколько загладить многие мои идеологические ошибки и промахи. За годы 1946—49, учитывая указания партии, я написал: книгу о партизанах, две комедии, музыкальную комедию и ряд рассказов и фельетонов для журнала «Крокодил» и для литгазеты. Кроме того, сделал два перевода с финского.

Однако все эти работы мои (за исключением переводов) не были реализованы. Всякий раз я сталкивался с такими препятствиями, которые сводили мою литературную работу к пустому и бесцельному занятию. Например, моя книга о партизанах не была издана, а в журнале «Новый мир» появилось лишь несколько разрозненных рассказов даже без сноски, что это отрывок из книги. Тем самым книга потеряла тематический смысл и читатель получил о ней самое неясное представление. По приглашению новой редакции журнала «Крокодил» я долгое время работал над положительным жанром комического рассказа. Рассказы мои были одобрены журналом, однако они не пошли, и редактор известил меня, что лично он очень хотел, чтоб я сотрудничал в его журнале. Этим объяснялось приглашение. Также напрасно работал я над фельетонами для литгазеты. Принятые фельетоны были набраны, но не напечатаны.

В одинаковой мере и театральные мои работы не увенчались успехом. Сложилось впечатление, что дело заключается не в качестве моих работ, а в принципиальном отношении ко мне — к литератору, которого не следует печатать как исключенного из Союза писателей. Я искренне и горячо хочу отдать мой литературный труд народу. И мне кажется, что (хотя бы в области рассказа) я могу быть полезным партии и советскому читателю. Но внешние препятствия на пути к этому слишком велики, чтоб не прийти в замешательство после трех с половиной лет упорного и напрасного труда.

Я прошу указания ЦК — как мне теперь поступить? При этом осмеливаюсь послать Вам мою комедию, которая была разрешена Комитетом по делам искусств для постановки в ленинградском «Новом театре». Театру не удалось поставить эту комедию, ибо вскоре последовало запрещение. Теперь, тщательно выправив эту политическую пьесу (восьмой вариант. — *М. Д.*), я прошу позволения ЦК напечатать ее в каком-либо журнале. Ленинград, канал Грибоедова, 9, кв.124. Мих. Мих. Зощенко. (ДН. С. 179—180.)

Пьесу не напечатали и не поставили. Но запрет на журнальные публикации рассказов и фельетонов был несколько смягчен. Через некоторое время фамилия Зощенко снова стала появляться в печати.

8 апреля. Из дневника Эйхенбаума. В последнем номере «Огонька» — мертвые, вымученные, ужасные стихи Ахматовой! Написаны точно под диктовку. Это материнство — ради сына (Л. Н. Гумилева, находившегося в лагере. — *М. Д.*). Можно только пла-

кать. <...> А стихи Ахматовой написаны дрожащими пальцами — старушечьи. Бедная!

23 июня. Зощенко — Федину. Дорогой Костинька! Пришлось-таки обратиться к тебе с нижайшей просьбой: одолжи мне рублей 400—500, если тебя это не затруднит. Никак не обернусь до получки. Дела мои сейчас весьма выправляются. В конце мая меня вызвали в Смольный для разговора по телефону с ЦК. Говорил со мной тов. Иванов из отдела агитации и пропаганды ЦК. Он спросил меня, над чем я сейчас работаю, и сказал, что никаких препятствий для печатания моих работ не имеется. И чтоб я работал на равных основаниях со всеми.

Я тотчас послал несколько рассказов в «Крокодил» и в «Огонек» и, к моему глубокому удивлению, получил ответ, что один рассказ пойдет в «Огоньке», а другой в скором времени будет напечатан в «Крокодиле». Кроме того, непринятая музыкальная комедия («Шутки в сторону». — *М. Д.*) прочитана Городским Комитетом и полностью одобрена. Видимо, комедия эта пойдет осенью (не пошла. — *М. Д.*).

Как видишь, судьба моя переменилась, и хотя блеска в дальнейшем, вероятно, не произойдет (постарел), но кое-какие работы будут сносны и печальное имя мое, быть может, несколько очистится от скандальности. Без этой реальной перемены я бы не стал просить тебя об одолжении. Но предстоящие блага дают мне надежду, что в скором времени я уже смогу рассчитаться со своими долгами. Тебе я должен 1500 рублей, каковые деньги непременно верну в течение этого года.

Выхожу из четырехлетней беды с немалым уроном — «имение разорено и мужики разбежались». Так что приходится начинать сызнова. А за эти годы чертовски постарел и характер мой изменился к худшему — как видишь — стал даже просить денег, чего ранее не бывало. Не сердись, мой дорогой, за эту перемену и за мою жалкую просьбу. Крепко обнимаю тебя. Твой Мих. Зощенко. (Юн. С. 75.)

27 июня. Федин — Зощенко. Не могу передать тебе, как я (и мы с женой) рады твоему благовестному письму, рады за тебя, за перемену в твоих обстоятельствах. Дай бог тебе поскорее попить чайку под старыми липами. И собрать под ними всех, кого растерял, кто разбежался. <...> Ты умница и молодец, что написал мне. Очень, очень рад, мой дорогой друг. (Федин, 11. С. 298—299.)

2 июля. Зощенко — Федину. Дорогой Костинька! Сердечно благодарю тебя за присланные 500 рублей. Деньги эти весьма выручили меня — иначе пришлось бы идти под суд за то, что не платил за квартиру 3 месяца. Позавчера получил новый номер журнала «Крокодил» с моим первым рассказом (№ 17). Если редактор чего-либо не испугается и будет и впредь печатать меня, то я, пожалуй, выйду из «штопора». Почти четыре года болтает

меня в воздухе, и приходится удивляться, как до сих пор остался жив да еще чего-то пишу одеревенелой рукой. Отнесись снисходительно к моим первым литературным шагам.

Однако (взирая на вашего директора «Советского писателя» Корнева) у меня нет полной уверенности в благополучном исходе моего дела. Директор этот весьма недвусмысленно сказал нашему секретарю ССП Дементьеву: «Не дам Зощенко новой работы по переводу до тех пор, пока у меня не будет письменного распоряжения об этом секретариата ССП». Слова директора повергли меня в уныние, ибо все распоряжения обо мне отдавались по телефону. И новый письменный этап, несомненно, до крайности усложнит мои дела. Хорошо, если другие директора не дойдут до тех же понятий. (Юн. С. 75.)

27 сентября. Федин — М. Э. Козакову. Вчера я был у Чагина (главного редактора «Советского писателя». — *М. Д.*) снова. Он меня клятвенно заверил, что уже на прошлой неделе «Советский писатель» отправил Михаилу Михайловичу перевод с украинского и что будет систематически давать ему работу. Передай это Мише. <...> Я надеюсь, теперь наладится рабочая связь Михаила Михайловича с «Советским писателем» и положение улучшится. (Федин, 11. С. 302.)

20 ноября. Зощенко — Л. Б. Островской (жене Л. Ленча). Отвечаю с запозданием, так как была срочная работа и я подходил к столу лишь с профессиональными мыслями. Делал один срочный перевод с финского. Ведь я теперь стал настоящим переводчиком. Уже выпускаю третью книгу. Причем одна из них весьма прошумела — сейчас ее издают массовым тиражом (в 75 000). Это книга финского писателя Лассилы «За спичками» в моей обработке (речь идет о втором издании. — *М. Д.*). Фамилию мою [(уголовную)] поставили в книге столь мелкой печатью, что не сразу можно отыскать. Но под старость я вовсе растерял остатки честолюбия. [Насчет же денег — работа эта дает, увы, немного. И я пятый год все еще шляюсь зимой в летнем пальто.

Что касается основной работы, то мне сказали в ЦК (весной), что никаких препятствий для печати не имеется. Однако практика показывает, что препятствие есть, — например, «Крокодил» напечатал один рассказ и больше не печатает. Быть может, я разучился писать комические рассказы. Сейчас, помимо переводов, пишу одну большую книгу. Может быть, эта работа снова вернет меня на небеса — чего от души не хочется.]

В Москве, вероятно, побываю только весной. Сильно постарел и на женщин поглядываю меньше. Но характер изменился к лучшему — стал спокоен, «как пульс покойника». [В августе чертовски болел (сердце) и чуть не подох. Но сейчас снова здоров, чего от души желаю и Вам.] (601, 3, 9, л. 3—3 об. — Восп. С. 246—247.)

1951

30 июня. Зощенко — Ю. Н. Либединскому. Я получил Ваше письмо и подстрочник повести Цагар[а]ева («Повесть о колхозном плотнике С а г о». — *М. Д.*). За работу я уже принялся и через два месяца рассчитываю закончить ее. <...> Вы совершенно правы — повесть своеобразна и своей искренностью сможет завоевать читательское сердце. Но вместе с тем в повести множество недочетов. Она в высшей степени наивна, и в ней (почти в каждой главе) имеются тяжелые погрешности против логики. <...> Приходится глубоко вмешиваться в текст автора. И приходится сокращать и кое-что дописывать. (1099, 1, 770, л. 1.)

31 августа. Зощенко — Либединскому. Извещаю Вас, что 26 августа я послал т. Кирьянову первую часть перевода повести М. Цагар[а]ева (около 6 п. л.). Сейчас работаю над второй частью и полагаю, что дней через 20—25 закончу. <...> Автор списался со мной. Я задал ему ряд вопросов, на которые он обстоятельно ответил. Это облегчило работу, но и немного задержало. Кстати скажу — автор просил меня со всей строгостью отнестись к его повести и поправить ее композицию. Я сделал самое необходимое, стараясь сохранить повесть со всеми ее особенностями. (1099, 2, 259, л. 1.)

1952

13 марта. Зощенко — Островской. Люсенька! Извините, что не тотчас отвечаю на Ваше милое письмецо. Был нездоров и в меланхолии. [Вы, конечно, правильно мне советовали — надо было зимой поехать в Москву и там на месте уладить все дела. Однако для такого сложного путешествия у меня не хватило энергии и желания. По этой причине дела мои снова пришли в упадок.] Работать с «Крокодилом» трудно на расстоянии. А с «Огоньком» и тем более. Не всякий раз редакции отвечают на письма, да и чувствуется великое нежелание работать со мной. Поэтому не хочется навязывать свои труды.

Пьесу для Образцова Комитет не разрешил. И по нелепой мотивировке — *конфликт не типичен и не все комические положения исходят от характеров.* Ну и что? Я не обязан был писать типичные комедии. И театр от этого не пострадал бы. Напротив, был бы веселый спектакль для кукольного театра. Тут сам черт ногу сломит, если возьмется за театральную работу!

[Что касается моего перевода «За спичками», то на днях я получил авторские экземпляры (5 штук) *с напечатанной фамилией: «Перевод с финского в литературной обработке М. М. Зощенко».* Издательство извинилось «за забывчивость» и сообщило мне, что остаток тиража они напечатали с фамилией. Но какой это

остаток — не сообщили. Может, напечатали всего пять экземпляров для утешения автора перевода! Впрочем, опытные работники печати говорят, что такого рода допечатку не делают, если остаток тиража меньше 3-х — 5 тысяч. Ну, черт с ними. Книга имеет успех, и это главное. Да и книга-то не моя, а всего лишь перевод. Так что от этого дела я не имел огорчений.]

Сейчас работаю над большой книгой. Но, конечно, без уверенности, что напечатают, непостижимо трудно сейчас в литературе! Но, может, я постарел и перестал видеть мир, как это надлежит современному литератору. Нехорошо долго жить на свете. (601, 3, 9, л. 5—6 о б . — Восп. С. 247—248.)

8 мая. Зощенко — Либединскому. Дорогой Юрий Николаевич! Летом прошлого года издат-во крайне торопило меня с переводом повести Цагар[а]ева. <...> Я сдал работу еще в сентябре 51 г. [С тех пор прошло чуть ли не год. Неужели до сих пор книга не вышла? Во всяком случае,] я никак не могу выяснить, что с книгой и когда она намечена к выпуску. [Пожалуйста, извините меня, что беспокою Вас этим делом.] Сейчас я нездоров, не могу работать, нужны деньги — а это связано с выпуском книги. [По этой причине я осмелился потревожить Вас, как редактора этой книги. Быть может, Вас не затруднит хотя бы в двух строчках ответить мне — когда ожидается выпуск книги. Буду Вам весьма благодарен. И еще раз прошу извинить, что] прошу у Вас ответа, а не у издательства, которое если и отвечает авторам, то лишь в самых крайних случаях. Сердечно приветствую Вас. М. Зощенко. (1099, 1, 770, л. 2. — Юн. С. 75. В журнале письмо ошибочно датировано октябрем.)

15 июля. Зощенко — Каверину. <...> последние месяцы я чертовски хвораю. Весь комплект, как в моей м о л о д о с т и , — бессонница, плохие нервы, сердце. <...> Несмотря на мои хворости, я работаю еще и над большой моей книгой. Очень трудно (оказалось) найти правильную форму для современной темы. Тем более, что к старости хотелось выбрать форму поскромней и построже. Однако материал (наука, профессия, техника) увел в сторону от обычных путей. Это было досадно, и я долго ломал голову — как бы упростить дело. Отчасти (как будто бы) добился успеха. Но трудностей еще очень много. <...> В общем, все эти сложности литературной формы задержали мою работу. К тому же и поденная работа отнимала у меня много времени. Однако я надеюсь месяца через три-четыре закончить книгу. Если, конечно, снова не отложу из-за болезни или каких-нибудь неожиданностей. В общем, Веничка, для моего возраста (а я старее тебя на 7 лет) нагрузка слишком велика, если учесть все привходящие обстоятельства. (Каверин. ВД. С. 211—212.)

4 февраля. Зощенко — Федину. В этом году мне сильно не повезло. Стал писать книгу по материалу, который долго и кропотливо собирал. Книга — на положительную тему и с положительными персонажами. (Год назад — иначе было нельзя.) Проработал месяцев 8, и этим летом пришлось бросить работу. Изменилась литературная обстановка, да и работа не удовлетворяла меня, шла со скрипом. Впрочем, первые 4 листа показал Твардовскому. Он отобрал для «Нового мира» всего лишь два рассказа (а это был цикл рассказов), а остальное похерил. И в общем правильно сделал, так как положительные герои мне не слишком-то удаются. Для меня это была большая катастрофа — потерял много времени и остался без заработка. Для «Нового мира» надо было послать еще (как он сказал) два-три рассказа. А уже здоровья не хватило. Стал болеть и даже несколько захандрил. Сейчас немного лучше, но еще не совсем. Впрочем, работаю. <...> Уверен, что если не сейчас, то в скором времени сделаю что-нибудь порядочное. <...>

Литфонд напрасно так энергично требует с меня деньги. Эти 14 тысяч составлены из тех сумм, которые выдавали мне Секретариат ССП и Фадеев для того, чтобы я смог работать. И надо бы годик или два обождать. Старость медлительна! (Юн. С. 75—76.)

8 февраля. Федин — Зощенко. Дорогой Миша, очень рад был получить от тебя письмо. Оно, конечно, грустновато, но в нем отрадно то, что ты продолжаешь работать, несмотря на помехи и житейские тяготы. <...> Я решил послать тебе немного деньжонок, чтобы тебе легче работалось. Не посетуй на меня — делаю это от души. (Федин, 11. С. 336—337.)

27 февраля. Зощенко — Федину. Дорогой Костя! Сердечно благодарю за тысячу рублей. Не ответил тебе тотчас — был нездоров. Сегодня послал Суркову рассказ (хороший, читал его писателям, с большим успехом). Кажется, мне удалось нащупать некоторые соединения в прозе. В данном случае в сюжет органически вошла наука. Это удавалось в больших в е щ а х, — но в малых — нет. Несколько рассказов, что я н а б р о с а л, — оправдали мои надежды. Привычный буржуазный сюжет (деньги, любовь) уже будет для меня не обязателен. (Юн. С. 76.)

27 марта. Зощенко — В. А. Лифшицу (поэту). Дорогой Володя! <...> Книгу (большую) я пока отложил. Начал ее не так, как надо бы. Начал с публицистики, а следовало бы с сатиры. Ну, тут всего не угадать было. Да и здоровье не позволяло быть на высоте. Как-то Алехина спросили — почему он проиграл матч, а он ответил газетчикам: «Этот месяц у меня был неправильный режим питания». Так вот, эти годы у меня был неправильный режим питания и вообще не совсем-то правильный режим. По этой причине не

рассчитываю сейчас на крупные лит. удачи. Кое-какие рассказы, впрочем, делаю, но без большой уверенности. Рассчитываю летом передохнуть и тогда возьмусь за книгу. (Юн. С. 76.)

23 июня. Из стенограммы заседания Президиума ССП.

т. Софронов. Прежде чем перейти к персональным делам, у нас имеется поступившее в Президиум и Секретариат ССП заявление М. М. Зощенко следующего содержания (зачитывается заявление о восстановлении его в Союзе писателей). Это заявление было получено Секретариатом, Секретариат слушал его и поручил товарищам Симонову, Грибачеву и Соболеву ознакомиться с новыми произведениями Зощенко и свои предложения представить Президиуму. К этому прибавить можно немного. Можно только подтвердить, что за это время Зощенко сделал многое. <...> Можно назвать и «крокодильские» его фельетоны, и рассказы, печатавшиеся за эти годы в различных изданиях. Многие ленинградские писатели <...> всячески поддерживают заявление Зощенко. <...>

т. Шагинян. Я видела Зощенко каждый год после постановления ЦК и я должна сказать, что это по-настоящему человек. Он хорошо реагировал на постановление, понял свои ошибки. Он работящий и по-настоящему талантливый советский писатель. И нам стыдно, если мы сейчас не протянем ему руку помощи. Он находится в очень тяжелом моральном и материальном положении. Вопрос о восстановлении Зощенко может быть решен нами единогласно.

т. Симонов. Я был бы против того, чтобы восстанавливать Зощенко. Мы в свое время исключили его из Союза правильно, исключили за серьезные ошибки. Я согласен с Мариэттой Сергеевной, что он правильно отнесся к критике, что он много и честно работал, что он создал после этого ряд вещей, которые позволяют его принять в Союз — не восстановить, а принять в Союз. Я бы Зощенко принял в Союз на основании произведений, написанных им за эти годы, с 1946 по 1953, среди них и партизанские рассказы (это первое, что он опубликовал). Это не очень сильно художественно, но это очень честная попытка стать на правильные позиции. Там есть и хорошие вещи — в этих рассказах. Его переводческая деятельность во многом просто блестяща. Это тот случай, когда я принял бы в члены Союза как переводчика за один перевод. Это блестящее художественное произведение. Я предложил бы принять Зощенко в члены Союза как прозаика и переводчика. Какие еще есть предложения?

т. Твардовский. Если употребить выражение «восстановить», это значит отменить решение об исключении из Союза. Восстанавливают тогда, когда признают неправильным исключение. <...> Возьмем даже более серьезное дело: исключение из партии. Восстанавливают только в случае признания высшим органом неправильности исключения.

т. Шагинян. Это, мне кажется, неверно.

т. Симонов. Или когда человек был исключен на срок.

т. Шагинян. ЦК не вычеркивал всего литературного пути Зощенко, он дал постановление об определенных его вещах, он не опорочил все то, что Зощенко сделал до этих вещей. Дело идет не о простой формальности. Восстановить — это значит признать его стаж, это значит дать ему право на пенсию. Человек находится в страшно тяжелом психическом состоянии. Принять его в Союз как новичка — это значит делать его начинающим писателем. <...> Давайте обратимся с нашим решением в ЦК, может быть, он санкционирует наше решение. <...> Был прецедент: Ахматову мы восстановили. Слабый, чуждый нам поэт. <...> А Зощенко, который сформировался при Советской власти, который ближе нам по существу, по внутренней позиции, которую он не менял все время, — его мы будем принимать, а не восстанавливать. Почему вы так отнеслись к Ахматовой?

т. Симонов. Для объяснения своих позиций я хочу сказать, что я не присутствовал при восстановлении Ахматовой, а если бы присутствовал, несомненно, голосовал бы не за восстановление, а за прием. Считаю, что и Ахматову надо было бы принимать в Союз заново, а не восстанавливать. А если есть формулировка о восстановлении, то это — неверная формулировка.

т. Твардовский. Я не понимаю, почему так хлопочет Мариэтта Сергеевна, — на пенсию писателя это не влияет.

т. Грибачев. Пенсия — вещь персональная, а дается отнюдь не за выслугу лет.

т. Шагинян. Все же партия не вычеркивает всей прежней его работы.

т. Соболев. Мы его исключили из Союза. Прошел какой-то срок, он поработал, показал себя как человек не бесполезный, и мы считаем возможным, чтобы он был в нашей организации, не восстанавливая его, а вновь принимая на общих основаниях, как старого литератора.

т. Симонов. Есть два предложения: предложение Мариэтты Сергеевны Шагинян восстановить Зощенко в ССП и мое предложение — принять его в члены ССП. Я хотел бы, чтобы члены комиссии, назначенной Секретариатом, высказались по этому вопросу.

т. Грибачев. Была приведена серьезная мотивировка. Ведь если мы восстановим его, мы делаем вид, что Зощенко ничего не совершил, что все было ошибкой, и Зощенко возвращается в Союз. Этого, по-моему, делать нельзя. А на пенсию это не влияет — это уже совсем другой вопрос.

т. Соболев. Я также не понимаю, почему вы упираетесь в эту формулировку? Вы говорите, что для него это тяжело. Но если после известного случая и постановления ЦК мы приняли решение

о том, чтобы расстаться с писателем, исключить его из наших рядов, то если мы сейчас будем говорить о восстановлении, то по логике русского языка это означает, что мы признаем свою ошибку, <...> считаем это исключение ошибочным.

т. Шагинян. А как же было с Ахматовой?

т. Соболев. Была допущена ошибка, если она была «восстановлена», а не «принята». Если бы я присутствовал на этом заседании, я сказал бы так же. Если вы говорите, что на него это подействует, — то тогда он просто не понял, что тогда произошло.

т. Симонов. Для него было бы гораздо тяжелее, если бы мы не приняли его в Союз. Я прошу голосовать. Первое предложение Мариэтты Сергеевны Шагинян о том, чтобы восстановить Зощенко в ССП. Кто за это предложение? *(Один.)* Кто за мое предложение — принять в члены Союза? *(Единогласно.)*

Постановили: Принять М. М. Зощенко в члены ССП. (Юн. С. 76—77.)

27 июля. Из дневника Чуковского. Был у меня Каверин. Он сообщил, что Зощенко принят в Союз писателей, что у него был редактор «Крокодила», просил у него рассказов и заявил, что покупает на корню всю продукцию. Какое счастье, что З-ко остался жить, а ведь мог свободно умереть от удара — и даже от голода, т. к. было время, когда ему, честнейшему и талантливейшему из совр. писателей, приходилось жить на 200 р. в месяц! (Приходилось даже, как в молодости, заниматься сапожным ремеслом в попытке заработать хоть что-нибудь. — *М. Д.*) Теперь уж этого больше не будет. (Там же. С. 78.)

Июль. Зощенко — Козакову. [Дорогой Миша! Ты обещал мне сообщить, как обстоит дело с переизданием «За спичками». Надо полагать, что дело обстоит неважно, если ты промолчал.] <...> Дела мои много лучше. И есть превеликие надежды на дальнейшее. Мих. Зощенко (член ССП).

К письму приложено заявление в издательство, датированное 21 июня: «Большая часть тиража (второго издания „За спичками". — *М. Д.*) была выпущена без фамилии переводчика и даже без указания, что это перевод с финского. На малой части тиража указано: „Перевод с финского в литературной обработке М. М. Зощенко". При переиздании допустимо поставить: „Перевод с финского М. Зощенко"». (1517, 1, 168, л. 1, 2. — Юн. С. 76.)

1954

8 мая. Из дневника Л. К. Чуковской. Анна Андреевна приехала (в Москву. — *М. Д.*) сегодня и позвонила. Ранним вечером я помчалась к ней. <...> рассказала мне увлекательнейшую новеллу — происшествие четырехдневной давности (речь идет о 5 мая. — *М. Д.*):

— Я позвонила в Союз, Зуевой, заказать билет в Москву. Ее нету. Отвечает незнакомый голос. Чтобы придать своей просьбе вес, называю себя. Боже мой! Зачем я это сделала! Незнакомый голос кричит: «Анна Андреевна? А мы вам звоним, звоним! Вас хочет видеть английская студенческая делегация, обком комсомола просит вас быть». Я говорю: «Больна, вся распухла». (Я и вправду была больна.) Через час звонит Катерли (Е. И. Катерли, прозаик. — *М. Д.*): вы должны быть непременно, а то они скажут, что вас удавили. (Так прямо по телефону всеми словами.) Я предложила выход: найти какую-нибудь другую старушку и показать им. Вместо меня. Но она не согласилась.

За мной прислали машину, я поехала. Красный зал, знакомый вам. Англичан целая туча, русских совсем мало. Так сидит Саянов, так Зощенко, так Дымшиц, а так я. Еще переводчица, девка из ВОКСа — да, да, все честь честью... Я сижу, гляжу на них, вглядываюсь в лица: кто? который? Знаю, что будет со мной катастрофа, но угадать не могу: который спросит? Сначала они расспрашивали об издании книг <...>. Потом они спросили: изменилась ли теперь литературная политика по сравнению с 46 годом? Отошли ли от речи, от постановления? Отвечал Дымшиц. Мне было интересно услышать, что нет, ни в чем не отошли. Тогда отважные мореплаватели бросились в наступление и попросили m-r Зощенко сказать им, как он относится к постановлению 46 года? Михаил Михайлович ответил, что сначала постановление поразило его своей несправедливостью и он написал в этом смысле письмо Иосифу Виссарионовичу, а потом он понял, что многое в этом документе справедливо... Слегка похлопали. Я ждала. Спросил кто-то в черных очках. Может быть, он и не был в очках, но мне так казалось. Он спросил, как относится к постановлению m-me Ахматова? Мне предложили ответить. Я встала и произнесла: «Оба документа — и речь т. Жданова, и постановление Центрального Комитета партии — я считаю совершенно правильными».

Молчание. По рядам прошел глухой гул — знаете, точно озеро ропщет. Точно я их погладила против шерсти. Долгое молчание. Потом кто-то из них спросил: «Известно ли вам, что у нас пользуются большой популярностью именно те произведения m-me Ахматовой, которые здесь запрещены?» Молчание. Потом кто-то из русских сказал переводчице: «Спросите их, почему они хлопали Зощенке и не хлопали m-me Ахматовой?» — «Ее ответ нам не понравился», — или как-то иначе: «нам неприятен». А мне было неприятно, что наши тоже стали называть меня «madame Ахматова». «Товарищ Ахматова» или даже Ахметкина гораздо лучше. В «madame» заключена смрадная мысль, будто существует некто monsieur Ахматов...

Таков был ее рассказ, повергший меня в смятение. Что же эти англичане — полные невежды, дураки, слепые или негодяи? Зачем

им понадобилось трогать руками чужое горе? Людей унизили, избили, а они еще спрашивают: «Нравится ли вам, что вас избили? Покажите нам ваши переломанные кости!» А наши-то — зачем допустили такую встречу? Садизм. (Л. Чуковская. С. 47—49.)

28 мая. Из отчета о партийном собрании ЛО ССП «За глубокую идейность и высокое мастерство в творчестве писателей». До сих пор не сделал никаких выводов из постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» М. Зощенко. Факты последнего времени свидетельствуют, что М. Зощенко скрывал свое истинное отношение к этому постановлению и продолжает отстаивать свою гнилую позицию. (ЛПр. № 125. С. 2.)

15 июня. Из статьи В. Друзина «За ленинский принцип партийности литературы». Постановление ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» дало боевую программу действий советским писателям, указав на необходимость руководствоваться высокой идейностью, осудив произведения аполитичные, безыдейные, вроде пошлых, искажающих советскую действительность рассказов Зощенко, воинствующего проповедника безыдейности. (ЛПр. № 140. С. 3.)

Из выступления Зощенко на собрании ленинградских писателей (по стенограмме). Очень и очень трудно мне говорить в моем положении, тем более что ни в чем мою особу я не хотел бы противопоставлять ни коллективу, ни партии. Я ведь не являюсь «воинствующим проповедником безыдейности», как сказано сегодня в «Ленинградской правде». Я не умею формально говорить. И на что вам мое формальное признание в ошибках? Я буду говорить так, как я думаю, — только тогда можно полностью понять, что представляет собой человек. Может быть, я и в самом деле в чем-то жестоко ошибаюсь, либо устарел, либо мой ум неверно воспринимает факты. Только тогда вы можете разобраться во мне и понять, почему происходят такие досадные истории!

Я начну с последних событий. В газете было сказано о том, что я скрыл мое истинное отношение к постановлению Центрального Комитета и не сделал никаких выводов из указаний партии. Я не скрывал этого. Я написал в 1946 году товарищу Сталину, что я не могу согласиться с критикой всех моих работ, не все они таковы. <...> В моем заявлении о принятии меня в Союз я написал, что я во многом ошибался, делал оплошности, но я не согласен с тем, что я несоветский писатель, и никогда им не был. Это было основное обвинение и в докладе — именно о том, что я несоветекий писатель. <...>

В этот злополучный вечер с англичанами, о котором идет речь, даже слова не было сказано о постановлении. Речь шла только о критике Жданова. Именно этот вопрос задали английские студенты. Они спросили меня так: «Ваше личное отношение к докладу Жданова?» На любой вопрос я готовился ответить им шуткой. Но

в докладе, в котором было сказано, что я подонок-хулиган, было сказано, что я несоветский писатель, что с двадцатых годов я глумился над советскими людьми! Я не мог отвечать шуткой на этот вопрос, и я ответил серьезно — так, как думаю. Да, я в точности помню мои слова, произнесенные английским студентам. Вот фраза за фразой начало моего ответа, который можно сверить по стенограмме; я не согласился с докладом и об этом написал товарищу Сталину; я не согласился с докладом, потому что не согласился с критикой моих работ, сделанных в 20-х — 30-х годах. Я писал не о советском обществе, которое тогда только что возникало, я писал о мещанах, которые веками создавались всем укладом прошлой жизни. Вот подлинные мои слова, начало моего ответа. Далее я сказал несколько общих фраз о сатире и закончил мой ответ так: сатира — сложное дело. Мне казалось, что я писал правильно, но, может быть, я ошибался. Но так или иначе — вот все мое литературное дарование, и я полностью отдаю его советскому государству, советскому народу. Вот мой подлинный ответ студентам.

Я понимаю — я должен был более точно политически выразиться. Я должен был бы, вероятно, отделить доклад в целом, идейное его содержание и отношение критики к моей работе. Я не видел в моем ответе ни непатриотизма, ни ничего предосудительного, и только потом мне сказали товарищи, через месяц, что мой ответ сосчитали как непатриотический.

А что я мог ответить? Как я мог сказать? Анна Андреевна Ахматова сказала: «Я согласна». У нее были другие обвинения. Вероятно, на ее месте я бы так же ответил! <...> А может быть, этот вопрос был провокационный? Может быть, они сами наталкивали меня так ответить, чтобы я согласился им сказать: «Да, я мошенник, не советский писатель». Может быть, нарочно был задан этот вопрос, чтобы я попал в дурацкое положение? Я с каждым днем видел потом, что этот вопрос не имел должного ответа. Я не хочу себя обелить ни в чем. Я сделал промах необычайный и досадный. <...> Только дома я разобрался, какой промах я совершил. Какой, можно сказать, нетактичный, хамский вопрос мне был задан! Только дома пришло мне в голову: «Я должен был сказать: передо мною юная аудитория, вам 20—22 года, доклад был восемь лет назад. Что вы можете помнить? Кто из старших подсказал вам задать мне этот нетактичный вопрос?» Вот как я должен был ответить. (*Движение в зале.*) <...>

Но я не нашелся. Быть может, потому, что я семь лет был как-то в стороне от общественной жизни, а скорее всего потому, что не умею политически мыслить, но не потому, что я малограмотен по политической части. Это неверно. Я очень много читал, я читал почти все, что написано товарищем Лениным, я читал 12 томов товарища Сталина, кроме «Краткого курса», делал много

выписок. Я не являюсь политически неграмотным человеком, но тут существует какой-то дефект моего писательского мозга: я не умею мыслить политическими формулами! <...>

И вот таким промахом, который я допустил, я, может быть, ввел в заблуждение товарищей, которые подумали, что я якобы не согласился с докладом в целом, что я противостою партии и писателям. Это абсолютно не так! (*Председатель* [*В. А. Кочетов*]. *Вам много еще времени надо? Минут пять вам хватит?*) Да, это мой промах в том, что я не сразу разобрался в этом вопросе. Я ответил не совсем точно, и я готов понести наказание. Я считаю, что я в этом повинен. Но я, кажется — и даже наверное, — и без того себя наказал. Я знаю, что означает такая статья, которая порочит меня такими словами, как «скрыл». Я знаю о затрудненных отношениях с издательствами, надменные взгляды редакторов. Но все равно! В моей сложной жизни это для меня сейчас тяжкое дело, но даже и в этом случае я не могу согласиться с тем, что я был назван так, как это было сделано в докладе. Вот уже 8 лет мне трудно, почти невыносимо жить с этими наименованиями, которые повисли на мне, которые так унизили мое человеческое достоинство. <...>

Я никогда, как это было сказано, не втирался в редакции, не желал лезть в руководство. Этого не было — было наоборот. Кто смеет мне сказать, что это было не так? Я бежал, как черт от ладана, я просил и умолял, чтобы меня не включали в редколлегию «Звезды». Мне товарищи на президиуме сказали: «Смирись! Уже подписано твое назначение». <...> Мне сказали, что я не захотел помочь советскому государству в войне, что я трус и окопался в Алма-Ате. Я дважды воевал на фронте, я имел пять боевых орденов в войне с немцами и был добровольцем в Красной Армии. Как я мог признаться в том, что я — трус? Кто мне может сказать, что из Ленинграда я бежал? Товарищи знают: я работал в радиокомитете, в газете, я написал вместе со Шварцем антифашистское обозрение «Под липами Берлина», и это обозрение шло во время осады. <...> Я не хотел уезжать из Ленинграда. Мне предложили и приказали. Я не был никогда непатриотом своей страны. Я не могу согласиться с этим! Что вы хотите от меня? Что я должен признаться в том, что я пройдоха, мошенник и трус?!

Я заканчиваю. Последняя фраза. Я могу сказать: моя литературная жизнь и судьба при такой ситуации закончены. Я не могу выйти из положения. Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын! Как я могу работать? Я думал, что это забудется. Это не забылось — и через восемь лет мне задают этот вопрос. Может быть, это задали враги, но я получаю письма от читателей, ко мне приходят и спрашивают. Я знаю, что не забылось!

У меня нет ничего в дальнейшем! Я не стану ни о чем просить!

Не надо вашего снисхождения, ни вашего Друзина, ни вашей брани и криков! Я больше чем устал! Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею! (*Аплодисменты.*) (ДН. С. 181—184.)

«По свидетельству очевидцев, — пишет Ю. Томашевский, — Зощенко заканчивал выступление в состоянии, близком к обмороку. Выкрикнув последние слова, он выбежал из зала. Несколько человек бросились за ним, отпаивали водой, валерьянкой. Боялись, что с ним случится инфаркт, что он умрет тут же, в Доме писателя». (Там же.)

Что же касается ремарки «аплодисменты», то формально она, конечно, правомерна, поскольку они все же были, но аплодировали лишь несколько человек из всего зала. Среди них, если судить по воспоминаниям, появившимся уже в наши дни, были И. Меттер, А. Володин, И. Шварц, В. Глинка, И. Кичанова-Лифшиц.

18 июня. Из отчета о собрании ленинградских писателей «Теснее связь с жизнью!». Никого не могло удовлетворить путаное выступление М. Зощенко, свидетельствующее о том, что он до сих пор не только не разобрался в допущенных им ошибках, но и не осознал всей порочности своих позиций. (ЛПр. № 143. С. 2.)

27 июля. Зощенко — В. В. Ермилову (критику, одной из самых страшных и подлых фигур в истории новейшей русской литературы). Из всей истории, что произошла со мной в июне с. г., мне было наиболее неприятно прочитать строчки в «Правде» (статья Ермилова «За социалистический реализм» от 3 июля. — *М. Д.*) о моей «клеветнической и безыдейной литературе». Мне казалось, что Вы не должны были бы это писать. И вот почему. Передо мной Ваше письмо от 20 авг. 35 г. Вы, редактор «Красной нови», пишете мне о моей «Голубой книге», напечатанной Вами в журнале: «<...> Вы сделали огромное дело и по отношению к самому себе, ко всему Вашему предыдущему творчеству, повернув его в новом плане, <...> подняв его на новую большую высоту. Читатель Вам за все это будет очень благодарен. А у нас в редакции нашей настоящий праздник». <...>

Я понимаю, что 18 лет назад могла произойти такая ошибка. Допускаю, что Вы, критик, грубо ошиблись — так высоко оценивая мои работы. Допускаю, что ошибся и Горький <...>. Допускаю, что ошиблось и руководство ССП, представив меня в 1939 году к ордену Труд. Кр. Зн. за заслуги в литературе. Я допускаю, что ошиблись тысячи читателей, письма которых тяжелым грузом лежат в моем шкафу. Да, допускаю, что все это были чудовищные ошибки, с помощью которых я несколько десятилетий писал мои ошибочные сочинения. Но в таком случае со мной следовало бы говорить, как с человеком, который ошибся, а не как с литературным бандитом — как это сделано было в докладе Жданова и в последующих статьях и критических заметках. <...>

Я пишу Вам это письмо, не имея какой-либо цели. Просто

вчера, разбирая архив, я натолкнулся на два Ваших письма, которые поразили меня — не похвалой, нет, а той огромной убежденностью Вашей в том, что моя литература нужна и полезна нашему народу. Стало быть, подумал я, и Ваша возвышенная оценка была малым слагаемым в той сложной сумме, которая позволила мне строить мою литературу так, как я ее строил. Хотя бы по этой элементарной причине не следовало бы Вам теперь прикладывать руку к моей «безыдейной» литературе, и без того почти уничтоженной.

С грустью посылаю Вам это мое письмецо. Как говорится — бог Вам судья. (ДН. С. 184—185.)

4 августа. Ермилов — Зощенко (в пересказе Ю. Томашевского). Он отказывается от своих прошлых оценок творчества Зощенко, пишет, что тот в 1935 году «ничего не понял»: когда-то его, Ермилова, «положительное отношение» к Зощенко, как и отношение Горького, как и награждение его орденом и тому подобное, было не чем иным, как неким авансом, «попыткой нашей общественности» «вывести Вас на дорогу советской литературы», «надеждой на то, что Вы, в конечном итоге, сможете стать на путь советской народной сатиры, а не мещанской пошло-злопыхательской, антигуманистической, основанной на неуважении к человеку, дешевой лжесатиры, которая связана с присущей Вам безыдейностью и аполитичностью» <...>. «Что же касается до того, что „бог Вам судья", то судья у всех нас, литераторов, больших и малых, один: народ. А народ хорошо знает, что такое человеческое достоинство». (Там же. С. 186.)

4 октября. Зощенко — Островской. Не писал Вам летом, так как чертовски болел и даже, представьте себе, чуть не сдох окончательно. <...> Заболел я в июне, и болезнь была для меня полнейшей неожиданностью. В один, как говорится, прекрасный день я почувствовал отвращение к еде. Почти перестал есть. <...> Почти два месяца я провел на пище святого Антония — не без труда съедал одно яйцо и чашку бульона. А дней десять и вовсе ничего не ел — пил только сладкую воду. Однако спохватился. И даже унизился до того, что позвал врача. <...> я стал разбираться в моей темной психике и тут понял, что я слег в постель, чтобы «уйти в болезнь» и этим избежать всех новых трудностей жизни, какие мне предстояли. <...> Вот какие поразительные истории могут происходить с человеком, который вовсе не отличается малодушием или трусостью. <...> Испытываю некоторое спортивное удовлетворение, что избежал поражения. Но победа тоже мне почти ни к чему.

Что касается моего «преступления», то оно, уверяю Вас, было не из тяжких. Поверьте, Лиличка, иного ответа я и не мог дать этим злополучным английским студентам, которые «в лоб» спросили меня — о моем личном отношении к докладу Жданова. Никто

не поверил бы мне, если б я сказал, что я согласился с той критикой, какая обозвала меня «подонком», «хулиганом» и так далее. Вероятно, англичане посмеялись бы над писателем, который согласен проглотить любую брань. Вот по этой причине я и ответил, что не согласился с докладом. Мой ответ во всех деталях был весьма патриотичен, но в этом пункте я оставил за собой право не соглашаться. О чем и теперь не жалею.

Однако ошибка моя тут все же имелась. Мне следовало бы оговориться, что с идейной стороной доклада я вполне согласился. Но в пылу моего «дворянского гонора» я позабыл это сделать и по этой причине вина моя была непростительной. Конечно, поднялся жуткий «хай» и меня стали в печати (совсем уж неосновательно) уличать в том, что я будто бы «скрыл» свое истинное отношение к постановлению. А этого вовсе не было, так как в свое время я писал Сталину и в ЦК о моем несогласии с обвинениями. На собрании в ССП мне следовало бы смиренно признаться в моей оплошности — в том, что я не сделал нужную оговорку в моем ответе студентам, но я вместо этого произнес бурную речь, в которой больше обвинял, чем оправдывался. Этим я окончательно рассердил наше чопорное начальство.

Однако месяц спустя выяснилось, что мой правдивый ответ англичанам был (по высокой политике) более разумен, нежели то фальшивое согласие, на которое я должен был пойти. В английской печати (и в наших «Известиях» от 7 сент.) было сказано, что английские студенты, посетившие Ленинград, вполне теперь уверились, что в Советском Союзе полностью существует свобода мнений и свобода дискуссий. <...> В общем, дело это закончилось хорошо, и в печати, как видите, меня больше не задевают. <...> За последние годы я стал невзыскателен и привык довольствоваться тем, что есть и что не похоже на катастрофу. (601, 3, 9, л. 7—9 об.)

13 декабря. Зощенко — Островской. Я, представьте себе, — в Сочи. Путевочку в санаторий неожиданно получил из Москвы, от Союза писателей. <...> Союз прислал мне путевку в санаторий — им. Орджоникидзе (да еще при этом 3 тысячи денег). <...> Перед самым моим отъездом из Ленинграда (в конце ноября) дела мои сложились как будто бы вполне хорошо. Из «Альманаха» (редакции «Ленинградского альманаха». — *М. Д.*) вторично просили меня дать рассказы либо что-нибудь. И из «Крокодила» получил письмецо, из которого явствует, что журнал будет печатать мою продукцию. <...> На съезде (Втором съезде советских писателей. — *М. Д.*) вряд ли будут меня поносить — я уже, слава богу, вышел из моды, и было бы неприличным ворошить мое уголовное прошлое. Конечно, возможно, что кто-то что-то скажет, но я надеюсь — без брани и воплей. Вот тогда я бы снова смог вернуться в литературу уже не в качестве переводчика. (Там же. Л. 10—10 об.)

15 декабря. Из доклада А. А. Суркова. Партийные постановления 1946—1948 годов напомнили нам, литераторам и работникам других областей советского искусства, что <...> опасность существует. Постановления ЦК КПСС помогли нам в сплочении сил для борьбы против идейно чуждых влияний. (Второй Всесоюзный съезд советских писателей: 15—26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1956. С. 31.)

Декабрь. Зощенко — В. В. Зощенко. В Сочи, конечно, чудесно. Солнце. Зелень. Тепло. Вчера было даже жарко. <...> Санаторий мой великолепен. Комнату мне отвели более чем роскошную — с золотыми бархатными портьерами, с коврами и с балконом на море. Уход и забота удивительные. Ко мне в особенности. Весь медперсонал побывал у меня. Но по моему характеру такое внимание не так уж приятно. Еда отличная — дают что хочешь, можно заказать любое блюдо. Даже расспрашивают — что хотелось бы съесть. В общем, здесь отлично. Но со здоровьем печально. Впервые за много лет я позволил себя обследовать. И по встревоженным лицам врачей понял, что дела мои неважны. Оказалось, что мой порок сердца осложнился «мерцательной аритмией», истощение полное (дистрофия) и, что наибольше всего меня удивило, — слабые легкие. <...> придется беречься и, главное, есть. А с этим делом плохо. Правда (уже с поезда), у меня не было тошноты и отвращения к еде, но заставить себя много есть не могу. Видимо, длительная привычка отучила меня от нормальной еды. <...> Врачи с ног сбились — не знают, как мне вернуть нормальный аппетит. <...>

Большую часть дня провожу в постели — слаб, и врачи посоветовали пока лежать. <...> Возможно, что некоторую пользу принесет мне эта поездка в Сочи. Но поправиться за один месяц нельзя. Слишком большие дефекты и разрушения. Вообще-то жил уже долго и умирать вовсе не страшно. Но вот от чахотки не хотелось бы. Противно. Буду рассчитывать, что легкие как-нибудь подправлю. Работать здесь вовсе не могу, да и не насилую себя. <...> Оказалось, что за 13 лет я потерял 7 кило. Для меня это чудовищно. Сейчас я хочу вернуть хотя бы 2 кило — этим уйду от дистрофии. (ДН. С. 187.)

1955

13 марта. Зощенко — Островской. Эти два месяца зверски работал — для журнала «Октябрь» по их приглашению. Работа большая — книга новелл, листов на 15. Однако сейчас я заканчиваю только первую часть — она самостоятельна по характеру и поэтому может быть напечатана отдельно от книги. Как будто бы работа удалась. Недели через две-три посылаю в журнал. После чего (подождав ответа), вероятно, приеду в Москву. [Работаю с

охотой, легко. Но отношение тут ко мне поганое. И поэтому с заработками трудновато. Но, как говорится, уповаю на бога и на свою неприхотливость.]

Конечно, полной уверенности нет, что работа моя будет принята (целиком), но драмы и в этом случае не произойдет. Сам возмущаюсь, что со мной с т а л о, — все отскакивает, как горох от стены. Это бывает к старости! Однако здоровье мое сносное и даже, пожалуй, лучше, чем когда-либо прежде. (601, 3, 9, л. 11. — Восп. С. 248—249.)

Весна. Сообщает Ю. Томашевский. Зощенко был приглашен на шестидесятилетие Веры Пановой (она родилась 20 марта по новому с т и л ю. — *М. Д.*), отмечавшееся в Доме писателя <...>. В самом начале торжества, после провозглашения тоста в честь юбиляра, ее муж, Д. Я. Дар, <...> внезапно встал и поднял бокал «за Зощенко», тем самым крайне смутив Михаила Михайловича и вызвав замешательство у организаторов торжества, которые сочли импульсивный поступок Дара чуть ли не спланированной «провокацией». К Зощенко пришли новые волнения: сердитые звонки из кабинетов литвласти и даже вызовы «на ковер». Начались неприятности и у Пановой. <...> Дар написал Зощенко извинительное письмо. (ДН. С. 187.)

8 мая. Зощенко — Д. Я. Дару. Дорогой Давид Яковлевич! Я получил Ваше милое письмецо. Никаких огорчений я не испытываю и на Вас вовсе не сержусь. Конечно, Ваш тост на юбилее был совсем лишним, и я тогда крайне подосадовал, что тень моей уголовной фамилии может лечь на Вас или на Веру Федоровну. Я было хотел за столом опротестовать Ваш тост, но, увы, в ту минуту не нашел подходящих слов. Слова пришли, как обычно, на лестнице. По этой причине я промолчал и не встал после аплодисментов.

Но все это дело — малое дело. И Вам не следует слишком принимать его к сердцу. Тем более что вскоре, мне думается, многое изменится к лучшему. Я печатаю в журнале «Октябрь» мою новую (говорят — удачную) работу. И это, надо полагать, несколько исправит мое «служебное» положение. Специальной цели к этому я, конечно, не имею. И этим не озабочен. Пожалуй, мне даже будет «жаль моих покинутых цепей». Но если это произойдет, то я буду доволен хотя бы тем, что люди в нашем департаменте перестанут сводить счеты с помощью моей особы.

Прошу Вас передать Вере Федоровне мой сердечный привет и глубокое сожаление за невольные досады. (Там же. С. 188.)

27 мая. Зощенко — Островской. [Люсенька!] Сообщаю Вам печальную весточку. Редакция журнала «Октябрь» отклонила мои рассказы. У меня были все данные думать, что это мое сочинение из 10 рассказов написано весьма хорошо, но вот оказалось, что это не так. Одно из двух: либо меня не хотят печатать, либо я

и в самом деле ошибся, постарел и потерял способность писать. Склоняюсь ко второму. Вероятно, я не так, как надо, подхожу к жизни и к литературе. И поэтому так грубо ошибаюсь.

[Отказ этот, конечно, резко меняет мою жизнь. Еще я не продумал, как я должен поступить и что предпринять. Но уже ничего хорошего не ожидаю. Впереди — поиски переводов и прочее. Видимо, с литературой моей придется распрощаться.] Буду просить Союз, чтобы дали какую-нибудь «низовую» работу. А то, может, и поеду куда-нибудь — в колхоз либо в рыбачью артель. [Нет, в самом деле, у меня] есть мысли об этом каком-нибудь путешествии к людям. А то, вероятно, я оторвался от жизни и людей и замкнулся в себе. Если все так дружно кричат на м е н я , — стало быть, я не прав.

Однако, как ни странно, у меня нет сейчас растерянности или малодушия. Предстоящие (бытовые) трудности, конечно, страшат, но не настолько, чтоб паниковать. Да и осталось не так-то много жить, чтобы омрачать финальные годы. [Черт знает,] как до удивления странно и нелепо складывается моя жизнь! А главное, не чувствую себя виноватым. Плохой характер у меня — вот основная вина. Недаром говорят, что юморист — это прежде всего: плохой характер. [Но] Ваш Леня (Л. С. Л е н ч . — *М. Д.*) в этом случае исключение!..

В общем, Люсенька, не печальтесь за меня. Я справлюсь с огорчениями и буду рассчитывать на удачу. (601, 3, 9, л. 1 2 — 1 3 . — Восп. С. 249—250.)

Прошлым летом в подмосковном Переделкино я видел Леонида Сергеевича Ленча и спросил у него, можно ли восстановить в письмах Зощенко те купюры, которые были сделаны в издании 1981 года. Он разрешил — и добавил при этом, несколько отрешенно улыбаясь: «Михаил Михайлович был влюблен в мою жену». Я не стал далее вдаваться в столь деликатную тему.

30 июня. Зощенко — Ленчу. Леня! Вашу комедию прочитал. На этот раз неизмеримо лучше, крепче, точнее и ярче. Но все же полной высоты не достигла. <...> Однако, сэр, Вам придется еще учиться драматургии. Но тут нет ничего постыдного. Я 20 лет учусь этому делу и все еще мало знаю. Это самое трудное производство. <...> Все еще не подал бумаги в ССП и в ЦК. Очень нелегко составить. Но, вероятно, все же напишу. (601, 3, 8, л. 4, 5.)

4 июля. В. В. Зощенко — Л. Н. Тыняновой (сестре Ю. Н. Тынянова и жене В. А. Каверина). <...> по-моему, все сейчас настолько скверно, как никогда еще не было. «Октябрь» вернул М. М. рукопись с крайне вежливой телеграммой, извещающей, что «...к большому сожалению, рассказы для журнала не подошли...». Это было для него таким страшным ударом, что я боюсь, ему от него не оправиться. <...> В последний свой приезд в Сестрорецк он

прямо говорил, что, кажется, его наконец уморят, что он не рассчитывает пережить этот год. <...>

Особенно потрясло М. М. сообщение ленинградского «начальства», что будто бы его вообще запретили печатать независимо от качества работы. <...> По правде сказать, я отказываюсь в это поверить, но М. М. утверждает, что именно так ему было сказано в л-ском Союзе. Он считает, что его лишают профессии, лишают возможности работать, а этого ему не пережить. <...>

Выглядит он просто страшно, худой, изможденный, сердце сдает до того, что по утрам страшно опухают ноги, ходит еле-еле, медленно, с трудом. <...> Из Москвы передали через Прокофьева, что там ждут от М. М. какого-то письма в Союз с копией в ЦК (те самые «бумаги», о которых Зощенко писал Ленчу. — *М. Д.*). <...> О том, что написать нужно, М. М. и сам давно думал и не написал до сих пор, во-первых, потому, что вначале мешало ужасное физическое и моральное состояние, в котором он находился до поездки в сочинский санаторий, во-вторых, после поездки, когда здоровье немножко подправилось, он решил, что должен ответить своей работой, и все силы, все нервы, весь мозг вложил в свою книгу, кот. писал для «Октября». <...> И вдруг — такой ужасный, неожиданный удар! <...>

Вообще все было бы совершенной катастрофой, если б не одно обстоятельство, за что должно принести глубокую благодарность дорогому В. А. (Каверину. — *М. Д.*). Благодаря его хлопотам, М. М. получил наконец предложение от автора <...> на большой осетинский перевод. К сожалению, дело затянулось с оформлением договора, т. к. директор издательства ушел в отпуск, и, очевидно, раньше 20 июля нельзя ожидать денег. <...> Бедный М. М. напрягает все силы, делает героические усилия, чтобы вернуться в ряды писателей как полноправный член, но все напрасно, все ненужно, все терпит крах. <...> Это ужасно. И ужаснее всего вся дикая несправедливость, нелепость выдвинутых против него обвинений и невозможность реабилитировать себя! Так, видно, и придется погибнуть с клеймом «воинствующего проповедника безыдейности»!

Какая возмутительная нелепость!.. Остальные дела тоже не веселят, но все меркнет перед страхом за жизнь М. М. и перед огромной жалостью к нему, так жестоко и несправедливо обиженному. Загублена человеческая жизнь, загублен большой, своеобразный, редкий талант, и это просто трагично!.. (Юн. С. 80.)

Первая половина июля. Из дневника Чуковского (запись в нем датирована 17 июля, однако, судя по содержанию последующих документов, в частности письма Зощенко от 14 июля, часть событий, в нем излагающихся, происходила несколько раньше). Был у Каверина. Лидия Николаевна показала мне письмо от жены Зощенко. Письмо страшное. <...> Прочтя это письмо, я бросился

в Союз к Поликарпову (одному из секретарей. — *М. Д.*). П. ушел в отпуск. Я к Василию Александровичу Смирнову, его заместителю. Он выразил сочувствие, обещал поговорить с Сурковым. Через два дня я позвонил ему: он говорил с Сурковым и сказал мне совсем неофициальным голосом: «Сурков часто обещает и не делает, я прослежу, чтобы он исполнил свое обещание». Вот мероприятия Союза, связанные с зощенковским делом: позвонили Храпченко и спросили его, почему он возвратил из редакции «Октября» десять рассказов Зощенки, написали М. М. письмо с просьбой прислать рассказы, забракованные Храпченкой, написали вообще ободрительное письмо Зощенко и т. д.

Я поговорил с Лидиным, членом Литфонда. Лидин попытается послать М. М-чу 5000 рублей. Я с своей стороны послал ему приглашение приехать в Переделкино погостить у меня и 500 рублей. Как он откликнется, не знаю. (Юн. С. 80.)

14 июля. Зощенко — Чуковскому. Я получил Ваше письмецо и деньги. Очень смущен этим и благодарю Вас. Дела мои и в самом деле сейчас нехороши. Вот уже год, как журналы не печатают меня. Издательства отказывают даже в самой малой работе (переводы, правка рукописей — что я всегда выполнял в хорошем качестве). Если добавить, что такому же азиатскому наказанию я подвергался в течение 5 лет (с 46 г. по 50), то картина получается неприглядная. Главное, у меня преступлений-то нет, а есть (по-моему) естественное поведение человека, который возражает, когда его бранят. <...>

Зимой я полагал, что у меня, как и у всех порядочных людей, будет инфаркт, но, увы, этого не случилось. Однако здоровье мое все же плохое. Меланхолии (как в молодости) нет, но по утрам встаю не без труда и с неохотой. Из дома выхожу редко. По-стариковски сижу на бульваре. И нигде почти не бываю. Так что путешествие в Москву для меня сейчас задача невыполнимая. Очень, очень благодарен Вам за приглашение в Переделкино, но пока этого даже и мысленно не могу себе представить. Видимо, я одичал, и на людях быть мне сейчас трудно. Конечно, такое неподвижное состояние, надо полагать, у меня временное, но оно уже длится полгода. И мне иной раз даже из комнаты нелегко выйти. Но все это нездоровье не от душевной слабости, а от некоторой безнадежности выйти из того глупого положения, в котором я пребываю уже 9 лет.

С литературой я бы охотно порвал и ушел бы куда-нибудь в рыболовецкий колхоз, но постарел для таких перемен. Буду рассчитывать на то, что любовь моя к литературе восторжествует и я снова буду писать — хотя бы для себя. (Там же.)

17 июля. Из дневника Чуковского. Нет, Зощенко не приедет. Я получил от него письмо — гордое и трагическое: у него нет ни душевных, ни физических сил. (Там же.)

1 августа. Л. К. Чуковская — К. И. Чуковскому. Дорогой дед, третьего дня вечером я была у М. М. Зощенко. Разыскать его мне было трудно, так как он по большей части в Сестрорецке. Наконец мы встретились. Кажется, он похож на Гоголя перед смертью. А при этом умен, тонок, великолепен. Получил телеграмму от Каверина (с сообщением, что его «загрузят работой») и через два дня ждет В. А. к себе.

Говорит, что приедет — если приедет — осенью. А не теперь. Болен: целый месяц ничего не ел, не мог есть. Теперь учится есть. Тебя очень, очень благодарит. Обещает прислать новое издание книги «За спичками». Худ страшно <...>. «Мне на все наплевать, но я должен сам зарабатывать деньги, не могу привыкнуть к этому унижению». (Там же.)

7 августа. Из дневника Л. К. Чуковской. На днях была у Анны Андреевны <...> Она какая-то грустная, вялая, хотя и сообщила мне две хорошие новости: 1. Постановление 46-го года не будет больше проходиться в школе; 2. Полковник Ковалев (заведующий приемной Военной прокуратуры СССР. — *Прим. Л. Ч.*) сказал Эмме Григорьевне (Герштейн. — *М. Д.*), что Левино дело рассматривается «душевно»... О, Господи, хоть бы конец!

Узнав, что в Ленинграде я побывала у Зощенко, Анна Андреевна потребовала полного отчета об этом посещении. <...> Она выспрашивала все подробности: какая комната? как он выглядит? как и что говорит? Я постаралась ответить возможно точнее:

Комната большая, опрятная, пустоватая, с остатками хорошей красной мебели. Михаил Михайлович неузнаваемо худ, все на нем висит. Самое разительное — у него нет возраста, он — тень самого себя, а у теней возраста не бывает. <...> Старик? На старика не похож: ни седины, ни морщин, ни сутулости. Но померкший, беззвучный, замороженный, замедленный — предсмертный. В молодости он разговаривал со всеми очень тихим голосом, но тогда это воспринималось как крайняя степень деликатности, а теперь в его голосе словно не осталось звука. Звук из голоса выкачан. При этом на здоровье он не жалуется — напротив, уверяет, будто с помощью открытой им психотехники сам вылечил свое больное сердце. <...> Анна Андреевна перебила меня:

— Бедный Мишенька! Он потерял рассудок. Он не выдержал второго тура.

Я продолжала: был он со мною доверчив, внимателен, ласков (хотя мы и не виделись лет 20) <...>.

Провожая меня в переднюю, она снова повторила:

— Человека убили. Не выдержал второго тура.

Я обещала придти вечером опять. <...> снова стала расспрашивать о Зощенко.

— Скажите правду, — попросила она. — Он на меня не в обиде? (Имеется в виду та злополучная встреча с английскими студен-

тами, когда Зощенко говорил о несправедливости оскорблений, содержавшихся в докладе Жданова, а Ахматова, страшась повредить сыну, об освобождении которого велись нескончаемые хлопоты, сказала, что полностью согласна и с постановлением ЦК и с докладом. — *М. Д.*)

Мне не хотелось, но я ответила:

— Некоторый оттенок обиды был в его расспросах о вас... Но всего лишь оттенок. И быстро притушенный. (Л. Чуковская. С. 106—108.)

26 августа. Зощенко — Островской. Дела мои, как будто, несколько проясняются. Недели 2 назад я послал в секретариат ССП заявление (и копию в ЦК). Написал, что положение создалось тяжелое — меня не печатают, и что я прошу дать указание, как мне поступить в дальнейшем. Вскоре ответили, чтоб я прислал в ССП последние мои рассказы. Позавчера я послал всю рукопись, которая предназначалась для журнала «Октябрь». Надеюсь, что (если не все, то хотя бы часть) напечатают. И тогда буду продолжать мою книгу. (Она и до сих пор не увидела света. — *М. Д.*) А в крайнем случае попрошу дать переводы — что мне всегда удавалось делать в должном качестве. В общем, Люсенька, второе лето у меня опять прошло в мелких хлопотах и в тревогах. И я сам удивляюсь, что я еще не сдох от всех дел, какие выпали на мою долю. Однако, надеюсь, что теперь все обойдется. (601, 3, 9, л. 14, 15.)

Август. В секретариат ЛО ССП от члена ЛО ССП Мих. Мих. Зощенко. Заявление. Мне исполнилось 60 лет. Плохое здоровье и неудовлетворительные материальные обстоятельства понуждают меня просить о пенсии. <...> Приложение: 1. Справка домоуправления. 2. Копия первой страницы паспорта. 3. Копия первых страниц членских билетов профсоюза. 4. Справка от месткома о заработке. (ДН. С. 188.)

Дело тянулось почти три года. «Первый и единственный раз, — констатирует Ю. Томашевский, — Зощенко получил пенсионное содержание только в июле 1958 года — за две недели до смерти». (Там же. С. 189.)

1956

26 марта. В Президиум ЦК КПСС. Считаем своим нравственным долгом поставить вопрос о восстановлении доброго имени Михаила Михайловича Зощенко, известного русского писателя, высоко ценимого Горьким. Уже десять лет этот большой художник, безупречный советский гражданин и честнейший человек заклеймен в глазах народа, как враждебный нашему обществу «подонок» и «мещанин». Произошло недоразумение: писателя смешали с его персонажами, борца с обывательщиной сочли обывателем.

Сейчас М. М. Зощенко находится в тяжелом моральном и физическом состоянии. Он беспомощен, болен и стар. Необходимо как можно скорее принять меры к защите писателя, к спасению человека. Необходимо организовать издание его сочинений, вернуть писателя Зощенко советской литературе. Мы просим Президиум Центрального Комитета восстановить справедливость в отношении М. М. Зощенко. Корней Чуковский, Всеволод Иванов, В. Каверин, Лев Кассиль, Эм. Казакевич, Николай Тихонов. (Там же.)

В журнале приводятся и вычеркнутые авторами или кем-то из них слова и фразы, показавшиеся, очевидно, слишком резкими, могущими лишь испортить дело.

31 мая. Зощенко — Федину. Костинька, у меня к тебе небольшое литературное дело, которое, надеюсь, тебя не затруднит. Еще 2 года назад ленинградский секретариат ССП рекомендовал издательству «Советский писатель» (ленинградск. отд.) издать мой однотомник (или проще сказать — сборник моих старых и новых рассказов). Издательство охотно согласилось на это. Однако без договора у меня не было возможности заняться этой книгой. И только теперь (зимой 1956 г.) я сделал такой сборник и сдал его издательству. Редакция вполне одобрила книгу. И вот на днях директор и главный редактор издательства (Наумов) — выехал в Москву для утверждения редплана. Но перед этим мне издательство посоветовало написать кому-нибудь из руководителей Союза об этом деле — для того, чтобы директор издательства (в Москве) не выкинул бы из плана мою книгу, которая для него явится, быть может, неожиданной и страшноватой.

Вот по этой причине, Костинька, я и решил потревожить тебя. Ежели ты (и Секретариат) не против (в принципе) издать такой сборник, то очень желательно, чтобы кто-нибудь позвонил бы директору и сказал бы ему о законности этого дела. Тем более, что книга моя собрана с помощью издательства и она несомненно сможет пройти самую строгую цензуру. Появление такой книги было бы для меня весьма желательно — это прекратило бы всякие пересуды вокруг меня и, так сказать, ввело бы меня снова в лоно советской литературы. А то я который уж год хожу в каких-то преступниках и не предвижу, как выйти из такого положения, какое мне навязано не по заслугам. <...> хотелось бы остаток жизни спокойно поработать. (Юн. С. 82.)

29 июня. Из дневника Федина. Недавно — письмо от Зощенки, он просил похлопотать о своей книге избранных рассказов <...>. Я написал Суркову — доколе же длиться мученью Зощенки? И на днях получил от него ответ: разрешено Гослитиздату выпустить «Избранное» Зощенки и — кроме того — будет издан также сборник стихов Ахматовой (вышел в 1958 году: 132 страницы, зна-

чительную часть которых занимают переводы. Форма была соблюдена. — *М. Д.*). Сообщил о событии Мише. (Федин, 12. С. 410.)

12 июля. Зощенко — Федину. Костинька, сердечно благодарю тебя за твое доброе письмецо и за твое «поручение», которое выполнил Ал. А. Сурков. Госиздат и в самом деле подписал со мной договор на однотомник. Причем книгу выпустят еще в этом году (в декабре). Это, конечно, порадовало меня. Без такой книги мне не хотелось возвращаться в литературу, и поэтому я перебивался переводами. Но теперь дело меняется. И ежели господь-бог даст мне здоровья, то я еще, быть может, снова «изумлю мир» какими-нибудь сочинениями. Однотомник мой я складывал не без грусти. Я думал, что в юности я и в самом деле надебоширил. Ничего подобного! Добродетельные рассказы! И даже с педагогическим уклоном. На днях сдаю книгу издательству. В общем, событие это большое в моей тусклой жизни. И я снова чувствую себя литератором — то, чего не было у меня 10 лет. (Юн. С. 82.)

15 июля. Зощенко — Ленчу. Что касается моих дел, то за прошлый месяц произошли значительные перемены. Госиздат печатает мой однотомник <...>. Вторую книгу (старых и новых рассказов) издает «Советский писатель». (Она и вышла в 1956 году, а ГИХЛ выпустил сборник лишь в 1958 году. — *М. Д.*) Кроме того, много всяких литературных предложений. Но я постарел и упираюсь. Несколько рассказов, впрочем, я недавно напечатал — в «Неве» и в «Ленингр. альманахе» — выходит в августе. <...> [Но за однотомник заплатили не слишком — по 1 800 за лист.] Все, в общем, хорошо. Но

Старость, черт ее дери,
С котомкой и клюкой,
Стучится, черт ее дери,
Костлявою рукой.
Могильщик думает:
«Ну-ну, и твой пришел черед».
Но я до сотни дотяну,
Скажу все наперед.

К сатире получил отвращение. И теперь, вероятно, буду писать стихи. [А «Крокодил» даже издали не могу видеть. До того стал плоский журнальчик! Нет, верно, я предпочитаю работать в ином жанре.] (601, 3, 8, л. 6 — 7. — Восп. С. 251—252.)

17 июля. Зощенко — Ардову. [Витенька, охотно исполняю Вашу просьбишку — посылаю фото (любительское). Но фото — 12-летней давности. С тех пор не снимался. Да и как-то страшновато и нелюбопытно увидеть на снимке свою теперешнюю дряхлую физиономию. Мой возраст не прибавляет мужчине ни ума, ни красоты. (Вариациями этой сентенции Зощенко не раз пользовался. В моем собрании есть его «Рассказы» 1940-го года

с такой надписью: «На память милой Лине. Сорок пять лет не прибавляют мужчине ни ума, ни красоты. Мих. Зощенко. Тбилиси. 28 февр: 41 г.». В 1946 году это появилось в рассказе «Если ему пятьдесят лет»: «Пятьдесят лет, как известно, не прибавляют мужчине ни ума, ни красоты». И вот — опять. — *М. Д.*) Однако в ближайшее время я все же снимусь у профессионального фотографа. Может, он несколько приукрасит мою старость.] <...>

Дела мои, Витенька, пошли в гору. Госиздат печатает мой однотомник — рассказы 20-х и 30-х годов (25 листов). <...> Так что я несколько разбогател — чего не было со мной лет 15. Все остальные мои (литературные) дела тоже сейчас в порядке и сулят золотые горы. [Для эстрады же закаялся писать — актеры играют по-своему и с авторским текстом мало считаются. Ну, черт с ним.] (1822, 1, 368, л. 10—11. — Юн. С. 82.)

30 июля. Зощенко — Л. Е. Поповой (вдове В. Н. Яхонтова). Я уже давно прочитал Вашу повесть, но не знал, что ответить. Вернее, ответ отрицательный, а это не так-то приятно сообщать авторам. Надо сказать, что в повести Вашей много хороших и даже отличных страниц. Но в целом повесть (на мой взгляд) не получилась — в ней нет достаточного движения, нет действия, нужного для столь большого произведения. Она статична, построена на авторских рассуждениях. А для читателя этого совершенно недостаточно. (2440, 1, 562, л. 1.)

21 октября. Из дневника Эйхенбаума. Вчера — юбилей Жени Шварца: сначала — заседание в Союзе с приветствиями и проч., потом — ужин в «Метрополе». В общественном смысле это, конечно, имело значение — как маленькая демонстрация. За ужином несколько очень *серьезных* слов сказал милый, трогательный Зощенко — о честности, о мужестве. В зале в это время полная тишина — все замерли. Даже официанты (они, конечно, знали его имя) вытянулись и впились в него глазами. Он был страшно бледен (никогда я его не видел таким бледным, белым) и худ. Было даже страшновато. Я поговорил с ним до ужина — поздравил с афишей, которая висит на улицах: в Капелле артист Сорокин будет читать рассказы Зощенко. (Увы, вскоре она была снята. — *М. Д.*)

23 ноября. Из дневника Эйхенбаума. Вечером был у Анны Андреевны Ахматовой (до того я был у нее в Москве на Б. Ордынке в марте — носил ей экземпляр «Лит. Москвы» от Зои). (На Большой Ордынке — ныне улице Димитрова — жили Ардовы, у которых она часто останавливалась во время своих наездов в Москву. Зоя — З. А. Никитина, принимавшая активное участие в подготовке и выпуске двух книг альманаха «Литературная Москва» — издания, подвергшегося разгрому и пресеченного властями с подачи «собратьев-литераторов». Об этом подробно рассказывается в книге В. Каверина «Эпилог», вышедшей в 1989 году. — *М. Д.*) Она просила меня зайти, чтобы посоветоваться насчет

книги Леонида Страховского, вышедшей в издании Гарвардского университета <...> и посвященной трем русским поэтам: Ахматовой, Гумилеву и О. Мандельштаму. О ней говорится как о великом поэте, но в биографической части сообщаются всякие чудовищные «гадости» (как она выразилась). <...> Анна Андр. читала мне стихи (последнее из цикла с «Распятием», где говорится о поминальном дне и памятнике, очень хорошо, и нынешние, где «Я стихам своим не матерью — мачехой была»). Старушечьего в ней нет ничего!

28 декабря. Чуковский — Зощенко. Знаю, дорогой Михаил Михайлович, что Вы не любите никаких поздравлений, тостов, комплиментов и т. д. Я тоже их терпеть не могу. Но сейчас я прочитал Вашу книгу, и мне захотелось от всей моей стариковской души пожелать Вам счастливого, труженического Нового года. (Юн. С. 82.)

1957

4 января. Зощенко — Чуковскому. Благодарю Вас, дорогой Корней Иванович, за Вашу милую открытку. Как жаль, что Вы не написали мне — что хорошо и что плоховато в моей книге! Сейчас передо мной верстка моего однотомника (для массового тиража Госиздата), и я в затруднении — надо вычеркнуть 10—12 рассказов, так как в сборнике на несколько листов больше, чем следует. И я не знаю, что убрать, чтобы не попортить сборника. Ах, если б у Вас нашлось минут десять для этого дела! <...> Кстати скажу, что и в первый и в массовый сборник (они по содержанию почти одинаковы <...>) я не включал «дискуссионных произведений». Хотелось сделать простенькую книжку. Что, мне кажется, и удалось? (Там же.)

7 января. Чуковский — Зощенко. О первом отделе и говорить нечего. Перечитывая «Няню», «Аристократку», «Нервных людей» и т. д., я хохотал до икоты. Главная их прелесть в том, что каждая новая фраза рождает новую волну смеха, даже независимо от развития сюжета. Все эти вещи долговечные, сработанные раз и навсегда. «Рассказы для детей» — из того же гранита. «Рассказы о Ленине» тоже. Если где есть кое-какие возможности разгрузить книгу, они являются только в отделе «Повестей». И хотя «Черный принц» и «Шевченко» написаны с великим мастерством, очень прозрачно, классически четко, я могу представить себе другого большого писателя, который написал бы то же самое. В них гораздо меньше *зощенковского,* чем в других вещах этого сборника. <...>

И еще: все мы знаем, что Вы — патриот и подлинно советский писатель. Это не требует никаких доказательств. А составитель книги, стараясь во что бы то ни стало доказать сию аксиому, печатает и «Возмездие», и «Солдатские рассказы». Не слишком ли

это густо? Вы не нуждаетесь в свидетельствах о благонадежности. <...> А в общем — сборник отличный. Вращаясь среди молодежи (внуки и товарищи внуков), я вижу, каким он пользуется огромным успехом. (Там же.)

17 января. Зощенко — Ардову. Дорогой Витя! Сейчас я нездоров и поэтому не обещаю в скором времени написать что-либо для Вашего журнала «Знамя». Болезни пошли стариковские — не без труда хожу, опираясь на палочку. Так что тут уже не до юмора. Однако склероза у меня не оказалось, а посему буду полагаться на свою «психотехнику» и на милосердие божие. Рассчитываю к весне поправиться. (1822, 1, 368, л. 13.)

1 февраля. Из дневника Федина. <...> у Всеволода (Иванова. — *М. Д.*). <...> Каверин прочитал главу воспоминаний. Это о Лунце и Зощенко, немного о себе. Всем понравилось. И очерк об университетской молодежи Петрограда 1921-го года, и характеристики Лунца, Зощенки документально точны. Трагедия Зощенки последнего десятилетия нарисована верно. Оценка роли Лунца, как мнимого серапионовского теоретика, хорошо разбивает весь этот миф фактами наших действительных отношений того времени. (Федин, 12. С. 420.)

30 марта. Зощенко — Ардову. Вторая моя книга (избранные рассказы) выходит-таки в Госиздате, но выходит (опять) в малом тираже. Хотели печатать 150 тысяч, а дошли до 30 (в журнальной публикации ошибочно напечатано «80». — *М. Д.*). Стало быть, книги опять не появится на прилавке. Вообще-то мне наплевать, но денежно — огорчительно. Все еще не могу разбогатеть, чтоб заняться литературой, как прежде. Книга выходит в конце апреля либо в начале мая. Верстка уже подписана. Но книга — тощая. Из 37 листов оставили 27. И тут — убыток. Под конец жизни стал скуп. И кроме гонорара ничем не интересуюсь. (1822, 1, 368, л. 15 об. — 16. — Юн. С. 83.)

3 декабря. Зощенко — Федину. Дорогой Костинька, спасибо за книгу. (В 1957 году вышла книга К. Федина «Писатель, искусство, время», в которую он включил свою давнюю, написанную в 1943 году, но опубликованную только сейчас статью «Михаил Зощенко». — *М. Д.*) Читаю ее с великим интересом и с наслаждением. И вовсе не потому, что там имеются страницы обо мне. Обо мне — иная речь. Читая твою статью, я не раз от изумления подскакивал на стуле — до того тонко и умно ты проанализировал многие мои «ситуации». Вот — почти прожил я свою жизнь, а не знал, что ничто не укрылось от твоих глаз. В другой раз (ежели вторично буду жить) поведу себя в юности более осмотрительно. Но вот что смущает меня в твоей удивительной статье. В молодые годы мои, когда в душе было много гордыни, я и в самом деле обижался и «на Горбунова», и даже, пожалуй, «на Лескова». (То есть на сравнение своей писательской манеры с творчеством И.

Горбунова и Н. Лескова, с подстановкой его «в традицию», чем увлекалась тогдашняя критика. — *М. Д.*) А теперь строго смотрю на литературу. Увидел в моих сочинениях множество самого непростительного сору. И отчасти по этой причине стало мне как-то неловко и совестно от твоей высокой похвалы. Поверь: говорю об этом не от ханжества, а по чистой справедливости.

И второе дело: беспокоюсь — не выпустили бы на тебя какого-нибудь доктора филологических наук, типа Ермилова, который совершенно уверен, что я-то и есть мещанин, а что он (со своей неумытой харей) уже протиснулся в первые ряды коммунистического общества. Было бы огорчительно, если б кто-нибудь из таких задел бы тебя. Ну да бог милостив!

А в общем, благодарю тебя, мой старый друг, что ты захотел вырвать из плена мой почти погасший дух. В молодые годы, прочитав столь высокую похвалу, я бы тебе сказал: «Уж и не знаю, дружище, сумею ли я оправдать твои надежды!» А нынче подвертываются на мой язык какие-то совсем иные слова. Что-то, понимаешь, вроде: «И новая печаль мне сжала грудь, мне стало жаль моих покинутых цепей...»

Да, за 15 лет я привык к моим веригам. Привык к мысли, что обойдусь без литературы. Ложась спать, я уже перестал думать о ней, как думал прежде — всякий вечер. Да и сейчас я не мыслю себя в этом прежнем качестве. И вот теперь твоя статья ужасно, ужасно встревожила меня. Как? Неужели надо будет опять взвалить на свои плечи тот груз, от которого я чуть не сдох? А ради чего? И сам не знаю. Мне-то какое собачье дело до того — какое будет впредь человечество. Много было во мне дурости. За что и наказан.

Что ж теперь? Нет, я, конечно, понимаю, что формально почти ничего не изменится в моей жизни. Но в душе, вероятно, произойдут перемены. И вот я не знаю — хватит ли у меня сил отказаться от того, что так привлекало меня в юности и что теперь опять, быть может, станет возможностью. А надо, чтобы хватило сил отказаться. Иначе не умру так спокойно, как я рассчитывал до этого чрезвычайного происшествия, какое ты вдруг учинил в моей жизни своей статьей обо мне.

Целую тебя, мой старый друг. И еще раз благодарю тебя за твое доброе сердце и за твой светлый разум. Твой Мих. Зощенко. (Юн. С. 83.)

1958

29 января. Чуковский — Зощенко. Дорогой Михаил Михайлович, я вчера был в Союзе и говорил с В. А. Смирновым по поводу Вашей персональной пенсии. Смирнов при мне связался по телефону с ЦК, прося ускорить это дело. Из его слов я понял, что

и он, и тов. Поликарпов очень энергично настаивают на том, чтобы Вам была выдана не какая-нибудь, а именно Всесоюзная пенсия. Вообще говорили о Вас уважительно. Статья Федина <...> имеет большой резонанс. Книга разошлась здесь в один день. Любящий Вас К. Чуковский. (Там же.)

31 января. Из дневника Эйхенбаума. Шкловцы (В. Б. Шкловский с женой. — *М. Д.*) <...> пошли к Слонимским. Там они видели Зощенко — очень тяжелое впечатление душевно больного человека.

11 февраля. Зощенко — Чуковскому. Дорогой Корней Иванович! Сердечно благодарю за Ваше милое письмецо. И за то, что Вы побывали в Союзе — узнали о моей пенсии. С грустью подумал, что какая, в сущности, у меня была дрянная жизнь, ежели даже предстоящая малая пенсия кажется мне радостным событием. Эта пенсия (думается мне) предохранит меня от многих огорчений и даст, быть может, профессиональную уверенность. Мне и самому не нравятся эти мысли. Ведь не так уж плохо у меня было прежде. Вот в 56 году издан был мой однотомник и я получил за него почти 70 тысяч. Да и до войны все время были деньги. Это, вероятно, за последние 15 лет меня так застращали. А писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации. Снова возьмусь за литературу, когда у меня будет на книжке не менее 100 тысяч. Впрочем, прежнего рвения к литературе уже не чувствую. Старость! Позавидовал Вашей молодости и энергии! (Юн. С. 83.)

21 марта. Из дневника Чуковского. Так как сейчас 90 лет со дня рождения Горького, в Литературном музее — вечер, устраиваемый Надеждой Алексеевной Пешковой (вдовой Максима, сына Горького. — *М. Д.*). Она пригласила меня выступить с воспоминаниями <...>. Самое интересное, что услышал я <...>, было приглашение на горьковский вечер — Зощенко. Самый помпезный вечер состоится в зале Чайковского — 3 апреля. Вот на этот-то вечер и решено пригласить М. М. Чуть только Надежда Алексеевна узнала об этом, она позвонила ему и попросила его приехать раньше и остановиться у них на Никитской. (Там же.)

30 марта. Из дневника Чуковского. Вчера вечером в доме, где жил Горький, на Никитской, собралась вся знать. Были Кукрыниксы, летчик Чухновский, летчик Громов, Юрий Шапорин, Козловский, проф. Сперанский, Мих. Слонимский, министр культуры Михайлов, Микола Бажан, Людмила Толстая (вдова А. Н. Толстого. — *М. Д.*), горьковед Б. Бялик, дочь Шаляпина, Капицы (академик с супругой), Анисимов (директор ИМЛИ. — *М. Д.*) — и Зощенко, ради которого я и приехал.

В столовой накрыты три длинных стола и (поперек) два коротких, и за ними в хороших одеждах, сытые, веселые лауреаты, с женами, с дочерьми, сливки московской знати, и среди них — он — с потухшими глазами, со страдальческим выражением

лица, отрезанный от всего мира, растоптанный. Ни одной прежней черты. Прежде он был красивый меланхолик, избалованный славой и женщинами, щедро наделенный лирическим украинским юмором, человеком большой судьбы. Помню его вместе с двумя юмористами: Женей Шварцем и Юрием Тыняновым в Доме искусств, среди молодежи, когда стены дрожали от хохота, когда Зощенко был недосягаемым мастером сатиры и юмора, — и все глаза зажигались улыбками всюду, где он появлялся.

Теперь это труп, заколоченный в гроб. Даже странно, что он говорит. Говорит он нудно, тягуче, длиннейшими предложениями, словно в труп вставили говорильную машину, — через минуту такого разговора вам становится жутко, хочется бежать, заткнув уши. Он записал мне в «Чукоккалу» печальные строки:

И гений мой поблек, как лист осенний, —
В фантазии уж прежних крыльев нет. <...>

— Да, было время: шутил и выделывал штучки. Но, Корней Иванович, теперь я пишу еще злее, чем прежде. О, как я пишу теперь!

И я по его глазам увидел, что он ничего не пишет и не может написать. Екатерина Павловна (первая жена Горького. — *М. Д.*) посадила меня рядом с собою — почетное место; я выхлопотал, чтобы по другую сторону сел Зощенко. Он стал долго объяснять Ек. П. значение Горького, цитируя письмо Чехова — «а ведь Чехов был честнейший человек», — и два раза привел одну и ту же цитату — и мешал Ек. Павловне есть, повторяя свои тривиальности. Я указал ему издали Ирину Шаляпину. Он через несколько минут обратился к жене Капицы, вообразив, что это и есть Ирина Шаляпина. Я указал ему его ошибку. Он сейчас же стал объяснять жене Капицы, что она не Ирина Шаляпина. Между тем предположено 3-го <...> его выступление на вечере Горького. С чем же он выступит там? Ведь если он начнет канителить такие банальности, он только пуще повредит себе — и это ускорит его гибель. Я спросил его, что он будет читать. Он сказал: «Ох, не знаю». Потом через несколько минут: *«Лучше мне ничего не читать: ведь я заклейменный, отверженный».*

Мне кажется, что лучше всего было бы, если бы он прочитал письма Горького и описал бы наружность Горького, его повадки, то есть действовал бы как мемуарист, а не как оценщик. Все это я сказал ему — и выразил готовность помочь ему. Он записал мой телефон. <...>

Зощенко седенький, с жидкими волосами, виски вдавлены внутрь и этот полупустой взгляд!

Очень знакомая российская картина: задушенный, убитый талант. Полежаев, Николай Полевой, Рылеев, Мих. Михайлов, Есенин, Мандельштам, Стенич, Бабель, Мирский, Цветаева, Митя

Бронштейн, Квитко, Бруно Ясенский, Ник. Бестужев — все раздавлены одним и тем же сапогом. (Там же. С. 83—84.)

1 апреля. Из дневника Чуковского. Снился мне Зощенко. Я пригласил его к себе, пошлю за ним машину. <...> Мне хочется, чтобы Зощенко был у меня возможно раньше, чтобы выяснить, можно ли ему выступать <...> или его выступление причинит ему много бед. Я условился с В. А. Кавериным, что он (Каверин) придет ко мне, и мы, так сказать, проэкзаменуем Зощенку — и решим, что ему делать. <...>

Я был не в ударе, такое тяжелое впечатление произвел на меня Зощенко. Конечно, ему не следует выступать на горьковском вечере: он может испортить весь короткий остаток своей жизни. Когда нечего было делать, я предложил, чтобы каждый рассказал что-нибудь из своей биографии. Зощенко сказал:

Из моего повествования вы увидите, что мой мнимый разлад с государством и об-вом начался раньше, чем вы думали, — и что обвинявшие меня в этом были так же далеки от истины, как и теперь. Это было в 1935 году. Был у меня роман с одной женщиной — и нужно было вести дело осторожно, т. к. у нее были и муж и любовник. Условились мы с нею так: она будет в Одессе, я в Сухуми. О том, где мы встретимся, было условлено так: я заеду в Ялту и там на почте будет меня ждать письмо до востребования с указанием места свидания. Чтобы проверить почтовых работников Ялты, я послал в Ялту до востребования письмо себе самому: вложил в конверт клочок газеты и надписал на конверте: М. М. Зощенко. Приезжаю в Ялту: письма от нее нет, а мое мне выдали с какой-то заминкой. Прошло 11 лет. Ухаживаю я за другой дамой. Мы сидим с ней на диване — позвонил телефон. Директор Зеленого театра приглашает — нет, даже умоляет меня выступить — собралось больше 20 000 зрителей. Я отказываюсь — не хочу расставаться с дамой. Она говорит:

— Почему ты отказываешься от славы? Ведь слава тебе милее всего.

— Откуда ты знаешь?

— Как же. Ведь ты сам себе пишешь письма. Однажды написал в Ялту, чтобы вся Ялта узнала, что знаменитый Зощенко удостоил ее посещением.

Я был изумлен. Она продолжала:

— Сунул в конверт газетный клочок, но на конверте вывел крупными буквами свое имя.

— Откуда ты знаешь?

— А мой муж был работником ГПУ, и это твое письмо наделало ему много хлопот. Письмо это было перлюстрировано, с него сняли фотографию, долго изучали текст газеты и т. д.

Таким образом, вы видите, *господа,* что власть стала пресле-

довать меня еще раньше, чем это было объявлено официально, — закончил З. свою новеллу. (Там же. С. 84.)

23 июля. **Правление Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о смерти писателя Михаила Михайловича Зощенко, последовавшей 22 июля 1958 года, и выражает соболезнование семье покойного.** (ЛПр. № 171. С. 4.)

30 июля. Из дневника Эйхенбаума. Каким историческим позором ляжет смерть Зощенки на так называемый Союз писателей (вместе с «академиком» Фединым) и еще на многих выше! Только ляжет ли действительно? Ах, эта история, будь она проклята!

1 августа. Ахматова — Э. Г. Герштейн. Смерть М. М. тяжело поразила меня. (ВЛ. 1989. № 6. С. 263.)

6 августа. Из дневника Эйхенбаума. Ирина Николаевна (вдова Б. В. Томашевского, известного литературоведа. — *М. Д.*) рассказывала про гражданскую панихиду в Союзе писателей у гроба Зощенки. Вскрытия не было — как-то не удосужились. <...> Панихида была устроена по телеграмме Федина, а то и совсем не было бы ее. Хоронить предложили не на Литераторских мостках, а на каком-то другом кладбище по третьему разряду. Тогда родные заявили, что похоронят в Сестрорецке.

Л. Пантелеев — Л. К. Чуковской. О его смерти я узнал из коротенького объявления в «Лен. правде». <...> Как и следовало ожидать, телефон СП не откликался. Элико (жена Л. Пантелеева. — *М. Д.*) позвонила Л. Н. Рахманову и выяснила, что панихида и вынос — в Союзе, в 12 ч. <...> Народу было много, но, конечно, гораздо меньше, чем ожидали некоторые. Власти прислали наряд милиционеров, однако у П. Капицы, ответственного за все это «мероприятие», хватило ума и такта удалить их. Эксцессов не было. И читателей почти не было. На такие события отзывается обычно молодежь, а молодежь Зощенко не знала. Все-таки ведь 12 лет подряд школьникам на уроках литературы внушали, что Зощенко это — где-то рядом с Мережковским и Гиппиус. И в библиотеках его много лет не было. И все-таки наше союзное начальство дрейфило. Гражданскую панихиду провели на рысях.

Заикаясь и волнуясь, с отвратительной оглядкой, боясь сказать лишнее или недостаточно сказать в осуждение покойного, выступил Прокофьев. О Зощенко он говорил так, как мог бы сказать о И. Заводчикове или М. Марьенкове (давно забытые бездарные литераторы, подвизавшиеся в ЛАППе. — *М. Д.*). Выступил Б. Лихарев. Позже жена его призналась Элико, что все утро он так волновался, что поминутно пил валерьянку и глотал какие-то таблетки. Вытаращив оловянные глаза, пробубнил что-то бессвязное Саянов. Запомнилась мне только последняя его фраза. Сделав полуоборот в сторону гроба, шаркнул толстой ногой и сухо, с достойным, вымеренным кивком, как начальник канцелярии, изрек: «До свиданья, тов. Зощенко».

И вдруг —

— Слово предоставляется Леониду Ильичу Борисову. <...>

Начал он свое слово так:

— У гроба не лгут. У всех народов, во всех странах и во все времена у верующих и неверующих был и сохранился обычай — просить прощения у гроба почившего. Мы знаем, что М. М. Зощенко был человек великодушный. Поэтому, я думаю, он простит многим из нас наши прегрешения перед ним вольные и невольные, а их, этих прегрешений, скопилось немало.

Сказал он и о том месте, какое занимает Зощенко в нашей литературе, о патриотизме его, о больших заслугах его перед Родиной и народом. Одно место в этой речи показалось (и не мне одному) странным. Он сказал, что Зощенко был патриотом, другой на его месте изменил бы Родине, а он — не изменил. Сразу же после Борисова слово опять взял Прокофьев:

— Товарищи! У гроба не положено разводить, так сказать, дискуссии. Но я, так сказать, не могу, так сказать, не ответить Леониду Ильичу Борисову <...>.

И не успел Прокофьев стушеваться — визгливый голос Борисова:

— Прошу слова для реплики.

Борисов оправдывается, растолковывает, что он хотел сказать. Прокофьев подает реплику с места. В толпе, окружившей гроб, женские голоса, возмущенные выкрики. <...> В тесном помещении писательского ресторана жарко, удушливо пахнет цветами, за дверью, на площадке лестницы четыре музыканта безмятежно играют шопеновский марш, а здесь, у праха последнего русского классика идет перепалка. Вдова М. М., подняв над гробом голову, тоже встревает в эту, «так сказать», дискуссию:

— Разрешите и мне два слова.

И, не дождавшись разрешения, выкрикивает эти два слова:

— Михаил Михайлович всегда говорил мне, что он пишет для народа.

Становится жутко. Еще кто-то что-то кричит. Суетятся, мечутся в толпе перепуганные устроители этого мероприятия. А Зощенко спокойно лежит в цветах. Лицо его — при жизни темное, смуглое, как у факира, — сейчас побледнело, посерело, но на губах играет (не стынет, а играет!) неповторимая зощенковская улыбка-усмешка.

Панихиду срочно прекратили. Перекрывая другие голоса и требования вдовы «зачитать телеграммы», Капица предлагает *родственникам* проститься с покойным. Я тоже встал в эту недлинную очередь, чтобы последний раз посмотреть в лицо М. М. и приложиться к его холодному лбу. И тут, когда все вокруг уже двигалось и шумело, когда швейцары и гардеробщики начали

выносить венки, — над гробом выступил-таки читатель. Почти никто не слыхал его. Я стоял рядом и кое-что расслышал.

Пожилой еврей. Вероятно, накануне вечером и ночью готовил он свою речь, думая, что произнесет ее громогласно, перед лицом огромного скопища людей. А говорить ему пришлось — почти наедине с тем, к кому были обращены его слова!

— Дорогой М. М. С юных лет вы были моим любимым писателем. Вы не только смешили, вы учили нас жить <...>. Примите же мой низкий поклон и самую горячую, сердечную благодарность. <...>

Ехали мы в автобусе погребальной конторы. Впереди меня сидел Леонтий Раковский. Всю дорогу он шутил с какими-то дамочками, громко смеялся. Заметив, вероятно, мой брезгливый взгляд, он резко повернулся ко мне и сказал:

— Вы, по-видимому, осуждаете меня, А. И. Напрасно. Ей-богу. М. М. был человек веселый, он очень любил женщин. И он бы меня не осудил.

И этой растленной личности поручили «открыть траурный митинг» — у могилы. <...> Следующим выступил с большой речью — Н. Ф. Григорьев. <...> По просьбе кого-то Григорьев соврал, сказав, что хоронят М. М. в Сестрорецке — по просьбе родственников. На кладбище приехало много народа, пожалуй, больше, чем на панихиду. Из москвичей я узнал Д. Д. Шостаковича, Ю. Нагибина. Не раз в этот день вспоминали мы с друзьями Конюшенную церковь, вагон для устриц и пр. (то есть тайное отпевание Пушкина, перевозку в Москву гроба с телом Чехова. — *М.Д.*).

Но на кладбище хорошо: дюны, сосны, просторное небо. День был необычный для нынешнего питерского лета — солнечный, жаркий, почти знойный. Вы пишете: «Какая это потеря для нашей литературы!» Зощенко был потерян для нашей литературы 12 лет назад. Он сам это понимал. Еще тогда, в 48 году, он сказал Жене Шварцу: «Хорошо, что это случилось сейчас, когда мне уже исполнилось 50 лет и я сделал почти все, что мог сделать».

И все-таки очень горько было — и читать эти холодные казенные слова в узенькой черной рамке, и стоять у свежего холмика на кладбище, и снова ехать в город, где уже нет и не будет Михаила Михайловича. (Юн. С. 85—86.)

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

ПАРОДИИ
РАССКАЗЫ ФЕЛЬЕТОНЫ
САТИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПИСЬМА К ПИСАТЕЛЮ

ПАРОДИИ

1922—1926

О «СЕРАПИОНОВЫХ БРАТЬЯХ»

Виктор Шкловский

Вязка у них одна — «Серапионовы братья». Литературных традиций несколько. Предупреждаю заранее: я в этом не виноват.

Я не виноват, что Стерн родился в 1713 году, когда Филдингу было семь лет...

Так вот, я возвращаюсь к теме. Это первый альманах — «Серапионовы братья». Будет ли другой, я не знаю.

Беллетристы привыкли не печататься годами. У верблюдов это поставлено лучше (см. Энцикл. слов.).

В Персии верблюд может не пить неделю. Даже больше. И не умирает.

Журналисты люди наивные — больше года не выдерживают.

Кстати, у Лескова есть рассказ: человек, томимый жаждой, вспарывает брюхо верблюду перочинным ножом, находит там какую-то слизь и выпивает ее.

Я верблюдов люблю. Я знаю, как они сделаны.

Теперь о Всеволоде Иванове и Зощенко. Да, кстати о балете.

Балет нельзя снять кинематографом. Движения неделимы. В балете движения настолько быстры и неожиданны, что съемщиков просто тошнит, а аппарат пропускает ряд движений.

В обычной же драме пропущенные жесты мы дополняем сами, как нечто привычное.

Итак, движение быстрее 1/7 секунды неделимо.

Это грустно.

Впрочем, мне все равно. Я человек талантливый.

Снова возвращаюсь к теме.

В рассказе Федина «Песьи души» у собаки — душа. У другой собаки (сука) тот же случай. Прием этот называется нанизываньем. (См. работу Ал. Векслер.)

Потебня этого не знал. А Стерн этим приемом пользовался. Например: «Сантиментальное путешествие Иорика»...

Прошло четырнадцать лет...

Впрочем, эту статью я могу закончить как угодно. Могу бантиком завязать, могу еще сказать о комете или о Розанове. Я человек не гордый.

Но не буду — не хочу. Пусть Дом литераторов обижается.

А сегодня утром я шел по Невскому и видел: трамвай задавил старушку. Все смеялись.

А я нет. Не смеялся. Я снял шапку (она у меня белая с ушками) и долго стоял так.

Лоб у меня хорошо развернут.

КРУЖЕВНЫЕ ТРАВЫ

Всеволод Иванов

Травы были пахучие и высокие, под брюхо лошади. От ветра они шебуршали сладостно, будто осока осенью, и припадали к земле, кланяясь. Пахло землей и навозом приторно и тягуче.

У костра сидели два мужика и разговаривали.

— У-у, лешаки! — тихо сказал Савоська Мелюзга и матерно сплюнул в сторону.

Другой мужик, тоже Савоська, по прозвищу Савоська Ли-юн-чань, поправил костер и сказал строго:

— Да. Скажу я тебе, парень... Привязали мы этих человеков к деревьям... За одну ногу, скажем, к одной верхушке, за другую к другой и отпустили. А кишка, парень, дело тонкое, кишка от натуги ниприменно рвется...

Савоська Мелюзга потянулся у костра и сказал глухо:

— Врешь?.. Ну, а как ты, парень, про Бога думаешь? А?

— Не з н а ю , — строго ответил С а в о с ь к а , — Кучея его знат. Про Бога и, скажем, про праведную землю не могу тебе, парень, ничего сказать. Не знаю. Про большевиков, скажем, знаю. Сёдни слышал. Про Ленина тоже люди бают разное...

Серая большая овчарка с шумом сорвалась с места и кинулась в темноту. Шебуршали травы сладостно, будто человечьи кости осенью... (Кто сыграет в эти кости?)

Ах, травы, травы! Горючий песок! Нерадостны прохожему голубые пески, цветные ветра, кружевные травы.

Послышались шаги, и к костру подошел человек тонкий, будто киргизская лучина строганая, и сказал сурово:

— Здорово, братаны! Как у вас тут насчет Бога? А?

Савоська Мелюзга засмеялся матерно и сказал:

— Садись, лешай. Угощайся. Наварили сёдни на маланьину свадьбу.

Прохожий сел, посмотрел в котел и глухо сказал:

— А ведь меня, парень, тоже Савоськой звать...

— Ах, стерва! — тихо удивился Савоська Мелюзга и лег на шинель.

— Люди б а ю т , — начал Савоська М е л ю з г а , — места энти быдто

не простые, Названье им быдто дадено бывшим князем Рюрихом. Кружевные травы — названье им дадено.

Прохожий снял с плеча берданку и выстрелил в воздух. Сумрачным гулом покатилось по лесам и степям, пригнулись травы еще ниже к земле, и из-за деревьев испуганно вышла луна.

— Это я в Бога, — просто сказал прохожий и матерно улыбнулся.

Запахло кружевными травами сладостно и тягуче.

О БОР. ПИЛЬНЯКЕ

К. И. Чуковский

I

— «Пришла тихая любовь...»

— «Я люблю Алексея...»

— «Мое сердце колотится любовью...»

— «Наталья необыкновенная, нынче революция, когда вы будете моей?»

Поразительно! Загадочно! И откуда у писателя столько чувства? И как это до сих пор никто не заметил?

II

Возьмите любой рассказ Пильняка. Главное занятие героев — любовь. Все любят. Все изнемогают от любви.

«...Ребята ловили девок, обнимали, целовали, мяли...»

«...Леонтьевна кричит: — Спать не дают, лезут к нераздетой женщине...»

И все-то у писателя любовь. Даже звери изнемогают от любовной страсти.

«...Самец бросился к ней, изнемогая от страсти».

«...Волк тихо подошел к оврагу».

Такая уж у писателя провинциальная эротика!

Попробуйте отнять это чувство — от писателя ничего не останется.

III

Теперь самое главное.

Посмотрим, как Пильняк относится к религии... Перелистываю первый попавшийся рассказ.

«...Осенью Марина забеременела...»

«...Женщину нужно разворачивать, как конфетку...»

«...Облако было похоже на женскую грудь...»

«...Волк подошел к оврагу...»

Нет! Ни словечка о религии! Он писатель-атеист. И как это [я] до сих пор не заметил? Но позвольте, что это? Да так ли я читаю? Я даже подумал: уж не ослеп ли я? Уж не поступил ли в студию Дункан?

«...Танька коренастая босая».

«...Старик босой».

«...Шлепая босыми ногами».

И даже какой-то мужик в розовых портах босой.

И все-то у него босые. Кажется, отними у него босых — и ничего больше не останется.

Но зачем же, зачем же, зачем все босые?

IV

Необыкновенно! Непостижимо! Какая-то босонология! Какой-то невероятный мир босых! Некуда спрятаться от босых ног.

Аганька босая.

Прохожий босой.

Даже генерал, наверное, босой или сапоги сейчас снимет. Я даже подумал: уж не снять ли и мне сапоги?

Но снимай, не снимай — ничего не изменится. Такая уж у писателя идеология. Любой мужик у него босой, а если не босой, то пьяница или колдун. И поразительное явление: как только на одну секундочку появляется человек в сапогах, все герои в один голос кричат: «Довольно! Бейте его! Перестаньте! Снимай сапоги!»

«Сапоги снимай, на печь полезай!» — говорит Егорка Арине в повести «Голый год».

Волк подошел к оврагу...

V

Теперь попробуем полюбить Пильняка.

Он талантлив очаровательно. Он писатель любви и босых ног. Он, воистину, писатель любви и революции. Он весь в революции.

Современнейший из современных писателей.

СЛОНОВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Зощенко о себе

Жил я, запомнил, в деревне Большие Кабаны. Дом каменный строил. Ладно. Строил.

Навез кирпичей. Телеграмма: началась германская кампания — пожалуйте бриться.

Сбросил я кирпичи в сторону, собрал свое рухлядишко (штаны кой-какие) и пошел тихонько.

Только иду я лесом — слон на мене.

— Ах ты, думаю, так твою так. Да. Слон.

А он хоботьем крутит и гудит это ужасно как.

Очень я испугался, задрожал, а он думает, что это тигр задрожал, и гудит еще пуще.

Оглянулся я по сторонам, поблевал малехонько, смотрю — канава. Лег я в канаву и дышу нешибко.

Только лежу нешибко — лягуха зелененькая за палец меня чавкает.

— Ах ты, думаю, так твою так. Лягуха.

А она все чавкает.

— Ты что ж это, вспрашиваю, за палец-то мене, дура, чавкаешь?

А она ужасно так испугалась и на верех. Я за ней на верех, а в полшаге — мертвое тело. Лежит и на мене глядит.

Поблевал я малехонько и задрожал.

Только дрожу — смотрю, передо мной германский фронт.

— Ну, думаю, началась кампания — пожалуйте бриться.

Только я так подумал, прилег на фронт — великий князь мене к себе кличут.

Поблевал я малехонько, а он такое:

— Очень, говорит, ты героический человек, становись, например, ко мне придворным паликмахером.

Стал я к нему придворным паликмахером, цельные сутки, например, его брею, а он восхищается и все ему мало.

Только вдруг взбегает человек.

— Перестаньте, кричит, бриться. Произошла, говорит, февральская революция.

Оглянулся я по сторонам, поблевал малехонько и тихонько вышел.

СЕНСАЦИОННЫЕ ИЗВЕСТИЯ

КРИЗИС СЫРЬЯ В АМЕРИКЕ

Нам сообщают, что известный нафталиновый король Смит, рассчитывая поднять цены на нафталин, не выпускает его со своих складов ни одного кило. Появившаяся в огромном количестве моль пожирает шерстяные материи и сукна.

Были случаи, когда моль останавливала прохожих Свободной Америки и тут же пожирала все шерстяные части. На бирже в связи с этим интересуются русским сырьем.

КРУПНАЯ ПОТЕРЯ В БУРЖУАЗНОМ МИРЕ

В Ливерпуле ломовые лошади предъявили новое экономическое требование и объявили однодневную забастовку. Граждане Ливерпуля сами впрягаются в экипажи и так разъезжают по городу. Один известный миллиардер, барон Рипс, не желая соглашаться на новое экономическое требование, объявил локаут, сам впрягся в кабриолет и выехал в клуб Блондинов.

По дороге же, испугавшись велосипеда, — понес и разбился насмерть, ударившись об угол небоскреба.

Это — крупная потеря в буржуазно-финансовом мире.

БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Германия задыхается, не имея внешнего рынка.

Собственный рынок переполнен предметами роскоши и косметикой. Производство косметики растет. Так, например, только за последний месяц производство пудры достигло такого размера, что если бы пудрились все народы земного шара, включая сюда и негров, то пудры хватило бы на 12 лет.

В связи с этим цены на пудру упали настолько, что некоторые торговцы стали изготовлять из нее кексы и разного рода печенья. На улицах Берлина можно встретить скромно одетых женщин, усыпанных с ног до головы пудрой.

Министр иностранных дел сделал предложение Франции — часть долгов уплатить пудрой, но Пуанкаре отказался. Последний заявил, что лучше он перестанет совсем пудриться, нежели согласится на это предложение.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Ввиду того, что академические театры посещаются плохо и бывают спектакли, когда в зрительном зале едва насчитывается несколько капельдинеров, «Мухомор» предлагает издать следующее обязательное для всех граждан постановление:

Все увеселительные заведения, как-то: пивные, кинотеатры, Дом искусств и Дом ученых — закрываются.

Куплетисты, борцы, чревовещатели и эсэры объявляются вне закона. Каждый гражданин, имеющий рекомендацию двух управдомов, имеет право ударить или снять пальто с лица вышеозначенных профессий.

Все граждане обоего пола, достигшие семнадцати лет, обязаны еженедельно посещать академические театры под страхом высшей меры наказания или, взамен того, ареста до двух недель со строгой изоляцией.

Во избежание давки и увечий предлагается следующий порядок посещения:

По вторникам посещают все служащие и рабочие государственных учреждений.

По средам — лица свободных профессий, кустари, девицы, литераторы, зубные врачи и издатели.

По четвергам — квартирные хозяйки.

По пятницам — беременные и матери, кормящие грудью.

По субботам — торговцы, частные предприниматели и инвалиды.

По воскресеньям — лица иностранного происхождения, а также лица, имеющие фамилии с прибавлением «Тер», например: Тер-Степанов, Тер-Кузьмин...

От посещения никто не освобождается. Управдомам вменяется в обязанность следить за проведением в жизнь сего постановления и доносить о каждом случае нарушения.

Все неисполняющие сего обязательного постановления подвергаются: личному задержанию, штрафу в один триллион рублей и кроме того высылке из пределов РСФСР.

Напротив того — все исполняющие постановление получают в виде премии: 1 галстук, полфунта синьки и 1 галошу.

Подписал — М. Зощенко

НОВЫЙ ПИСЬМОВНИК

Идя навстречу широким массам, мы занялись переизданием «Письмовника». Старый «Письмовник» издания Сытина ни в какой мере не может теперь удовлетворить потребностям масс. Иные вкусы, иные нравы!

Не говоря о том, что старый «Письмовник» является книгой опасной, имея в себе такие перлы, как образцы прошения на высочайшее имя с припаданием к стопам, явно унижающего человеческое достоинство, он еще в отделе частных писем рассчитан на нездоровый мистический вкус аристократа, больного прогрессивным параличом.

Дальше так не могло идти. Редакция «Мухомора», не щадя затрат, предлагает читателям «Новый письмовник».

Образцы и формы деловых бумаг, заявлений, прошений и писем частного характера

1. Форма прошения

Прошу переменить мне фамилию — Иван Ручкин на Иван Закорючкин. Мотивирую мою просьбу тем, что фамилия Иван Ручкин унижает человеческое достоинство, намекая на неодушевленный предмет — ручка.

Приложение: фотографическая карточка.

Подписи — просителя, управдома и квартирной хозяйки.

2. Письмо к девице, поразившей своими формами, с назначением свидания

Милая и дорогая прелестная Нюша. Вчера, танцуя с вами ряд танцев, я был поражен вашим прелестным торсом и формами, которые слишком даже очень хороши! Танцуя с вами падеспань и ощущая в руках ваши формы, которые очаровательны, я понял, что если нам разойтись в разные стороны, то от этого захворать можно.

Желая продлить миг наслаждения, посылаю вам свое письмо с назначением свидания.

Не желаете ли вы нынче сходить в кинотеатр «Илюзьон», в этот Великий Немой?

Про деньги не тревожьтесь беспокоиться. За вход я заплачу, мне это не жалко, когда вы столь хороши и прелестны.

Остаюсь пораженный вашими формами
известный вам (подпись).

3. Письмо к девице по выработке миросозерцания

Уважаемый товарищ Нюша! Предлагаю вам переписку со мной по почте по выработке мировоззрения. Ответьте мне, уважаемый товарищ, интересуетесь ли вы астрономией, а также и другими великими науками? Я интересуюсь. Прошу ответить мне, что вы думаете про луну и есть ли на ней люди или она является планетой замерзшей?

Если это вам неприятно, то извиняюсь.
Многоуважаемый (подпись).

4. Письмо поэтическое с объяснением неприхода по мере надобности

Лес грезил. Темные кудри лиственных деревьев трепетали робко, вдыхая первый аромат весны, который ударял в голову. Легкие струйки ветерка колыхали стволы, как бы моля о прощении и проклиная. Лес грезил.

Из лесу вышла молодая, стройная Девушка, опираясь на мужественную загорелую грудь стройного Юноши в одних обмотках, который, показав рукой на опушку, замер очарованный.

Они вышли на прелестную золотистую опушку леса и замерли, очарованные, в одном аккорде. Лес грезил.

Девица эта была не кто иная, как вы, дорогая и милая Нюшенька, а про Юношу угадайте сами.

В прошлый раз я заболел свинкой и потому не мог прийти к вам, хотя томился, рвался и грезил. У вас, наверное, был опять пирог с морковкой? Ну да вы, обожаемая, царица моей души, припрячьте для меня кусочек. До свиданья, до свиданья, Девушка Нюша. Лес грезил.

Юноша (подпись).

5. Письмо с просьбой о деньгах

Уважаемый гражданин Стелькин! Если ты, курицын сын, не положишь сего числа 100 лимонов под тумбу, что напротив твоего магазина, то только держись и на улицу не показывайся. А сына твоего, буржуйчика Кольку, выдеру, как Сидорову козу.

Готовый к услугам таинственный
незнакомец Кривой Палец.

Сей «Новый письмовник» редактировал
Михаил Зощенко.

СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ

1913 год

Колокола гудели...

Графиня фон Пиксафон попудрила свои губы и кокетливо улыбнулась.

— Стук-стук! — раздался стук, и в дверь просунулась чья-то выхоленная борода.

— Войдите, — сказала графиня по-французски.

— Мерси, — сказала борода, входя.

Это была борода не кто иная, как барон Штепсель.

— Ах! — подумала графиня фон Пиксафон, падая без чувств.

— Осторожней падайте, графиня! — раздался чей-то голос из-под кровати.

Это был голос не кто иной, как Васька Хрящ, который хотел ограбить графиню, но, раскаявшись в своих преступлениях, он решил предаться в руки правосудия.

— Ах! — сказала графиня по-французски, падая без чувств.

— В чем дело? — воскликнул барон, наставляя на Ваську револьвер с пулями.

— Вяжите меня! — хрипло сказал Васька, зарыдав от счастья.

И все трое обнялись, рыдая от счастья.

А там, вдали, за окном, плакал чей-то полузамерзший труп ребенка, прижимаясь к окну.

Колокола гудели.

1915 год

В воздухе свистели пули и пулеметы. Был канун Рождества.

Прапорщик Щербатый поправил на загорелой груди Георгиевский крест и вышел из землянки, икнув от холода.

— Холодно в окопах! — рассуждали между собой солдаты, кутаясь в противогазовые маски.

— Ребята! — сказал им прапорщик Щербатый дрогнувшим голосом, — кто из вас в эту рождественскую ночь доползет до проволоки и обратно?

Молчание воцарилось в рядах серых героев.

Прапорщик Щербатый поправил на груди Георгиевский крест и, икнув от холода, сказал:

— Тогда я доползу... Передайте моей невесте, что я погиб за веру, царя и отечество!

— Ура! — закричали солдаты, думая, что война кончилась миром.

Прапорщик Щербатый поправил Георгиевский крест и пополз по снегу, икая от холода.

Вдали где-то ухал пулемет.

— Ура! — закричали серые герои, думая, что это везут им ужин.

1920 год

Приводные ремни шелестели.

Огромные машины мерно стучали мягкими частями, будто говоря: сегодня сочельник, сегодня елка...

— Никаких елок! — воскликнул Егор, вешая недоеденную колбасу на шестеренку.

— Никаких елок! — покорно стучали машины. — Никаких сочельников!

В эту минуту вошла в помещение уборщица Дуня.

— Здравствуйте, — сказала она здоровым, в противовес аристократии, голосом, вешая свою косынку на шестеренку.

— Не оброните колбасу! — сказал Егор мужественным голосом.

— Что значит мне ваша колбаса, — сказала Дуня, — когда производство повысилось на 30 процентов?

— На тридцать процентов? — воскликнул Егор в один голос.

— Да, — просто сказала Дуня.

Их руки сблизились.

А вдали где-то шелестели приводные сыромятные ремни.

1923 год

Курс червонца повышался.

Нэпман Егор Нюшкин, торгующий шнурками и резинками, веселился вокруг елки, увешанной червонцами.

Огромное зало в три квадратные сажени по 12 рублей золотом по курсу дня за каждую сажень было начищено и сияло полотерами, нанятыми без биржи труда.

«Ага», — подумал фининспектор, постукивая.

— Войдите, — сказал торговец, влезая на елку, думая, что это стучит фининспектор, и не желая расстаться с червонцами.

— Здравствуйте, — сказал фининспектор, разувая галоши государственной резиновой фабрики «Треугольник» по пять с полтиной золотом за пару по курсу дня, купленной в ПЕПО с двадцатипроцентной скидкой. — А где же хозяин?

— Я здеся, — сказал хозяин, покачиваясь на верхней ветке.

— Слазь оттеда! — сказал фининспектор, сморкаясь в чистую бумажку. — Я принес вам обратно деньги, переплаченные вами за прошлый месяц.

— Ну? — сказал нэпман Нюшкин, качаясь.

В этот момент хрупкое дерево, купленное из частных рук, не выдержало и упало, придавив своей тяжестью корыстолюбивого торговца.

Так наказываются жадность и религиозные предрассудки.

Вносите же подоходный налог!

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Уважаемый читатель! Я не знаю, какие газеты будут через сто лет.

Может быть, газет и совсем не будет. Может быть, у каждого гражданина над кроватью будет присобачен особый небольшой радиоприемник, по которому и будут узнаваться последние сенсационные политические новости.

Однако, может, газета и будет. Конечно, это будет иная газета, чем теперь. Будет она, небось, напечатана на бристольском картоне с золотым обрезом, в 24 страницы.

Но одно в ней сохранится — это отдел жалоб.

Говорят: ничто не вечно под луной. Явно врут. Отдел жалоб будет вечно.

На наш ничтожный взгляд, в 2025 году отдел этот будет примерно в таком виде:

1. АЭРОРАЗВРАТ

Уважаемый товарищ редактор! Вчерась, возвращаясь со службы на казенном «фармане», мне представилась в воздухе такая картина. Летит под пропеллером двухместная колбаса, на которой облокотившись летит заведывающий 10-й радиокухней со своей кассиршей Есиповой.

Не разобравши за шумом, про чего они говорят, я пролетел мимо.

А пущай-ка спросит редакция, на какие это народные деньги летит на колбасе зарвавшийся заведывающий радиокухней?

А кассиршу давно бы пора по зубам стукнуть — пущай не тратит бензин на свои любовные прихоти.

А когда я на нее с казенного «фармана» посмотревши, так она трудящемуся язык показывает.

Служащий 10-й радиокухни Чесноков.

2. ХАЛАТНОСТЬ

Гражданин редактор! Пора, наконец, упорядочить дело с пеплом.

Отвезши мою померщую бабушку в крематорий и попросив заведывающего в ударном порядке сжечь ее остатки, я являюсь на другой день за результатом.

Оказалось, что мне перепутали пепел, выдав заместо ее пепла пепел какой-то гражданки.

— На вопрос: где же старушкин пепел? — заведывающий нагло ответил, что пепел безразлично, какой чей, и что ему нету времени возжаться с пеплом.

На вопрос, что эта старушка была свидетельницей Революции и что это — великая старушка, — заведывающий явно испугался и просил не доводить дело до центра, предложив мне, кроме того, взять еще сколько угодно пеплу.

На вопрос, как же я могу разобраться, какой чей пепел, заведывающий заявил, что он не в курсе и что он на следующих моих родственниках будет делать специальные метки.

Уважаемый редактор, пора бы поднять вопрос о правильной постановке дела на страницах вашего органа.

С приветом Лучкин.

3. ТОРМОЗЯТ НАУКУ

Уважаемый редактор и дорогие наборщики!

Наблюдая из окна в телескоп Марс и другие планеты с научной целью, я заметил какое-то затемнение рефрактора.

Влезши немедленно на подоконник, чтоб узнать, в чем дело, и удостовериться, отчего это затемняется и не планета ли заслонила трубу, увидел, что сбоку кто-то пронзительно свистнул и чья-то фигура скрылась за углом трехэтажного небоскреба.

При ближайшем осмотре оказалось, что неизвестная фигура сперла с телескопа увеличительную стекляшку, через что смотреть на небесные миры.

Заявив милиции о пропаже стекляшки, прошу кроме того уважаемый печатный орган продернуть лиц, тормозящих науку и прущих из-под носа научные стекляшки.

Ник. Кушаков.

4. СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Отличаясь слабостью организма, я ежедневно поднимаюсь на колбасе для принятия солнечных ванн.

Вчера, поднявшись на небосвод, я обратил внимание, что на бывшем Петропавловском шпилю торчит какая-то штуковинка.

Подлетев ближе, выяснилось, что это торчит небольшая бывшая коронка.

Доколе же, гражданин редактор и наборщики?

Неужели же смотритель Петропавловки мечтает еще о возврате царского режима?

Потомственный крестьянин Егор Бабичев.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК

Конечно, об чем речь, — самая сложная работишка — это у журналистов.

Вот, для примеру, наступают Октябрьские праздники. Надо, предположим, журналисту написать о торжественной манифестации. А между прочим, заранее ведь не напишешь.

Потому, сами понимаете, осенняя погодка — дело дрянное и ненадежное. Может, дождик будет, а может, его и не будет. Одна обсерватория знает. И то на другой день после дождика.

А от погоды, сами понимаете, весь торжественный стиль статьи меняется.

Вот и приходится бедняге журналисту строчить статейку минут, может, за двадцать до сдачи. От этого, сами понимаете, статейки выходят корявые и малопригодные для чтения вслух.

Спешим ради праздника обнародовать два образчика для срочного заготовления торжественных статей.

ПЕРВЫЙ ОБРАЗЧИК. НА СЛУЧАЙ ДОЖДЯ

С утра ожидалась хорошая, сочная погода. Но к глубокому сожалению секции печатников, тяжелые ленинградские тучи заволокли бывший небосвод. Осень брала свое.

Прошел мелкий осенний дождик. Крупные капли дождя, однако, ничуть не смущали закаленных в боях сердец трудящихся.

Стальные колонны мужественно перли по чем попало, невзирая на дождь и ямы.

Казалось, это было очень прекрасным предостережением врагу, — вот, мол, идем себе по чем ни попало, не считаясь с погодами.

— Нуте-ка суньтесь, — шептались между собой трудящиеся. — По такой-то слякоти...

ВТОРОЙ ОБРАЗЧИК. НА СЛУЧАЙ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ

С утра ожидалась мокрая, дождливая погода. Тяжелые ленинградские тучи заволокли бывший небосвод.

Но вдруг очистились б. небесные хляби и ослепительное солнце озарило улицы. Погода брала свое.

Яркое осеннее солнце бодрило закаленные сердца трудящихся. Железобетонные колонны перли по чем попало, невзирая на ослепительное солнце, бьющее прямо в лицо.

Казалось, это было очень прекрасным предостережением врагу, — вот, мол, за нами все силы природы.

— Ох, уж эти большевики, — шептали доморощенные старушки, — и солнце-то они сумели опутать.

Хе-хе-хе...

Все, к сожалению, очень просто на свете, дорогие товарищи журналисты! Всякая водица нам на мельницу.

РАССКАЗЫ • ФЕЛЬЕТОНЫ САТИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1922—1930

ИСКУШЕНИЕ

Святым угодникам, что на церковных иконах, нельзя смотреть в очи...

Да бабка Василиса и не смотрит.

Ей сто лет, она две жизни прожила и все знает.

Она на Иуду Искариотского смотрит. В «Тайной вечере».

— Плохая моя жизнь, Иудушка, — бормочет бабка, — очень даже не важная моя жизнь. Я бы и рада, Иудушка, помереть, да нельзя теперь: дочка родная саван, видишь ли, истратила на кухольные передники...

Хитрит Иуда, помалкивает...

А кругом тени святые по церковным стенам ходят, помахивают рукавами, будто попы кадилами.

— Ничего, Иудушка. Молчи, помалкивай, если хочешь. Я тебя не неволю. Мне бы только, видишь ли, из беды моей выйти.

Довольно покланялась бабка святым угодникам, нужно и кому-нибудь другому поклониться.

Кланяется баба низко. Бормочет тихие свои слова.

Только видит: подмигнул ей Иуда. Подмигнул и шепчет что-то. Что шепчет — неизвестно, но баба знает, она — сто лет прожила.

Шепчет он: оглянись-ка в сторону, посмотри, дура-баба, на пол.

Оглянулась баба в сторону, посмотрела на пол — полтинник серебряный у купчихиной ноги. Спасибо Иудушке!

Нужно ближе подойти, потом — на колени. Только бы никто не заметил.

Эх, трудно старой опуститься на колени!

Земной поклон Богу и угодникам...

Холодный пол трогает бабкино лицо...

А где же полтинник? А вот у ноги.

Тянется старуха рукой, шарит по полу.

Тьфу, нечистая сила! Не полтинник.

Это — плевок...

Искушение, прости господи!..

ВОЙНА

1

До станции «Кривые Горки» третья рота мигом доехала — экстра. А на станции «Кривые Горки» слух прошел, дескать, не по правилу едем: положено приказом, кто на фронт — денежки вперед за два месяца. Ладно. Отдай денежки. Фунт хлеба и денежки — урожай не урожай.

А тут еще Федюшка Лохматкин — оптик по всем делам:

— Верно, говорит, положено это наивысшим начальством.

А с кого требовать? Начальство все впереди, а полуротный Овчинкин — шляпа и сам не в курсе.

Ладно. Нельзя ехать.

На станцию вышли. Кучками бродят. Торговлишка завязалась кой-какая. Только видят: стоит баба у звонка, веревку держит и очень грустно плачет. Тут же и военный с ружьем на нее наскакивает.

— Прошу, говорит, честью, баба, отойди от колокола. Убью на месте — звонить нужно, потому поезд пассажирский...

А баба ему такое:

— Не отойду, кормилец, от колокола. Убей ружьем, Христа ради... Отдай лисью шубу, пять фунтов масла.

А Федюша уже тут. Народ растолкал ручкой.

— Чего, говорит, тут такое приключилось?

Баба слезой давится. Баба очень слезой давится.

— Так и так, говорит, отряд заградительный лисью шубу... Зачем, мол, тебе, баба, шуба? Это, дескать, спекуляция.

— Не по правилу это... — сказала толпа.

А тут еще с четвертого взвода — Ерш по фамилии.

— Фу ты, говорит, братцы, товарищ Федя, да отдадим бабе шубу.

Тут все заговорили очень.

— Живут, говорят, одни великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости. А шуба — вещь и стоит немалых денег.

Великий шум поднялся. А на шум отряд заградительный — двенадцать человек, ружье к ружью.

— Разойдись, кричат, по мере возможности. Зачем этакое немыслимое скопление?

Слово за слово. Это, дескать, не по правилу, товарищи, — шуба, пять фунтов масла.

Иные уже и винтовочки схватили, серьезно затворами щелкают, а Ерш и пулемет с лентами выкатил.

Отряд в двенадцать человек — в цепь и к лесу. Не иначе как окопаются на опушке. Смешно.

А народу все больше да больше. К цейхгаузу, товарищи. Дверь ружьишком разбили. Добра там видимо-невидимо.

Баба тут взвизгнула очень тонко:

— Вот она лисья шуба, пять фунтов масла.

А у самой каждое слово слезой омыто.

— Не по правилу это, — решили люди, осматривая лисью шубу. — Очень это не по правилу.

А тут вдруг Ерш бочонок в темном углу нашел. Рукой он по бочонку похлопывает, а сам такое:

— Фу ты, братцы, а ведь это же масло.

— Совершеннейшее масло, — сказали люди, выкатывая бочонок из цейхгауза. — Совершеннейшее масло. Одни живут великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости.

А Ерш все рукой по бочонку.

— Именно, говорит, великолепное масло. И какая может быть война? И какой государственный масштаб?

Тут все закричали сразу:

— Не нужно денег, если так... Без денег поедем, братцы, — экстра.

2

А очень великолепно жить в провинции. В столицах полная нехватка хлеба, а, скажем, в Устюге каждый, даже маломочный, с огорода изрядный достаток имеет. Да и что с огорода?

Председатель исполкома кур разводит, член тройки тоже кур разводит, доктор Гоглазов — кур, а комендант станции кролиководством занят.

Чудак необыкновенный этот комендант станции. Всегда он на высоте положения. Огороды его уж на версту раскинулись. Кролики у него во множестве плодятся. Мирное ему житье.

Только нынче нехорошая штука с ним вышла. Не удался день. С утра не удался день. С утра свиньи грядку турнепса пожрали. Хорошо, если его свиньи — к жиру, а если, скажем, Ипатовы...

На станцию комендант серьезным пришел. А тут еще барышня с бантом телеграмму сует, — дескать, срочно и секретной важности.

Телеграмму прочел комендант — телом затрясся.

«Белогвардейцы и мятежники. Поезд 43... Разоружить. Бочонок масла»...

Гм! Штука... Свиньи турнепс пожрали... Штука.

— Алло, исполком... Срочно и секретной важности... Так, мол, и так и пожалуйста соответствующие меры...

Гм, штука... Мои — так к жиру, но Ипатовы, как пить дать, Ипатовы.

Комендант станции и председатель исполкома на высоте положения. И к полдню на всех заборах листовки наклеены.

Дивятся очень прохожие. Что ж это, граждане? Листок...

На заборе театральная афиша — столичная труппа «Променад». Великолепные знаменитости.

Пониже корявая бумажка и на ней: «Настоящая персидская оттоманка за полцены с разрешения жилищной комиссии».

А рядом листок — и крупней крупного:

«Военное положение. Ходить до семи. Жиров полфунта... Белогвардейцы и мятежники»...

Штука! Как же так, граждане? Смешно — до семи. Если, скажем, секретарь исполкома, товарищ Бычков, в девять любовное свиданье назначил. Любовная у него интрига с лета-месяца. А он в девять на Урицком мосту. Урицкий мост аж за тюрьму, в конце города. Гм. Смешно — до семи, если доктор Гоглазов... Тьфу ты, бес, а комендант-то, комендант-то как же с огородом?

Гм, штука.

3

Председатель исполкома Петр Стульба с балкона слова лепит:

— Белогвардейцы и мятежники... Разоружить... Притянуть... Поезд 43... Бочонок масла...

Очень хорошо и длинно говорит председатель исполкома. Лепит-говорит, а сам руку этак вот, за пояс. Для истории. Иные так за борт или, скажем, смешно даже — в карман, а Петр Стульба — за пояс.

— Позор, — сказал отряд матросов особого назначения и ряды вздвоил.

Котелки за спиной звякнули. Перемигнулись штыки с солнцем.

Напряглись клячонки. Клячонки-то очень напряглись — смотреть жалко. Еще бы — пушка трехдюймовая, пушкино дуло больше лошади.

Пушку эту у вокзала поставили дулом в даль. Клячонок распрягли — нехай пасутся. А сами — в цепь.

Поезд едва до вокзала дошел — закричали как, задвигались матросы.

— Оружие! Оружие, сукины дети, кладите!

Дивится очень третья рота. Из теплушек лезет.

А впереди Ерш с четвертого взвода, вьюном вьется и всех подначивает:

— Не покоримся, братцы! Немыслимо положить оружие. Выкатим, братцы, товарищ Федя, пулемет да и, пожалуйста, стрельнем, жажахнем по клешникам.

И стрельнули бы (живут одни великолепной жизнью, а другие погибают в мерзости), да Федюшка тут выступил.

Ручки сложил на желудок, дескать, делегат, и нету у него оружия, выступил.

— Совершенно, говорит, правое дело, товарищи. Можно ли подобное: лисья шуба, пять фунтов масла...

— Как? — подошли ближе матросы. — Лисья шуба и масло?

— Да. Лисья шуба, пять фунтов масла.

— Как? — сказал комендант, высовываясь из окна. — Пять фунтов масла?.. — Алло, исполком. Срочно и секретной важности...

— Как? — сказал председатель Стульба, вытаскивая руку из-за пояса. — Турнепс, пять фунтов масла?

А Федюша — оптик по всем делам — говорит, землю роет. И даст же бог такой словесный дар.

— Шуба, говорит, и масло. Можно ли подобное? А революции, мол, все очень даже преданы и даже иностранный капитал идут бить с радостью в сердцах. Бочонок же — будь он проклят — был грех. Однако, государственный масштаб и бочонок масла — смешно.

Тут матросы заговорили.

— Очень, говорят, вы великолепно сделали, братишки. Очень даже мы любуемся вами.

А сами-то трех клешников к пушке засылают. Дескать, неловко. Дескать, запрячь клячонок, клячонок-то поскорей запрячь, а пока пушкино дуло в сторону. Уж очень правильное дело — нельзя.

Поговорили еще матросы, звякнули котелками, расправили клеши и — к дому.

А Федюшка гоголем ходит.

Полуротного Овчинкина совсем заслонил.

Прямо-таки забил полуротного Овчинкина.

Овчинкин даже с голосу спал — чай сидит пьет, а Федюшка командует.

— Садись, кричит, третья геройская по вагонам. Едем на позицию полячишек бить!

4

А через три больших станции и с поезда сошли. По целине тут тридцать верст — и позиция.

Кишкой растянулась рота по шоссе. А впереди Овчинкин. Овчинкин компасом покрутит, на карту взглянет и прет без ошибки, что по Невскому.

Вскоре в деревню большую пришли. На ночь по трое в хату расположились. Федюша и Ерш наилучший дом заняли, а с ними и Илья Ильич — ротная интеллигенция.

А в доме том американка жила. Очень прекрасная из себя. Русская, но в прошлом году из Америки вернулась.

Расположились трое, картошку кушают, а Ерш все свою линию ведет.

— И какая, говорит, братцы, товарищ Федя, война? И какой государственный масштаб? В лесок бы теперь, в земляночку. А в земляночке — лежишь, куришь...

Но Федюша не слушает — глазом разговаривает с американкой.

Американка рукой по бедрам, Федюша глазом, — дескать, хороша, точно хороша. Американка плечиком, — дескать, хороша Маша, да не ваша... Федюша глазом соответствует.

И час не прошел, а Федюша уж, как Хедив-паша, с американкой на печи сидит.

Ерш внизу мелким бесом, а сам Илье Ильичу тихонечко:

— Скалозубая. И какой в ней толк? Зубами, гадина, целует... А уж и сердцегрыз же Федюша наш! Но только доведет, достукает его любовь-баба... А тут война. И какая теперь может быть война?.. В земляночку бы теперь... Свобода...

Вот и господин Илья Ильич — интеллигенция ротная, а как бы сказать, совершенно грустный из себя. А отчего грустный? Война. Человеку жить нужно, а тут война. Несоответствие причин.

— Да, — сказал Илья Ильич. — А ведь и точно плохо. А, главное, радости никакой. И почему так? Что такое со мной произошло?..

Поднял голову Илья Ильич, смотрит: Федюша с печки вниз спускается.

— Ох, — говорит Федюша, — загрызла меня, братцы, американка. До того загрызла, что и слов нет. Сосет в груди. Остаться нужно. Эх, кабы день-два! Эх, мать честная, все пропадет. Останусь. А ведь останусь, братцы. Будь, что будет! Не отступлюсь от ней.

Радуется Ерш, лицо — улыбка.

— Да ну?

— Да. Останусь. Сама американка присоветовала. Оставайтесь, говорит. Винтовочки спрячу, вас — в овин до утра, а утром, коли начальство поинтересуется, скажу: ушли.

Ладно.

5

Американка фонарем светила, Федюша рядом под локоток, а Ерш и ротная интеллигенция сзади.

— Здесь, — засов отодвинула американка. — Сюда заходите. И ни Боже мой, покуда не позову.

— Ладно.

Очень скверно в лицо пахнуло. Да ведь что ж?

По доброй воле. Сели у стенки. Гм. Запах.

А у Ерша счастье на лице.

— Дальше-то что? — улыбается. — Дальше-то, братцы, товарищ Федя, что? Ведь и государственный масштаб теперь к черту... А дальше-то не иначе, как в лес. Дальше-то прямая дорожка в лес. Да только пугаться нечего — прокормимся. Как еще прокормимся. А то, скажем, на почтовых... Такой-этакой... с деньгами... сто тысяч... С провизией... и девочка с ним... черная, красивенькая, кудряшечки этакие... Стой-постой! Откуда есть такой? Тут и стукнуть по черепу. И концы в воду. И лошади себе. И повозку себе...

— Да, — сказал Федюша, — а и шельма же она, братцы. Страсть люблю таких. И ты, говорит, мне очень нравишься, Федюша. Больше жизни. Да только зачем нам жизни свои зря спутывать. Ты голый, соколик, да и у меня по пятьсот две думских, да кольцо дареное...

— Плохо, — вдруг испугался Илья Ильич, — это что ж? Выходит, что в разбойники. Опять несоответствие причин. Гм... Дурак Ерш, а сказал каково хорошо: несоответствие причин. Но как все плохо. Даже если и в Питер, сейчас, и то плохо. Здесь в навозе, да и там в навозе, на Малой Охте. На Малой Охте! И почему такое? Мог бы и в городе жить, а живу, черт знает, на Малой Охте. И ведь непременно у ветеринарного фельдшера Цыганкова. Хе-хе. И пустяки, что жизнь дрянь. Жизнь дрянь, но в гадости-то скорее радость найдешь. В грязи-то и всем хоть немножко, хоть чуть-чуть, да приятно. Чужую грязь мы не любим, а в своей — великое наслаждение. Вот знаю, а все плохо. А плохо-то в себе. Особое, может, неважное пищеварение, что ли... Что ж? В разбойники нужно... Хе-хе... прямая дорожка.

— Прямая дорожка в лес, братцы, товарищ Федя, — бормотал Ерш, засыпая. — Говорят, объявилась атаманша-разбойница. Геройской жизни. Грабит, поезда останавливает.

«В разбойники, — думал Илья Ильич, закрывая глаза. — И что меня удержит? Россия... Гм... Может, России-то уже нет, да и русских нет. То есть, конечно, есть, да живут ли они? Может быть, все — как я, может быть, у всех — великое „все равно"...»

Под утро заснули трое и видели сны.

6

Уже и солнце проткнуло все щели в овине, а Ерш спит — раскинулся, лицо — улыбка, сам в золотых полосках, будто зебра.

А Федюша все в щель смотрит. Да только тихо на дворе: куры ходят, вот свинья у самого носа хрюкнула, а больше никого не видать. И что за причина такая?

Ротная интеллигенция тоже в щель — ничего. Ерш проснулся.

— Фу ты, говорит, братцы, а ведь кушать-жрать хочется.

Только видит Федя: старуха на крыльцо мотнулась.

— Т с , — цыкает ей Ф е д я , — ты, чертова старуха. Гм... Притча. Не слышит, чертова бабка, сук ей в нос.

Просидели час. Тихо.

Заспалась, должно быть, Маруся-американочка. Еще час просидели. Федюша начал засов ножом ковырять. Ножом отодвинул засов.

— Сейчас, говорит, братцы.

И сам по двору тенью.

Только прибегает обратно — глаза круглые и сам не в себе очень:

— Нету, говорит, американки. Ушла, чертова Маруська. С полуротным с Овчинкиным вовсю ушла. Сама старуха — сук ей в нос — призналась. Дескать, полуротный Овчинкин к вечеру вестового засылал, а к ночи и сам в гости пожаловал. Жрали, говорит, очень даже много, и все жирное, и спать легли вместе. А утром полуротный из дому — и Маруська с ним. Вовсе ушла чертова Маруська. Что ж теперь? Гроб.

Вышли на двор. Ушла, мать честная, и следов нет.

Посмотрел Федя на солнце, на дорогу посмотрел. И куда ушла? В какую сторону? Без компаса никак нельзя узнать.

— Эх, испортила американка жизнь! Угробила, чертова Маруська. Очень даже грустно сложились обстоятельства.

Посмотрел Федя Лохматкин на Марусин дом — сосет в сердце.

Красавица, подумал.

В окно глянул, а в окне старухин нос.

— Тьфу ты, мерзкая старуха, до чего скверно смотреть.

А тут Ерш, лицо — улыбка.

— Что ж, говорит, братцы, товарищ Ф е д я , — судьба.

И какая там война? И какой государственный масштаб? В лесок уйдем. Прямая дорожка без компаса.

И трое зашагали в лес.

7

Бродили в лесу до вечера. А вечером повис над болотом серый туман, и тогда все показалось бесовским наваждением.

Огонь развели веселый, но было невесело. До утра просидели очень даже грустные, а утром дальше пошли.

Прошли немного — верст пять, и вдруг закричал Ерш:

— Едут!

Верно. Вдали негромко звенели бубенцы.

— Едут! — застонал Е р ш . — Тащите бревно... Тащите же бревно, сук вам в нос.

Но никто не двигался.

А у Ерша паучьи руки — очень ему трудно из канавы бревно тащить.

Однако тотчас выволок бревно это и накатил на дорогу.

Били железом по камню лошади, и за поворотом показалась желтая повозка с седоком.

— Стой! — закричал Ерш. — Идем же, братцы, товарищ Федя.

— Стой-постой! — повторил Ерш и вытащил нож, подбегая.

— А-а... — дико закричал седок.

Во весь рост встал. Трясется челюсть. В руке револьвер.

Вздрогнули лошади, лес ахнул тихонько.

— Братцы, — тонко закричал Ерш, — так нельзя. Он с револьвером...

И хотел к лесу. Но упал лицом в грязь и затих.

Выстрелил два раза седок. Железом бешено забили лошади, и скрылась желтая повозка.

А на бревне сидел Илья Ильич и тоскливо смотрел на Федюшку. За Федюшкой — красный след, Федюшке трудно ползти.

ПОСЛЕДНИЙ БАРИН

1. ВСТРЕЧА

Его, Гаврилу Васильевича Зубова, я встретил в Смоленске.

Помню... Базар. Пшеничный хлеб. Свиная туша. Бабы. Молоко... И тут же, у ларьков — толпа. Зрители. Хохочут. Бьют в ладоши. А перед зрителями — человек.

Я подошел.

Был это необыкновенного вида человек: босой, слоноподобный, с длинными, до плеч, седыми волосами. Он ходил этаким кренделем перед толпой, рыл ногами землю, бил себя по животу, хрюкал, приседал, ложился в грязь. Он танцевал.

Сначала я не понял. Понял, когда он взял с земли дворянскую фуражку и стал обходить зрителей. В фуражку клали ему все, кроме денег: кусочки грязи, навоз, иной раз хлеб. Хлеб он тут же пожирал. Все смеялись. Но это не было смешно. Это было страшно — лицо его не улыбалось.

Я протискался ближе и вдруг узнал: это — Зубов. Помещик Гаврила Васильевич Зубов. Я вдруг вспомнил: цугом двенадцать лошадей, гонец впереди — его выезд, кровать под балдахином, лакей, читающий ему Пушкина из соседней комнаты (чтоб не видеть смерда!)...

Я положил в шапку его хлеб и сказал тихо:

— Гаврила Васильевич...

Он усмехнулся как-то хитро, в нос, и, взглянув на меня, отошел.

Да, это был Гаврила Зубов. Странный, необыкновенный человек! Последний барин, которому следовало бы жить при Екатерине...

Я хотел было уйти, но вдруг подошел ко мне какой-то старичок. Был он чистенький, опрятненький, в сюртуке. В руке он держал ковер: продавал.

Старичок высморкался в розовый платок, поправил галстук, кашлянул и сказал почтительно:

— Извиняюсь, уважаемый товарищ, вы изволили по имени назвать Гаврилу Васильевича... Вы знали сего человека?

— Да, — сказал я, — однажды я с ним встретился...

— Однажды! — закричал на меня старичок. — Однажды? Только однажды? Так, значит, о нем вы ничего не знаете?

— Нет, — сказал я, — о нем я кое-что слышал.

Старичок недовольно взглянул на меня.

— А что «Зубово» он сжег — знаете?

— Сжег «Зубово»? Нет, не знаю.

— Нет? — снова закричал старичок, размахивая руками. — Ну, так, значит, вы ничего не знаете... А про Ленку знаете? А как Гаврила Васильевич князя Мухина высек?

Старичок засмеялся тоненько, поперхнулся, вынул розовый свой платок, высморкался и, взяв меня под руку, сказал, показывая пальцем на Зубова:

— Сжег. Сжег свое «Зубово». Из великой гордости сжег. Чтоб мужичкам ничего не досталось. И нагишом ушел. В белье только. Даже кольцо с пальца скинул и в пожар бросил. Мужички по сие время шуруют на пожарище.

Старичок снова засмеялся. На этот раз он смеялся продолжительно, дважды вытаскивал носовой платок, сморкался, махал рукой, вытирал себе слезы...

Я посмотрел на Гаврилу Васильевича. Он сидел на земле, поджав под себя ноги. Величайшее равнодушие застыло на его лице. Он тихо качался всем телом, и челюсти его медленно и равнодушно двигались: он жевал хлеб.

2. РАССКАЗ СТАРИЧКА

— Ах, уважаемый товарищ, — сказал старичок, — много ли человек ст*о*ит? А ст*о*ит человек три копейки со всеми своими качествами. Вот взгляните: сидит человек, сложив по-турецки ноги, — ему и горюшка никакого... Все забыл, все не помнит, и другая кровь течет у него по жилам.

А кто это сидит, многоуважаемый товарищ? А сидит это Гаврила Васильевич Зубов, самый, в свое время, замечательный, самый наигордый человек во всей России. Лет тому тридцать назад

каждый сопливый мальчишка знал это имя. Жил он в Москве и не тем был замечателен, что золотом свыше одного миллиона на француженок истратил, а был он замечателен необыкновенной своей гордостью.

Гордился он прямо-таки всем: фамилией своей, и ростом, и капиталом, и тем, что покойный царь с ним в шашки игрывал и по щекам его дружески хлопал...

Разные уморительные анекдоты существовали о его безмерном тщеславии.

Рассказывали, быдто в любовницах всегда у него были самые красивейшие женщины. Красивей всех. А один известный барон вывез откуда-то столь необыкновенно прекрасную девицу, что сразу затмил Зубова. Не мог перенесть это Зубов. За огромные деньги перекупил он девицу эту и всюду на показ водил ее... А была девица эта из мещаночек. И при чудной красоте своей имела руки мужицкие, красные... Так два года перед тем продержал ее Гаврила Васильевич взаперти и два года не снимал с нее кожаных перчаток. А как снял, так руки стали у ней белейшие, с прожилками.

Ах, ей-богу, до чего был гордый человек!

Рассказывали, быдто на визитных своих карточках, кроме корон и всяких наименований, печатал он собственный вес — 9 пудов. Но неизвестно, может быть, это была неправда.

Известно только, что в сорок лет он не смог ужиться с людьми, и по великой своей гордости и презрению к людям выехал в имение свое «Зубово». И там он от всех закрылся. Никуда не выезжал и к нему никто не ездил. Наезжали, впрочем, к нему разные некрупные помещики, но Гаврила Васильевич принимал их строго: называл на ты, руки не подавал и садиться перед собой не приказывал. И всех считал дрянью, разночинцами или купчишками. Некоторые дворянчики безмерно от того обижались, но ихняя обида оставалась при них.

Пять лет прожил он сиднем, на шестой год все и случилось. А пять лет жил он до того скучно, что, будь это другой человек, непременно бы повесился.

Была у него в любовницах Ленка — девка простая и как все равно индюшка, глупая. Жила она в верхнем этаже, целые дни кушала халву и грецкие орехи и валялась на постелях.

Гаврила Васильевич поднимался к ней редко. И даже в такие дни с ней не разговаривал. Да и она сама перед ним робела.

А день у него проходил от еды до еды. Днем, без всякой на то нужды, ходил Гаврила Васильевич по своим апартаментам и на глаза никто не смел ему показываться. А к вечеру, бывало, на кровать он свою ляжет, балдахином прикроется и велит камердинеру Гришке книги читать. Сядет Гришка в соседней ком-

нате, дверь в барскую опочивальню прикроет и оглушительным басом кричит ему разные повести и романы.

Но иной раз, в добром душевном расположении, выходил Гаврила Васильевич в сад и приказывал палить из пушки. Стояла у него в саду пушка старинная и стреляла она каменными ядрами. Ну, стрельнут из нее раз, другой, Гаврила Васильевич рукой махнет, дескать, достаточно, будет, и снова в свои апартаменты. И ходит, и ходит, даже посторонних тоска берет.

Иной раз устраивал Гаврила Васильевич балы. Да только это были совсем удивительные балы. Пятнадцать музыкантов на хорах трубили в инструменты вальсы и мазурки, а Гаврила Васильевич один во всем зале ходит взад и вперед, в кресла присаживается и опять ходит...

Так вот жил Гаврила Васильевич в своем «Зубове» побольше пяти лет. А был у него некий человек, вроде как бы его приказчик или управляющий. Ходил этот приказчик за барином своим в трех шагах, в разговоры не лез, молчал, как утопленник, и все припадал к барской ручке.

За это Гаврила Васильевич весьма его полюбил и даже приблизил. Его-то однажды Гаврила Васильевич позвал в свои апартаменты и сказал:

— Род мой древний и знаменитый, ежели в ближайшие сроки не женюсь, то окончится на мне фамилия. Угаснет род. Что делать — ума не приложу. А только требуется мне невеста хороших кровей.

Бросились люди по всей губернии... Стали разыскивать, опрашивать, где какая существует девица хороших кровей, но нигде не нашли. Все проживали мелкота и купчишки.

Стали наезжать к Гавриле Васильевичу старушки разные. Бывало, такая старушка приедет, Гаврила Васильевич ее примет, послушает, а после как по столу тяпнет.

— Да ты про что врешь?

— Как это вру? Предлагаю, дескать, дворяночку.

— Кому предлагаешь? Говори, кому предлагаешь? Кто я такой?

— Зубов. Помещик Зубов.

Гаврила Васильевич только усмехался.

— Зубов! А кто такой Зубов? Да знаешь ли ты, матушка, что Зубов в бархатную книгу вписан? Да со мной император не раз в шашки играл... Да лучше я на девке простой женюсь, чем дворяночке поеду кланяться.

Приказчику Гаврила Васильевич заявил:

— Ежели в течение года невесты хороших кровей не найду, то непременно и обязательно женюсь на Ленке. Пущай весь мир погибает.

А вскоре отыскали эту невесту. Явился человек и доложил:

— Проживает в десяти верстах за «Гнилыми прудами» старая княгиня Мухина. Богатством она не отличается, но кровей хороших и превосходных. При ней, дескать, дочка. А какова дочка, какой внешности и какой, например, у ней нос — никто не знает. Может быть, она и очень хороша, а может быть, и хроменькая — никто об этом не знает и ее не видал.

Ужасно тут обрадовался Гаврила Васильевич.

— Ладно, говорит, какая бы она ни была, но раз хороших кровей, то дело сделано.

Приказал он из пушки стрелять и в тот же день отбыл к князьям Мухиным.

Приехал. Ждет. Старушка к нему выходит. Старушка весьма гордая... Капот... Наколочка... Разговор все время французский...

Посмотрел на нее Гаврила Васильевич — остался доволен. Кровей, думает, хороших. Сомненья нету.

А она:

— Зачем, дескать, батюшка, пожаловали? По каким это делам? А мы-то тут сиднем сидим и из высшего света никого не видим.

Гаврила Васильевич ей отвечает:

— Насчет высшего света я с вами много не буду распространяться, я пожаловал сюда не мух ловить, а серьезное дело делать. Примите мое предложение — прошу ручку вашей дочери.

Старушка совершенно тут растерялась, про себя бубнит, по апартаментам мечется.

— Как? Что такое? Да разве вы знаете княжну Липочку?

— Нет, — отвечает ей гордо Гаврила Васильевич, — княжну я не знаю и знать не хочу, а прошу ее руки заочно. Пущай выходит и мне представляется.

Ужасно тут забеспокоилась старушка.

— Ох, говорит, если так, то сейчас, сейчас. С минутку обождите. Кушайте пока чай с печеньями.

И сама за дверь вышла.

Осмотрел Гаврила Васильевич комнату. Видит, фамилия князей Мухиных небогатая: все стоит развалившись, мебель и диваны рваные.

«Ну, думает, мне это все равно, не за мебелью я приехал, мебель всегда заново обить можно, а мне кровь важна».

И вот, выходит снова старушка, с дочкой, княжной Олимпиадочкой. Княжна хроменькая и собой столь ужасно некрасива, что и выразиться трудно. Носишко совсем малюсенький, рост и телосложение тем более мизерное, волосенки жидкие — ни кожи, ни рожи.

Осмотрел ее Гаврила Васильевич и говорит:

— Ну, что ж делать? Мне с лица ее не воду пить. От слов своих не отрекаюсь, что сказал, то и свято. Приданым я интересуюсь мало — что дадите, то и ладно. Род мой старинный и знаменитый,

и мне не купчиха нужна, а кровь хорошая. Объявляю ее своей невестой.

Была- княгиня Мухина хоть и небогатая, но претензий и апломбу у ней было много.

— Так-то так, говорит, но вы с ней весьма мало знакомы, только раз и виделись. Ни любви, ни романа, ни ревности — это даже странно и не по этикету. Но если вы так торопитесь, то напишу-ка я сегодня Володичке в гвардейский полк, пусть над сестрой он сам распоряжается.

А княжна Олимпиадочка по апартаментам ходит, ножкой своей волочит, и все соглашается:

— Ах, ма мер, да пусть он женится, я согласна.

Гаврила Васильевич сказал:

— Ладно. Пишите письмо. Ждать я еще могу.

Сказал он еще несколько светских слов по-французски и с тем и уехал.

Вот прошла неделя, две... Гаврила Васильевич веселится: из пушки бьет, балы устраивает...

Наконец — дежурный скачок. Докладывает: приехал, дескать, князь Мухин, только с парохода слез.

Целые сутки провел Гаврила Васильевич в нетерпении, на другой день велел собираться. Запрягли двенадцать лошадей, трубач впереди, сзади собак свора — и тронулись.

Но не доехал еще Зубов до «Гнилых прудов», как велел остановиться. Остановились. Стоят.

Гаврила Васильевич думает:

«Что же это я, как мальчишка, скачу? И к кому? К какому-то офицеришке! Я в бархатную книгу вписан, со мной император запросто в шашки играл... Назад!»

Вернулся Гаврила Васильевич в «Зубово», лишь один скачок на княжеский двор приехал. А во дворе князю, поручику Мухину, лошадей запрягают. Расспросы: что? как? почему? Неизвестно. Велели распрягать.

К вечеру узнается: Гаврила Васильевич вернулся с пути, не доехав до «Гнилых прудов».

Проходит день, два и три — оба из гордости сидят дома. Наконец, через неделю князь Мухин присылает в «Зубово» скачка.

Сидел в то время Гаврила Васильевич на балконе у Ленки и халву кушал.

Скачок с лошади не слез и ворот просил не запирать. Он посмотрел на Зубова с нахальством, шапки перед ним не снял и сказал на весь двор громко:

— Его сиятельство, князь Мухин, велели доложить, что им чихать хочется на ваше благородство.

Гаврила Васильевич едва не выпал из балкона. А скачок еще сказал:

— Его сиятельство, князь Мухин, велели доложить, что в свое время таких благородных они на конюшнях парывали.

Услышали люди такие слова, враз попрятались, и, как ни кричал Гаврила Васильевич, из робости никто не вышел.

Как ударил тут скачок коня, так за воротами и скрылся вмиг.

В ужасной ярости плевал Гаврила Васильевич вниз, ногами бил, кричал:

— Держи! Трави собаками...

Выбежал он сам во двор, но скачок был далеко. Моментально приказал Гаврила Васильевич выкатить пушку на дорогу и велел стрелять.

Три раза заряжали пушку и стреляли вслед, но скачка уж и не видно было — только пыль вздымалась по дороге.

Вернулся Гаврила Васильевич домой, поярился несколько дней и вдруг затих. Он призвал приказчика и сказал ему:

— Мнения своего не изменю. На хроменькой княжне женюсь, но прежде ужасно оскорблю и унижу князя Владимира. Но как это сделать — ума не приложу.

Бросились тут люди в Петербург и в Москву. За неделю разузнали, как и что. Доложили: проживает князь, поручик Мухин, в Петербурге, по кабакам ходит, кутит и в деньгах чересчур нуждается.

И неизвестно, как уж дальше вышло — деньгами или хитростью, но собрал Гаврила Васильевич против Мухина обличительные документы, расписки денежные и даже подпись одну фальшивую.

Написал ему письмо. Приезжайте, дескать, срочно, иначе угрожает вам каторга.

В три дня обернулся князь Мухин и прибыл в «Зубово». Ужасно бледный, прошел он в апартаменты Гаврилы Васильевича, почтительно ему поклонился, но сказал с усмешкой:

— Вот, говорит, когда пришлось нам свидеться. Говорите скорей, что за документы требуете.

Гаврила Васильевич на поклон не ответил, лишь усмехнулся только и говорит:

— Решай: либо тебе в каторгу идти и тем самым навек погибнуть, либо я тебя высеку, документы отдам и на княжне Липочке женюсь.

Вскипел сначала князь Мухин, схватился даже за оружие, стрелять хотел. Раздумал. Хотел уйти, дошел до двери — вернулся.

«Что ж, подумал, я человек погибший, из полка мне все равно уйти, а тут — либо покориться, и тем самым документы вернуть и честное имя восстановить, либо в каторгу».

Подошел он к Гавриле Васильевичу, говорит тихо:

— Делайте, что хотите.

А сам мундир снял, погоны отвязал, бросил их на землю, растоптал ногами...

Крикнул тут Гаврила Васильевич камердинера Гришку, велел ему стегать князя Мухина, но не дался Мухин.

— Нет, говорит, такого уговора не было, чтоб меня лакей стегал.

Ужасно это понравилось Гавриле Васильевичу, рассмеялся даже.

— Ну, говорит, вижу, ты хороших кровей. Хвалю. Но мнения своего не изменю.

Взял он с этими словами арапник и самолично постегал князя Мухина.

Поднялся князь Мухин, дрожит. Накинул на себя мундир.

— Давайте, говорит, документы.

— Нет, — сказал Гаврила Васильевич, — документов я тебе не дам.

Страшно побледнел князь Мухин, заплакал с досады, бросился во двор к лошадям... Гаврила Васильевич его вернул.

— Да, говорит, документов я тебе не дам. Пусть придет за ними сестра, княжна Липочка.

Заплакал снова от обиды князь Мухин, ничего не сказал и вышел.

И прошло несколько дней, является княжна Липочка. Явилась она вне себя, пешком, волосенки у ней сбились на сторону, идет — трясется.

Увидел ее из окна Гаврила Васильевич, усмехнулся, крикнул камердинера Гришку и велел передать ей бумаги. А сам не вышел. Только глянул в окно, как по двору она шла, постоял недолго, бросился после к воротам. Стоит и вслед смотрит, нахмурившись. А княжна Липочка идет по дороге, бумаги в руке зажала, торопится и по пыли за собой ножку волочит.

3. КОНЕЦ

Старичок вынул розовый свой платок, высморкался, вытер свои глазки и замолчал. Я взглянул на Гаврилу Васильевича. Он все еще сидел на земле. Он собирал крошки в ладонь и высыпал их в рот.

— А дальше? — спросил я старичка.

— Все.

— Позвольте, а как он «Зубово» сжег — вы не рассказали. А Ленка что?..

Старичок посмотрел на меня косо.

— Ну и сжег, — сказал он. — Как про революцию услыхал, так и сжег. Сжег и вас не спросил. И нагишом ушел... А вы тут кто такой?

— Позвольте, — удивился я, — вы же сами рассказывали...

— Рассказывал! — закричал старичок, наседая на меня. — А вы кто такой? Чего вам нужно? С флагами, небось, ходили, идеи

разные разглашали, ну, и проходите себе... Не задерживайте людей расспросами.

В это время Гаврила Васильевич поднялся тяжело с земли и, странно покачиваясь и дергая как-то ногами, пошел с базара.

Мой старичок посмотрел на него, засуетился, махнул рукой и пошел от меня прочь.

— Позвольте, голубчик! — закричал я ему вслед. — А как же Зубов? Женился он на княжне Липочке?

Старичок остановился, вынул свой платок, покачал головой и сказал:

— Не женился. Утонула княжна Липочка. Как в тот день из «Зубова» ушла, так и домой не вернулась. В «Гнилые пруды» бросилась.

Старичок заморгал глазками, махнул рукой и вдруг побежал.

Я долго смотрел ему вслед.

Он бежал, размахивая ковром, смешно подбирая ноги. Потом он поравнялся с Зубовым и они пошли вместе.

ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ

Есть у меня дорогой приятель Семен Семеныч Курочкин. Превосходнейший такой человек, весельчак, говорун, рассказчик.

По профессии своей он не то слесарь, не то механик, а может быть, и наборщик — неизвестно мне в точности. Про свое ремесло он не любил рассказывать, а имел видимую склонность и пристрастие к сельскому хозяйству и огородничеству.

Бывало, у нас в Гавани целые дни на огороде копается. То, представьте себе, картофелину на восемь частей режет и садит так, то на четыре части, то целиком, то шелуху садит. И поливает после разными водами: речной, стоячей, с примесью какой-нибудь дряни... Чудак человек! Все ожидал от опытов своих замечательных результатов. Да только пустяки выходило. Осенью картофель копать стал — курам, ей-богу, на смех — мелочь, мелкота, горох...

Смеялись тогда над ним.

Ну, да не в этом дело. Был он, вообще, любопытный человек, а главное — умел рассказывать веселые историйки.

Бывало, ночью сойдутся к нему дежурные со всех огородов, а он костер разведет и начнет вспоминать всякое. И все у него смешно выходило. Иной раз история такая трогательная — плакать нужно, а народ от смеха давится, так он комично умел рассказывать.

Да. Плохое дежурство было при нем. Иной раз утром глядишь: на одном огороде два мешка картофеля сперли, на другом турнепс вырыли...

А рассказывал он любопытно. Я уж и не вспомню всех его рассказов. Тут и про войну и великокняжеские всякие историйки.

И про попа Семена. И про то, как мужик один на бывшего царя был похож и что из этого вышло. И про домовладельца одного бывшего. Как шарабан у домовладельца этого реквизировали, а он, распалившись, торжественную клятву дал: не буду, дескать, бриться и волосы не буду стричь, покуда не провалится коммуна в тартарары... И как он, волосатый, побольше четырех лет жил всем на смех, а после, на пятый год, при нэпе то есть, покушал через меру пирожных с кремом и помер от несварения...

Нет! Немыслимо всего вспомнить. Ну, а некоторые рассказы я записал.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК У СЕМЕН СЕМЕНЫЧА КУРОЧКИНА ЛОЖКА ПРОПАЛА

Я, братцы мои, человек все-таки хитрый — из хохлов. Кого угодно могу сам одурачить... А вот раз, представьте себе, меня хиромантией одурачили. Гаданием то есть.

Из-за этого гадания я, можно сказать, лишился единственного друга.

Я, конечно, даже рад, что преступник схвачен и добродетель все-таки торжествует, но все же дельце-то неприятное было.

Ох, не нравится мне чтой-то хиромантия! Шарлатанство это, братцы мои, пустяки. Я теперь лучше, ей-богу, бедному десять рублей дам, нежели на гадание истрачу.

А дельце из-за ложки вышло.

Я, конечно, человек бедный. Недвижимого имущества у меня нету. А что комод стоит в моей комнатке, то, прямо скажу, не мой это комод, а хозяйский. Кровать тоже хозяйская. А из движимого имущества только у меня и есть, что серебряная ложка. И ложка эта, кроме своей ценности, еще приятна мне по своим воспоминаниям. Бабушка покойная мне эту ложку преподнесла в день моего рождения.

Так вот однажды ложка эта у меня пропала. Как сейчас помню: оставил я ее в котле с кашей. Прихожу со службы, из второго батальона, гляжу: котелок, братцы мои, повален, каша сожрана, а ложки нету. Всю комнату я обшарил — ложку как корова языком слизала.

Подозрений у меня ни на кого не было. Во всей квартире проживали — я, хозяйка, да еще из треста служащий, Иван Герасимович. Чудный человек. Единственный мне друг и дорогой приятель. Вместе с ним и голодовали в свое время, и спиртишко пили.

Пошел к хозяйке.

— Вот, говорю, представьте себе, пропала у меня ложечка.

А хозяйка и говорит:

— Это ничего. Я, говорит, даже рада, потому что дело это поправимое. Вот вам адресок — к дорогой моей приятельнице и знаменитой гадалке хиромантке. Немедленно идите к ней, она вам за сущие пустяки объяснит и укажет, кто спер, например, вашу ложечку.

Я и пошел.

Прихожу. Темная, представьте себе, комната. Человечий череп на столе. Для испуга, что ли. Кошка тут же вертится. А сама хиромантка — бабища здоровая, в нос говорит, для эффекта. И все время подмигивает, и с носу пудра у ней сыплется.

Рассказал я, в чем дело, она карты раскинула.

— Ну да, говорит, так и есть: пропала у вас чайная ложечка.

— Столовая, говорю, пропала, а не чайная.

Хиромантка нахмурилась и говорит:

— Вы меня зря не перебивайте. Карты не могут врать. Ложка у вас, действительно, столовая пропала, но, может, вы ей чай мешали...

— Да, говорю, это верно.

— А если, говорит, верно, то пятерку на карты кладите. Только кладите не рваную. Рваную не любят карты.

Положил я пятерку, какая была почище, а гадалка и говорит:

— Ложка ваша украдена брунетом. Если хотите, могу, за известную плату, заочно показать вам личность виновника.

Заплатил я ей еще пятерку, а она в стакан воды набуровила и говорит:

— Смотрите пристально и наблюдайте.

— Нет, говорю, ничего не вижу.

— Ну, а теперь, говорит, бурлит вода?

— Да, говорю, когда пальцы крутите, то бурлит.

— Ну, говорит, если бурлит, то идите со спокойной совестью домой и ждите, что будет.

Я и пошел.

Прихожу домой.

Какой же, думаю, брунет спер мою ложечку. Уж не дорогой ли мой приятель Иван Герасимович, благо брунет он.

И прошло уже несколько дней... Что такое? Жил Иван Герасимович смирнехонько — тише воды, ниже травы, а тут загулял. Да еще как! В кинематографы ходит, пьет, колбасу жрет — гуляет, вообще.

«Ну, думаю, не иначе, как гуляешь ты на мою ложечку. На жалованье так не разгуляешься».

И такая у меня к нему ненависть настала, что и сказать невозможно. И однажды не выдержал я характера — заявил в губмилицию.

Надзиратель явился с управдомом. Прошли они к Иван Ге-

расимовичу в комнату. А Иван Герасимович как увидел их — оробел, побледнел, в ноги им рухнул.

— Хватайте, говорит, меня! Я преступник. Я растратил казенные суммы.

— А ложечку мою как же? — спрашиваю.

Молчит.

Стали его уводить.

— Позвольте, говорю, а как же ложечка-то?

Посмотрел он на меня, усмехнулся горько.

— И ты, говорит, брат? Нет у меня больше приятелей! Не брал я твоей ложечки. Это знай.

Так его и увели.

И прошел год. Баба моя, помню, приехала из деревни. Принялась раз комнату убирать, глядит: в крысиной норе ложка торчит.

Вот она, вещь какая! А приятеля-то я все-таки лишился навсегда. И хотя он и преступник, а все же мне его жалко.

РАССКАЗ О ГЕРОЕ ГЕРМАНСКОЙ КАМПАНИИ

Как, братцы мои, вы не знаете Васьки Егудилова? Удивительно все-таки. Какого-то, например, бывшего генерала из немцев, Гинденбурга, знаете, бывшего кронпринца тоже знаете, а про Ваську Егудилова ничего не слышали?

Странно это.

Вот говорят, будто генерал Брусилов прорыв под Перемышлем устроил. Так ничего подобного — это Васька Егудилов прорыв устроил.

Васька Егудилов, ей-богу, замечательней какого-нибудь Пуанкаре.

Эх, нет пророка в отечестве своем!

А я Ваську встретил как-то. В пивную мы зашли. По старой дружбишке платил за меня Васька. Небрежно этак выбросил полста. На чай, впрочем, не дал. Человек на него посмотрел, а Васька сдачу спрятал и говорит:

— На чай, братишка, не даю по идее. Это, говорит, унижает человеческое достоинство.

А человек говорит:

— Ничего. Вы, говорит, дайте, мы привыкшие.

Но Васька не дал.

Ну, да не в этом дело.

В нынешнее время я не знаю, какой Васька. Говорят, будто он замечательный работник и герой гражданской войны, — неизвестно. Я Ваську Егудилова только по царской армии помню.

Ах, и растяпа же был человек! Ах, и спать же он мог

удивительно! Да, можно сказать, он всю германскую войну проспал. Мог он спать подряд цельные сутки. Мог и под ружейную перестрелку спать, и под легкую артиллерию, и под бомбометы...

Так вот какой удивительный случай произошел. Двадцать восьмого июля, кажется, был, братцы мои, по царской армии приказ: наступать до полнейшего искоренения противника...

Что до других армий — неизвестно, а полк наш выступил утром. И дошел наш полк до германской проволоки и залег там, оттого что сильнейшую пулеметную пальбу открыл неприятель.

Залегли солдаты наши в разных местах, с тем, чтобы к ночи назад ползти, а Васька Егудилов, надо сказать, залег в канавку и заснул там, собачий нос.

Под утро отступил наш полк обратно в окопы, а Васька Егудилов спокойно остался в поле.

День проходит, два.

«Ну, думаем, погиб наш Васька героем».

А трупов перед окопами навалено было все поле. Жара. Дух смертельный. А убрать покойников невозможно: стреляет противник.

Стали наши генералы да командиры рассуждать, как из положения выйти... Разговоры, сем-пересем, тары да бары, а мертвечинка тем временем разложилась до невозможности.

Только однажды замечаем — флаг белый над противником, и выходит, братцы мои, немчик и заявляет:

— Даем вам два часа на уборку трупов.

Вышли мы с носилками, с лопатами, стали убитых убирать, смотрим: из канавы на носилки лезет Васька Егудилов. Живехонький.

— Стоп! — сказали немцы. — Не трогать этого. Это пленный.

Стали мы с немцами рассуждать — не разрешают брать.

Чуть не заплакал тут Васька. Вынул ручную бомбу, да как шмякнет ее в германцев!

Батюшки, что было тогда... Крики, стрельба, пулеметы... И такой возгорелся бой, что и не бывало никогда такого. А к ночи мы повели наступление и прорыв сделали. А говорят, что герой — генерал Брусилов. Пустяки это. Васька Егудилов — герой германской кампании.

БАБКИН МУЖ

Паршивый муж был у бабки Анисьи Николаевны. Уже не говоря о внешности, а и душевных качеств никаких. Так — шляпа, размазня, кикимора.

Да бабка Анисья Николаевна его иначе и не называла, как кикиморой. Или еще пигалицей любила назвать. Но на слова такие Василь Васильевич — бабкин муж — ужасно как обижался. На-

дуется на бабку, что мышь на крупу, и слова из него клещами не вытянешь.

А сказать надо — дело было секретное у бабки Анисьи Николаевны. Самогонное секретное предприятие. На паях. Старикашка такой, Ерофеич, пайщиком был. Да только какой же это пайщик, ежели драгоценную влагу лакал он как корова? А ведь нельзя так — убыток предприятию.

Думала бабка откупиться от пайщика, да произошло происшествие: лопнуло предприятие на паях. И ведь как лопнуло-то! Из-за собственного мужа лопнуло, сук ему в нос!

Ну, да и не могло быть иначе — был Василь Васильевич не человек, а, прямо с к а з а т ь , — падаль.

Скажем, дело пустое: по бутылям самогонку перелить — не может. Пьянеет, сукин сын, от одного духа. А дух, конечно, острый. Дух этот ему, видите ли, в голову ударял и вызывал рвоту!

Ну что ж! Бабка его в этом и не притесняла: не может — не надо. Бабка назначала его на легонькие дела. Например: по указанному адресу пару бутылок снести. Так и то не может. Пугается.

— Я, говорит, Анисья Николаевна, не понесу враз. Я, говорит, лучше одну сначала, а за другой после спорхаю. А то пару понесешь — подозрения в милиции вызовешь. «А н у , — скажет м и л и ц и я , — чего несешь? Дай-кась я понюхаю». И пропадешь! Вам, Анисья Николаевна, хорошо, вы дама, а меня без применения амнистии могут...

Да. Проп*а*сть с таким мужем! Ну, уж зато и бабка Анисья Николаевна спуску ему не давала. Чуть что — по роже, либо словами кроет. Тоже, надо сказать, вредная была бабища. Скажем вот — вставала рано. Со светом. Василь Васильевичу, при нездоровии его, спать и спать бы нужно, так нет, пущай и он встает. А от этого у Василь Васильевича настроение на все сутки портится.

А для чего ей нужно поднимать Василь Васильевича? А ей, видите ли, поговорить не с кем.

Тут она разливает по бутылям и ну его чесать:

— Чего опять лицо грустное? Чего опять воздух нюхаешь?

Ежели промолчит — беда. Ежели скажет — еще того хуже.

Вредная тоже бабища. Но зато делец. Слов нету. И чистота в производстве, и вкус, и а р о м а т , — что надо. По-европейски было поставлено дело. В покупателях отбою не было.

А на праздниках так с ног сбились все. Сам Василь Васильевич раз сорок в разные концы бегал. Ну, а на сорок первый — заскочило.

Так вышло.

Налила бабка Анисья Николаевна бутылку пополней, тряпочкой ее обтерла.

— Беги, говорит, поскорей, рысью, в отель «Гренаду».

Схватил Василь Васильевич бутылку, пальтишко на ходу напялил — и на лестницу. Выбежал на лестницу, добежал до второго этажа — милиция.

И ведь не то, чтобы показалось ему с перепугу, а на самом деле стоял милиционер на площадке. И для чего он стоял — так это и не выяснилось, но только из-за этого рухнуло предприятие.

Увидел его Василь Васильевич, тихонько охнул, затаил дыханье и на цыпочках пошел к себе.

Добежал до квартиры, закрыл на все замки дверь и после уж крикнул:

— Милиция... Анисья Николаевна!

И что такое приключилось с бабкой Анисьей Николаевной — удивительно даже. Дама она крепкая, недоверчивая, бывало, раз десять расспросит и сама удостоверится, а тут сомлела.

— А? Что? Милиция... Обыски, что ли, производят?

— Обыски, — сказал Василь Васильевич.

Всплеснула бабка Анисья Николаевна руками, схватила аппарат, с громким ревом вылила драгоценность в водопровод, разрушила все приспособление — куда трубки, куда крантики, и после уж присела на стул, еле живая.

— В каком номере производят?.. — спросила бабка.

— Не знаю, — сказал Василь Васильевич.

Так сидели они долго, с час, что ли.

— Пойди, посмотри, в каком номере производят... — сказала Анисья Николаевна.

Василь Васильевич напялил на себя пальтишко и вышел. Вышел он на лестницу — тихо... Дошел до второго этажа — ничего.

«Ну, думает, а вдруг да я ошибся? Вот когда мне погибель будет... Вот когда меня в порошок сотрет Анисья Николаевна».

Вышел он во двор. Дворника Егора встретил.

— Чего, спрашивает, говорят, будто обыски?

— Какие обыски? — сказал Егор. — Про что вы...

Василь Васильевич махнул рукой и побежал к дому. Он подошел к своим дверям, постоял, подумал, махнул опять рукой и пошел на улицу.

Домой он так и не явился.

НИЩИЙ

Повадился ко мне один нищий ходить. Парень это был здоровенный: ногу согнет — портки лопаются, и к тому же нахальный до невозможности. Он стучал в мою дверь кулаками и говорил не как принято: «Подайте, гражданин», а:

— Нельзя ли, гражданин, получить безработному.

Подал я ему раз, другой, третий. Наконец, говорю:

— Вот, братишка, получай пять рублей и отстань, сделай

милость. Работать мешаешь... Раньше как через неделю на глаза не показывайся.

— Ладно, — сказал нищий, рассматривая на свет полученные деньги. — Пускай так. Значит, это за неделю вперед? Хорошо-с, прощайте...

Через неделю ровно нищий снова заявился. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, за руку. Спросил, чего пишу и сколько я получаю за работу — поденно или как.

Я дал ему пятерку, он кивнул мне головой, потряс мою руку и ушел.

И всякую неделю, по пятницам, приходил он ко мне, получал свою пятерку, жал мне руку и уходил. Иногда, впрочем, присаживался на кровать и интересовался политическими новостями и литературой.

А раз как-то, получив деньги, он помялся у двери и сказал:

— Прибавить, гражданин, нужно. По курсу чтобы... Невыгодно мне... Рубль падает...

Я посмеялся над его нахальством, но прибавил.

— Вот, говорю, еще два рубля — не могу больше.

— Ну что ж, говорит, пущай так. Ладно.

Он спрятал деньги в карман, поговорил со мной о финансах Республики и ушел, громко стуча американскими сапожищами.

Наконец, на днях это было, он приходит ко мне. Денег у меня не было.

— Нету, говорю, братишка, сейчас. Извини. В другой раз зайди.

— Как, говорит, в другой раз? Договор дороже денег... Плати сейчас.

— Да как же, говорю, ты можешь требовать?

— Да нет, плати сейчас. Я, говорит, не согласен ждать. Я, говорит, могу в инспекцию заявить. Нынче вас за это не погладят по головке... Довольно.

Посмотрел я на него — нет, не шутит. Говорит серьезно, обидчиво, кричать даже начал на меня.

— Послушай, говорю, дурья голова, сам посуди, ну можешь ли ты с меня требовать?

— Да нет, говорит, ничего не знаю. Пущай тогда инспекция разбирается.

Занял я у соседа семь рублей — дал нищему. Он взял деньги и, не прощаясь, даже не кивнув мне головой, ушел.

Больше он ко мне не приходил, — наверное, обиделся.

БЕСПЛАТНО

Вот, братцы мои, придется нам некоторое время обождать с бесплатностью. Нельзя сейчас. Меры не знаем. Думаем, ежели бесплатно, так и при всем скопом.

Как раз с каруселью было. Поставили эту карусель на площади. На первомайских праздниках было. Ну, народ повалил, конечно. А тут парень какой-то случился. Из деревни, видно.

— Чего, — спрашивает он, — бесплатно крутит?

— Бесплатно.

Сел этот парень на карусель, на деревянную лошадь, и до тех пор крутился, покуда не помертвел весь.

Сняли его с карусели, положили на землю, ничего — отдышался, пришел в себя.

— Чего, говорит, крутит еще?

— Крутит...

— Ну, говорит, я еще разочек... Бесплатно все-таки.

Через пять минут он снова помертвел. Снова его сняли с лошади.

Рвало его, как из ведра...

Так вот, братишки, обождать нужно.

ЧЕТВЕРО

Ну, братцы, держитесь! Ошельмую сейчас кой-кого. Я человек горячий. Я под горячую руку ужасных делов могу натворить.

Стоп! Вот фамилии... Пущай над ними смеются. Пущай эти фамилии на страницы всемирной истории попадают. Вот: староста первой артели Иван Тимофеев — раз, ДСП Никитин — два, ПД Соколов — три, Селиверстов еще — четыре.

Вот-с, четверо. Четыре фамилии.

— Позвольте, — скажут читатели, — чего ж они сделали?

Взятку, что ли, взяли?

Взятку? Зачем взятку. Хуже. Они, товарищи, архимандрита на себе везли. Да. Ей-богу, правда.

На станции «Брянцево» это было. На праздниках. Собрались эти четыре приятеля — тары да бары, а один говорит:

— Не позвать ли нам, братцы, попа. Пущай молебен служит. Все-таки праздник нынче.

А староста Иван Тимофеев — человек широкий.

— Зачем, говорит, попа? Дерьма тоже. Давайте, говорит, братцы, архимандрита позовем, если на то пошло.

Ладно. Сказано — сделано. Пошли приятели в монастырь Николы.

— Чего, спрашивают, есть у вас, товарищи монашки, архимандриты? А? Староста вот наш, Иван Тимофеев, человек широкий — архимандрита чегой-то хочет.

Обрадовались монашки.

— Есть, говорят, пожалуйста.

Вышел тут архимандрит.

— Ладно, говорит, могу. Только, говорит, на мне сан очень большой — не годится мне пешком ходить. Давайте, говорит, мне международное купе.

Упали духом приятели.

— Ваше, говорят, высокопреподобие, что касается купе — не тово, не выйдет. А вот ежели на вагонетке не побрезгуете — пожалуйста... Один впереди, трое будут пихать сзади — мигом доставим.

Согласился архимандрит. Сел на вагонетку — поехал. Староста Иван Тимофеев впереди дует, трое сзади... Прут на себе архимандрита. Без остановки прут — семафор не семафор.

Приехали. Слез архимандрит, отслужил молебен. А староста Иван Тимофеев, человек широкий, — не отпускает архимандрита.

— Ваше, говорит, высокопреподобие, не желаете ли к столу присесть?

Разукрасил стол староста. Поросенка для такого случая зарезал. Самогонки поставил. Закуску всякую.

Присел к столу архимандрит — вкусил и выпил и тем же порядком в монастырь отбыл. Не тем же, впрочем, порядком. Староста Иван Тимофеев, человек широкий, не согласился впереди бежать.

— Я, говорит, лучше теперь сзади пихать буду. Я все-таки человек широкий, выпивший, мне бы, братцы, под вагонетку не попасть.

Вот, товарищи, какая история.

А неловко так. Что ж это выходит? Одна рука с попом борется, а другая для попа свинью режет.

Не годится.

ТРЕВОГА

В квартире начальника пожарной охраны было празднично. На столе стояли самогонка, пиво, закуска всякая. Из кухни чад валил — пеклись пироги.

Сам начальник пожарной охраны, уже подвыпивший, сидел за столом с брандмейстером и, обсасывая селедочную голову, мечтательно говорил:

— Да-с, Сеня, дождались... Ждали, ждали и дождались. Тревога будет. Смотр вроде бы... Ты вот, Сеня, сомневаешься, что тревога будет, а мне, Сеня, доподлинно известно. Мне товарищ Иваненко сказал. «Завтра, говорит, или сегодня будет у вас, Иван Федорович, тревога произведена для пробы».

— Хм, — сказал брандмейстер, выпивая стакан самогонки и нюхая хлебную корку.

— Вот ты, Сеня, сомневаешься, — продолжал начальник охра-

ны, — «хм» говоришь, а мне от тебя обидно это слышать. Не ожидал я от тебя этого, Сеня.

Начальник охраны икнул в руку и пересел ближе к брандмейстеру.

— Сеня! — сказал он. — Дождались... Заметили нас... Выпьем, Сеня, поэтому. Сегодня или завтра тревога по примеру столичных городов Петрограда и Москвы... Смотр вроде бы. Смотр, так сказать, пожарных сил. Ведь это что значит? Ведь это, Сеня, значит, что мы, пожарные, — силища в республике. Это значит, что с нами считаются, смотры нам делают. Взять хоть нас: команда у нас маленькая, слов нет, а поставлены мы на опасное дело, при мастерских. Случится пожар, не будь нас — на триллионы убытки.

— Хм, — сказал брандмейстер, нюхая селедочную голову.

— Да-с, — продолжал начальник охраны, — ты вот, Сеня, мелкота, сопля, брандмейстеришка несчастный... Тебя, Сеня, на смотру нипочем не заметят. Ну, может, сдуру кто-нибудь и ляпнет: благодарю, мол, товарищ брандмейстер, за службу... А дальше дудки-с... Дальше, Сеня, мне лавры принадлежат. Потому что я начальник пожарной охраны. Голова, так сказать. Меня, Сеня, обязательно заметят. Ага, скажут, вы начальник пожарной охраны? Да, скажу, так точно. Ага, скажут, образцовая, превосходная команда у вас, образцово поставлено пожарное дело... Вот, скажут, отныне вы герой труда... А самый главный какой-нибудь из комиссии подойдет. Ага, скажет, занести этого героя на Красную доску, пожаловать ему орден Красного Знамени.

Начальник охраны дважды икнул и, покачиваясь, пошел к жене на кухню.

— Маша! — сказал начальник охраны, стуча себе в грудь. — Маша, голубчик... Я герой труда... Меня обнимают, ордена мне вешают... Я, Маша, гордость России. На меня вся Европа смотрит.

Не дождавшись от жены ответа, начальник пожарной охраны нетвердо пошел опять в комнату.

— Сеня, — сказал он, — Сеня, голубчик... Чувствуй, лахудра... Я герой труда. А ты тля, пигалица.

— Позвольте, — обидчиво сказал брандмейстер, печально жуя огурец. — Позвольте, Иван Федорыч... Вы точно — начальник охраны, пущай, не спорю. А что касается благодарностей, то, извиняюсь, — моя команда. Я брандмейстер Перовской команды. Мне лавры... не позволю.

— Сеня, — сказал начальник охраны, — ну ладно, я не спорю. Пущай так. Твоя команда... Сеня, а ведь положа руку на сердце, — дрянь у тебя команда. С такой командой пропасть можно.

Сеня положил голову на стол и тихонько заплакал.

— Команда? — сказал он, вытирая слезы. — Команда, Иван Федорыч, точно что дрянь. Неважная команда. Ну, случится пожар — сам сгоришь с такой командой.

Начальник охраны с сожалением посмотрел на брандмейстера.

— Ну вот, Сеня, а ты хвалишься. Лавры себе приписываешь... Ты, Сеня, слабый человек, ты команду распустил. Ну да ты не плачь. Ты, Сеня, главное, каску начисти, чтоб сияла она. А команда пущай с линейки нипочем не сходит, а то срамота, неловко, ежели сойдет, — виду нет никакого — идут, что по грибы...

Начальник охраны встал и пошел за каской.

— Вот, — сказал он, вынося свою каску, — смотри, Сеня, как сияет. Ага, это чья, скажут, каска сияет так? Ага, это начальника пожарной охраны, ну так он...

Начальник не договорил — раздался тревожный звонок.

— Полундра! — закричал брандмейстер, пытаясь встать на ноги.

Начальник охраны бросился во двор.

Через сорок минут команда выехала к месту тревоги. Вид у команды был ошалелый. Расположились кое-как. Сзади линейки бежал топорник, застегивая на ходу штаны. Брандмейстер сидел в линейке и тихо плакал. Начальник охраны сидел рядом и говорил:

— Не плачь, Сеня. Главное, чтоб каска сияла. Ага, скажут, это чьи там каски сияют так? А это, скажут, начальника охраны и брандмейстера. Ну так, скажут, и брандмейстер пущай уж будет герой труда. Не плачь, Сеня.

Когда команда приехала к месту тревоги, в толпе рабочих поднялся смех.

Пожарные выходили из линейки, как бабы на сносях. Начальники вышли обнявшись.

— Батюшки! — сказал кто-то. — Да они пьяны.

К начальнику охраны подошел агент.

— Пожалуйста, — сказал начальник охраны, подставляя грудь для ордена.

Но ордена не повесили.

— Распишитесь, — сказал агент, подавая бумагу.

На бумаге было написано: «Пьян в доску».

Начальник охраны подписал фамилию и, подумав, прибавил: герой труда и кавалер ордена.

Брандмейстер пытался тоже подписать фамилию, но ему почему-то не дали. Прислонившись к линейке, он тихонько плакал.

МАТРЕНИЩА

Которая беднота, может, и получила дворцы, а Иван Савичу дворца не досталось. Рылом не вышел. И жил Иван Савич в прежних своих апартаментах на Большой Разночинной улице.

А уж и апартаменты! Одно заглавье, что апартаменты, — в

каждом углу фигура. Бабка Анисья — раз, бабка Фекла — два, Пашка Огурчик — три... Черт ногу сломит — не протолкаться.

В этакой квартире, да по такой профессии, как у Ивана Савича, — маляр и живописец, — нипочем невозможно существовать. Давеча ведь какой глупый случай был: бабка Анисья юбищей своей все контуры на вывеске смахнула... Нипочем невозможно. Оттого-то, может, Иван Савич и из бедности никогда не вылезал.

А была у Ивана Савича жена. Драгоценная супруга Матрена Николаевна. Вот протобестия бабища. То есть такой бабищи во всей советской России не найдешь. А ежели и найдешь, так безо всякой амнистии давить таких нужно.

Мотей ее Иван Савич величал. Пустяки — Мотя! Матрена, Матренища... Ведь она что с Иван Савичем произвела? Она Иван Савичу помереть не дала. Ей-богу, правда.

То есть, позвольте, дорогие товарищи, я с досады не так и начал. По порядку нужно. Фу, дайте отдышаться!

Да, так ужасно вредная бабища. Там, где ссора какая, там, где по роже друг друга лупят, — там и Матренища. Как рыба в воде ныряет, как кабан в грязи крутится. Кого подначивает, кого и сама бьет.

А как она Пашку Огурчика помоями окатила. Эх, лахудра! Злобная баба. Только что не кусалась. Да и кусалась. Эх, дай бог память, кого это она укусила? Да, Аниську укусила. В щеку Аниську укусила за то, что та селедку ей в долг не дала. Вот протобестия бабища!

А вот подите ж: прожила она с Иван Савичем почти что пятнадцать лет душа в душу. Правда, дрались — слов нет, до крови иной раз бились, но так, чтобы слишком крупных ссор, — не было. Все-таки понимала Матренища, что Иван Савич иного порядка человек. И верно: талантище был у него огромнейший. Иной раз такое на вывеске изобразит — словами невозможно выразить. Ужасно специальный живописец. И старательный. Кидался прямо-таки на заказчиков, рвал заказы. Ну, да не везло. Бедно жил человек, по-нищенски.

А тут заболел еще. А перед тем, как заболеть, ослаб вдруг до невозможности. И не то, чтобы он ногой не мог двинуть, ногой он мог двинуть, а ослаб, как бы сказать, душевно. Затосковал, что ли, по другой жизни.

Стали ему разные кораблики сниться, цветочки, дворцы какие-то. И сам стал тихий, пугливый, мечтательный даже. Все обижался, что неспокойно у них в квартире. Зачем, дескать, бабка Анисья у плиты, ровно слон, прется. И зачем Пашка Огурчик на балалайке стрекочет.

Все тишины хотел. Прямо-таки собрался человек помереть. На рыбное его даже потянуло. Все солененького стал просить, селедки...

Так вот, во вторник он заболел, а в среду Матренища на него насела.

— Зачем, говорит, ты лег? Может, ты нарочно привередничаешь. Может, ты работу не хочешь исполнять.

Она пилит, а он молчит.

«Пущай, думает, языком треплет. Мне теперь все равно. Чувствую, что помру скоро».

А сам горит весь, ночью по постелям мечется, брендит. А днем лежит ослабший и ноги врозь. И все мечтает.

— Мне бы, говорит, перед смертью на лоно природы поехать...

И вот, осталось, может, ему мечтать два дня, как произошло такое обстоятельство. Подошла к нему Матрена Николаевна и говорит:

— Чего, помираешь?

— Помираю, Мотя... Ноги уж у меня легкие стали...

— А я, — говорит ему Мотя, — я не верю тебе, привередничаешь. Я, говорит, сейчас медика позову. Пущай медик определит.

И вот позвала она медика из коммунальной лечебницы. Медик тот Иван Савича осмотрел и говорит после Моте:

— Да, говорит, плох. Чересчур даже плох. Не давайте, говорит, ему на левый бок ложиться — помрет.

Ушел медик. А как ушел медик, Мотя к Иван Савичу:

— Так, говорит, взаправду помираешь, значит? А я, говорит, собачье рыло, не дам тебе помереть. Ты, говорит, собачье рыло, лег и думаешь — тебе все возможно. Врешь. Не дам я тебе помереть!

— Помираю я, Мотя, — сказал Иван Савич. — Ноги у меня легкие стали — отымаются будто...

— Не дам помереть, — сказала Мотя. — Где у тебя капитал, чтоб помереть? Нынче обмыть покойника и то денег стоит...

— Я обмою, — сказала бабка Анисья. — Я, Иван Савич, тебя обмою. Ты не сомневайся. И денег не возьму. Это божецкое дело — обмыть покойника.

Закричала Матренища:

— Ага, обмоешь! А гроб? А, например, тележка? А поп?.. Тьфу на всех! Не дам помирать... Заработай капитал прежде... Заработай на гроб и помирай хушь два раза в месяц.

Побелел даже Иван Савич.

— Как же это, Мотя? Не от меня это зависит... Без денег я помру, Мотя...

— А так, говорит, не дам и не дам. Вечером чтоб были деньги. Иди, рви землю, а достань. Баста. Мое слово крепко.

— Как же так, Мотя? — испугался Иван Савич. — Ну, ладно, Мотя, я пойду уж. Попрошу...

До вечера Иван Савич лежал словно померший, дыхание у него даже прерывалось, а вечером стал одеваться. Поднялся с койки,

покряхтел и вышел на улицу. И вышел страшный: нос тончайший, руки дугой и ноги еле земли касаются.

Вышел он во двор. Дворника Игната встретил.

— Иван Савичу! — сказал Игнат. — С поправлением здоровья.

— Игнат, а Игнат... — ответил Иван Савич. — Дай денег... Помираю я...

— Как это денег? — сказал Игнат.

— Дай денег, Игнат... По-человечески прошу... Завтра помру... Не отдам я, это верно... Мотя требует... Обмыть покойника, Игнат, чего стоит...

— Уходи ты, — сказал Игнат тихо. — Мне на тебя, милый, смотреть страшно... Уйди...

И Иван Савич ушел. Он вышел на улицу, добрел до проспекта. На тумбу сел. Хотел громко крикнуть, а вышло тихонечко:

— Помираю я, граждане...

Кто-то положил ему на колени деньги. Потом еще и еще...

К ночи Иван Савич вернулся домой. Пришел он распаренный, в снегу. Пришел и лег на койку. В руках у него были деньги.

Мотя хотела подсчитать — не дал.

— Мало, говорит, еще... Не тронь погаными руками.

А на другой день Иван Савич опять встал. Опять покряхтел, оделся и, распялив руки, вышел на улицу.

Вернулся опять с деньгами.

На третий день — тоже. А там и пошло и пошло — встал человек на ноги...

Так и не помер. Не дала ему Матренища помереть.

Вот что сделала Матрена с Иван Савичем.

Конечно, какой-нибудь лейб-медик, прочитав этот рассказ, усмехнется. Скажет, что науке неизвестны такие факты и что Матрена ни при чем тут. Но, может, науке и точно неизвестны такие факты, однако Иван Савич и посейчас жив. Даже на днях он закончил великолепную, художественную вывеску для мясной лавки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ НАЧАЛЬНИКОВ

Я не из таких людей, которые любят над начальством поиздеваться. Напротив, я совершенно уважаю начальников. Я даже этакий, что ли, трепет ощущаю перед ними.

Бывало вот проходишь через полотно — стрелочник стоит. И если у стрелочника этого фуражка с кантом — баста, — идешь перед ним наипочтительно, стараясь не нарушить общий пейзаж перед глазами начальника.

Но, конечно, такое отношение проистекает отнюдь не из подобострастия или желания выслужиться, нет, начальников я уважаю за превосходные душевные данные, за культурное просвещение и за высокую образованность.

Начать с того, что все они грамотны, и есть даже среди них с высшим образованием. Я знал одного, который даже окончил четырехклассное мужское училище с правами прогимназии. Он знал насквозь всю французскую азбуку. Физику знал. Астрономию. Все наивысшие науки... И не особенно этим гордился. Доступный был человек.

Но, конечно, такие люди встречаются не часто и о них особый разговор. А я вот говорю о среднем начальнике. Их я уважаю не меньше. А что собираюсь о них писать, то не иначе, как в защиту, да и не в защиту, а просто по одному незначительному поводу — так, об одной комиссии, которая прибыла на одну станцию.

Но тут я должен сказать еще несколько слов о начальниках. Дело в том, что если на одном деле начальников чересчур много и некоторые из них томятся в безделии, то от этого выходят совершенные пустяки и нелепица. Потомится такой начальник месяц, два — и пойдет мудрить. И то ему не так и это не совсем так... Ну, назначат такого человека на ответственное дело, в комиссию, например, — пропало все. Как, знаете ли, образовалась недавно комиссия... Шут ее знает, какая это комиссия... И решила она, как пишет нам корреспондент, *«проверить стойкость, бдительность и расторопность вооруженных сторожей».*

Дело, конечно, хорошее. Отчего не проверить? Проверить можно, если время есть. Даже нужно проверить. Может быть, сторож спит без задних ног, а рядом кража. Может быть, он в картишки в соседней будке играет...

Так вот, приехала комиссия на станцию и, *«глубокомысленно насупившись, чуть дыша, пробралась комиссия к вагонам... И как крысы, один за другим, шасть под вагон...»*

Сидят под вагонами и ждут.

Вдруг сторож идет.

— Ишь ты, — сказал один из комиссии, — не спит ведь, подлец!

— Нет, — сказал другой, — не спит. И винтовка, братцы, сзади полощется... Жалко. Зря приехали...

— Братцы, — зашептал третий, — а ежели бы нам на деле проверить стойкость и бдительность сего сторожа?

И едва сторож дошел до вагона, как комиссия «с *гиканьем, визгом и криком „руки вверх" накинулась на оторопевшего сторожа».*

Стойко защищался сторож, бил направо и налево, но разве справишься с комиссией?

Одолела комиссия сторожа, скрутила ему руки и довольна. Как говорится — хоть и рыло в крови, а наша взяла.

Вот какое тонкое дельце было!

А ведь могло, братцы, и хуже быть. Сторож мог бы и выстрелить, мог бы прикладом испортить комиссию... Как, я помню, у нас в полку было. Это еще в германскую кампанию... Баталь-

онный был. Делать ему нечего, вот он и начал ежедневно секреты проверять. Да как! Заберется в секрет, сопрет ружье, а после солдата под суд.

Так вот, забрался он однажды в секрет, а там татарин был. Маханов фамилия. Батальонный только руку за винтовкой протянул, а татарин цоп его по уху. Батальонный упал, а татарин цоп по другому, цоп по третьему. Да и избил батальонного, как маленького. Руки ему связал, рот портянкой заткнул, дождался смены — и к ротному.

— Ваше, говорит, благородие, неприятеля привел...

А батальонный весь в крови и «мама» сказать не может.

Вынули ему тряпку изо рта — а это батальонный.

А больше он по секретам не ходил.

Да, так вот какие дела случаются с начальниками. Но только случаются эти дела не оттого, что начальник паршивый или, скажем, деспот, нет, происходит это от томящего безделья и желания так или иначе поработать на пользу дорогого отечества.

И таких начальников тоже уважать нужно.

А кто уважать не может, тот пущай жалеет.

Я, например, *жалею.*

ХОЛОСТЫЕ ПОЖАРНЫЕ ТАНЦУЮТ

На станции «Лодейное поле» существует пожарная команда. Штатных служащих там 22 человека, из которых бóльшая часть холостых.

«Ввиду этого холостые служащие написали заявление брандмейстеру, чтобы он разрешил им танцевальные вечера...»

Ввиду этого брандмейстер Артур Куск разрешил, но разрешил под условием:

«Кто будет танцевать, тот должен напилить и наколоть дров один воз».

Хорошенькое веселье! Воз дров... После этого холостым пожарным и танцевать не захочется.

Очень «Дрезина» сочувствует холостым пожарным со станции «Лодейное поле».

ДЕЛИКАТНЫЕ МАШИНИСТЫ

У машинистов М.-О. ж. д. есть деликатная просьбишка. Они просят... Ах, дорогие товарищи, вы думаете, что машинисты просят спецодежду или просят поторопиться с жалованьем... Нет. У них все есть. И спецодежда, и жалованье им вовремя платят... Они, дорогие товарищи, просят заменить конторщицу на XI участке — мужчиной. В письме так и говорится: нужно *«поставить мужчину, а барышня не у места».*

А не у места барышня по причинам понятным.

«Разнервнеченные машинисты от всевозможных неудачей во время службы выражаются всевозможными неприличными словами...»

Что при девице не так-то уж и ловко.

И вот на такую-то деликатную просьбу коварная администрация XI участка никак не отзывается. Она *«не обращает внимания...»*

Экая скверная администрация. Глядите в оба. Как бы она вторую барышню не поставила для ликвидации ругани. Погибель тогда будет.

Но как хорошо, что существует газета «Гудок», куда можно послать свою просьбишку, если администрация не обращает внимания.

Эта просьбишка туда и послана. Но не захотела газета печатать этого многоуважаемого послания. Газета прислала его в «Дрезину».

Как хорошо, что существует «Дрезина», где можно напечатать свою просьбишку, если администрация и газета не обращают внимания.

А «Дрезина» обратила внимание. «Дрезина» с профессиональным восторгом почтительно печатает письмо полностью.

Дорогие товарищи, вот это письмо!

Оно называется: [далее следует факсимильное воспроизведение письма, озаглавленного «Не у места»].

ЕЩЕ НЕ ТАК СТРАШНО!

На станции «Мурманск» развелось множество диких собак. Собаки эти стаями бродят по городу и пожирают *«при этом массу домашней птицы и мелкого скота как у железнодорожников, так и у городских жителей...»*

Корреспондент, написавший это, сильно побаивается, как бы дикие собаки *«не слопали бы мурманскую городскую администрацию»,* которая не принимает мер к уничтожению собак.

Обеспокоенная возможной гибелью мурманской администрации, «Дрезина» тотчас выслала своего сотрудника в Мурманск. Оказывается — слухи явно преувеличены. Спрошенные нашим сотрудником дикие собаки в один голос заявили, что в ближайшее время они не предполагают лопать администрацию, так как съестных продуктов пока что достаточно. Может быть, к осени слопают одного администратора.

И то не наверно. Но какого слопают — персонально, — нашему сотруднику не удалось выяснить.

НЕ ВСЁ СРАЗУ

Это про шапку будет история. На станции «Лихая Донецкая», видите ли, одна красная шапка на трех ДСП.

«Заступая на дежурство, ДСП снимает шапку со своего предшественника...»

А ничего, товарищи, бывает хуже. Эка невидаль шапка! Это если сапоги или, скажем, штаны — одна пара на троих, то плохо. Неудобно, и публика, которая почище, может обидеться. А шапка — хоть бы что. Даже еще и лучше: подежурил, снял шапку, а тебя этаким легоньким ветерком, этаким зефирцем обдует — и катись домой с прохладцей. Хочешь — катись на огород, хочешь — на любовное свидание. Нам безразлично. Только шапку не позабудь отдать.

Так ничего, дорогие товарищи, что одна шапка. Хозяйством нужно постепенно обзаводиться. Сначала предметами первой необходимости: хлебом там, крупой, сахаром... Потом предметами роскоши: галстучками, шапками, музыкальными инструментами, стульями... Хе-хе, вы думаете, мы ошиблись, что про стулья намекнули? Нет-с, именно стульями. Стулья — это предметы роскоши. По крайней мере, на станции «Агрыз». Там раньше *«за нехваткой стульев половина телеграфистов работала стоя...»*

Это, должно быть, весьма забавно стоя работать. Это вроде как за роялем стоя па-де-катр наигрывать. Впрочем, агрызцы сейчас приспособились. Долго ли умеючи?

«Стул, на котором сидел ШТ, придвинут ближе к аппаратному столу... И сидят на одном стуле ШТ и телеграфист... Так же сделал и ШЗ».

Мы рады за них. А они, товарищи, тоже рады. Они говорят, что сидят они в куче и уже *«не бегают с одного конца телеграфа на другой за ручкой, которых одна на четырех человек...»*

Ну что ж, значит, все в порядке. И стульев пока что хватило, и ручки по-братски разделены.

Бедность, конечно, ну да ничего. Пройдет не больше года — и у каждого честного телеграфиста будет свой стул, своя ручка, и по праздникам — в супе курица.

Подождать только надобно.

Не всё сразу.

СПЕЦОДЕЖДА, ИЛИ БЕРИ, БОЖЕ, ЧТО НАМ НЕ ГОЖЕ

У нас в «Дрезине» о спецодежде было неясное представление. Мы, дорогие товарищи, оказывается, не знали, что такое спецодежда.

По наивности своей мы полагали, что спецодежда — это ка-

кие-нибудь штаны из грубой, знаете ли, материи, блуза какая-нибудь этакая особенная. Но, оказывается, ничего подобного.

На Северо-Западной железной дороге лучше знают. Там в отчете дорпрофсожа сказано:

«Спецодежда высылалась натурой... Сюда входили дамские горжетки, боа, палантины и т. п.»

А что такое — т. п.? Позвольте, это свинство — замалчивать. Какие это вещи входят в т. п.? Может быть, цилиндры входят? Нам как раз цилиндры требуются. Секретарям.

Нам и еще кой-какие вещи требуются из спецодежды. Мы вот тут списочек припишем. Вы, милая Северо-Западная дорога, ответьте нам, входят ли в комплекты спецодежды нижеследующие нужные нам вещи:

1 список

Пур для дам

1. Кофты-ажур маркизетовые; 2. Панталоны фру-фру; 3. Подвязки шелковые; 4. Сорочки с вышивкой; 5. Стельки войлочные.

2 список

Пур для мужчин

1. Цилиндры; 2. Манжеты; 3. Крахмальные воротнички № 48; 4. Тросточки; 5. Шляпки-панамы.

Ежели входят, то не откажите в любезности прислать нам парочку комплектов для нужд семейных сотрудников «Дрезины».

А хорошая штука эта спецодежда, европейская штука. Мы очень даже довольны спецодеждой.

Кто еще из дорогих читателей довольны спецодеждой? Вот, например, слесаря и стрелочники станции «Чишмы» ужасно довольны. Они с восторгом нам пишут:

«Наконец-то и мы дождались красных дней... Получаем обмундирование».

Это про спецодежду они говорят. А, может, и не про спецодежду. Мы, извините нас, дорогие товарищи, окончательно сбились с панталыку, — что есть за штука — спецодежда. Ну, да это неважно, главное, что народ доволен. Особенно сапогами.

«Щиблеты очень хороши... У одного щиблета подошва лосевая, а у другого — петроградская».

Пожалуй, что спецодежда? Все-таки не зря поставлена лосевая подметка. А? Ну, конечно:

«Варешки 12 пар с одним пальцем и все на одну руку и детские шаровары...»

Вот только странно, почему — детские шаровары? Товарищи слесаря, может, вы спутали? Может, это не детские шаровары, а набрюшники? Набрюшники-то как раз входят в комплекты спецодежды на Северо-Западной дороге. Вы разглядите хорошенько. Или, может быть, это кофты-ажур маркизетовые пур для дам?

Ну да главное, что вы довольны.
«Дрезина» тоже довольна.

СДВИГ

Владелец портерной на улице Марата Иван Егорыч Нибельмесов поставил перед посетителем бутылку пива и снова принялся за прерванное чтение газеты.

— Чего? — спросил, усмехаясь, посетитель. — Жмут вашего брата?

Нибельмесов отложил в сторону газету и подмигнул посетителю.

— Ничего-с... Маненечко будто потише...

— Да ну? — удивился посетитель.

— Ей-богу-с, правда... Маненечко будто потише. Не иначе это как, без сомнения, после ноты. После, то есть, английской ноты чересчур иная политика пошла.

— Будто?

— Ей-богу-с... Иная политика. Полный сдвиг намечается. Под давлением, скажем, Англии.

— Гм, — сказал посетитель, — в чем же сдвиг, например?

— Сдвиг, — сказал Нибельмесов. — Во всем сдвиг. То есть, куда ни посмотришь — сдвиг. Скажем энто — метрическая система. У нас фунты и у них фунты... Им и обидно. Распорядились, чтоб не было. Дескать, путаница.

— Ну, это пустяки вы говорите! — усмехнулся посетитель.

— Не пустяки, — сказал Нибельмесов. — Нам пустяков нельзя говорить. Мы обдумываем. А ежели, к примеру, энто пустяки... Взять леригию. Опять сдвиг. Даже чересчур большой сдвиг в сторону верующих. Насупротив Казанского собора чего там делается, а?

— Насупротив?

— Да-с, насупротив... Насупротив, гражданин, вся территория цветами обсажена... Клумбы-с... Уважение к верующим и к леригии. И, так сказать, внимание к православному храму. Мы энто узнавали, кем, дескать, обсаживаются клумбы, каким, то есть, органом. Говорят — от города. Казна, то есть, государство, обсаживает.

Посетитель засмеялся.

— Ну, это тоже пустяки, — сказал посетитель. — Какой же это сдвиг? Пустяки...

— Хм, — обидчиво усмехнулся Нибельмесов, — и это, по-вашему, пустяки! Уважение к православным храмам и к территории — пустяки... Хм. Ну, пущай. Ежели энто не сдвиг, то и пес с вами... Пейте втихомолку. Не беспокойте людей расспросами...

— Да вы не сердитесь, — сказал посетитель. — Я не хочу вас обидеть...

— Мы не обижаемся. — сказал Нибельмесов. — Чего нам обижаться. У нас заведение... А уж ежели говорим сдвиг, то сдвиг... Мы обдумываем... К примеру сказать, заведение у нас... Раньше чересчур множество людей ходило — осматривать. Комиссии там, инспекции. Какие, дескать, у вас выходы — антипожарные или как. Почему, дескать, плевки наплеваны на полу или, скажем, в смысле эксплуатации подростков. А теперь — чисто... Не шнырят больше. Энто тоже не сдвиг будет? Хм... Вот у меня, скажем, Лешка в мальчиках служит. Он хоша мне и сродственник и личность у него, имейте в виду, взрослая, а он, сукин сын, подросток. Ему пятнадцать лет... Эй, Лешка, подойди к гражданину.

К прилавку подошел парнишка в переднике.

— Чего надоть? — сказал Лешка.

— Вот, — сказал Нибельмесов, — взгляните на личность. А? Взрослая личность? А он, стерва, подросток. Хоша у него голос — бас. Скажи, Лешка, — «а»...

Лешка высморкался в передник и сказал — «а».

— Видали! — сказал Нибельмесов. — А он подросток... В иное время комиссия бы мне за него пузо вспорола и кишки бы по ветру выпустила, а нынче — тишина. Потому — сдвиг. Английское давление намечается... Пойди, Лешка, принеси гражданину холодненького.

Посетитель допил стакан и раскрыл портфель.

— Хватит, — сказал посетитель. — Теперь, почтеннейший, поговорим о делах... Я — инспектор района... Мне поступили сведения о том, что вы эксплуатируете подростка.

Иван Егорыч Нибельмесов тихонько охнул и раскрыл рот.

МОЛИТВА

Прошлое лето, ночуя в одной деревне у знакомого мужика, я слышал, как молилась баба.

Когда в избе все стихло, баба эта босиком подошла к образу, встала на колени и, часто крестясь, зашептала:

— Спаси и помилуй меня, мати пресвятая богородица, я живу в крайней избе на селе.

Бабка долго крестилась и кланялась, просила себе всяких милостей и всякий раз указывала свое местожительство: крайняя изба на селе.

— Бабка, — сказал я, когда та кончила молиться, — а бабка! Изба-то ваша разве крайняя? Крайняя изба рядом.

— Нету, — сказала бабка. — То не изба вовсе, то — банька. Бог-то знает.

— Все-таки, — сказал я, — может, бабка, путаница произойти... Если неправильный адрес.

— Ну? — спросила бабка.

Она подошла к образу, снова встала на колени и сказала:

— Спаси и помилуй меня, мати пресвятая богородица, я живу в крайней избе на селе, а рядом банька.

Бабка стукнула головой об пол и пошла за занавеску спать.

РЕЧЬ О ВЗЯТКЕ

Начальник Заплетюхинской дороги инженер Мордоплюев встал из-за стола и, подняв стакан, сказал слегка заплетающимся языком:

— Итак, дорогие товарищи, позвольте мне выпить за полное искоренение взятки на нашей дорогой Заплетюхинской дороге...

— Ура! — крикнул инженер Слива.

— Ура! — подхватили железнодорожники.

Начальник дороги сделал знак рукой, и все смолкло.

— Ваши единодушные крики, — сказал начальник, — радуют меня... Позвольте теперь, в свою очередь, обрадовать вас. Дорогие друзья, на нашей дороге взятка уменьшилась на пятьдесят процентов...

— Ура! — закричал инженер Слива.

— Виноват, — сказал начальник дороги, — не перебивайте... Да... На пятьдесят процентов уменьшилось это зло, зло, которое в ближайшее же время нужно совершенно искоренить. Но я буду строг и неумолим... Взятка... Одно это слово приводит меня в бешеное негодование... Дорогие друзья, вот сейчас, когда мы собрались здесь тесным товарищеским кружком, позвольте мне, старому вашему начальнику, убеленному сединами, сказать несколько слов о взятке...

— Просим! Просим! — закричали железнодорожники.

— Дорогие друзья, — сказал начальник, слегка покачиваясь, — нет ничего хуже этого преступления. Убийство, превышение власти — ничто в сравнении с этим злом. И будь в моей власти — я бы ввел самые ужасные казни. Колесовать, сжигать на кострах, четвертовать — вот, по-моему, достойная кара за преступления... Но тут я должен оговориться. Окидывая взглядом современность, мы видим, что взятка бывает двух видов — денежная и натуральная. Денежная, конечно, приятней... То есть, позвольте, что же это я такое говорю?.. Да, так денежная взятка, я говорю, удобней. Если хотите, портативней... С точки зрения преступника... Этакий, представьте себе, нэпман к вам является... А вы руками — не могу, дескать, и не просите, уважаемый товарищ...

А он, подлец, в боковой карман... Бумажнище этакий вытаскивает кабаньей кожи... А вы в рожу, в рожу в его канальскую глазами впиваетесь, угадываете, сколько он вынет, собачий нос...

То есть, позвольте, что же это я такое говорю? Да, так вы того... возмущаетесь ужасно.

— Позвольте, говорите, что же это, взятка, оскорбление, дорогой товарищ?

А у него, у подлеца, банкноты шуршат уж этак сладостно между пальцами... этакий незабываемый, знаете ли, прелестный шелест... Вы глазами того, пересчитываете — два, три, пять — только давай, давай. Засим в жилетный карман... То есть, позвольте, о чем же это я говорю?

Да, так вы того, кричите:

— Под суд, кричите, четвертовать вас нужно, уважаемый товарищ.

А сами-то в жилетном кармане этакое биение ощущаете, трепет, пульсацию этакую ощущаете... Гм, гм... Про что же это я, дай бог память?

— Про взятку, — сказал инженер Слива.

— Да, — сказал начальник, — про взятку. Гм, пульсация... Гм, гм... Ну, а натуральная взятка — это уж хуже... Это уж, знаете ли, нечто громоздкое, да и обман может произойти. Как помните, товарищ Слива, рыбину мне прислали, а она, дура, воняет...

— Ура! — закричал инженер Слива.

— Ура! — подхватили железнодорожники.

Начальник дороги покачнулся, сел и залпом выпил стакан вина, любовно поглядывая на подчиненных.

НЕ ПО ТОМУ АДРЕСУ

Германское правительство решило прийти на помощь России. «Красная газета» сообщает, что

«германское правительство предложило организовать стирку денег. Директор опытного химического завода института прикладной химии инженер Климов заявил, что стирка бумажных денег возможна...»

Возможно-то возможно, да только, братцы, какие же деньги будет стирать Германия? Банкноты у нас чистенькие, а «лимоны»?.. Неужели будут наши многоуважаемые «лимоны» стирать? И стоит ли беспокоиться? Чем наши деньги стирать, не лучше ли свои подштопать.

РУГАТЕЛИ

Сейчас во всех углах России идет самосильная борьба с руганью. Способы борьбы существуют разные: ругателей и штрафуют, и наказывают, и бьют по носу (щелчком что ли?). Результаты борьбы тоже разные. Вот, например, результат борьбы на станции «Кущевка»:

«Задумали у нас, — пишет рабкор, — благое начинание — не ру-

гаться, а выругавшихся штрафовать рублем. Завели специальную квитанционную книжку...»

Рабкор сам принимал в этом живейшее участие. Он даже побежал в местком за этой книжкой.

— Прибежал, говорит, я в местком, открываю дверь и — о ужас!.. Сам предместкома крепкими словечками так и переливается. И мне, имеющему большую практику в этом д е л е, — аж уши вянут. Растопырил я глаза, посмотрел, плюнул и пошел откудова пришел.

Растопырил это он глаза, плюнул и бросил, наверное, квитанционную книжку к чертовой бабушке.

И действительно: на что теперь квитанционная книжка? В книжке-то всего сто л и с т и к о в, — одному предместкому едва-едва на день хватит. А разве один предместкома? На всех же и книг не напасешься.

С ПЕРЕПУГУ

Чего только люди не делают с испугу! Вот, например, ПЧ-13 Р.-У. ж. д. услышал, что едет комиссия, испугался, заторопился и сломал поскорее

«плохую уборную около казармы красноармейцев. Но не засыпал ее и не закрыл, куда и свалились

1 ребенок 7 л.	*служ.*	*Иванова*
1 теленок	»	»
2 поросенка	»	»
1 жеребенок	»	»

Бедняга этот Иванов — как еще он сам не ввалился? Ну да, впрочем, он и не мог ввалиться. Он в это время побежал разыскивать ПЧ-13, который забился под кровать и долго не хотел оттуда выходить, боясь встретиться с комиссией.

А чудак! Чего он боялся? На наш взгляд, во всем виновата комиссия — ну можно ли так пугать человека?

КОМАР НОСА НЕ ПОДТОЧИТ

У начальника станции «Бежецк» помер делопроизводитель отдела. Испугался начальник станции.

«Вот, думает, клюква. Чего я теперь с помершим человеком делать буду? А ну — придет охрана труда... „Ага, скажет, мертвые души у вас имеются! Померших тружеников эксплоатируете?.."»

Растерялся совсем начальник станции. Думал, думал — и написал такую бумажку:

«В отдел труда. Согласно отношения нач. 5-го отдела за № 7864, вследствие смерти делопроизводителя вверенного мне отдела, Шариков Ефим уволен с 21. 1 с. г.»

Подписал начальник эту бумажку и весело потер руки.

«Ладно, думает, сделано согласно кодексу. Теперь никакая охрана труда носа не подточит».

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В газете «Коммунист» наш изюмский корреспондент сообщает о том, что

«на объединенном собрании савинской сельской ячейки отмечены случаи, что коммунисты зачастую женятся на буржуазных и поповских дочерях... Собрание постановило, что члены партии должны жениться только на дочерях трудящихся и сочувствующих соввласти».

Савинские женихи в панике.

— И как ее, бабу, узнаешь? — плачутся женихи. — На вид она и трудящаяся, и волосы у ней срезаны, и табак легкий курит... А женишься на ней — и пропадешь: в церковь потащит, ребят начнет крестить... Эх, плохо наше жениховское дело!

ХОТЯ И БРЕХНЯ, НО ЗАТО ЗДОРОВО

Парижская газета «Морнинг пост» (как сообщает нам «Кр. вечерняя», № 187) пишет о таком чуде:

«Новый вундеркинд. В Париже найдено новое музыкальное чудо в лице мальчика пяти с половиной лет, который привлек к себе внимание музыкальных кругов... Будучи двухлетним ребенком, он безошибочно исполнял итальянские оперные арии (?!)... Мальчику уже предлагают дать концерты в Лондоне и в Америке».

Здорово! Способный парнишка. Говорят, что, когда ему было полтора года, он соской дирижировал симфоническим оркестром. А за год до своего рождения безошибочно играл «Чижика» одним пальцем.

Способный народ эти французы.

«ЦЕНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОНИЖЕНЫ»

Как ни плохи дела в «царствах земных», но в небесном, видимо, еще плоше. Прогорает лавочка!

Череповецкий «Коммунист» сообщает:

«Поп Шарманской церкви Флоридов открыл запись верующих со сбором по два рубля с души и объявил, что кто не попадет в эту запись, тот навсегда должен потерять надежду попасть в царство небесное».

А поп Белокрестской волости Устюженского уезда

«требовал с граждан по 3 яйца за каждое поминание, а у кого не было положено яиц — поминание брал обратно».

Три яйца за вход в царствие небесное, — как хотите, — дешевка!
А вот, подите же, у входа никакой давки!

«ИЗ МИРА НАУКИ»

Прекрасный журнал «Огонек».

Там все можно найти: и модный беллетристический рассказ, и последний снимок с Керзона, и даже кое-что из «научного». Так, например, некий корреспондент «Огонька», побывав в зоологическом саду, описывает в № 18 свои научные наблюдения красивым, слегка грустным слогом:

«Миновав орла, сидящего на жерди... мы входим в маленькую комнату... В углу живут семействами голуби. В воздухе — бесконечный стон. Если стон прерывистый и задыхающийся — это значит, что голубь-любовник счастлив. Длинный, непрерывный и тихий стон — голубь-муж ревнует».

Короткий и хриплый стон...

Впрочем, корреспондент об этом стоне ничего не сообщает. Он не знает.

А короткий и хриплый стон — это значит, что голубь сердится на корреспондента, зачем он пишет такие пустяки.

«Огонек», — не чади!

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Частный предприниматель Матвей Иванович Перетыкин вошел в купе мягкого вагона. Место у окна было занято. Какой-то бритый гражданин в кожаной фуражке сидел, облокотившись на подушку.

«Жаль, — подумал Перетыкин. — Придется ехать с этой личностью. Интересно знать — кто такой... Партийный, наверное... Фуражка кожаная, бритый... Ишь, развалился».

Перетыкин сел на диван. Гражданин в кожаной фуражке читал газету.

«Гм, — подумал Перетыкин, осматривая соседа, — комиссарствует... В мягких вагонах катается... Чулочки-то какие — лиловые... Какая-нибудь важная шишка».

— Виноват, — пробормотал бритый, протягивая ноги.

— Ничего-с, — сказал Матвей Иваныч. — Вы, товарищ, протяните удобней ноги... Мне ничего это, не мешает...

Бритый снова углубился в газету. Полчаса ехали молча.

— Извиняюсь, товарищ, — сказал вдруг Перетыкин, — вы изволите в Москву?

— В Москву...

— Так-с... Разрешите, уважаемый товарищ, полюбопытствовать, чего хорошего в газетах пишут? Я, знаете ли, последнее время воздухоплаванием интересуюсь...

— Что?

— Я, говорю, интересуюсь вопросами авиации... Неправда ли, уважаемый товарищ, это важнейший вопрос современной политики? И какое мощное явление, какой народный подъем: все фабрики, все учреждения, каждый гражданин — жертвует на воздушный флот... Годика через два мы будем обладать десятками тысяч аэропланов...

— М-м, — сказал незнакомец.

Перетыкин приятно улыбнулся.

— С таким мощным флотом мы черт его знает что можем сделать. Мы можем любые условия продиктовать державам. Англию можем в кулак сжать. Ага, дескать, не нравятся вам звуки «Интернационала»? Ноты посылать? А не хотите ли сто аэропланов с бомбами на вас пошлем?.. Хе-хе.

— Да, это верно...

— Еще бы не верно! — воскликнул Перетыкин. — Правительство гениально поступает... Обладая столь обширным флотом, мы...

Человек в кожаной фуражке беспокойно посмотрел на Перетыкина.

— Я извиняюсь, — сказал он, — вы давно изволите состоять в партии?..

— Я? — засмеялся Перетыкин. — Я, уважаемый товарищ, не состою в партии. Но я, уважаемый товарищ, так сказать, вполне на платформе... Я вот как увижу, например, кожаную фуражку — так совершенно дрожу от восхищения... Здоровый, крепкий народ...

— Да, да, — забормотал незнакомец, — совершенно верно...

— Да-с, — сказал Перетыкин восхищенно, — я, знаете ли, дорогой товарищ, еще с детства отличался склонностью к левым взглядам... На меня в училище пальцами даже показывали — вон, дескать, идет Перетыкин... То есть, так сказать, главный зачинщик и бунтовщик. Я даже раз, знаете ли, образ снял и спрятал в парты...

— Образ? — спросил незнакомец. — Вот у нас давеча в магазине тоже образ сняли...

— То есть как в магазине? — спросил Перетыкин. — Вы изволите состоять в каком-нибудь государственном тресте?

— Да нет, — сказал незнакомец, — зачем в тресте?.. В магазине... Мы портерную держим...

— Портерную? Так вы значит... Так вы того... Непартийный? Чего же вы распелись?

— Кто распелся? — сказал бритый. — Это вы распелись... Флот, могущество!.. Подумаешь...

— Да и вы тоже хороши — поддакивает, как идиот... Уберите ваши паршивые ноги с дивана, или я проводника позову...

— Что? Паршивые ноги? Возьмите свои слова назад!

— Видал! — сказал Перетыкин, делая кукиш. — Думает — на-

дел кожаную фуражку, так и государственный человек! Только в сомненье людей вводит... Идиот...

— Вы сами идиот! — сказал бритый. — Вы сами начали... Флот, Англию в кулак!.. Кого? Англию? Да Англия, ежели захочет, ногтем вас придавит... Флот! Подумаешь... Десяток паршивых аэропланов сделают и думают, что весь мир победили.

— Да, — сказал Перетыкин, — это верно. Да и сделают ли? Откуда они моторы возьмут?

— Вот именно, — сказал человек в кожаной фуражке, — откуда они возьмут? Сами, что ли, сделают?

— А если и сделают, — подхватил Перетыкин, — то куда они будут годны? Курам на смех... Давеча мой племянник поднимался с аэродрома за плату... Зря, говорит, деньги бросил. Кроме, говорит, крыльев — ни черта не видел. А другой, знаете ли, и крыльев не увидит — мотор трещит, стучит...

— Или еще тоже на колбасе поднимаются, — сказал бритый. — На Марсовом. Тоже зря деньги огребают. Ну, поднялся, а дальше что... Без мотора не уедешь.

— И вид, наверное, пустяковый с колбасы? — воскликнул Перетыкин.

— Да какой же вид! Смешно. Я Казанский собор вблизи могу рассмотреть. Чего я, как идиот, на колбасу полезу... Авиация, тоже! Нельзя же так, господа!

— Вот именно! — воскликнул Перетыкин. — Пустяки затеяли с этой авиацией...

Через полчаса бритый гражданин спал, надвинув на глаза кожаную фуражку. Ноги бритого гражданина упирались в колени Перетыкина.

— Ничего-с, — бормотал Перетыкин, — вы протянитесь поудобнее... Очень приятно познакомиться... Очень приятная встреча...

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Оказывается, Титюковская ячейка РКСМ работает самосильно. Шадринская «Трудовая правда» печатает следующее ее постановление:

«Единогласно постановили иностранное название „галифе" заменить словом „бутыльники"...»

Неплохо придумано. Галифе — бутыльники. Значит, полугалифе — полубутыльники. Не назвать ли трусы — мерзавчиками?

СТРОГИЙ МЕСТКОМ

Местком станции Карасук, по сообщению «Сибирского гудка», прислал своему фельдшеру такую бумажку:

«Предлагаем вам выехать на дежурство с лошадью, так как вы служите, а ваша лошадь не служит...»

У фельдшера есть еще корова. Не пришлет ли местком фельдшеру такое предписание: предлагается, дескать, вам с сего числа давать по пять бутылок молока, так как ваша корова дает, а вы нет.

Бедный фельдшер!

ТОНКОЕ СООБРАЖЕНИЕ

«Брянский рабочий» сообщает о том, что заведующий бондарной мастерской цементного завода постановил:

«Тем, у кого есть баба, не надо выдавать спецодежды. Баба, — говорит о н , — может сшить...»

Это верно. Ежели бабу приучить, то она не только шить, она фальшивые деньги научится делать.

Большую экономию можно нагнать, ежели, скажем, женатым рабочим и жалованья не выдавать.

25%

По словам «Уральского рабочего», с тех пор, как бригада стала получать 25 процентов с каждого штрафа, на станции практикуется форменная охота. Так, например,

«выпускают пассажиров с билетами на перрон до объявления посадки... Пассажир вышел на перрон, а там его с нетерпением ждет контролер. Увидел — и представил к штрафу».

И хорошо еще, что бригада получает 25 процентов. А если бы 50? За пятьдесят процентов бригада хватала бы пассажиров за что попало и силой бы загоняла на перрон.

А если 100 процентов? Товарищи! Голубчики! И подумать даже страшно, что будет с пассажирами, если бригаде дать 100 процентов.

БАБА

Судья пристально смотрит на обвиняемых. Их двое — муж и жена. Самогонщики.

— Так как ж е , — спрашивает с у д ь я , — значит, вы, обвиняемый, не признаете себя виновным?

— Н е т у , — говорит п о д с у д и м ы й , — не признаю... Она во всем виновата. Она пущай и расплачивается. Я ничего не знаю про это...

— П о з в о л ь т е , — удивляется с у д ь я , — как же так? Вы живете с женой в одной квартире и ничего не знаете? Не знаете даже, чем занимается ваша жена?

— Не знаю, гражданин судья... Она во всем...

— Странно, — говорит судья. — Подсудимая, что вы скажете?

— Верно уж, начальник судья, верно... Я во всем виновата... Меня и казните... Он не касается...

— Гражданка, — говорит судья, — если вы хотите выгородить своего мужа, то напрасно. Суд все равно разберет... Вы только задерживаете дело... Вы сами посудите: не могу же я вам поверить, что муж живет в одной квартире и ничего не знает... Что, вы не живете с ним, что ли?

Подсудимая молчит. Муж радостно кивает головой.

— Не живу я с ней, — говорит он, — вот именно: не живу. Некоторые думают, что я живу, а я нет... Она во всем виновата...

— Верно это? — спрашивает судья у подсудимой.

— Уж верно... Меня одну казните, он не причастен.

— Вот как? — говорит судья. — Не живете... Что ж, вы характером не сошлись?

Подсудимый кивает головой.

— Характером, гражданин судья, и вообще... Она и старше меня и...

— То есть как это старше? — спрашивает подсудимая. — Ровесники мы с ним, гражданин судья... На месяц-то всего я и старше.

— Это верно, — говорит подсудимый, — на месяц только... Это она правильно, гражданин судья... Ну, а для бабы каждый месяц, что год... В сорок-то лет...

— И нету сорока! Врет он, гражданин судья.

— Ну хоть и нету, а для бабы и тридцать девять — возраст. И волос все-таки седой к сорока-то, и вообще...

— Что вообще? — возмущается подсудимая. — Ты договаривай. Нечего меня перед народом страмить. Что вообще?..

Судья улыбается.

— Ничего, Марусечка... Я только так. Я говорю — вообще... и кожа уж не та, и морщинки, ежели, скажем, в сорок-то лет... Не живу я с ней, гражданин судья...

— Ах вот как? — кричит подсудимая. — Кожа тебе не по скусу? Морщинки тебе, морда собачья, не ндравятся? Перед народом меня страмить выдумал?.. Врет он, граждане судьи. Живет он со мной, сукин сын. Живет. И самогонный аппарат сам покупал... Я ж для него, для сукиного сына, кровь порчу, спасаю его, а он вот что — страмить... Пущай вместе казнят...

Подсудимая плачет, громко сморкаясь в платок. Подсудимый оторопело смотрит на жену. Потом с отчаянием машет рукой.

— Баба, баба и есть, чертова баба... Пущай уж, гражданин судья... Я тоже... И я виновный. Пущай уж... У-у, стерва...

Судья совещается с заседателями.

АМЕРИКАНЦЫ

Комната. Стол. За столом девица. Над девицей — бант. Над бантом — плакат: «Говори короче и уходи». Перед девицей очередь.

ПЕРВЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Мм... этого, барышня... как его... Тутотка чего, извиняюсь? Тутотка не бюрё ли для справок?

ДЕВИЦА. Справочное бюро отдела Нарпитгусьглавштука...

ПЕРВЫЙ. Ась?

ДЕВИЦА. Вам что?

ПЕРВЫЙ. Мне-то? Я, как есть приехадши из провинции, и... тутотка разыскиваю личность... Мне-то? Мне надоть узнать, требуется то есть... товарища Щукина мне надоть... Я, как есть приехадши из провинции, и в смысле того, как разыскиваю личность...

ДЕВИЦА. Комната семьдесят восемь. Третий этаж... Налево...

ПЕРВЫЙ. Тутотка значит. Щукин-то. Мне ж и говорили: пойди, говорят, в это учреждение... А я, как есть приехадши из провинции, — не разбираюсь в столичных учреждениях. А мне, напротив того, требуется личность разыскать...

ВТОРОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ. Послушайте! Вы задерживаете посетителей.

ПЕРВЫЙ. Я-то? Избави бог. Я не задерживаю...

ВТОРОЙ. Он не задерживает! Видали! Ведь, кажется, ясно — висит плакат... По-русски сказано: короче говори... Так нет. Извольте видеть — в разговоры пущается... Из провинции, говорит, приехадши... А нам наплевать. Хоть из Китая приезжайте... Вам, вам я говорю... Чего смотрите так? Оставьте моргать ресницами, не испугаете...

(Первый уходит.)

ВТОРОЙ. Видали, какой гусь? Ушел! Не нравится ему, видите ли... Ведь вот этакий явится и — задержка. А в общем масштабе все дело стоит...

ДЕВИЦА. Вам что?

ВТОРОЙ. Ведь это черт знает что! Мы хлопочем, стараемся, налаживаем свою жизнь по-американски, а тут из-за одного прохвоста...

ДЕВИЦА. Извиняюсь, вам что?

ВТОРОЙ. Мне что? Странный вопрос. Я, барышня, по делу пришел. За справкой. А тут, извольте видеть, этакий гусь нашелся... В разговоры пущается... Может, у меня дело ни минуты отлагательства не ждет. Может, я пять минут пропустил — и баста, все дело рухнуло. Что тогда? Кто мне возместит убытки? А, может, убытков на триллионы... Ведь это черт знает! Это дальше идти некуда. Хоть бы наказание какое-нибудь ввести для этих прохвостов... Штрафовать, что ли, за каждое лишнее слово. Что ж плакат? Плакат — мало...

ДЕВИЦА. Извин...

ВТОРОЙ. Не действует на них плакат. Нужно что-нибудь существенное... Скажем, пришел посетитель... Что надо? То-то, то-то, то-то. И замри. И не произнеси лишнего звука. А проронил лишний звук — пожалуйте бриться — в нарсуд или там в комиссию. Комиссию, наконец, можно специальную завести. Скажем, — два члена и председатель. Чуть что — в комиссию. Там разберут... Ведь так работать нельзя... Какие же мы американцы, если у нас...

ДЕВИЦА. Вам что? Вам что, гражданин...

ВТОРОЙ: Фу-у... Невозможно так... Мне? Мне узнать. Справку. Как его... Это какое учреждение, не Главгусь?

ДЕВИЦА. Не-ет... Это Нарпитгусьглавштука.

ВТОРОЙ. Ну-у... А я думал... Чего же я, как идиот, стою три часа? Хоть бы сказал кто-нибудь. Тьфу ты! Американцы.

(Выбегает из комнаты. Потом возвращается.)

Этого... портфель... Не забыл ли я тут портфель?

(Ищет. Потом ударяет себя по лбу ладонью и с криком выбегает из комнаты.)

УЧЕНЫЕ ДРЕВООБДЕЛОЧНИКИ

На общем собрании союза древообделочников был поднят вопрос о недостаточности товарного индекса для имеющих большую семью. На что докладчик ответил:

«Государство ничуть не виновато, что у данного рабочего явилось перепроизводство семьи» («Трудовая правда»).

Это верно. Не виновато. И еще государство не виновато в том, что и среди древообделочников бывают ученые, передовые люди.

А любопытно знать: пять человек детей — это перепроизводство или недобор?

ПРИЯТЕЛИ

Сидели два приятеля в портерной за парой пива.

Вот один налил себе в стопку, выпил залпом и поморщился.

— Эх, говорит, браток, нет ничего хуже винища! Лакаешь его, стервозу, лакаешь, а на душе противно, да и скус в нем не ахти какой. Только что — привычка. Это, говорит, пожалуй что, самый большой вред в жизни. А?

А другой приятель съел соленую сушку и усмехнулся.

— Ну, говорит, нет. Самый, говорит, большой вред в жизни не вино. Самый большой и сильный вред — картишки, азарт.

— Не согласен, — сказал первый. — На мой взгляд, вино. Да вот я тебе расскажу.

Стал он тут вспоминать всякие историйки с пьяницами. И как один пьяный на ручке двери повесился. И как другой за полбутылки дочку цыганам загнал...

Второй приятель только усмехается да горох жует. И шелуху от гороха на пол сплевывает.

— Нет, говорит. Вино — это плевое дело. Хочу — пью, хочу — не пью. Не понимаю, какая в нем сила...

Стал первый приятель обижаться.

— Как, говорит, какая сила? Да вот, говорит, например, я. Меня возьми. Я, говорит, в Ростове дело было, обезумел вовсе. От вина-то. До того раз дошел — штаны свои продал. И на улицу голый вышел. И ходил так, покуда не забрали.

— Что ж, — говорит второй, — это бывает. А только я не согласен. Самый большой вред — карты. Вот, говорит, я расскажу тебе историю.

Жил я тогда на Кавказе. Железную дорогу мы строили. Ну, конечно, нас собралось пр*о*пасть. И все шпана самая ужасная. Тут и армяне, и персы, и х*о*ди, и мы... И хоть, так сказать, полная международность, а резались мы, братишки, в карты с утра до ночи. Потому иначе невозможно — климат такой сухой — тоска берет...

Ну, резались. В «очко» все больше. Бывало, все профюкаешь, а сыграть еще охота. Так и сосет в груде. До тошноты прямо.

Так вот. Профюкал это я раз все до нитки и лежу этакий скушный, на игроков поглядываю. А игроков всего трое осталось. Два грузина да перс. И у них все деньги.

И вижу: перс все проигрывает. Поставил он в банк сапоги — проиграл. Поставил поясок с серебряной штуковинкой — и поясок пропер. Скинул рубаху — и рубаху пропер. И больше ставить ему нечего.

Пошарил перс по телу рукой — ничего — голое пузо. А в банке сумма — шесть рублей. Конечно, золотом.

Ударил себя перс кулаком в пузо, сам дрожит.

— Во банку! — кричит. — Отрежу, кричит, себе палец.

Грузин этак серьезно посмотрел.

— Не надо, говорит, резать. Прострели оружием.

Перс, конешно, проиграл, взял пистолет, зажмурился, завизжал истошным голосом и прострелил себе левую ладонь.

Перевязал руку тряпицей и уж не орет, а этак хрюкает:

— Во банку!

А грузин спрашивает:

— Чэго ставишь?

— Еще, говорит, руку простр*э*лу.

— Нет, — говорит грузин. — Это, говорит, скушно — все руку да руку. Это, говорит, мне надоело. Ты, говорит, в плечо стрельни.

— Во банку! — завизжал перс.

И проиграл обратно. И хотел он уж стрельнуть, да на шум инженер явился и разогнал шпану.

Тут рассказчик замолчал.

— Ну и что же? — спросил приятель.

— Ну и ничего.

— А грузин-то что?

— Грузин? Грузин, браток, на другой день встретил перса — «Давай, говорит, долг или, говорит, стреляй».

Ну, перс, конешно, выстрелил... Да неловко, в шею себе попал. И помер после...

— Д а , — сказал первый п р и я т е л ь, — историйка. После этого и играть не захочешь... Давай-ка, говорит, потребуем самогонки с горя...

А второй приятель пожевал сушку и говорит:

— Нет, говорит, не хочется. Пойду-ка, говорит, на Владимирский. В картишки сыграю. Чтой-то разохотился я воспоминаньями.

Допил он свою стопку, подмигнул приятелю и вышел, слегка покачиваясь.

НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Вы знаете, что такое Япония? Нет, братцы, вы не знаете, что такое Япония! А каждый сознательный гражданин к шестой годовщине революции должен знать. Ну да ничего, сейчас узнаете.

«Япония, — пишет „Костромская коммуна", — представляет собой ряд островов вулканического происхождения, около которых расположены города и столица Токио...»

Ну да... Чего вы смеетесь? Не на самом острове, а рядом. Тут, скажем, остров вулканического происхождения, а тут, немного пройдя по в о д е , — и город. Костромичам там море по колено.

ТЩЕСЛАВИЕ

Екатерининский сквер.

Я.

Рядом на скамье какая-то девица. На ней черная шляпа и светлые тонкие чулки.

Девица читает книгу, время от времени шпилькой переворачивая страницы. Книга эта французская. Кажется — Марсель Прево.

Я выкуриваю подряд шесть папирос и смотрю на девицу. Она продолжает читать.

— П р о с т и т е , — говорю я ей п о - ф р а н ц у з с к и , — вы с таким интересом читаете... Позвольте узнать, какой это роман?

Девица оборачивается, вскидывает на меня свои красивые, голубые глаза и растерянно улыбается.

Бедняжка ни слова не понимает по-французски.

МЕДАЛЬ

Люди опрометью бежали к Фонтанке.

Какая-то баба у перил отчаянно кричала:

— Тонет! Голубчики, тонет... Ей-бо...

— Кто тонет? — спрашивали люди.

— Да человек тонет... Гражданин, конечно. Сама видела: сиг через перилки — и нету... Да вот он! Вот!

Действительно, из воды показалась чья-то голова. Голова выплевывала воду, фыркала и тихонько вопила о помощи.

Люди теснились у перил, с жадностью глядя в воду.

— Ой-ё-ёй! — причитала баба. — Тонет, конечно...

— Да что ж это, граждане... Не собака ведь... Ловить надоть.

Какой-то парень протискался через толпу к самым перилам.

— Кто тонет? — спросил он строго. — Гражданин, что ли?

— Гражданин...

— Нарочно, что ли, или, может быть, окосемши?

— Нарочно.

— Чичас, — сказал парень.

Он сбросил картуз наземь и, любуясь собой, полез через перила. Лез он медленно, посматривая на толпу. Потом сел на перила и спросил.

— А чего, граждане, медали-то нынче дают за спасение этих самых утопающих, ай нет?

— Медали-то? — сказал кто-то. — А неизвестно.

— Неизвестно, — сказали в толпе. — Раньше-то давали.

Парень горько усмехнулся.

— Раньше! Сам знаю... Я, может, этих чертей утопающих семь штук переловил... Раньше...

Какой-то красноармеец, отчаянно взмахнув руками, скинул с себя шинель и бросился в воду.

Через несколько секунд он вытащил утопающего за воротник.

Парень сидел на перилах и орал:

— Так! Загребай левой рукой... Левой... А правой за воротник Держи... Чичас лодка подойдет... Так! Не выпущай... Эх, дура!.. Не могут ловить, а тоже бросаются. Туда же!

К месту происшествия подошла лодка.

— Кончено, — сказал парень. — Его счастье. Он вытащил. А если б не он — я бы вытащил. Без медали... Нехай уж...

Парень надел картуз и побежал к пристани.

Народ долго стоял у перил, глазея на то место, куда бросился человек. Потом стал медленно расходиться.

БОЖЕСТВЕННОЕ

Первого ноября был католический праздник «всех святых». Во время этого праздника ксендз Смоленского костела обратился к прихожанам, как сообщает газета «Рабочий путь» (№ 265), с такой проповедью:

«Я, как хозяин костела, нанял органиста Дашкевича. Костельный совет платил органисту сначала 150 миллионов, потом 200, потом 400. Все с него было мало. Теперь мы платим ему даже пять рублей золотом по курсу дня. Кроме того, я ежедневно даю обед Дашкевичу. Но нужно сказать, что этот органист за троих съест. Такой обжора...»

Ксендз поднял руку для благословения прихожан, но раздумал и, потирая свою бритую полную щеку, продолжал:

— Ей-богу, обжора, каких мало. Таких обжор и свет не видывал.

— А чего он, съедает, что ли, много? — спросил кто-то из прихожан.

— Съедает много, — сказал ксендз. — Я же и говорю: жрет и жрет, сукин кот. Дашь ему обед — он и первое блюдо слопает, и второе. И хлеб еще трескает.

Прихожане оживились. И, закрыв молитвенники, стали рассуждать о дороговизне.

— Ужас, как жрет, — снова начал ксендз. — Обед слопает, а после еще чаю просит.

— С сахаром? — спросил кто-то.

— Дай ему с сахаром, он и с сахаром вылакает. Ему что? Не его сахар. Давеча дал я ему сахару два куска. На месяц, говорю. А он враз слопал.

— Врет! — раздался чей-то голос.

Позади ксендза появилась растрепанная фигура органиста. Был органист высокий и худой, и костюм на нем висел, как на палке.

— Врет! — снова сказал органист. — Кусок он мне дал, а не два.

Прихожане встали со своих мест и с явным любопытством разглядывали органиста.

— А хоть бы и кусок, — сказал ксендз, махая на органиста руками. — Кусок тоже денег стоит... Уйди, собачий нос. Я хозяин костела.

Органист потоптался на одном месте и ушел под свист публики.

Ксендз поднял руку для благословения, но снова раздумал и, опустив руку, продолжал печальным голосом:

— Или еще того чище: штаны с френчем просит. Купите, говорит, мне штаны с френчем. А я ему говорю: видал, как лягушки скачут.

В публике засмеялись. Ксендз в третий раз поднял руку

и, бормоча что-то себе под нос, благословил прихожан. Началось молебствие.

На крыше тихонько плакали херувимы.

НОВЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ

Только что окончивший губкурсы учитель Ландога сделал доклад о комплексном методе преподавания.

Вот этот доклад, по сообщению симферопольской газеты «Власть труда»:

«Я скажу только то, что понял. Вот представьте себе, что у вас идет урок русского языка. В это время летит воробей, и вы сейчас же принимаетесь за него. Пробежала собака — бросаете воробья и беретесь за собаку. Ну-с, вот и все».

Нет, извините, не все. Беретесь за собаку и науськиваете ее на учителя Ландогу. Когда учитель убежит, вы гладите собаку и снова беретесь за воробья и перед ним робко извиняетесь за учителя. Ну-с, вот теперь все.

ПОДКРЕПИЛ

Газета «Красный Север» сообщает, что крестьянин деревни Лермонтово получил на предмет освобождения от налога такое удостоверение:

«Курочкин по деревне Лермонтово ничего не имеет, только есть единственная одна жена, и та в положении».

Старший милиционер волости нашел, что удостоверение это недостаточно ясное, и, обмозговав все дело, приписал:

«Курочкин хозяйства не имеет, ни дому, ни двора и скотины нету, кроме его жены».

Бедный Курочкин! Каково ему? Можно сказать, единственная одна жена у него, и та получает такое незаслуженное оскорбление.

Гражданин милиционер, хотя вы и старший, но не надо обижать женщин!

УДОСТОВЕРЕНИЕ

В Вологде некий председатель домкома выдал удостоверение гражданке Федуловой для регистрации на бирже труда. По словам газеты «Красный Север», удостоверение это, подписанное в милиции, выглядит так:

«1. Кому выдано — Мария Маркеловна Федуловой.

2. Семейное положение — муж и 4 детей.

3. Имущественное положение с указанием имени и возраста — Дочь Елизавета 12 л., Анна 11 л., сын Дмитрий 10 л. и сын Валерий.

4. Социальное положение — деревянный одноэтажный дом мужа».

Важное удостоверение. С таким удостоверением не пропадешь. Хочешь — представляй его на биржу труда, хочешь — печатай в юмористическом журнале. На все годится.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Рабочая газета» сообщает читателям о том, как и почему прокатчик В. бьет свою жену. Оказывается:

«Я бью свою жену по привычке, — сознается прокатчик. — Она скажет глупость — ее и стукнешь... Я так думаю, что жен больше бьют за их глупость и темноту. Будь она у меня хоть грамотная, я бы ее пальцем не тронул».

Сам прокатчик В. грамотный и просвещенный человек. Ну, а как же просвещенному человеку не ударить темной бабы? Нельзя. Надо ударить. Надо же ей, дуре-бабе, показать свое просвещение.

Хочется нам этого прокатчика поздравить с Новым годом, да уж не знаем, боимся. Его поздравишь, а он обидится.

— Я, скажет, человек просвещенный — в религиозные предрассудки не верю.

Нет, шут с ним, не будем поздравлять!

ЗЕМЛЕМЕР

Газета «Красный Алтай» сообщает о том, как крестьяне села Подстепного производили размежевание земли. Для этой цели они наняли за пустяковую плату какого-то агронома, который немедленно приступил к делу.

«Инструменты по обмеру у этого агронома особенные: вместо ленты и рулетки — веревка, а теодолит заменяет простое колесо с телеги».

Чего агроном делает с этим колесом — никому неизвестно. Может, он катит его перед собой, а может, и сам на нем катится. Вообще, землемер — что надо.

Такого землемера не стыдно и с Новым годом поздравить. С Новым годом, гражданин хороший! Катитесь к нам в Питер на колесе! Не пропадете — на праздниках будут вас в цирке показывать.

КРЕПКАЯ ЖЕНЩИНА

Нынче все говорят о борьбе с проституцией и жалеют женщин. Вот, дескать, бедные: уволят их по сокращению, а они, очертя голову, идут на улицу.

И верно: жалко.

Но, конечно, разные бывают женщины. Бывает, такая крепкая попадется — ей и улица не страшна. Знали мы одну такую. По фамилии Беленькая. Уволили ее по сокращению, дали ей за две недели вперед, а она повертела получку в руках и думает:

«Прожру, думает, на пирожные. А там видно будет».

Пошла в кондитерскую, скушала, сколько могла, пирожных и домой вернулась.

«Ну, думает, а теперь — труба. Либо мне в Фонтанку нырять, либо в Мойку, либо на улицу идти».

Помазала она брови сажей, губы — сургучом, шляпку с пером надела и вышла на улицу.

Постояла на углу. Вдруг мужчина какой-то подходит.

— Что ж, говорит, мамзель-дамочка, зря стоять простужаться. Пойдем на время.

А она развернулась — хлесь его в ухо.

— За кого, говорит, принимаешь, скотина? Не видишь?

Гражданин отупел, повернулся, галошу потерял и скрылся за углом. А девица гордо постояла и пошла домой.

Домой пришла.

«Нет, думает, это не в моем характере — проституция. Иные, конечно, уволенные по сокращению, бросаются, очертя голову, на улицу, а я не такая...»

Подумала она, подумала, чего ей делать, и стала мастерить для продажи дамские шляпки.

Этим она теперь и живет. И жизнь роскошная.

А материал для шляпок доставляют ей гости. Денег она с них не берет, а берет материей.

А вы говорите — проституция.

БЕДНЫЙ ВОР

На днях в петроградском Госстрахе у одного из служащих был украден туго набитый портфель с бумагами. На следующий же день бумаги были возвращены со следующим письмом:

«Извиняимся Госстрах, что у вас мы взяли, поошибке портфел в котором мы думали что там лежат червонцы, но на наше несчастье мы нашли только вашу бумажную волокиту, котору вам отсылаем для дальнейшей вашей головоломки.

Неизвестный для вас неудачник в червонцах Гришка Нечухайский».

Бедный Гриша! Мы всегда говорили, что бумажная волокита — вещь ужасная. В самом деле: даже простому невзыскательному вору от нее тяжко.

Эх, Гриша, очень мы вам сочувствуем. Примите уверения в совершенном к вам почтении.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Раньше, граждане, было куда как проще. А которые женихи — тем все было, как на ладони. Вот, скажем, невеста, вот — ее мама, а вот — приданое. А если приданое, то опять-таки, какое это приданое: деньгами или, может быть, домик на фундаменте.

Ежели деньгами — благородный родитель объявляет сумму. А ежели домик на фундаменте, то, опять-таки, иная речь — какой это домик? Может, деревянный, а может, он и каменный... Все видно, все понятно и нету никакой фальши.

Ну, а теперь? Нуте-ка, сунься теперь, который жених — не разбери-бери! Потому что у теперешнего родителя привычки такой нет давать деньгами. А которые женихи на имущество ориентируются — еще того хуже.

Скажем, недвижимое имущество — висит шуба на вешалке. Ну, висит и висит. Месяц висит и два висит. Каждый день, например, ее можно видеть и руками щупать, а как до дела, то шубу эту, не угодно ли, комнатный жилец повесил, и вовсе она не невестина. Или перина. Глядишь — перина, а ляжешь на нее — она пером набита.

Вот вам и имущество! С таким имуществом крови больше испортишь.

Ах, чего только не делается на свете — не разбери-бери!

Я старый революционер с девятого года, да пять лет в союзе Михал-Архангела оттрубил, и то у меня голова кругом, и не разбираюсь.

Только и есть одно — которые невесты служат. У них без обмана: ставка, разряд, категория... Но и тут обмишуриться можно.

Мне вот понравилась одна. Перемигнулись. Познакомились. Тары да бары, где, говорю, служите, сколько получаете? Дескать, разряд ваш и ставка?

— Служу, говорит, в ЛЕПО. Ставка такая-то.

— Ну, говорю, мерси и отлично. Вы, говорю, мне нравитесь. И разряд ваш симпатичный, и ставка ничего себе. Будем знакомы.

Стали мы с ней кинематографы посещать. Плачу я. Посещали неделю или две — ультиматум ей ставлю: вводите, говорю, в дом.

Ввела в дом. Ну, конечно, в доме старушка-мамочка. Папашка этакий старый революционер. Дочь невеста и при ней я — жених вроде бы.

Дальше — больше. Хожу к ним в гости и приглядываюсь. С мамашей на философские темы разговариваю: дескать, как им живется, не туго ли? Не придется ли, оборони создатель, помогать?

— Нет, отвечает, насчет помощи нам не надо. А что до приданого, не *соврy*, — приданого нету. Хотя бельишко и полдюжины ложек можно отсыпать.

— Ах, говорю, старушка, божий цветочек! Полдюжины или вся

дюжина — там видно будет. Стоит ли об этом говорить раньше время. Мне, говорю, ваша дочка и так нравится — все-таки разряд пятнадцатый, льготы, талоны... Это мне, вроде бы, приданое.

Ну, старушка, божий цветочек, в слезы. И папочка, старый революционер, прослезился.

— Что ж, говорит, женись, милый, если так.

Ну, обручение. Разговоры. Вздохи.

А старушка, божий цветочек, насчет церкви намекает. Неплохо бы, дескать, в церкви окрутиться.

А я говорю:

— Окрутимся и так. Я, говорю, старый революционер. Не дожидаясь чистки, ушел из партии. Не могу идти против своей совести. Не настаивайте.

Поплакала старушка. И папашка, старый революционер, прослезился. Однако, соглашаются.

Женились мы. Живем прелестно — райотдел и медовый месяц.

По утрам молодая, красивая супруга отбывает на службу, а в четыре назад возвращается. А в руках у ей сверток.

Ну, конечно, снова нежные речи, — дескать, вставай, Ваня, четыре часа пополудни. Не стыдно ли спать. Пролежни пролежите.

И опять слезы от счастья и медовый месяц.

И вот длится эта дискуссия два месяца по новому стилю.

Но только однажды приходит молодая, красивая супруга без свертка и вроде — рыдает.

— О чем, говорю, рыдаете, не потеряли ли свертка, оборони создатель?

— Да нет, говорит, что значит сверток? Уволили меня по сокращению.

— Да что вы, говорю, помилуйте?

— Да, говорит.

«Ах, думаю, ах!»

— Позвольте, говорю, я от вас приданого не требую, но, говорю, я на службу ориентировался вместо того.

А молодая супруга неутешна.

— Да, говорит, уволили, как замужнюю.

— Помилуйте, говорю, да я сам на вашу службу пойду объяснюсь. Это немыслимо.

И вот, надел я поскорее штаны и вышел.

Прихожу. Заведывающий — этакий старый революционер с бородкой.

Я ему, подлецу, объясняю всю подноготную, а он уперся и говорит: ничего не знаю. Я ему про приданое, а он говорит: в семейные дела не касаюсь.

Я говорю:

— Я тоже старый революционер, с пятого года у Михал-Архангела.

А он из помещения просит честью.

Попрощался я с ним за руку и домой. Прихожу. Супруга сидит и не плачет.

— Что ж, говорю, плакать перестали! Я, говорю, на вас женился, а вы сокращаетесь?

Беру ее за руку и идем к мамаше.

— Здравствуйте, говорю. Спасибо за одолжение. Думаете, дюжину ложек дали и баста?

Ну, старушка, божий цветочек, — в слезы. И папашка, старый революционер, прослезился.

— Все, говорит, от бога. Может, говорит, и так проживете.

Хотел я папашке за это по роже съездить, да воздержался. Еще, думаю, в суд, стерва, подаст.

Плюнул я на сборный половичок и вышел.

А теперь я развелся и ищу невесту.

А раньше, граждане, было куда как проще.

В ПОРЯДКЕ БОЕВОГО ПРИКАЗА

Нынче женщину никто в обиду не даст. Не такое время! Вот не угодно ли: подала одна гражданка заявление в милицию на своего мужа — обижает ее муж. И немедленно из милиции следует такое распоряжение:

«В. срочно

Карбоиновскому сельсовету

На основании заявления гражд. Лапшиной Валентины, что у них нет согласия в жизни с мужем, и она имеет от него дитя, предлагается, в порядке боевого приказа, сделать опись всего имущества Лапшиных, на предмет выделения ей имущества, а также и содержания ребенка... И обязать Лапшина Алексея приискать жене Валентине квартиру и уплатить за нее до ее выезда.

Ст. милиционер Нейменок».

Что, Лапшин Алексей? Видал-миндал? Видал, как обижать женщин? Нуте-ка, попробуй еще раз обидеть — сейчас в порядке осадного положения посадят куда следует!

Спасибо, дружище-милиционер! Порадовал нас!

«ПЕРЕДОВОЙ ЧЕЛОВЕК»

Обычные люди устраивают званые вечера в день своего рождения или, скажем, на первое мая, а товарищ Ситников устроил вечеринку пятого мая, в день печати.

Пятого мая товарищ Ситников пригласил своих друзей и приятелей на пирог.

Пирог был с капустой. Хороший пирог. Сочный. Гости, приятно удивленные, со вкусом жевали, слушая хозяйские разговоры.

— Я все-таки передовой человек, — говорил товарищ Ситников, польщенный общим вниманием. — Иные люди на пасху приглашают гостей, а мне пасха вроде бы и не праздник. Ей-богу. Мне подавайте что-нибудь этакое значительное, культурное, например, день печати. Так сказать, торжественный день книги... Вроде, как, значит, праздник книги и науки...

Гости с огорчением поглядывали на хозяина. Он явно мешал им кушать и плохо действовал на пищеварение.

— Ей-богу, — говорил хозяин. — Тысячи людей проходят мимо этого праздника. Шутя, так сказать, проходят. А мне этот праздник выше всего. Мне, дорогие товарищи, даже не сам праздник дорог, мне, товарищи, книга дорога, печать. Еще, знаете ли, покойная моя мамаша спрашивала бывало: «Отчего это ты, Вася, так книгу любишь?» А я, знаете ли, мальчишка, щенок, от горшка два вершка — отвечаю: «Книгу я, мамаша, оттого люблю, что это печать и, так сказать, шестая держава...»

— Да уж что говорить, — вздохнул кто-то из гостей, — конечно, большой это праздник.

— Еще бы не большой! — воскликнул хозяин. — Книга! Что может быть драгоценней, товарищи? Конечно, малокультурный человек книгу и бросит куда попало, и стакан и тарелку на нее поставит...

Один из гостей, прожевывая пирог, сказал:

— Это верно... Я вот знал... Родственник... Комод у него, знаете ли, без ножки... Он книгу заместо ножки подложил...

— Видали! — с болью сказал хозяин. — Видали, какое чучело. Под комод! И ведь, наверное, сукин сын, хорошую, занимательную книгу подложил? Ну, подложи словарь немецкий или французский, так ведь нет... Ах, товарищи, далеко нам еще до настоящей культуры. Долго нам еще ждать культурного отношения к книге. Не скоро дойдет это до массы. Я вот, дорогие товарищи, вспоминаю одну историю. На фронте было. В армии. Бывало, придем куда-нибудь — и ну громить библиотеки. Листья летят, переплеты летят — ужас... Я помню, товарищи, спас одну книгу.

А пришли мы в какой-то фольварк. Богатый фольварк — диваны, книги, зеркала. И вижу я: рассматривают красноармейцы одну книжку. Сидят кучей и рассматривают. А книжища этакая огромная и с картинами — «Вселенная и человечество».

Увидел я, что книжка эта в опасности, стал просить и умолять красноармейцев.

— Братцы, говорю, на черта сдалась вам эта книжка! Отдайте, говорю, ее мне.

Ну, за пачку махорки отдали. Взял я ее, положил бережно в мешок и всю, знаете ли, войну, всю кампанию берег ее пуще глаза...

— И что же? — спросили гости с любопытством.

— Ну и ничего, — сказал хозяин. — Привез эту книжку домой. Замечательная книжка. Ей цены прямо-таки нет. Какие рисунки в красках! Бумага какая!.. Да вот я вам покажу.

Хозяин встал из-за стола и пошел в соседнюю комнату. Гости нехотя двинулись за хозяином, дожевывая на пути.

— Вот, — сказал хозяин, — обратите внимание! Некоторые картинки я даже вырезал оттуда и вставил в рамки.

Хозяин показал рукой на стены.

Действительно: вся комната была увешана иллюстрациями из книги «Вселенная и человечество». Некоторые иллюстрации были вставлены в черные скромные рамки и придавали всей комнате уютный и интеллигентный вид.

Восхищенные гости, осмотрев картины, пошли в столовую докушивать пирог с капустой.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Нынче, братцы мои, какое самое модное слово, а?

Нынче самое что ни на есть модное слово, конечно, электрификация.

Дело это, не спорю, громадной важности — советскую Россию светом осветить. Но и в этом есть, пока что, свои неважные стороны.

Я не говорю, товарищи, что платить дорого. Платить не дорого. Не дороже денег. Я не об этом говорю, не об этом хлопочу и не за это трачу чернила.

Но вот такое дело, слушайте.

Жили мы в доме. Дом большой и весь под керосином. У кого коптилка, у кого небольшая лампочка, у кого и нет ничего — поповской свечкой светится. Беда прямо.

А тут проводить свет стали.

Первым провел уполномоченный. Ну, провел и провел. Мужчина он тихий, вида не показывает. Но ходит все-таки странно и все время задумчиво сморкается.

Но вида еще не показывает.

А тут дорогая наша хозяюшка Елизавета Игнатьевна Прохорова приходит раз и предлагает квартиру осветить.

— Все, говорит, проводят. И сам, говорит, уполномоченный провел.

Что ж! Стали и мы проводить.

Провели, осветили — батюшки светы! Кругом гниль и гнусь.

То, бывало, утром на работу уйдешь, вечером явишься, чай попьешь — и спать. И ничего такого при керосине не видно было.

А теперь зажгли, смотрим — тут туфля чья-то рваная валяется, тут обойки отодраны и клочком торчат, тут клоп рысью бе-

жит — от света спасается, тут тряпица неизвестно какая, тут плевок, тут окурок, тут блоха прыгает.

Батюшки светы! Хоть караул кричи. Смотреть на такое зрелище тошно.

Канапе такое в нашей комнате стояло. Я думал, хорошее канапе. Сидел даже на нем по вечерам. А теперь зажег электричество — батюшки светы! Ну и ну! Ну и канапе! Все торчит, все висит, все изнутри лезет. Не могу сесть на такое канапе — да и только.

«Ну, думаю, небогато я живу. Хоть из дому беги. Противно на все глядеть. Работа из рук падает».

Вижу, и хозяюшка моя, Елизавета Игнатьевна, ходит грустная и шуршит у себя на кухне, прибирается.

— Чего, спрашиваю, мать, грустишь?

А она рукой машет.

— Я, говорит, Семен Егорович, и не думала, что так бедно живу.

Взглянул я на хозяйкино барахлишко — действительно, думаю, не густо: гниль и гнусь, и тряпицы разные. И все это светлым светом залито, и все в глаза бросается.

Стал я приходить домой скучный. Приду, свет не зажгу и ткнусь в койку.

После раздумал, получку получил, купил мелу, развел и приступил к работе. Обойки отодрал, паутинку смел, канапе подальше убрал, выкрасил все — душа радуется.

Но хоть и получилось хорошо, да не совсем. Зря деньги ухлопал — отрезала хозяйка провода.

— Больно, говорит, бедно выходит при свете-то. Чего, говорит, бедность такую светом освещать.

Я уж и просил, и доводы приводил — никак.

— Съезжай, говорит, с квартиры. Не желаю со светом жить. Нет у меня денег ремонты ремонтировать.

А легко ли съезжать, товарищи, если я на ремонт уйму денег ухлопал? Так и покорился.

Эх, братцы, и свет хорошо, да и со светом плохо! Всю свою жизнь должны мы теперь перевернуть заново. Чтоб чистота была и порядок. Чтоб гниль и гнусь убрать окончательно. Все, что в темноте хорошо, то при свете плохо! Так ли я говорю, братишки?

ПОДШЕФНОЕ СЕЛО «СМЕХАЧА»

Какой-нибудь простодушный подписчик, наверное, думает, что у «Смехача» есть парочка подшефных деревушек или небольшой подшефный уездный городишко.

Увы, уважаемый подписчик, — нету.

И рады бы, да нету. Даже перед розничным покупателем признаться совестно, но нету. Не соврем.

Ты войди в наше пиковое положение, дорогой подписчик. Маленькую деревушку в подшефные возьмешь — неловко при нашем положении. Большую возьмешь — по карману хлопнет. Боялись мы, думали: мужички как поднапрут, как насядут — одному — штаны, другому — портки, третьему — брюки... И потекут соки-денежки... Не жалко, конечно, но нам журнал нужно делать.

Оттого и не брали подшефников, — расходов пугались. Так и жили кое-как, перебивались.

Ну, а на днях развернули мы газетку «Трудовой день». Батюшки-светы! Есть, видим, село, которое нам по карману. Село это — Безлюдовка Шабикинской волости Белгородского уезда.

Это маленькое, но симпатичное село расположено в нескольких верстах от Белгорода. Чудная природа, лес, речонка — все крайне симпатично и нам нравится. А главное, село это — неприхотливое и нетребовательное. К тому же оно недовольно своими старыми шефами — какой-то там госмельницей (бывш. Токарева). И не только недовольно, а и ругает их на чем свет стоит и называет «липовыми шефами».

Дед Трохим из этого села так и пишет, так и валяет черным по белому:

«Липовый шеф... *Этот шеф и пальцем не ударил, чтобы поставить столб, на котором был подвешен электрический провод, освещавший электричеством школу...»*

Батюшки-светы! Всего и разговору, что один столб! Братцы, дорогие безлюдовцы! «Смехач» согласен взять вас в подшефные!

Отступись, госмельница, если не можешь исполнять своего назначения.

Отступись, госмельница, честью просим. Отдай нам Безлюдовку!

ПОВОДЫРЬ

Каждый день один за другим шли поезда с севера на юг. Тысячи замученных, бледных северян, изумляясь необыкновенному солнцу и нестерпимой жаре, вылезали из-под раскаленных крыш вагонов.

Среди этих изумленных северян был и я.

На одной маленькой промежуточной станции я сошел с поезда с небольшим своим багажом.

Я бросил чемодан на платформу и присел на него, ожидая, что ко мне со всех ног бросится куча носильщиков. Я уже рассчитал, что выберу себе здоровенного загорелого парня. Однако, носильщики ко мне не бросились. Станция была почти пуста.

На платформу вышел только начальник станции — босой, в расстегнутой белой блузе. Он с явным недовольством посмотрел заспанными глазами на поезд, зевнул, потом снова посмотрел на поезд и вдруг с негодованием махнул на него фуражкой.

Поезд, лязгая буферами, пошел дальше.

Я сидел на своем чемодане, тяжело дыша от непривычной жары. Носильщиков не было.

— Товарищ, — крикнул я начальнику станции, — извиняюсь, товарищ... Есть тут носильщики?

Начальник станции остановился, подтянул штаны и, видимо, только сейчас заметив меня, сказал:

— Сейчас. Одну минуту.

И вошел в помещение.

Через минуту он вернулся застегнутый и в сапогах и любезным тоном спросил:

— Вам чего? Носильщиков? А вот носильщики. Спят.

Действительно, за углом дома лежали на животах трое ужасно загорелых мальчишек. Двое из них спали. Третий, совсем небольшой, лет двенадцати, вскочил при виде нас на ноги.

— Чего? Вещи, что ли, нести, гражданин? — спросил он деловым тоном.

— Вещи... Вот чемодан... Легкий...

— Можно, — сказал парнишка. — Только Палькина очередь. Спит он еще. Вы обождите,

— А ты не можешь?

— Да-а, — сказал парнишка, — Палька драться будет. Его очередь.

Начальник станции подмигнул мне и засмеялся.

— Боятся его. Отчаянный очень подросток.

И потом, желая, видимо, мне пояснить, добавил:

— Это Палька Ершов. Его тут все боятся. Очень даже отчаянный, смелый подросток.

— Я не боюсь, — сказал парнишка, — а только Палькина очередь.

Палька Ершов лежал на животе, уткнувшись носом в землю. На грязной босой подошве его ноги мелом было написано — 1 р. Видимо, ниже означенной цены трогать Пальку нельзя.

— Палька! — крикнул я.

— Он не велел будить, — сказал парнишка. — Пущай, говорит, обождут пассажиры.

Я засмеялся.

Парнишка тоже засмеялся и сказал, оправдываясь:

— Палька очень отчаянный. Смелый. Он даже слепца убил.

— Как? Слепца убил?

— Слепца. Он слепца водил. А после мальчишки смеяться над ним стали. Зачем водит... А Палька завел слепца в поле и тёку. А слепец за ним. А Палька в овраг. А слепец потонул в воде...

Все это парнишка проговорил залпом, опасливо поглядывая на Пальку.

Мне показалось, что Палька не спит. И, действительно, он вдруг

перевернулся, лег на спину, посмотрел на меня прищуренным глазом и зевнул. Мне показалось, что Палька и раньше не спал, а только делал вид, что спит, и на самом деле отлично все слышал.

Он зевнул еще раз, ковырнул пальцем в носу и сказал лениво:

— Вещи, что ли? Куда?

Я сказал.

Палька вскочил на ноги, кинулся к моему чемодану и, легко взвалив его на плечи, быстро, почти бегом, пошел.

Я еле поспевал за ним.

Палька оглянулся раз или два и надбавил шагу. Ему, видимо, доставляло огромное удовольствие гнать меня, как барана.

Нестерпимая жара, пыль били меня в лицо. Я шел все медленней и медленней и, наконец, потерял Пальку из виду.

Каюсь: я испугался. Я подумал, что чемодан мой пропал безвозвратно. Но на повороте дороги, в тени, под деревом, я увидел Пальку. Он сидел на моем чемодане и меланхолически сплевывал через зубы.

Вид у меня, наверное, был смешной. Палька посмотрел на меня и засмеялся.

— Небойсь, — сказал Палька, — не унесу.

Мы несколько отдохнули, покурили и пошли дальше.

— Палька, — спросил я, — а верно, что ты слепца убил?

— Брешут, — сказал Палька, гордо улыбаясь. — Брешут мальчишки про слепца.

— С чего ж им врать?

— А я знаю? — сказал он. — Язык без костей. Можно брехать.

— Палька, — сказал я, еле поспевая за ним. — А верно, что ты поводырем был? Слепца водил?

— Это верно, — сказал Палька. — Я слепца пять лет водил. Мне матка велела слепца водить. Я, может, по всей местности его водил. Может, по всей России... А после мне скушно стало. Ребята тоже, конечно, смеяться начали. Время, говорят, теперь не такое — слепцов водить. Не царский режим. Бросай его. Пущай подростков не эксплуатирует. Ты теперь гражданин.

— И ты бросил? — спросил я.

— Я-то? — сказал Палька. — Бросил. Конечно. А он, шельма, чувствовал, что я его, наверно, брошу. Я до ветру, например, иду, а он, шельма, дрожит, за руку чепляется. Не смей, говорит, без меня до ветру ходить. А я говорю ему: я, говорю, дяденька Никодим, сейчас, до ветру только. А он цоп за руку и не пущает... А после мне очень скушно стало его водить. И пошли мы в поле. А я говорю: я сейчас, дяденька Никодим... И сам за куст. А он, шельма, за мной. Я притаился. А он дрожит, шельма. — Палька! — кричит. — Неужели же ты бросишь меня, стерва? — А я молчу. А он кричит: — Я, кричит, тебе, шкету, полботинки справлю. — А я говорю: — Не надо, говорю, мне полботинки. Мне,

говорю, босиком больно *хорошо*. — А он на мой голос — за мной. Нос у него до того чуткий — знает, где я. Я побежал немножко и присел у оврага. А он воздух нюхает и бежит вровень... Целый день бежали. А после мне скушно стало бежать. Я и спрыгнул в воду. А дяденька Никодим тоже как брякнется вниз и поплыл...

— И что *же*, — спросил я, — потонул он?

— А я знаю? — ответил *Палька*. — Может, он, конечно, и не потонул. Они, слепцы, живучие черти. А только мне этих слепцов очень даже скушно водить. Я завсегда их бросаю. Пущай подростков не трогают... Мы теперь, значит, граждане, с сознанием.

Палька дотащил мой чемодан и, получив рубль, не прощаясь, бросился назад.

РАЗГОВОРЫ

1. ЛЕТЧИК

...Я, братишка, конечно, испугался ужасно. Остолбенел прямо. А тут еще аппарат накренился набок и, гляжу, падает. Ну, думаю, погиб я... Ухватился рукой за раму и как сигану вниз...

Гляжу: лечу, мать честная. Эх, думаю, хорошо это с парашютом падать... А так-то без парашюта боязно, думаю... Лечу это я вниз и чуть не плачу — и себя-то жалко, и аппарата жалко — потому, думаю, вдребезги разобьется... Вдруг хрясь об землю — упал. Ну, думаю, богородице дево радуйся, без ноги, думаю...

— Ну, а аэроплан что? Вдребезги?

— Какой аэроплан?

— Ну, аппарат, что ли... С аппарата же падал?

— Зачем с аппарата. С этажа. Аппарат в кухне с полки свалился... Как, значит, милиция в квартиру вперлась, мы очень даже испугались. Начали самогонный аппарат на полку прятать... А он шмяк с полки. Шум, конечно, треск. А мы с перепугу к окну... И ринулись вниз... Полноги недочет...

2. ЧАСЫ

...Ну, а он, конечно, побледнел сильно. Хлоп-с, хлоп-с себя по карманам — нету у него часов. А часишки-то дрянь — кастрюльного золота... Хотя с цепочкой. И брелочки разные: яичко там, подковка какая-нибудь, ключик...

Ну, конечно, он закричал: караул! Часов нетути.

Ему говорят:

— Вы, может, их дома оставили?

А он говорит:

— Нету, говорит. Я, говорит, как в трамвай влезал, так еще посмотрел на часы. Опоздать боялся.

Ну, начали искать по штанам и по карманам — нету.

— Ну и что же? Вор-то, небось, спрыгнул с трамвая? Не нашли!

— Ну и что же... Нашли, конечно... Разрезали больного опять. А хирург, конечно, обрадовался: вон, говорит, они, мол, любезные... И действительно, глядим — туточка часы. У слепой кишечки приткнулись и лежат себе... А цепочка так по желудку пущена...

3. ДВУГРИВЕННЫЙ

...Гляжу, стоит нищий, слепенький... Сунул я ему в руку двугривенный и пошел. А нищий, гадюка, хвать меня за руку.

— Ты что, говорит, сукин кот... Какие деньги суешь-то? Думаешь, если я слепой, так ничего и не вижу?

И ляп мне этот самый двугривенный между глаз.

Ну, думаю, заметил, черт слепой.

— Да уж знаете... Нынче от царской монеты нищий и тот нос воротит...

— Как царский? Не царский. Советский двугривенный. Своей работы... Мы пробу производили. На ощупь заметно ли...

4. ПОП

...Я посмотрел. Вижу, поп стоит.

Стой, думаю, стой, бродяга! Стой, поповское отродье. Счас я тебе припаяю...

Размахнулся я да р-раз по попу...

Ну, ребята тут закричали:

— Молодец, Ванька! Правильно бьет!

— Ну, а поп что? За что же вы его так?

— Ну, а поп, конечно, упал за черту. И за городом лежит... Партию мы и выиграли... Я в рюхи важно играю...

ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА

У синей кружки с аэропланом — кучка людей.

Люди заглядывают в отверстие, постукивают пальцами по железу и с любопытством рассматривают обыкновенную почтовую кружку, выкрашенную в синий цвет.

Какой-то человек в кепке, протискавшись к самой кружке, говорит восторженно:

— В Америке, скажем, кружки. И у нас кружки. В Америке письма на еропланах возят и у нас, извиняюсь, не на тележках.

— И что же это, граждане, — спрашивает кто-то, — в любую губернию доходят?

— Письма-то? Конечно, в любую.

— А куда суют-то, если письмо?..

Человек в кепке становится в позу добровольного инструктора и объясняет:

— Суют сюда... Отсюда, конечно, вынимают. А это, граждане, аэроплан написан, на кружке — воздушная то есть почта. А синий цвет, чтоб за желтый, значит, не приняли...

— Скажи пожалуйста...

— А в Америке-то тоже синий?

— Конечно...

— Хоть бы посмотреть, какие это люди письма опущают...

— А разные люди опущают, — поясняет «инструктор», — кому надобность, тот и опущает.

— И многие опущают?

— Это, гражданин, не могу вам сказать. Неизвестно.

— Чего неизвестно, — говорит скромного вида старичок, — известно. Мало опущают. Я, гражданин, может с утра стою — пожрать некогда. Гляжу, какие это люди опущают. И нет. Не подходят. Да, действительно, интересуются, трогают руками, но не опущают...

Какой-то парнишка, деловито растолкав людей, подходит к кружке. В руках у него пакет.

— Позвольте, граждане, — говорит подросток, — расступитесь.

Он подходит к кружке и просовывает в отверстие свой пакет...

Толпа с нескрываемой завистью глядит на парнишку.

Парнишка отходит в сторону и вдруг фыркает в руку.

— Чего ты?

— Кхы... Дерьмо опустил. Кхы... Подметку в газете заместо письма.

Кто-то пытается схватить парнишку — он исчезает.

— Сволочь какая! — удивляется человек в кепке.

Подходит милиционер.

— Проходите, граждане! Проходите. Не задерживайте движение трудящихся граждан.

Толпа лениво расходится.

Через пять минут у синей кружки снова стоит несколько человек.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Здорово, братишка «Красный ворон»!!

Как ты вообще живешь, кого клюешь, кого по носу бьешь и кого за вихры таскаешь?

А мы, спасибо, живем шикарно — чего и тебе желаем.

А ты, дружище «Красный ворон», за лето, небось, раз пять с

экскурсиями ездил? Но и мы, обрати внимание, не лаптем щи хлебаем. Мы тоже недавно ездили осматривать разные старинные вещи и сокровища.

Очень отличная была поездка. И дешево как! Всего-навсего по полтора рубля с носа взяли. А удовольствия — не перечесть, рубля на два. Одной музыки было не меньше как на полтинник золотом. С утра до ночи гремела музыка. Даже поспать не удалось. После даже один музыкант, из трубачей, хвастался, сколько он из своей трубы слюней нацедил, — оказалось, полбутылки.

И это, обрати внимание, «Красный ворон», за полтора рубля денег.

Обедали и ужинали за ту же цену. Исторические сокровища тоже из той же цены осматривали. И везли нас все из того же расчета. Даже удивительно.

А везли нас не как-нибудь, а в спальном телячьем вагоне.

Конечно, какой-нибудь буржуй нерезанный, может быть, и скажет с усмешкой: на что, дескать, рабочему человеку телячий вагон, если рабочий человек привык завсегда ездить на буфере или на крыше? Но на это мы дружно ответим, что и нам тоже теперь охота в вагонах поездить.

Конечно, про мягкий вагон с разными там штучками и занавесочками мы и не мечтаем, но насчет жесткого вагона несколько даже обидно, почему нам не дали.

Хотя мы, конечно, понимаем: где же взять для нас жесткий вагон за наши паршивые полтора рубля? За полтора рубля даже спальный телячий вагон и то чуть не даром выходит.

Другой теленок поедет, так с него и то дороже возьмут. А тут все-таки человек едет — существо капризное, требовательное. Ему и досочки подавай для спанья, и свечку в фонарь втыкай, и вентиляторы устраивай для свежего воздуха. Хотя надо сказать, что вентиляторы у нас были естественные и без затраты капитала и рабочей энергии. Воздуха было много. Со всех дыр и со всех щелей дул сквознячок всю поездку.

Это даже наглядно было видно. Лежал на нижнем месте — на полу — слесарь наш Иван Савич. Человек он с бородой. Бороденка веером. Так бороденка его чувствительно всю ночь трепалась по ветру.

И это все за полтора рубля, обрати внимание, «Ворон». Даже подумать удивительно.

Очень хорошая, полезная поездка вышла, хотя как для кого. Некоторые неблагодарные люди остались даже недовольны.

Но это, дружище «Красный ворон», тем не понравилась поездка, которые по своей же глупости остались на промежуточных станциях. Они, «Красный ворон», по своей же глупости, не подождав до утра, ходили на остановках «до ветру». А поезд все-

таки — один, семерых не ждет, взял себе и пошел потихонечку.

Оставшиеся по своей глупости были очень, конечно, недовольны и побрели пешком.

А которые ехали, те все остались очень довольны, исключая, конечно, заболевших, простудившихся, сломавших ноги, а также и тех, которые запачкали свои костюмчики дегтем, смолой и грязью.

Засим, «Красный ворон», до свиданья. Мы тоже не лаптем щи хлебаем.

Подписи:
Семен Курочкин, Назар Синебрюхов,
Вася Пушкин.

МАЛОМЫСЛЯЩИЕ

Собрание подходило к концу.

Было душно и жарко. Вспотевшие ораторы один за другим выходили на помост и с воодушевлением говорили речи.

Слушатели кричали «ура», били в ладоши и единодушно выносили резолюции.

Собрание было посвящено кооперации.

— Товарищи! — говорил один из ораторов, вытирая пот со лба. — Товарищи!.. Кооперация!.. Наляжем... Все усилия... В деревню... Крестьянам... Сами торговать...

Оратор долго говорил о значении кооперации, потом, утомившись, уступил место другому.

Ораторы чередовались один за другим.

Последний оратор вышел под гром аплодисментов.

Он откинул назад свои пышные волосы, простер руку вперед и сказал:

— Кооперация!.. Вы, которые эти...

В эту минуту оратора перебили. Какой-то гражданин встал с места и, слегка заикаясь и робея, сказал, обращаясь к оратору:

— Вот, товарищ... Извиняюсь... Вы, это самое, конечно, говорите тут про ученые предметы... Кооперация там и другие разные слова... А мы тут некоторые присутствуем маломыслящие... Я, как представитель ихний, прошу покорнейше выяснить нам, что есть такое кооперация...

В зале наступила тишина. Некоторые конфузливо переглядывались друг с другом. Представитель оглянулся назад и продолжал:

— Мы, как сознательные маломыслящие... сидящие два часа тут, просим покорнейше... одним словом, объяснить...

— Правильно! — закричали в толпе. — Пущай скажет... Какого лешего...

Оратор с простертой рукой растерянно оглянулся на председателя, хлебнул воздух ртом и сказал:

— Кооперация — это вообще, товарищи... Торговля... Ну, кооператив... Гуталин, пудра, одним словом... Мыло... Я, товарищи, тут... тово, случайно... извиняюсь... Как бы присоединяюсь к общей массе...

Председатель собрания перебил оратора и простым русским языком стал объяснять загадочное слово.

Представитель маломыслящих в такт кивал головой и бормотал:

— Вот спасибо-то, вот спасибо-то, вот спасибо-то...

Закончив свое объяснение, председатель предложил присутствующим высказаться по вопросу кооперации, однако желающих не было.

Председатель покачал укоризненно головой и закрыл собрание.

Товарищ читатель! Я ничего не придумал. Все, что я рассказал, за исключением некоторых подробностей, — сущая правда. А произошло это в одном из курортов Черноморского побережья. На собрании, устроенном для домов отдыха.

А нуте-ка, дорогой читатель. Нуте-ка здесь, на месте, не отходя от журнала, ответь-ка себе: что такое кооперация...

Ага... Лавочка, говоришь? Кооператив? Торговлишка?

Вот то-то и оно.

Маломыслящие, готовься к экзамену!

НЕПРИЯТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Чудаки эти нэпманы. То, глядишь, сто рублей на что-нибудь кинут и не поморщатся, то за копейку грызутся и кровь себе портят.

Чудаки эти торговцы. Не сразу ихнюю психологию поймешь.

Я вот сидел раз вечером в кабачке. Кавказский погребок.

Сижу, ем бифштекс. А рядом какая-то компания кутит. Вино им подают, закуски, селедочку с луком. Вообще, кутят.

А по виду не поймешь, кто такие.

Я у официанта полюбопытствовал.

— Кто, спрашиваю, такие?

— А это, говорит, вроде как коммерсанты. Червонцев на двадцать хлопнут.

И действительно. Встает вскоре с ихнего столика полный мужчина с бородой и велит счет принести.

Приносят счет — двадцать червонцев. А он, который с бородой, не поморщился и говорит своим:

— Плачу за всех... Потому как мое угощение.

Ну, дамы тут ихние завизжали от восторга. Мужчины тоже добродушно кошельки свои спрятали. А борода заплатил и пошел к выходу. И даже хоть бы что. Даже про счет не вспоминает.

Я тоже заплатил полтора рубля и вышел. Вышел на улицу. Гляжу, стоит моя борода с дамой своей и с извозчиком препирается.

Извозчик говорит, рубль. А борода дает полтинник. И ругается.

— Да ты, говорит, очумел — рубль брать? Обалдел, говорит? За такой, говорит, конец — рубль! Да, говорит, за рубль многие рабочие спины, говорит, не разгибают целый день... А ты — рубль! Таксы, говорит, на вас, бродяг, нету. Не дам больше полтинника.

А извозчик и так и этак — никак.

— Ну, говорит, ладно, подавитесь. Садитесь с дамой за полтинник. Все равно, говорит, всю ночь даром стою.

Борода еще слегка покобенился и сел с дамой. И дама тоже что-то насчет извозчика щебечет.

Сели и поехали.

А я стою посреди улицы и головой трясу.

«Ну, думаю, бродяги. Ну, думаю, прохвосты».

А впрочем, если говорить по совести, положа руку на сердце, то больше полтинника конец этот и не стоит. Я бы, например, больше двугривенного не дал. А все-таки обидно. А отчего обидно, я и сам не знаю.

А впрочем, знаю: неприятна мне ихняя психология.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Говорят, что буржуям живется худо. Вздор. Ерунда. Отлично живется.

Я, по правде сказать, и сам раньше сомневался относительно ихней хорошей жизни, но, спасибо, один знакомый управдом рассеял мои сомнения.

— Дом наш не маленький, — начал управдом, — на три улицы выходит. Население людей в нем плотнеющее. Сто квартир. Из них — семьсот жильцов, двести тридцать детей и, кроме того, много домашних животных: кошек, например, собак и курей. Козы тоже есть. Сорок три козы.

А, несмотря на это, дом наш ужасно какой бедный и недоходный.

Все, как на грех, живет в доме мелкий жилец, некрупный в смысле денег — рабочие, скажем, служащие и безработные. А большой ли с них доход? Доход такой, что не только какой-нибудь ремонт, а и водопроводного крантика не починить.

И какая, глядите, полная несправедливость наблюдается! В одном доме хороших жильцов — буржуев — очень множество напихано, а в нашем доме чисто. Всего-навсего единственный один почетный квартирант — торговец Василий Васильевич Кучкин. На нем, голубчике, только и дом держится. А он, шельма, Василь Васильевич, премного это чувствует.

— Я, говорит, вас, чертей, пою и кормлю.

Ну, а мы, действительно, оберегаем его, голубчика. Дышать на него боимся. Дворнику Игнату я велел прямо-таки во фронт становиться, ручки по швам велел ему брать, когда, например, Василь Васильевич по двору проходит.

Окошки тоже ему через неделю моем, безработную поденщицу нанимаем.

Все боимся, как бы он, единственный буржуй наш Василь Васильевич Кучкин, не рассердился на нас и не съехал бы с квартиры.

Бывало, я самолично начищу медную ручку на парадной двери, а он, Василь Васильевич, все же морщит личико.

— Что, говорит, ручка да ручка. Что, говорит, ручек, что ли, я не видел? Я, говорит, единственный буржуй в вашем доме, а вы — ручка... Ванну, говорит, мне становите.

Ладно. Поставили ему ванну. А он, голубчик, все будто скучный ходит, ручки назади держит и носик морщит.

Как увижу я его в такой позе — сердце зайдется. Не надумал бы чего.

— Чего вы, спрашиваю, Василь Васильич, ваше степенство, столь грустные ходите и ручки позади себя держите? Все, говорю, хорошо и прекрасно. Ванну вам поставили, дворник Игнат уважение вам оказывает. Чем, говорю, недовольны?

А он, голубчик, печальным тоном отвечает:

— Что вы, говорит, мне в нос ванну тычете? Плевать, говорит, я хотел на вашу ванну. Меня, говорит, налоги третируют. И вообще, говорит, недоволен я государственной политикой... Вот, говорит, съеду от вас — поплачете.

— Батюшка, говорю, Василь Васильич, побойся бога... Не иначе, говорю, как это финансовый инспектор третирует. За что ж, говорю, дому-то страдать?

А он руками махает и все стращает: дескать, съеду.

Но все же не съехал. Живет и посейчас. И даже наше уважение принимает.

А живет он у нас больше года. За это время я ужасно как похудел и осунулся. Желтизна у меня даже разлилась. Желчь. Меня жильцы даже узнавать перестали. А которые узнают, те еще издеваются, зачем, дескать, такое уважение мелкой домашней буржуазии оказываю.

А как же не оказывать? Как же его, голубчика, не беречь? А вдруг он, тьфу-тьфу, заболеет?

Он и то однажды заболел. Сегодня еще был здоров, а тут случилась погода мокрая. А он, Василь Васильевич, без галошек был вышедши. Я, конечно, сразу дворника Игната послал с галошками. А Василь Васильич заартачился.

— Пустяки, говорит, не горазд мокро.

Пустяки пустяками, а дом страдай.

Заболел наш Василь Васильевич и слег.

Ну, переполох в доме. Врача вызвали. После — консилиум. А он, голубчик наш, буржуй единственный, при сильном жаре и при расстройстве всего организма капризничает:

— Помру, говорит. Замучили вы меня, черти. Пущай весь дом пропадает и рушится.

Но помереть ему не удалось. Отстояли. Поставили его на ноги.

А теперь желаем его на черноморское побережье отправить для полного поправления здоровья. А то он, голубчик, еще кашляет и носик у него заложен.

Только бы согласился.

ТОЧНАЯ НАУКА

Кочегар Василий Иванович Жуков, охая и кряхтя и почему-то приседая то на левую, то на правую ногу, вошел в приемный покой.

Народу было много.

Больные сидели на скамьях, на подоконнике и даже на ящике, на котором было написано «Осторожно».

Фельдшер поминутно открывал дверь и пальцем по воздуху считал больных, укоризненно покачивая своей кудлатой ученой головой.

Василий Иванович с осторожностью присел на ящик и спросил своего соседа:

— Прием-то начался?

— Начался, — сказал сосед. — А ты по какой болезни?

Кочегар подмигнул и сказал тихонько:

— Я-то? Да так... Болезни-то, прямо сказать, никакой нету у меня. Ко мне брат молочный приехадши. Мне дома надо побыть обязательно.

Сосед громко захохотал и сочувственно спросил:

— На какую болезнь намекать-то будешь?

— На живот, что ли, — сказал кочегар. — Все-таки это скрытый орган. Для глазу незаметный.

— Правильно, — одобрил сосед. — Наука, она разве точная? Не может врач знать, чего внутре делается. Хотя, знаешь ли, я давеча пришел на прием. В ухе, говорю, у меня свербит. А врач говорит: посвербит, посвербит и пройдет. Я говорю: меня лечить надо, а не такое зря говорить. А врач говорит: ну валяй, валяй, не задерживай. Ничего, говорит, у тебя в ухе не предвидится... Я, говорит, вас, лодырей, враз замечу.

— Не заметит, — с убеждением сказал Жуков. — Ему нельзя заметить. Наука все-таки неточная...

Больше двух часов сидел кочегар Жуков в приемной, и, когда очередь дошла до него, он сделал страдальческое лицо и вошел в кабинет.

— Ну что? — спросил врач. — Чем болен?

— Ох, — сказал Жуков. — Или, может быть, я объелся яблоками, не знаю. Живот что-то пучит. И боль внутре. А глазом не видно... Может, мне надо три дня в тепле полежать. А то у топки работаешь — все равно дует, и застудиться можно.

— Конечно, — сказал врач. — Обязательно в тепле нужно.

— Обязательно в тепле, — подтвердил больной. — Три, а то и пять дней. Пять дней напишите. Фамилия у меня Жуков Василий, кочегар.

— Это можно, — сказал врач. — Тепло — лучшее лекарство. Разденься...

— Не застудить бы, ежели раздеться? — предостерег больной.

— Ничего. Здесь не холодно, — легкомысленно сказал врач.

Кочегар, охая и кряхтя, стал раздеваться. Врач мыл руки.

«Хороший врач, — думал кочегар, снимая штаны. — Другой бы подозревать стал — не лодырь ли, а этот внимательный. Только раздевает зря».

Врач положил больного на диван и стал давить пальцами живот.

— Больно?

— Обязательно больно, — сказал кочегар, тихо охая.

Врач вдруг усмехнулся, подошел к столу, всыпал какой-то белый порошок в стакан с водой и подал больному.

— Пей все.

Кочегар скосил глаза на стакан и недоверчиво спросил:

— Не повредит?

— Больному лекарство не повредит, — ответил врач.

— А если, скажем, не очень больной? — осторожно спросил кочегар.

Врач снова усмехнулся.

— Пустяки, — сказал он. — У здорового человека судороги вызовет... Легкое отравление... Особенно не повредит.

Больной поставил стакан на стол и сказал:

— Сейчас мне будто полегче стало. Не сильно болит. Не повредило бы.

— Как хочешь, — сказал врач.

Он сел за стол и велел позвать следующего.

— А бумагу мне? — спросил Жуков, надевая штаны.

— Иди, иди, — сказал врач. — Бумаги не будет. Здоров.

Василий Иванович нахмурился и вышел из кабинета.

«Черт хромой, — думал кочегар. — Не дает — не надо. Просить не буду. А три-то часа в приемной я просидел, не работал. Накось, выкуси!..»

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

Поп Иван Боголепов сидел за столом и с унылым видом пил четвертый стакан чаю. Потом вздохнул, расчесал гребешком бороденку и сказал попадье:

— Так вот, я и говорю, мать, — дела плохие. Делишки не веселят.

— Какое же тут веселье? — сказала попадья.

— Веселья никакого, — согласился поп. — Приход ужасно какой развращенный. В Бога не особо веруют... Храм посещают редко... Вообще предпочитают зрелища легкие и приятные.

— Давеча шесть человек было в храме, — сказала попадья.

— Да-с, — продолжал поп, — шесть человек. А почему такое? А ты задай себе, мать, вопрос с ответом — почему это такое происходит? Нуте-ка? А я знаю. Я все понимаю. Нужна народная церковная реформа. Назрела реформа. Надо, чтоб в церкви созвучие эпохи наблюдалось, чтоб и служба была заманчивая, и проповеди легкие. И чтоб все было легко и приятно, чтоб народ с интересом в храм шел.

— Можно просвирки выдавать... Чтоб бесплатно, — предложила попадья.

Поп подумал слегка.

— Просвирки нельзя, — сказал он. — Это и дорого будет, и верующие, кроме того, обманывать станут. Ловчиться будут на много просвирок... Мальчишки, кроме того, шум подымут... Тут иное нужно. Я вот, мать, хоть и верующий человек, а понимаю, чего требуется народу. Бог, конечно, материя отвлеченная. Бог Богом, а ты чего-нибудь такое-этакое подай, чтоб народ сам повалил к нам... А то давеча синематограф приехал — все в синематограф кинулись. Там любопытней.

Попадья недоверчиво взглянула на мужа.

— Так это что ж, — спросила она, — не картинки ли ты хочешь в храме показывать?

— Не картинки, — сказал поп, — а чего-нибудь такое-этакое, заманчивое... Рассказывать, например, можно что-нибудь легкое из текущей жизни, заместо сухой проповеди... После хор пущай споет что-нибудь крестьянское... После... картинки тоже можно показывать... Из жизни, скажем, святых великомучеников. Какую-нибудь драму, например.

— А иконы? — строго спросила попадья. — Как их это рядом с иконами? Кощунство выйдет.

— Что ж иконы, — сказал поп. — Иконы, мать, ни при чем. Иконы, на худой конец, завесить можно или снять временно. Бог-то везде. Не в иконах... Царские врата можно полотном затянуть. Экран вроде бы. Можно на нем картины световые де-

монстрировать. Кончил картины — хор пущай в перерывах пропоет... После...

— Позволь, позволь, — с испугом сказала попадья. — Так это что же? Это что же выходит-то? Это, поп, клуб выходит. Для комсомольцев вроде...

Поп осторожно посмотрел на жену, почесал бороденку и сконфуженно замолчал.

НЯНЬКИНА СКАЗКА

Заведывающая детским домом вызвала к себе няню Еремеевну и официальным тоном спросила:

— Ты, Еремеевна, какие сказки рассказываешь детям?

— А какие сказки, — сказала Еремеевна, — разные сказки. Давеча вот про медведя сказывала... Про козла еще сказка такая есть...

— Завтра праздник, — сказала заведывающая, — Октябрьская годовщина... Надо, няня, что-нибудь рассказать детям про революцию...

— Ась?

— Что-нибудь революционное, — сказала заведывающая. — Что-нибудь, няня, героическое о революционном прошлом... Ну, воспоминания, что ли...

Няня сердито высморкалась в конец праздничного передника и с обидой сказала:

— Я этого не знаю... Я, матушка Елена Семеновна, политграмоту не сдавала... Не знаю, что к чему и почему... И, может, не поймут дети, трехлетние-то...

— Поймут, — строго сказала заведывающая. — Про революцию дети поймут. Они нам смена...

Няня еще раз с обидой высморкалась в передник и ушла, бормоча:

— Ладно... Рассказать можно... Язык, он без костей. А только, мать моя, я не ответчик, ежели дети испужаются...

Вечером, собрав детвору вокруг себя, няня уселась в кресло и начала рассказывать.

— Дак вот я и говорю, детишки-ребятишки, — начала няня. — В некотором царстве, в некотором государстве произошла эта самая, значится, революция.

На сегодня она, скажем, произошла, а назавтра в некотором царстве бегит ко мне Митюшка мой... Он в Балфлоте служит. Ладно, бегит... Беги, думаю, Христос с тобой. Беги, сынок. Надо же и нам повидаться.

Ну, ладно. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Бегит, значится, мой сынок Митюшка, а под мышкой у него полбуханки хлеба.

— Ну, говорит, мамаша, радуйся. Произошла, говорит, в некотором царстве, в некотором государстве эта, значится, революция.

— Слава, говорю, тебе, господи Христе, боже наш. Не сухой ли, говорю, хлеб-то?

А в те дни, детишки-ребятишки, в этом царстве гражданам мало-мало хлебушка выдавали... Кому, значится, четверка, кому осьмушка, а кому и полфунта синьки или пузырек уксусной эссенции.

«Вот, думаю, спасибо, что Митюха заместо хлеба синьки не принес. Неинтересно, думаю, ее кушать в такие дни».

И навалилась я, значится, на хлеб и шамаю. И гляжу — Митюшке все на месте не сидится, и все он колбасится.

— Ну, говорит, прощайте, мамаша, кушайте, а мне бежать надо.

Перекрестила я его, а сама все хлеб шамаю. А Митюша от креста отмахнулся и бегит.

После пошамала я — охота водички испить.

Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Пошла я на кухню, крантик верчу, а воды нетути — трубы лопнули.

Ну, думаю, спасибо, что хлеб еще есть. А то, думаю, неинтересно синьку жевать.

После, конечно, подхожу свет зажечь. Трык — открываю, а света нет.

Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дела обделываются.

Сижу это я в потемках и хлеб шамаю. А после бегит мой Митюшка с Балфлота и кричит обратно:

— Ну, кричит, мамаша, радуйтесь. Еще, говорит, одна революция произошла.

— Это, говорю, хорошо. Это, говорю, отлично. Может, говорю, вода теперича будет. А то, говорю, неинтересно сухую синьку лопать...

Няня задумалась, покачала головой и стала собираться с новыми мыслями.

С мыслями не собралась, а глубоко вздохнула и закончила:

— И произошла это, детишки-ребятишки, еще одна революция. И устроили это в честь ее седьмую годовщину, на манер праздника. И я там была, мед-пиво пила, по усам текло, а в рот не попало.

ПОВЫШАЮТ

На лестнице раздался резкий звонок.

Я бросился открывать дверь.

Открыл. И вдруг в прихожую стремительно ворвался человек.

Он явно был не в себе. Рот у него был открыт, усы висели книзу, глаза блуждали и слюна тонкой струйкой текла по подбородку. Пиджак был порван и надет в один рукав.

— Счетчик?! — дико захрипел человек. — Скорей! Где?

Я ахнул с испугу и ткнул пальцем под потолок.

Человек вскочил на столик, раздавил ногой отличную дамскую шляпу и принялся за счетчик.

— Товарищ, — испуганно спросил я, — вы кто же, извиняюсь, будете? Контролер, что ли?

— Контролер, — хрипло сказал человек. — Чичас проверим и дальше бежать надо...

Контролер спрыгнул на пол, зашиб ногу об угол сундука и, охая, бросился к выходной двери.

— Товарищ... Братишечка, — сказал я, — вы бы присели отдохнуть... на вас лица нет...

Контролер остановился, перевел дух и сказал:

— Фу... Действительно... Запарившись я сегодня... Сто квартир все-таки... Раньше мы шестьдесят проверяли, а теперича восемьдесят надо... А если больше — твое счастье — премия теперь идет... Вот догоню сегодня, ну, до ста пятидесяти, и будет... Мне много не надо. Я не жадный.

— Ну и ничего, поспеваете? — осторожно спросил я, поправляя помятую шляпу.

— Поспеваем, — ответил контролер. — Только что публика, конечно, не привыкши еще к повышению производительности. Пугается быстроте... Давеча вот в седьмой номер вбегаю — думали, налетчик. Крик подняли. В девятом номере столик небольшой такой сломал — опять крики. В пятнадцатом номере лампочку с абажуром сковырнул — крики и недовольство. В соседнем доме по нечаянности счетчик сорвал — квартирант в морду полез. Не нравится ему, видите ли, что счетчик висит неинтересно. Некрасиво, говорит... Ах, гражданин, до чего публика не привыкши еще! Только что в вашей квартире тихо и благородно... Шляпенция-то еще держится... Раздавил я ее, что ли?

— Раздавили, — деликатно сказал я, подвязывая на шляпе сломанные перья.

— Да уж эти дамские моды, — неопределенно сказал контролер, укоризненно покачивая головой.

Контролер потоптался у дверей и добавил:

— Беда с этим повышением. Всей душой рвешься, стараешься, а публика некультурная, обижается быстроте... Фу... Бежать надо. Прощайте вам...

Контролер сорвался с места, ударил себя по коленям, гикнул и одним прыжком рванулся на лестницу.

Производительность повышалась.

СЛУЧАЙ

На днях я пошел на склад. Дров покупать.

Купил полсажени осиновых и думаю с горечью:

«И топор, думаю, есть, а наколоть дров некому. А мне самому здоровье не позволяет...»

А я, действительно, человек слабый, организм у меня городской, кость хрупкая, мелко-мещанская. Иной раз взмахнешь топором и пугаешься — не сломать бы какой-нибудь нужной части скелета...

«Разоренье, думаю, с этими дровами. Придется, думаю, человечка принанять: наколоть и в этаж снести».

И вдруг подходит ко мне тут же, на складе, этакий арапистый гражданин в бабьей шляпке и в штанах ужасно рваного цвета. Подходит и говорит:

— Интересуюсь, говорит, работой. Могу, говорит, колоть, могу — пилить и могу в любые этажи носить.

— Можно, говорю.

Сговорились мы в цене и пошли.

Приходим домой, а хозяйка топора не дает.

— Я, отвечает, пятьдесят лет на свете живу. Глаз, говорит, у меня наметанный и человека я враз вижу. Этот пришедший человек, хотя и симпатичная у него личность, настолько скромно и неинтересно одет, что обязательно топор свистнет. Я, говорит, вдова, на социальном обеспечении, и не могу разбрасываться топорами налево и направо. Я, говорит, топоры не сама делаю.

Обеспечил я хозяйке цену за топор — дала.

Взял мой гражданин топор, поплевал на руку и начал.

Гляжу: ловко так колет — глядеть приятно. Наколет охапочку, крякнет, взвалит на себя и прет кверху.

Он дрова носит, а хозяйка по квартире мечется — вещи пересчитывает, — не спер бы, боится.

А сын ее, Мишка, у вешалки польты считает.

«Ах, думаю, чертова мещанка!» А сам я пальтишко свое снял, отнес в комнату и газетой прикрыл. «Лучше, думаю, газетой прикрыть, чем на глазах пересчитывать — человека обижать».

Гляжу: кончил мой гражданин.

Деньги я ему сполна уплатил и говорю любезно:

— Садитесь, говорю, к столу. Чай будем кушать.

— Нет, говорит, спасибо. Бежать надо. Лекция у меня сейчас.

— Ах, говорю, скажите на милость, как движется наука и техника! Неужели же, говорю, насчет дров ученые профессора лекции теперича читают?

— Нет, отвечает, я студент из вуза. А на дровах работаю для цели питания.

Очень я сконфузился, повесил свое пальто на вешалку, очки на нос надел и говорю любезно:

— Извините, говорю, за бедность мысли — обмишурился.

Хотел я добавить еще какое-нибудь французское или немецкое слово, но с неожиданности перезабыл иностранные языки и замолчал.

Стою и кланяюсь молча.

А он кивнул головой и интеллигентно вышел.

Вот это был единственный случай, когда я студента видел. До этих пор видеть не приходилось. Даже неловко было. Все кричат: студенты, студенты. А я и не знаю, какие это студенты. Вон они какие!

ШЕСТЕРЕНКА

Это, граждане, случилось из-за шестеренки.

Лопнула шестеренка. А, может, она и не лопнула, а сломалась. Черт ее разберет! Я в этих семеренках не разбираюсь. Квалификации у меня такой нет, чтоб в этих восьмеренках разбираться.

Ну, так вот, лопнула. И трепальные машины оттого стали. Не могут они, что ли, без этих шестеренок действовать. Не знаю я про это.

А было это, не люблю сплетничать, в текстильном техникуме.

Враз шестеренку где ж найти? Не найти.

А был в техникуме Александр Иванович Смирнов. Инструктор. Очень напористый мужчина и хороший техник.

— Ни хрена, говорит. Я, говорит, в лепешку разобьюсь, а уж шестеренку достану. Мне, говорит, плевое дело — шестеренку достать.

А была недалеко — как ее? — «Красная фабрика». Фамилья директора этой фабрики, не люблю сплетничать, Куликов. А имя и отчество его не знаю. Квалификации такой у меня нет, чтоб все знать.

Вот инструктор Смирнов и побежал до этого директора.

— Одолжите, говорит, свою шестеренку. Наша, говорит, пятеренка лопнула, будь она проклята.

— Нет, — говорит директор, — не могу одолжить. Зуб я имею против вашего начальника. Он у нас, каналья, лебедку зажилил. А шестеренка — да, действительно, есть свободная.

— Позвольте, — говорит инструктор, — общие же интересы. Общее достояние. Вы советские — мы советские. Ваши шестеренки — наши пятеренки...

— Интересы общие, — говорит директор, — а дать не могу. Несимпатичен мне чтой-то ваш начальник.

— Позвольте, — заплакал инструктор, — производству подрыв... Народные соки-денежки текут... Не велите казнить, велите миловать.

— Н е т у, — сказал д и р е к т о р. — Катитесь колбаской.

И инструктор покатился.

А директор Куликов, не любим сплетничать, показал шиш уходящему инструктору и, пробормотав «видал-миндал», отвернулся к окну.

А за окном тихо плакало декабрьское небо, поплевывая дождем и снегом на стекло, за которым стоял директор.

Трепальные машины стояли в меланхолической неподвижности.

Примечание «Бегемота». *Вы думаете, небось, так просто рассказ, для смеху? Ничего подобного. Факт во всем антураже. Не кто-нибудь — рабкор писал. С тем и съешьте.*

СЛУЧАЙ НА ЗАВОДЕ

Фельдшер усмехнулся и пояснил:

— Больных мы, милый, теперича отваживаем. Которые, знаешь ли, мнимые, лодыри или с мелкими медицинскими болезнями — отваживаем. Домой не отпущаем. Потому — профсоюзом строже велено в болезнях разбираться.

— Так я больной ж е, — сказал Ваня Ч и ж о в. — Желудок — болезнь не мелкая. Первейший орган. Сами посудите, гражданин фельдшер.

— Это уж дозвольте науке з н а т ь, — ехидно сказал ф е л ь д ш е р. — Первейший это орган или он не первейший, наука в этом вполне разбирается, имейте в виду... Чем болеешь-то? Покажи явные признаки.

Фельдшер меланхолически потрогал живот больного рукой и сказал:

— Объективных признаков нетути. Желудок лояльный. Пуп стоит на месте... Здоров. Ступай себе.

— Б р а т и ш к а, — испуганно сказал Ваня Ч и ж о в, — больной же я. Как же это так?

— Валяй, валяй, в а л я й, — сказал ф е л ь д ш е р. — Не задерживай научных сотрудников. Не приказано науке хороводиться с мелкими болезнями. А у тебя и признаков нету. И пуп на месте. Ходи веселей.

Охнул Ваня Чижов, схватился за живот и побежал в отделение к мастеру.

— Хотя пропуск вы д а й т е, — сказал Чижов м а с т е р у, — на ногах еле стою — падать хочется.

— Не могу, б р а т о к, — сказал м а с т е р. — Теперь которые лодыри, мнимые и прогульщики — борьба с этим. Разве я? Профсоюз борется... Пойми ты, чудак человек. Не могу. И не проси лучше.

Ваня Чижов снова охнул и, чувствуя острую резь в желудке и испарину на всем теле, побежал рысью к директору.

Директор сидел в кабинете и угрюмо подписывал бумаги.

— Товарищ, — робко сказал Чижов. — Болен я... Объелся...

— Все мы понемногу больные, — сказал примирительно директор. — Все мы нездоровые... Я вот тоже ужасно болен. А молчу. Я, погляди, молодцом еще держусь...

— Товарищ... Батюшка... — лепетал Ваня Чижов. — За что же, помилуйте?.. Пуп у меня, действительно, на месте, а внутре режет... Неверующий, а побожиться могу...

Директор печально вздохнул, грустно улыбнулся и добавил:

— Не могу идти против науки. Верю, но не могу. Иди, милый. Иди, дорогой товарищ. Не теряй понапрасну драгоценное время.

Ваня Чижов встал на четвереньки и, не теряя драгоценного времени, пополз в свое отделение.

Вечером Чижова отвезли в больницу. А на другой день хирург, скорбно сжав губы, резал Чижову живот, хотя пуп и стоял на месте.

ПОЛЕТЫ В КРЕДИТ

Началось широкое кредитование. Наконец-то — дождались.

Случилось это так.

В город Астрахань (арбузами славится) прибыл аэроплан.

Ну, натурально, в городе волнение поднялось. Этакий, можно сказать, новейший, летающий, несамогонный аппарат, да в этаком, можно сказать, городе. В Астрахани то есть.

Очень замечательно.

Ну, начались волнения. А в ГСПС тоже начали волноваться.

А дело было к вечеру, делать было нечего. Вот секретарь ГСПС по фамилии (не любим сплетничать) Будников взволновался и говорит:

— Надо лететь. Какая цена полету?

А заведывающий отделом ГСПС — не любим сплетничать — т. Немцев отвечает:

— С рыла по шесть рублей. Хотя и дорого, но можно в кредит.

Дело было к вечеру, делать было нечего. Вот завотделом возьми и махни по всем отделам союза бумаженцию:

«ГСПС рекомендует губотделам союзов открыть кредит лицам, изъявившим желание полетать. Плата с членов ОДВФ — 5 р. и с членов союза — 6 р.».

А в отделах растерялись.

— Это, говорят, не колбаса, чтоб в кредит.

А астраханский райкомвод даже обиделся. И махнул бумажку в ЦК водников, дескать, не колбаса это. Как быть?

А ЦК водников (дело было к вечеру) махнул бумажку в ВЦСПС, дескать, не колбаса это. И можно ли такие нереальные воздушные вещи в кредит? Так и написали:

«Просим сообщить, правильно ли означенное постановление ГСПС о полетах в кредит?»

А ВЦСПС махнуть бумажки некуда. Разве что в «Бузотер». Вот он и махнул. Дескать, разрешите вопрос по существу.

А «Бузотеру» и разрешать нечего. Только что факт констатировать может: началось широкое кредитование.

А касаемо шести рублей с носа, то это рабочему дорого хоть бы и в кредит.

Когда будет по рублю — нам скажите. Полетим за наличные, если ветру не будет.

ТОЧНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Собрание подходило к концу.

Конторщик счетного отделения Сережа Блохин долго откашливался, переступая с ноги на ногу, и, наконец, чувствуя, как душа его медленно уходит в пятки, попросил слова.

— Можно. Говори, — сурово сказал председатель.

Сережа влез на возвышение и испуганно взглянул на толпу. Зубы его отбивали мелкую дробь.

— А-ба-ба, товарищи, — сказал Сережа, лязгая зубами. — Я про это, а-ба-ба, про то... Я, товарищи... предыдущего оратора а-ба-ба...

Одним словом, конторщик Сережа Блохин хотел доложить собранию, что предыдущий оратор неправильно упрекает служащих в шаткости убеждений и в отсутствии терпимой и точной идеологии. Сережа хотел сказать, что не боги горшки обжигают и точная идеология у всех имеется.

Еще Сережа хотел добавить о коллективном строительстве государства, но растерялся, сказал три раза подряд «а-ба-ба» и сошел с возвышения.

Ну что ж! Не каждому человеку отпущено красноречие, и не каждый рожден для трибуны.

Сережа не был рожден для трибуны, а потому, стерев пот со лба, Сережа ушел с собрания, несколько подавленный своим смелым выступлением и своим интересом к общественным задачам.

Сережа шел по улице, размахивал руками и мысленно громил своих противников.

— Да-с! — мысленно кричал Сережа. — Предыдущий оратор упрекает нас в шаткости... А мы, товарищи, можем животы свои положить на алтарь отечества... Предыдущий оратор личности оскорбляет... Бейте его, товарищи, по носу! Хватайте предыдущего оратора! Волоките его с трибуны!..

Домой Сережа Блохин пришел поздно, и дома, глотая холодный суп, делился с женой впечатлениями за день.

— Я, Луша, так и сказал, — говорил Блохин. — Я говорю: свинство упрекать нас в шаткости. Мы, говорю, можем животы свои отдать на алтарь отечества, если государству понадобится. А вы говорите — идеологии у нас нет! Эх, говорю, товарищи!.. Ей-богу, так и сказал...

Жена с беспокойством слушала Сережу, укоризненно покачивая головой.

— Вот ты, Луша, головой махаешь, — сказал Сережа, — пугаешься, небось, зачем это я, дескать, выступаю общественно и обвинительные речи говорю. А ведь нужно кому-нибудь говорить... Нужно кому-нибудь следить за общественным интересом... А я так и сказал: оставьте, говорю, про нас беспокоиться. Мы, говорю, сами с усами...

— Да брось ты про это распространяться, — обиженно прервала жена. — Ты вот лучше к управдому сходи. Ведь цену-то какую нам на квартиру назначили: четырнадцать рублей назначили...

— Как это? — спросил Сережа. — Почему это четырнадцать? Откуда это, если я служащий? Да ты не путаешь ли?

— Не путаю, — сказала жена. — Список под воротами висит...

— Вот! — сказал Сережа, хватаясь за голову. — Видали! Четырнадцать рублей! Да что ж это? Нельзя же так! Я, Луша, на собрании так и сказал: нельзя же, говорю, так, товарищи. Было бы, говорю, за что живот свой класть на алтарь отечества. А то, говорю, и класть-то не за что...

Жена с испугом посмотрела на Сережу и сказала:

— Вот погоди, арестуют тебя за такие эти слова.

— И пущай! — сказал Сережа. — Пущай арестуют. Пущай в Нарымский край сошлют. Я не могу так больше... Мне правда важна... Я так и сказал... Живот, говорю, животом, а правда, говорю, важнее. Не могу, говорю, признать такое государственное строительство... Фу! Да не путаешь ли ты, Луша? Дай-ка я сбегаю к управдому.

Сережа напялил шапку на голову и бросился из квартиры.

Через пять минут Сережа вернулся, потирая руки.

— Спутал, черт лысый, — сказал Сережа. — Перепутал, говорит... Я ему все отпел. Я говорю: мы за вас, чертей, на общественных собраниях выступаем, участвуем, так сказать, в коллективном строительстве, а вы, говорю, что ж это, уважаемый товарищ?..

— Ну, а он что? — равнодушно спросила жена.

— Ну, а он хвост поджал. Ошибся, говорит. Девять, говорит, рублей с вашей квартиры. То-то, говорю.

Сережа вздохнул с облегчением и принялся за прерванный обед.

ДРОВА

И не раз и не два
Вспоминаю святые слова —
Дрова...

А. Блок

Это истинное происшествие случилось на Рождестве. Газеты мелким шрифтом в отделе происшествий отметили, что случилось это там-то и тогда-то.

А я человек нервный и любопытный. Я не удовлетворился сухими газетными строчками. Я побежал по адресу, нашел виновника происшествия, втерся к нему в доверие и попросил подробнее осветить всю эту историю.

За бутылкой пива эта история была освещена.

Читатель — существо недоверчивое. Подумает: до чего складно врет человек.

А я не вру, читатель. Я и сейчас могу, читатель, посмотреть в ясные твои очи и сказать: «Не вру». И вообще я никогда не вру и писать стараюсь без выдумки. Фантазией я не отличаюсь. И не люблю поэтому растрачивать драгоценные свои жизненные соки на какую-то несуществующую выдумку. Я знаю, дорогой читатель, что жизнь много важнее литературы.

Итак, извольте слушать почти святочный рассказ.

— Дрова, — сказал мой собеседник, — дело драгоценное. Особенно, когда снег выпадет, да морозец ударит, так лучше дров ничего на свете не сыскать.

Дрова даже можно на именины дарить.

Лизавете Игнатьевне, золовке моей, я в день рождения подарил вязанку дров. А Петр Семеныч, супруг ейный, человек горячий и вспыльчивый, в конце вечеринки ударил меня, сукин сын, поленом по голове.

— Это, говорит, не девятнадцатый год, чтоб дрова преподнесть.

Но, несмотря на это, мнения своего насчет дров я не изменил. Дрова дело драгоценное и святое.

И даже когда проходишь по улице мимо, скажем, забора, а мороз пощипывает, то невольно с любовью похлопываешь по деревянному забору.

А вор на дрова идет специальный. Карманник против него — мелкая социальная плотва.

Дровяной вор — человек отчаянный. И враз его никогда на учет не возьмешь.

А поймали мы вора случайно.

Дрова были во дворе складены. И стали теи общественные Дрова пропадать. Каждый день три-четыре полена недочет.

А с четвертого номера Серега Пестриков наибольше колбасится.

— Караулить, говорит, братишки, требуется. Иначе, говорит, никаким каком вора не возьмешь.

Согласился народ. Стали караулить по очереди. Караулим по очереди, а дрова пропадают.

И проходит месяц. И заявляется ко мне племянник мой, Мишка Бочков.

— Я, говорит, дядя, как вам известно, состою в союзе химиков. И могу вам на родственных началах по пустяковой цене динамитный патрон всучить. А вы, говорит, заложите патрон в полено и ждите. Мы, говорит, петрозаводские, у себя в доме завсегда так делаем, и воры оттого пужаются и красть остерегаются. Средство, говорит, богатое. Берите.

— Неси, говорю, курицын сын. Сегодня заложим.

Приносит.

Выдолбил я лодочку в полене, заложил патрон. Замуровал. И небрежно кинул полешко на дрова. И жду: что будет.

Вечером произошел в доме взрыв.

Народ смертельно испугался — думает, наводнение, а я-то знаю, и племянник Мишка Бочков знает, в чем тут запятая. А запятая — патрон взорвал в четвертом номере, в печке у Сереги Пестрикова.

Ничего я на это Сереге Пестрикову не сказал, только с грустью посмотрел на его подлое лицо, и на расстроенную квартиру, и на груды кирпича заместо печи, и на сломанные двери — и молча вышел.

Жертв была одна. Серегин жилец — инвалид Гусев — помер с испугу. Его кирпичом по балде звездануло.

А сам Серега Пестриков и его преподобная мамаша и сейчас живут на развалинах. И всей семейкой с нового году предстанут перед судом за кражу и дров пропажу.

И только одно обидно и досадно, что теперича Мишка Бочков приписывает, сукин сын, себе все лавры.

Но я на суде скажу, какие же, скажу, его лавры, если я и полено долбил, и патрон закладывал?

Пущай суд распределит лавры.

СПИЧКА

У нас тут, братцы мои, несчастный случай произошел. Из-за него едва собрание не закрыли.

А выступил у нас с докладом один такой докладчик. Или он от союза деревообделочников, или он от спичечного треста. Неизвестно это. На лице у его не написано.

Длинную такую, хорошую речь произнес. Много чего сказал

теплого и хорошего. И производительность, говорит, эти три кита нашей жизни, улучшается. И производство, говорит, сильно вперед прет. И качество, говорит, товара становится замечательным. Сам бы, говорит, покупал, да деньги нужны.

Бодрые вещи говорил. Раз двадцать его народ перебивал и хлопал ему. Потому всем же приятно, когда производительность, эти три кита, повышается. Сами понимаете.

А после докладчик стал цифры приводить. Для наглядности сказанного.

Привел две цифры и чтой-то осип в голосе.

Взял стакан воды, глотнул. А после говорит:

— Устал, говорит, я чтой-то, братцы. Сейчас, говорит, закурю и буду опять продолжать цифры.

И стал он закуривать. Чиркнул спичку. А спичечная головка, будь она проклята, как зашипит, как жиганет в глаз докладчику.

А докладчик схватился рукой за глаз, завыл в голос и упал на пол. И спичками колотит по полу. От боли, что ли.

После ему глаз промыли и платком завязали.

И снова его на кафедру вывели.

Вышел он на кафедру и говорит:

— Чего, говорит, цифры зря приводить и себя подвергать опасности. И так все ясно и понятно. Считаю собрание закрытым.

Ну, народ тут, конечно, похлопал докладчику, и по домам разошлись.

А когда я уходил, то поднял спички, которые докладчика жиганули.

Обыкновенная желтая коробочка. Аэроплан на ней пущен. Солнце с тучками. И еще какие-то неясные предметы. А пониже написано: «Фабрика „Красный Октябрь", бывш. „Волхов"».

Посмотрел я на коробочку и задумался.

«Как-то, думаю, там производительность? Повышается ли она? Или она понижается?»

Но, наверное, она повышается из-за неограниченной сдельщины. Сразу видать.

САМОДЕЯТЕЛИ

Самодеятельность, граждане, слово модное. Бывают такие, например, театры самодеятельные, кружки бывают, клубы...

В столицах это явление заурядное. Обычное явление. А вот в провинции это только что внедряется.

И веришь ли, читатель, слезы умиления на глазах появляются, когда узнаешь про провинциальную самодеятельность.

Скажем, Баку. Городишко не так уж чересчур большой. А тоже, поглядите, самодеятельность развивается.

Газета «Бакинский рабочий» пишет:

«Не так давно в Белогородском клубе им. Шаумяна по инициативе кружка друзей клуба проведен был вечер самодеятельности...»

Далее газета сконфуженно продолжает:

«Большинство членов кружка были пьяны. Между прочим, один из кружковцев до того договорился, что стал рассказывать анекдоты о евреях...»

Ей-богу, слезы на глазах появляются. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял этого самодеятельного еврейского анекдотиста, да в темном углу по мордасам, по мордасам.

Заметку свою газета заканчивает с легкой грустью:

«На вечере за два часа выпито было 10 ведер пива».

Слезы на глазах появляются. В зубах легкий скрип. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял эти 10 ведер, выпил бы, а после пустым ведром по головам этих самодеятелей.

Ах, ей-право, до чего в провинции эта самая, как ее, черт ее побери, ну, самодеятельность, что ли, внедряется!..

А так все остальное ужасно хорошо и благополучно. И дела идут, контора пишет.

Ключи на комоде.

ОХ! ТА!

ОТ НАШЕГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

А вот, граждане, тихая акварельная картинка нашей провинциальной жизни.

Представь, читатель.

Вечер. Снег под ногами похрустывает. Фонарики небольшие этакие светят. И стоит себе будка этакая, тоже небольшая, корявенькая. Воду она подает жителям.

А у будки — две домашние хозяйки с ведрами. Одна хозяйка нацедила себе два ведра, присобачивает их к коромыслу. Сейчас пойдет.

А другая хозяйка сердито отчитывает сторожа в будке.

— Почему, говорит, у тебя с ведра пятак, а в других будках по три? Небось, бродяга, зажиливаешь две народные копейки?

Из окошечка сердито лезет лохматая голова. Голова сморкается, ловко надавив на нос одним пальцем, и говорит с хрипом:

— Наживешь с вас, дьяволов! Приказано пятак — только и делов.

— Делов, делов, — возражает хозяйка. — Вода, что ли, у тебя, у бродяги, вкусней?

Хозяйки, еще побранившись слегка, отходят от будки, делясь впечатлениями.

— Я бы, — говорит одна, — нипочем бы не стала деньги рас-

ходовать, потому — жалко. Я бы сама на реку ходила, да только неинтересно, милая, под лед падать. Страсть склизко...

— Да уж, — говорит другая, — под лед, это верно, прохладно падать. Лучше уж я пятак заплачу, а уж чтоб с конфортом...

Хозяйки скрываются в тени.

Поскрипывает снег под ногами. Луна соперничает светом с фонарем. Тихо. Где-то жалко играет гармоника.

Вот тихая провинциальная картинка!

— Где ж это такой медвежий уголок? — ядовито спросит читатель.

Как где? А в Ленинграде, милый читатель! На Большой Охте. Неужто не признал?

Водопроводов там нету, а водой торгуют разно: где три копейки берут, а где и пятак. От этого жители сильно обижаются.

А ученые профессора проекты строят: воздушные сады на крышах, фонтаны и радиоприемники.

Эх-ма! Кабы денег тьма...

Об уборных на Б. Охте в другой раз.

ХИТЕР ЧЕЛОВЕК

Ну и хитрый же народ нынче пошел! Крыть, братцы, нечем.

Скажем — клуб. Скажем — до зарезу ремонтировать его нужно. А денег, скажем, ни черта нету. Чего, например, делать?

Может, мы с тобой, читатель, и не знаем чего, как люди неискушенные, ну а публика досконально знает. Она собаку на этом съела и кошкой закусила.

Ах, хитер народ, едят их мухи!

Конечно, клубное помещение — дело ненадежное, хрупкое дело. Изнашивается быстро. Потому — не железо.

Скажем — один парнишка плюнул на стенку для блезиру. Другой плюнул. Третий плюнул. Десять плюнуло, и, глядишь, — не стена, а болото. Грибки растут. Мокрицы, например, резвятся. Каракатицы ползают. И вообще, значит, износилось помещение, и требуется до зарезу его ремонтировать.

С деньгами каждый дурак ремонтировать может. А попробуй без денег!

Хитер народ. Он и без денег может. Потому — лазейка есть. Сейчас про нее скажем. Дайте только развить фантазию насчет хрупкости помещения.

Скажем — теперь окно. Присели ребята на окно. На подоконник. А один парнишка, разговаривая насчет международной революции, размахнулся шибко рукой и выпер по нечайности одну стекляшку.

Ну, выпер. Сегодня выпер. Завтра выпер. Послезавтра та же

картина. И глядишь — через месяц холодно. Сквознячок бороды треплет. И вообще — ремонтировать нужно.

То же и насчет пола.

Одну половицу вынули для блезиру. Другую вынули. Десять вынули — крыть нечем. Сами посудите: где же ходить народу? Не летать же без пропеллера и без бензина по воздуху? А если не летать по воздуху, то, значит, срочно ремонтировать требуется.

А денег, заметьте, нету. И не то чтобы предместком растратил. А вообще нету. Не печатать же своими средствами?

Вот тут-то и выплывает хитроумная затея.

Сейчас про нее скажем. Дайте только передохнуть и папироску выкурить.

Затея — *переехать в другое помещение.*

Так народ и делает. Одно помещение испортили — и подыскивают другое.

Три таких почтенных учреждения нам известны.

Про одно не скажем. Конфузить не желаем. Может, оно исправится.

Про другое намекнем слегка. Оно само догадается. Оно в седьмой раз переезжать хочет. И теперь на прелестный двухэтажный особняк нацелилось.

Быть особнячку пусту!

Третьего учреждения, если говорить правду, не знаем. Сказали на всякий случай. Пущай другим неповадно будет.

А так на всем остальном культурном фронте все обстоит отлично и хорошо. Дела идут, контора пишет. И спектакли ставятся.

ВАЛЯЙТЕ, НАМ НЕ ЖАЛКО!

Гляди, читатель, чего на картинке видишь?

Небось, думаешь — это последний фотопортрет нашего многоуважаемого Гаврилы?

Нету, читатель. Это не наш Гаврила. Это харьковский Гаврила. Это в Харькове журнал такой будет выходить «Гаврила».

А пущай выходит. Нам не жалко.

Погляди, читатель, еще раз на картинку. Ась?

Гляди: идет человек с вещами. Тут у него и папка с бумагами, и пузырек с чернилами, и ручка с пером. Все, как у богатого. И пиджак слева, гляди, оттопыривается слегка. Это не иначе как бумажник с деньгами пузырится. На три номера, небось, за глаза хватит.

Ладно. Пущай выходят. Нам не жалко.

А только для истории сообщаем: просим не смешивать нашего Гаврилу с этим Гаврилой. Наш Гаврила будет слегка поплотней; и выражение лица у нашего несколько язвительней. И не курит,

как этот. Потому — борьба. И кашне не носит. Братишка его двоюродный действительно носит кашне, а он — нет.

Ну, ладно. Пущай их выходят. Надо же и Харьков слегка осчастливить. Нам не жалко. Мы все советские. И наш Гаврила — советский, и этот — советский. Мы его не хаем. Это тоже ужасно способный Гаврила. Вишь, идет как смело. И аппарат в руке. И зачем ему, братцы, аппарат сдался? Фотомонтаж он делать будет, что ли? Ах, едят его мухи!

А только странно, братцы, где ж у него наш журнал «Бузотер»? Чтой-то не видно. Еге, да он в папочке спрятан. Глядите — кусок торчит.

Пущай торчит. Разве нам жалко. Пущай их читают и пущай сами выходят.

А полупочтенному нашему тезке — Гавриле — наше вам с кисточкой.

ПОЗВОЛЬТЕ ВЫЙТИ!

В Сибири собрания проходят иначе, чем в Москве. Разница ощутимая. Иркутская газета «Власть труда» описывает одно такое собрание в художественной форме:

«Губоно. Собрание коллектива после конца занятий. Месткомщик бегает по комнатам и переписывает сотрудников. Персонально и под номерами.

Переписаны. Сторож запирает дверь на замок и становится часовым».

А которые, например, захотят оправиться, — поднимают руку и робко спрашивают:

— Позвольте выйти, товарищ председатель!

На что председатель, небось, отвечает:

— Обождите, гражданин. Двое уже вышедши.

Ну, и ждут, ежели можно.

300%

Позвольте, граждане. Когда ж это было? Да это во вторник было, на прошлой неделе. Со вторника Иван Семеныч начал новую и светлую жизнь. Хотел с понедельника, да, говорит, день тяжелый.

А бросил Иван Семеныч дома кормиться. На общественное питание перешел. Стал ежедневно ходить с женой в столовую.

Обедал я с ним в одни часы. А за обедом Иван Семеныч говорил без умолку. И все восторгался, что кухню бросил.

— Это, говорит, такая выгода, такая выгода... А главное, говорит, жену от плиты раскрепостил. Пущай, думаю, и баба поживет малехонько в свободе. Ведь сколько теперь этого сво-

бодного времени останется? Уйма. Раньше, бывало, придет супруга с работы — мотается, хватается, плиту разжигает... А тут пришла, и делать ей, дуре, нечего. Шей хоть целый день. А кончила шить — постирай. Стирать нечего — чулки вязать можешь. А то еще можно заказы брать на стирку, потому времени свободного хоть отбавляй.

Вообще, Иван Семеныч был ужасно доволен своей переменой. Однажды он даже небольшую речь сказал обедающим гражданам:

— Граждане, сказал, пора ослобонить женщин от плиты! Пора бросить в болото эти кастрюльки и эти мисочки! Кормитесь, граждане, завсегда в столовой.

Обедающие, конечно, обижаться стали.

— Позвольте, говорят, что вы расстраиваетесь? Мы, говорят, и так в столовой обедаем...

Целую неделю ходил Иван Семеныч в столовую. И каждый день находил все новые и новые выгоды в своей перемене.

А после ходить перестал.

Я уж подумал, не заболел ли человек сапом. Пошел к нему на квартиру.

Нет. Гляжу — здоровый. Сидит у плиты и руки греет. Жена рядом в лоханке стирает.

— Что ж ты, говорю, друг ситный, ходить-то перестал?

— Да, говорит, так. Выходит очень странно. Я, говорит, и сейчас не пойму, как это выходит.

— А что?

— Да, говорит, начали мы, как вам известно, в столовой кормиться. Время стало гораздо много оставаться. Я говорю супруге: «Я, говорю, вас от плиты раскрепостил, но, говорю, это не значит, что вам дурой мотаться. Пошейте, говорю, или постирайте». Начала она стирать... Теперича спрашивается: плита топится ай нет, ежели стирка? Плита элементарно топится. Отчего бы, говорю, кастрюльку не поставить? Пущай кастрюлька кипит. Глупо же без пользы огонь тратить...

А теперича что выходит? Полная выгода. Кастрюльки даром кипят. Жену от плиты раскрепостил. И, между прочим, дома обедаем.

Такая выгода, такая выгода, прямо триста процентов выгоды! Даже и не понять враз, откуда такое счастье?

— Да, где же *понять*, — сказал я.

И мы попрощались.

ЗАСЫПАЛИСЬ

Станция «Тимошкинская». Минуты две стоит поезд. Ерундовая вообще станция. Вроде даже — полустанок.

А скажи на милость, какие там дела творятся на ткацкой фабрике!

А стала пропадать там пряжа.

Месяц пропадает. И два пропадает. И год пропадает.

Наконец, рабочие взбеленились.

— Что ж это? — говорят. — Кража пряжи, а ты глазами мигаешь и собрания не собираешь. Давайте, братцы, соберем собрание. Надо же выяснить, что к чему и почему.

Собрали.

Начали.

Все кроют воров, одним словом, последними словами. И этак их, и так, и переэтак. По очереди выходят ткачи и кроют.

Вышел также ткацкий мастер Кадермятов. Фамилия у него такая. Вышел. Глаза на лоб и пена во рте.

— Братишечки, говорит. Пора по зубам стукнуть вредных паразитов! Доколе, говорит, и отколе и неужели же потерпим?

Другой, подмастерье Коршунов, тоже в резкой форме высказался.

— Сволота, говорит, народ. С-под носу, говорит, крадут пряжу. Передавить, говорит, нужно воров без всякой амнистии. Не закрывать же, говорит, специальную фабрику. Смешно.

Соколов тоже, такой дядя, отчаянно ругался. К стенке даже предлагал ставить.

— Иначе, говорит, нет терпенья и настроенья.

Еще многие тоже выступали. Клеймили позором.

Наконец, дядя такой вышел в фуфайке.

— Надоело, говорит, надо, говорит, экстренные меры враз принять. Надо, говорит, братишечки, сплотиться. Потому, говорит, такая чудная пряжа пропадает — жалко же. Это, говорит, такая отличная пряжа, что я, говорит, фуфайку с нее два года ношу и ни дырочки.

Тут с мест начали голоса раздаваться. Дескать, пряжа действительно выдающаяся.

А подмастерье Коршунов кричит:

— Фуфайки, говорит, что! Она вообще не горазда трепаться. А вот, говорит, я чулки второй год, не снимая, ношу — и хоть бы хны. Это да!

А Соколов с места кричит:

— Ты, кричит, с чулками не забывайся. Чулок, он в сапоге, не видно. А вот, говорит, братцы, варежки я шесть лет ношу! Да еще десять лет проношу, ежели, например, не сопрут их.

Тут председатель попросил слово.

— Пряжа, говорит, действительно, я вижу, специальная, и пропадает, говорит, она не зря.

Тут собрание стало понемножку расходиться.

Газета «Пролетарский путь» развертывает дальнейшие события:

«Милиция произвела обыск в квартирах после собрания и краденую пряжу нашла у мастера Кадермятова, у подмастерья Коршунова, у Соколова и еще у двух рядовых ткачей...»

А к чему приговорили этих ткачей, нас, товарищи, не касается. У нас журнал не «Суд идет», а «Бузотер». Понимать надо.

УЖАСЫ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА

Не хотел бы Гаврила служить в МСНХ. Очень уж там, братцы, внутренний распорядок строгий! Ну его совсем!

Например, там одна гражданка опоздала. И всего-то она опоздала на две минуты за полмесяца. Республика разве от этого разорится? А вот администрация МСНХ разоряется: посылает в письменной форме нахлобучку.

А нахлобучка такая:

«Товарищу такому-то — имя рек.

Управление делами МСНХ сообщает, что в первой половине месяца вы опоздали на службу на 2 минуты.

Ввиду незначительного времени опоздания Управление Делами МСНХ находит возможным на первый раз ограничиться предупреждением, что в дальнейшем при опоздании на службу к вам будут применены меры административного взыскания согласно существующих правил внутреннего распорядка.

Управделами МСНХ.
Зав. Секретариатом».

Конечно, проступок гражданки важный. Что уж говорить. Благодаря ей две минуты драгоценного рабочего времени навсегда вычеркиваются из жизни. Но если б это было только две минуты! А то больше, ох, больше! Ох, извольте сами взглянуть, дорогие и многоуважаемые граждане.

1. Письменная нахлобучка составлялась, ну, скажем, 6 минут.
2. Машинистка пропечатывала эту нахлобучку на «Ундервуде» — 4 минуты.
3. Секретарь и управделами подписывали — 2 минуты.
4. Курьер относил нахлобучку опоздавшей гражданке — 7 минут.
5. Опоздавшая гражданка читала — 10 минут.
6. Плакала — 8 минут.
7. Нюхала валерианку — 6 минут.
8. Жаловалась на несчастную свою судьбу соседке — 15 минут.
9. Соседка грустно качала головой — 2 минуты.
10. Беспокоилась за свою судьбу — 3 минуты.
11. Нюхала валерианку — 1 минуту...

Теперь давайте считать. Оказывается, на одну запоздавшую гражданку зря затрачивается 64 минуты драгоценного рабочего времени.

А ежели к этой цифре добавить еще минут 10, непроизводительно затраченных Гаврилой на этот фельетон, то и совсем получается обидно и досадно.

Ох, граждане, не опаздывайте больше! Сами видите, чего получается: ерунда получается.

ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ

Пасха пасхой, — надо и самогону место отвести.

Газета «Красный Курган» пишет, что некий Иванов Ефим, житель деревни Камышное Утятского района, не имея средств, принес в сельсовет четверть самогонки вместе с окладным листком на уплату налога в три рубля.

Даже сдачи не попросил. Отдал и хотел идти. Да не пустили. И под суд еще отдали.

Теперь Иванов Ефим бороденку скребет и затылок чешет.

— И за что, думает, меня под суд? Цена божеская — три рубля четверть... Пущай каждый скажет... Жидкость правильная. Может, муха в ее, что ли, попала?

Когда на суде выяснится, что и мухи в самогоне не было, — Иванов Ефим сплюнет в сторону и подумает:

— Блажат людишки, так их за ногу. С жиру бесятся. Зря народ под суд отдают.

* * *

А говорят — темнота в деревне, просвещения мало. Пустяки, мало! Взять, например, рогатинского председателя сельсовета, что в Ливенском уезде, Орловской губернии. Да это такой ученый мужчина, что только держись.

«Учительская газета» про него пишет:

«Зашел он вместе со своим секретарем в рогатинскую школу и произвел в 3-й группе испытание, после чего составил протокол и прочитал учительнице:

„Мы, нижеподписавшиеся, рогатинский предсельсовета и секретарь производили испытание в 3-й группе, после чего 3-я группа оказалась слаба по естествознанию"».

Засим ученый пред вместе со своим ученым секретарем отбыл, небось, в сельскую больницу, произвел на ходу две или три операции, взгрел старшего врача за слабое понятие об астрономии и, наконец, утомленный высшим образованием, вернулся к своим прямым обязанностям.

А жаль, если такого ученого попрут когда-нибудь за превышение власти.

БЕДНЫЙ ТЫРКИН

1

Лицо свободной профессии Яков Абрамович Тыркин две недели ходил в расстроенных чувствах. Бедный Тыркин сильно сомневался: подать ли фининспектору верные сведения о своих доходах или приврать чуточку.

Выходило и так и так плохо.

— Ну, ладно, — говорил себе Тыркин. — Ну, хорошо. Ну, подал верные сведения... Да что мне, помилуйте, спасибо за это скажут? Ручку пожмут? Штаны купят? Ха! Довольно дураками жили. Пора поумнеть...

Однако умнеть Тыркину было жутковато.

— Ну, ладно, — думал Тыркин. — Ну, приврал. Ну, убавил доходы... А вдруг откроют? Вдруг какая-нибудь комиссия или там какой-нибудь черт в ступе обнаружит?.. Ведь это имущество опишут, хвост накрутят, в тюрьму посадят...

И бедный Тыркин, вытирая холодный пот со лба, мучился в своей нерешительности.

2

Две недели ходил Яков Абрамович Тыркин осоловевший, не зная, чего ему предпринять. Но, наконец, гражданская доблесть одержала верх и Тыркин решил подать верные сведения.

— Довольно! — говорил Тыркин. — Баста! Все мы заврались. Пора начинать честно жить... А то один приврет, другой соврет, третий надует... Каково это республике?..

И вот двадцать второго числа, в ясный солнечный день, Яков Абрамович Тыркин, восхищенный собой, своей честностью и решимостью, подал декларацию с верным указанием всех доходов со своей свободной профессии.

Больше того: Тыркин имел даже мужество указать о всех своих случайных доходах — выигрыш в преферанс 7 р. 50 к. и найденный двугривенный на передней площадке трамвая. Итого вся сумма тыркинских доходов за полугодие выразилась в точной цифре 1207 р. 70 к.

Склони голову, читатель, перед честным лицом свободной профессии Яковом Абрамовичем Тыркиным.

3

Фининспектор сорок седьмого района Иван Иванович Гусев просматривал поданные декларации.

— Так, так, — говорил фининспектор, покуривая папироску. —

Тыркин Яков... Гм... Это какой же Тыркин?.. Лицо свободной профессии... Так, так... Сколько же этот Тыркин указал?.. Гм... Тысячу двести указал... Жулик народ пошел. Тысячу двести указал — значит, приврал наполовину... Знаем мы эти штучки. Гм, Тыркин... Сейчас мы ему припаяем... Считаем ему две тысячи пятьсот. Вернее будет... Так, так...

4

А в это время Яков Абрамович Тыркин, утомленный своей гражданской доблестью, спал и видел сон, будто все фининспекторы города Ленинграда и его окрестностей стоят перед ним и в порядке живой очереди жмут ему руки и восхищаются его доблестью. И будто какой-то представитель откомхоза является с золотыми часами и надевает эти часы на грудь Тыркина. А сам будто Тыркин машет руками и упрашивает фининспекторов не напирать...

5

Пожалей, дорогой читатель, честного Тыркина.

№ 1028

Прошу запомнить. Это номер рабкора Овсянникова. Того, значит, самого Овсянникова, который на станции «Обдулино» живет.

Сейчас мы ему, граждане, хвост накрутим, не стесняясь расстоянием.

Дайте только объяснить по порядку.

Случилось это вечером в городе Белебее. Какой это город Белебей, — не беремся описать. Не знаем этого города. И, по совести говоря, в первый раз слышим о нем. Единственно, чего знаем, это что там стенная газета выходит. Местком белебеевской кант'юстиции ее выпущает.

А какая это газетка — хороша она или дрянь газетка, — опять-таки не знаем. Не читали.

Вот рабкору Овсянникову эта газетка сильно не нравится. Не одобряет ее рабкор.

Раз как-то проходил он мимо витрины, остановился, прочитал, сплюнул в сторону.

— Эх, думает, плохо пишут. Учить чертей надо...

И карандашиком, знаете ли, почиркал кое-что. И на полях приписал свои туманные заключения. А одну статеечку даже совсем вымарал, к чертовой бабушке. И приписал сбоку: *«Бросьте ерунду писать! — рабкор № 1028 „Гудок"».* И исполнив этот свой

светлый гражданский долг, рабкор пошел от витрины, тихонько и весело посвистывая.

Но не свисти, рабкор Овсянников! Обожди свистать-то, милый. Дело есть.

Увидел местком, чего с ихней газетиной сделано, обиделся и распалился. И жалобу подал в белебеевское кантонное отделение. А кантонное отделение — нам: дескать, товарищ Гаврила, будьте любезны.

Вот бумажка за № 828, полученная из города Белебея:

«Препровождая при сем копию акта месткома Белебеевской Кант'юстиции, из коего усматривается, что рабкор „Гудка" № 1028 т. Овсянников позволил себе выходки, свойственные старорежимному Царскому цензору по отношению к издаваемой месткомом стенной газете, а потому Правление убедительно просит тов. Гаврилу „расписать" рабкора Овсянникова так, чтобы в будущем отбить у него аппетит на звание Царского цензора».

Поступок у рабкора вредный — не заступаемся. Но только зачем же, товарищи, такие строгие слова выносить — царский цензор? Да ведь, может, это он по глупости делал? Просим ему снисхождения.

В другой раз пущай с нас пример берет. Разве мы чиркаем ерунду? Да вот недалеко ходить. Вот эта самая бумажка за № 828, которую нам из Белебея прислали. Да там слово «царский» дважды с большой буквы написано. Явная ерунда. А мы ничего — печатаем без особых заключений. А ведь ерунда такая, что читать от этого противно.

Так-то, товарищи. Кто из нас без греха...

Ну, а касаемо № 1028 — надо бы ему слегка хвост накрутить. Потому, действительно, уж очень поступок вредный. Не защищаем. Хотя и просим снисхождения.

ВЕСЕЛЫЙ ДИРЕКТОР

Крестьяне народ, конечно, темный. Крестьянин увидит, например, окно и непременно сядет на подоконник. Ежели особенно в комнате скамеек нету.

А директора сахзавода (имени Карла Маркса, что на Уманщине) это сильно раздражало. Думал он, думал, как отучить крестьян на окна присаживаться, и придумал:

«По распоряжению директора в передней конторы, где крестьяне ожидают часами всяких справок и выдач, к подоконнику был прибит кусок доски, утыканной острыми гвоздями».

А то можно еще фунта два нитроглицерина заложить. Сядет, например, мужичок по глупости на окно, а его как дерганет.

Куда руки, куда ноги. Еще смешней.

А то можно еще лишнюю скамеечку в приемной поставить. Тоже действует.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

Марью-то Петровну, оказывается, из союза работников искусств выперли. В Бухаре дело было.

Гаврила навел справочку, отчего и почему выперли бедную Марью Петровну. Оказывается, по нижеследующим причинам:

«Девица Марья Петровна Ш-ская имеет незаконного мужа. В высшей степени недисциплинированный член союза, обливающий грязью всех членов союза, не имея на то права и данных».

Прав-то, может, и нет у Марьи Петровны грязью обливать, а вот данные-то есть. Сами теперь видим. Не спрячешь. Ишь, черти, за что барышню уволили! Сам же председатель рабиса, небось, дважды женат законным браком, оттого, небось, и выбран в председатели.

ВОРЫ

Что-то, граждане, воров нынче много развелось. Кругом прут без разбора.

Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли.

У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки.

И чего, например, с этим социальным бедствием делать? Руки, что ли, ворам отрывать?

Вот, говорят, в Финляндии в прежнее время ворам руки отрезали. Проворуется, скажем, какой-нибудь ихний финский товарищ, сейчас ему — чик, и ходи, сукин сын, без руки. Зато и люди там пошли положительные. Там, говорят, квартиры можно даже не закрывать. А если, например, на улице гражданин бумажник обронит, так и бумажника не возьмут. А положат бумажник на видную тумбу, и пущай он лежит до скончания века... Вот дураки-то.

Ну, деньги-то из бумажника, небось, возьмут. Это уж не может того быть, чтоб не взяли. Тут не только руки отрезай, тут головы начисто оттяпывай — и то, пожалуй, не поможет. Ну, да деньги — дело наживное. Бумажник остался — и то мерси.

Вот у меня, не доезжая Жмеринки, чемоданчик свистнули, так действительно начисто. Со всеми потрохами. Ручки от чемодана — и той не оставили. Мочалка была в чемодане — пятачок ей цена, — и мочалку. Ну, на что им, чертям, мочалка? Бросят же, подлецы. Так нет. Так с мочалкой и сперли.

А главное, присаживается ко мне вечером какой-то гражданин.

— Вы, говорит, будьте добры, осторожней тут ездите. Тут, говорит, воры очень отчаянные. Кидаются прямо на пассажиров.

— Это, говорю, меня не пугает. Я, говорю, завсегда ухом на чемодан ложусь. Услышу.

Он говорит:

— Дело не в ухе. Тут, говорит, такие ловкачи — сапоги у людей снимают. Не то что ухо.

— Сапоги, говорю, опять же у меня русские. Не снимут.

— Ну, говорит, вас к черту. Мое дело — предупредить. Как хотите.

На этом я и задремал.

Вдруг, не доезжая Жмеринки, кто-то в темноте как дернет меня за ногу. Чуть, ей-богу, не оторвал... Я как вскочу, как хлопну вора по плечу. Он как сиганет в сторону. Я за ним с верхней полки. А бежать не могу.

Потому сапог наполовину сдернут — нога в голенище болтается.

Поднял крик. Всполошил весь вагон.

— Что? — спрашивают.

— Сапоги, говорю, граждане, чуть не слимонили.

Стал натягивать сапог, гляжу — чемодана нету.

Снова крик поднял. Обыскал всех пассажиров — нету чемодана.

На большой станции пошел в особый отдел заявлять.

Ну, посочувствовали там, записали.

Я говорю:

— Если поймаете — рвите у него к чертям руки.

Смеются.

— Ладно, говорят, оторвем. Только, говорят, карандаш на место положьте.

И действительно, как это случилось, прямо не знаю. А только взял я со стола ихний чернильный карандаш и в карман сунул.

Агент говорит:

— У нас, говорит, даром что особый отдел, а в короткое время пассажиры весь прибор разворовали. Один сукин сын даже чернильницу унес.

Извинился я за карандаш и вышел.

«Да уж, думаю, у нас начать руки отрезать, так тут до черта инвалидов будет. Себе дороже».

ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО

Неохотно нынче народ на собрания ходит! Чего с ним сделалось — непонятно.

Писалось про это множество раз. Сколько перьев испортили! Один даже общественный работник от этого чесоткой захворал. Истинная правда. Конечно, может, он и от знакомого пуделя заразился, — не в этом дело.

Теперь он поправился. А дело насчет собраний не улучшилось. Выходит, что зря болел, бедняга.

Вот тоже, например, в Ростове. Фабрика там такая есть.

Трудно так выговаривается — Донгостабфабрика. Фабком уж и так и сяк уговаривал рабочих ходить на собрания — не слушают. Тогда фабком плакатик вывесил, — дескать, *музыка будет играть на собраниях.* Духовой оркестр.

Не знаем, подействовало это или нет. А то, если не подействовало, пущай фабком не горюет. Много есть еще домашних средств привлекать на собрания. Танцы, например, буфет с прохладительными напитками или, скажем, выдавать всем пришедшим на собрания какие-нибудь недорогие вещички или бутерброды с колбасой. А то можно еще за ногу веревкой привязать человека и тащить его.

Масса средств имеется в природе. А какие употреблять — зависит от общего развития граждан. Например, про себя Гаврила скажет — развития среднего, за ногу тащить не надо, достаточно, чтоб с музыкой.

Так-то, братцы! Ходи веселей!

С ПЕРЕПУГУ

Итак, снова о неграмотности. Выясняются, так сказать, подробности ликвидации.

Рыбаковский сельсовет, Порезской волости, Полинского уезда, однажды рассердился и послал такую бумажку одному из деревенских исполнителей:

«С получением сего Рыбаковский сельсовет в боевом порядке приказывает вам немедленно, тотчас же, выслать неграмотных взрослых в школу учиться. Если будут отказываться, то отправляйте конвойным порядком. А в тех случаях, если не будет вами это исполнено, — я предаю вас к суду, как за неподчинение властям и за преступление по должности.

Предсельсовета Яговкин».

Деревенский исполнитель ехидно так обрезал сельсоветчиков.

Пишет ответ:

«Взрослых неграмотных у нас нет.

Деревенский исполнитель неграмотный, а потому за него расписался Зубков» («Вятская правда», № 79).

Ежели деревенского исполнителя да хорошенько попугать, так он и не такое еще ответит. А ответит, что вообще даже и взрослых-то нет в деревне. Одни грамотные младенцы ползают.

А за неграмотностью их опять же может тот же Зубков подмахнуть. Чего не сделаешь с перепугу.

ВРЕДНЫЕ МЫСЛИ

Вот, граждане, иную газетку прочтешь, и настроение станет паскудное.

Давеча попалась нам под руку ростовская газета. Взяли мы эту ростовскую газету и пошли на травке поваляться. После обеда это очень даже симпатично выходит... Лежишь, а тут, знаете ли, кругом природа, птички и букашки порхают, червячки чирикают...

Так пришли мы с этой газеткой. И надо бы эту газетку не читать, а от мух, например, ею прикрываться. А мы сдуру читать начали. А в газетине такие вещи напечатаны, что не только себе, а и дорогим своим читателям сейчас настроеньице попортим. Уж извините. Не можем иначе.

А дело все в работниках просвещения шахтинского совпрофа. Захотели эти отчаянные просвещенцы, представьте себе, собственный клуб иметь. Ну, и натурально шахтинскому окрсовпрофу сообщили об этом своем безумном желании. Дескать, разрешите. А совпрофу это оказалось — нож вострый. Нету, говорят, не разрешим. Атанде!

В письменной форме этот отказ звучит примерно так:

«Межсоюзная организация никогда не допустит, чтобы работники просвещения имели свой клуб, потому что это — стремление к кастовой замкнутости.

Извольте работать в межсоюзном клубе...»

Ну, и не допустили.

И действительно: наглость этих работников просвещения не поддается описанию. Ишь, черти, чего захотели: собственный клуб иметь!

Да это если так пойдет, то и металлисты тоже того же захотят. А там, глядишь, и деревообделочники туда же сунутся.

И чего, собственно, смотрит шахтинский окрсовпроф? Под самым евонным носом находятся такие, можно сказать, вредные «кастовые» организации, как разные там союзы — просвещенцы и прочие, а совпроф их не распускает. Распустить надо этих отчаянных крамольников. За глаза хватит одного совпрофа. А то от этих союзов одни только вредные мысли идут насчет клубов и всякие неприятности этому шахтинскому окрсовпрофу.

А неприятностей ему теперь действительно не обобраться.

Мы, при всей нашей доброте сердечной, и то с удовольствием пихнем. На-те!

ВАСИЛИЙ ИСАЕВИЧ

Из села Керса, Болотовского уезда, Саратовской славной губернии, — низкий поклон. И, между прочим, — жалоба. Такая:

«Предсельсовета Василий Исаевич вывесил черную доску на селе, где написал: „1-я категория — 3 рубля штрафу, 2-я — 8 р. 50 коп., 3-я категория — 15 руб." На эту доску заносят тех, кто на собраниях высказывается против местной власти или возражает...»

Гаврила, между прочим, представляет такой порядок распределения штрафов: по первой категории штрафуют, если человек просто возразит. По второй — если Василия Исаевича выругают или ударят. По третьей категории, небось, штрафуют, если Василия Исаевича попрут с председательской должности.

Ох, придется, кажется, Гаврилу оштрафовать по третьей категории! Готовим 15 рублей. На хорошего человека и денег не жалко.

НА ТЕАТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

Разные бывают актеры. Бывают хорошие, бывают плохие. А бывают и этакие. Об этом «Красноярский рабочий» пишет. Послали однажды письмо в Ботаневский сельтеатр. Письмо этакое:

«СССР. Отправ. № 16.
Артис Бибишев. 16 апреля.
Распор. Алексеенко. С нарочным.

В Ботаневский сельсовет

Прошу Вас Товарыш Притчедатель приготовить помещение Для Рапклуба и Цырклуба. Приедим 19 апреля. 2. Мы сычьяс в селе Знаменки устраиваем канцерту а именно бьем на груди камень 25 пуд. Колем на лбу дрова. После канцертины ставим пиеску вдвух девствиях. А именно живая карусель, один на плече семерых будет таскать, и второе девствии на парю любой не сташит нашего артиста спола за уши или за волосное правление.

Дак вот прошу Подыскать подходящую помещению.

Артис Бибиксеенко.
Распорядитель Алишев».

А вот Гаврила любого вашего актера берется стащить с пола за уши и за волосное правление. Больше того — Гаврила всю эту многоуважаемую труппу берется стащить из союза рабис в другой, более подходящий союз. А так как труппа дрова на лбу колет, то, на наш взгляд, более подходящий союз — деревообделочников. Хотя и те не примут. Факт.

ШИПЫ И РОЗЫ

Ну вот, граждане, наконец-то и мы с вами дожили. Наконец-то и у нас, как у людей, — по-европейски и без всякой Азии.

Поезда-то, милые граждане, теперь без единого звоночка отходят. Без малейшего шума. Ах ты, красота какая!

Даже душа, знаете ли, радуется. Поезд, например, отходит, а ты сидишь где-нибудь на подножке или на каком-нибудь торчке и не знаешь, из Лондона ли ты выезжаешь или из Берлина. Красота!

А действительно, товарищи, ведь осточертели эти глупые звонки до последней степени!

Главное, чего в них хорошего? Ну, висит, скажем, колокол. Тут же из-под него какая-то грязная веревка тянется. С узелком. И сторож, что ненормальный, дергает за эту веревку. А ведь этому сторожу, может, сорок три года. Может, у него детишки есть. Смотреть ведь неохота.

На каждой станции посмотришь на такую картину, — и домой тянет. Потому это и дома можно «в кастрюлю ударять, не тратя на поезд ни копейки. А тут денежки плати, да еще собственное ухо засоряй мещанскими звуками.

Ну да спасибо, кончилась эта канитель. Дожили и мы, граждане, с вами до настоящей жизни.

Конечно, сперва даже как-то странно без звонка-то. Даже как-то глуповато себя чувствуешь с непривычки. Например, едешь ты в дачную местность. Так сказать, на лоно природы. Предположим, выехали без шума, без звонка, и вообще строго придерживаясь расписания... Едем...

Доехали, предположим, до какой-нибудь дрянной станции. Тут бы поезду по расписанию минуту стоять, а он, подлец, семнадцать минут стоит и еще стоять будет. Потому встречного-то поезда надо ждать или нет? Как ваше драгоценное мнение? Напролом ведь не поедешь, раз путь занят другим поездом. Ну, и стоишь. А то и по другим причинам стоишь. Мало ли.

Пассажиры, например, кинутся на волю — на травке полежать или вообще папирос купить и квасу выпить, а поезд в это время возьмет и уйдет. Так если бы со звонком — успели бы, сами понимаете. А так слабые дамочки и инвалиды остаются. Потому поезд бесшумно враз дергает и скрывается на глазах изумленной публики.

Конечно, на одноколейной дороге, мы сами отлично понимаем, — разве можно тютелька в тютельку поезда отправлять? Никак не можно.

Но тогда хотя бы при отправлении свистали до трех раз. Звонок-то, он ни к чему. Черт с ним — со звонком, если уж такой против него зуб имеют. Ну, а вот свистулечка какая-нибудь прямо

является насущной необходимостью на одноколейных линиях. Так до трех раз и пущай бы свистали заместо глупого дерганья в звонок.

И стоило бы недорого. Глиняная, например, свистулечка всего три копейки стоит. А то можно и в пальцы свистать. Ежели оберу жалованье платить с небольшой нагрузкой и вообще аккуратно, то он в неделю обучится. Ей-богу.

А так вообще все хорошо и отлично. Дела идут, контора пишет, и поезда без шуму отправляются.

Вот только через мосты еще жутковато ехать. Ну да ко всему привыкнуть можно.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

Дело это такое, граждане, что надо бы его самым крупным шрифтом набрать. Да только жалко нам такие жирные шрифты на такие дела растрачивать.

Да и контора, поди, ругаться будет.

— Что вы, скажет, объелись, какие шрифты изводите? Это, скажет, вам не реклама.

И действительно — не реклама. А напротив того. Для Пищетреста.

Ну, ладно. Пущай будет мелко. В крайнем случае близорукие граждане могут пенсне на нос надеть.

А дело все случилось в Пищетресте. Давненько. Месяца полтора назад.

Полтора, значит, месяца никто не ругал Пищетреста. И вообще многие граждане, небось, думали, что все уже заглохло. Но нет. Только что начинается. Держитесь, братцы!

Так вот, кажется, двадцать шестого мая был устроен грандиозный концерт. Концерт в пользу бывших политкаторжан и ссыльных, в Малом оперном театре.

Конечно, все учреждения с охотой брали билеты и раздавали своим служащим и рабочим.

И Пищетрест тоже взял. Рублей, говорят, на триста.

Ну, взял. Посмотрел, чего другие учреждения с этими билетами делают. Видит — раздают. Ну, и тоже раздал. А может, и не успел всем раздать. Мы только про одного гражданина знаем.

А перед самым концертом все и случилось.

Близорукие граждане, надевайте очки!

Два начальника, по фамилии, не любим сплетничать, Куклин и Еремичев, испугались. И, испугавшись, подумали:

«Эге, подумали, билеты-то мы купили, денежки заплатили, а где ж оправдательные документы?»

Испугались, задрожали и велят поскорее отобрать эти выданные билеты и пришить их к делу.

Так и сделали. Отобрали и пришили.

Ну, и, конечно, на концерте из Пищетреста никого не было. Да и быть не могло. Потому, сами посудите, раз билеты пришиты к отчетности, то не тащить же на концерт бухгалтерские книги и столы?

Вот и все.

А теперь, ежели спросить какого-нибудь сотрудника из Пищетреста, был ли он, например, на концерте, сотрудник сконфузится и скажет:

— Да нет, знаете, не пришлось.

— А что так?

— Да так, знаете ли, как-то.

И махнет рукой.

И как же ему, читатель, не махать рукой, раз этакий скверный анекдот произошел в Пищетресте?

А так все остальное в Пищетресте хорошо и отлично. Дела идут, контора пишет.

А касаемо этого фактика — он проверен и подтвержден. В чем и расписуемся.

ГЕНИЙ ИЗ АЛЕШЕК

Номерок-то, граждане, заметьте, на день раньше вышел.

Это мы поторопились. Очень уж охота была читателей порадовать. Народный судья 12-го участка Херсонского округа товарищ Дедов вылечился наконец-то от продолжительной и тяжкой болезни.

А вылечил его Яровенко, Александр Иванович. Простой знахарь.

Конечно, этот Яровенко очень популярный медик. Прямо замечательный гений. Он и от секретных болезней лечит, и от всяких. Народ к нему тучей ходит. Красноармейцы его тоже очень одобряют.

Там, в Алешках, ихняя часть стоит. Так, бывало, командир придет в околодок и удивляется:

— Да где ж это наши больные венерики лечатся?

А доктор говорит:

— А кляп их знает. Наверно, к Яровенке пошедши.

Вот какой это популярный медик!

У него и лечился нарсудья. И даже благодарственный аттестат ему выдал на руки.

Однажды обыск сделали у знахаря Яровенки и нашли этот аттестат. На казенном бланке написано. И печать поставлена. Истинная правда. И все душевные переживания высказаны в этом аттестате. Прямо хоть в рамку и под стекло такой аттестат. Вот он:

«УССР *Народный судья 12-го вчастку*
НКЮ *Дніпровьск. повіту*

Уважаемый Александр Иванович.

Наконец, из среды цивилизованного общества могут с уверенностью сказать, что может торжествовать не только наука, но и практика... Вы достигли недостижимого лечения сифилиса. Многие из дальних краев России отзовутся и скажут — Вы Гений... После вашего лечения моего люеса вот уж 3-й год прошел, а я чувствую себя очень здоровым, несмотря на то, что ежедневно выпиваю всевозможные напитки.

Поэтому еще раз благодарю, до свиданья. Остаюсь жить, пить и вас вспоминать и вам несчастных клиентов рекомендовать.

Нарсудья 12-го участка Херс. окр. Дедов».

Хотел нарсудья еще это письмишко в «Известия» послать и в московскую «Правду», да с радости начал всевозможные напитки выпивать, ну, и запамятовал.

Ну, ничего, что запамятовал. Мы и в «Бузотере» катнем это письмишко. Зачем же гению в тени оставаться? Пущай про него все знают.

А мы остаемся жить, всевозможные напитки выпивать, народного судью вспоминать и прокурора к нему рекомендовать.

ХИТРЕЕ МУХИ

Делишки-то нынче поганые пошли. Главное, что честному человеку нет спасенья. Для примеру скажем: у честного, благородного кассира сперли казенные деньги.

Раньше, бывало, ну, год назад, пойдет этот честный кассир до своего начальства и покается:

— Ограбили, дескать.

Ну, и ничего. Ну, может, какой-нибудь ошалевший начальник и скажет:

— Башку-то, скажет, товарищ, не потеряли ли?

Ну, и ничего больше. А сейчас? Ах, ах, чего сейчас происходит!

Да вот тут один землячок наш всыпался. Из кассиров он.

А сперли у него в трамвае с заднего кармана тыщу рублей казенных денег. Да собственных денег трешку.

Ужаснулся, конечно, парень.

«Не жалко, думает, собственной трешки. Пес с ней. А жалко, думает, народную тыщу».

И побежал парень поскорей до милиции.

— Так и так, говорит, сперли тыщу три рубля.

Усмехнулся начальник милиции.

— Бросьте, говорит, товарищ. Знаем мы эти штучки. К нам, может, по семь симулянтов в день заявляются. Катись колбасой.

Кассир наш бочком, бочком, да и вышел поскорее.

«Вот-те, думает, клюква! А ведь действительно, думает, никто не поверит. Нет, думает, дудки. Не на простачка напали. Не пойду докладывать по начальству».

Так и не пошел. И не сказал никому.

А распродал поскорей свою мебелишку. Коврик такой у него был у кровати — тоже продал. Штаны опять же. Подштанники. Три кастрюли. Веник. Одним словом, дочиста все продал. И сорок рублей выручил.

А пятерку у замужней сестры призанял. А 955 целковых хотя у него и не хватало, да он не сильно горюет.

— Я, говорит, у кого-нибудь в трамвае сопру. Не погибать же честному человеку.

Ну, и спер. Вот до чего хитрый кассир оказался. Хитрее мухи.

ОБШТОПАЛИ

Очень смешно в Херсоне вышло. Там транспортники в лучшем виде обштопали своих хозяйственников.

До того их, любезных, обштопали, что те и посейчас сидят, глазами мигают, поминутно сморкаются и руками разводят — как же, мол, так это произошло?

А произошло очень даже просто.

Началось дело из-за денег. Очень уж небольшие ставки были в херсонском союзе транспортников. Транспортники сильно обижались на эти ставки.

— Разве ж, говорят, это ставки? Не только, скажем, пальтеца купить, а прямо на культурно-просветительные цели не хватает — в баню, например, сходить или носки приобрести. Пущай союз прибавляет.

Вокруг этого вопроса споры поднялись.

Одни члены говорят:

— Бросьте, братцы, брызгать, ни черта из этого не выйдет — хлопочи не хлопочи. Хозяйственники скорей подохнут раньше времени, чем на новые ставки согласятся.

Другие члены говорят:

— Смешно, товарищи! Да много ли этих хозяйственников? Да мы этих хозяйственников шапками закидаем. Мы их завсегда в лучшем виде обштопаем. Нам бы дорваться только до собрания.

Ну, вскоре и дорвались до собрания.

Совещание в союзе было устроено. Пригласили профделегатов, членов месткома — массу народу пригласили. Трех хозяйственников тоже позвали. Хотели вместо трех одного хозяйственника позвать, а после говорят:

— Пес с ними. Мы и трех могим обработать. Нам раз плюнуть.

Началось совещание.

Притулились три хозяйственника сбоку и сидят. И с испугом смотрят, чего вокруг говорится. А говорится насчет новых ставок.

Так и говорят:

— Надо прибавить, какого лешего. Разве ж это ставка, когда на культурно-просветительные цели — в баню, например, не сходи — не хватает.

Хозяйственники, натурально, лепечут в три голоса:

— Не могим, дескать, братцы-сестрицы, повысить ставки, потому — убыточно. Не бейте, Христа ради, нас.

Члены говорят:

— Бить мы вас не станем. Неохота нам рук марать. А вопрос решим большинством голосов. Кто за увеличение ставок — поднимайте руки. Кто против — держите руки в карманах. Пущай все будет по закону.

Хозяйственники, натурально, лепечут в три голоса:

— Мол, братцы-сестрицы, рук-то у нас маловато. Всего три руки. А вас множество. Не переплюнуть же вас.

Председатель говорит:

— Ладно. Там разберем. Кто за?

Тут враз 75 рук поднялось. Только трое и были против. И то были хозяйственники.

Председатель подсчитал руки и говорит:

— Ага, бог правду видит...

Ну, тут же сразу на совещании и решили и постановили, чего хотели.

И все форменно по закону вышло.

Прямо не собрание, а дышло — как повернул, так и вышло. С повышением ставок, граждане! С вас приходится.

ЗЕЛЕНЫЙ УЖАС

Такие дела, граждане, бывают на свете, что надо не менее трех бутылок пива подряд выкушать, прежде чем понять, что к чему и почему.

Да и то много ли поймешь после трех бутылок, раз башка, сами понимаете, крутится и вертится? Так ни черта и не поймешь.

Одна надежда, — может, какой-нибудь башковитый читатель подвернется и поймет все союзные тонкости.

Дело это случилось в Киеве. Был там такой безработный товарищ, Ваня Шевелев. Два года искал он работишки, тыкался на биржу — ни черта. Наконец посредбюро осчастливило Ваню Шевелева. Предложили ему место управдома в арендованном доме.

Сильно обрадовался Ваня Шевелев. Приступил к работе и, как честный, сознательный товарищ, о союзе вспомнил.

«Надо, думает, в союз записаться. Вот-то там, поди, радуются».

Пошел Ваня Шевелев в союз.

— Будьте, говорит, любезны принять в члены. Потому как я выбыл в двадцать первом году по безработице.

В союзе говорят:

— Нету, говорят, принять не можем, *как вы есть теперь администратор у частного лица.*

Ваня Шевелев говорит:

— Здравствуйте! Какой я администратор, раз у меня под командой всего один дворник, и тот чуть по роже меня не бьет?

В союзе говорят:

— Не знаем. Подайте в крайнем случае заявление. Подумаем.

Проходит что-то неделя. И получается вдруг бумага из райкома домрабочих. Пишут арендатору:

«Немедленно снять с работы т. Шевелева, как не члена союза, и заменить его членом профсоюза».

Побежал бедняга Шевелев поскорей в союз.

А там ему говорят:

— Раз вы уволены, то и дело ваше не рассматривалось. Катитесь себе колбаской.

Охнул Ваня Шевелев и покатился. Прикатился домой, попрощался с арендатором и с квартирантами, нагрузил тележку своим барахлом и отбыл неизвестно куда.

Но это, дорогие, любезные товарищи, не все.

Ежели бы это было бы все, то мы и бумаги марать бы не стали. А нарисовали бы на этом месте какую-нибудь потешную рожу или вообще карикатуру на текущие события. Оно бы и смешней даже вышло.

Но тут дело оказалось важней какой-нибудь рожи.

Давайте вот мысленно представим себе, что получилось в арендованном доме.

Скажем, заявился на место уволенного голубчика Шевелева какой-нибудь товарищ из союза.

Служит он, например, месяц. После ему бумажка из союза: раз, мол, вы, собачий пес, теперь администратор у частного лица, то из союза вы увольняетесь.

Через неделю ему опять бумажка: раз вы, каналья, в союзе не состоите, то снимайтесь к черту с работы, не ваше, мол, место, мы лучше настоящего союзного парня поставим.

Ну, и поставят на его место настоящего парня, который в союзе состоит.

Послужит союзный парень неделю. После ему бумажка: раз, мол, вы, каналья и собачий пес, являетесь теперь администратором у частного лица, то из союза выпираетесь.

Выпрут из союза, а после ужаснутся, что несоюзный парень небо коптит, и снова погонят его с должности.

И так до двадцати раз.

Гаврила полагает, что на двадцать первом разе эта система не выдержит. Потому найдется же какой-нибудь уволенный парень, который сгоряча стукнет кого-нибудь, или в воздух выстрелит, или повесится на дверях союза. Тогда эту мрачную систему пересмотрят.

Ну, а если такого парня не найдется, то придется Киев объявить на осадном положении. Иначе в короткое время по этой системе кучу союзного народа перепортят. Жалко же.

ГИБЕЛЬ СТРОИТЕЛЕЙ

Оказывается, граждане, в Слепцовской станице Дворец Труда имеется. Прямо, что в Москве. Только что климат другой и постройка не та.

Постройка, прямо скажем, на манер хаты. Три оконца, дверка, ручка и труба. Вот вам и весь дворец.

Но раз так называется дворцом, то и пущай называется. Москва от зависти не подохнет.

А жизнь в этом дворце роскошная. Даже специальная уборщица имеется. Мало ли — убрать чего или, например, подмести какую-нибудь нужную бумажку.

И размещены в этом дворце разные союзы. Вообще всякие. Только что строителей нету. Был этот союз, да весь вышел. Ликвидировали его.

А почему его ликвидировали? Потому, товарищи, что он не в состоянии был поддерживать шикарную дворцовую жизнь.

Все, например, союзы плакали, а вносили уборщице свою долю — 3 рубля 61 копейку. А строителям не по карману была такая безумная роскошь и мотовство. Они не вносили. Раз или два внесли — и разорились вчистую.

Тут их и к ногтю.

— Либо, говорят, восстанавливайтесь в своих делах и вообще уборщице вносите, либо ликвидируйтесь налево.

Ну, и ликвидировали.

«Потому, думают, на кой кляп нам эти строители? И чего вообще они будут без денег строить? Только небо коптят».

Ну, и распустили.

И стоит этот дворец в станице, в Сунженском округе, что на Северном Кавказе. Разные там союзы имеются. А строителей нету. Погибли строители. Не выдержали роскошной жизни.

И жалко нам этот союз. Хороший был союз, нужный.

Со временем мог бы он и построить что-нибудь. Например, настоящий дворец заместо хижины. Или, например, крылечко починить, если сломается. Или трубу вычистить.

Зря уели этот союз.

ГЕРОЙ ТРУДА

Видал Гаврила героев труда, сам герой, а такого, как вот маляр Вася Давыдов, не видал. Вот справочка о работе маляра Васи Давыдова. Выдана она Томской железной дорогой, Мариинского участка. Справочка эта непонятно написана, так мы ее для наглядности сюжета по пунктикам разобьем.

«*1. Дана сия гр. Давыдову в том, что он состоял на службе маляром по поденному расчету с 1 августа 1914 года.*

2. С 1 августа 1918 г. уволен за неимением кредита.

3. С 1 февраля 1919 г. определен десятником.

4. С 1 апреля 1919 г. уволен за неимением кредита.

5. С 1 июня 1919 г. выполнял должность десятника.

6. С 1 августа 1919 г. уволен за неимением кредита.

7. С 1 января 1920 г. определен десятником по поденному расчету.

8. С 1 марта 1921 г. уволен за неимением кредита.

9. С 1 августа 1921 г. принят маляром по поденному расчету.

10. С 1 февраля 1923 г. уволен по собственному желанию».

Человек, можно сказать, еле ноги унес от такой жизни, а они пишут — *по собственному желанию.* Если за неимением кредита человека ежедневно бить по башке, то он обязательно уйдет по собственному желанию.

ИНЖЕНЕР

В этом году Володька Гусев окончил школу второй ступени.

Мамаша Володькина, вдова полотера, дамочка вовсе простая и в науке неискушенная, была очень этим обрадована.

Цельную осень она по гостям шаталась и все про своего Володьку разговаривала.

— Наконец-то, говорит, и мой сын инженером будет. Тольки, говорит, вот не знаю, как насчет квартирной площади? Не назначил бы мошенник управдом высокую плату, как инженеру... Тольки это и есть беспокойство, а так все остальное очень отлично.

Вообще очень мамаша была обрадована.

А насчет самого Володьки — так и говорить нечего. У парня нос аж завострился от переутомления и радости.

Все знакомые в доме поздравляли Володьку. Спрашивали, в какой, мол, высший вуз он намерен поступить и вообще какой Володька себе путь жизни избрал и не хочет ли он по красной кооперации удариться.

На это Володька говорил просто:

— Уважаемые товарищи, конечно, я в инженеры-строители пойду. Об чем речь? Надо все-таки республике малость помочь. Сами видите, какое положение: домов нет, крематория н е т , — все

строить заново надо... Кроме этого — призвание у меня к этому с детства.

Мамаша Володькина, дамочка, можно сказать, ни уха, ни рыла не понимающая в науке, и та подтверждала насчет призвания.

— И все-то, говорит, он в детстве строил и лазил, и даже раз со второго этажа вниз сверзился.

Тогда же вот весной, по окончании школы, я и встретил раз Володьку.

Поздравил его. И черт меня тогда попутал, вынул я кошелек и дал Володьке от чистого сердца трешку, чтоб фуражку себе купил.

Думаю, от трешки я не разорюсь, а парню все-таки радость. Может, со временем инженером будет — дом мне построит.

Тогда же при мне Володька и купил фуражку. Этакая, знаете, с бархатным бортиком, и канты красные. И в середке загогулинка — значок.

Только дом мне Володька не построил.

Осенью встретил я его. Идет хмурый. И нос у него завострился от переутомления и горести.

— А, говорю, инженер-строителю! Мое почтенье.

А Володька махнул рукой и говорит:

— Какой там, говорит, инженер! Я, говорит, между прочим, в кинотехникум поступил. Ваканций, знаете, не было в гражданский.

Постояли мы минутку друг против друга и разошлись.

А вдогонку Володька кричит мне:

— Фуражку-то, говорит, я занесу вам назад. Не пригодилась.

— Пущай, кричу, лежит у тебя! Может, говорю, внук у тебя будет... Может, внуку пригодится, если, например, ваканция будет.

А он махнул рукой и пошел.

ЮБИЛЕЙ

Юбилей, граждане, праздновать лучше всего печатникам. Все-таки, знаете, бумага под рукой, наборщики. Мало ли! Можно, например, пригласительные билеты отпечатать с золотым обрезом. Или, например, салфеточки с портретом — губы вытирать, ежели на юбилее жирное шамать придется.

Тут вот недавно праздновался юбилей одного печатника, т. Лаврикова (заведующий типографией имени т. Соколовой). Так юбилейная комиссия так и сделала. Даже больше. Кроме салфеточек и карточек еще и книженцию сварганила с застольными песенками.

Конечно, мы не хотим обидеть юбиляра. Может, он ни при чем. Может, это юбилейная комиссия расстаралась. Мы в этом не разбирались. Мы только против несправедливости идем.

Как же, помилуйте. Книженция, можно сказать, была отпе-

чатана на лучшей бумаге. Шестнадцать страниц все-таки. Портрет опять же... А кто видел эту книженцию? Мало кто видел. Гублит даже не видел. Несправедливо. Там славные песенки есть. Может, Гублит наизусть их хочет разучить.

Пущай разучивает. И поет, ежели голос есть.

Вот, например, на цыганский мотив — *«Выпьем мы за Мишу...».* Там так и сказано:

(Выпьем мы за...)

Споем, друзья, про Мишу,
Мишу дорогого,
И пока не кончим,
Не нальем другого...

Или, например, на мотив *«Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыплята тоже хочут жить...».* Вот-с, извольте, стр. 2-я:

(Цыпленок жареный...)

...Друг Миша Лавриков,
Будь вечно жив, здоров,
Юмор тебя не покидай...

(Оживительная пауза)

«Оживительная пауза» это, небось, — рюмочку пропустить и селедочкой закусить.

После «оживительной паузы» можно опять что-нибудь более серьезное. Например, из жизни самого юбиляра. На мотив *«Лесом частым»:*

(Лесом частым...)

«Красный наш директор» Миша твердо на посту,
Только вечером, изредка, сядет *«на углу».*
Сохрани нам *провиденье* еще много лет
Друга Мишу, а «Прибою» полный дай расцвет.
Ну, нальемте рюмки...

Ну, даст бог, *«провиденье»* не подкачает! И «Прибой» расцветет, и «Миша» по-прежнему будет *«на углу»* садиться.

Там, *«на углу»,* юбиляр

«Алле нейне» кричал,
И пивушку выпивал,
Пока сам не закачается.
Дру адэ, адэ друм...

Эту песенку сказано петь на мотив *«Собирайтесь, друзья».* Однако ее можно петь и под *«Цыпленок жареный».* Выходит. «Бегемот» пробовал.

Есть в книжке и гражданские мотивы. Например, о «Петропечати»:

(Похоронный марш)

Упомянем сегодня и «Петропечать».
Она жила недолго.
Друг Миша помог ее погребать
И пел при этом «По Волге»...

Есть и гимн печатников:

(Гимн печатников по-немецки, со сладким кофе)

Штост ан Мейстер Гутенберг лебе хурра, хох! (2 *раза*)
Денн эр хат ди вархейт анс лихт гебрахт...

Далее, начиная с одиннадцатой страницы, все песни идут на немецком языке. Туго разбираясь в нем, «Бегемот» не рискует перепечатывать. Нам, знаете, до юбиляра далеко. Зато он бойко говорит по-немецки. Про него так и сказано на стр. 3:

...Каждый вечер в «Штамлокале» «байриш бир» он пил,
С немцами он по-немецки всегда говорил.

Эту песенку велено петь на мотив *«Лесом частым».* Но как ее ни пой — все скверно получается.

Одно хорошо. Это то, что юбиляр работает в полиграфическом производстве. А нуте-ка, работал бы он у химиков или, тьфу-тьфу, по артиллерийскому направлению? Ведь юбилейная комиссия в одночасье весь Ленинград ухлопала бы салютами по поводу его юбилея... Все же под рукой — пушки, снаряды. Стреляй — не хочу. Страшно, знаете, подумать.

В этом отношении еще поперло Ленинграду.

А так все остальное — отлично и симпатично. Дела идут, контора пишет, и полиграфическое производство улучшается.

АВАНТЮРНЫЙ РАССКАЗ

1. ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПАДНЯ

На площадке четвертого этажа человек остановился.

Он пошарил в карманах, вынул спички и чиркнул.

Желтое короткое пламя осветило медную дверную дощечку. На дощечке было сказано буквально следующее:

«Зубной врач Яков Петрович Шишман»

— Здеся, — прошептал незнакомец. И, не найдя звонка, постучал ногой в дверь.

Вскоре щелкнул французский замок, и дверь бесшумно раскрылась.

— Звиняюсь, зубной врач принимают? — спросил незнакомец, с осторожностью входя в полутемную прихожую.

— Вам придется обождать, — сухо ответил врач. — У меня сейчас пациент.

— Ну, что ж, можно обождать, — добродушно согласился незнакомец.

Врач острым сверлящим взглядом посмотрел на незнакомца и, недобро усмехнувшись, добавил:

— Прошу вас пройти в столовую. Следуйте за мной.

И едва незнакомец сел, как врач, быстро обернувшись назад, выскочил из комнаты и захлопнул за собой тяжелую, массивную дверь.

Раздалось зловещее щелканье замка.

Незнакомец смертельно побледнел и пытливым взглядом окинул помещение. Комната была почти пуста. Кроме стола, покрытого скатертью, и пары деревянных стульев, ничего в ней не было.

2. ВРАЧ ПРИНИМАЕТ НЕЗНАКОМЦА

Через двадцать минут зубной врач Яков Шишман принял незнакомца.

— Я очень извиняюсь, — сказал врач, — что мне пришлось закрыть вас в столовой. Прислуги у меня, видите ли, нету, а знаете, какое нынче времечко? Давеча у меня пациенты два пальто с вешалки унесли. Перед тем — шубу... А сегодня, знаете, один дьявол последнюю медную плевательницу из прихожей вынес. Прямо хоть бросай работу. Пока тут, знаете, возишься с пациентом, ожидающие выносят. Приходится принимать такие меры... Я очень извиняюсь — откройте рот.

— Хм, — неопределенно сказал незнакомец и открыл рот.

3. ЧИСТАЯ РАБОТА

Незнакомец вышел на улицу, остановился у фонаря и саркастически усмехнулся.

— Тэк, — сказал незнакомец, — посмотрим теперича, что за дерьмо?

Он вынул из-под пальто столовую скатерть и развернул ее.

— А скатертишка-то дрянь. Латаная скатертишка, — прошептал сквозь зубы незнакомец и с остервенением сплюнул.

Затем потоптался на месте и пробормотал:

— Ну, пес с ей, какая есть! Окроме ее ни хрена же не было. Не стулья же, граждане, выносить?

Незнакомец махнул рукой и побрел дальше.

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА

Такой есть город Красногор. Первый раз слышим. Но раз газеты пишут, значит — есть.

А только, может, это и не город, а местечко. Пес его разберет.

Газета этого вопроса не затрагивает. А мы, в свою очередь, эту ботанику и минералогию маленько подзабыли.

А расположен этот город не то под Харьковом, не то под Полтавой. Во всяком разе, телеграмма дадена из Харькова.

А очень оригинальный этот город Красногор. Там, знаете, то есть буквально нет ни единого человечка, который бы не состоял в союзе.

Вот какой это город. Истинная правда. Там, предположим, торговец или дьякон — и те в профсоюзе. Прямо противно.

А по улицам там так и ходят члены профсоюзов. И все, знаете ли, металлисты. Куда ни плюнь — все металлисты. Домашняя хозяйка — и та металлист. Прямо противно.

От этого факта некоторые начальники даже испугались.

«Господи, думают, с чего бы так густо металлист пошел?»

Бросились начальники к металлистам. К такому, может, знаете, секретарю райкома металлистов Кийко. Фамилия у него такая. Говорят ему:

— Товарищ дорогой, с чего бы это случилось? Человека ведь нет в городе, чтоб он не металлистом был.

— Да ну? — удивился секретарь. — Неужели же, говорит, до того дошло? Оно, действительно, последнее время делишки у нас неважнецкие пошли. Прямо хоть закрывай лавочку. Никто, то есть, за членскими книжками не идет. А оно вон что — потребителя не осталось. Всех, оказывается, удовлетворили.

Тут, конечно, и приперли этого секретаря. И еще кой-каких ребят.

Но тут и обрисовалось положение. Тут-то и выяснилось. Тут-то и оказалось, что работала целая компания. И устроила эта компания вроде дешевой распродажи членских книжек.

Торговали дешево. Чуть не задаром. Рубликов за пять книжонку с пятилетним стажем выдавали. А которому элементу непременно охота было нагнать побольше стажу — гони всего десятку.

Вот какие грубые дела на свете творятся.

Но это, небось, только в Красногоре. В других городах все отлично и симпатично. Дела идут, контора пишет, и членские книжки на комоде.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Дозвольте прежде всего объяснить, где это было. А то не поверят.

— Эва, скажут, какую пулю Гаврила заливает.

А между прочим, заливать-то не приходится. Все есть, то есть тютелька в тютельку и в аккурат. Даже хуже.

А было это в одном губотделе союза полиграфистов. Вон где.

Там однажды ревизионная комиссия решила ревизию навести. Мол, нет ли каких упущений, или, тьфу-тьфу, растрат, или еще каких гадостей.

Ну, конечно, утром пораньше собралась ревизионная комиссия. Нагрянула.

— А ну-ка, говорят, голуби, предъявляйте документы и разные ваши книжки. Посмотрим, чего у вас там нацарапано.

Ну, конечно, голуби-полиграфисты малость подрастерялись, однако книжки и все такое нацарапанное предъявили.

Считала, считала ревизионная комиссия — все в порядке.

— Все, говорят, у вас хорошо и отлично. Спасибо за службу. Дозвольте, говорят, теперь наличные денежки в кассе проверить. И на этом факте распростимся.

Ну, конечно, растерялись полиграфисты.

— Да вы, говорят, не трудитесь. Тем более, говорят, что и денег у нас в кассе ни сантима. Мы, знаете, деньги в кассе не держим. Привычки такой у нас нету. Мало ли, сопрут их или что. У нас, говорят, деньги завсегда при кассире. В штанах зашиты.

Растерялась ревизионная комиссия.

— А подать, говорят, нам сюда в таком разе кассира. Сейчас мы кассировы штаны проверим.

Растерялись полиграфисты самую малость.

— Да вы, говорят, не трудитесь. Тем более, что и кассира-то у нас нету. Мы, говорят, его в отпуск пустили вместе со штанами.

Наступило тут тяжелое молчание. Только слышно было, как сопят полиграфисты.

После ревизионная комиссия говорит:

— А союзные средства-то где?

Полиграфисты говорят:

— Да мы ж и говорим — в штанах.

— А штаны-то где?

— Да мы ж и говорим — в отпуску штаны. И кассир при них. Тьфу, говорят, ей-богу, какие вы без понятия! А еще ревизионная комиссия.

Тут ревизионная комиссия попросила принести каждому по стаканчику холодной воды. Выпили. И разошлись с тихим пением.

СПЕШНОЕ ДЕЛО

Это будет рассказ про нэпмана. Которые пролетарии не хотят про это читать — пущай не читают. Мы не настаиваем. А только факт очень густой. И нельзя его обойти полным молчанием.

Произошло это в самые недавние дни.

Сидит, предположим, нэпман Егор Горбушкин на своей квартире. Утренний чай пьет. Масло, конечно, сыр, сахар горой насыпан. Чай земляничный.

Родственники так и жрут эти продукты без устали. Нэпман Горбушкин тоже, конечно, от родственников не отстает — шамает.

Под пищу, конечно, легкий разговор идет. Дескать, пожрем сейчас и пойдем ларек открывать. Надо, дескать, торговлишкой оправдать, чего сожрали.

Вдруг, конечно, звонок происходит. На лестнице.

Происходит звонок, и в квартиру входит обыкновенный человек и заявляет:

— Я — агент Гепеу. Не бойтесь. Который тут нэпман Егор Горбушкин — пущай живо собирается и идет со мной. Вот мандат и повестка.

Отчаянно побледнел тут нэпман Горбушкин. Начал читать повестку. Да, действительно, велят немедленно явиться по уголовному делу.

Встал нэпман из-за стола. Отчаянно трясется. Зубами ударяет.

— Только бы, говорит, не высшая мера. Высшую меру я, действительно, с трудом переношу. Остальное как-нибудь с божьей помощью.

Горячо попрощался нэпман со своими родственниками, всплакнул о превратностях судьбы, взял в узелок немного несъеденных продуктов и папирос три коробки и под общий плач отбыл.

Отбыл и, конечно, не является. И уже три часа дня ударяет — нету нэпмана.

Тут плач и рыданье происходит в квартире. Родственники приезжают совещаться.

Жена, мадам Горбушкина, сквозь рыданье произносит:

— Дескать, по какому делу влип мой супруг, еще пока неизвестно. Но одно ясно: какое-нибудь дело найдется. У каждого человека дела имеются, и каждый человек по краешку ходит. Но неужели же за это высшую меру могут сделать?

Брат нэпмана, Павел Горбушкин, говорит:

— На высшую меру я, говорит, не надеюсь. Но скорей всего, в силу социального положения, как пить дать, конфискуют имущество. Это, говорит, уж прямо вот как верно. Предлагаю ввиду этого ликвидировать имущество, а то, говорит, вдове жить будет нечем.

Начали, конечно, родственники в ударном порядке шкафы перетряхивать. Вытрусили разные костюмы и одежу в кучу — начали продавать. Разные жильцы и торговцы сошлись. Тут же мебель запродали, пианино загнали за приличную сумму.

К вечеру, одним словом, продались. Начали даже квартиру сватать. Оставила вдова с братом себе только боковую комнату, а остальную площадь сосватали с подходящими въездными.

Вдруг в семь часов вечера нэпман Горбушкин является. Веселенький и слегка под хмельком.

— Фу, говорит, пропасть какая. Я, говорит, думал, что высшая

мера, а оно ничего похожего. Вызвали меня для одной справки. Вроде как свидетелем. Я уж, говорит, дорогие родственнички, от превеликой радости в ресторации лишние полчаса просидел. Извиняюсь за тревожное волненье.

Тут, конечно, происходит немая сцена в проданной квартире.

Однако нэпман Горбушкин ничуть даже не огорчился.

— Это, говорит, прямо даже очень великолепно, что запродались. Все мы по краешку ходим. А оно без имущества много спокойней и благородней.

После небольшого фокстрота родственники осторожно разошлись по домам.

СУЕТА СУЕТ

Жизнь, братцы мои, совершенно становится нормальной. Все определенно достигает довоенного качества.

Даже такая житейская мелочь, как похороны, и те заметно приобретают довоенный уровень.

Снова появились фигурные колесницы. Гробы опять-таки выпускаются с ручками. Факельщики ходят. Некоторые частники затягивают лошадей сетками, чтобы грубый вид животного не оскорблял родственника.

Провожающие родственники тоже заметно подтянулись — идут кучно, не вразброд. Многие, несмотря на мануфактурный кризис, по-прежнему украшают свои шляпки черным коленкором.

Не очень давно я даже видел, как впереди шествия кидали еловые ветки и сучки. Правда, ветки эти тут же моментально подбирали сзади идущие родственники и прохожие, и даже в некоторых местах происходила свалка, но от этого пышность обряда нисколько не уменьшалась.

Вообще говоря, все приходит в свою норму. Прямо помереть приятно.

А в каком-нибудь в двадцатом году да разве ж обращали внимание на какие-нибудь такие обряды?

Один раз, помню я, братцы мои, обнаружен был труп под воротами нашего дома. На Васильевском острове.

Особого переполоху не было, но экстренное собрание все-таки устроили.

Председатель комитета выступил тогда с небольшой речью.

— Международное положение, говорит, такое-то, а наряду с этим происходят такие мелкие факты и поступки. Некоторым гражданам неохота регистрировать и хоронить свои трупы, вот они и кидают под чужие ворота. В короткое время второй случай на улице. Хороните коллективно. У меня своих делов по горло.

Время было тогда простое. Пища грубая. Пища эта не дозволяла фантазировать и обдумывать обряды. Взяли жильцы и ве-

чером коллективно отнесли труп к соседнему дому. И положили под ворота.

Дней пять или шесть мотали этот труп по разным домам. А после куда-то увезли.

Так вот я и говорю. Жили тогда просто. Никакой мишуры, никакой суеты сует не было.

Спасибо, братцы мои, что не подох я в двадцатом году.

Сейчас все-таки себя, через эти обряды, вроде как человеком чувствуешь.

БЛЕДНОЛИЦЫЕ МОИ БРАТЬЯ

1. ИДЕЙНЫЙ ОРГАНИЗМ

Есть еще идейные люди на белом свете. Не оскудела еще наша жизнь.

На праздниках я встретил одного честного борца против алкоголя.

Этот человек сидел напротив меня за рождественским столом.

Наружность у этого человека была угрюмая. Нос крупный, с красным отливом.

«Этот, думаю, не подкачает — самосильно наляжет на хозяйскую выпивку».

И вдруг вижу, братцы мои, отставляет этот человек свои рюмки и бокалы в сторону и решительно говорит:

— Извиняюсь. Не пью. Мне, говорит, на эти стеклянные предметы смотреть худо. Я, говорит, недавно начал идейную борьбу против алкоголя.

Тут начались среди гостей охи и вздохи. Дескать, такое любопытное занятие — отстранять от себя на праздниках! Можно ли?

Тогда человек этот горько усмехнулся на эти реплики и начал отчитывать гостей и хозяев. Много острых и верных вещей сказал он.

— Люди, говорит, могут без этого веселиться. Довольно стыдно. Можно, говорит, заместо этого в картишки удариться и обыграть хозяина. Или, говорит, на худой Конец можно погулять с хозяйкой этого дома. Но зачем же отравлять свой идейный организм такой отравой? Я, говорит, всю жизнь пил и закусывал, но теперь я стою за сухой закон. Пущай будут разные ограничения. Пущай продают полбутылки на брата. Пора за это взяться и обратить внимание. Довольно.

Я с радостью глядел на этого выдающегося человека.

Его добродушная супруга сидела рядом со мной.

— Муж-то, — говорю ей, — у вас какой идейный супруг.

— Да, говорит, такая, знаете, обида напротив праздника! Врач

ему совсем не дозволил пить. «Сердце, говорит, у вас не дозволяет наклюкаться. Помереть можете...»

К концу ужина идейный супруг все же до того назюзюкался, что дважды его выносили во двор, и там он освежался.

2. КВАРТИРА

В нашем доме произошла трагедия. Убийство. Муж из ревности убил свою молодую фактическую супругу и ее юридическую мамашу.

Не будем входить в психологию убийства, скажем одно: убийство произошло в небольшой уютной квартире — две комнаты и кухня. Бельэтаж. Уборная. Ванна. Десять квадратных саженей.

Народу собралось во двор этого дома уйма. Каждому, конечно, любопытно было узнать — кому теперь домоуправление передаст эту освободившуюся квартиру.

Уже увезли убийцу. Уже убитых отправили, куда следует, — толпа не расходилась.

Завязалась небольшая потасовка. Кто-то дико орал, что это прямо кумовство — передавать эту площадь близким родственникам. Лучше пущай кинут жребий — кому достанется.

И вдруг, братцы мои, стало мне грустно на сердце. Стало мне до чего обидно.

Тут, можно сказать, такая трагедия и драма, с кровью и с убийством, и тут же, наряду с этим, такой мелкий коммерческий расчет. «Эх, думаю, бледнолицые мои братья!»

И долго стоял у ворот. И противно мне было принимать участие в этих грубых разговорах.

Тем более, что на прошлой неделе я по случаю получил не очень худую квартирку. Смешно же опять менять и горячиться. Я доволен.

ВОЛОКИТА

Не страшен был бюрократизм. И канцелярской волокитой нас тоже теперь не испугаете.

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы за границей патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков не может сейчас за границу выехать — сидит, сердечный друг, за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну многоуважаемую канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То есть не обращают на него внимания бюрократы — хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. Т,о в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо сморкаются.

Конечно, ихнее дело тоже хамское. К ним, бюрократам, тоже на день, может, по сто человек с глупыми вопросами лезет. Тут поневоле нервная грубость образуется.

А только Кульков не мог входить в эти интимные подробности и ждать больше.

Он думает:

«Ежели сегодня дела не кончу, то определенно худо. Затаскают еще свыше месяца. Сейчас, думает, возьму кого-нибудь из канцелярского персоналу и трахну слегка по морде. Может, после этого факта обратят на меня благосклонное внимание и дадут делу ход».

Заходит Федор Кульков на всякий случай в самый нижний подвальный э т а ж , — мол, если кидать из окна будут, чтоб не шибко разбиться. Ходит по комнатам.

И вдруг видит такую возмутительную сцену. Сидит у стола на венском стуле какой-то средних лет бюрократ. Воротничок чистый. Галстук. Манжетки. Сидит и абсолютно ничего не делает. Больше того — сидит, развалившись на стуле, губами немножко свистит и ногой мотает.

Это последнее просто вывело из себя Федора Кулькова.

«Как, думает, государственный аппарат, кругом портреты висят, книги лежат, столы стоят, а тут, наряду с этим, мотанье ногой и свист — форменное оскорбление».

Федор Кульков очень долго глядел на бюрократа — возбуждался. После подошел, развернулся и дал, конечно, слегка наотмашь в морду.

Свалился, конечно, бюрократ со своего венского стула. И ногой перестал мотать. Только орет остро.

Тут бюрократы, ясное дело, сбежались со всех сторон — держать Кулькова, чтоб не ушел.

Битый говорит:

— Я, говорит, по делу пришедши, с утра сижу. А ежели еще натощак меня по морде хлопать начнут в государственном аппарате, то покорнейше благодарю — не надо, обойдемся без этих фактов.

Федор Кульков, то есть, до чрезвычайности удивился.

— Я, говорит, прямо, товарищи, не знал, что это посетитель пришедши, я думал просто бюрократ сидит. Я бы его не стал стегать.

Начальники орут:

— Отыскать, туды-сюды, кульковское дело.

Битый говорит:

— Позвольте, пущай тогда и на меня обратят внимание. Почему же такая привилегия бьющему? Пущай и мое дело разыщут. Фамилия — Обрезкин.

— Отыскать, туда-сюда, и обрезкино дело.

Побитый, конечно, отчаянно благодарит Кулькова, ручки ему жмет:

— Морда, говорит, дело наживное, а тут по гроб жизни вам благодарен за содействие против волокиты.

Тут быстрым темпом составляют протокол, и в это время кульковское дело приносят. Приносят его дело, становят на нем резолюцию и дают совершенно законный ход.

Битому же отвечают:

— Вы, говорят, молодой человек, скорей всего ошиблись учреждением. Вам, говорят, скорей всего в собес нужно, а вы, говорят, вон куда пришедши.

Битый говорит:

— Позвольте же, товарищи. За что же меня, в крайнем случае, тогда по морде били? Пущай хоть справку дадут, мол, такого-то числа, действительно, товарищу Обрезкину набили морду.

Справку Обрезкину отказали дать, и тогда, конечно, он полез к Федору Кулькову драться. Однако, его вывели, и на этом дело заглохло.

Самого же Кулькова посадили на две недели, но зато дело его благоприятно и быстро кончилось без всякой волокиты.

ИГРУШКА

Конечно, ребенку покупать игрушки — это ужасно неприятная история. Особенно летом.

Главное, что никакого сезонного выбора нету.

Я, например, своему сыну все время тачки покупаю. Второе лето. Мальчик даже обижаться начал. Плачет после каждой тачки.

А пущай войдет в отцовское положение. Чего покупать? Мячей нету. Непромокаемых пальто нету. Только тачки и вожжи.

А на днях я зашел в игрушечный магазин, — предлагают новую летнюю игру. Специально сработанную по заграничным образцам. «Дьяболо». Такая французская игра для детей. Такая веревочка на двух палках и катушка. Эту катушку надо подкидывать кверху и ловить на веревку. Только и всего.

Веселая, легкая игра. Специально на воздухе. Ах, эти французы, всегда они придумают чего-нибудь забавное!

Купил я эту игру. Подарил сыну.

Начал сын кидать катушку. И чуть себя не угробил. Как ахнет катушкой по лбу. Даже свалился.

Попробовал я на руку катушку, — действительно, тяжеленная, дьявол. Не то что ребенка — верблюда с ног свалить может.

Пошел в магазин объясняться: зачем, дескать, такую дрянь производят.

В магазине говорят:

— Напрасно обижаться изволите. Эта игрушка приготовлена совершенно по заграничным образцам. Только что там резиновые катушки бывают, а у нас — деревянные. А так все остальное до мелочей то же самое... У них веревка — и у нас веревка. Только что наша немножко закручивается. Играть нельзя. Катушка не ложится. А так остальное все то же самое. Хотя, говоря по совести, ничего остального и нету, кроме палок.

Я говорю:

— Что же делать?

— А вы, говорят, для душевного спокойствия не давайте ребенку руками трогать эту игру. Прибейте ее гвоздем куда-нибудь над кроваткой. Пущай ребенок смотрит и забавляется.

— Вот, говорю, спасибо за совет! Так и буду делать.

Так и сделал.

Только прибил не над кроваткой, а над буфетом. А то, думаю, ежели над кроваткой — сорвется еще и за грехи родителей убьет ни в чем неповинного ребенка.

Отцы кушают виноград, а у детей — оскомина.

КАТОРГА

То есть каторжный труд — велосипеды теперь иметь.

Действительно верно, громадное через них удовольствие, физическое развлечение и все такое. На собак опять же можно наехать. Или куренка попугать.

Но только, несмотря на это, от велосипеда я отказываюсь. Я тяжко захворал через свою машину, через свой этот аппарат.

Я надорвался. И теперь лечусь амбулаторно. Грыжа у меня открылась. Я теперь, может быть, инвалид. Собственная машина меня уела.

Действительно, положение такое — на две минуты машину невозможно без себя оставить — упрут. Ну, и приходилось в силу этого машину на себе носить в свободное от катанья время. На плечах.

Бывало, в магазин с машиной заходишь — публику за прилавок колесьями загоняешь. Или к знакомым в разные этажи поднимаешься. По делам. Или к родственникам.

Да и у родственников тоже сидишь — за руль держишься. Мало ли какое настроение у родственников. Я не знаю. В чужую личность не влезешь. Отвертят заднее колесо или внутреннюю шину вынут. А после скажут: так и было.

В общем, тяжело приходилось.

Неизвестно даже, кто на ком больше ездил. Я на велосипеде или он на мне.

Конечно, некоторые довоенные велосипедисты пробовали оставлять на улице велосипеды. Замыкали на все запоры. Однако, не достигало — угоняли.

Ну, и приходилось считаться с мировоззрением остальных граждан. Приходилось носить машину на себе.

Конечно, человеку со здоровой психикой не составляет труда понести на себе машину. Но тут обстоятельства для меня сложились неаккуратно.

А понадобился мне в срочном порядке целковый. На пропой души.

«Надо, думаю, где-нибудь забодать».

Благо машина есть — сел и поехал. Заехал к одному приятелю — дома нету. Заехал к другому — денег дома нету, а приятель дома.

А один приятель хотя проживает в третьем этаже, зато другой — в седьмом. Туда и назад с машиной смотался — и язык высунул.

После того поехал к родственнице. На Симбирскую улицу. К родной тетке.

А она, зануда, на шестом этаже живет.

Поднялся со своим аппаратом на шестой этаж. Смотрю, на дверях записка. Дескать, приду через полчаса.

«Шляется, думаю, старая кочерыжка».

Ужасно я расстроился и сгоряча сошел вниз. Мне бы с машиной наверху обождать, а я сошел от расстройства чувств. Стал внизу тетку ждать.

Вскоре она приходит и обижается на меня, зачем я с ней наверх идти не хочу.

— У меня, говорит, с собою около гривенника. Остальные деньги на квартире.

Взял я машину на плечо, пошел за теткой. И чувствую, икота поднимается и язык наружу вылезает. Однако, дошел. Получил деньги сполна. Пошамал для подкрепления организма. Накачал шину и вниз сошел.

Только дошел донизу — гляжу, парадная дверь закрыта. У них в семь часов закрывается.

Ничего я тогда не сказал, только ужасно заскрипел зубами, надел на себя велосипед и стал опять подниматься.

Сколько времени я поднимался — не помню. Шел, прямо, как сквозь сон.

Начала меня тетка выпущать с черного хода. Сама, зануда, смеется.

— Ты бы, говорит, машину наверху оставлял, если внизу боишься.

После перестала смеяться — видит, ужасная бледность разлилась по моему лицу. А я, действительно, держусь за руль и качаюсь.

Однако, вышел на улицу. Но ехать от слабости не мог.

А теперь обнаружились последствия — хвораю через эту каторгу.

Утешаюсь только тем, что мотоциклистам еще хуже. Вот, небось, переживают!

И хорошо еще, что у нас небоскребов не удосужились построить. Сколько бы народу полегло!

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Можно меня поздравить. Нашел квартиру. Одна комната и кухня. С небольшим ремонтом.

Ремонтик совершенно ерундовый — потолок слегка побелить, а то балки оттуда виднеются и известка вместе с верхними жильцами на башку сыпется. А так остальное все исправно.

Я взял и побелил этот потолок. Починил и побелил.

Гляжу, при таком ослепительном потолке — стены стали нехороши. Очень уж грязные и обдрипанные.

Купил дешевенькие шпалеры. Наклеил. Стало как будто немного интеллигентней. Единственно, пол подгулял. При плохих стенах он не так в глаза бросался. А теперь на пол посмотреть страшно. Ямы. Колдобины. Ну, прямо идешь как по панели — до того неровно.

Купил бракованную клеенку. Покрыл пол. Стала комнатка хоть куда. Веселенькая. Дверь вот только жуткая. Не дверь, а черт знает что.

Починил дверь. Ручку для красоты вставил. Краской подновил. И надо было бы мне дверь с одной стороны только окрасить. Со стороны комнаты. А я дурака свалял — и со стороны кухни подмалевал. Прямо в кухню стало невозможно входить. Потому дверь хороша, а рядом сплошная дрянь. Стены аховые. Плита стоит развалившись. Крантик оторван, еле держится. Пола почти нету. Потолок жутковатый, все время на тебя валится.

Начал ремонт производить. После бросил. Потрохов, думаю, не хватит. Кухню, думаю, отделаю — уборная нехороша. Бака нету. Четвертой стены не хватает. Уборную, скажем, отделаю — в коридор не войдешь. Коридор отделаю — входная дверь не годится. Входную отделаю — лестница плохая. Перил нету. Лестницу отделаю — дом худой. Не дом, а горе.

А дом, товарищи, я не могу пока отделывать. Я сорок семь Рублей жалованья получаю.

Так и живу, как на вулкане. И о ремонте больше не думаю. К этому делу надо подходить осторожно и задумчиво.

БЫСТРЫ КАК ВОЛНЫ ВСЕ ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Что ж, художник не человек, что ли? Художнику тоже другой раз надоедает рисовать диаграммы и карикатуры. Может, иной раз художнику охота изобразить чего-нибудь лирическое. Какой-нибудь этакий пейзаж заместо дурацкой морды. Раз однажды стоит наш художник, притулившись у окна, в печальном раздумьи и соображает, чего бы ему изобразить.

«Эге, думает, изображу-ка я городской пейзаж из окна... Тут, скажем, тумба... Тут ванька на санях... Лошаденка этакая корявенькая... Снег мурашит... Народ ходит... Тут частный паучок развернул свои сети — лавчонку открыл... Превосходная, думает, картина получается. Меньше, как за четыре рубля, нипочем не продам. Это вам не Айвазовский».

Цельный день работал наш гениальный художник. Самую малость только не закончил. «Завтра, думает, закончу». Начал он назавтра работать. Видит, черт побери, не та музыка получается, не тот пейзаж. Снег растаял. Извозчик на колесах выехал. Публика с зонтиками шляется. Вон соседний домишко трещинку дал. Частный паучок свернулся — лавчонка стоит заколоченная... Начал художник сызнова изображать. Тоже, конечно, не худо получается. «За трешку, думает, такой пейзаж завсегда загнать можно будет».

На третий день стал заканчивать наш славный художник свое произведение искусства. Глянул на пейзаж — и обомлел. Видит — опять не та музыка. Опять снежок выпал. Тумба, правда, стоит, но у тумбы домишко развалился. Вон кооперация развернулась... Ванька опять же. «Черт побери! — думает художник. — За три рубли, думает, такое творческое беспокойство. Изображу, думает, как есть». Так и нарисовал. Хотел загнать за полтинник, — давали четвертак. Так и не продал. Себе оставил — для выставки. Художественные критики теперь будут писать об этом произведении: мол, новое течение в живописи — «невозможный изображенизм». А нам наплевать!

ГРАФОЛОГИЯ

За границей-то до чего докатились! Какую счастливую новость придумали! Вот наши газеты пишут насчет этой новости. Одно, говорят, довольно крупное лондонское учреждение взяло к себе на службу известного графолога — товарища Роберта Заудека, чтобы он определял по почерку характеры служащих и клиентов. Вот бы

нам тоже так устроить! Мы бы развернулись! Мы бы тоже определили жуликов и растратчиков!

Впрочем, глаз у нас острый и наметанный, мы вполне предвидим, что произойдет.

Ну, взяли, скажем, на службу графолога. Отвели ему кабинет. Дали ему разные почерки.

— Вот, говорят, милый, действуй! Вылавливай!

Засел графолог в своем кабинете. Начал определять.

«Это, думает, чей такой канальский почерк? Чья это явно мошенническая подпись?»

— А? Председателя? Какая, знаете, благородная, энергичная подпись! Даже сразу не разобрать. («Вот, думает, влип. На председателя наскочил. Потом, думает, неприятностей не оберешься, ежели чего худое скажешь».)

«Что ж, — думает графолог, — председателя мне не с руки ронять. Посмотрим дальше. Какие такие жулики тут работают? Вот, не угодно ли, какая еще жуликоватая подпись. Форменно канальская подпись! С такой подписью обыкновенно родных мамаш убивают. Что за сукин сын расписался!»

— Ась? Управдел? Гм... Сейчас через лупу посмотрю. Может, оно и ничего. Ну да, ничего. Обыкновенно скромная подпись. Буквы благородно закруглены. Честный почерк. («Что ж, думает, топить человека. Потом будет ежедневно ссориться и затирать по службе».)

«Я на себя не сердит, — думает графолог. — Начальников мне неудобно опрокидывать. После коситься будут. Дай, думает, заурядную подпись посмотрю. Эге! Это чей крест? Чей такой жуликоватый крест? Кто это заместо подписи фигурки ставит?»

— Феклуша! Какая Феклуша? Уборщица? Что ж, довольно благородная подпись. («Тоже, думает, неловко против пролетарского элемента выступать. Несозвучно с эпохой».)

«Однако, — думает графолог, — хотя бы одного мошенника надо определить.

А то скажут — ни черта не делает, баклуши бьет, даром жалованье огребает. Вот хотя бы этот почерк. Форменный бандит. Сейчас возьмем на учет...

Те-те-те, — думает графолог. — Да это же мой почерк. Фу, черт, туман нашел. Не признал. Оно, конечно, канальская подпись...»

И написал графолог похвальный отзыв о всех сотрудниках.

А через месяц графолога сократили за ненадобностью.

— Раз, говорят, все благородно и жуликов нету, то вам, значит, и делать тут нечего.

Пущай лучше без графологов!

НОВАЯ ЭПОХА

Иностранцы подарили миру новое открытие — управление аэропланом со стороны. То есть какой-нибудь ихний иностранный летчик садится, предположим, где-нибудь, скажем, на кучу мусора, и особой радиомашинкой управляет своей стальной птицей.

Это здорово! Надо отдать должное иностранным акулам и хищникам — ловко они придумывают этакие штучки. Гибкий народ!

Ведь это изобретение открывает целые горизонты. Ведь это вносит коренную ломку во всю нашу жизнь. Ведь это черт знает какие удобства появятся в связи с этим гениальным открытием.

Те же велосипедисты. Может, им скучно ногами ежедневно вертеть. Может, им охота заместо того заняться более благородной проблемой. А тут пожалуйста — изобретение к вашим услугам. Сидите, наслаждайтесь жизнью — стальная машина сама прет без устали.

Или, например, трудовая сценка из нашей деревенской жизни. Скажем, середняк. Скажем, середняк чай хочет пить. Не может же середняк с трактора не слезать. И не надо об этом беспокоиться, товарищ середняк. Сиди в своей хате, пей свой чай, грызи свой с а х а р , — гениальный аппарат к твоим услугам.

Надо думать, что и для извозчиков будут открыты новые возможности. Надо полагать, что и извозчик в связи с этим открытием не захочет цельный день трястись на козлах.

Потерпи, товарищ извозчик! Скоро пробьет час твоего крайнего благополучия.

А что вы думаете? Ежели бездушная стальная пролетка может, как миленькая, слушаться своего аппарата, то неужели же человек подкачает? Нет, не может подкачать человек. И скоро, может, ударит час, когда председатель собрания одним поворотом рубильника заставит инертные массы идти на то или другое собрание.

Граждане! Милые мои! Кажется, мы вступаем в новую эпоху.

ЖУЛИК

Вот опять подходит Рождество. Этот зимний праздник, как его остроумно называют в газетах.

А только этот зимний праздник идеологически мало выдержан, так что много говорить о нем не приходится. Тем более не приходится писать разные святочные рассказы.

И дозвольте, заместо этой невыдержанной продукции, рассказать про один случай, развернувшийся на фоне нашей тяжелой индустрии.

Случай этот даже можно назвать рождественским, потому что произошел он за несколько дней до Рождества. Во время получки жалования за вторую половину декабря.

Так вот я и говорю. Начал народ подходить до кассы. Получать жалование.

Подошла до кассы и наша дневная сторожиха Максимова, Софья Ивановна.

Подошла она до кассы, развернула, конечно, ведомость, и вдруг раздался отчаянный ее крик и вопль.

Кассир, значит, говорит:

— Если, говорит, крики будут продолжаться, то, говорит, я сейчас закрою свою лавочку и не стану деньги выдавать. У меня, говорит, от криков руки трясутся, и я, говорит, могу просчитаться.

Максимова говорит:

— Так что невозможно было не кричать. Я, говорит, еще не получала жалованья, а тут, говорит, в моей клетке уже какая-то бродяга рукой расписалась.

Кассир говорит:

— Тогда отходи в сторону. Я, говорит, тебе не могу вторично кредиты открывать.

Конечное дело, Максимова испугалась. Главное, дело к празднику. Покупать надо. А тут такое препятствие.

Подняла, конечно, Максимова ураганный крик.

— Это, кричит, ну форменное недоразумение. Я, говорит, не получала еще денег.

Начал кассир ведомость глядеть.

— Нету, говорит, никакого недоразумения. И подпись, говорит, правильная — Максимова. Отходи в сторону.

Тут Максимова обратно подняла ураганный крик.

— Это, говорит, жульничество. Я, говорит, если хотите знать, неграмотная, и хотя фамилию в ведомости находить умею, но, говорит, писать совершенно не знаю. И, говорит, в силу этого не могла свою фамилию выводить.

Тут народ начал подтверждать, дескать, Максимова действительно неграмотная бабочка и пущай выдадут ей, чего полагается.

Кассир говорит:

— Это, говорит, ну чистое безобразие. Каждый месяц ктой-то упражняется и получает на разные имена. Пущай заведующий согласится и тогда я выдам. Мое дело десятое.

Заведующий не был бюрократом. Он посмотрел ведомость и говорит:

— Выдать.

Тут Максимовой и выдали два новеньких червонца, две трешки и медный пятачок.

Максимова просияла и домой пошла.

А народ у кассы долго смеялся.

— Вот, говорит, довольно редкий случай, когда неграмотность пригодилась.

А жулика, между прочим, так и не нашли.

БЕРЕГИТЕ ЗДОРОВЬЕ!

Говорят — зимний спорт очень благоприятно на организм действует. Это, действительно, верно. Я сам на себе испытал.

Этой зимой я слегка захворал. Аппетита лишился — жрать совершенно не хотелось. Бессонница наступила. Похудел тоже очень отчаянно. Даже блохи меня перестали кусать. Истинная правда.

Врач осмотрел меня и говорит:

— Это, говорит, у вас нервы расшатавшись. Катайтесь ежедневно на коньках — и всю вашу нервную систему как рукой сымет. И снова блохи начнут кусать.

Болезнь я не стал запущать, заскочил в спортивный магазин и приобрел себе специальные сапоги с коньками.

И все это удовольствие стоило мне 19 целковых!

А это, надо сказать, очень дешево. Потому что коньки попались хорошие, почти стальные. И сапоги очень выдающиеся. Московской работы. Специальные сапоги для коньков.

Каблучишко-то, это верно, на второй день отлетел от них во время катанья. Но нельзя же, конечно, требовать какой-нибудь вечный золотой каблук.

А потом, хотя каблук и отлетел, но сапог остался. И деньги, можно сказать, не пропали.

А что я ногу себе сломал через этот факт, то я бы мог эту ногу и раньше сломать, с целым каблуком. Мало ли. Могли бы меня опрокинуть. За скамейку я бы мог головой зацепиться во время катанья. Мало ли...

Но, главное, не в этом дело. А дело в здоровом спорте. Всего пару дней я катался на коньках — и результаты поразительные. Очень поправился. Пополнел. И нервной системы как не бывало.

Некоторые говорят, что коньки тут ни при чем, а что просто я в больнице со сломанной ногой отлежался. Это буквально глупые речи. Что значит — коньки ни при чем? Да если б я не катался, может, я и в больницу бы не попал.

Как ни говори, а зимний спорт — громадная вещь.

Вот дайте починю ногу — за лыжи возьмусь. Может, еще чего-нибудь себе отломаю.

НЕПРИЯТНОСТЬ

Давеча на радиофронте у меня развернулась крупная неприятность.

Есть у меня имеется небольшой радиоприемник. Обыкновенно — детекторный. Без антенны. На электрическую сеть.

Слышимость довольно хорошая. Слов-то, конечно, не разобрать без антенны. Но гул идет довольно явственный. Даже в другой раз голоса можно различать — которые мужские, которые дамские.

А в зимние вечера очень, знаете, приятно послушать разные культурные звуки. Главное — легко, без хлопот, бесплатно ткнул в штепсель один провод — и наслаждайся.

Собственно, на почве этого штепселя и развернулась неприятность.

Надо сказать — я проживаю в коммунальной квартире. У нас шесть комнат. Восемьдесят четыре жильца. И на всю эту братию имеется один электрический счетчик. Так что скандалы бывают у нас каждый месяц из-за этого счетчика — кому сколько платить.

Так вот давеча приходит до меня уполномоченный нашей квартиры и говорит:

— Что, говорит, ежедневно слушаете аппарат?

— Слушаю, говорю.

— Через электрическую сеть?

— Да, говорю.

— Ловко, говорит. Либо, говорит, сымай свой аппарат к козлиной бабушке, либо, говорит, я тебе свет сейчас обрежу. Я, говорит, буквально эти ночи не сплю, страдаю и не знаю, сколько с тебя за энергию теперь брать.

Я говорю:

— Никакой энергии не беру. Это, говорю, электрическая сеть — заместо антенны.

— Э, говорит, брось ваньку валять. Я, говорит, не слепой пес. Я, говорит, вижу, что провод до штепселя доходит.

— Так, говорю, это один провод, в одну дырку.

— А я, говорит, не знаю. Может, я уйду, а ты и во вторую воткнешь. Сымай свои радиозвуки или, говорит, плати семь целковых в месяц жильцам за моральное спокойствие.

Платить, конечно, я не стал, а снял свой аппарат и теперича снова живу некультурной жизнью. А так остальное все благополучно.

ЦЫГАНСКИЙ МОТИВ

Оказывается — цыгане допрыгались. Но это им к счастью.

Был это народ кочевой. Ходили они с места на место. Морочили публике голову. Пели и на картах гадали. Но теперича вовремя за ум взялись.

Газеты про них пишут, будто только в одной Ленинградской области 400 цыган уже получили землю. Наверное, займутся хлебопашеством.

Это, можно сказать, здорово! Это надо вполне приветствовать. Потому уж очень нехорошо было: кругом культура, а тут наряду с этим какие-то непрописанные люди ходят и вообще за коммунальные услуги не платят. Нехорошо! Неприлично как-то!

Но теперь этот грустный мираж рассеялся. Цыгане сели на землю.

Так что из кочевников кто же у нас теперича остался?

Киргизы вот. Да еще наши учреждения. Наши учреждения ведут еще пока вольную кочевую жизнь. Можно сказать — порхают с места на место и меняют свои помещения.

Не знаем, как в других городах, а у нас в Ленинграде это так.

Так что нашему великому гениальному поэту Александру Сергеевичу Пушкину пришлось бы размахнуться на такие цыганские стишки:

Некоторые наши учреждения шумною толпою
По ленинградским улицам кочуют,
Они сегодня над Невою
В домах разрушенных ночуют.

Эти стишки были бы напечатаны в вечернем выпуске «Красной газеты».

Так про что ж это я?

Да, касаемо кочевой жизни. Кочуют киргизы и учреждения. Ну, а остальные граждане, можно сказать, плотно сидят на своих местах и не рыпаются.

РАБОТЯГИ

Наиболее всего работы достается Луганскому отделу труда. Уж очень этот отдел старательный. Входит в каждую мелочь.

Другие учреждения перед этим отделом — форменные бездельники.

Вот чего пишут газеты про этот геройский отдел:

«Он требует ежемесячного представления сведений о площади в раздевальнях мужских и женских бань, по каждой отдельно. Кроме того, о числе крючков на вешалке, о количестве окон и т. д.».

Сначала мы даже удивились — зачем требуются такие сведения ежемесячно?! Неужели в банях окна убывают и прибывают и площадь от сырости уменьшается?!

Но потом сообразили. Может, домишко-то под банями — ветхий. Может, он ежемесячно разрушается по частям. А, может, отдел труда как раз этим и интересуется — осталось ли площади, чтоб сходить в баньку — помыться.

Но, может быть, тут есть какие-нибудь другие соображения? Зря, одним словом, запрашивать не будут.

А, может быть, и зря запрашивают.

А только заместо таких глупых вопросов насчет окон запросили бы лучше ту же городскую баньку — есть ли там, дескать, среди сотрудников годовые подписчики на «Пушку» и сколько их?

А то спрашивают о всякой ерунде, а о солидных вещах позабывают.

Кстати, сообщаем несчастным луганским жителям, что ихнее прискорбное существование весьма может быть скрашено нашей разносторонней «Пушкой».

В журнале масса юмора, петита и безобидной сатиры.

Цена номера, во всяком случае, дешевле, чем сходить в ту же луганскую баньку. Цена пять копеек. А в баньку, небось, гривенник берут.

До свиданья! Будьте здоровы!

КРАСОТА!

Давеча, товарищи, я в газете вычитал очень даже интересное сообщение. Насчет Америки.

Оказывается, в этой удивительной стране многие автомобили и вагоны железнодорожные имеют свои названия. И ходят не под номерами, как у нас, а под заглавием. И конечно, выбираются заглавия все больше красивые и поэтические. Как, например, — «Пульмановский вагон», «Рогнеда» или автомобиль — «Ласка любви». Ей-богу, не вру! Так и пишут.

Прочитал я это сообщение — и тоже красоты мне захотелось.

Пущай бы у нас тоже на транспорте такое же начинание ввели. А то пароходы имеют свои названия, а вагоны — нет. Нехорошо. Несимметрично.

Трамвай можно бы назвать как-нибудь поэтически — «Утренняя прохлада» или хотя бы научно — «Масло жмут».

Железнодорожный вагончик хотя и имеет свое заглавие — «Максим Горький», но это заглавие несколько устарело. Не худо бы назвать такой вагон — «Луч солнца» или революционно — «Бывшая баррикада».

Этот жуткий экипаж частника следовало бы назвать поэтически — «Галоша» или — «Надгробное рыдание».

Конечно, все эти заглавия даны для примера. И если наш проект пройдет в жизнь, то можно расстараться — придумать чудные названия и тем самым заткнуть за пояс свободную Америку.

БРАЧНЫЙ АППАРАТ «ТУСТЕП»

Хотя браки и разводы происходят у нас довольно быстро и, можно сказать, без задержек, однако желательно полностью механизировать эти домашние процедуры.

В летнее время для удобства публики необходимо поставить специальные автоматы, которые за небольшую сумму могли бы выдавать гуляющей публике удостоверения о браке и разводе.

Скажем, познакомился человек с дамочкой, подошел к автомату, опустил туда гривенник и — получай брачное удостоверение. Или муж. Поссорился, скажем, со своей супругой: кому нести бутылку пива, — взял и без всяких драм и трагедий развелся у аппарата.

Для удобства населения желательно эти автоматы ставить на бульварах, в общественных садах, в театрах, кино и так далее.

ВАНЬКУ ВАЛЯЮТ

За границей ваньку валяют. Кругом, можно сказать, столько серьезных делов, а они пустяками занимаются. Не угодно ли, чего пишут в газетах:

«В Сан-Франциско (Америка) бездельничающая буржуазия устроила конкурс на людей с веснушками. Первый приз получила шестнадцатилетняя ученица, портрет которой напечатан во всех газетах».

А, впрочем, любопытно бы и у нас такой же конкурс устроить. А то мы знаем одного изобретателя тов. Е. — вся рожа у него в веснушках. Уши — и то в рыжих пятнышках. И такой, можно сказать, чемпион мира пропадает и буквально голодает — никак не может пристроить свое безусловно гениальное изобретение — какой-то там дизель. Дали б ему хоть за веснушки, что ли, первую премию, если нельзя за другое. Жалко же — человек пропадает.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ — ЗАГРАНИЦА

Многие насчет заграницы мечтают. Многим желательно съездить — посмотреть на разные заграничные достопримечательности. На разные венецианские каналы, римские развалины и американские небоскребы.

Ерунда, товарищи! Не советуем ехать. Все это добро у нас тоже имеется. Не надо напрасно тратиться на заграничный паспорт.

Каналы? Венеция? Пожалуйста. В одном Ленинграде этих каналов — чертова уйма. Крюков канал. Обводный. Екатерининский. Опять же река Таракановка. Плыви — не хочу. А вы говорите — Венеция.

Рим? Древние развалины? Ерунда! У нас в Ленинграде по, некоторым улицам идешь, как по окрестностям Рима. Не то, думаешь, развалины Форума, не то развалины какой-то постройки более поздней эпохи. А вы говорите — Рим.

Монте-Карло! Знаменитая рулетка и «три листика». Пожалуйста — тоже. Есть. Присаживайтесь. Есть одно свободное место. Игра сделана. Четыре сбоку — ваших нет. А вы говорите — Монте-Карло.

Ну, а которые ребята непременно хотят посмотреть на гро-

мадные дома, на разные, знаете, американские небоскребы — тоже ехать в Америку не требуется. Вышел за город, в какое-нибудь холмистое место — и гляди без визы на отечественный небоскреб! А вы говорите — Америка!

ПОДКАЧАЛИ

Мы давно говорили: братцы, не сваливайте снег на видных местах, пожалуйста. Некрасиво все-таки!

Нет, не слушали. Сваливали, черти, куда придется. Против Биржи сваливали. Опять же напротив памятника Петра Великого. На Неву тоже, конечно, скидают. А когда Нева тронется? Может, она в июне тронется. С природой шутить нельзя. Это вам не обсерватория!

Одним словом, докидались — ученые даже забеспокоились насчет этих свалок. Профессора и приват-доценты начали встревать в это паскудное дело.

Давеча в газете письмо профессора было напечатано. Дескать, проходя коло памятника и так далее, свалка снега и так далее... Дескать, нехорошо и так далее.

До чего дошло! Ученым приходится отрываться от какой-нибудь своей тригонометрии, от каких-нибудь своих великих открытий! Приходится заниматься таким паскудным делом.

Гнусно, товарищи, получается. Неловко перед наукой.

Надо бы как-нибудь расстараться. Куда-нибудь вывозить снег к черту подальше. Ну, а уж если в центре скидаете, то аккуратно скидавайте. В крайнем случае баб лепите из снегу. Оно все-таки благородней получится. Особенно, ежели свалка недалеко от памятника. Совершенно красиво может получиться.

А то можно еще заместо баб пирамиды лепить. Ученым завсегда пирамиды нравятся — Египет напоминают.

Одним словом, — расстарайтесь как-нибудь.

Пока!..

СИМПАТИЧНОЕ НАЧИНАНИЕ

Вот довольно приятное известие! Вот довольно культурное начинание, которое следует отметить. Неизвестно, как на других кладбищах, а на Лазаревском кладбище будет оборудован парк.

Эту радостную вещь сообщают нам газеты.

И, может быть, недалек тот день, когда мы будем легкой походкой прогуливаться по дорожкам этого парка. Ах, какое симпатичное начинание!

Зеленые скамейки, урны для окурок, ларьки с продажей прохладительных напитков... Ах, какое роскошное местечко намечено для прогулок!

Как, например, приятно в столь прохладном месте скушать порцию мороженого. Как, например, симпатично поболтать с девицей на легкие любовные темы. Или выпить кружку пива.

Впоследствии даже можно будет здесь разбить небольшую площадку для танцев с боем конфетти и серпантином.

А очень превосходно придется родственникам только что померших покойников. Они, захоронив этих последних, не уходя с кладбища, тут же могут развлечься и отдохнуть после тяжелой потери.

Вспоминаются знаменитые слова Сергея Есенина: «Мертвый в гробе мирно спи» и т. д.

Ах, ах, какое симпатичное начинание!

ПОМЫТЬСЯ ЗАХОТЕЛОСЬ

Этот вопрос довольно серьезный. Особенно, знаете, перед праздниками.

Ежели, для примеру, в трамвае публики масса и податься, скажем, решительно некуда, кондуктор обыкновенно дает сигнал и вагон трогается и лишняя публика сама отпадает.

А некоторые более сознательные кондуктора кричат:

— Местов нету! Куды лезешь, собачья голова!

Одним словом, на трамвайном фронте стараются не допущать перегрузки.

Та же картина наблюдается и в театрах. В театрах даже еще интеллигентней поступают. Там ежели набрали полный комплект публики, вывешивают плакат, — дескать, билеты, извиняюсь, все проданы.

Одним словом, тут тоже сверх нормы публику не допущают.

Теперь возьмем баню. Как в этом культурном учреждении поступают?

Оказывается, в банях с этим вопросом не считаются. А загоняют людей мыться безо всякого учета и беспредельно. Подобный случай был на станции «Бологое». В Торговой бане. Один парнишка помылся в этой бане и, помывшись, пишет:

«Местов уже не было, а публика все подходила и подходила мыться. Кассирша продавала билеты, не считаясь, так что публики набралось до того, что давили и нельзя было поднять руку — намылить голову. И меня наградили чесоткой от прикосновения».

Этот небольшой случай в провинциальном масштабе довольно характерно определяет создавшееся положение. Что делать? И как быть? И как ограничить наплыв публики?

С одной стороны, каждому охота помыться, а с другой стороны, ту же публику награждают чесоткой. А на праздниках ходить с чесоткой тоже мало интересу. Открываем по этому поводу широкую дискуссию.

ВОТ СПАСИБО-ТО!

Конечно, население довольно слабо изучило метрическую систему. Население еще путается. Колеблется — что к чему.

Некоторые полуинтеллигенты не могут еще враз сообразить, сколько, для примеру, километр весит. Но, спасибо, спичечный трест вовремя на помощь пришел.

Газеты пишут:

«Для широкого ознакомления населения с метрической системой решено выпустить спички с напечатанной на этикетках коробок метрической таблицей».

Вот спасибо-то! Одно худо: спичечная коробка — дело, как бы сказать, хрупкое. Вычиркал спички — и кинул эту коробку. Надоть метрическую меру монументальней увековечить. Скажем — на товарище Петре Великом. Пущай на ём будет надпись. Или, в крайности, пущай он в протянутой ручке плакат держит: дескать, а я, братцы, вместе с лошадкой одну тонну вешу. 1 тонна=1000 кило.

Население заинтересуется и изучит что надо.

Вообще мера довольно разумная, только желательно ее еще больше углубить. По всем, так сказать, отраслям науки.

Население, действительно, довольно отсталое. Можно сказать — ни бе, ни ме, ни кукареку. Чего там говорить насчет метрической системы — таблицы умножения многие не знают.

А не тиснуть ли эту самую таблицу умножения на папиросную коробку? Ась?

Какого черта, если население нуждается в этом. Пущай курит и умножает.

А на коробке с мармеладом можно бы чего-нибудь посущественней изобразить, скажем, некоторые сведения из грамматики. Пущай население шамает этот мармелад и изучает за те же деньги, как и чего пишется.

На стерилизованном молоке и других прочих бутылках можно научные диаграммы показывать — прогулы и прочее. На трамваях тоже в крайнем случае можно чего-нибудь изображать.

Одним словом, если это начинание развить, — громадных результатов можно будет добиться на научно-культурном фронте.

Куда ни плюнь — пущай всюду польза и поучение.

А и скучновато же будет жить! Хотя как кому. Нам не особенно.

ГРУБО

Еще мы не остыли, можно сказать, от первомайских праздников, а уже приходится о всяких пустяках говорить. О какой-то Мурзинке.

И пес ее знает, где это такая Мурзинка находится.

Спрашивал постового милиционера — не знает. Хотел еще оштрафовать на полтинник.

— Зачем, говорит, не по правилу подошел — наискось, а не прямо.

Грубая жизнь.

Некоторые говорят, что Мурзинка — это небольшое местечко около Ленинграда.

А мне все равно. Я теперь любопытства не имею к этой Мурзинке. И жить в ней не собираюсь. Там неважно жить.

Там человеку, прямо скажем, неинтересно жить.

Там извозчикам — хорошо. Извозчикам там форменно райское житье.

Там извозчики прямо по пешеходным мосткам дуют. Безлошадным жителям в силу этого, наверное, и податься некуда.

Оно, конечно, мостовая, наверное, там неважнецкая. При хорошей мостовой извозчик не сунется на тротуар. Но дело от этого не меняется. Население страдает. Жалобы печатает в газете:

«В Мурзинке извозчики нарушают порядок уличного движения. Часто едут по мосткам, и жителям приходится спасаться от извозчиков, чтобы не быть задавленными лошадьми».

А действительно, скучновато, небось, в этой Мурзинке жить. Дышлом в рот заезжают.

Грубо! Это очень грубо поступают с безлошадными гражданами.

КАРМАННАЯ КРАЖА

В настоящее время очень уж воры плачутся.

— Очень, говорят, суровая эпоха подошла, — хоть закрывай лавочку.

И карманники и бандиты в один голос это заявляют.

А это верно: чего красть в наше время? Богачей у нас нету. Народ все безлошадный. Руку в какой-нибудь дырявый карман сунешь — и сам не рад.

Которые говорят: пальто с прохожего снято — опять-таки мало интересу. Польта пошли дешевенькие. Не рентабельно.

Одним словом, кому-кому, а ворам определенно худо. Брать нечего.

Конечно, некоторые ребята ухитряются на разные штуки. Как давеча было отмечено в печати:

«Кража панельных плит. *На петроградской набережной неизвестными ворами похищены панельные плиты».*

Всего уперли 51 плиту. И продали в жакт по Кронверкскому проспекту по сходной цене — по семь гривен штука. Итого, сами считайте, — 35 р. 70 к.

Эта карманная кража произошла в Ленинграде.

Товар вывозили на подводе.

Одним словом, жуликам в настоящее время довольно туговато приходится.

МУЗЫКАНТЫ ДОПРЫГАЛИСЬ

Надо будет, товарищи, хоть балалайку, что ли, купить. Или гармошку. Одним словом, какой-нибудь музыкальный инструмент. В запас.

А то мало ли чего случится.

Вон газеты уже стращают. Пишут:

«Продажу инструментов предполагается передать кооперации».

Теперь, небось, осторожное население кинется запасать музыкальные инструменты — раз так дело обернулось. И через месяц-два паршивой балалайки не достанешь.

Пущай бы уж «Музтрест» продолжал бы свою плодотворную деятельность. Зачем же среди населения поддерживать панику?

РАЗДУЛИ КАДИЛО

Конечно, вкус у самогонки малоочаровательный. Даже неизвестно, чем эту жидкость закусывать.

Нету такого острого продукта, который бы перешиб этот отчаянный вкус.

А пьющие граждане между тем с этим фактом не считаются и самосильно покупают, невзирая на запах. Потому как кидаются на дешевку.

И, конечно, в силу этого самогонные дела идут на ять и процветают.

Не знаю, врут или нет, но собственноручно читал в газетах такое сообщение:

«В с. Триполье (50 верст от Киева) образовался объединявший долгое время многочисленные самогонные „предприятия" „самогонный трест" с выборным правлением, техническим отделом, отделами снабжения, сбыта и бухгалтерией».

Нехудо идет работишка. Нельзя пожаловаться.

Интересно, где они развернули свою канцелярскую деятельность? То есть какое у них помещение для треста? Небось, неважное. Здание скорей всего — избушка.

Ну да через пару лет, если начальство не встрянет в это дело, сей почтенный трест разрастется, разбогатеет и построит собственное здание по слову последней техники.

Это здание мы себе мыслим в таком виде. Гляди рисунок.

Надо полагать, что в 1931 году здание будет закончено.

ЛОМБАРДИЯ

Очень ужасная волокита происходит у нас в ломбардах. Которые граждане хотят чего-нибудь срочно заложить, — то это, ах, оставьте! Это не сразу бывает. Надо ждать и ждать. И все бока намнут в очереди. И так далее.

Тут один наш знакомый парнишка задумал свое пальтецо заложить. Ему трешка до зарезу понадобилась. Экстра случилась. Взял он тогда пальтишко на руку и стал в очередь. Стоит, как миленький.

Стоял, стоял, после думает:

«Покуда, думает, я, братцы мои, стою, — может, осень произойдет. Это, думает, я напрасно осеннее пальто закладываю. Вернее зимнее заложить».

Побежал он до своего дома, принес зимнее и надел осеннее. И стоит, как миленький.

После думает:

«Получается не того. Покуда до меня очередь дойдет, — может, зима ударит. Дай, думает, лучше зимнее надену, а осеннее заложу».

Так, значит, и сделал. Надел зимнее, а в ручки взял осеннее и стоит, как миленький.

Так он и теперь еще стоит. То одно пальто наденет, то другое. А то оба скинет. Смотря по временам года. И не знает, которое ему заложить.

А мы советов не даем. Мы не можем, знаете, за пятачок и рисунки рисовать, и бесплатные советы давать.

ПОРА ВСТАВАТЬ

Протри свои очи, дорогой читатель, и обрати благосклонный взор на этот приличный рисунок.

Тут, как видишь, художник по мере сил и возможностей изобразил раннее утро в провинции. А именно: Минеральные Воды. Рабочий поселок Госстеклозавода.

Еще довольно темно, но уже пора вставать на работу. Пора идти на этот самый стеклозавод. Гудок еще не гудел. И не скоро загудит. По той простой причине, что гудка на заводе не имеется. А, как сообщают газеты:

«...вместо гудка имеется целый штат кричальщиков, содержание которых обходится 2160 рублей в год.

Обязанность кричальщиков состоит в том, что они, стуча дубинкой в окно, будят рабочих на работу».

Нами как раз тут и зафиксирован славный и ответственный момент пробуждения. Вот кричальщики ходят, постукивают своими дубинками. Вот замелькали огоньки в халупах. Пора, братишки, вставать! Пора! Утро начинается. Вспоминается классическое из-

речение, кажется, что Пушкина, или, в крайнем случае, баснописца Крылова: «Дети, в школу собирайтесь, петушок давно пропел». Кстати, насчет петухов. Дело происходит на Кавказе, и, может, там петухов не водится. Только, одним словом, петухи там не использованы для этой цели. А работает там штат кричальщиков, которые и огребают, как мы указали, 2160 рублей.

В век пара и электричества прилично было бы устроить на заводе гудок. Оно, конечно, обслуживать его стоило бы немного дороже (поломка, починка, утечка пара и т. д.), но зато — красота.

А кричальщиков можно бы поставить на более полезное дело — бутылки выдувать или, еще лучше, какие-нибудь более порядочные стеклянные вещи — блюдечки или рюмочки.

Так что надо бы гудок схлопотать. Извиняюсь.

ТЯГА К ЧТЕНИЮ

В библиотеках-то что делается! Это ужасти! Ежедневно масса книг гибнет. Пропадают ценные экземпляры. Разные дорогостоящие учебники — Малинин и Буренин. Разные уники — физика Краевича и так далее.

Кроме пропажи, читатели вырывают особо нужные страницы. Выдергивают рисунки. Пишут на полях разную муру.

Все это, может, срывает культурное начинание. Все это, может, разрушает транспорт. Или не то, что транспорт, а вообще не оправдывает своего назначения.

И, может быть, до того дошло, что читателя и писателя допущать до книг не приходится. Газета так и пишет, — дескать, сейчас очень много развелось книжных вредителей и жучков-читателей.

Чего делать на этом фронте — неизвестно. Или по рецептам книги выдавать? Или еще как.

Тут у нас мелькнула одна идея. Не знаем только, что Наркомпрос скажет. А идея вполне жизненная.

Это, как видите, читальное зало. И сидят читатели. И близко к книгам их не допущают. Книги сами по себе, а читатели и писатели тоже сами по себе. А дают им бинокли и подзорные трубки, и через это они со стороны глядят в книги. И, таким образом, происходит массовое чтение.

Специальная боковая барышня страницы перелистывает. Тут стоит охрана. Тут барьер. Чтоб народ не кидался.

Таким образом, за цельность книги можно поручиться.

Хотя является вопрос: как же бинокли? Не уперли бы эти дорогостоящие инструменты? Хотя в крайнем случае бинокли можно будет к столам привинчивать, а библиотеку оцеплять охраной.

Надо же на что-нибудь решиться. Жалко же.

ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Баньки у нас не шикарные. Надо в этом сознаться. Скажем, в том же Донбассе. Специальная комиссия делала обследование. Оказалось, знаете, безобразно худо. Грязь. Тесно. Темно. Водицы мало... Так эта горемычная комиссия, не помывшись, и отбыла в центр.

А это досадно. Чистота — святое дело. Ежели человек чисто помытый, ежели у него вдобавок галстух на груди болтается, то и мыслишки у него не те. Он более солидно держится и в грязь на улице не ложится. Одним словом, чистота и банька — это три кита нашей культурной жизни.

А в Донбассе это невозможно худо. Единственно, там в одном месте расстарались. Это в Артемовском округе. Там построили «дворец-баню». Так и газеты пишут: «Дворец-баня».

Нас-то на открытие не пригласили, так что мы не можем поделиться впечатлениями от этой бани.

Но уж, наверное, шикарная баня, раз дворец. Вход, небось, очень чистый. Может, даже со швейцаром. И, наверное, шаек много. По шайке, небось, на человека. И банщики, небось, ходят не голые, а тряпочкой прикрыты. Не мелькают голым пузом.

Это достижение. Но есть и недостатки. Водица в эту баню-дворец поступает... Одним словом, пущай газета берет на себя такую смелость говорить такие слова:

«...вода поступает прямо из канав, у которых расположены уборные».

Так что мыться в такой бане, сами понимаете, мало интереса. Брезгливая публика, небось, и не моется. Наш художник полагает, что публика прямо во дворе моется. За баней. Однако не знаем. Не беремся утверждать. Может быть.

Это плохо, черт возьми!

КРЫСЫ

Знаете, меня крысы очень одолели. Давеча ночью громадная такая, как лошадь, на грудь прыгнула. И как завизжит, дьявол, когда я ее погнал. Прямо, ей-богу, человеческим голосом. Или это я крикнул. Чтой-то не помню.

Но это, так сказать, не в этом дело. А дело в том, что от этих крыс житья не стало. Бегают. Грубо на грудь садятся. Продукты жрут без устали.

Под кроватью у меня было сложено разное барахло. Ну, разное железо, бутылки, склянки, селедки. Так эти вещи они все разрыли. И съедобное скушали.

Тогда я рассердился и пошел до одного нашего кустаря. Он блох и крыс истребляет. У него магазин на улице.

Я говорю:

— Делайте со мной что хотите. Отрывайте мне руки и ноги, берите с меня рубля полтора или рубль, но, говорю, избавьте меня от этих насекомых. У меня, говорю, может, через них невроз сердца образовался. Я, говорю, не люблю, когда мне кто-нибудь на грудь садится. У меня дыханье захватывает.

Тогда пошел со мной этот кустарь, поглядел мою комнату, чегой-то там поковырял в каждом углу, положил туда разную дрянь и приманку.

— Тольки, говорит, боже вас сохрани, не скушайте это. Это, говорит, не съестное, а это отравленная приманка, через что помрут ваши крысы.

Взял с меня, сукин сын, три рубли и отбыл.

Через дней пять, самое большое, крыс вроде как прибавилось. Визг, грохот и треск прямо всю ночь.

Тогда я рассердился и пошел до этого кустаря.

— Три рубли, говорю, берете, а крыс между тем не усмиряете. А крысы, говорю, у меня по-собачьему лаять начинают.

— Да, да, да, говорит, об чем речь. Очень, говорит, трудно и все такое. Если б, говорит, за цельную квартиру взяться, то, говорит, полная гарантия, а то, говорит, одна комната — это невозможно.

Очень долго пришлось наших жильцов уговаривать. Однако все-таки сложились, позвали этого кустаря и велели ему ликвидировать мир животных.

Поковырял он в каждом углу, положил разную дрянь, посоветовал ее не кушать, взял двенадцать рублей и отбыл.

Только глядим, проходит время, и крысы не уменьшаются.

Тогда гонят меня жильцы до этого кустаря и велят об этом доложить.

Кустарь-одиночка говорит:

— Да, говорит, это часто бывает. Очень, говорит, просто, но, говорит, ваш дом отравленный крысами. Если б, говорит, за весь дом взяться, то, говорит, может быть гарантия, а квартира, говорит, — это капля в море.

Но когда я взял этого одиночку за грудки и хотел из него вытряхнуть душу, он сознался. Он говорит:

— И за дом, говорит, я гарантию не даю. Потому весь ваш район отравленный крысами. Если б, говорит, за весь район взяться, то, говорит, иное дело. И то, говорит, не ручаюсь. Так что крыс химическим газом где-то истребляют, и через это они посещают ваш район.

Тогда я рассердился, взял с кустаря свои пречистые и отбыл.

А вчера узнал, будто не очень давно в Гавани химическими газами травили крыс. Вот они и ринулись в другие, более буржуазные районы.

Гаванские ребята, не гоните крыс в нашу сторону. Тут тоже трудящийся народ проживает.

Это, конечно, достижение — в рабочем районе крыс истреблять, одначе просьба: не гоните больше на Петроградскую сторону. Своих довольно.

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИНОСТРАНЦАХ

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

Между прочим, насчет немцев и насчет иностранцев, насчет ихней хваленой чистоты.

Чуть что — нам завсегда в нос тычут ихнюю чистоту.

И которые товарищи приезжают с германских городов — те все очень ахают.

— Очень, говорят, чисто! Прямо по улицам ходить неприятно. Сору нет, окурков не видать, и лошади вроде как приучены терпеть — не марают улицу.

А на наш ничтожный взгляд, это просто, знаете, брехня. Подумаешь! Окурков не видать! А чего немцы курят? Немцы безмундштучные папироски курят и сигарки сосут. Откуда у них могут быть окурки?

А восторженные товарищи этого не учитывают. Нахваливают.

Тоже и лошади. У них заместо лошадей все больше таксомоторы ходят. Тут и пачкать нечем.

Вообще, знаете, брехня и брехня. Ну, скажем, довольно чистовато у них, но чтобы до того восторгаться — это прямо непонятно.

Поглядите лучше на этого молодца. На этого иностранца. Это у них такая последняя мода. Брючки-то — обратите внимание! Брючки-то закатил аж до колен. Мода модой, а тоже, наверно, в смысле чистоты не так уж у них сверхъестественно чисто. Материю-то подвертывают. Побаиваются, небось, забрызгать или запылить. Мода, знаете, зря не бывает.

Одним словом, придется как-нибудь самому проехаться в Германию — поглядеть, как и что.

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Это что за разворот? Это откуда такое оживление и такая чересчур сильная давка?

Что это, скажите, народ толкается и куда это прут разную домашнюю утварь и прочее барахлишко?

Может, это, извиняюсь, пожар или, может, дармовая раздача слонов и разных носильных вещей?

Или, может, каналья художник заврался и начертил не то, что надо?

Я извиняюсь, все тут указано правильно. Это, видите ли, происходит выдача зарплаты на заводе «Ока». Это заместо жалования выдают разные вещицы. Это промторг Каширского уезда выдает. Так сказать, чем придется. Сеном. Соломой. Гвоздями. Слонами. И так далее.

Я извиняюсь, художник, может быть, слонов-то действительно зря вывел. Мы хотели послать художника на место происшествия, чтоб срисовать с натуры и чтоб неувязки не было, но в последний момент, знаете, испугались. Как бы, думаем, его заместо платы не всучили бы какому-нибудь зазевавшемуся пролетарию. В Кашире это могут.

Одним словом, извиняемся за слонов, может, действительно чего-нибудь не так нарисовано. То извините. А факт указан в «Рабочей Москве».

С получкой, ребятишки!

НЕПОРЯДКИ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

Прежде всего коснемся слегка географии и астрономии. Тут, как видите, на рисунке смелой рукой художника нарисована наша солнечная система. Среди которой наша планета Земля занимает, по мысли художника, далеко не последнее место.

Вот это в центре круглая штуковина и есть наша сознательная планета.

Вот в самой середине вы видите Москву, повыше и левее — наш славный Ленинград. Вон Балтийское море! Вон плещутся мутные воды Финского залива, в который, как известно, впадает река Фонтанка по распоряжению откомхоза.

Эта прославленная речка, на которой незыблемо стоит наш город Ленинград, воспета всеми поэтами.

Бессмертные строки неизвестного поэта (Пушкина?) вконец прославили эту бурную речку («Чижик, чижик, где ты был...»).

Мутные воды этой речки вдохновили также нашего меланхолического поэта Лермонтова. Помните?

И скучно и грустно,
И хотца, ребятишки, в Фонтанку нырнуть
В минуту душевной невзгоды.
И некому ручку пожать... И т. д.

А жил бы поэт в нашу суровую эпоху, зашел бы на ту же Фонтанку, 57, в редакцию «Пушки» — и все было бы в порядке. И ручку бы ему пожали, и пару наиболее бодрых стишков напечатали бы по 30 коп. за строчку.

Одним словом, на этой столь прославленной речке и помещается наша редакция «Пушки». Небольшой такой двухэтажный

особнячок. Там же принимается подписка. Очередь подписчиков порядочная. До Черного моря, как видите.

Теперь пойдем дальше.

Направо от Ленинграда расположен прелестный город Вятка. А рядом с ним притулился городишко Омутнинск.

Это — городок небольшой, но культурный. Есть почта и телеграф. И даже недавно выстроен санаторий для туберкулезных.

Слов нет, санаторий не построен по последним западным образцам. Он построен совсем наоборот. Он, прямо скажем, построен на болоте. Он, можно сказать, родной братишка нашему Ленинграду. Ленинград построен на болоте — и этот санаторий тоже на болоте.

Кроме того, «Вятская правда» утверждает, что фасад этого прелестного здания глядит на север, а не на юг. Вот это плохо!

Вот построят, а после на нас взоры кидают, дескать, что мы скажем и какой научный совет дадим. А чего мы можем сказать? Единственно — планету надо повернуть так, чтоб южное солнце засияло на стенках фасада этого туберкулезного санатория. К сожалению, наша молодая наука и советская общественность не достигли еще такой высоты развития. И приходится мириться с грустной действительностью.

Вот чего, ребятишки. Дело прошлое. Туберкулезных вы действительно не посылайте в этот санаторий. А устройте, для примеру, диспансер для алкоголиков, если же алкоголики сопьются в этой грустной местности, то устройте в этом здании хотя бы Институт изучения мозга престарелых вятских строителей.

Засим позвольте пожать ваши ручки. И пожелать более приличного санатория.

[ГРУСТНО]

А грустно все-таки жить на станции «Зашеек»! Маловато на этой станции культурно-просветительных учреждений. А которые и имеются, те слабо и не по последнему слову техники оборудованы. Ну, взять хотя бы, для примеру, баню. Тамошняя банька, прямо скажем, не освещается. То есть, другими словами, в ней нету никакого освещения.

Которые граждане могут словчиться на дневное мытье, тем, конечно, туда-сюда. А которые не прогуливают, тем форменное неудобство. Тем мыться приходится, прямо скажем, в потемках. Другими словами, в полной и непроглядной темноте.

А в темноте мало интереса мыться. Не видно, за что хвататься. Думаешь, например, это мочалка, а это, может быть, у твоего соседа английская прическа. А за это сосед может смело морду наколотить. А за что же, товарищи, морду колотить, ежели в потемках не видать, за что хвататься?

Кроме всего прочего, в темноте обжечься можно. Опять же насчет одежи и обуви. Может, заместо своего коверкота какую-нибудь неинтересную дерюгу наденешь. Или не свои джимми.

А только мы этим несчастным жителям ничем помочь не можем. Даже на моральную поддержку пущай они не рассчитывают.

Единственное чего — это, может, предложить вниманию заведывающего банькой полный набор световых эффектов. То есть как и чем можно воспользоваться, чтобы осветить вверенное ему научно-культурное учреждение.

Конечно, лучше всего электрический свет, но ежели его нету, тогда надо на что-нибудь решиться.

Подумайте. И не допущайте своих граждан мыться в потемках. Это ослабляет дух и понижает характер.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Которые жильцы неопределенных занятий, тем определенно теперь худо. Про них даже в газетах сказано:

«При исчислении квартплаты с этой категории съемщиков необходимо исходить из наблюдений за образом их жизни».

Одним словом, эта отпетая категория людей, видимо, допрыгалась. А только, между прочим, наблюдение — дело крайне умственное. Нельзя с кондачка решать, как и чего. Надо подходить психологически, чтоб, знаете, не впасть в ошибку. Даем для примеру такие житейские неувязки.

Подъехал, предположим, наблюдаемый жилец на извозчике. «Эге, — думает управдом, — на извозчиках катается! Сейчас пойду обложу твою богатую личность». А между тем жилец, может быть, серьезно захворавши. Может, у него, я извиняюсь, живот схватило или что-нибудь другое, и он поторопился подъехать. И, может, он плачет, а извозчика нанимает.

Или, предположим, такой мелкий бытовой случай. Вернулся домой наш наблюдаемый жилец поздновато. Ну, скажем, в час ночи. Управдом думает: «Ага, треплется по разным веселым местам и ведет легкую ночную жизнь...» А между тем наш жилец как раз, может быть, наоборот. Может, он, я извиняюсь, дрова рубил или на улице пел и тем самым зарабатывал.

Или, скажем, такое положение. Идет наш голубчик жилец под мухой. Одним словом, выпивши. Управдом думает: «Ого, вкапался, молодой человек. Обложим, как богатого». А, может, этот человек, уважаемые товарищи, набрался с горя! Может, он горюет, что за ним наблюдают. Может быть, он через это пьет. Это понимать надо!

Тоже и наоборот. Скажем, одевается наш жилец бедно. И через это управдом ему сочувствует и берет с его души по копейке

за сажень. А, может, как раз у этого фрукта делишки неплохие, и, может, в его ватнике шестьдесят целковых зашито или серебряная ложка.

Это все понимать надо.

«ПУШКА» — ПУШКИНУ

Опять Пушкин. Вот беспокойная личность. То у него шляпу с памятника слямзили, то мебель из заповедника украли, то годовщину недавно справляли. А теперь опять не слава богу. Фонари у памятника прохожих беспокоят. Обжигают.

Дело, знаете, происходит в Москве. На Тверском бульваре.

Газета пишет, что там один из четырех *«фонарей неисправен — вечером к нему невозможно прикоснуться без риска получить хорошую памятку в результате удара током».*

Это грубо! Это что же получается? Это, значит, уж коло памятника нашего славного поэта не пройди. И это называется культурная революция! Мило.

А ежели, я извиняюсь, в этом месте свидание с барышней назначено? Это, значит, фонарь может одну сторону заживо угробить. Чего же, я извиняюсь, глядит московский откомхоз или как там он называется?

Стой, братцы! Погоди, не надо эти фонари чинить. Они пригодятся.

Даем небольшой проект, как наличными силами предохранить дорогостоящий памятник от расхищения разных его ценных частей.

На рисунке наглядно видно, как и чего.

Провод отходит от неисправного фонаря через ручку поэта Пушкина. И если какая-нибудь отпетая личность захочет отбить чугунную часть памятника, то силой тока она отгоняется на пушечный выстрел.

Глупо, но здорово. А ну вас, ей-богу, с Пушкиным. Своих делов по горло, а вы с Пушкиным.

КОМУ ЧТО, КОМУ НИЧЕГО

Ленинграду против Москвы нипочем не устоять. Уж очень Москва крупно шагает. Это прямо европейский город. То, знаете, они проект утвердили — будут скоро подземную дорогу строить. То пятиэтажный дом закончили. Так сказать, фантазию Уэллса превратили в действительность.

А вчера читаем: вскоре московские трамваи будут отапливаться. Правда, скоро ли это будет — они сами еще не знают. Но предполагают. В газетах уже брякнули. Уж отказаться будет неловко. Вот, наверное, дровец подкопят и начнут самосильно отоплять.

Немцы-то, пожалуй, локти станут себе кусать.

— Эва, скажут, отсталая страна, а нас, скажут, догоняет. Будьте любезны!

Все-таки культура — великое дело. А главное, культуру можно завсегда использовать. Так сказать, приспособить по мере надобности. Скажем, дома прохладно. Скажем, частник за дрова дерет. Покупать неохота. А тут за небольшую плату сиди себе в трамвае и грейся. Читать можно. Писать. Портянки можно развесить посушить. Валенки.

Этой Москве до чего прет! Когда еще наш Ленинград дождется такой благодати? Даже несправедливо как-то. Кому что, кому ничего.

Однако, примите привет и поздравление.

Между прочим, которые в Москве комнаты не имеют, тем форменно счастливые горизонты открываются.

Поздравляем!

ПУСТОЕ ДЕЛО

Знаете, в нашем доме маленькая неприятность случилась. Подкололи одного человечка.

А только надо отдать справедливость — все произошло очень культурно.

В другом, более мещанском доме, началась бы перед этим фактом разная буза, драка, мордобой. Стали бы почем зря стекла выбивать, перила портить и так далее.

А тут тихо и смирно поругались два частника по семейному делу и один другого немного подколол. И, спасибо, у того были надеты, ввиду холодного времени, ватник, жилетка и три рубахи. А то так бы и помер в страшных мучениях.

Ну, ясное дело, вызвали скорую помощь. Милицию. Одного туда. Другого сюда. Рассовали. И на этом дело окончилось.

Хотя как сказать.

Начали жильцы высказывать свои первые впечатления насчет убийства — кому, дескать, теперича комната достанется. Дескать, частник Костя Пономарев, дай бог ему добра, арестован и тем самым, так сказать, очищает свою жилплощадь. Так вот — кому ее дать? Кандидатов чересчур много. Все в нетерпении. И у некоторых стаж, может, с семнадцатого года.

А тут еще сам убитый начал встревать в это дело. Прислал фельдшера из больницы И просит Костину комнату за ним оставить.

И мало того — вскоре сам появляется на нашем горизонте. Ему там в больнице подправили его дырку, и вот он снова заявляется, набравшись сил. И начинает предъявлять разные немыслимые требования. Дескать, кого подкололи, тому и комната. Дескать, такой декрет есть.

Председатель товарищества говорит:

— Я извиняюсь, хотя такого декрета определенно нету и это есть чистая демагогия, но, говорит, надо войти в положение потерпевшего объекта. Тем более он, сукин сын, проживает на кухне и дышит разным вредным перегаром, и все-таки его подкололи, а не другого. !

А тот, холера, нарочно ходит сгорбленно, охает и все время берется ручкой за свое подколотое место, дескать, он чересчур страдает.

Ну, жильцы вроде как отступились. Потому видят — убитый совершенно осатанел и своего добра не выпустит.

Ну, махнули рукой. Дескать, пущай владеет. Пес с ним! Его счастье!

Хотя как сказать. Счастье оказалось не горазд крупное. Косте Пономареву дали всего полгода.

А очень убитый через это расстраивался. То есть, жалко было на него глядеть. Даже другие кандидаты начали его успокаивать.

— Да вы, говорят, особенно не горюйте, молодой человек. Не убивайтесь так. Вы рассудите, ну за что ему больше дать? Что он — деньги растратил или по морде вам дал при исполнении служебных обязанностей?

Убитый говорит:

— Да, это верно. Я понимаю. Дело пустое. А только я так думаю, что полгода мне маловато. Мне это только-только обжиться в его комнате.

Ему говорят:

— Ну, может, он вернется и еще раз вас подколет. Может, он увидит, что вы в его комнате проживаете, и угробит вас. Может, ему тогда крупней дадут. Может, ему года полтора дадут?

Убитый говорит:

— Нету, братцы. Я вижу, что меня зря подкололи. Ну, хорошо, Костя через полгода вернется. А нуте он на днях вернется? Нуте он скорей всего попадет под амнистию и завтра явится? А я, значит, так и жди его?

Так убитый и не переехал в Костину комнату.

И, пожалуй, хорошо сделал.

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ

Я не говорю, что пьяных у нас много. Пьяных не так, чтобы много. За весь месяц май я всего одного в лежку пьяненького встретил.

А лежал он поперек панели. И чуть я на него, на черта, в потемках не наступил.

Гляжу — лежит выпивший человек, ревет и шапкой морду утирает.

— Вставай, говорю, дядя! Ишь, разлегся на двухспальной.

Хотел я его приподнять — не хочет. Ревет.

— Чего, говорю, ревешь-то, дура-голова?

— Да так, говорит, обидно очень...

— Чего, говорю, обидно?

— Да так, говорит, люди — какая сволота.

— Чем же сволота?

— Да так, мимо шагают... Прут без разбору... Не могут тоже человеку в личность посмотреть: какой это человек лежит — выпивший или, может, несчастный случай...

— Да ты же, говорю, — выпивший...

— Ну да, говорит, конечно, выпивший. А мог бы и не выпивший упасть. Мало ли... Нога, скажем, у меня, у невыпившего, неаккуратно подогнулась... Или вообще дыханье у меня сперло... Или, может, меня грабители раздели... А тут, значит, так и шагай через меня, через невыпившего, так и при, так и шляйся по своим делам...

— Фу ты, говорю! Да ты же выпивши.

— Да, говорит, конечно, не трезвый. Теперича-то еще маленько протрезвел. Два часа нарочно лежу... И чтобы за два часа ни один пес не подошел — это же помереть можно от оскорбленья. Так, значит, тут и околевай невыпивший под прохожими ногами? Это что же выходит? Это выходит — сердца у людей теперича нету. Бывало, раньше упадешь — настановятся вокруг. Одеколон в нос суют. Растирают. Покуда, конечно, не увидят, в чем суть. Ну, увидят — отвернутся. А теперича что?

Поднял я моего пьяненького, поставил на ноги. Пихнул его легонько вперед, чтобы движение ему дать. Ничего — пошел.

Только прошел шагов пять — сел на приступочек.

— Нету, говорит, не могу идтить. Обидно очень. Слезы, говорит, глаза застилают. Люди — какие малосердечные.

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Это было давно. Кажись, что в 1924 году. Одним словом, когда нэп развернулся во всем своем пышном объеме.

Нэп-то, можно сказать, ни при чем. А тут просто говорится про одну смешную московскую историю.

Эта история развернулась на почве страха перед некоторыми обстоятельствами. Ну да сами увидите, в чем дело;

Так вот, произошло это событие в Москве. Как раз на квартире Зусева, Егор Митрофаныча. Может, знаете такого московского товарища. Лицо свободной профессии.

Он как-то в субботу у себя вечеринку устроил. Без всякой причины. Просто так, слегка повеселиться.

Народ собрался, конечно, молодой, горячий. Все, так сказать, молодые, начинающие умы.

И не успели, можно сказать, собраться, как сразу у них энергичные споры поднялись, разговоры, дискуссии.

И как-то так случилось, что разговор вскоре перекинулся на крупные политические события.

Один гость что-то сказал насчет книжки товарища Троцкого. Другой поддержал. Третий говорит: это вообще троцкизм.

Четвертый говорит:

— Да, говорит, это так, но, может быть, и не так. И вообще, говорит, еще неизвестно, как товарищ Троцкий понимает это слово — троцкизм.

Вдруг один из гостей — женщина, товарищ Анна Сидорова, побледнела и говорит:

— Товарищи! Давайте сейчас позвоним товарищу Троцкому, а? И спросим его.

Тут среди гостей тишина наступила. Все в одно мгновенье посмотрели на телефон.

Товарищ Сидорова побледнела еще сильней и говорит:

— Вызовем, например, Кремль... Попросим к аппарату товарища Льва Троцкого и чего-нибудь его спросим...

Поднялись крики, гул.

— Верно, говорят... В самом деле... Правильно!.. Позвоним и спросим... Дескать, так и так, Лев Давыдович...

Тут один энергичный товарищ, Митрохин, подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

— Я сейчас вызову.

Снимает трубку и говорит:

— Будьте любезны... Кремль...

Гости затаили дыхание и встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидорова сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежиться.

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была *квартира*, — Дарья Васильевна Пилатова. Она остановилась у дверей и с тоской глядела, как развертываются события.

А события развертывались с ужасной быстротой.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

— Будьте любезны попросить к телефону товарища Троцкого... Что?..

И вдруг гости видят, что товарищ Митрохин переменился в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слыхать было, и говорит шепотом:

— Чего сказать?.. Спрашивают — по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть...

Тут общество несколько шарахнулось от телефона. Кто-то сказал:

— Говори: из редакции... Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

— Из «Правды»... — глухо сказал Митрохин. — Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

— Завели волынку. Теперь расхлебывайте. Погодите, будут неприятности.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

— Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Что теперь будет? Вешайте трубку! Вешайте в моей квартире трубку! Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел тоскливым взглядом общество и повесил трубку.

И снова в комнате наступила отчаянная тишина.

Некоторые из гостей тихонько встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять сидело в неподвижности.

И вдруг раздался телефонный звонок.

Сам хозяин Зусев подошел к аппарату и с мрачной решимостью снял трубку.

И стал слушать. И вдруг глаза у него стали круглые и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

— Кто вызывал товарища Троцкого? По какому делу?

— Ошибка-с, — сказал Зусев... — Никто не вызывал. Извиняюсь...

— Никакой нет ошибки! Звонили от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча одевались и выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

Узнали об этом только на другой день. Один из гостей сам признался. Он вышел из комнаты сразу после первого разговора и позвонил из телефонной будки.

Товарищ Зусев с ним поссорился. И даже хотел набить ему морду.

КЛАД

Тут одна ленинградская дамочка вкапалась в довольно поганую историю.

Главное, нехорошо, что она за собой еще одного человечка потянула. Одного водника.

Только его обвинять не надо. Он определенно вкапался благодаря мелкобуржуазному окружению. Его, может, подбили на это

дело. Эта самая дама, может, сама за ним сбегала. А он, может быть, шел и упирался.

А сидит раз однажды эта самая дама у себя на квартире. Она жила в бывшей генеральской квартире. Бывшего генерала Лебедева. Она там комнату имела. На солнечной стороне. Бельэтаж. Парадный вход. И все на свете. Даже ей было поставлено мягкое кресло при разделе бывшего имущества генерала Лебедева.

Так живет она в этой квартире. И все у ней есть. И не капает в нее, и не дует. А ей все мало и мало. Она еще, видите, клад нашла.

А сидит она раз однажды в этой своей квартире. В этом самом кресле. Думает, наверное, какие-нибудь свои жульнические мысли и вдруг видит — перед ней стена. Другими словами — обыкновенная стенка в бывшей квартире генерала Лебедева.

И глядит она на эту стенку своими погаными глазами. И видит, будто в стенке какая-то неловкость. Или, я так скажу, выпуклость какая-то четырехугольная.

Или она сразу подумала, что это денежный ящик. Или ей мелькнула идея, будто генерал замазал в стенку свои разные ценности перед тем, как драпануть за границу. Одним словом, неизвестно, что она подумала.

Только вскочила она на свои жидкие ноги. Начала руками хвататься за стенку. Начала обойки отрывать.

Только видит — ей не можно своими дамскими руками капитальную стенку разобрать. И тогда она бежит крупной рысью до своего знакомого Головкина.

Бежит она, эта типичная выразительница мелкобуржуазной стихии, до своего знакомого, пролетария Григория Ефимовича Головкина. Говорит ему разные мелкобуржуазные слова. И тянет его до своей квартиры.

Приходят они в ее квартиру и производят осмотр.

Товарищ Головкин говорит:

— Вот чего. Без сомнения чего-то там есть. Я еще не знаю чего, но чего-то, одним словом, есть. Тем более, кирпич лежит не так, как ему следует лежать.

И тогда они оба-два кидаются на стенку. Срезают обои. Колупают известку. Дорываются до народных кирпичей. И вынимают эти кирпичи.

Вынимают они по кусочкам кирпичи и видят: ничего нету. То есть, абсолютно, совершенно ничего нету, кроме небольшого оседания капитальной стенки. И через это кирпичи лежат несколько боком и навевают разные мысли и грезы.

Тогда они начали поскорей обратно кирпичи всовывать. А только это у них очень безобразно получилось. Так что это дело невозможно было скрыть. Тем более, ихний сосед услыхал суетню и тоже, не будь дурак, начал рыться в стене со стороны своей комнаты. И тоже дорылся до самых кирпичей.

Так что произошла форменная огласка делу.

А очень их троих крыл уполномоченный. И даже, как будто бы, теперь хочет передать в суд за жульнические мысли и за порчу государственного имущества.

Так что, собственно говоря, это дело еще не закончилось.

И хотя дело не закончилось, тем не менее наша молодая общественность может предъявить свои права.

Позвольте, скажут, а чего, собственно, автор хотел сказать этим художественным произведением?

Чего он хотел выяснить?

И, может быть, вообще — автор нытик и сукин сын?

Дозвольте тогда объясниться. Тут просто-напросто рассказан небольшой фактик с нашей ленинградской жизни.

И, в крайнем случае, под этот фактик можно подвести базу. Дескать, мелкобуржуазная стихия зашевелилась. Копает стену. Ищет клад. И тем самым хочет поправить свои пошатнувшиеся делишки.

Теперь все получилось в порядке дня.

Извините за беспокойство.

КРАЖА

Это было в городе Сарапуле. Как раз перед рождественскими праздниками. В конце ноября.

В мануфактурном магазине (ЦРК) засыпался некий парнишка. Фамилия его вроде какой-то иностранной — Мальбандин.

А засыпалась эта мелкая личность по поводу карманной кражи.

Сами понимаете — давка. Очень желательно чего-нибудь хапнуть из кармана своего ближнего.

Вот он и хапнул. Что-то около рубля денег выудил из кармана зазевавшегося гражданина.

Ну, заметили. Схватили. Охи, крики и так далее, чего полагается.

Парнишка Мальбандин хотя и неопытный, а башковитый, — начал реветь. Дескать, жрать охота и форменная безработица.

Вокруг толпа собралась. Которые говорят: раздавить жабу на месте. Которые велят проще: набить харю и отвести с набитой харей в милицию.

А тут здравый голос раздается:

— Да что вы, братцы, или очумели? Ну, чего он сделал такое? Что он, лошадь угнал или бриллианты истратил?

— Да, говорят, конечно, не бриллианты. Он мелкие деньжаты упер у того гражданина.

— А если, говорит, мелкие деньги, то, говорит, зачем мальца мучить?! Может, такое впечатление и мордобой на его молодую душу отразится, и он, может, впоследствии через это бандитом будет. Пущай отдаст деньги и катится.

— Это действительно верно, — говорят в толпе, — малец маленько побаловался, а его уж и сгрябчили, и харю хотят ему в кровь разбить. А, может, мы все понемногу виноваты? Может быть, мы все иной раз — жулики. Дать ему двугривенный и отпустить!

Тут действительно мальцу дали двугривенный и отпустили.

А дальше у нас, как говорится, на палитре красок не хватает. Пущай сама сарапульская газета дописывает изящным слогом;

«Он возвратил украденные деньги, и... его отпустили с миром. Он продолжал тереться в магазине и в течение этого и последующего дня „почистил" карманы еще четверых граждан и только после этого уже задержан и предается суду».

Эту небольшую поучительную историю мы рассказали не без задней мысли. Хотим, чтоб население слегка одумалось. А то население последнее время легко глядит на разные такие мелкие делишки. Мелкая кража или небольшое зверское убийство вроде как и за преступление не считается.

А, между прочим, жить охота. Да и денег маловато.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ!

Москва до чего быстро шагает. Прямо у нас, у ленинградских жителей, голова кружится.

Недавно мы писали — трамваи будут отапливаться, а теперь опять не слава богу, — финиковые пальмы будут в Москве посажены. На бульварах.

Очень в Москве темп отчаянно быстрый. Через два года, небось, из Африки попугаев выпишут или обезьян. Очень уж там быстро техника шагает.

Главное, в газетах определенно сказано:

«Сухумский питомник МКХ предназначается для выращивания субтропических растений, которые будут отсюда перевозиться в Москву. Первая партия растений сухумского питомника будет получена в Москве летом будущего года. В эту партию войдут 4 000 финиковых пальм и другие растения. Часть финиковых пальм предназначается для продажи населению, а остальные будут рассажены на бульварах и скверах».

Мы, ленинградцы, прямо загрустили от такого сообщения. Все Москве и Москве. И пальмы Москве, и попугаи Москве. А у нас только и экзотики, что «Ленинградодежда».

А только вот что. Из такой большой партии благородных деревьев прилично бы и нам хотя бы 200 пальм уделить. У нас, в Ленинграде, и климат мягче. У нас скорее пальмы привьются. И, может, даже начнут плоды давать — государству на пользу, пищетресту на удивление.

А то в Москве чертовские морозы зимой бывают. Завянут же пальмы. Или их ватином будут обкладывать? Все можно ожидать.

Между прочим, «Пушка» решила в складчину купить себе три пальмы. Посадим их перед входом. На Фонтанке. Смехота.

НЕПРИЯТНОСТЬ

Вот довольно поучительный факт. Необходимо знать каждому гражданину.

Один наш знакомый человек всыпался в историю.

А была у него небольшая квартира. Первоначально это была большая квартира. А после раздела наш знакомый имел одну комнату, кухню и переднюю.

А знакомый был очень такой подвижной, характерный человек. Вообще энергичный. А главное — ему с семьей мало было одной комнаты.

И начал он прикидывать в уме, чего ему сделать. И вдруг придумал.

«Передняя комната — это, думает, излишняя роскошь. Я не нэпман. Гости могут не раздеваясь сидеть. Или пущай польты под себя подкладывают. Дай, думает, из этой просторной передней я себе две комнаты сочиню. Столовую комнату и детскую».

Очень загорелся наш знакомый на это дело. Однако, человек бывалый — побежал до правления и попросил разрешения воздвигнуть стенку.

Там очень обрадовались.

— Пожалуйста, говорят, об чем речь!

И с этим согласием наш знакомый в ударном порядке занялся строительством и в скором времени заимел симпатичную квартирку из трех комнат.

И только он обжился в этом помещении, вдруг правление заявляется.

— Так что, говорят, как известно, у вас теперича три комнаты. Так что, говорят, образовались внутрикомнатные излишки. Вам, говорят, как удобнее — вселить к вам или, наоборот, вы будете платить в тройном счете?

— За что же, говорит, платить? Ведь это передняя.

— Была, говорят, передняя, а теперича наглядно видать две комнаты.

Очень загрустил наш друг. И через день собственными силами сломал злополучную стенку. И снова теперь имеет переднюю.

А только он снова имеет неприятность. Зачем сломал стенку без разрешения и тем самым нанес ущерб жилищному строительству. И вообще возникает уголовное дело.

Давеча мы встретили нашего знакомого. Идет скучный.

— Лучше бы, говорит, не рыпался.

Пожалуй, верно.

НЕ ЗАБАВНО

Конечно, город Минусинск — это вам не Москва.

Это в Москве бывает все быстро, спешно и в ударном порядке. А тут, так сказать, наоборот и совсем напротив. Тут течение жизни медленное. Все идет с прохладцей. Никто зря на дело не кидается. А если чего и делают, то подумавши несколько дней. Иначе, наверное, сибирский суровый климат не дозволяет.

А произошел в этом самом Минусинске такой драматический эпизод.

Уперли деньги у одного товарища. Одним словом, свистнули какую-то сумму у одного физкультурника из «Динамо».

Как именно и при каких обстоятельствах произошел этот кошмарный случай — мы не знаем. Газета «Власть труда» не сообщает этих подробностей. А мы сами не можем на таком расстоянии угадывать.

Мы только знаем, что потерпевший был вполне симпатичный гражданин. И что днем у него еще шуршали эти деньги в кармане. А к вечеру и шуршать перестали — уперли.

И хотя очень расстроился наш потерпевший гражданин, однако, присутствия духа не потерял.

Он тотчас смотался в адмотдел, поднял там тревогу и объяснил, сколько у него денег уперли и кто именно упер.

Он подозревал одного человечка.

В отделе говорят:

— Это, говорят, хорошо, что вы подозрение имеете на определенное лицо. Это очень помогает расследованию. Главное — мы теперь знаем, у кого ваши деньги искать. Мы небольшой обыск произведем, и ваше лицо, как пить дать, засыпется. Считайте свои деньги обратно в кармане.

Очень все порадовались этим словам и со спокойной душой разошлись по домам.

И снова в городе потекла жизнь тихая и спокойная. Днем снежок сыпется. Ночью луна сияет на небосводе. Одну ночь луна сияет. Потом вторую ночь сияет. Третью ночь сияет.

И вот в эту третью ночь адмотдел, обдумавши все до тонкости, пошел делать обыск у несчастного гражданина, на которого пало тяжелое подозрение.

Конечно, в Москве или в Ленинграде сделали бы этот обыск немного побыстрей. Ну, в тот же день вечером. Или на другой день. Но для провинции и это — достижение.

Газета подтверждает наши мысли:

«Вместо того, чтобы обыск у этого гражданина сделать в тот же вечер, адмотдел соизволил прийти с обыском через два дня. Ясно, что ничего обнаружить не удалось».

Дело, так сказать, закончилось к общему благополучию, и снова жизнь в городе потекла ровно и без перебоев. У потерпевшего снова, небось, завелись деньжата. А который спер, тот, небось, уже поистратился. И снова, небось, обдумывает свои мелкие делишки.

Сыпется снежок в Минусинске. Температура — минус восемнадцать.

Неинтересный климат!

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Вот говорят — спецеедство. Спецов, дескать, заедают. Дескать, им дыхнуть не дают. Это — грубые слова и ничего больше.

Вон в Славянске специально для них дом отгрохали. Специально для инженеров. Пущай живут. Пущай не страдают. Пущай работают.

Теперь является вопрос — кто этот дом производил? Кто его строил? Надо полагать — его строили сами товарищи инженеры. Какие-нибудь, наверное, гражданские инженеры с высшим образованием. Хотя если на дом со стороны поглядеть, то высшего образования не можно увидеть. Потому небольшой изъян в глаза бросается.

Нам в Славянске не приходилось бывать. Так сказать, выражаясь старым языком, господь Бог оберег нас от этого грустного путешествия. И в силу этого нам не пришлось полюбоваться на инженерский домик. Но «Рабочая газета» пишет:

«На Харьковской улице построен дом для инженеров. Но выдвинули его на целую сажень на тротуар, поэтому дом придется перестраивать».

Первоначально у нас мелькнула идея — в Славянске гнойник открылся. И появились вредители. Потом видим — нет. Домишко построен для себя. Так что подозрения излишни.

И потом, в чем дело? Чего такое значит одна сажень в общем государственном строительстве? Если бы они домик поперек улицы поставили, тогда действительно трудновато пришлось бы пешеходам и гражданам (гляди рисунок).

А так — в чем дело! Маленько небрежно выдвинули вперед, а уж кругом недовольны. Перестраивать велят.

Зачем перестраивать? Пущай так живут. Небось, самим будет противно.

Не надо обижать славянских инженеров. Они сами себя обидели.

ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ

Пущай читатель за свои деньги чувствует — я печатаю этот рассказ прямо с опасностью для здоровья.

Это есть истинное происшествие. Все, так сказать, взято из источника жизни. И я побаиваюсь, как бы главное действующее лицо не набило бы мне морды за разглашение подобных фактов.

Ну, да, может, как-нибудь мирно обернется. А факт уж очень густой. Прямо не могу молчать.

А было это в Москве. И жил в этой Москве, на Зацепе, такой московский гражданин А. Ф. Царапов.

Особенно он ничем таким не отличался. Только тем он отличался, что в свое время учился в одной и той же прогимназии с одним очень ответственным товарищем. Одним словом, с наркомом. Вот только я позабыл, с каким наркомом. Или с наркомом труда, или собеса. А, может быть, и чего-нибудь другого. Я не запомнил.

Ну, и, конечно, в силу этого он любил похвалиться этим обстоятельством своей жизни. Дескать, они и в перышки вместе игрались. И будто, я извиняюсь, за волосья друг друга дергали. И даже будто раз однажды товарищ нарком французскую булку у него скушал. Франзоль.

Про этот факт А. Ф. Царапов особенно любил наворачивать. И при этом у него завсегда слезы в глазах горели от разных гуманных чувств и переживаний.

Только, товарищи, предупреждаю. Я за это дело не отвечаю. Тем более, может, это вранье со стороны Царапова. Хотя факт вполне допустимый. Тем более, правительство рабоче-крестьянское. Вожди из народа. Не министры. Это министры, действительно верно, в детском возрасте, может, пирожки с кремом жрали, а от простой французской булки морды отворачивали. А тут вполне допустимое явление.

Так вот, — раз однажды, когда А. Ф. Царапов обратно начал касаться этой французской булки, подходит до него один такой безработный жилец и так ему говорит:

— Вот, говорит, вы разные слова произносите и, говорит, кормите наркома французской булкой... Чего я вас попрошу... Закиньте пару словец насчет меня... Как я, говорит, есть безработный с одна тысяча девятьсот двадцать второго года и не могу найти службу... А тут как раз слышу подобные речи и факты.

А. Ф. Царапов говорит:

— Ладно! Специально я ехать к нему не буду. У него делов и без нас хватает. Но, говорит, как-нибудь отчего же. Об чем разговор...

Все многолюдное общество и сам безработный так ему говорят:

— Да вы, говорят, не откладывайте это дело. Вы, говорят, звякните ему.

И, конечно, приперли к стенке Царапова. И пришлось ему позвонить.

Или нарком, действительно, узнал в нем своего бывшего одноклассника. Или просто не хотел грубить по телефону. Только он ему так говорит:

— Насчет протекции это хуже. Я гляжу против протекции, хвостизма и спецеедства, но, говорит, поговорить на разные темы, отчего же, можно.

И велит, значит, Царапову приехать к часу дня.

И вот, на другой день А. Ф. Царапов под громкие аплодисменты и овации всего дома отбыл к наркому, совершенно не предполагая, что в пути произойдет с ним непредвиденное обстоятельство, которое нарушит весь торжественный ход событий. Только не подумайте — не встреча с наркомом. Другое.

А подходит товарищ Царапов до трамвая. И садится. Он садится в трамвай и ожидает движения. А движения, видит, нету.

А, надо сказать, это была конечная трамвайная станция. И сразу там, конечно, движения не бывает. Надо и кондуктору погреться в помещении и, может, ведомость написать.

Одним словом, нет и нет движения.

Начал Царапов слегка волноваться — не опоздать бы.

Вышел на площадку. Легонько про себя ругается. Тут же какой-то гражданин стоит. Такой у него неопределенный облик. Хотя, видать, трудящийся. В ватном полупальте. И тоже выражает неудовольствие.

— Беруть, говорит, по восемь копеек, а между прочим, стоят.

А. Ф. Царапов ему говорит:

— Главное, товарищ, мне надо к наркому ехать. А они определенно не чешутся.

Трудящийся говорит:

— Они так завсегда. Деньги им подай, а ехать они не хочут. На стоянках отыгрываются. Ток экономят... Эвон глядите — вожатый, как более сознательный, идет, а кондукторша, зараза, еще греется.

Начал Царапов говорить, зачем он едет и вообще про французскую булку, и вдруг, знаете, позвонил. Дернул сигнал, дескать, можно ехать.

Чего у него в эту минуту было на душе — остается тайной природы. Но только он позвонил. И так говорит:

— Пущай без кондукторши поедем. Как-нибудь обойдемся, раз мы имеем от них такие поступки. Не опаздывать же.

И вагон, конечно, поехал.

Едут. Доехали до трамвайной остановки. Вошла публика. Царапов обратно дает сигнал.

Опять поехали.

Через три остановки начала публика глядеть, где кондуктор. Глядит — нету. Глядит — пассажир в звонки názванивает, и денег не берет, и жалованья не требует.

Пожалуйста, думают. Дешевле ехать. И молчат.

Так бы, может, и доехал наш Царапов до своего знакомого наркома, но тут очень видную роль сыграла служба связи.

Поднялась, конечно, тревога на конечном пункте. Дескать, трамвай у ш е л , — задержать и все такое. Ну, и задержали на шестой остановке.

Конечно, схватили Царапова. Окружили. Начали его ругать. А сильнее всех ярился вожатый. Он даже хотел своей медной рукояткой личность ему разбить за такое нахальство. Только удержали.

Из публики говорят:

— Одно не понять, чего он, обалдуй, с окружающих граждан денег не брал. Все равно сидеть.

А. Ф. Царапов, конечно, умоляет и вообще вопит, что его зарезали этим делом, что теперь он может опоздать к наркому.

Однако, как он ни бился и как ни кусался, его не выпустили и доставили в милицию.

Правда, через два часа его освободили, но к наркому он уже не поехал. Безработный жилец остался безработным с двадцать второго года. И вся жизнь потекла по прежнему руслу.

А этим художественным произведением автор хочет сказать: Не гордись. А ежели гордишься, поезжай, в крайнем случае, на извозчике.

ТУХЛОЕ ДЕЛО

Довольно радостное сообщение мы вычитали в газетах. Отныне не будут выкидываться в помойку испорченные куриные яйца, а будут из них производить какой-то там технический желток. Уже, говорят, использовали для этой цели не то 10, не то 10 000 вагонов яиц.

Ах, это очень мило со стороны хозяйственников использовать подобную требуху!

Оно, конечно, симпатичней было бы совершенно не портить яички. Но раз эти хозяйственники закрепились на таких позициях, то что ж делать.

Ладно уж. Валяйте! Благословляем на это тухлое дело.

А благодаря этому принципу очень счастливые горизонты открываются в связи с кампанией по снижению качества продукции.

Скажем — не задался ситчик. Скажем — брак. Скажем — вышел из-под машины редковатый ситчик. Такой, что костюм из него шить неловко, а кидать в помойку обидно. Чего делать?

А делать из него можно, для примеру, сачки. Чтоб ловить бабочек. Очень мило и элегантно получается. Бабочкам тепло и не дует. И ребенку смешно. Побольше бы такого ситчику!

А если бабочки будут пугаться очень яркой и грубой раскраски, то это дело поправимое. Такой ситчик через пару солнечных дней абсолютно беленький будет. Побольше бы такого ситчику!

Или, скажем, хлеб выпечен плоховато. Скажем — подгорелый хлеб или, напротив того, выжимать можно. В рот такой хлеб не лезет, а кидать его скучно. Чего делать?

А делать из него можно чего угодно. Можно, обратно, шахматы лепить. Или шашки. Или детские игрушки производить. Побольше бы такого хлебчика!

Или вот вспомнилось нам кирпичное производство. Скажем — кирпич не удался, как это теперь часто бывает. Скажем — и форма прилично вышла, и цвет приятный, но вообще мягковато получилось. Не булка, конечно, но слегка мнется при нажиме.

Одним словом, небоскреба с такого кирпича не построишь, а кидать жалко. Собственно, даже не жалко, а так, вообще, обидно.

Чего с ним делать? А ничего с ним делать нельзя. Так, разве что сложить — и пущай лежит в пирамидах для красоты и благоустройства. И вообще это подбадривает. Все-таки как-то на душе энергичней становится. Поглядишь, а это жилплощадь напоминает. Правда, отдаленно.

Так что очень, я говорю, здорово получается благодаря отбросам. Все приспособлено.

Единственно не знаем, куда наших таких горемычных вредителей приспособить, черти их подери совсем. То ли им бабочек ловить, то ли им в шашки в поддавки играть, то ли еще что.

1:0

Если, для примеру, милиция схватила уличную торговку и ее тянет куда надо — обязательно народ собирается.

Которые, конечно, яблочки собирают. А которые сочувствуют.

И какая-нибудь, чаще всего нервная дамочка или скорей всего какой-нибудь нежизненный тип из бывших слоев интеллигенции, по характеру своему нытик и маловер, начинает хвататься за обмундирование и самым тонким сопрано произносит слова, дескать, просьба всей собравшейся публики — отпустить эту мелкую торговку. Дескать, у ней и заработку, может, шесть копеек в неделю и ейный бывший муж, может, бывший подпольщик и так далее. И, дескать, побойтесь бога и вообще, где же мировая справедливость...

Оно, конечно, в такие милицейские дела наилучше всего посторонним не соваться со своим сопраном.

Потому доказать мировую справедливость нипочем невозмож-

но. И, тем более, есть специальная инструкция. Так что милиция отвечает на это довольно резко и определенно.

Ну, и в крайнем случае, если маловер еще продолжает сомневаться и вообще рвет обмундирование, — заметают.

Тем не менее, однако, все-таки, зная такой распорядок и такую, так сказать, повестку дня, решили мы, не жалея собственных нервов и бумаги, встрять в одно такое именно милицейское дело.

Нам сообщают из Старого Петергофа:

«Начальник урицкой милиции Гарнец со своими милиционерами в футбол играет, но вместо мяча бьет ногами по корзинкам уличных торговок. Штрафовать — не штрафует, патентов не проверяет, а просто чикает».

Так вот, решили мы, невзирая на лица, встрять в это дело. И хотя начальник милиции уже получил выговор, однако, мы желаем еще подбавить пару. И в силу этого печатаем подобный футбольный случай — пущай человек прочтет и застесняется.

А если торговки прочтут — пущай не наглеют и пущай со своими корзинками вперед не прутся. Штрафовать определенно будут. Но ножками ковырять товар не позволим.

Одним словом, футбольная игра окончена 1 на 0 не в пользу урицкой милиции. Неприлично!

ПРИРОДА И ЛЮДИ

1. НЕ ПРО ЛЮДЕЙ

Чего-то надоело про людей писать.

Все про людей и про людей. Дозвольте написать о неодушевленных предметах. Для примеру — о кастрюльках.

А то если опять начать про людей, то чего-нибудь нехорошее загнешь. А дело к весне. На сердце, может, цветки распускаются. И обижать никого неохота.

Так вот, имеете рассказ насчет кастрюльки.

Если, скажем, пойти в кооперацию, то, несмотря на некоторую давку и неприятные взгляды работников прилавка, кастрюльку все же можно покупить. И довольно даже недорого. Три рубля семь гривен — средняя кастрюлька с крышкой и с ручкой за те же деньги.

Это, ей-богу, недорого! Да оно дешевле и нельзя. И так чуть себе не в убыток торгуют. Очень уж этот товар дефицитный. Его надо много возить. Из Ленинграда в Москву и обратно.

Слов нет, такая кастрюлька после выпуска недорого стоит — чего-то два рубля с небольшим. Такие кастрюльки у нас в Ленинграде производят на «Красном выборжце». Москва заказывает.

Так вот, берут эти славные двухрублевые кастрюльки с ручкой И везут в нашу красную столицу, в Москву, в ГУМ.

ГУМ полюбуется на эти кастрюльки, поколдует, прикинет чего-то на счетах и велит их везти обратно в Ленинград, в магазины. Газеты так и пишут про это:

«Правление ГУМа заказывает металлическую посуду „Кр. выборжцу", везет эту посуду на московский склад, а потом из Москвы присылает в ленинградские магазины».

Вот оно и выходит. Туда, назад повезли — оно и округляется. Спасибо еще, что те кастрюльки в международных вагонах не везут, а то бы, знаете, набежало.

А так совсем недорого. Хорошая, симпатичная кастрюлька, побывавшая в Москве кастрюлька, которая не протекает, несмотря на дальнюю дорогу, стоит всего три рубля семь гривен. Ей-богу, недорого!

А вы брюзжите...

2. ПРО ЛЮДЕЙ

А уж если вам так охота про людей — можно и про людей. Не обижайтесь только.

А этой осенью потребовались на Сахалин работники. Там, на Сахалине, японская концессия имеется. Довольно выгодная. Нефтяная.

Так понадобились японцам рабочие.

А специалисты где? Специалисты по нефти определенно где — в Баку. Можно сказать — на другом конце света.

Вот взяли оттуда 218 рабочих и повезли их, как миленьких, на Сахалин.

Везли, везли.

Больше месяца везли.

Привезли.

Говорят по-японски, — дескать, привезли.

Японцы говорят:

— Вот, говорят, и мерси-спасибо! А кого вы привезли?

— А мы, говорят, привезли обыкновенно кого — нефтяников-котельщиков. Тем более мы так располагаем, что у вас нефтяное дело.

— Дело, говорят, у нас без сомнения нефтяное, но только нам надо совсем обратную профессию: нам бурильщики до зарезу нужны. А котельщиков у нас — завалиться можно.

Ну, и повезли обратно в Баку. Небось, больше месяца везли.

Оно, конечно, ошибка бывает. Одначе все-таки везти через всю страну 218 человек — это, знаете, чего-нибудь стоит. Это вам не кастрюльки.

Ну, конечно, наверно, кое-кто присел по этому делу. «Известия» писали, будто привлекли кого-то.

Ну, скажем, сидят. Шамают казенный паек. А легче от этого, что ли?

Братцы-сестрицы! Нельзя же из Баку и обратно. Тьфу, ей-богу!

НЕ ДАЮТ РАЗВЕРНУТЬСЯ

Вот довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком всегда обязательно мужчина работает, а за кассой определенно женщина.

И почему такое? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег около себя? Или он запивает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект вроде бабы с осоловевшими глазами и с тонким голосом.

Между прочим, на этой почве разыгралась трагедия в станице Бабинская. Это где-то у них на Кубани.

А был в этой станице универсальный кооператив «Пролетарский путь». Кстати сказать, очень отличный кооператив.

В других станичных кооперативах один и тот же работник одной ручкой деньги принимает, в другую ручку сморкается, а после за колбасу берется. А тут как в Европе. Даром, что не очень громадная станица, а дело поставлено шикарно.

Один колбасу стрижет. Другой, я извиняюсь, в винном отделе. А за кассой, не угодно ли, кассирша ручку вертит за те же деньги.

Скажите, какие европейские данные!

Да еще заведывающий в придачу.

Заведывающий, так сказать, лакирует все ихнее дело. Он надзирает, чтоб все было без сучка, без задоринки. И слов нет, дело шло чересчур аккуратно. Никто не обижался.

Только были обиды со стороны кассирш.

Их за короткую зиму троих сменили.

Их заведывающий отставлял. Поработает барышня месяц, и ее обратно отсылают. Мол, не соответствует своему назначению.

Были, конечно, через это дамские слезы, оскорбления и разные слова, но дело не изменялось.

И оно не могло измениться. Тем более заведывающий имел на этот счет свою твердую психологию. Он иной раз говорил промежду своих ребят:

— Хотя бы, говорит, один раз нам мужчину прислали, а то все бабы да бабы. Прямо, говорит, у меня коломитно на душе становится.

Работники прилавка говорят:

— Да уж это как есть. При бабе после трудового дня и поругаться немыслимо, и вообще нету такой душевной спайки.

Заведывающий говорит:

— Вот именно. Совершенно то есть неудобно. Может, я хочу после трудового дня при подсчете товара не иметь на себе лишней одежды. Или, может быть, я хочу выругаться. Почем кто знает, чего я хочу. Я только знаю, что баба, хотя бы она и кассирша, совершенно меня стесняет и не дает мне творчески развернуться. Пущай бы нам мужика прислали. Мы бы с ним живо спелись.

Ну и, конечно, за зиму при таких обстоятельствах сменили трех кассирш.

Значит, снимут и ждут: вот, даст бог, из своего лагеря пришлют — кассира.

А отдел труда (или, я не знаю, откуда кассирш засылают), так отдел все барышень и барышень шлет.

И неизвестно, как долго продолжалась бы эта конвейерная система из барышень, если б не один случай.

А месяц тому назад уволили одного работника прилавка. Вот он обозлился и размотал все дело.

А заведывающий, милый человек, на допросе так сказал:

— Действительно, я троих уволил. Только я сам щадил ихнюю наивность. У меня фронтовая привычка ругаться. Когда публика, я ругаюсь мало. Но в конце дня я нервничаю и не могу сдержаться. А меня кассирша смущает. Я сознаю, что поступил неправильно, но я не хотел молодых женщин подвергать оскорблению.

Газета «Знамя труда» сообщает, что на заведывающего С. Дошевца наложено дисциплинарное взыскание.

Наверное, он теперь ругается дома.

БЕССОННИЦА

Очень в Одессе любопытное, показательное дело произошло.

А главное — оно очень принципиальное. Тем более, голоса разделились. Одни говорят: это издевательство. Другие говорят: что вы, что вы!

А мы тоже ничего издевательского не видим. Можно сказать — все в полном порядке.

А речь идет, я говорю, про Одессу. Про одесскую милицию. Там сам начальник гормилиции немного подзашился. Ему перед самой чисткой обвинение кинули, — мол, сползает с классовой линии.

Что так? Почему такое? Парень выдающийся, боевой. Зачем ему сползать с линии?

— А как же, говорят, он издевается над младшим составом. Он их на карточку снимает, а после издевается.

— Что вы говорите! Не может того быть? Неужели на карточку снимает?

— Да, говорят, определенно.

А дело такое.

Может, знаете, такой порядок — некоторые начальники имеют обыкновение ловить с поличным. Ну, заснет часовой или постовой, а его и накроют. Винтовку отберут или шапку снимут. А после к ответу тянут.

Дело, безусловно, обыкновенное. Надо дисциплину соблюдать и не дрыхнуть без задних ног на ответственных постах.

Хотя надо сказать — такая ловля спящих мало действительна.

Другие такие нахальные попадаются — отопрутся, — и все.

— Я, говорит, и не спал. Я, говорит, только прищурил глазки, а этот ренегат, может, нажрался жирной пищи и налетает — шапку сразу сымает с головы... У них стрелочники завсегда виноваты.

Так что такая ловля, я говорю, не так уж достигает цели.

А очень выдающийся способ изобрел начальник одесской гормилиции. Он ходит с аппаратом и чуть что — на карточку сымает. Такой у него фотоаппаратик девять на двенадцать.

Вот он с ним и ходит. Заметит какой-либо беспорядок и сымает моментально или с небольшой выдержкой.

Сымет, например, на карточку спящую милицию, проявит, отпечатает и после в стенную газету вклеивает. Позор!

Главное — и отвертеться нельзя. Улики, можно сказать, налицо. Сам сидишь, сам спишь, и морда твоя виднеется со всеми подробностями: там, скажем, глазки закрыты, изо рта пузыри вылетают. Одним словом, наглядная панорама.

А очень это фотографическое дело обернулось в неожиданную сторону.

Перед самой чисткой начальника гормилиции со своим аппаратом пришили к делу.

— Так что, говорят, помилуйте, это форменное издевательство. Немного задремлешь, а тебя уж на карточку чикают. Прямо всякий сон пропадает, и аппетит теряется. И бессонница наступает.

Ну, поднялась целая история и тарарам.

Тройка встряла в это дело.

— Да, говорят, издевательство налицо. Поставить на сегодняшний день под сомнение его классовую личность и наложить взыскание.

Но тут, спасибо, чистка подошла.

Ну, и, конечно, никакого издевательства не нашли.

Так что можно в крайнем случае снова заняться фотографией.

Вот только жаль — аппаратов в продаже нету. Не делают. А пора бы небольшой заводик открыть. Чтобы было чем снимать дремлющую публику. Тем более, таковой на сегодняшний день весьма порядочно.

БУРЛАЦКАЯ НАТУРА

В том месяце вычистили из партии одного человечка. Кто он — не суть важно. Важно, что его вычистили.

А вычистили его по бытовому признаку — он выпивать любил.

Ну, такая у него вообще бурлацкая натура. Он чуть что — за воротник заливал. Хотя и в меру. А других делов за ним не значилось. Он и работал ничего себе. И с женой довольно миролюбиво обходился. И по займу 106 процентов заплатил. Вот, ей-богу, обидно-то!

Главное, комиссия такая слишком строгая подобралась. Кто что, кого чего, кому почему? Ну, и доездили человека. Почему, говорят, на фронте не был? А он, может быть, завозился по хозяйственной части и не попал на фронт. А теперь ему это на вид ставят.

Ну, одним словом, уволили.

— Хотя, говорят, вы будете и пролетарский элемент, но, говорят, чего-то в вас наблюдается мелкобуржуазное. Вы, говорят, не подходите в реконструктивный период нашего времени.

А очень человеку обидно стало.

«Ах, так, думает. Сколько лет, думает, я крепился и сдерживал свою бурлацкую натуру, а вы мне такие песенки поете. Сколько лет, думает, я не позволял себе никого ударить и с женой довольно миролюбиво обходился. И займу сто шесть процентов заплатил. А мне такие песенки подносят».

И, одним словом, развернул человек свою деятельность. Завил горе веревочкой и начал ежедневно колбасить. Меньше, чем в одну неделю, он побил весь жакт, все свое домоуправление. Содрал у них со стены разные актуальные лозунги. Жену отвозил, находясь в стадии опьянения. Одним словом, в короткое время таких делов натворил, что даже на него протокол составили.

Только наряду с этим происходит другое течение.

Как я есть беспартийный товарищ, то я не знаю, как это технически происходит. Но только дело этого человека после увольнения двигается. И им интересуются. Ах, дескать, это бурлацкая натура! Кто что, кого чего, кому почему? И, одним словом, восстанавливают человека в его правах.

Восстанавливают человека в его правах и дают ему об этом знать.

Заместо крупного веселья он очень забеспокоился.

Ничего такого не говорит, только говорит: «Братцы, братцы...» И сам за всех хватается и вроде как мысленно прощение себе требует за свои последние дела. И, конечно, бежит, куда ему надо.

Как я есть беспартийный товарищ, то я и не знаю, куда надо в таких случаях бежать. Только, одним словом, он бежит, куда ему следует бежать, и там восклицает:

— Ах, ах, да что же вы со мной делаете?

— А что? — говорят.

— Да как же — что? Сначала меня чистите. После обратный ход даете. Это же неизвестно, как человеку вести себя. И на каких правах жить? Или как беспартийцу находиться? Или, наоборот, опять сдерживаться.

— А что? — говорят.

— Да как же, говорит, я за это переходное время разных мелкобуржуазных делов натворил и слегка сполз с классовой линии.

Ему говорят:

— Ну, значит, товарищ, вы не чистой воды пролетарий. И настоящий партийный коммунист в любое время дня и ночи должен быть вроде как одинаковый и сверкать, как стеклышко.

Тут опять возникает дело, и его, голубчика, снова сгоняют с платформы.

Но, несмотря на это, он ведет себя тихо, лежит на кровати и «мама» сказать боится. И надеется, что его обратно восстановят.

Не знаю. Не могу обещать.

НЕ СОГЛАСЕН

А вот я, братцы мои, не согласен с этой поговоркой: «Готовь летом сани...»

Я ничего не говорю. Эта народная поговорка или там пословица довольно мудрая. Но только не на все случаи жизни она годится.

В самом деле, вот уже сколько раз эта симпатичная поговорка не оправдывала своего назначения и вообще вводила в заблуждение публику.

Вот сейчас расскажу, чего в связи с этим вспомню.

1. НЭПМАН НЕ УГАДАЛ

Тут, в Ленинграде, был такой нэпман. По фамилии С. Яков. Очень такой, говорят, башковитый, предусмотрительный господинчик.

Он в прошлом году, не дожидаясь генеральной линии, взял да и построил себе небольшую дачку под самым Ленинградом.

«А то, думает, мало ли чего в революцию бывает. Нажмут на нашу категорию — и податься будет некуда. Или за сорок верст угонят. Ездить будет неудобно».

Вот он взял и построил домик. Поближе к центру. Так сказать, заготовил сани летом... А только сейчас эти сани по декрету у него отбирают, как у лишенца. А вы говорите — готовь сани...

2. ДОМИК НЕ УДАЛСЯ

Или вот в нашем доме. Захотело наше домоуправление прикоснуться к строительству. Видит — стоит во дворе двухэтажный флигель. «Ах, так, думает. Ладно. Дай, думает, третий этаж надстроим. Тем более небо дозволяет тянуться в высоту». Очень такие радужные перспективы рисовались нашим строителям.

Вот навезли они, заметьте себе, строительного материала. Пригласили за крупные деньги инженера. Сочинили план. Согласовали. Ну, одним словом, продумали все до мелочей. Тем более, помнят, такая есть мудрая поговорка: готовь сани заранее... Вот они заранее все и обмозговали... За полгода. Или за год.

Наступило лето. Надо строиться. Вызывают с биржи рабочих. Биржа говорит:

— Да, говорит, действительно, безработных у нас пока до черта, тем более конторщиков и парикмахеров, но, говорят, штукатуров и кровельщиков как раз нету на ваше такое несчастье. Погодите, может, скоро они освободятся.

Но наши строители ждать не стали и обратно продали материал. А сейчас, говорят, штукатуры понаехали.

3. ХИМИЯ НЕ ДОЗВОЛЯЕТ

Моя квартирная хозяйка купила бумазеи к зиме. Не могу сказать, где она купила. Кажется, у частника. А, может быть, и нет.

Одним словом, купила она, как запасливая дама, еще летом бумазею и положила ее в комод.

Только подходит зима, разворачивает хозяйка эту бумазею, хочет из нее пошить себе разные теплые предметы и юбки, а бумазея как бисер рассыпается.

Что? Почему? Откуда такая напасть?

Да, говорят, в другой раз попадается такая едкая химическая краска, которая нипочем не переносит ткани. Или ткань ее не переносит. Только, одним словом, они вместе не уживаются.

Таким образом, иногда качество продукции не дозволяет заранее планы строить.

4. ДЯДЯ ПЕТЯ ОШИБАЕТСЯ

Или вот с нашего же дома — извозчик Петр Антонович Горелов. Или дядя Петя, как его называют.

Он, сердечный человек, совсем с ног сбился с этой чертовой поговоркой.

А взял он летом и отдал сани в ремонт.

Довольно крупную сумму на это ухлопал. Но зато саночки починили ему на славу.

«Ладно, думает, хотя, думает, коляска у меня — дерьмо, но зато санки славненькие. Как-нибудь доезжу до зимы, а зимой фасон давить буду и свои финансы поправлю».

Вот подходит ноябрь месяц. Потом декабрь. После январь наступает, а снегу нету. Сами знаете, какая у нас в Ленинграде зима в этом году. Горе, а не зима. Фиалки в Левашове зацвели. Пчелки по воздуху порхают.

Дядя Петя прямо волком воет. Главное — коляска у него еле-еле держится, а санки во дворе как новенькие сияют.

Хочет дядя Петя санки продать, чтобы коляску ремонтировать. Санки он завтра продаст, а послезавтра, глядишь, к марту месяцу, снежок выпадет. Вот вам и чертовы санки.

Я ничего не говорю: поговорка довольно мудрая, но только она на всякий житейский случай поправку себе требует...

ХИТРОСТЬ

А я настоящих изобретателей никогда не видел. Не приходилось. Так что не могу удовлетворить ваше любопытство. Не могу вам объяснить, что это за люди — изобретатели. И с чем их кушают.

Одного парнишку, впрочем, пришлось видеть. Он чего-то там такое мозговал, ковырялся, чего-то такое думал, но так ни черта и не придумал. Придумал, но это впоследствии что-то вроде примуса оказалось. Так что, собственно говоря, этого молодого человека нельзя причислить к лику изобретателей.

Вспоминаю еще про одну девицу, про одну гражданку Марусю Н. Но это тоже ерунда. Тоже не изобретение. Хотя изобретение, но пустяковое. Так, для собственных нужд. Ерунда! Даже патент неловко взять.

И к тому же цель изобретения — *низкая*, — охрана собственных вещичек.

Но поскольку собственность исчезает и жизнь в этом смысле перестраивается, то, пожалуй, будет интересно поглядеть на таких последних скромных изобретателей. Как они ухитряются и на что идут, чтоб сберечь свои вещички в целости и сохранности.

Так вот про эту девицу. Какая она из себя — я не могу вам сказать. Я ее не видел. А мне про нее один студентик рассказал, один втузовец. Это было как раз в их общежитии. То есть рядом. В женском отделении.

Так вот, в этом отделении находилась одна довольно симпатичная девица, одна гражданка Маруся Н.

Довольно-таки кокетливая, вертлявенькая и вообще склонная к мещанскому уюту.

У ней перед кроватью стоял столик, завсегда прикрытый бархатной салфеточкой. А на салфеточке были расположены разные штучки — пудра, зеркальце, разная подмазка и духи во флакончике.

Вот через эти духи все и произошло.

А стала пропадать эта драгоценная влага. Так, видать, понемногу кто-то пользуется и отливает.

А девица, конечно, свободных денег не имеет на такую роскошь. И она только руками всплескивает. До того ей жалко этой жидкости.

Уж она и в столик прятала свои духи, и под подушку зарывала, — не помогает. Чья-то невидимая рука нет-нет — да и скрадет немного.

Стала она отметки делать на этикетке — сколько было. Тоже не помогает. Воры с этим не считались и при каждом удобном случае, знай себе, отливают.

Короче говоря, Маруся Н. придумала такую штуку. Она взяла и на баночке наклейку сделала — «яд» — и поверх наклейки изобразила череп с двумя костями. И этот флакончик на стол поставила.

С тех пор никто и не прикасался к жидкости.

За исключением, впрочем, одного раза. Одна истеричка зараз выпила всю жидкость.

Она, видите ли, с одним знакомым поссорилась. И сдуру заглотала всю жидкость, правда, без опасного вреда для себя.

А если б на этот случай изобретение было бы на высоте положения? Можно было бы даже патент хлопотать, — так сказать, за остроту мысли.

Но, безусловно, изобретение несколько меркнет, ибо оно направлено на мещанские интересы — на охрану собственности.

Других изобретателей нам не приходилось видеть.

НЕУВЯЗКА

Новый быт наступает, а многие родители еще и за ум не схватились.

Многие родители еще называют своих детишек — Коля, Петя, Андрюша и так далее.

А через двадцать лет, когда, можно сказать, засияет жизнь, такие мещанские названия, как Петя, будут прямо убийственны.

Безусловно, другие родители и рады бы сейчас давать новые имена, да, знаете, выбору маловато. Раз-два и обчелся. Да и неувязка может произойти. Как у моих знакомых.

У моих знакомых в том сезоне родился мальчик.

Родители, люди очень такие, что ли, передовые, обрадовались.

— Ага, говорят, уж в этом случае мы будем на высоте поло-

жения. Уж мы дадим ему настоящее название. Это будет не какой-нибудь Петя.

Начали они думать, как назвать. Два дня думали и глядели в календари, на третий прямо захворали. Не могут придумать подходящего красивого названия.

Вдруг приходит ихний сосед.

— Да вы, говорит, откройте любой политсловарь и хватайте оттуда какую-нибудь выдающуюся фамилию. И называйте этой фамилией свою невинную крошку.

Развернули родители словарь. Словарь впоследствии оказался «Походным политсловарем».

Видят — симпатичная, красивая фамилия — Жорес. Читают: «Вождь социалистического движения во Франции... Предательски убит из-за угла».

Думают: подходящее. Пущай мальчик будет Жорес, в честь героя Жореса. Ура!..

И назвали своего мальчика этим именем. Зарегистрировали его, конечно, и стали называть Жоря.

Вдруг приходят к ним гости. И между прочим братишка жены, комсомолец Паша К-ов.

Паша говорит:

— Да, говорит, имячко вы дали довольно странное, если не сказать больше...

И сам усмехается.

— А что? — говорят.

— Да как же, говорит. Жорес, говорит, хотя и был социалистом, но он был врагом коммунизма. Он деятель Второго Интернационала. Он вроде как меньшевик. Ну и дали вы имячко, поздравляю, милые родители!

Тут родители растерялись. Развернули словарь — социалист. На Пашку поглядят — Пашка усмехается.

Начали родители огорчаться. Начали ахать и за мальчика своего хвататься.

Мамаша говорит:

— Это такая неувязка произошла. Хорошо, что сын маленький, а то бы ему неловко было такое меньшевистское название иметь.

Отец говорит:

— Надо завтра побежать в загс — поменять имя. Пущай назовем хотя бы Магний.

И, значит, на другой день побежала мамаша со своим младенцем в загс.

— Так и так, говорит, будьте любезны, а то прямо скандал...

Там ей отвечают:

— Очень, говорят, печально, но, говорят, по закону запрещается менять имена и фамилии до восемнадцати лет. Пущай ваш

мальчик зайдет через семнадцать лет в понедельник, от двух до трех, тогда будет можно.

Так и не разрешили.

А родители убиваются. Хотя и не теряют надежды.

А надежды терять не надо.

Надо полагать, что какая-нибудь крупная инстанция все же разрешит это досадное недоразумение.

ЛОШАДИНОЕ СРЕДСТВО

Очень оригинальный случай произошел недавно. Дело было на Юго-Восточной железной дороге. Факт отмечен «Красной газетой», так что выдумки нет никакой.

А идет, представьте себе, по этой Юго-Восточной дороге обыкновенный пассажирский курсовой поезд.

Идет он, как полагается, без опоздания, точно по расписанию. Тем более машинист на нем — старый, опытный работник, знающий свое дело. И кондуктора, то есть вся бригада, тоже подобралась такая исправная, сознательная бригада. И пассажиры то же самое — прекрасные, трезвые пассажиры, не мешающие движению. Ну, насчет пассажиров утверждать не будем. Пес их знает, какие это были пассажиры. Может, половина — форменная дрянь. Но только не в пассажирах дело. В настоящее время пассажир погоды не делает.

Так вот, идет себе курсовой поезд недалеко от станции «Россошь».

Вдруг бригада замечает чего-то такое неладное в хвосте поезда. Одним словом, какой-то шум, треск, пыхтение и так далее.

Вот бригада, не поленившись, поглядела, чего делается. И вдруг видит, батюшки мои, невиданное зрелище — какой-то состав прет позади их. И, видать, догоняет. Расстояние заметно уменьшается.

Тут у многих поджилки затряслись. Потому как небывалый факт во всей мировой истории — поезд поезд догоняет.

Вот бросилась бригада к голове поезда. Дают знать машинисту, — мол, голубчик, гони во всю прыть, а то задний машинист сейчас в хвост ударит и тогда будет катастрофа вопреки категорическому указанию тов. Рухимовича.

Вот машинист обернулся, да, видит, факт небывалый. И, не растерявшись, подбавил пару и дал полный ход.

И тут, можно сказать, начались форменные скачки. Первый состав гонит, но и второй не отстает. И даже свистки подает: мол, а вот я тебя сейчас догоню.

Наконец, прибыли на станцию почти одновременно.

Выбежала вся бригада, машинист соскочил, интересуются, что за странный поезд. Видят — с заднего состава сходит машинист, некто такой гр. Сергеев. И улыбается.

— Чего, говорит, перетрусили, ребята? Еще бы, говорит, маленько, и я бы вас догнал.

Конечно, на другой станции безусловно схватили бы этого машиниста, отправили бы в ГПУ, а тут довольно легко отнеслись.

— Пущай, говорят, дальше едет до станции «Россошь», там разберут.

Машинист с курсового поезда говорит:

— Только пущай он впереди едет, а то он мне нервы портит перегонками.

Вот поехали дальше. Но на первой станции машинист Сергеев задел за какой-то состав и разбил пару вагонов. И только тогда его арестовали за арапские действия.

Начали составлять протокол. Спрашивают его, как же он так небрежно и нахально себя ведет.

Сергеев говорит:

— Да я, знаете, хотел уволиться со службы, да меня не увольняют. Вот я и решил чего-нибудь такое натворить.

Можно сказать — летуны нонче пошли решительные. Добиваются своего.

Этот нахальный Сергеев тоже добился, — уволили. Что касается более выгодного места, то, несомненно, и место получит. С хорошим казенным пайком.

Черт знает, какие бывают паршивые люди!

«ВЫДВИЖЕНЕЦ»

Эта грубая история произошла у ворот завода.

Главным героем этого дела оказался Кузьмин, рабочий железнокотельного цеха.

А пришел этот Кузьмин на работу 4 сентября.

Ну, немного поработал чего-то там такое и, значит, видит — папирос у него нет.

Пошарил по карманам — нету, выкурил.

«Дай, думает, смотаюсь за ворота, приобрету в киоске».

А было, конечно, рабочее время. Половина одиннадцатого.

Ну, потерпи до перерыва. Ну, стрельни у приятеля. Ну, поработай энергичней заместо куренья. Так нет, приспичило ему, видите ли, немедленно за ворота пойти.

Сунулся он к воротам. Охрана не пускает.

Начал наш Кузьмин кричать разные грубые слова, кулаками размахивать, начал охрану оскорблять. И дело неожиданно дошло до зубочистки. Кузьмин размахнулся и ударил сторожа Воробьева по зубам.

Ну, свели его к коменданту. Он и там оставил свой грубый характер и ругался почем зря и кричал:

— Я и мой брат — выдвиженцы... Мы вам покажем... Мы еще поговорим, где следует.

Что он собирался поговорить и о чем — не сказал. И что хотел показать — тоже не выяснилось. А только показывать ему, товарищи, абсолютно нечего. Ну, в лучшем случае, он может бумагу показать, в которой будет, наверное, сказано: уволен с завода за хулиганский поступок.

А больше и показывать ему нечего.

НЕКРАСИВАЯ ИСТОРИЯ

Слезай — приехали!

Об этом безобразном деле была напечатана уже заметка. А только мы еще желаем подбавить пару. Потому уж очень невозможное дело.

Понадобился рабочему Мамаеву больничный листок. Неизвестно, на что ему понадобился. Ну, может, маленько отдохнуть хотел, утомившись ударной работой, или там из деревни брат в гости приехал. Ну, неизвестно, одним словом.

Вот пошел он к хирургу тов. Иоффе и, значит, предъявляет ему свою руку.

— Вот, говорит, обратите внимание — рука захворала.

Врач осмотрел руку — ничего такого не видать. Рука как рука, свеженькая, аккуратная рука, ни пупырышка на ней нету, и никакого внутреннего заболевания не заметно.

Хирург говорит:

— Поскольку вы здоровы, не могу дать больничного листка. Извиняюсь.

Очень от этих слов Мамаев расстроился, и в расстройстве чувств закричал такую фразу:

— Знаем мы ваши еврейские привычки.

Врач, хотя, конечно, возмутился, но не стал с ним браниться и направил его к главному врачу.

Главный врач осмотрел ручку и тоже ничего лишнего не нашел. И нельзя было найти, поскольку в ней ничего не было. Я говорю, аккуратная рука, такую руку каждому интересно иметь. Такой рукой гири подбрасывать можно.

Снова расстроился Мамаев и говорит:

— Знаем, говорит, вы из одной компании.

Схватил свою тетрадку своей захворавшей ручкой, сильно хлопнул дверью и ушел себе в душевном страдании.

На этом дело и кончилось. Хотя как для кого. Для Мамаева, небось, не кончилось, а только начинается. Потому как невозможно, товарищи, допущать такие антисемитские выходки. Требуется слегка одернуть.

СПЕШНОЕ ДЕЛО

Теперь поговорим, братцы мои, о внутренних делах.

Ну, случись, для примеру, пожар на заводе. Надо дать сигнал. Ну, начнется беготня, суетня и так далее. Начнут сигнальный аппарат искать.

А только сдается нам, что его не найдут. Или назавтра за кустом отыщут. Очень уж эти сигналы в незаметных и скромных местах расположены.

Или надо какие-нибудь стрелки нарисовать или указатели, куда бежать.

Или еще чего-нибудь.

А если стрелки рисовать затруднительно, то в крайнем случае можно неподалеку от сигнала портрет повесить. Скажем, человек в полной пожарной форме. Наилучше всего взять портрет того самого человека, который не додумался насчет сигнализации. Народ, скажем, посмотрит на портрет и сразу сообразит, что сигнал надо где-то тут поблизости искать.

А то можно еще, конечно, перенести сигналы на более видные места.

Одним словом, надо не пожалеть мозгов и подумать, пока над нами не каплет.

НЕ ЗАБАВНО

Об этом дельце прямо противно говорить. Противно говорить, но приходится. Тем более, что тут пять человек замешано. Можно сказать — целая «ударная бригада». Это не баран чихнул.

Главное, до 12 часов было тихо и спокойно. Работишка самосильно шла. Обрубщики старались. Делали чего-то там такое в своем чугунолитейном цехе.

А после перерыва два обрубщика перемигнулись промежду себя. Перемигнулись, и один из них легонько щелкнул себя пальцем по горлу, дескать, не мешало бы выпить, товарищи.

Одним словом, два обрубщика, Ильин и Величко, прихватили с собой беспартийную прослойку в лице Углова, Кадомского и Терентьева и отправились в пивную. Или наоборот, беспартийная прослойка прихватила двух партийных обрубщиков. Это осталось неизвестным.

Известно только, что половина первого «ударная бригада» закончила работу и тихо, смирно, без особых возгласов и пения пошла в пивную.

Сколько они там выпили, чего кушали и сколько пришлось им с носа заплатить — этого мы не знаем, поскольку они нас с собой не пригласили.

По этой причине не можем вам подробно объяснить, что у них там после выпивки вышло.

Но один парнишка, осветивший все это дело, рассказал нам, что произошло у них какое-то там темненькое дельце. Кто-то кого-то по личности съездил. Когда они выходили, встретили еще какого-то обрубщика. И схватились с ним. То есть, вернее, один с ним схватился. Один обрубщик, беспартийный с 1895 года, схватился с ним, начал ругаться и схлопотал себе по морде.

Одним словом, грубое, некрасивое дело.

И тем более некрасивое, что в цехе стояла срочная работа. А это, может, вело к срыву производства.

Неинтересно получается, товарищи. Некультурно. Надо постараться, чтоб впредь ничего подобного не было.

А то прямо писать об этом противно.

Перо из рук валится.

Невроз сердца от таких дел нажить легко.

Захворать можно.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Совершенно необыкновенное происшествие случилось на одном ленинградском заводе. Нами этот случай даже в заводской газете описан.

Оно, конечно, можно сказать, на каком именно заводе. Но что толку-то? Ну, предположим, сказали. Другие заводы начнут читать наше произведение. «Э, скажут, тут не про нас написано». И отложат в сторонку наш поучительный фельетон.

Так что, нам сдается, выгодней не называть завода.

Тогда каждый про себя и про свои дела подумает.

Так вот, на одном заводе очень сильно нуждались в одном материале. А именно: не хватало особой такой стали-самокалки.

Других материалов было вдоволь, а вот в этой стали нехватка ощущалась.

Вот рабочие начали начальство тревожить. Мол, нехватка и так далее, нельзя ли выписать эту сталь, а то в противном случае работа может замереть.

Только вдруг однажды во время обеденного перерыва идут два рабочих по двору.

Вот идут они по двору, разговаривают, может быть, как раз про эту сталь-самокалку. И вдруг видят — на свалке чего-то такое знакомое лежит. И глядят — эта самая сталь лежит.

Ну, конечно, забились сердца у наших рабочих. Подошли они поближе. Начали глядеть на драгоценный металл. Да, сомненья нету, — валяется великолепная сталь-самокалка.

Грустно переглянулись рабочие.

— Вот, говорят, наши порядочки. Вот какая распущенность,

неорганизованность и необразованность. Мы нуждаемся в этой стали, как в правой руке. А тут эта сталь гниет и ржавеет. Пылью покрывается.

Очень они тяжко вздохнули, захватили с собой по бруску этой стали и пошли в свой цех.

Вот идут они в цех и встречают группу рабочих. Начинаются разговоры. Откуда, мол, ребята, прете с этой сталью? Никак, это — сталь-самокалка. Где вы ее нашли?

Находчики говорят:

— Да, братцы, наблюдается форменное безобразие. В то время, как и так далее, такой ценный металл и все такое гниет на помойке.

Бросились, конечно, рабочие на свалку, живо схватили эту сталь и разнесли ее по цехам, ругая, на чем свет стоит, свое горемычное начальство.

В тот день, можно сказать, народ преобразился. Такая бурная работа пошла, какой давно не было.

Только вдруг часа в четыре бежит по двору один такой человек. Очень такой бледный, весь трясется. Зубы у него лязгают. И весь он сам не свой.

Добегает он до коменданта и лепечет ему разные слова.

— Товарищ, говорит, или, говорит, я свихнулся, или, говорит, все свихнулись кроме меня. Я, говорит, есть приемщик. А сегодня, говорит, ночью завезли нам сталь-самокалку. Я, говорит, велел ее сложить на дворе. А сейчас прохожу по двору — никакой стали нету. Или, говорит, я заболел тяжелым нервным заболеванием, или, говорит, я не понимаю, что происходит.

Комендант говорит:

— Может быть, вы место позабыли, куда было сложено. Пойдемте.

Вот бросились они оба на двор. Начали шарить и искать. Приемщик чуть не рыдает. Боится, как бы ему наклёпки не было.

Комендант говорит:

— А, может быть, никакой стали и не было? Может быть, вам это во сне приснилось? Бывают такие сны — привозят сталь, а вы ее принимаете.

Приемщик говорит:

— Прямо, говорит, чудо на Висле. Может быть, действительно, мне приснилось. Да нет, говорит, какое, к черту, приснилось, раз у меня на груди накладная лежит.

Порылся он на своей груди, достал накладную. Да, действительно, сомнения нету. Комендант говорит:

— Тогда пойдем по цехам. Может быть, успели растаскать.

Вот пошли они по цехам, и, конечно, все дело распуталось.

Стали тогда отбирать этот драгоценный металл. Половину отобрали, а другую половину так и не нашли...

Да и мудрено ее было найти. Небось, за четыре часа успели уж из нее разных нужных вещей наделать.

Получилось, прямо скажем, неорганизованно. Если не сказать крепче.

ЗАПУТАЛИСЬ

Сегодня мы, товарищи, хотим рассказать про 3-ю Детскосельскую школу.

Там произошло такое запутанное дело, что многие ребята караул кричат.

Но погодите, ребята, кричать караул. Сейчас «Баклажка» разберется в этом деле.

Сначала все было хорошо. Ребята имели клуб в две комнаты, столовую, классы, садик. В саду росли деревья. Птички чирикали. Ну, все — прямо как на заказ. Аккуратно. Мило. Так и надо.

Только вдруг, однажды, смещают заведующую школой Балинскую. Ей дают должность зава учебной частью. А на ее место из Ленинграда засылают более энергичного, стойкого педагога, от которого ожидают всего хорошего.

Вот, значит, приезжает новый заведующий и, конечно, поскорее занимает квартиру Балинской. А Балинскую, конечно, поскорее помещают в клубе. Дают ей эти две клубные комнаты. И велят ей там жить. Или она сама туда переехала. Неизвестно.

Вот живет она себе в клубе. Вдруг возникает вопрос, — мол, без клуба как-то нехорошо, неловко, — ребятам заниматься негде.

Вот тогда берут столовую, вытаскивают оттуда столы и скамейки. Вешают на стены портреты. И, значит, клуб есть.

Вдруг возникает вопрос: а как же, мол, ребятам без столовой? Ребятам, мол, без столовой неуютно — им кушать негде.

Вот тогда берут коридор. Ставят туда столы и стулья. Кладут на столы вилки и ложечки. И, значит, ребята имеют столовую.

Конечно, придумали очень мило. Но, конечно, имеются неудобства. Давайте тогда придумаем улучшения.

Дадим, предположим, Балинской две клубные комнаты и столовую. Тогда клуб — в коридор, коридор — в переднюю. Переднюю — в сад. Сад — на улицу... Нет, погодите, не так.

Дадим Балинской две комнаты и коридор. Тогда коридор — в столовую. Столовую — в переднюю. Переднюю — в клуб. Клуб — в сад. Сад — на крышу. Крышу — на улицу... Фу, подождите, запутались.

Дадим Балинской две комнаты, коридор и столовую. Тогда коридор — на улицу. Улицу — в сад. Сад — в квартиру заведующего. Заведующего — на крышу. Крышу — на заведующего... Нет, погодите. Не выходит. Дайте отдышаться. Вот как сделаем.

Дадим Балинской временно одну комнату в клубе. В другой комнате останется клуб. В столовой остается столовая, коридор — в коридоре.

Ну, теперь, кажется, лучше получилось.

Совсем будет хорошо, если заведующий потеснится и даст в своей квартире одну комнату Балинской. Вот тогда совсем будет хорошо и отлично.

Так что, ребята, прежде чем кричать караул, надо всегда в «Баклажку» обращаться. Ох, «Баклажка» в таких делах очень умеет разбираться. «Баклажка» в таких делах собаку съела.

ПИСЬМА К ПИСАТЕЛЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Последние два-три года я получаю от читателей много писем.

Письма идут, главным образом, из провинции.

Меня запрашивают, как жить, как писать стихи и что читать.

Мне предлагают сюжеты, критикуют меня, одобряют и поругивают.

Видимо, читатель меня воспринимает не совсем так, как критика.

Я решил опубликовать эти письма.

Я больше года сомневался, стоит ли мне это делать. Может, это не совсем этично. Может, наши молодые начинающие критики захотят уличить меня в низкой саморекламе. Может быть, наконец, это покажется обидным моим корреспондентам, и они перестанут мне писать. А я привык к этим письмам. И полюбил получать их.

Но я решил пострадать на этом деле. Пусть каждый думает, как умеет. Мне реклама не нужна. Корреспондентов я не обидел. Я скрыл их фамилии. Но я не могу и не имею права держать в своем письменном столе такой исключительный материал.

Я не хочу сказать, что в этой моей книге можно увидеть настоящее лицо читателя. Это не совсем так. Эти письма, главным образом, написаны особой категорией читателя. Это, по большей части, читатель, желающий влиться в «великую русскую литературу». Это сознательные граждане, которые задумались о жизни, о своей судьбе, о деньгах и о литературе.

Здесь, так сказать, дыхание нашей жизни.

Дыхание тех людей, которых мы, писатели, стараемся изобразить в так называемых «художественных» произведениях.

Здесь, в этой книге, собраны самые различные письма и страсти.

Здесь, в этой книге, можно видеть настоящую трагедию, незаурядный ум, наивное добродушие, жалкий лепет, глупость, энтузиазм, мещанство, жульничество и ужасающую неграмотность.

У меня не было, конечно, ни малейшего желания поиздеваться над неграмотностью моих читателей. Я не ради смеха собрал эту книгу. Я эту книгу собрал для того, чтобы показать подлинную и неприкрытую жизнь, подлинных живых людей с их желаниями, вкусом, мыслями.

Конечно, у какого-нибудь критика или жуликоватого читателя непременно мелькнет мысль о деньгах.

Знаем, скажет, денежки в карман сунул — вот вам и вся философия этой книги. Сколотил, скажет, из чужого добра книженцию, а после базу подводит. Народец, скажет, пошел — из барахла и то монету гонит.

Спокойно!

Денег я себе не возьму. В самом деле — имею ли я право на эти деньги? В чем тут моя работа? Разве только в том, что я вскакивал по утрам с кровати и открывал почтальону двери.

Конечно, если подумать глубже — кой-какая работишка все же была проделана.

Я внимательно читал эти письма. Я отвечал почти всем корреспондентам. Одних рукописей я прочел не менее как тысячу.

А мои нервы? А бессонные ночи, в которые я обдумывал эту книгу? А сама работа над книгой? Я два года изо дня в день подбирал и перебирал эти письма, думал о них, об их авторах. И эти авторы побывали у меня в мозгу, как и все герои моих книг. Черт побери! Нету денег, которыми можно оплатить мне эту работу.

Каюсь: некоторым читателям я отвечал небрежно. Может быть, иной раз там, где надо было пожалеть или успокоить, — я этого не сделал. А как правило — все почти искали поддержки, похвалы, успокоения и какого-то чуда.

Я не мог и не сумел быть добрым и внимательным ко всем. Я не мог заняться гуманными идейками. Это помешало бы моей литературе.

Но не в этом дело.

Пусть читатель безмятежно перелистывает эту мою книгу. Пусть не прикидывает в своем беспокойном мозгу — а сколько заработал предприимчивый автор на явном барахле.

Автор ничего не заработал.

Часть денег с этого издания я отдам своим родным. Половину я дам тем знакомым и тем писателям и поэтам, которые, как мне известно, находятся сейчас в крайней нужде.

Кроме того, я, конечно, оплачу по рыночной цене стихи, помещенные в этой книге.

(Тем авторам, которым я еще не уплатил, — обращаться письменно: Ленинград. Главный почтамт. До востребования. Мих. Мих. Зощенко.)

В заключение я должен сказать, что книгу эту собрать было чертовски тяжело. Из груды скучных и тупых писем я отобрал те, которые показались мне наиболее характерны. По этой причине в книге имеется мое лицо, мои мысли и мои желания. Книга сделана как роман.

Еще я должен добавить следующее: много интересных писем

я не печатаю. Сплетня, непристойность и клевета не попали в эту книгу[1].

Во всех напечатанных письмах я частью убрал настоящие фамилии, частью заменил новыми для того, чтобы не кинуть тени на живых героев. Что касается самих писем, то некоторые письма мне пришлось несколько сократить, чтобы читатель и покупатель не задремал на них. Все остальные остались нетронутыми. И подлинники хранятся у меня.

Я выпускаю эту книгу с некоторой грустью и беспокойством.

Я жалею, что ее выпускаю. Я предпочел бы прочесть такую книгу, собранную другим писателем.

Мих. Зощенко
Апрель 1929

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В ответ на эту книгу я получил от читателей громадное количество писем. Однако нового они мне почти ничего не дали. Больше того — половина писем, как ни странно, чрезвычайно похожи на помещенные здесь. Повторяются фразы, отдельные словечки, просьбы и пожелания.

Правда, несколько десятков писем представляют чрезвычайно большой интерес, но я не предполагаю их сейчас печатать. За исключением, впрочем, пяти-шести писем. Эти письма я печатаю взамен убранных мной.

Дело в следующем. После того, как первое издание вышло в свет — ко мне стали приходить авторы этих писем. Моя книга, так сказать, ожила. Живые герои стали как бы сходить со страниц.

Некоторые явились из любопытства. Другие — в надежде перехватить немного денег. Третьи ужасно ругали меня за то, что я напечатал ихнее творчество. Были обиды и огорчения. И в силу этого мне пришлось убрать несколько писем.

Так вот, взамен их я и помещаю несколько новых. Эти письма датированы 1930 годом.

М. Зощенко
Февраль 1931

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Этому письму принадлежит честь открыть мою книгу. Это классическое письмо. Оно неизвестно для чего написано. Просто так.

[1] Кроме того, сюда не вошли письма, полученные мною до двадцать шестого года. Эти письма, к моему великому сожалению, не сохранились. В те годы я находился в болезненном, неврастеническом раздражении и уничтожал все письма, не отвечая.

Автор письма и сам несколько удивлен и сконфужен этим обстоятельством. Автор письма и сам не знает, зачем он взялся за это дело.

Но письмо написано. Отправлено. И вот — нашло свое применение.

17 мая 1928

Слыхали ли вы о таком виде сумасшествия, как мания писать письма и знакомым и незнакомым?

По правде сказать, это опасное времяпровождение, особенно когда подписываешься. Какой-нибудь чудак примет слишком близко к сердцу, сочтет за хулиганство и пожалуется кому следует. В результате — длинная неприятность. Вам же писать особенно страшно, потому что, говорят, вы очень нервный. Зимой мне надо было оппонировать по докладу «Серапионовы братья, как общество».

Мы с докладчиком решили пойти к вам за материалом, но нас отговорили. Сказали, что вы способны спустить с лестницы, а такой результат нашей любознательности нас не привлекал. Что вы сделаете с письмом, мне безразлично, но все-таки не нервничайте: это вредно.

Переписка у меня обширная. Моя аккуратность заслуживает похвалы. Письма все разложены по большим конвертам, причем на каждом конверте написана фамилия лица, чьи письма. Есть даже конверт «Разные лица и учреждения» (показывает влияние бухгалтерского уклона школы); впрочем, в этом конверте лежит только одно письмо из Ак. Филармонии.

Зачем это я пишу? Не знаю.

Во всяком случае, не сердитесь.

Как писателю добавлю: мне нравятся ваши технические приемы.

Остаюсь с почтением А. П.

Если у вас больные глаза, то им повредят мои красные чернила, которые, между прочим, имеют историческое значение: куплены в довоенное время и удивительно, что до сих пор не испортились.

Извините за беспокойство. А. П.

БАРЫШНЯ ИЗ КРОНШТАДТА

Это письмо я получил из Кронштадта.

Тамошняя девица пожелала иметь мою фотографическую карточку.

Вот как она пишет об этом желании, абсолютно не теряя чувства собственного достоинства.

Кронштадт, 30 июля 1927

Многоуважаемый Зощенко!

(Простите, не знаю Вашего имя отчества.) Я представляю себе Ваше удивление при получении сего послания.

Дело в том, что я возгорелась желанием иметь Вашу карточку. Я преклоняюсь перед Вами, т. е. перед Вашими фельетонами, ибо я слишком горда, чтобы преклоняться пред мужчиной. Ну, вполне понятно, что возгорелось желание взглянуть на их, т. е. Ваших рассказов, создателя.

Правда, Вы можете сказать, что Ваши портреты имеются на обложках книг, но тут-то и получается недоумение, я видела три Ваших портрета, и все страшно противоречат друг другу. Остается предполагать, что либо художники рисовали, не видя оригинала, или Вы изменчивы, подобно хамелеону.

Ну, вот я набралась храбрости и решила просить у Вас карточки, если у Вас нет ревнивой супруги, которая следит за Вашими портретами, то я думаю, что Вам будет не трудно исполнить мою скромную просьбу.

Передайте от меня привет Мазовскому, я им тоже очень увлекаюсь, т. е. не им, а его сочинениями.

Не думайте, что я пишу Вам с целью пофлиртовать, боже упаси! Хотя пофлиртовать я люблю, но у меня и так довольно объектов для этого.

Итак, мой адрес: гор. Кронштадт...

Конверт грубоватый, вульгарного тона. Вы не сердитесь?

Я не хочу, чтобы Вы на меня сердились! К.

Если жалко дать карточку на совсем, то пришлите на время, я верну ее Вам с благодарностью, разумеется, которая не больше конверта. Пришлите карточку, я хочу иметь ее!

Слышите? К.

Извините, что пишу не на почтовом листе, лень дотянуться до бювара.

БЕСПРИЗОРНЫЙ ГЕНИЙ

Письмо получено из Бухары в 1928 году. Я печатаю его с точным сохранением орфографии. Иначе не видать лица автора.

3 мая 1928

Мой Лучший Привет Михаилу Зощенко.

Я для вас не известный Но будущий беспризорный гений юморист Ссцены хочу поставить себя в известность и доказать от Всех беспризорных что значит дитя с улицы а по Этому хочу попросить вас О сочинении для меня Репертуара что нибудь из сатиры и юмера так как у меня Репертуар хромает старыми Вещами.

А для того чтобы доказать Современностью я обращаюсь К вам как к Спецу Вашего дела и на деюсь вы охотно приметесь за работу Как Помочь мне А также заработать Себе.

А теперь я хочу кое что на писать о себе я два года тому назад

Пел и ценители моиго Искуства слушая Меня В лохмотьях и со взерошаноми Волосами говорили только: на ять.

А теперь я немного мозмужал и голос уменя стал довольно салидной и выступая на все возможных Вечерах я делаюсь ка кто любимцем Публики и теперь я призываю Вас как можно поскорейи по остроумнее и вы окромя платы после некторых выступлениях получаете от мине вознаграждение.

Что я хотел иметь В репертуаре чтобы кончялось на припевы — «обидно и досадно» и попури из опер и кокия нибудь Аникдоты, монолог что нибудь из современности Вопщем соображайте что нибудь по остро умнее —

С приветом...

Если Возьметесь то со опщите по адресу Г. Н. Бухара... и я высылаю задаток А также соопщите сколько вещь будет стоит.

В ответ на это письмо я послал будущему гению Сцены свою книгу «Уважаемые граждане».

Что я мог еще сделать? Я бы охотно ему чего-нибудь сочинил, но боялся не справиться с припевом «Обидно, досадно».

КОМБИНАЦИЯ

Это довольно смелое письмо я получил в двадцать шестом году. Письмо я печатаю полностью.

Что же касается рассказов, то печатать их невозможно. Во-первых, они скучноваты, во-вторых, возможно, что рассказы кому-нибудь известны, а по этой причине станет известно и имя автора. А я бы не хотел моих здешних горемычных друзей конфузить перед их знакомыми.

Письмо такое:

20 октября 1926

Товарищ Зощенко!

Я обращаюсь к Вам с большой просьбой. Дело в том, что я военный моряк Черноморского Флота и в минуты досуга царапаю стихотворения и рассказы.

Я сам Москвич. Не так давно я был в Москве и заходил в ВАПП, где меня приняли очень радушно, взяли мои труды... и до сих пор ничего оттуда не слышу, несмотря на то, что обещали дать мне свой отзыв.

Чувствуя, что как раньше, так и сейчас очень трудно завоевать себе место в литературном мире, я посылаю Вам один и другой из своих рассказов и прошу Вас сообщить мне, заслуживает ли мое творчество внимания и есть ли у меня способности.

В случае благоприятного заключения, чувствуя, что самому мне не выбраться на дорогу, я прошу Вас протолкнуть его либо, или же в крайнем случае, самим купить у меня или рассказ целиком или тему его.

Я очень нуждаюсь в монете, и если Вы мне поможете, то я буду крайне благодарен Вам, так как знаю, что с Вашей подписью этот рассказ появится в печати. В дальнейшем, если эта комбинация подойдет Вам, я вышлю Вам остальные свои вещи, которых у меня довольно много.

Короче говоря, я Вам рассказы или темы их, Вы разрабатываете их — Ваша подпись, а мне часть гонорара.

Известность и имя мне не нужны — нужны только деньги.

Прошу Вас сообщить мне ответ по адресу: гор. Севастополь...

Надеюсь, Вы меня поймете и поможете мне.

С морским приветом...

На это письмо я ответил довольно резко. Я написал, что литература не парусина и не мармелад и нельзя так ею торговать, и что я, несмотря на заманчивое предложение, решительно отказываюсь от подобной комбинации.

Это не помешало автору через полгода снова обратиться ко мне примерно с такой же просьбой.

И возможно, что в настоящее время человек, в силу своего энергичного характера, уже выбился в люди.

ПРОСТИТЕ ЛЬ ВЫ МЕНЯ ЗА ТО...

Лирические стихи получены от неизвестной женщины. Сначала она писала мне прозаические письма, но потом ударилась в поэзию. А еще А. С. Пушкин про поэзию сказал довольно определенно: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата».

И действительно.

30 октября

Простите ль Вы меня за то,
Что часто так я Вам надоедаю...
Но разрешите ль мне сказать одно,
Что день и ночь о Вас мечтаю.

С тех пор как я читаю Вас,
Спокойствие души я потеряла,
Все только лишь о Вас мечтала,
И видеть Вас — Мечта моя.

Простите ль Вы меня за то,
Что обращаюсь к Вам стихами,
Но только в них сказать могу я,
Что на душе... а впрочем, нет...
Поймите сами...

Меня Вы строго не судите—
Стихи сама я сочиняла...

2-го на спектакль придите...
Об этом дне — давно мечтала.

Простите за мое стихоплетство, но иногда на меня находит такое состояние, что мне обязательно надо что-нибудь сочинять... Я знаю, что мои стихи недостойны, может быть, Вашего внимания, но я ужасно хочу, чтобы Вы их прочитали.

Я их писала даже без черновика и прямо экспромтом.

Зина.

P. S. Я южанка, а потому...

ЭМОРИСТ

Письмо это было послано на имя редактора «Красной газеты». Но так как письмо касается, главным образом, меня, то мне его и передали с просьбой ответить автору.

Однако я не ответил, имея в виду параграф 14-й этого письма.

Гор. Сталинград на Волге

1927 года июня 25 дня

Уважаемый товарищ редактор!

При этом письме я очень в застенчивом состоянии, в смущении и в неловкости вздумал Вас «посмешить», посылая свои «произведения», и этим самым услышать критику Вашего слова по этому вопросу.

Что делать, товарищ, как сказать, с чем черт не шутит, а иногда и взаправду в натуре выходит.

Так вот и я в этом смысле тоже вляпался, вздумал ни с того, ни с сего сделаться «писателем» (скорее всего, думаю, бумагомарателем) и к своему не то удовольствию, не то курам на смех написал эти 4 рассказика, но как они сами по себе построены, т. е. написаны, я и не могу себе представить, так как около меня такого человека, который мог бы раскритиковать мои начинания в писательстве, — нет, да и к тому же. я только что начинаю в этой отрасли проявлять свою работу.

Нужно и даже считаю необходимым указать на то, что я журналистикой и вообще как и газетной работой очень интересуюсь и желаю всеми силами, какие у меня имеются, тоже встать в ряды работников газетного и журнального дела, в частности, эмористиков, но, к величайшему сожалению, нет около меня (хотя не около меня непосредственно), но даже и вообще такого человека, который мог бы дать свои конкретные советы, направления и товарищеские серьезные указания в той отрасли работы, в которой я желаю работать и уложить в нее имеющиеся у меня силы, желания и немногие познания и т. д.

Итак, уважаемый товарищ редактор, дальше считаю смелость сказать о том, что я много и много задумывался над тем, как и почему и с чего пишутся большие и маленькие рассказы того или

иного направления, в частности, эмористические, и я долго не. мог этого понять, хотя много раз старался писать и в результате ничего не получалось, и перо снова ложилось обратно на свое место.

И только случайно приобретя у киосника книжку Михаила Зощенко, я очень много смеялся, но не только смеялся сам, но и заражал смехом и многих других слушателей, которым я читал рассказы Мих. Зощенко вслух, я все же не мог понять того, откуда же именно берется материал для рассказа, и все-таки я сам решил так, что это делается при наличии имеющегося материала какого-либо или личного наблюдения.

Так это предположение как раз к моему великому удовольствию и подтвердилось следующим образом.

Купив однажды следующий выпуск книжки Мих. Зощенко (я читаю исключительно все произведения Мих. Зощенко), я вычитал на первых страницах предисловие самого автора, где он пишет, что все появившиеся его рассказы основаны на газетных заметках, письмах рабкоров и документах. Вот тут только я в полной детали смог вполне понять всю сущность писательского навыка и, самое главное, искусства.

И в конце концов я решил попытаться удачи в этом деле, т.е. в работе моего желания, и избрал пока что руководством для моих рассказов «Рабочую газету», личные наблюдения и различные случаи, случившиеся со мной. При этом избрав технику писательского искусства Михаила Зощенко, так как читавший других подобных эмористов, таковые меня не удовлетворили несмотря на то, что у меня в наличии имеется смех, вызываемый при одном странном слове у Мих. Зощенко.

И я решил остановиться на технике Мих. Зощенко, при этом скупая все его книжки, прочитывая их и вникая в его технику писательства и построение рассказа, стараюсь не подражать повторитетности слов, а стараюсь таким же простым языком выражаться так, как и Мих. Зощенко.

Итак, уважаемый товарищ редактор, конечно, много здесь не стоит по-моему распространяться, да и не к чему, но только прошу Вас быть добрым по отношению ко мне в даче разъяснений и советов по вопросам, которые я Вам здесь приведу.

1. Можно ли учиться по книгам других авторов рассказов, в частности у Мих. Зощенко, его технике писательского искусства и чего можно и чего не позволяется допускать в этих случаях.

2. Можно ли писать рассказы на основании случаев, происшедших с автором рассказа (т. е. со мной) или нельзя; или можно при известных условиях и каких именно.

3. Можно ли использовать газетный материал, в частности «Рабочей газеты», и нужны ли для этого какие-либо согласия для разрешения и существуют ли по этому вопросу условия.

4. Если у меня будут показания очевидцев, граждан-жалоб-

щиков, будут документы и если все это будет хотя бы в малейшей степени мне ясно и очевидно, могу ли я писать по этому вопросу рассказы.

5. Могу ли я использовать газеты: «Безбожник», «Кино газету», «Красную газету», местные газеты своего города и т. д. и при каких условиях.

6. Строго ли требуется знание правильности изложения письма с грамматическими правильностями, так как я вижу в изложениях своих рассказов упущения логического и расстановочного смысла, которые я, как ни старался, устранить не мог, но в дальнейшем постараюсь натренироваться.

7. Можно ли продолжать писать рассказы, руководствуясь пока исключительно «Рабочей газетой» и случаями, случившимися со мной.

8. Можно ли при удаче своего замысла помещать свои рассказы не под фамилией, а под псевдонимом «Незощенко» и не будет ли против Мих. Зощенко на такое сходство.

9. Каким образом можно снестись с Мих. Зощенко и можно ли, а то еще, может, и нельзя, если он не сердитый (по рассказам его видно человек добрый и веселый), то укажите мне, как их отыскать (так как в его рассказах его адреса нигде нет), и можно ли с ним письменно по-товарищески поговорить и познакомиться, если это все осуществимо; и только если возможно вышлите адрес Мих. Зощенко, но имейте в виду согласие самого М. Зощенко на высылку адреса.

10. Можете ли Вы передать привет Михаилу Зощенко и сказать, что читатель его произведений Михаил... также желает идти по той дороге, по которой идут и они.

11. При известных достатках и недостатках можете ли Вы мне выслать: указания, советы и т. п. начинающему и желающему работать в той отрасли, в которой я указал выше.

12. Как находите мои рассказы, могут ли они что-нибудь дать в смысле их использования, если нет, то пожалуйста укажите почему.

13. Могу ли я писать, и находите ли Вы в моих рассказах, что нужно самое главное для человека, занимающегося этим вопросом.

14. Если не могу — то лучше ответьте нет, и на остальные вопросы ответа не давайте, а то и совсем в отрицательном случае не отвечать.

15. Самое главное прошу постарайтесь дать адрес Мих. Зощенко.

16. В случае удачи в моих работах сообщите условия приема для использования, норму, т. е. количество рассказов, и кроме того промежуток, устанавливаемый редакцией для подачи свежих; или совсем не устанавливается.

Вот и все, товарищ редактор, и за все прошу извинить, но

просьбу мою исполнить и доброй волей обратить внимание советами и указаниями.

Пока остаюсь в ожидании.

С товарищеским приветом...

Однако примерно через полгода (а может быть, несколько и больше) я снова перечел это длинное письмо и пожалел автора. Я написал ему несколько слов привета. Пожелал ему учиться и не бросать журнальной работы. Однако ответа почему-то не получил. Я искренно этим огорчаюсь.

СТИХИ

Стихотворение «Старуха и ее дочь» было прислано с просьбой напечатать.

Печатаю с сохранением орфографии:

Старуха и ее дочь

Худая ветхая избушка
И как тюрьма темна
Слепа мать старушка
Как полотно бледна.

Бедняжка потеряла
Своих глаз и ух
Прожила не мало
И чуть переводит дух.

Прожила уже много 65 лет
Потеряла силу, а счастья нет
А у ней девченка там в углу сидить
Бедная рыдает, в холоду дрожить

Голод донимает
Есть она хотит
Руки не согреет
И дрожа сидит

Но темно в избушке
Не с кем ей играт
И осталось к подушке
Припасть и зарыдать

Бедная девченка
Рано она встает
И дрожа по улече
Бедная снует

Кажной избушке
Под окно стучит

Сердце ее тревожит
Есть она хотит

Наберет немного фунта 1 1/2-ра
И бежит домой бистрая она
Чтобы не прозябнуть
Чтобы не простыть
Чтобы не остатся
И как мать не быт.

ЧЕЛОВЕК ОБИДЕЛСЯ

За все годы своей литературной работы я ни разу не получил очень ругательного письма. Вот, впрочем, единственное письмо, в котором автор довольно резко выражает свое негодование.

Орфографию сохраняю.

Тов. М. Зощенко!

Дайте разъяснение.

Вот на что следует обратить внимание. Издателя и Писателя. В библиотечке: Бегемота за № 14/47. 1927 года. Из-во Красной Газеты, Книжечка под названием: Социальная грусть, в рассказе: Гибель строителей, написано так что я и процетирую выдержку из нескольких строк:

«На какой кляп нам строители».

Что такое слов кляп?

Тов. Зощенко может быть знает и разъяснит многоуважаемым его читателям Всего СССР которых это слово интересует.

Это слово ругательское и какое которым ругаются из Чубаровского переулка что в Ленинграде.

Может тов. Мих. Зощенко по иному его разъяснит?

Зачем нам в книгах учиться ругаться, когда и так умеют.

Следовало бы тов. Зощенко себе подумать чем писать это.

А Главлиту и ГИЗ не выпускать такую рухлядь в количестве, 60 000 тысяч экземпляров.

Сергей Алекс...

Даю разъяснение. В этом слове нет ничего оскорбительного. Это слово происходит от — клепать, заклепка. На воровском жаргоне кляпом называется платок или тряпка, засунутые в рот для того, чтобы ограбленный человек не кричал во время «профессиональной работы».

Причем выражение «кляп с ним» совершенно недвусмысленно и отлично определяет положение.

Возможно, конечно, что Лиговский район пытался еще как-нибудь обломать это слово на свой вкус, однако литература тут ни при чем.

Все спокойно, дорогой товарищ! Никто никого не оскорбил. Литература продолжается.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Старая пожелтевшая открытка, засиженная мухами. Наверное, много лет эта открытка висела в избе под иконой. Имеется прокол от булавки.

На открытке какой-то член первой Государственной думы.

На другой стороне довольно четким почерком написано:

Тов. Зощенко Михаил.

Моя просьба к вам тов. Зощенко дайте мне советы или указанья или посоветуйте выписать книгу-учебник, как легче научиться писать стихи и рассказы будучи крестьянином я очень жаждую этому, будьти товарищем добрым напишите мне несколько строк совету по Адресу: ...

Пишите доплатное я уплочу пожалуйста.

Остаюсь...

Открытка была послана в двадцать седьмом году на адрес «Красной газеты».

Я послал автору открытки письмо, в котором я объяснил все, что знал по этому поводу. Причем посоветовал ему побольше читать и посерьезней заняться грамматикой, прежде чем приступить к стихам и рассказам. И дал совет, какие выписывать книги.

Письмо свое я послал с маркой, не воспользовавшись любезным и трогательным предложением — писать доплатное.

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

Пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, «неописуемых» людей. Эти люди до революции жили, как ходячие растения. А сейчас они, худо ли, хорошо, — умеют писать и даже сочиняют стихи. И в этом самая большая и торжественная заслуга нашей эпохи.

Вот в чем у меня никогда не было сомнения!

В этих стихах есть энтузиазм.

Учитель Ленин
Я пишу О вас тов. Ленин
Что ты родной отец мой,
Что ты дал большое знанье
И научил читать меня.

Я неграмотный мальчишка
До семнадцать лет ходил
И не знал я первой буквы
И не видел даже книг.

А теперь счастливый
Я читаю и пишу
И О вас товарищ Ленин
Я сечинения пишу.

ВОЕННЫЕ СТИХИ

Я получаю изрядное количество стихов. Многие авторы просят оценить ихний поэтический дар. Некоторые требуют напечатать, предполагая, что мне известны какие-то необыкновенные ходы для этого дела.

На первый взгляд довольно трудно понять, почему именно мне присылают на отзыв стихи. Я прозаик. Известен читателям, главным образом, как автор юмористических рассказов. И вдруг мне стихи... В чем дело?

А дело в том, что нету другого «товара».

Стихи оказались более доступны, чем проза. Стихи легче складываются. Это почти песня.

Дети, как известно, начинают писать именно со стихов. Со стихов начали свою литературную судьбу почти все писатели. И всякая молодая, так называемая «варварская», литература тоже начинается с песен и со стихов. Мне некоторые авторы так и пишут: «Стихи на мотив „Светит месяц" или „За что он полюбил меня"».

Эти мои соображения мало подходят к этому письму и к этим ниженапечатанным стихам. Стихи эти сравнительно грамотные.

19 марта 1926

Уважаемый т. Зощенко.

Читая Ваш юмористический рассказ «Самородок из деревни» мне пришла такая же мысль, может быть и я стану темой для нового рассказа, но тогда прошу не называть мою фамилию. Если Вы бегали в редакцию два месяца со стихами, то в двух словах пришлете мне свое мнение о моих стихах, здесь я напишу одно, чтобы не затруднить Вас чтением.

Я сам из Башкирии, кончил сельскую школу. Жил в горах на хуторе, теперь нахожусь в армии. Нахожусь в г. Житомире в артиллерии.

Посылать куда-нибудь в редакции я из дому не решался, потому что не знал, как это делается. В армии мне ребята посоветовали послать один с них в журнал «Красноармеец». Я послал туда «Памяти Ильича». Но что его постигло, я не знаю — вестей об этом нет.

Слушая политграмоту о Красной Армии, я ко дню 8-й годовщины написал один стих, но уже послать его никуда не решался.

Напишу его Вам:

Уж восемь лет с тех пор минуло,
Как наша армия растет,
В свои ряды неколебимы
Бойцов трудящихся зовет.

Шли восемь лет дорогой славы
Окружены врагов кольцом,
Но враг не видел наши спины
Наш строй встречал его лицом.

Ты создавалась под ударом
Врагов свободной стороны,
А закаляло тебя пламя
Освободительной войны.

Разбиты банды, Скоропадский,
Поляки, немцы и Краснов,
Побеждены чехословаки,
Каледин и опять Краснов.

Колчак с востока двинул войско,
Надеясь быть у нас царем,
Но наша армия встречала
Пришельца дерзкого свинцом.

Пришлось ему проститься с мыслью
Увидеть красную Москву.
К востоку шли остатки войска
Через Урал и по току.

Деникин с юга двинул силы
Надеясь сердце страны взять.
Но под напором нашей силы
Ему пришлось на юг бежать.

Был сброшен Врангель в Черноморье
И север весь освобожден...
Вот при каких трудах и битвах
Дух красной Армии рожден.

По одному Вы будете судить о всех. Какие нехватки, я знаю, что страдаю от нехватки образования.

Напишите, бросать или нет мне это (как многие говорят) баловство. Пишите прямо, обижаться не буду.

Уважающий Вас...

Адрес: УССР, г. Житомир...

Пишите без марки.

Недавно послал в журнал «Безбожник». Что будет?

К сожалению, мне не пришлось ответить на это письмо. Письмо было послано по какому-то запутанному адресу и пришло ко мне чуть не через полгода.

Такой большой промежуток времени отбил у меня охоту сразу отвечать. Я отложил письмо, чтоб ответить после (все равно уж!). Так оно и завалялось. Прошу прощения у автора.

Если не поздно — могу посоветовать: «баловство» не бросайте. Пишите. И одновременно ликвидируйте нехватки своего образования.

Еще раз прошу извинить за мою небрежность.

ДЕЛЬНАЯ КРИТИКА

Это интересное письмо получено мною от рабочих М. Б.-Б. ж. д.

Москва, 2 января 1928

Дорогой т. Зощенко!

Простите, пожалуйста, нас, что надоедаем вам этим письмом, но просим не смотреть на него как на обычное письмо какого-нибудь поклонника (а они у вас, конечно, есть), расхваливающее ваши произведения и оканчивающееся слезной просьбой «пристроить рассказик». Этого вы здесь не встретите.

Вам пишут простые рабочие люди (не в смысле «мы, рабочие»), интересующиеся вашими рассказами, как рассказами совсем другого рода, чем юмористические рассказы других авторов, а именно: краткими, общепонятными, без размазывания и присюсюкивания, без подделыванья под чужой язык, и дающими здоровое развлеченье, но, вместе с тем, обрисовывая живых типов из стоячего болота обывательщины.

В 1924 году один из наших товарищей по общежитию купил сборник ваших рассказов издательства «Огонек» («Искусство Мельпомены», «Баня» и проч.).

С первых же строк слушатели хохотали: рассказы были поняты, а затем мы не пропускали ни одного номера «Бегемота» и ни одного сборника ваших рассказов разных изданий.

Некоторая заминка произошла с «Веселым приключением» («Прожектор») и сборником «О чем пел соловей», но потом стало очевидным, что там очень тонко, сквозь общий язык сентиментальных повестей, сквозит то же презрение к мещанской тине и остро высмеивается заезженный шаблон «изящной литературы».

«Сентиментальные повести» были поняты, и теперь, читая какой-нибудь роман, поневоле замечаешь эти шаблоны, выведенные вами.

Почему ваше имя знакомо всем, даже в среде с низким культурным уровнем, не говоря уже про более развитых рабочих и интеллигенцию?

Почему даже меланхолический человек при упоминании имени Зощенко оживляется? Почему на человека, не слышавшего о вас, смотрят с сожалением?

Объясняется это тем же простым стилем, общепонятностью и вообще тем, чего безуспешно добиваются современные авторы юмористических рассказов. Ведь иногда, читая ваш рассказ, смеешься не всему рассказу в целом, а одному удачно подобранному слову или фразе.

В этом-то и сила, это-то и заставляет внимательнейшим образом, следя за каждым словом, читать ваши рассказы. Это не хвала вашему достижению, это подтверждение факта.

Смешно читать некоторых авторов, вроде... и некоторых других, которые, рабски копируя вас, не замечают того, что получается сплошная ерунда и сюсюканье, или же замечают, но думают, что «публика — дура, не поймет» — выражаясь вашей фразой. Но публика понимает, и каждый читавший вас определенно заявляет, что написано «под Зощенко».

Так же обидно становится, когда выступающий артист коверкает ваши рассказы, руководясь тем же непониманием публики-дуры, делая их топорными и лишая тончайшего юмора пошлой отсебятиной. Единственный хороший исполнитель ваших рассказов — это Ильинский: этот передает их слово в слово. Мы ни за что не будем слушать их в исполнении Вл. Хенкина и других, которые перевирают текст и допускают отсебятину[1].

Это в Москве. А что делает из ваших рассказов провинциальная халтура! Искренне приходится сожалеть, что нельзя им запретить делать это.

Дорогой товарищ Зощенко! Разрешите попросить вас ответить на такой пустяковый по виду, но очень взволновавший нас вопрос: с целью ли было вставлено вами слово «зануда» в рассказе «Каторга» или же вы не совсем понимаете это слово. Оно уличное, позорное для женщины и звучит так же, как и проститутка.

Мы по этому поводу много спорили, среди нас есть несколько рабкоров, которые утверждают, что это недоразумение и что у вас раньше подобного нигде не встречалось, даже в таком рассказе, как «Лялька Пятьдесят», где другой бы автор насажал черт знает сколько разной похабщины.

Другие же уверяют, что вы это сделали с целью, следуя примеру некоторых своих собратьев по перу.

Мы очень просим ответить на этот вопрос.

Еще просим: нельзя ли как-нибудь устроить хотя бы в центре, чтобы ваши рассказы не подвергались извращению при исполнении их некоторыми московскими артистами.

Мы назовем вам их имена, и вы подействуйте на них письмом, как автор.

Ей-богу, уж очень обидно становится, когда знаешь каждый

[1] Хенкин отлично читает мои рассказы, однако к тексту он, действительно, относится несколько небрежно. — *М. З.*

ваш рассказ почти наизусть и вдруг слышишь, как его коверкают.

Не подумайте, прочитав наше письмо, что это простой грошовый интерес вами. Это не так! Вами интересуются люди из среды массового читателя и, надеемся, не чуждые вам.

Сообщите также, пожалуйста, ваше отчество и домашний адрес. Ждем ответа.

Наш адрес: Москва. Курбатовский пер., д. № 28. Общежитие рабочих М. Б.-Б. ж. д.

Это исключительно неглупое и интересное письмо. Правда, оно мне льстит. Но я стараюсь быть выше каких-то своих корыстных ощущений и оцениваю это письмо беспристрастно.

Письмо замечательно интересное. Я несколько раз читал его и только диву давался — откуда взялись такие наблюдательные критики.

Я послал им обширное письмо, в котором, кроме всего прочего, написал о происхождении злополучного слова «зануда».

Прежде всего я коснулся ругани вообще. Я написал, что нельзя абсолютно изгонять бранные слова из литературы. Надо прежде изменить быт. Надо перестать ругаться. И тогда литература сама выкинет все прискорбные слова. А иначе получится сильное несоответствие между литературой и бытом.

Волей-неволей иногда приходится допускать в рассказах бранные и грубые слова. Лично я делаю это в самом крайнем случае.

Что же касается нашего злополучного слова, то оно как раз не имеет особо бранного значения. Слово «зануда», несомненно, происходит от слов — нуда, нудный, нудить. Так что оно имеет более обширное значение, чем предполагают мои корреспонденты.

В частности же, этим словом называется также и проститутка, та женщина, которая пристает, надоедает, нудит. Только зазорного в этом слове ничего нету.

Слово совершенно литературное.

ЗОЛОТАЯ ЧЕЛЮСТЬ

Многие корреспонденты по доброте сердечной предлагают мне сюжеты для рассказов.

Конечно, никогда ни одним любительским сюжетом мне не пришлось воспользоваться. По большей части эти сюжеты «краденые» или «ходячие». Или до того глупые, что неловко за автора.

Или, наконец, такие:

Уважаемый тов. Зощенко.

Зная Вашу исключительную способность передавать бытовые картинки, предлагаю Вам подслушанный в вагоне разговор, который было бы весьма интересно прочесть в Вашей передаче.

Беседуют в вагоне о вставных зубах. Один из собеседников,

рассказывая о вставленных им недавно и дешево обошедшихся зубах, говорит, что его приятель тоже недавно вставил себе зубы, но не пожелал вставлять по дешевке через страхкассу, а решил сделать как следует — у частника. Вставленная золотая челюсть обошлась в 150 рублей.

Но, по вставлении зубов, произошел следующий казус: вставивший решил вспрыснуть вновь вставленную челюсть с приятелями. Вспрыснули где-то около Финляндского вокзала; при возвращении зашли на вокзале в уборную, где виновника торжества от обильных возлияний начало мутить, и как он лишь потом сообразил, вновь вставленная челюсть отправилась вместе с прочим в вазу св. Лаврентия, причем он собственноручно и аккуратно спустил воду. Е. С.

ЧАСЫ

У Лескова есть прекрасный рассказ о том, как один купчик случайно украл часы у прохожего. Рассказ называется, кажется, «Часы».

Этот лесковский сюжет за последние годы почему-то обошел многие наши журналы. По крайней мере, я читал три рассказа на эту тему.

Этот заманчивый сюжет предлагают и мне.

20 февраля 1927

Уважаемый Михаил Михайлович!

Знакома с вами по вашим рассказам. Они доставляют нам (мне и «папмаме») истинное наслаждение, за что вас благодарим. Хочется мне, набравшись смелости и по совету «папмамы», предложить вам сюжет для смешного рассказа. Из-под веселого пера, мы уверены, выйдет хорошенький рассказец.

Вот тема: наш знакомый Пал Палыч... как-то раз поздно вечером шел домой по глухому и темному переулку.

Он был в хорошем настроении, но чувствовал и ждал, что его должны ограбить. И вот, как бы в подтверждение его мыслей, к нему подходит какой-то человек, шедший навстречу. Подходит и просит прикурить.

Прикурили. Только разошлись, Пал Палыч хлоп, хлоп себя по жилетке — часов нет, пропали. Не иначе как прохожий упер.

Возмутился Пал Палыч...

Не будучи трусом, храбрый Пал Палыч мигом нагнал жулика.

— Стой, мерзавец! Давай часы, коли жив остаться хочешь!

Испугался жулик, вынул и отдал часы Пал Палычу, а последний, на высоте своего положения, отругал жулика как подобает и отпустил с чертом.

Придя домой, П. П. гордо рассказывает жене о случившемся, я она ему:

— Какие часы? Свои ты забыл дома; вон на комоде лежат...

П. П. вытаскивает часы из кармана, глядь — они чужие. Выходит — ограбил мирного гражданина. И совестно ему, и не знает, как же часы вернуть хозяину, хоть объявление в газете давай...

Если воспользуетесь моим сюжетом, беру с Вас слово, что первое издание рассказа пришлете Вашей поклоннице.

Моя анкета: Елена..., 15 лет, пола — женского, русская, беспартийная, под судом не была и не хочу. Страдаю «киноманией», особых примет не имеется.

Живу в столице Дагестана...

Остаюсь читающая и почитающая Вас Елена...

ЕЩЕ ЧАСЫ

Дорогой и многоуважаемый М. Зощенко!

Читая и любя ваши произведения, хотел бы поделиться с вами одним сюжетом, случившимся со мной летом этого года.

Возвращаясь ночью от своих знакомых через Троицкий мост и проходя через Марсово поле, я встретил на пути одного гражданина, который попросил у меня прикурить. Я дал ему прикурить. Он прикурил и быстро пошел вперед.

Желая поглядеть, который час, я хватился за карман, но часов, к своему ужасу, не нашел. Тогда, считая, что этот гражданин снял у меня часы, когда прикуривал, я бросился за ним и велел отдать ему часы, иначе я потащу его куда следует.

Он отдал мне часы и пошел еще быстрее.

Через полчаса, придя домой, я убедился, что это были не мои часы, а того самого гражданина, собственные. А свои часы я позабыл у знакомых в уборной, которые мне и вернули на другой день.

Новые же «краденые» часы остались у меня.

С приветом и пожеланием увидеть рассказ в печати.

Если хотите — посвященное С. Л. Л-ву.

ПАСТУШЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Революция не всех сделала суровыми бойцами. Не из всех выколотила изящные чувства.

В природе остались весьма нежные голубые души, которые могут «переживать» при виде птички или пастушка.

Честь и место нежному поэту!

Голубок

Вчера я долго провозился,
Смотря, как белый голубок
Летал на солнышке, носился
Со стены на чердачок.

Белый цвет его менялся
Часто предо мной:
Разной тенью отливался,
То темно-нежной голубой.

Я камушек в него; а он быстрее
Летает и кружит.
У себя я вижу вдруг на шее
Неподвижный он сидит.

Я хвать его, а он вертлявый
Дрожит в моих руках.
Исчез блеск его румяный,
Краски нет, а есть пятна на крылах [1].

Теперь уж каждый день
Я в комнате своей
Часто с ним играюсь,
Голубочком забавляюсь.

Пастушок

Пастушок коровок гнал
Поздно — вечерком —
За коровками бежал
Со своим кнутом.

Пригнал коров домой
Пастушок-малютка
И довольный он собой
Гулять бежит Васютка.

На зелененьком лугу
Ночью при луне
Играли дети в чехарду,
Крик их слышен на селе.

Детский праздничек пришел,
Радость для детей.
Вася-пастушок пошел
Гулять играть скорей.

Не любили Васюка,
Грязного мальчишку,
Мальчики всего села
Пастуха сынишку.

И завидя издали,
Прогнать они его решили.

[1] Прямо хоть руки мой! — *М. З.*

Васеньку не приняли
И камнями побили.

С тех пор он не ходил
Гулять играть к мальчишкам.
А он азбуку учил,
Интерес был у него к книжкам.

Уважаемый товарищ, я ваш будущий и новый корреспондент — остаюсь с почтением и уважением Н. И.

ДРАМА НА ВОЛГЕ

Осенью 1926 года я получил странное и непонятное письмо. Я прочел его два раза подряд и ничего не понял.

И только читая в третий раз, я стал более или менее понимать все события, которые развернулись на Волге.

Какой-то жуликоватый человек, какой-то проходимец, неизвестно из каких соображений, выдал себя за Зощенко и в таком положении «прокатился» по Волге, срывая славу и светские удовольствия.

Этот человек имел, судя по письму, некоторый успех и среди женщин.

Вот письмо от одной из его героинь.

Добрый день, Михаил Зощенко!

Шлю Вам свой искренний привет.

Вчера, разбирая хлам в ящиках письменного стола, я натолкнулась на открытки с видами тех мест, где мне пришлось побывать за время моего учительства.

Виды волжского побережья и Жигулевские горы навеяли на меня воспоминанья и вот результаты — письмо к Вам.

Дорогой Михаил Зощенко, мне так бесконечно жаль, что пришлось встретиться с Вами в такой пошлой обстановке. Именно из-за этого я не могла быть с Вами такой, как мне этого хотелось. Я боялась, что Вы примете меня за искательницу приключений.

Кроме того, на меня подействовали слова профессора, что мое «дурное поведение» может отразиться нежелательным образом и на Вас, таком известном писателе.

Поэтому уйти из их общества я решила еще в Вашей каюте.

Этим и объясняется, что я под конец стала холодней к Вам относиться, но я решила, что так лучше будет для всех.

Разбирая открытки с видами Волги, я снова вспомнила Вас, я снова мысленно рисую Ваше лицо, Ваши умные глаза, полные грусти и затаенного смеха. Дорогой Михаил Зощенко, простите меня за эти строки. Я должна Вам сказать — у меня было мало хорошего в жизни. Главное — чем больше я сталкиваюсь с людьми, тем больше и больше я разочаровываюсь в них.

Но вместе с тем мне их становится как-то жалко. Я отыскиваю всякие причины, экономические и социальные и др., которые могут их оправдать, и пришла к выводу, если принять во внимание совокупность всех причин, то все люди должны получить оправдательный приговор. Нет плохих людей на земле. Всякие действия их оправдываются.

Но почему же, в таком случае, есть какое-то мерило хороших и плохих людей?

Я рассуждаю об этом и снова запутываюсь в неразберихе происходящего.

Много времени я трачу на чтение литературных произведений. Жаль, что не могу до сих пор прочесть Ваши «Сентиментальные повести». В нашей жалкой библиотеке их еще нету, заметку же о них я прочла.

Мне кажется, там верно подмечено Ваше разочарование, Ваш пессимизм. Я, говоря с Вами, подметила это. В тоне Ваших слов сквозило какое-то равнодушие к своей жизни, какое-то разочарование в ней, да и Ваши ежедневные попойки, эти 8-9 рюмочек, я думаю, сами говорят за себя.

Мне бы очень хотелось знать, какой из своих рассказов Вы считаете самым удачным. Жалею, что не пришлось слышать чтение Ваших рассказов в Вашем исполнении. Вы так отказывались. И я понимаю, что Вам не хотелось забавлять этих веселящихся людей.

Кажется, я наговорила много лишнего. Простите. Ставлю точку. А если Вы вспомните хоть немного обо мне, о Волге и о нашей встрече, то напишите. Я буду бесконечно рада.

Жму крепко Вашу руку.

Мой адрес...

Я хотел было сначала оставить бедную разочарованную женщину в неведении, но потом обозлился на своего развязного и счастливого двойника. А главное — мне захотелось узнать все подробности.

Я написал ей письмо, приложил свою фотографическую карточку и попросил поподробней описать замечательную встречу.

Вот что ответила мне доверчивая женщина.

4 февраля 1927

Следуя Вашему совету «быть более осторожной», боюсь начать письмо с пожелания доброго дня М. М. Зощенко, так как не уверена, к кому именно обращаюсь. Ваше письмо с фотографией я получила. Хохотала много над своим глупым положением, в которое я попала благодаря тому, что в общежитии не принято требовать документы, удостоверяющие личность человека, с которым приходится знакомиться.

Фотография и оригинал мне знакомого Зощенко, конечно, различны между собой. По Вашей просьбе приступаю к описанию

времени, места и обстоятельств знакомства с злополучным «Зощенко». Приступаю.

Из Нижнего в обратный рейс до Сталинграда я с другой учительницей из нашего города, мало знакомой мне, выехала, приблизительно, точно не помню, 15 июля на пароходе «Дзержинский». Во время обеда в салоне мы познакомились с профессором К... и его женой (мнимыми или настоящими?). Профессор, по его словам, читает в ...веком университете судебную медицину, гигиену, а в педвузе основные методы психологии. Жена — очень яркая, интересная блондинка лет двадцати восьми, бросающаяся в, глаза. Милые, славные люди показались нам.

Каюты наши оказались по соседству, и мы быстро сдружились. На палубе к профессорше подсели два каких-то «типа», познакомились. Один из них понравился ей, другой — моей попутчице. Я же в то время была не с ними. Подъезжали к Самарской Луке. Жигулевские горы должны были проезжать в три часа ночи. Хотелось не проспать. В салоне вечером сорганизовался целый концерт. Там были и мы с профессоршей и одним из «типов». Иван Васильевич Васильев, работающий в издательстве «Прибой», — как он отрекомендовал себя. Чтобы прогнать сон, Васильев предложил выпить в его каюте по кружке пива. Было около десяти часов вечера. Я вообще терпеть не могу никаких напитков, но против того, чтобы посидеть в компании таких «симпатичных» людей, не имела ничего против.

В каюте мы уселись и начали пить пиво. Каюта была трехместная. Стук в дверь. Вошли два — один из «типов», другой — выдававший себя за Зощенко. Моим соседом оказался Зощенко. Это был субъект высокого роста, мускулистый, загорелый, здоровый, с рыжеватой волнистой шевелюрой и серо-голубыми глазами, в которых светился ум и по временам искрился затаенный смех [1]*. Одет он был в чесучовую рубашку, вобранную в брюки, с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Говорили кой о чем. Заказали «типы» ужин. Выпить первую рюмку предложили на брудершафт каждому со своей дамой. Меня покоробило такое быстрое сближение. Я запротестовала. Остальные пары быстро пошли к сближению. Поцелуи, объятья. На моем лице ужас и отвращение.*

Вам, может быть, это тоже покажется смешным, как и им, но я была жестоко разочарована — такое быстрое сближение пятнадцать минут тому назад познакомившихся людей на меня произвело отвратительное впечатление. Надо мной начали смеяться, объяснять мое негодование мещанством и провинциализмом. Мой сосед вел себя по отношению ко мне довольно корректно, повторяя, что он не циник и понял меня. Я почувствовала, что я ме-

[1] Я невысокого роста. У меня черные волосы. Английская прическа. — *М. З.*

шаю моим «плохим» поведением, как выразилась одна из наших спутниц, им разойтись как следует. И тогда я ушла.

Попозже «Зощенко» встретил меня на палубе и завел разговор о себе, о своей жизни, работе и поездке в Германию. Я узнала, что он партиец с 1918 года, работал до войны на Сормовском заводе (так, по крайней мере, он говорил), затем ушел на войну, потом с 1917 года начал писать. Зарабатывает в месяц 225 рублей, 100 проживает, а остальные — на приобретение книг для своей библиотеки, которая состоит из книг русских и иностранных писателей; его снова посылают в Германию учиться и совершенствоваться в стиле. Вообще его поведение все время по отношению ко мне было безукоризненно. Вообще он очень редко показывался на палубе днем, объясняя, что он едет инкогнито[1]*. Он уходил в четвертый класс собирать материал, всегда был выпивши и всем раздавал мелкие книжки* с *рассказами Зощенко на память, вечерами сидел на носу и задумчиво глядел вдаль* [2].

Вот и все. Писала откровенно, ничего не прикрашивала. Простите, что мое первое письмо было не по адресу, но, как видите, я здесь совершенно ни при чем.

Между первым и вторым письмом есть, конечно, существенные противоречия. Но это весьма понятно.

Автор письма, несомненно, хотел сгладить какие-то углы. И хотел, видимо, рассеять мои сомнения о любовном приключении. Но я на это и не имею претензий.

Я допускаю, конечно, что мой двойник не слишком постарался использовать свою вывеску. Тем не менее я не верю в его сплошную корректность. Не такой это человек, чтоб он только «сидел на носу и задумчиво глядел вдаль».

А, впрочем, черт его знает!

Во всяком случае, я рад, если этот развязный гражданин не причинил кому-нибудь из пассажиров серьезного вреда.

ВАЛЬКА С НЮРКОЙ

Уважаемый Миша!

Дело в сорте такого!

Нас двое. Мы любим Вас! Вернее, любим читать только Ваши произведения. Они пленили, но не вполне очаровали нас, так как мы убеждены в том, что, кроме рассказов, которые пропущены цензурой, у Вас еще имеются и другие, а запретный плод сладок и нам очень желается почитать их.

Мы просим прислать нам свои нецензурные (неизданные) произведения.

[1] Ах, сукин сын! — *М. З.*
[2] Еще бы! — *М. З.*

Очень просим не отказать нам в нашей просьбе. Вас побеспокоит наше письмо. Очень извиняемся.

Стоимость Ваших произведений мы оплатим, хотя мы студентки. Адрес: Москва...

А просто — Валька с Нюркой.

Этим милым и развязным студенткам я ответил, что неизданных и запрещенных цензурой рассказов у меня не имеется.

И в самом деле, у меня не было таких рассказов. Цензура мне все пропускала. Крайне признательный за это, я и сам в дальнейшем вел себя добропорядочно и не писал рассказов, которые могли бы не пойти.

ЛЯЛЕЧКА И ТАМОЧКА

Сейчас редко какой человек берет на себя ответственность за свои действия.

Магазины открываются сообща. Пьесы и романы пишут также не менее двух авторов.

Я видел стихи, подписанные двумя скромными фамилиями. Один поэт, небось, рифмы подбирал, а другой перо в чернильницу макал.

И даже письма пишутся на пару.

Ну что ж! Вдвоем больше мужества, наглости, развязности и успеха.

Ленинград, 24 апреля 1928

«Я» — это одна из Ваших читательниц и которой безумно нравятся Ваши юмористические рассказы и очень хотела бы с Вами познакомиться. Может быть, у Вас нет ни малейшего желания к увеличению своих поклонниц, таких назойливых, как я.

У моей приятельницы тоже желание не меньше моего с Вами познакомиться и поболтать.

Если захотите нам ответить, то 25-ое почтовое отделение «до востребования»...

Не подумайте, что мы письмо Вам посылаем без марки, она быть может отклеилась по дороге.

Можете и позвонить... (Ляля). Нечего разыгрывать барина!

Будем ждать Вашего ответа с нетерпением.

Лялечка и Тамочка.

ПРИГОДИЛОСЬ

Обычно думают, что я искажаю «прекрасный русский язык», что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица.

Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей.

Я говорю — временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно.

А уж дело других (пролетарских) писателей в дальнейшем приблизить литературу к читателям, сделать ее удобочитаемой и понятной массам.

И как бы судьба нашей страны ни обернулась, все равно поправка на легкий «народный» язык уже будет. Уже никогда не будут писать и говорить тем невыносимым суконным интеллигентским языком, на котором многие еще пишут, вернее, дописывают. Дописывают так, как будто бы в стране ничего не случилось. Пишут так, как Леонид Андреев. Вот писатель, которого абсолютно нестерпимо сейчас читать!

А как говорит и думает улица, я, пожалуй, не ошибся. Это видно из этой моей книги, из этих писем, которые я ежедневно получаю.

Вот любопытное письмо. Оно написано, как будто бы я его писал. Оно несомненно написано «моим героем».

Я получил это письмо по почте от неизвестного человека.

Дорогой Зощенко!

Мне случайно попалось в руки «любовное» письмо, которое получила одна моя знакомая.

Не пригодится ли оно Вам? Оно очень напоминает Ваш стиль и Ваших героев.

С приветом К. Л.

18 октября 1928

Уважаемая гражданка, зачитайте это письмо и примите от заинтересованного вами это подношение. Не побрезгуйте, не погнушайтесь.

Желательно с вами познакомиться всурьез. Не покажется это вам за предмет любопытства, а желательно с целью сердечной, потому что с каких пор вас увидел, то сгораю любовью.

Замечательный ваш талант, а пуще всего игривость забрали меня за живое и как слышал, что вы лицо, причастное к медецине, то понять должны, что кровь во мне играет и весь я не в себе.

Если вам не противно, то буду ждать Вас у входу в буфет.

В военном обмундировании, росту как обыкновенно, собою видный, волосом русый, а на груди пять всесоюзных значков.

Остаюсь в ожидании С. С.

Имя скажу при свидании.

Так называемый «народный» язык стоит того, чтоб к нему приглядеться.

Какие прекрасные, замечательные слова: «Зачитайте письмо». Не прочитайте, а зачитайте. То есть «пробегите, просмотрите». Как уличный торговец яблоками говорит: «Вы закушайте этот товар». Не кушайте (т. е. целиком), не откусите (т. е. кусочек), а именно закушайте, то есть запробуйте, откусите только раз, сколько нужно для того, чтобы почувствовать прелестные качества товара.

Язык стоит того, чтобы его изучать!

ПЛОХИЕ НЕРВЫ

У меня была легкая и удачная литературная судьба. Мне не пришлось мотаться по редакциям. И не пришлось вкручивать свою продукцию.

Я начал работать в двадцатом — двадцать первом годах.

В те счастливые годы ответственные редакторы сами приходили за рукописями на квартиру и несли в зубах деньги.

Молодые писатели работали тогда почти вне конкуренции. И от хорошей молодости все они впоследствии стали классиками.

Но я представляю, как трудно ходить по редакциям и как много надо молодому писателю энергии для того, чтобы начать печататься, не будучи хотя бы Достоевским.

Вот письмо от начинающего автора.

Уважаемый тов. Зощенко.

Осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой. Не откажите просмотреть и дать свое заключение о трех рассказах, которые прилагаю к сему письму.

Если Вы не всегда были известным юмористом Зощенко (пишу без лести), Вам должно быть известно, какие мытарства приходится испытывать начинающему человеку. Вам должны быть известны те придирки и оскорбительные отказы, которые получает молодой человек от «человеколюбивых» редакторов.

Я имел счастье уже (мне всего 19 лет) получить несколько таких ответов. Глубоко возмущенный ответом: «нет, и не будет», я думал бросить свои работы.

Вам должны быть известны результаты разговоров с редакторами. Чувствуешь какую-то подавленность, разуверяешься в своих силах, разочаровываешься в своих мечтах, и все твои мысли покрываются толстой коркой человеконенавистничества и пессимизма. Признаюсь: мне несколько раз пришлось испытать такие чувства, и под их влиянием я написал маленькое стихотворение, которое (хотя это и глупо) кончается так:

И счастлив тот лишь человек,
Который, жизни не бросая

Идет, руки не подавая
Тому, кто в тине утопая
Его на помощь позовет.

Вас, может быть, удивит подобное послание, но как человек Вы поймете, чем веет от таких слов и такого письма. Я не должен Вам говорить, что делать с этими тремя рассказами, Вы сами найдете им применение.

Не удивляйтесь, что я (неизвестный Вам человек) изливаю свои чувства перед Вами (неизвестным мне человеком). После основательного раздумья я решил, что меня поймет только Зощенко, так как он сам, вероятно (я в этом уверен), испытал то, что я сейчас испытываю.

Должен сказать, что один из тех рассказов пошел на растопку печки прямо из редакционной корзинки «Бегемота». И именно поэтому я обращаюсь к Вам.

Я знаю, что Вы имеете связи в литературном мире Ленинграда, а в частности в «Бегемоте», и хочу, чтобы Зощенко осрамил своего редактора за его небрежное отношение к работе. Я знаю, что редакторская работа требует много нервов, но это не значит, что журнал может и хочет печатать только произведения известных писателей и поэтов.

В «Бегемоте» работают многие товарищи, я их не упрекаю в халатности и нечеловечности, но все-таки им не мешает прочесть то пятистишие, которое я Вам написал.

Я ни к кому до сих пор не обращался с такой просьбой, как обращаюсь к Вам. В Москве есть много литературных известностей, но если Вы бывали в Москве, то знаете, что значит московская жизнь.

Москва — это базар. А на базаре всякий ищет своей выгоды. Я не упрекаю литературных работников в том, что они любят деньгу, но многие из них страдают болезнью, состоящей из правила: не подавать руки тому, кто на помощь позовет.

Я обращаюсь к юмористу, осмеивающему все человеческие недостатки, и надеюсь, что он не страдает болезнью, о которой я только что сказал.

Тов. Зощенко!

Не откажите внимательно прочесть это послание и прилагаемые рассказы. Полагаюсь на Вас во всем. Если хорошо, просите напечатать в «Бегемоте» и сообщите результаты. Если плохо, все же сообщите Ваше заключение. Объясните все недостатки и укажите, как их исправить.

Во всяком случае, не откажите черкнуть пару слов в ответ по адресу:

Москва, 19 почт, отд., до востребования...

Мой адрес: Москва...

Но по моему адресу неудобно писать. Мои родные совсем не

понимают меня, и мне было бы неприятно, если бы они узнали об этом письме.

Простите меня, бедного, за беспокойство, причину которого Вы поймете из этого письма.

Заранее благодарный Вам...

Не могу не послать Вам сценку, написанную мною недавно. В ней мои взгляды перемешиваются в устах обоих действующих лиц.

Рассказы этого молодого автора были не слишком плохие, но любительские, и печатать их, конечно, было нельзя. Однако литературные способности у автора несомненно имелись. Об этом я ему и сообщил письмом до востребования.

НАХОДКА

15 февраля 1927

Дорогой Михаил Михайлович, посылаю Вам письмо, случайно найденное мною в книге, взятой в библиотеке в Крыму. Это — курьезный «человеческий документ», в котором неизвестная Тамара пылко объясняется неизвестной Натусе в своей пылкой ненависти к Зощенко. Это Вам для коллекции «критических отзывов» о Вас.

Всего доброго!

Ваш Н. Энгельгардт.

14 июля

Дорогая Натуся!

Ты сделала меня без вины виноватой: я ответила тебе длинным-предлинным письмом на бабушкин адрес. Но, вероятно, ты уехала раньше, чем оно получилось.

На этот раз много не пишу, т. к. не знаю, получишь ли ты это письмо.

Я очень буду рада тебя видеть, мне давно хочется посмотреть на тебя. Интересно, насколько ты изменилась с тех пор. За привет от «Инны» я тебе очень благодарна, хотя не думаю, чтобы она в твоей жизни играла прежнюю роль. Ната, ведь мы уже взрослые люди, нам по 15 лет. Мне очень интересно, какой длины твои волосы. Удивительно глупо, но интересно. Я коротко, по моде острижена. Начала было отпускать, но потом надоело... Я тебе ничего не пишу, надеясь на то, что бабушка перешлет тебе мое первое письмо.

Привет от мамы и папы, передай мой привет своим дражайшим родителям. Сколько теперь весит дядя Жорж? Пиши почаще. Когда вы собираетесь приехать? Предупреди меня письмом об этом, весьма значительном, хотя и не имеющем влияния на революцию событии.

Пока всего хорошего.

Твоя кузина Тамара.

Напиши, каким автором увлекаешься? Любишь ли Зощенко и Маяковского? Я их ненавижу.

ПОЭТ И ЛОШАДЬ

Это письмо мне послужило темой для небольшого рассказа-фельетона «Поэт и лошадь».

Рассказ помещен в сборнике «Над кем смеетесь».

Должен сказать, что письмо написано страшно безграмотно и неуклюже, хотя автор письма — «старый газетный работник» — так подписана жалоба.

Письмо несомненно написано в минуту сильного душевного волнения.

14 июня 1927

Не зная, как обратиться к тов. Зощенко, беру на себя решимость беспокоить Вас, тов. редактор, с тем, что если материал подходящий — Вы дадите ему данную тему, явившуюся из жизни.

Проходя 14/6—27 в Детском Селе по улице Белобородова уг. Колпинской, мимо дома, где жил А. С. Пушкин, о чем гласит и прибитая к дому надпись, — я неоднократно наблюдала в небольшом палисадничке с зеленью, окружающем этот прелестный домик, — рабочую лошадь, которая не будучи даже стреножена, бродила под окнами и ломала и объедала всю молоденькую зелень распускающихся кустов жимолости и сирени, между тем, как позади домика имеется зеленая лужайка и даже деревья, к которым можно было бы привязать эту лошадь, предоставив ей траву, вместо веток сирени и вламывания в кусты.

В означенный день 14/6—с. г. я проходила с представителями музыкального мира опять мимо этого дома, и мы решили узнать, почему такая заброшенность в памятнике старины, которую теперь чтит вся Россия. Оказалось, что дома был даже сам заведующий домиком и на мой вопрос о лошади сказал, что кусты выросли после А. С. Пушкина и что лошадь дом не ест. А если ломает кусты и грязнит перед окнами (из которых тысячи экскурсантов любуются теми видами, которыми любовался и А. С. Пушкин), то это ничего не значит; ибо лошадь животное очень полезное, а на следующее возражение, что полезное животное можно привязать на втором плане к дереву, на траву, начал сыпать отборными выражениями до тех пор, пока я заявила, что я представитель литературы, т. е. прессы, — он тогда сказал, что много, мол, их тут шляется, а я благодарность имею за сохранение дома.

Тогда я сказала, что я не знаю, что он будет иметь в будущем, если я напишу в журнал с соответствующим рисунком о его сохранении памятников старины, на что живущие в нижнем этаже рабочие и сам он громко захохотали, а завед. домом даже плюнул из второго этажа.

Сердце кипело выкинуть таких держи-морд, не смыслящих ничего в чем суть старины и полагающих, что довольно того, что лошадь не ест дома, а кусты не при Пушкине выросли — и назначить на их место таких, которые бы берегли все, что создавало бы полное для памяти впечатление для ума и сердца.

С совершенным уважением...

ПИСЬМО ОТ ЖЕНЩИНЫ

Читателя, небось, разбирает любопытство.

Позвольте, думает читатель, а где же тут любовные письма? Где красивые и молодые дамы предлагают писателю свою дружбу и благосклонность?

Увы! Жизнь мне не удалась! Таких любовных писем у меня не было, за исключением, впрочем, двух стихотворений, которые и печатаю в этой книге, и одной записки: «Приехала из Москвы. Остановилась в Европейской гостинице. Очень хотела бы с вами познакомиться. Зайдите поболтать».

Так вот, к великому, небось, огорчению читателей, таких писем у меня не было. От знакомых девушек, ничего не скажу, — были. А у незнакомых моя фамилия не вызывала, видимо, романтических представлений. И действительно, я — не укротитель зверей и не тенор.

Но таких писем — хотят на меня поглядеть — было несколько. Вот одно из них.

4 июля

Сейчас ехала из Лесного в трамвае № 9. Рядом со мной сидел человек, именно такой, каким в течение трех лет я представляла себе Вас. Может быть, это были даже Вы.

Пришла домой и среди своих бумаг отыскала черновик год тому назад написанного и изорванного письма. Почему изорвала, не помню — был ли то страх или самолюбие, но послать его я не решилась.

Но сегодня меня снова потянуло к Вам.

Милый Михаил Михайлович, хороший Зощенко, если бы я ходила в брюках и имела звероподобную физиономию, я бы просто пришла к Вам и «сказал» — так и так. Но, к сожалению, имея ординарнейшую внешность и будучи в общем отвратительнейшей двадцатидвухлетней женщиной, я не рискую этого сделать.

Вы подумаете еще, что я одна из рода особо пылких поклонниц, и так меня обложите, что я уйду от Вас качаясь. Прямо не знаю, что делать.

Михаил Михайлович, ей-богу, я только посмотрю на Вас и говорить даже с Вами не буду. Хотя, говоря откровенно, мне хочется с Вами поговорить. Ну скажите, неужели за три года моих «литературных мечтаний» Вы не сможете (вернее, не захотите) уделить мне пять, десять минут?

Мой телефон...

И зовут меня...

Я буду ждать Вашего звонка, и если Вы мне не позвоните, то это будет очень-очень нехорошо, ведь за Вами еще остается право позвонить и сказать: «Не хочу показываться», или — «Ах, оставьте».

Вот я сейчас облекла свою просьбу в конкретные образы и разозлилась, т. к. чувствую, что Вы все равно не позвоните. Мне даже писать стало лень, так много в моей душе злости и безнадежности. Знаю, знаю, что не позвоните. Злюсь, главным образом, потому, что Вы, наверное, отнесли меня к своим поклонницам. Клянусь Вам, я не умею и ненавижу это слово.

ВСТРЕЧА В ТЕАТРЕ

Эти стихи я получил от неизвестной мне женщины. Стихи без подписи. И без адреса. Это почтенно!

Это, кажется, единственное письмо, в котором от меня абсолютно ничего не требуют.

Печатаю с признательностью.

Писателю Михаилу Михайловичу Зощенко

Простите Вы меня за то, что беспокою
(Конечно, Вам я не одна пишу),
И тайну Вам свою открою,
Молчать уж больше не могу.

О, это было так недавно!
В соседнем от меня сидели Вы ряду,
И лилась музыка пленительно и плавно.
Я про себя шептала: жду, жду, жду...

Ждала я взгляда Вашего лишь только,
Но отражались Вы в чужих глазах.
Ах!.. Если б знали Вы, как больно, горько,
Когда душа в слезах.

В антракте вышли Вы, а я осталась
В смятеньи чувства ревности... тоски,
Ведь раньше это все любовью называлось —
Теперь разбито все на мелкие куски.

Большого чувства никому не надо:
Оно, как камень, Вас, мужчин; гнетет,
Которое не купишь плиткой шоколада
И в темных улицах, конечно, не найдешь.

Привыкли к легким Вы, как фейерверк, победам,
Таким блестящим, кратким, как и он.
Но первый раз я видела Вас летом...
Тот миг, как милый, милый сон.

Не знаю почему Вы в сердце так запали,
Но с Вами я знакомства не ищу.
Быть может, ничего, быть может — поиграли б, —
А потому сейчас я ухожу...
И я ушла...

И.

Вы не поймете, почему Вам это написала. А просто потому, что легче стало мне. Открыла все, и тайны уж не стало, и позабудусь в будничном я сне. И.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Москва, 17 мая 1928

Милый Зощенко, простите меня, пожалуйста, что я беспокою Вас своим письмом. Но мне совершенно не к кому обратиться. Вас я люблю как писателя и кроме того слышала, что Вы очень хороший человек. Поэтому я обращаюсь к Вам.

Видите ли в чем дело: я сейчас кончила школу, мне 17 лет, передо мной развернулся так называемый широкий путь, но я решительно не знаю, куда мне идти. Мать ставила меня на ноги со страшным трудом, п. ч. отец рано умер (мне было четыре года) и ей приходилось самой зарабатывать на меня. Теперь мой долг — постараться зарабатывать и содержать ее. Но что я могу сделать, если ни одно из учебных заведений, по выходе из которых можно получить заработок, меня не интересует? Когда я думаю о них, потом о службе, о всей этой монотонной жизни, которая мне предстоит, меня берет одурь и пропадает охота жить.

Вот если бы у меня был талант, я бы, кажется, могла вынести что угодно. Кем, кем я только не хотела бы быть: художницей, артисткой и т. д.

Особенно часто я возвращаюсь к мечте быть киноартисткой. Но способности у меня на этот счет более чем сомнительные, а потому оставим это. Если у меня есть к чему-нибудь способности, так это к литературе. Говорят, что у меня приличный слог (чего Вы, конечно, никак не заключите из моего письма), а главное — я пишу стихи. Посылаю Вам несколько образчиков моего творчества. Вы можете сказать, что глупо посылать стихи Вам, кажется,

никогда не писавшему стихов. Но ведь, во всяком случае, Вы больше понимаете в этом, чем я, и можете мне сказать, есть ли у меня хоть капелька, ну не таланта, так хоть способностей.

Конечно, печатать такие стихи нельзя, помимо всего прочего, потому что уж очень они не подходят по своему настроению к современным требованиям. Это, наверно, зависит от окружающей среды. Я сочувствую революции, но проникнуться ею так, чтобы писать другие стихи, сейчас не могу. Но если бы Вы хоть немножко нашли во мне способностей, я стала бы работать и, может быть, потом научилась бы писать, как следует. Может быть, и даже наверно, глупо мне так носиться со своими стихами, такими плохими и незначительными, когда много людей пишут лучше меня и совершенно не обращают на это внимания.

Но если бы Вы знали, какая у меня отвратительная жизнь. Мать меня любит, но какой-то деспотической любовью. Ну, например, она сама будет изнуряться, работая, и будет ставить мне это на вид, а мне ничего не будет давать делать, хотя мне все это доставляет гораздо большее нравственное мученье, чем если бы я работала. И так во всем. Она ужасно мало дает мне свободы. Конечно, не мне ее судить, но мне очень бывает тяжело, совсем разные мы люди.

Кроме того, у меня масса неприятностей самого пошлого «романтического» свойства. Я не хочу Вам про них писать, но я пережила много такого, что совсем не полагается пережить в мои лета. Иногда пошлость совсем засасывает меня, я теряю вкус к жизни, уважение к себе, все теряю. Вы понимаете, конечно, каким утешением для меня являются стихи. Когда я не пишу, я чувствую, что во мне ничего нет, что лучше бы меня кто-нибудь убил, чем влачить такое существование. А если я напишу хоть самые плохонькие, то я сразу чувствую замечательный подъем и повышаюсь в своих глазах. Это смешно, но у меня ничего нет и мне не на что надеяться. Пожалуйста, ответьте мне, что Вы думаете насчет моих стихов, и вообще посоветуйте, что мне делать. Куда идти? Что представляет из себя литературный факультет университета? Что он дает? Если оттуда, как я слышала, выходят только преподаватели, то мне нечего и думать, меня не пустят туда идти дома. Что бы Вы посоветовали мне читать, чтобы хоть немножко развиться и не быть такой глупой? Я Вас очень, очень прошу, не сердитесь, что я к Вам пристаю, но ведь у меня никого нет. Все наиболее умные люди из моих знакомых, к которым я обращаюсь, считают меня глупой девчонкой, презирают меня и находят, что самое лучшее, что я могу сделать, это выйти замуж и родить детей. Иногда мне делается так тошно жить дома, что я думаю: не лучше ли, правда, скорей выйти замуж, все равно за кого, только уйти из этой обстановки. Это так ужасно! Неужели и Вы оттолкнете меня? Я знаю, что не заслуживаю никакого

уважения или понимания. С общественной точки зрения я — пережиток дряблой интеллигентщины, с просто человеческой я — эгоистичная, безнравственная, глупая девчонка. Но если бы Вы просто пожалели меня и посоветовали хоть что-нибудь. Даже если Вы ничего не можете мне посоветовать, ответьте хоть что-нибудь, мне будет так приятно. Ну, дорогой, ну, милый!

Адрес мой такой: Москва...

Еще раз простите меня за беспокойство. И письмо-то я Вам написала ужасно грязное, п. ч. пишу в четвертом часу ночи и ужасно болит голова, а днем боюсь писать, п. ч. могут увидеть.

Ответьте мне хоть что-нибудь, пожалуйста.

Если Вы захотите, я могу прислать еще какие-нибудь стихи, но я думаю, что Вы не захотите.

Ответьте мне хоть что-нибудь, пожалуйста.

К сожалению, по просьбе автора, стихи мне пришлось вернуть. Это были, сколько я помню, неплохие стихи, но очень унылые и «трагические» по настроению. Семнадцатилетний автор, несомненно, имеет литературные способности, что вполне видно даже из писем.

Примерно, в таком духе я написал свое мнение и вскоре получил еще одно письмо.

5 июня 1928

Простите меня, что я опять беспокою Вас своим письмом. Ради Бога, не называйте меня навязчивой, мне просто ужасно захотелось еще раз Вам написать, а Вы, конечно, можете мне даже и не отвечать. Я очень, очень благодарна Вам за Ваше письмо. Если бы Вы знали, как я счастлива, что Вам понравились мои стихи и что Вы находите их талантливыми. Я думаю, что из меня ничего не выйдет, п. ч. настроение навряд ли изменится, но все-таки приятно думать, что хоть могло бы выйти при более благоприятных обстоятельствах.

У меня очень скверная, грязная жизнь. Чтобы объяснить всю ее грязь, достаточно того факта, что, когда мне было 14 лет, меня взял как женщину один женатый мужчина и я до сих пор с ним, потому что я его люблю. А сколько еще разных фактов!

Я было хотела описать Вам свою жизнь, написала четыре страницы, но, дойдя до половины, не смогла продолжать — так стало стыдно и противно. Совершенно незачем Вам читать эту грязь. То, что я пережила, так подействовало на всю мою натуру, что мне кажется, я ничего не смогу, я — пропащий человек.

Я постараюсь последовать Вашему совету и сблизиться с жизнью, но, когда у меня жизнерадостное настроение, мне кажется, что я не имею на него права, что я ужасно пошлая. Мне кажется, что лучше бы я покончила с собой тогда, когда хотела, а теперь я ко всему привыкла и со всем примирилась. Достоверно одно, что я очень безнравственная, п. ч. я совсем не знаю, что худо

и что хорошо. Если Вы все-таки будете мне писать (только не надо, если Вам не хочется), напишите, что Вы насчет этого думаете. Не сердитесь, что я к Вам так пристаю, но я ужасно одна. Вы не отвечайте, если Вам не хочется. Я опять пишу ночью, и поэтому опять очень грязное и нескладное письмо. Но я думаю, Вы не будете обращать внимания на эти глупости.

Прощайте. Еще раз очень, очень благодарю Вас за письмо. Я так рада, что и сказать нельзя. Можно, я буду Вам иногда писать, когда мне будет очень тяжело? Не сердитесь на мою навязчивость.

На это письмо я ничего не ответил и позабыл о существовании этой девушки. Через полгода я снова получил от нее письмо. Оно длинное, но я печатаю его полностью, так как считаю его любопытным по настроению.

Мне кажется, что какая-то часть (весьма небольшая) нашей интеллигентской молодежи находится именно в таком нерешительном состоянии, как автор этого письма.

23 января 1929

Извините, что я Вам опять надоедаю. Но, пожалуйста, не беспокойтесь мне отвечать, если Вы не захотите этого. Я знаю, что с моей стороны чересчур смело Вам надоедать, но и не надеюсь на Ваш ответ. Мне просто хочется выложить свою душу, а у меня решительно никого нет.

Скажите, пожалуйста, судя по моим письмам, я кажусь Вам очень ужасной дурой? Я сейчас расскажу Вам, в чем дело: мне кажется, что я в последнее время стала страшно глупеть и распускаться. Это приводит меня в отчаяние. Меня, кажется, никто никогда не считал особенно умной, но это мне было все равно, п. ч. я сама никого не ставила высоко в этом отношении, кроме трех людей: моей бывшей подруги, моего бывшего одноклассника и еще одного человека. Ну, конечно, были еще люди, которых я считала умными, но с ними мне близко сталкиваться не приходилось. Так вот, эти трое людей считали меня не только не умной, а просто каким-то жалким существом, созданным для серенького существования и очень односторонне-гадких вещей. Самое ужасное — это то, что все их мрачные предсказания насчет меня или исполнились, или исполняются. Я не могу припомнить всего, но, например, моя подруга мне предсказывала еще очень давно: «Ну, ты еще, наверное, до шестнадцати лет с кем-нибудь спутаешься».

И, действительно, я «спуталась», когда мне было только 14 лет. Она же говорила, что я никогда не поступлю ни в какой вуз. И ведь правда же, я до сих пор никак не могу серьезно взять себя в руки и начать заниматься. Может быть, это происходит от того, что все никак, никак не могу решить, куда же мне поступить. Но факт тот, что в этом году я, наверное, не поступлю, а дальше, вероятно, совсем распущусь.

Так оно и будет. Дальше: и она и мой знакомый, особенно он, утверждают, что из меня никогда ничего не выйдет. Вы видите — стихов моих нельзя печатать из-за настроения, я сейчас и не хочу, они слишком слабы, но дело в том, что я ручаюсь, что настроение мое будет всегда такое же. И еще вот что (я начинаю писать «умные» вещи), мне кажется, что просто болезнью современной, мало-мальски развитой молодежи является обилие мелких способностей и стремление к самым разнородным искусствам. Причем ни за одно они, в конце концов, не принимаются серьезно, рассуждая при этом, мне кажется, так: «А что, если я буду учиться, скажем, петь, и уложу на это все свои силы, а вдруг у меня больше способностей к рисованию или к литературе, а может быть, к танцам. А, в конце концов, ни одна из этих вещей не дает верного заработка. Поступлю-ка я в фармацевтический техникум или на курсы кройки и шитья».

Если бы у них был один талант, даже не очень большой, они отнеслись бы к этому серьезно и из них что-нибудь вышло, а так это все безусловно обречено на гибель.

А за примерами ходить недалеко: один мой знакомый играет на рояли, великолепно декламирует, учится петь и пишет стихи; одна моя знакомая рисует, играет на рояли, раньше хорошо танцевала и пытается писать стихи; другая играет на рояли, мечтает о драме, хочет учиться петь и пишет стихи; я — мечтаю быть киноартисткой, очень прилично рисовала, учусь петь и пишу стихи. Положим, стихи мое главное, но ведь это не мешает мне думать так: «А ведь в стихах у меня неподобающее настроение, приналягу-ка я на пение. А, впрочем, ни то, ни другое не даст мне верного заработка» и т. д. и т. д. Вы заметили, что в приведенных мною примерах все пишут стихи, причем я прибавлю от себя, пишут хорошо и почти все с «неподобающим» настроением. Это ужасно. Ну, а теперь дальше, вернемся к старой теме. Самое главное предсказание не только этих троих умных людей, а и всех остальных, это то, что судьба моя — выйти замуж и как можно скорее.

Маме говорят: «Ну, вот, скоро Тоня, Бог даст, замуж выйдет, вам и полегче будет», а меня при встрече спрашивают: «Ну, что, замуж еще не собираешься?» Особенно теперь, когда за мной ухаживает один молодой врач, кажется, с «серьезными намерениями», все «чуют, что за ним-то мне и быть». Вы знаете, это действует как гипноз. Во мне начинает пробуждаться смутное чувство, что, действительно, это должно случиться. Между тем, я знаю, что это будет моей полнейшей нравственной гибелью. Я разжирею и отупею. Моими главными интересами будут наряды, мужчины, кино и паршивенькие книжонки. А когда мне надо будет как-то нравственно оправдаться, то я опоэтизирую свое положение, знаете, этой песенкой: «Ты едешь пьяная, ты едешь бледная, по

темным улицам, совсем одна, тебе мерещится дощечка медная и штора синяя его окна. И на диване подушки алые, духи Дорсе, коньяк Мартель, его глаза, от ласк усталые, и губы, пьяные, как хмель. Пускай в гостиной муж равнодушный жену домой напрасно ждет, любовник знает — она, послушная, кляня и плача, к нему придет. Там на диване...» и т. д.

Правда, замечательно характерная песенка? Во время оно я ей очень увлекалась, да и сейчас она мне капельку нравится. Во всяком случае, замужем я буду прототипом особы, про которую здесь поется. А иногда мне кажется, что я и дома также опошлюсь, если что-нибудь не переменится в другую сторону, совсем в другую. А так как это немыслимо, то не лучше ли все-таки переменить обстановку, пусть будет хоть что-нибудь новенькое, хоть сдвинусь с мертвой точки. А главное, в чем мне стыднее всего признаться, не это: просто мне хочется пожить в нормальной, приличной обстановке, отдохнуть от унизительной бедности и зависимости. И даже не это: меня интересует вся эта процедура, свадьба, знакомство с его родными и т. д. Нет, я действительно или страшная дура, или мещанка, или маленькая девчонка. Вы видите, что это такое. Вам не кажется, что мне, действительно, одна дорога — замуж? Еще вот что меня угнетает: я могла попасть с биржи труда в фабзавуч и отказалась. Конечно, как-то не хотелось, кончив девятилетку, проходить то же сначала и поступать туда, где принимают с пятилеткой. Но у меня была бы специальность (правда, ох, какая), был бы самостоятельный заработок, я бы ближе подошла к жизни, могла бы слиться с рабочей массой, может быть, это хорошо отразилось бы на моем «творчестве». И я этого ничего не сделала. Я, знаете ли, страшно слабохарактерная и нерешительная особа. Было как-то страшно сделать такой решительный шаг, как-то совсем изменить свою жизнь. (Ну, конечно, замуж выйти проще. Если бы Вы знали, как я презираю себя.) Я не знала, на что решиться. Мои «за» и «против» вполне уравновешивались. Мама, все родственники и тот, кого мне прочат в женихи, энергично восстали против моего поступления. А мне тогда, в сущности, только этого и надо было. Я проскулила целый день, не зная, на что решиться, и у меня было полусознательное желание, чтобы меня чуть не силой заставили сделать то или иное. Если бы мне с такой же энергией сказали, чтобы я шла, то я бы пошла, а так я осталась. Когда я еще не знала, на что решиться, я хотела написать Вам, но Вы все равно не успели бы мне ответить: мне надо было поступать на другой день, рано утром. Я бы очень хотела, чтобы Вы мне хоть теперь сказали, как я должна была поступить. Если Вы мне ответите, то напишите, пожалуйста, про это.

И потом, может быть, Вы скажете мне, что я должна делать, чтобы быть немножко умнее и развитее. Это замечательно наивный

вопрос, я знаю, но вот, например, я люблю вечера и т. д. Может быть, чтобы быть умнее, надо искоренить это в себе. Я совершенно серьезно это спрашиваю, п. ч. моя бывшая подруга, которую я считаю умной, этого не любит, на свою наружность не обращает внимания и т. д. Неужели это так мешает умственному развитию? Если Вы скажете, что это так, то я постараюсь исправиться. И что я должна читать, чтобы быть развитее? Я ведь, действительно, здорово не развита.

Если Вы будете так добры мне ответить, то ответьте на эти вопросы. Я бы так хотела, чтобы Вы мне ответили, но, конечно, не надо, если Вам не хочется. Простите за то, что я Вас заставила прочитать это колоссальное письмо. Я Вам посылаю еще несколько стихотворений, но Вы их прочтете, вероятно, уже завтра. До свиданья...

Москва...

В дальнейшем я получил еще несколько писем. В последнем письме было сказано:

Спасибо за советы и внимание. У меня нету воли и охоты бороться за свое существование — я вышла замуж за того «молодого врача», о котором я Вам писала. Прощайте.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Михаил Михайлович!

Я скоро уезжаю из Ленинграда, но мне не хотелось бы уехать, не увидев Вас живым и настоящим. Бывает такой спортивный интерес. Но, уверяю Вас, я не собираюсь быть навязчивой и надоедать Вам. И вообще можете не относить меня к числу Ваших глубоко сентиментальных поклонниц. Я много проще и хуже. Я самый простой человек, который учится писать. Но, когда я в прошлом году приехала домой, мои литературные товарищи закидали меня вопросами — кого я знаю. И кого я видела. Я назвала несколько имен, в том числе Вас, так как Ваши произведения у нас в большом ходу. Но относительно Вас я солгала, и у меня на душе было удивительно нехорошо. Такое чувство, будто бы я что-то украла.

А в этом году мне уехать, не увидев Вас, очень бы не хотелось. Ну, родной Михаил Михайлович, не откажите мне в этом. Придите в четверг в Михайловский садик. Там у пруда есть мраморная скамейка. Правда, это слишком поэтично звучит для такого прозаика, как Вы, но это единственное место в этом саду, которое имеет отличительные признаки. И если бы Вы в 6 часов были на ней с книгой или газетой, чтобы я могла не ошибиться, я бы на Вас крошечку поглядела издали.

Если вид у Вас будет не очень мрачный, то я бы подошла

к Вам и немножко с Вами поговорила. Мне так хочется это. Михаил Михайлович, ну пожалуйста, сделайте это.

Я могла бы поговорить с Вами по телефону, но, откровенно говоря, это совсем не то. И потом я боюсь, что Вы просто пошлете меня к черту. Почем Вы знаете, как мне хочется Вас увидеть? Решите, что я одна из тех совбарышень, которые наверняка Вам надоедают. Честное слово, я не буду надоедать Вам. Я только немножко посмотрю на Вас и поговорю. Одну чуточку, пять, десять минут. Если Вы решите все-таки не идти или отсрочить мою просьбу, то позвоните по телефону.

Скажите мне об этом. Чтобы не нервничать и не ждать Вас с глупым видом.

Но только прошу Вас не отказывать мне. Если бы Вы знали, как давно и как сильно я хочу Вас увидеть.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Уважаемый Михаил Зощенко.

Считая Вас лучшим юмористом, шлю Вам для оценки свой первый юмористический рассказ. Если годен, то поместите куда-либо, а на нет и спросу нет. Сообщите, если можете, стоит ли мне работать над этим.

ЧУДАК УХАЖИВАЕТ

Юмористический рассказ

Славный парень был этот Чудак... Днем это в лавке околачивался, а вечером тротуары утаптывал.

Хотя работал-то он в бакалейной лавочке, но наружность имел вполне галантерейную...

Хорошую наружность... Его только чуточку портило то, что природа, вместо лица, наградила его рожей. Ну да разве стоит обращать внимание на такие пустяки... И он не обращал.

Тонкое обращение изучил до тонкости. Пардон, мусью, и всякую такую штуку понимал. В старое время успех бы имел несомненный. Ну, а нынче разве понимают тонкое-то обращение? Можно сказать, он из-за этого и в тюрьму-то попал. Вы не верите?.. Так слушайте, я вам сейчас докажу.

Ухаживал за Лелей три недели. Пахло взаимностью. Как-то шли по улице, а на улице лужи. Вздумалось Чудаку деликатность свою показать. Выбрал лужу побольше, вперед забежал и, извиваясь всем телом, руку предложил. Обрадовавшись ейному согласию, взволновался. Схватил только два пальца да дернул. В результате и пальцы ей вывихнул, и в лужу усадил.

Ухаживал за Галей. Успех был гарантирован. Как-то сидели в фойе. Видит Чудак, что мнется она... Деликатно так ей намекнул:

— Что, дескать, с вами, дражайшая?

— Платочек забыла, а насморк, — потупясь ответила Галя.

Сжалился над нею Чудак и свой предложил. Получив ейное согласие, вытащил. Он оказался грязным и пахнул клопами. Соседи фыркнули. Окинув Чудака презрительным взглядом, Галя ушла.

Ухаживал за Дусей. Дело клеилось. Руки целовал уже выше локтя. Стихи погубили. Вздумал он эти стихи написать, да и сравни в них Дусю-то с холмогорской коровой. Обиделась. Объяснял ей потом, что холмогорская корова — корова не простая, а породистая.

Не поняла... И сквозь слезы ответила:

— Я, грит, белую косточку вообще презираю и поэтов также. Катитесь, грит, от меня подальше.

Смущенный рядом неудач, Чудак купил книгу «Искусство нравиться женщинам» и, вычитав в ней, что надо порочить соперников, быстро применил этот совет.

Встретив Зою с седым кавалером, он с пеной у рта стал доказывать ей порочность старческого возраста, призывая ее плюнуть в рожу этого сластолюбца, а так как она не шевелилась, то сделал это за нее сам.

Не дав сказать слова, обвинял, обвинял и обвинял. Собралась толпа.

Почуяв недоброе, Чудак благородно ретировался, то есть пустился наутек.

Седой мужчина оказался... ее папашей.

Нарсудья третьего участка в амурных делах оказался круглым невеждой, книгу «Искусство нравиться женщинам» не читал, счел все за хулиганство и припаял шесть месяцев.

Так печально кончились амурные похождения галантерейного кавалера из бакалейной лавочки.

ПИСЬМО И СТИХИ

Это письмо получено летом 1928 года.

Мне понравилось это скромное и вежливое письмо. И я очень внимательно отнесся к автору. Я прочел его стихи. Указал на все недочеты. И посоветовал ему, как работать в дальнейшем.

Здравствуйте, дорогой Михаил Михайлович!

Уже пятый раз начинаю письмо и все рву. Это происходит от волнения, мысль одна нагоняет другую, сбивает с пути, и получается чушь, нелепость. Явление вполне понятное, я ни разу не писал письма лицам образованным, кроме того к людям, награжденным талантом. Вам с первого взгляда бросится моя малограмотность — это объясняется тем, что я сын крестьянина, при-

ехавший в город учиться и работать, а окончил лишь сельскую школу.

Впрочем, биография моя весьма интересная, но она Вас утомит, и что за интерес Вам слушать то, что будет говорить каждый (это мнение мое), поэтому прошу извинения, и прошу, если есть возможность, дать Ваше мнение об этих стишках. Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству, а может быть, я ничтожный ремесленник, уродующий его. Вам, я думаю, этот вопрос разрешить легче. Прошу не отказать моей просьбе.

Остаюсь верный Вам ученик...

Печатаю несколько его стихотворений:

От зари до темна
У станка я стою,
И из груды хлопка
Вату произвожу.
День мучителен мой,
Пыль столбом там стоит...
А идешь на покой,
Сердце ноет-болит.
Верно счастье мое
Век таким быть должно,
Что в цвету младых лет
Умереть суждено.

* * *

Слышу ль голос твой,
Нежный пламенный —
Сердце вмиг во мне
Заиграет.
В очи карие
Погляжу твои —
Из нутра душа к груди просится.
И легко тогда
С тобой, милая —
Обвить шею мне
Твою хочется.
Как прижму тебя
К сердцу, душенька,
Потечет во мне
Страсть лазурная.
И я все б отдал
За твой нежный взгляд,
За те белы груди-лебеди.

Глаза

И в глаза гляжу,
В глаза карие,

Словно солнце они
Сияют.

И смеются всегда,
Чуть прищуряся,
И зорки — далеки
Те глаза.

То глаза Ильича,
Вождя милого,
Не простые глаза,
А партийные.

Видит он далеко
И любимы они
Словно солнышко;
Лишь буржуи одни
Ненавидят их...

Посмотрю в глаза
На прищуренный взгляд,
И так радостно мне...
И тяжело душе.
Почему тяжело?

...Потому, что их нет,
И лишь сотни таких
Заменили одни
Ильичевы глаза...

ЛЮБОПЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

У меня есть небольшой рассказ-фельетон — «Встреча с Лениным» («Исторический рассказ»). Этим рассказом я пародирую некоторые неудачные воспоминания о В. И. Ленине.

Между прочим, в конце рассказа имеется шуточная фраза: «А некоторые хотят подробности узнать — пущай прямо ко мне обращаются».

Нашелся человек, который обратился прямо ко мне.

Письмо написано на «казенной» бумаге.

Служебная записка

17 июня м-ца 1926 г.

Уважаемый товарищ Мих. Зощенко!

Прочтя Ваш прекрасный рассказик «Исторический рассказ», я получил большое удовольствие.

Рассказано все прекрасно. В конце рассказа Вы говорите, кто хочет узнать подробности, тот пусть прямо к Вам обращается, и вот я, как человек любопытный, попросил бы Вас затрудниться и ответить мне все подробно.

С коммунистическим приветом...

О ЧЕМ ПЕЛ СОЛОВЕЙ

Уважаемый тов. Зощенко!

Не откажите разрешить спор, возникший по поводу выпущенной Вами книги под заглавием «О чем пел соловей».

В предисловии к этой книге Вы упоминаете, что Вы только воспользовались трудами пожелавшего остаться в тени гр-на (фамилии не припомню). Как несколько знакомый с В/манерой писать, я утверждаю, что этот гражданин — личность вымышленная и фактически несуществующая, а вся книга вместе с предисловием написана Вами единолично.

На этой почве и произошел спор, который может быть разрешен только Вами, почему и обращаюсь к Вам с просьбой, в которой прошу не отказать.

На ответ прилагаю марки.

Ответить прошу по следующему адресу: г. Кокчетав...

С товарищеским приветом В. Ш.

К сожалению, на это письмо мне не пришлось ответить. Письмо было адресовано в Москву, там долго валялось, потом было послано в Ленинград. В Ленинграде письмо чуть не полгода пролежало на старой моей квартире.

И мне просто было неловко отвечать через такой большой промежуток.

Во всяком случае сообщаю: автор письма прав. Книга написана мною «единолично».

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВ

3 марта 1929

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович, передо мной лежит томик Ваших произведений, который я снимаю с полки всегда, когда мне бесконечно грустно, это мое лекарство.

В кратких описаниях чудесно восстают четкие фигуры в их повседневной жизни, великой, таинственной и важной в мелких людских побуждениях, как и в больших человеческих деяниях.

В дышащем рельефе лиц Ваших рассказов я чувствую всю глубину проникновения автора и вижу, кроме острой и занимательной сатиры, трогательную жалость и доброту к изображаемым людям.

Ночь, я одна, часы бьют двенадцать, и этот звук, разрезывающий тишину, заставляет почему-то меня затрепетать.

Сегодня мне грустно... Вновь воцарившаяся тишина кажется еще более глубокой, и меня окружают виденья прошлого, вставшего сейчас передо мной и превратившего мелкие движения и факты моей повседневной жизни в преступления против ближнего, и мне хочется поделиться размышлениями о том, как не-

заметные, казалось бы, ничтожные и неважные решения приводят часто к огромным, иногда фатальным и даже трагическим последствиям, и как надо суметь бережно относиться к чужим переживаниям и к словам тех, кто обращается к нам, часто скрывая сочащиеся раны под обыденной манерой речи.

Со страницы томика Ваших произведений смотрит прекрасное лицо с задумчивыми глазами, и я решаюсь набросать Вам сейчас несколько страниц о, в сущности, обыденных происшествиях моей жизни, которые в эту ночь особенно тревожат меня.

Я пишу Вам, кому дано лучше нас расшифровывать движения человеческой души; сама же я силюсь понять и не могу дать себе отчета, от меня ли зависело изменить данные события или же все до мелких деталей фатально предназначено в нашей жизни ее Великим Режиссером...

Далее на 34 страницах развертываются события из жизни автора этого письма.

Автор письма описывает все смерти, которые лежат на ее совести.

Несмотря на большие литературные достоинства этого письма, я не нашел возможным печатать его полностью, так как почти все эпизоды взяты из прошлой, старинной жизни и по этой причине не представляют большого интереса для современного читателя.

Кроме того, письмо проникнуто верой в судьбу, в рок. А я не слишком-то верю в «фатальное предназначение». Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов.

Однако, повторяю: письмо очень любопытное, и, если б не длинноты и мистика, я бы его напечатал до конца.

Во всяком случае, я признателен автору за столь приличные слова обо мне.

СТИХИ ИЗ НОЧЛЕЖНОГО ДОМА

Осенью двадцать восьмого года я получил через редакцию газеты тетрадку стихов. На тетрадке указаны фамилия автора и адрес — ночлежный дом.

Стихи были слабоваты и неграмотны, но несколько стихотворений были не так уж плохи. Хотя, конечно, печатать их было нельзя.

Об этом я написал автору и просил его зайти ко мне взять тетрадку. Однако, за тетрадкой автор не пришел.

Через два-три месяца, разбирая свои бумаги, я снова натолкнулся на эту тетрадь. И снова послал автору заказное письмо с просьбой зайти ко мне, если ему нужна какая-нибудь помощь.

Однако, письмо вернулось нераспечатанным. На конверте было написано: «Выбыл, не дав сведений».

Вот два стихотворения из этой тетради:

К молодым стихотворцам и писателям «Гопа»

Пусть первые стихи и слабоваты
И, может быть, нет рифмы, красоты,
Не падайте же духом вы, ребята,
И снова напишите-ка стихи.

Ведь для того, чтобы вышли вы в поэты,
Тернистый путь борьбы нужно пройти.
Тогда только внимания за это
Среди читателей вы можете найти.

Наш пионер, писатель Максим Горький,
Он так же жил, как мы сейчас живем,
Ночевал он много и на гопе,
И долго о нем память не умрет.

Пусть первые стихи и некрасивы,
Возможно, и в журнал не поместят.
Не будь горяч! Не будь очень спесивый,
А что полегче начинай писать.

Я сбился с дороги
(На мотив — «За что он полюбил меня»)

Давно ль я жил в семье родной
И жизнью мог быть доволен,
Теперь избрал я путь другой,
Неверный путь и самовольный.

Я в жизни счастия искал
И очутился в Ленинграде.
Расплатный час теперь настал,
Ночлежный дом вместо награды.

В ночлежном доме я живу,
Душой и сердцем изнываю
И жизнь печальную влачу,
Как выйти в люди сам не знаю.

Порой кусают меня вши,
Порой ложуся спать голодный.
Где ж вы, презренные гроши?
Найду ли в жизни путь свободный?

Ночлежный дом, ты школа жизни,
Ты отираешь нам бока,
Не попадайте в него извне,
А то сочтут за чудака.

Настанет утро, с ним заботы,
Как трудно мне на свете жить,
Давно уже я без работы,
А ведь хотится есть и пить.

И тут же мысли возникают:
«А не пойти ли воровать?»
В конце концов в тюрьму сажают
И срок пришлося отбывать.

Срок отбыл, опять ночлежка,
Как тяжело все вспоминать.
С покинул я родимый край,
Своих родителей оставил,
И городскую жизнь познал,
Страдать себя этим заставил.

Судьба, судьба, ты так коварна,
Ты насмеялась надо мной.
До слез обидно и досадно,
Что несчастный я такой.

Фамилия автора — Аверкин, Яков.

И теперь прошу лиц, знающих его, сообщить мне его адрес. Или же передать автору лично, что у меня лежат для него деньги за эти напечатанные стихи.

Писать мне — в Ленинград. Главный почтамт. До востребования.

КОЛЬКА

Многоуважаемый Зощенко!

Ваши рассказы меня увлекают. Под их впечатлением я стал писать рассказы. Темы беру исключительно из жизни. Чувствую, что сюжет рассказов бледный, лексикон слов небогат, хотя пишу быстро, сразу за один присест. Когда переписываешь, многое выбрасываешь, изменяешь, выжимаешь и т. п.

Очень был бы Вами благодарен, если Вы дали мне характеристику и совет, что стоит ли мне продолжать писать. Рассказы свои никому не посылал. Товарищи натолкнули на мысль.

— Пиши, — говорят, — Зощенке, он мужик хороший — совет даст.

Таким образом, я решился черкнуть Вам и послать шесть пока рассказов. Есть у меня еще с дюжинку. Но об этом после. Сейчас только остается просить Вас еще вот что: будьте любезны, пришлите мне рассказы обратно. Мой адрес будет такой: г. Алатырь, пом. машиниста...

Простите за мою неграмотность и нахальство просить Вас переслать рассказы и не послать деньги на перевод. Но принимая во внимание (так всегда пишут в официальных бумагах) то, что я Вас этим не ограблю, надеюсь, не будет оскорбительно для Вас мое нахальство.

Остаюсь в ожидании Вашего ответа Колька.

Рассказы у него были неплохие, но грубоватые. Вообще я похвалил его. Указал недостатки. Он прислал мне восторженное письмо, говоря, что я этим поднял его на большую высоту и что он будет продолжать это благородное литературное дело. Под вторым письмом стояла подпись уже не «Колька», а «Николай Максимович Максимов»...

ВИРШИ

Дорогой Миша Зощенко!

При этом письме прилагаю Вашу книжку «Кризис». Что Вам нужно с ней сделать — это Вам будет видно, если Вы не поленитесь прочитать эти стихи.

В это самое мгновенье
Осенило вдохновенье —
И для Зощенки для Миши
Сочиняю эти вирши.
Над совершенством моей Музы
Не трудились наши вузы —
Не высокого полета
И недостойна «Бегемота».
Вообще сидеть бы ей в тиши
И не писать бы вовсе вирши.
Но настал, как видно, кризис —
Я прочла недавно «Кризис»
И при чтеньи этой книжки
Надорвала себе кишки.
И теперь вот за леченье
Неописуемых мучений
(Не боясь, что это — риск)
Предъявляю Вам я иск:
Заплатите-ка мне штраф,
Написав свой автограф.

ПОДРОСТОК

Уважаемый Михаил Михайлович.

Давно я хотел Вам написать письмо, но из-за того, что я не знал, где Вы живете, я не мог этого сделать. Наконец, я решил

написать письмо в «Правду», в каковом я просил сообщить мне Ваш адрес. Через некоторое время я получил ответное письмо с Вашим адресом, и теперь имею возможность написать Вам то, что меня волнует...

У нас Вы хорошо известны, как талантливый писатель-юморист, и даже мы, школьники, с большим вниманием и удовольствием читаем Ваши рассказы. Но дело не в этом.

Я никак не могу понять, чтобы нам, школьникам, запретили читать Ваши книги. В нашей городской библиотеке я узнал, что есть несколько Ваших книг и однажды попросил одну из них («Уважаемые граждане»).

— Нет, — ответила библиотекарша, — я вам не могу дать эту книгу... Вам вообще не рекомендуется читать книги Зощенко, потому что вы еще подросток...

Я очень удивился и решил об этом спросить заведующего библиотекой. Но заведующий не мог разрешить этот вопрос, и мне, таким образом, до сего дня осталось непонятным, почему Вас нельзя читать. В юмористических журналах (напр. «Чудаке») я прочел много Ваших рассказов. Но мне хотелось бы прочесть хотя бы одну из Ваших книг, и поэтому, если для Вас не трудно, вышлите мне по почте Вашу книгу «Уважаемые граждане». Я бы ее купил здесь в городе, но она не для моего кармана — дорога очень.

Я также прошу Вас ответить мне на это письмо и разрешить волнующий меня вопрос. Буду рад и счастлив, если получу от Вас письмо и книгу. Вы только простите за некоторые небрежности.

Ну вот и все, что я хотел написать Вам. Будьте здоровы. Желаю Вам наилучших успехов в дальнейшей писательской деятельности.

С сердечным приветом.

Ваш читатель...

Пишите. Жду с нетерпением.

ПЛОХАЯ МОЛОДОСТЬ

17 января 1929 года

Дорогой Зощенко!

Прошу Вас о большом одолжении — прочитайте эти мои стихи и дайте мне совет, стоит ли мне работать.

Я, конечно, знаю, что Вы не поэт и стихов не пишете, но я, право, не знаю, к кому мне обратиться. И кроме того, я думаю, что Вы правильно оцените мои произведения.

Я должна сказать: мне 16 лет, я недавно кончила школу и решительно не знаю, что делать. Кроме стихов, я ничего не люблю, и никакая профессия меня не прельщает. Посоветуйте, что мне делать. Могут ли в дальнейшем мои стихи дать мне заработок? Или мне лучше поступить в какой-нибудь вуз?

Пожалуйста, ответьте мне.

А главное — оцените мои стихи. Я понимаю, что стихи мои слабы и детские, но, может быть, вы что-нибудь найдете.

С нетерпением жду Вашего ответа и своей судьбы.

Нина Д...

Небо осеннее хмурится,
Плачут гудки, замирая,
Движется, движется улица —
Мать ты моя дорогая.

Улица, улица...
Я без тебя намаялась,
Снова к тебе потянулась,
Будто бы дочь раскаялась,
К матке своей вернулась...
Что ж, принимай!

Мне без тебя не жить...
В ритмах своих закачай,
Горе мое усыпляй
Пестрым мельканием лиц...
Дай позабыть...

* * *

Средь всяких грез, тщеславием богатых,
Я ловлю сейчас мечту одну:
Я хотела б быть большущим псом лохматым
И сидеть и выть бы на луну.

На луну обрывки тучек набегают,
Ветер сильный из залива воду мчит,
В такт со мной гармошка подвывает,
От окошек в луже свет блестит,

Ругань чья-то льется густо, смачно...
Я сижу и слушаю свой вой,
Вою тупо, глухо, жадно, мрачно
Под животною отчаянной тоской...

Где-то поезда гудок заплакал,
Тянет, тянет за собою вдаль...
Завывай, заблудшая собака,
Поверяй луне свою печаль.

...Будем жить мы грошовым уроком,
В воскресенье в киношку ходить,
И потянется строчка за строчкой
Нудной жизни угрюмая нить.

Там, глядишь, мы уж вставили зубы,
Скоро станем, родная, стареть,

Будем брови чернить, мазать губы
И романсики страстные петь.

Жизнь-то злая нас все ж пожалела:
Сбылся наш стародевичий сон,
И прекрасней всего света бела
Появляется дусинька — «он».

Будут страсти, кино, пиво, грезы,
Будет ревность, бульвары, мечты,
Алименты, гитара и слезы
И у каждой флакон кислоты.

Но умчится шпаненок крылатый —
Тот, чье громкое имя — любовь,
Съединёны растущей квартплатой
Мы с тобою подружимся вновь.

И появятся кошки, герани,
Кофе, сплетни, кастрюльки, жильцы,
Будем бегать мы в церковь поране,
Воровать для «буржуйки» торцы.

Ожиреем, как свиньи, друг милый,
Целый день кофеек будем пить,
И растущие юные силы
Будем нашей моралью душить.

Там денечек кончины настанет,
С чистым сердцем помрем я и ты,
И никто-то из нас не вспомянет
Про далекие детства мечты.

Это очень неплохие стихи. Правда, они не совсем самостоятельны, но ведь автору только 16 лет. Даже Пушкин не был в 16 лет абсолютно хорошим поэтом.

Конечно, я небольшой знаток стихов (могу сознаться под конец книжки), но считаю и уверен, что автор впоследствии будет отличным поэтом.

Я просил у автора согласия объявить фамилию, однако разрешения на это не получил.

Это подтвердило мое мнение и мою оценку — это скромность подлинного поэта.

Очень хорошие стихи!

ГРУСТНАЯ ЖИЗНЬ

В двадцать восьмом году я работал в одном из юмористических журналов под псевдонимом Гаврилыч.

Письма на этот псевдоним были, по большей части, шуточные

и не стоящие внимания. Но одно письмо представляет, несомненно, большой интерес.

Я печатаю это письмо полностью и без исправлений. Мною только расставлены знаки препинания — их в письме (кроме тире) вовсе не было.

Автору письма 23 года.

18 мая, пятница, 1928 года

Здравствуйте. Слушайте, Гаврилыч, голубчик, я хочу Вам кое-что сказать. Помните, вы писали, что весна — это чепуха, ложь, нет, Гаврилыч, весна, солнце — это жизнь. Гаврилыч, вам много пишут писем — вам много говорят, но то, что я хочу сказать, будет не меньше.

Во-первых, мне тяжело, во-вторых, мне было тяжело, в-третьих — мне будет еще тяжелее, если так будет продолжаться дело. Здесь, само собой разумеется, я плачу — нельзя не упустить такой минуты, надо порисоваться — человеку свойственно фиглярство. Я плачу, Гаврилыч, ах, как тяжело.

Но чтобы вам яснее было, я расскажу о себе: дочь крестьянина, сначала зажиточного, теперь нет, училась — семилетка. Так. Страшная обжора, которая каждое движение мысли определяла: надо поесть. Сидячая, читала много романов, пустых, Дюма и т. д. То целыми днями сидела за книгой, то срывалась в работу в деревню — страшная переоценка.

Не имея мускулов груди и живота, я при помощи ног бегала верст по 14 в день — работала. При таком образе жизни тоска была незапиваемая, как я ни пила чаю — и еды, чтобы заесть, желудок такой же, как у свиньи, дыхание ртом, телом развалина, лицо — немного симпатичное, зубов — ни одного.

Утомляя себя днем, вечером я не могла уснуть, чего-то хотелось. Если бы кто сказал, что легкие особенно просят для себя пищи — не поверила бы. И так дожила я лет до девятнадцати. Потом мне стали приходить мысли о физкультуре. Здесь я попадаю в обстановку неблагоприятную: конюшня и помойка. Здесь же живу, не понимаю, что где нет солнца — много бактерий. Я делаюсь боязливой от этого. Мне же кажется: я боюсь идти на улицу. До девятнадцати лет я была в Туле.

Починив зубы и сознав, что я калека, — решаюсь кончить жизнь, но не хватает совсем безумия — живу и, приехав в Москву, начинаю ходить разувши. А так как ходить я не умела, а идти такой слабой по улице спокойно — страшно, я бегала. Живот и грудь приводили всех в смущение — кто она? Спортсменка, решали некоторые.

Стала заниматься физкультурой. От конюшни не уйдешь — нельзя, приедут братья, а кто дома? Я ходила по двору. «Сумасшедшая», решили все. Долго я мучилась, но, наконец, я нашла

способ — чтобы дать легким кислород, нужно делать физкультуру, но только животную, а именно — валяться.

Но здесь опять слезы, это, в конце концов, неважно.

Сначала я валялась дома, потом мне пришло в голову — ведь здесь нет солнца. На дворе. Но у нас и кооператив, и мальчишки, которые просто боялись меня, — это хорошо. Но старшие видели во мне похотницу — да, валяться при всех неосторожно, животное — и то не при всяком-то это будет делать. Теперь дальше. Мне тяжело стирать, мыть полы. Наши же смотрят: она лентяйка, строит юродивую — жиреет, замуж надо, разве девка долго может сохраниться — замуж.

А там что — тоже. Идти замуж, не имея в мысли создать здоровое потомство, — лучше не надо. И в то же время — ведь мы живем, чтобы существовать. Но когда я иду гулять, мне говорят: думаешь только о себе — благодаря тому, что я была ниже среднего человека, который знает мерку — завтрак, обед, ужин. Я даже не понимала, что костюм — защитная окраска организма. Я надевала что придется. Теперь я сознаю это, но мне хочется сделать мое тело упругим, а тогда костюм. Но как же это? Надо организму быть в движении. Встав на рассвете — валяться, ходить, — устанешь — основательно поваляйся, опять ходи. Здесь, в Москве, идти куда-то в три, в четыре часа — куда? Хожу по улицам. Одна. В чулках (в башмаках вредно). Щенок — «Эй, гражданка, куда?» — Я не знаю, что сказать. Объясняю: «Доктор велел». Пусть бы так, но меня это раздражает. Когда я вижу человека с бельмом, я говорю: «Одна часть легких не в порядке. Ах, ему бы валяться!» Но сама — ходить. Зачем? И в то же время, когда я валюсь, мою мысль не оставляет: «Вот Шурка идет». И я рисую фигуру с новыми, энергичными чертами лица, с выпуклой грудной клеткой, крепкими мышцами груди, с почти полным отсутствием желудка, талия, широкие бедра, мышцы живота, маленькая ножка — и все это я могу достигнуть, стоит только захотеть, но вот именно — есть желание спать и спать. Я пробовала. Проводила такие дни и как я была довольна! Я благодарна, но вот горе: неправильные условия создали такие уродливые понятия, и хотя я говорю: полезно ходить, но сама сижу — вот пишу. И долго я не хотела сознаться, что у меня такие понятия, и только к двадцати двум годам я сознала. И какой же слабой я себя увидела! Какими же слабыми показались мне черты лица! Что делать? Подруг у меня нет. Была одна, которая думала о своей пользе, но потом мы расстались. Напишу ей письмо, как она себя чувствует.

Ну и вот, Гаврилыч, запала мысль мне в голову — помолодеть, почувствовать себя в крепком теле — ведь даже в шестнадцать лет, когда грудь моя наливалась, желудок и живот, и лопатки — все было слабо, и легкие, и сердце, и все. И думаю я иногда: если ложь,

что если человек за день будет меньше терять, а больше приобретать, то долго будет молодым, я жить такой клячей не стану. Но... дни идут. Жить так, чтобы весь день ходить под солнцем и отдыхать, не приходится. Иногда потому, что люди мешают, иногда свои понятия — и человек старится. Знаете, Гаврилыч, это ужасно сознавать...

До 22 года у меня были желания — найти человека. Но, когда я говорила с «ним», я сказала ему, что я ищу не страстью опьяненного любовника, но человека. И когда он ушел, я скучала и думала, что не хватает человека. А Шурке не хватало солнца и кислороду. Теперь я это сознаю, но вместо того, чтобы встать утром в четыре часа, я сплю до восьми часов. Желала бы я, Гаврилыч, теперь испробовать, как живет человек в здоровых условиях. Но не придется мне, Гаврилыч. Здоров может быть каждый, независимо от климата. Если вы не знаете этого, попробуйте: встав от сна, валяйтесь. И вы почувствуете, Гаврилыч, сколько силы у вас и вместе с тем — сколько веры. Вам, Гаврилыч, это особенно нужно. Судя по тону ваших речей, вы человек невинный, вы не знаете, что когда мы сидим или кушаем, что и какие мысли в голове. Многое вы не знаете.

Уже вечер — начала днем, кончаю вечером. Встану ли завтра я в четыре часа — не знаю.

Еще вот что, Гаврилыч, — у меня есть дневник, и интересен он потому, что не скрывала я самых черных мыслей и дел. Голубчик: посоветуйте мне его разорвать. Он дорог мне, как дневник. Ну, дорого только то, как рос организм в нездоровых условиях и как он боролся и не мог с ними, но не могу я его разорвать. Никаких там гонораров мне не нужно, но ведь в этот век, век бумаги, пишут и читают все. Если интересно, я могу перебросить его вам. А если это не стоит, ничего не пишите мне.

Сосу конфеты по копейке, фруктовые, и думаю: завтра встать и ходить со щенком. Я не сплю теперь днем, а он глупый, не понимает — возьмет ляжет, слушается, а потом лежит без движения и уснет. И как я ни валяю Чарли, он не просыпается — бедное маленькое животное, мне жаль его, хоть бы прибор такой придумать, чтобы он не спал!

Нет, не могу.

Гаврилыч, не обращайте внимания на грязь — это от воды брызги. Можете не писать мне — хотя я не знаю, попадет ли письмо вам в руки. Дождусь воскресенья, почитаю ваших речей, Гаврилыч.

Если смотреть на человека, как на продукт условий — то есть сна, пищи и, главное, провождения дня, то незавидные условия пишут вам — мало солнца в них, но все в них гнило. Ах, Гаврилыч, если бы мне пожить в таких условиях, но не могу я. Если дадут вам отдых на месяц, то пользуйтесь им, как я говорю, а там увидите, каковы результаты.

Пока все. До субботы. Спокойной ночи.

Человек, который пишет, значит, сидит много и этим близок мне по условиям провождения дня.

19-го, суббота

Встала, ходила, сидела, лежала, все-таки жила. Была под солнцем, загар. Ах, ноги ноют! Но если бы завтра так. А в лесу лежать я боюсь — жутко, чуть сегодня не искусилась. О, Гаврилыч, я верю, что вы сочувствуете мне, если поняли.

Спокойной ночи, человек, который много истратил в жизни — то есть пожилой. Я так думаю о вас, но ведь и я — «пожилая», а это ничему не мешает.

20 мая, воскресенье

Ах, Гаврилыч, что я переживаю. Кошмар. Я уничтожила переоценку мускулов ног, при помощи которых я бегала, я стала тихо ходить. Но сегодня, в воскресенье, я поздно встала, в девять часов, я думала — лучше так, но как я ошиблась. Я и так тихо ходила, а теперь этой спячкой и вчерашним сидением в цирюльне я ослабила их — и я хожу так неуверенно. А люди думают — я их боюсь, и им так неприятно смотреть, я это чувствую. И в то же время, если ходить — то я не пропала. Но если я останусь дома сидеть, я буду еще слабее.

Ах, уйти, уйти в лес — пусть там бродяги, порочные люди, но они не так осудят меня и не так страшно будет мне на солнце.

Ну, читаю ваш журнал, ваши слова. Идут пионеры, все чистенькие, хоть они и не так идут и не развиты, но они стремятся к чему-то, к новой жизни. А я лежу в сарае, вернее, встала и смотрю. Слезы, мне скучно, Гаврилыч, и вас нет в журналах, почему?

Идти одной, щенок спит, ах, Гаврилыч, это скучно, скучно!

Сестра уезжает в Тулу, я одна буду стирать, стряпать. Гуляю с Чарли. Дома пью, ем, лежу тихо, слезы. Валяться бы надо, но я не могу. Я сегодня говорила с одной деткой, ей шестнадцать лет, она тоже не знает, как жить. Здоровье потеряно в науке — и в то же время не совсем калека, как я, например.

Гаврилыч, почему вы не писали в № 21? Мне приходит в голову — отчего ты пишешь? В чем имеешь нужду? В деньгах? В климате? В чем же тогда? В понятиях, то есть в советах? А разве словами переделаешь твои понятия? Нет, создавай себе условия, меньше сиди, пиши и читай, меньше спи.

Ну, ладно, пусть не напишет письмо Гаврилыч, все-таки отрадно сознавать, что далеко, далеко живет Гаврилыч и что он слушает Шурку, хотя так много говорить очень вредно.

Пишу адрес — в ожидании ответа я буду больше ходить, а собака моя спит. Говорю: не спи. Машет хвостом — дескать, я сама понимаю, не тронь. Бедное животное!

Шурка.

СТИХИ, НЕСОЗВУЧНЫЕ ЭПОХЕ

Посвящается М. Зощенко

Быть может, я беден снаружи, —
Но сам я, как Бог и Царь,
И сонмы неземных оружий
Хранят мой престол и алтарь.
И тех, кого полюблю я, —
Заключу я в оковы темниц, —
И за восторг поцелуя, —
В пурпур и гордость цариц.

Но тот, кто в меня верит,
Должен пойти за мной,
И ему откроются двери
Для жизни иной.

Г.

Душа, верните этот подлинник.
Понимаете, захотел написать для Вас.

ЗАДУШЕВНАЯ ПЕРЕПИСКА

Однажды пришло письмо из Киева. В одном конверте было два листочка. Пишут две подружки. Письмо разукрашено цветочками и сердцем, пронзенным стрелой.

Вот это письмо:

Август 1930

Товарищу Зошченко.

Звините што я пишу до Вас. Я неписала бы до вас письма бо я есьт простой чиловек, а Вы есьт чиловек нетолька што нипростой а даже чиловек висщий лытературы, а Все ж таки я сила и пишу До Вас. Дужи много я про Вас наслухалась, а що билше я Вас начиталася. Дужи харошо Вы розписуите усяки случай изжізни чиловеческой.

Ищо напишу про сваю жісьть. Я служу у домашьних работницях у Кайиве жість нелехкая потому-што я есьт пралитарский чиловек и нет у меня ничого и никого, а толькы одна людина ридна брат мой. Он служить робочим и в ниго своя симя.

И прошу я Вас Товариш Зошченко напишите нам как Вы животе и напишите напамят, пісни а мы будемо их виспивувути и згадувати Вас. А мы Вам отпишим наши пісни какие ни скочите.

Мы Вас дужи палюбили и хочимо з Вами рознакомитца хоч на писмах. Пришлите карточку Вашу нам наспоминь и мы сваи пришлем. Звиняйте за писмо, емеете сожаления до нашого чувствия.

Жду писма как соловейко лета красного. Поклон Ваший Мамаше.

Катря...

Писмо писано увечери ішеснощотого августа 19030 году.

Любий Михайло Зощенко.

Дуже звиняюсь що турбую вас. Мине сказали шо вам можна писати. Ото де килька развів у нас у клубі расказувели ваши розказув ой і смишно було. Ми із Катькою надумали писати. Ми хочемо по бачите вас який ви чи такий. Чиво вы до нас не приездити? В нас дуже хорошо много кранормеицців і міліцінерів грает музика що вечера. Учора прочитала оповидания про що пел соловіі і биваєт таке за комода счасте потераеца. В нас жизнь ничиво себе тольки хліба мало. Ми ходим у гімназію до ніверсету вчиця.

Приижаите товарищ Зощенко. Пішіт до нас про себе. Ми будимо читати ваші книжки як що достанемо.

Коли напишите пісмо напишіті конверті адресу Киев...

До побачения остаюся Нина.

Я, конечно, ответил на эти удивительно милые письма. При всей неграмотности и ужасной наивности от них веет какой-то необычайной чистотой и прелестью.

Переписка завязалась.

Следующее письмо опять было разукрашено цветочками и птичками.

Уважаемый товаришу Зощенко.

Как бы Вы знали как мы зрадили коли получили од Вас писмо. Ми із Нинкою спивали вдвох з радості как усе одно соловейкі у гаю. И я знала ото Вы з нас нинасмиетеся и окажете униманя по мере сил своих. И как мы рады то мы і сказать ни можем. Типер якбы нам мати Вашу карточку то мыб сидели співали и дожидали коли мы зустрінемся із Вами. Мы пидем зниматця на картачку і Вам одправим картачку.

Товарищ Зощенко а чі Вы Знакомые из Чехавым. Вин теж книжки пишить. Я узяла читати соби чехава так и его написано смишно и интересна. А у вас нам ще більше подобаетця. Я читала у чехова про сапожника як вин продав душу чорту так и я подумала што краще прожить вильно и дыхати як тоби схочется и любити як тоби схочется. Яе наикраще у жизни слобода товарищу Зощенко. Или тилки жалько робитця коли што я родилася у прастому семействе и через це уся моя жисть нещасная. А як би я була людиною не простою я бы ни так жила на цим свите. Товаришу Зощенко пришлите мені книжку з Вашими расказами и Отоб там було писано про таких людей як мы з Нинкою. А я радилася коло Киеву у сели Гнидын. А у Киеви дуже гарно приезжайте побачите. Пришлите мени писмецо на Нинкин адрест бо у мени хазяйка уредна хто зна яка і листи розкриваеть.

А типер до свиданя товаришу Зощенко и батаю Вам усего кращого.

Катря.

Писмо з Киева.

Драстуйте Михайло Михайлович.

Я іздила до дому и тілько учора приіхала знаішла вашого писма. Воно дуже долго лежало пока я була у дома. Ми були таки радиі што ви нам написали шо и гулят не піишли а все сиділи і про вас розговарювали. Як шо пришлете книжку будемо дужі вдячні. Ми силно любимо читати усякі книжки, я отчитала книжку як кохалиса красноармеец із туркенею, дуже інтересно — така вже наша доля, женоча. Ото коли почетаеш трохи то единственне вдовольствие у нашей жисті ще любимо ми ходити у кіно дуже це ентиресно показуеця у кіні у тіятері теж були дуже воно там дилікатно усе всі у якіхтос вбранях чудних жінки маіжи голі, а чоловіки у сподницях, і все співают і коли плачуть спивають і коли вмирают і де то так люди живут мабуть горя не знають. Преіжайти у Киів тут дуже добре із голоду не помроте, усе можна купити як есть гроши, хоч Вам із вашою делікаціею і невдобно на базар ходити та якось вже увстроітіс.

Пішіте нам ще, пішіте міні на той самий адрис Киів...

Ждемо книжок карточек та вас самих як ми і з Каткою знимемось удвох на патрете пришлемо вам на спомін.

До побачения остаюся Нина...

Я послал карточку и книжку своим землячкам. Повторяю: при всей их ужасающей дремучести я вижу в них прекрасное сердце, настоящий чистый голос и ту прелестную женственность, которая почти потеряна у наших «интеллигентских» женщин.

Вот следующие письма.

Драстуте товарищ Зощенко.

Даждалиса ми Ваших карточек. Велика Вам подяка за те що сполнюете наши мичты. Мы були такие радые поглядетця на Вас, який Вы есть веселый чиловек и дуже Вы душевный видать чиловек. Оце нам радость велика из Ваших патретив. Ищо хачу написать Вам писню на спомін.

Ой та під грушою під зеленою
Там зустриласа пара голубив
Де ни узявся орел из хмары злетів
Разбив розраяв пару голубив.
Голубя убив голубку зловив
Тай узяв пид полу приніс до дому.
Насыпав пшинца аж поколінца
Наливав водиці аж по криліці.
Голубка не ист. Голубка не пье
Та все под грушу плакати іде.

Голубка моя сизокрилая
Чому ж ти смутна не веселая
Ой як же мені веселой бути
Кого любила треба забути.
Ой у мене есть сім пара голубив
Лети выбирай кращий буде теий
Ой вже летала вже вибирала
Нема кращого як я втеряла.

Оцю писню ми з Ниною удвох співаємо и дуже вона нас у жалість кидае. Напишите чи Вам подобаетця ця писня.

Досвидания. Пишите скорище.

Катря.

Драствуйте Михайло Михайлович.

Дужи ми Вам б лагодарствени за ваши карточки, дужи вони нам подобаюця. Мы вже снялися на партрет и пришлемо вам. Коли це ви приідете. Ми іздили працювати на бураки на село. У мене е один знайомий красноармеец він дуже добре пише стихи я вам напишу одну пісню шо вин написав мені а ви напешіть чи вам подобаеця.

Уж давно еще девочкой
Вас я узнал и с тех пор
Вдарило сильно в упор
И душу готов я отдать.
Песнь я петь не умею
Но и писать не могу
Но и полюбить навряд сумею
Девочку милу другу...

Вин ще богато пише стіхів. Напішите коли вы приідете. Спасіба вам за пожелания дуже вони нас втишіли. Я ваш партрет повесю на стінку.

Пішіть ще нам.

До свидане остаюся Нина.

Посылаемо карточки.

Пришліт нам книжку вашу.

В одном из писем я получил фотографическую карточку. Обе подружки снялись вместе, обнявшись.

На карточке надпись: «Міхаилу Зощенко від ево землячок на памнять. Катря и Нина».

Переписка продолжается.

ПОЕТ И ПИШЕТ

23 октября 1930

Здравствуйте, Мих. Мих. Зощенко.

Как здравствует лучший из юмористов, мною обожаемый?

Прошу большое извенение, что побеспокою ваши глоза с умным выражением. Надеюсь, они в очках.

Не делайте удивленного лица, не надо, не удивляйтесь, что прошу так просто, я не училась в гимназии и правела не знаю. Я хотя живу в СССР., но ваша поклонеца, т. е. рассказов ваших, веселых и простых слов. Правда, теперишнюю поэзию я презираю и не навижу слог, хотя напр. Мояковского — не в рифму, но ваши обожаю и читаю с большим интересом, хотя у ваших рассказов много слов, как сказать, вульгарных, но теперешняя молодежь это любит. Я, конечно не имею права писать, что плохо, что хорошо, но ничего, извените. Но увы, мое не счастье у нас в г. Сталино мало книжных магазинов и я не могу достать ваши книги библиотека у нас нищенская хорошего нет если хотишь познакомиться хорошо с литературой то нельзя. Но с большими трудами достала ваши 2-ое книг «Над кем смеетесь» и «Уважаемые граждане». Четая эти книги я убедилась, хотя вы человек и нервный но сдоброй душой.

Я незнаю почему пишу вам письмо не испытываю ни какого страха, не смотря что пишу известности поэту юмаристу Зощенко и пишу так смело как будто пишу брату, но когда я писала Горькому я боялась испытывала страх. Я посылала ему нелепые расказишки он их похвалил. Не думайте, что я хвалюсь. Горькой писал мне, что нужно заняться литературой серьезно. Тогда я не знала ваши произведения и когда прочла ваши — «Баню», «Арестократку» — бросила всю эту скучную поэзию. Вы преставить не можете как мне нравится ваш язык, ваши восклицания — «Вот, братцы мои». — Но беда в том, что вас я не где не видала ни фотографии, ни рисунка но ничего как не билась и не могла, чего вашего портрета нет в ваших книгах. Простите за нагальство, что взяв на себя прошу выслать мне хотя заволящий ваш портрет. Вы скажете: «Сколько их и каждая по портретику. Ого сколько!» — Но хотя не фотографию так не счите за трут взять ножницы и вырезать из журнала хотя. Умоляю хочу видеть, с гораю от нетепрения не ужели вы такой веселый и интересный как ваши рассказы. Но не думайте, что я как лиса выманиваю сыр у вороны — нет просто я вас представляю толстеньким, в средний рост фигурой, с чорной вьющейся с проседью шапкой волос с голубыми вечно смеющимися глазами и вообще с добрым нежным лицом. Наверно вашей супруге весело с вами — вечно шутите. Простите за нелепое письмо но я молода и поделится мне не с кем, хотя Горькой и писал мне, что нужно серьезно заняться литературой. Он мне преслал рассказы которые счел нужным для меня. Я послала блогодорение, но их книги положила они не имеют веселья, а ваши веселы. И поэтому я стала писать маленькие рассказики на вашу тему. Меня среди моих друзей, которые очень

вами увлечены, называют — подражатель Зощенко. Но дайте совет, что мне делать я обладаю хорошим голосом и учусь на курсах у нас в техникуме, которым очень мой голос нравится и дают путевку в консерваторюю. Но что мне делать? Кто даст совет. Быть мне поэтом или актрисой и я решила вам написать, как вы человек боле знающий. И то и другое мне нравится, но чем занятся серьезно не знаю. Пока и то и другое — и пою и пишу, но нужно чем то одним. Горькой мне иногда присылает тему и я должна ее обработать и ему послать, но не могу — сижу над ней уже 6 месяцев и мало, что сделала потому не знаю что делать — за двумя зайцами погонишься но не одного не поймаешь. Кто советует одно, кто другое и я решила вам написать. Простите за все простите, что решилась вам писать длинное нелепое письмо, но вы не арестократ, а рабочего типа поэт, а посему прошу простить и не отказать моей прозьбе выслать фотографию и дать совет. Как я буду рада всему, что вы дадите ответ и я тогда верьте не буду вам надоедать, после совета пришлю вам свои рассказики если вы разрешите, а как только достану денег то выпишу еще ваши книги для материала.

Но к сожалению они — т. е. деньги не скоро будут я живу у брата а он ужасно скуп насчет денег, но ничего может как улажу.

Простите и извените, что чушь написала.

Если изволите писать ответ то мой адрис...

Ну что я мог ответить на это письмо? Я ничего не ответил. Иной раз лучше промолчать, чем ответить. Тем более в данном случае пришлось бы посоветовать — петь. Но если она так же поет, как и пишет, то уж лучше писать, чем петь.

ЛЕЛЬКА-БАНДИТ

1930 год

Дорогой Миша!

Сегодня целый день не отрывалась от Ваших произведений, читаю, читаю, читаю... без конца. Впрочем, дело-то вот в чем: я в Вас втрескалась (то есть, вернее, не в Вас, а в Ваши произведения). Пытаюсь рифмоплетничать, и мне папаша говорит, что нужно. Если Вы не имеете ничего против, то в следующем письме я напишу Вам несколько своих «произведений», а Вы приблизительно оцените, каков я «писатель». Я до того Вас полюбила (извиняюсь — Ваши произведения), что не замечаю, покупая по несколько одинаковых книг. Ну, не беда.

Хотела кое-что написать побольше, да некогда, надо бежать на собрание ячейки ВЛКСМ — я комсомолка. Если желаете — обрисую свою наружность: хожу в брюках, фуражке и плаще, потому что ненавижу эти всякие такие юбочки, платьица и проч.

Ах, черт... писать-то некогда, а хочется побольше написать, ну

да ладно, после напишу, посмотрю, как Вы ответите. А уж и напишу же: про все мои экскурсии по СССР и всякие проделки.

Пока.

Жму Вашу лапу.

«Лелька-Бандит».

«Бандит» — мне дали прозвище за то, что часто я схватываюсь с ребятами, иному, бывает, так заедешь, что искры из глаз посыпятся.

Пишите.

Поговорим письменно о Маяковском, с которым я сообщалась письмами (когда была в Харькове).

Вам же пишу из одного фабричного местечка, Сред. Вол. Края.

Пишите все, не стесняйтесь, потому что я давно уже не считаю себя существом женского рода, а считаю — мужского.

Пишите, пишите, пишите.

Вашему ближайшему другу — привет, скажите, мол, какая-то Лелька завелась, привет, мол, велела передать.

Вот.

Здесь очень красивая местность, думаю пожить здесь побольше.

Пишите скорее.

Если у Вас есть фотокарточка, то, пожалуйста, пришлите, я хоть посмотрю на Вашу физиономию.

А потом и я Вам пришлю, если хотите, только Вы-то уж пожалуйста-распожалуйста пришлите. Жду.

Тьфу! Я и забыла, что я с Вами уже простилась.

Ну, пишите, а потом уж я Вам, эх и напишу.

Простите, что я Вас не называю по имени и отчеству, но я к этому что-то не привыкла, впрочем, если желаете, то я Вам напишу: дорогой Михаил Михайлович... и т. д. Желаете?

Напишите, сколько Вам лет, и обязательно пришлите фотокарточку.

Ну, довольно. Еще раз жму лапу.

Лелька.

Простите, что пишу на таком обгрызышке бумаги.

АКРОСТИХ

Михаилу Михайловичу Зощенко

Много юмора в маленьких книжках,
И люблю я их очень читать,
Хотя в пошленьких этих людишках,
Ах, как грустно себя узнавать.
И из книжек живые лица,
Лицемерно смеясь, глядят.
Занесена на эти страницы

Обывательская среда.
Щетка буден усталую спину
Ежедневно без устали трет...
Не хочу захлебнуться в тине,
К новой жизни, покончив с рутиной,
Обывательщина идет.

Милый Михаил Михайлович!

Я знаю, что стихотворение плохое, не выдержан размер, вообще слабо, но, знаете, акростих очень трудно сочинять, тем более, что Ваша фамилия совсем не приспособлена для этой цели.

Мне очень хочется послать Вам одно или два моих стихотворения, но я боюсь, что Вы мне не ответите, и поэтому решила сначало немножко задобрить Вас акростихом, а если Вы окажетесь таким милым, каким я Вас представляю себе, и ответите, тогда послать Вам мои «труды».

Боюсь, что я совсем не умею работать над своими стихами. Как-то я прочла статью Маяковского о том, как он работал над своим стихотворением на смерть Есенина. Прочтя ее, я заплакала, потому что никогда не сумею так работать. Михаил Михайлович! Если Вам скучно писать — не отвечайте. Я очень глупа, что надоедаю Вам, но я счастлива была бы получить от Вас ответ. Ведь Вам не так уж трудно черкнуть пару строк.

Поставьте себя на мое место — и Вы ответите.

С горячим приветом...

НЕЗНАКОМКА

Октябрь 1930

Уважаемый тов. Зощенко.

Пишет Вам незнакомка, не старайтесь припоминать, так как Вы меня абсолютно не знаете и никогда не видели. Очень увлекаюсь В/произведениями, у меня их целых два тома, кроме последнего, и на досуге после работы я люблю взбираться на кровать и смеяться от всей души от Ваших праведных трудов. Сегодня как-то стихийно пришла мне мысль написать Вам, не думайте, что отсюда я преследую какую-либо цель, авторскими способностями я не обладаю, а пишу «по простоте душевной». Видите ли, как фразы Ваши прививаются, я сейчас вспомнила эту фразу от «Негрооперетты». Я смело надеюсь, что не откажете в столь скромной просьбе, тем более чистокровной пролетарке. Я Вас прошу прислать мне Ваших несколько последних произведений, так как при всем желании не смогла попасть на вечер литераторов, который не так давно состоялся в театре. Теперь Вас, конечно, интересует (а, может быть, и нет), что я из себя представляю. Самая обыкновенная работница с фабрики «Красное Знамя». Боюсь, этот материал послужит для Вас оживлением для Вашей пищи.

С тов. приветом...

Все-таки ожидаю положительного ответа.

Вас, наверное, интересует, откуда я знаю В/адрес, — это очень просто — в телефонной книжке.

ЧЕЛОВЕК НА УЛИЦЕ

В ноябре тридцатого года я получил удивительное письмо от незнакомой молодой женщины.

Как выяснилось, эта женщина три года назад приехала из провинции в Ленинград. Ей не повезло. Вместо ожидаемой прекрасной жизни она столкнулась с большой нуждой. Она не сумела найти ничего хорошего. Она не нашла себе даже пристанища.

Три года она проходила по улицам, ночуя то у знакомых, то в каком-нибудь учреждении, то просто у случайных встречных.

Повсюду, куда она приходила в поисках работы или ночлега, у нее требовали союзную книжку, паспорт, удостоверение, путевку, карточку с биржи труда и т. д.

Впоследствии, когда я встретился с этой женщиной, выяснилось, что, кроме метрики, у нее ничего не было. У нее не было даже хлебной карточки.

Женщина сконфуженно говорила об этом, утверждая, что ей просто непонятно, откуда это все берется.

Оказывается, не всем дано канцелярское умение управлять своей жизнью. И не все эти люди умеют набивать свои карманы удостоверениями. Такие люди прежестоко бывают наказаны. Но вот это письмо:

Михаилу Зощенко.

Вас никогда не приводила в холодное бешенство лампа на чужом столе...

Вам не приходилось ночами бродить по черным скользким камням и заглядывать в теплые пятна чужих окон, куда страшно хочется швырнуть камнем... У меня — девятнадцать лет и желтый чемоданчик. На плечах — что-то невесомое на шелковой подкладке. В голове — муть и иногда страх. Я одна насквозь. Приближение каждого вечера встречаю с болезненной гримасой: куда идти ночевать. И каждый новый рассвет жмет виски холодом неизбежности наступающего дня. Вот такое состояние с небольшими передышками (время от времени я выхожу замуж или приезжаю недельки на две домой) — продолжается уже три года. Вместо того, чтобы к этому привыкнуть, — я чувствую, что начинаю медленно сходить с ума. Как на салазках с невысокой горы. Людей люблю. Очень. Но их жизни ненавижу. Их чужие уютные жизни. Даже жизнь моего дома, моих родителей — для меня чужая. Я к ней никак не могу присосаться. Я там могу только отдыхать.

И то недолго, после того, как меня побьет, пошвыряет и выпьет очередное полчище дураков и негодяев.

На этот раз я здорово устала, но на этот раз я не могу даже вернуться домой.

Отец сейчас в провинции преподавателем. Его тоже побило и швырнуло здорово, хоть в другом плане, чем меня. Ему живется туго и холодно.

Родители обо мне заботиться отвыкли, да и не могут. А я — здесь.

Ношу свои девятнадцать лет и свой желтый чемоданчик. Пробовала работать. Сняли. Я ничего не умею делать. На биржу не иду: предубеждение против этой, кишащей людьми громадины; не люблю затериваться.

Пишу стихи.

Ну их к черту. Ахматова под есенинским соусом.

Это все не то.

Знаете ли Вы холодный привкус одиночества на губах, зацелованных всеми. Приходилось ли Вам говорить с милыми людьми, улыбаться им, и думать в это время о том, что вот они уйдут в свои теплые повседневные жизни, а Вы останетесь с Вашей никем не тронутой заброшенностью на бульварной скамейке, с девятью копейками в кармане, с тяжелой головной болью и страхом.

Ах, эти чужие квартиры! Эта чужая домовитость чужими ногами зашарканных половичков.

Ведь я бываю везде. Меня берут ночевать и гладко-причесанные семьи, и взъерошенные холостяки со своими табачными ласками, и одинокие женщины с тихими чайничками по утрам... Я ко всем иду. Я ставлю свой чемоданчик у дверей, сажусь в глубокие кресла, или на шаткие стулья, или просто на подоконник и смотрю.

Как в кинематографе — все и всё.

Иногда зубами вцепишься в платочек, который очень хочется смочить не идущими из широко открытых глаз слезами.

Хочется иногда броситься к кому-нибудь, крепко обхватить руками, прижаться, и долго, сбивчиво, горячо — умолять о том, чтобы взяли меня, сделали своей, своей совсем, дали бы мне что-нибудь больше липких, мокрых поцелуев (со стороны мужчин) и тихих улыбочек, приправленных сытым сочувствием (со стороны женщин).

Но во мне — слишком мало крови для каких бы то ни было порывов.

Я — только усмехаюсь и чувствую, что мои глаза все глубже обводятся синими и немножко влажными кругами.

Что мне нужно от Вас.

Дайте мне возможность писать. Я хочу быть журналисткой, рецензенткой... Не знаю. У меня хватит наблюдательности, чувства слова и восприятия — на все.

В общем, мне кажется, я очень хочу поговорить с Вами.

Смотрите на меня как на душевнобольную, которая ходит, бродит, ласкается, наблюдает, мучается, носит на плечах неплохую башку, способную неплохо варить, и — ничего не делает для того, чтобы затормозить медленную ползучесть вниз.

Моя психика до того безобразно выросла и распухла, что я теряюсь.

Мне нужен кто-нибудь, кто сумеет осторожно и безболезненно сделать из меня что-то нужное. Это — много. Это — немыслимо.

Сознаю, зря и пишу это. От Вас мне нужно только то, чтобы Вы захотели со сной поговорить.

Я Вам позвоню по телефону.

11 ноября 1930 года.

Она позвонила мне по телефону. Мы увиделись. Это была красивая, очень молодая женщина. Она говорила каким-то безразличным голосом. Все слова были сказаны ею на одной ноте, без интонации. Это было тяжело слушать.

Я, сколько мог, ободрил ее. Дал немного денег. Посоветовал запастись бумажками, чтобы поискать службу. И, в случае неудачи, посоветовал уехать к отцу, в деревню.

Несколько месяцев она ничего не предпринимала. Какое-то упрямство, а может быть, и безволие, оставляли ее в том же положении. Но в феврале этого года она все же уехала к отцу.

Недавно я получил от нее письмо из деревни. Она пишет, что отдыхает в деревне и пока старается не думать о своей будущей жизни. Она никогда не предполагала, что так трудно и сложно жить на свете. Это верно.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Это любопытное письмо получено из провинции.

17 декабря 1930

Товарищ Зощенко.

Простите, что беспокою, но нужда, честное слово, крайняя. Я нахожусь сейчас под давлением «великих промблем», а разобраться не с кем. Меня мучит целая уйма вопросов, которые не хватает храбрости разрешить самой и под давлением которых я нахожусь. Именно это заставляет меня спросить у Вас совет. По-моему, человек, описывающий духовные флюсы, должен иметь от них средство. Вот почему я выбрала своей «жертвой» именно Вас. Не знаю, удастся ли мне втиснуть свой «флюс» в более или менее конкретный образ. Во всяком случае постараюсь. Для большей ясности начну с начала: детство я провела на попечении немок, которые, кроме немецкой азбуки, пичкали меня «религиозным дурманом». Годам к девяти я была уже посвящена во все похождения Иисуса Христа и, в знак любви великой, называла его

не иначе, чем Исуся-Христуся. В общем — в детстве у меня было довольно абстрактное понятие об окружающем.

Когда мне было одиннадцать лет, умерла моя мама, материальное наше положение больше чем пошатнулось, и немки улетели в трубу. Тут-то я стала «пролетаризироваться»: дни проводила во дворе, играла с разношерстнейшими ребятами и, конечно, читала Мопассана. Вот. Так отошли в предание бонны и «Исуся-Христуся». Годам к четырнадцати я знала наизусть добрую половину Есенина и не меньше Блока.

Позже пришли Маяковский, Асеев, Сельвинский — всех не счесть. О том, можно ли совмещать Блока и Маяковского, — я тогда не думала. Это теперь меня смущает то, что я в одинаковой степени увлекаюсь как «Прекрасной Дамой», так и Маяковским. Ведь это же разные полюсы — почему же я так. Сейчас мне 17 лет. Я поступила в этом году в фабзавуч. Тут-то самое главное: если на теории у меня почти никаких расхождений с рабочим классом не было, то на практике оказалось, что ничего общего у меня с этими ребятами нету. (Под рабочим классом я подразумеваю одних рабочих.) Тут мне пришлось столкнуться с казусами, о которых ни Жаров, ни Безыменский не писали. Если даже предположить, что они описывали московские ФЗУ (детскость), то и тогда не думаю, что климат так разительно влияет на нравы. В нашем ФЗУ ребята сморкаются под ноги, носят под ногтями траур и такие вещи говорят, какие «приличные люди» лишь на стенах уборных пишут. Когда начинается урок, то я молю Бога (по инерции), чтоб он подольше продолжался, так как на переменке я себя совсем потерянной чувствую. И вот мне очень больно — я не привыкла себя чувствовать ижицей затерявшейся. Во-первых, получается, что у меня никогда спайки с рабочей средой не будет, а во-вторых, — ведь нам еще два года вместе — как же я смогу. Я и так иду на компромисс: если дома говорю — «девочки», то в ФЗУ — «девчата». Дома, когда ко мне цепляются, говорю — «как не стыдно», а в школе приходится говорить — «уйди, а то съешь по морде». Иначе не помогает. Возможно, что это просто условности — у каждой среды свой прием изъяснения, во всяком разе мне мой больше нравится. Меня эта имитация, подделыванье под кого-то здорово мучит. Такое впечатление, будто я примазываюсь к ребятам, а уж это — ни за какие коврижки. Или в самом деле соединиться, или удалиться восвояси. Но в том-то и дело, что я не могу решить — кто же подлежит переделке: я или они. Я не говорю, что я святая, — у каждой, конечно, стороны есть свои слабости, — но стоит ли мне отбросить мои для того, чтобы подвергнуться, может быть, еще худшим (их слабостям). Не подумайте — интеллигентка в кавычках. Честное слово, что нет. Неужели в том, что между нами оказалась такая бездна, виноваты немки и «Исуся-Христуся». Но ведь я так давно с ними покончила.

В общем — я сейчас, как на море. Товарищ Зощенко. Может, Вы мне поясните, как мне искать путь к рабочей аудитории. Или, может быть, совсем уйти из ФЗУ. Правилен ли мой подход к нашим ребятам. Как бы Вы поступили, находясь на моем месте. Я, вот, собираюсь в пролетарские писательницы, а какая же я буду «пролетарская», если не умею, вот, обращаться с нашими ребятами. Ведь они же — будущий пролетариат (и даже теперешний). И потом еще о литературе — почему так ругают конструктивистов. Неужели, если 60 процентов разбирают только печатным шрифтом, то остальные 40 процентов не имеют права писать и читать письменным. Да ведь это скучно. Впрочем, я отклонилась в сторону. На этот вопрос можете, если время строго рассчитано, не отвечать, но на остальные очень Вас прошу — ответьте. Я совсем сбилась и буду Вам крайне признательна, если поможете разобраться. Вот. Еще раз простите за беспокойство. Всего лучшего...

Я ответил этой растерявшейся девушке, что уходить ей из ФЗУ не следует, что аристократической среды в настоящее время в Союзе не имеется. И что такой уход опасен в том смысле, что это еще более усугубляет разрыв, и тогда наступит полная неудовлетворенность, как и у всякого человека, не имеющего своей среды.

Я написал ей, что если она считает себя в культурном отношении выше той среды, в которой она находится, то ее дело не ахать и огорчаться, а наоборот — оказывать влияние на эту среду. Пусть это будут два-три человека, которым она привьет вкус к литературе или, скажем, убедит, что брань попросту унижает человека, — это уже будет очень много, и это в какой-то мере даст удовлетворение.

Через месяц или два я получил благодарственное письмо. Девушка писала мне, что ее жизнь в этом смысле переменилась. Ее более не тяготят ребята из ФЗУ. Она беседует с ними о литературе и находит в этом чуть ли не свое призвание. Очень хорошо.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Теперь начинается самое неприятное.

В этом отделе я печатаю хвалебные письма.

Я хотел бы их вовсе не печатать, но тогда был бы пробел — не хватало бы каких-то действующих лиц в этой моей книге.

А, кроме того, я так полагаю, что читателю все же забавно поглядеть — кому что нравится и кто за что хвалит.

Я, конечно, понимаю — этот отдел, чего бы я ни говорил, выглядит плохо и нахально.

Мне, правда, наплевать, что про это будут говорить. Но я со-

вершенно соглашаюсь с тем, что это довольно-таки неприлично печатать о себе разные высокие слова. Так обычно некоторые оборотистые частники выпускали средства для ращения волос или какие-нибудь пилюли «Ара» от клопов и при этом обязательно печатали письма от благодарных исцеленных клиентов и пациентов.

Согласен. Похоже. Но решил пострадать за идею.

Да, собственно, до последней минуты я не хотел печатать похвальные письма. Жена уговорила.

— Надо, говорит, хотя бы несколько штук включить. А то могут подумать, что их и вовсе не было. Прямо неловко.

Пожалуй, верно.

Вот выбрал несколько особо похвальных писем и печатаю на свою седеющую голову.

ВСЕХ ПЕРЕКРЫЛ

Уважаемая редакция, передайте от меня Мих. Мих. Зощенко мой пламенный привет.

Очень уж я люблю рассказы Зощенко. Нет ничего так увлекательного, как его рассказы. Каждого свежего номера «Бегемота» или «Пушки» я жду с нетерпением, чтобы прочитать от слова до слова написанное Зощенко. Я даже теперь, не глядя на подпись, узнаю его рассказы. Я язык его знаю. Уж очень он прост, понятен.

Вращаясь всегда среди читательской массы, я хорошо знаю, кто более заинтересовывает современного читателя.

В нашей современной литературе имеются произведения ..., ..., ..., но они все на втором месте от Зощенко. Вот Зощенко сумел завоевать интерес к себе, его любят, его ценят, все уважают и все хорошо понимают. А главное, Зощенко пишет факты. Зощенко берет жизнь не из кабинета своей литературности, а путем вращения в жизни.

А это не у всех писателей. У них как-то сухо, непонятно, загадочно.

Современная литература должна гордиться Зощенко.

Вот мой приветственный клич Мих. Зощенко — современному бытовику-юмористу-сатирику.

Начинающий писатель, селькор газеты «Уральский рабочий».

Горжусь? Да нет. Какой черт! Там, где поставлены многоточия, были перечислены такие авторы, которых обскакать не так уж лестно. Тем более путем вращения в жизни.

Гордиться не приходится.

С ДОРОГИ

Которым интересно меня обидеть, обычно говорят:

— Тираж, тираж! Это ничего не показывает. Юмористика! Железнодорожное чтение. Мелочишки.

А по мне хоть бы и так. Меня это ничуть не обижает. Пожалуйста. В чем дело! На одну полку с Толстым не лезу, «Войну и мир» не напишу. Предупреждаю заранее.

В чем дело! Имеете легкое железнодорожное чтение. Почту за счастье быть таким любезным автором. Добиваюсь!

Вот даже и письмецо получил от железнодорожного пассажира:

Уважаемый тов. Зощенко!

Прочитав Вашу книгу «Над кем смеетесь», могу сказать, что не только эта ваша книга, а еще «Уважаемые граждане» читались мною с большим интересом. Особенно читались мною рассказы с беспрерывным смехом: «Лимонад», «Пасхальный случай» и из «Уваж. гражд.» — «Стакан», «Аристократка», «Пассажир».

Вообще я Ваши рассказы почти все, которые проходили через мои руки, всегда читал и буду читать с удовольствием. Мне все хочется на Вас посмотреть, жаль, что нет ни в одной книге Вашего портрета.

Ну, тов. Зощенко, пока всего хорошего, желаю Вам в таком же духе писать свои рассказы, и я думаю, что такое пожелание не я один бы пожелал.

С большим бы удовольствием еще бы с Вами поговорил на бумаге, да поезд через 5 минут отходит.

Всего хорошего. Жду новых рассказов.

Пишу Вам из гор. Полторацка, Средняя Азия.

Всегда читатель Ваших произведений...

«Никак, батюшка, стаканчик тюкнули?» («Стакан».)

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Дорогой Михаил Михайлович!

Я, от лица группы Ваших страстных поклонников, приношу Вам нашу сердечную благодарность за тот хороший, бодрый смех, который Вы даете нам своими рассказами.

В минуты досуга, в минуты отдыха мы собираемся нашей тесной компанией и читаем, перечитываем и снова читаем Ваши образные коротенькие жизненные картинки.

Нет повести, нет рассказа, которого бы мы не знали. Каждое новое Ваше произведение читается запоем, учится наизусть.

Как только кто-нибудь откуда-нибудь достает «новую Зощенку», все кидаются к этому счастливцу и не успокоятся до тех пор, пока не будет несколько раз все прочитано, пока вдоволь не отведут душу здоровым, веселым смехом.

На днях у нас должно будет состояться чтение новейших из Ваших рассказов. Но нам в провинции трудно добывать Ваши книги, да и денег у нас мало.

Мы хотели Вас просить скрасить нам вечер и написать нам на память какой-нибудь рассказ с парой слов, Ваших слов, любимых «зощенковских», тех слов, которыми теперь все мы только и говорим, которых ищем со всем юношеским азартом во всех журналах и газетах.

Ваш автограф даст нам неисчерпаемую радость. Ведь рассказ этот будет написан Вами для нас. Он создаст, оживит Вас в нашем воображении, Вас — творца смешных и хороших героев.

Простите, если мое обращение и просьба покажутся Вам дерзкими, но они так искренни, и, я думаю, Вы это почувствуете.

Заранее благодарный, один из Ваших многочисленных поклонников...

Ответ (если Вы захотите дать мне эту радость и ответить) попрошу Вас адресовать: Ленинград...

Оттуда мне его скоро доставят в наше захолустье.

СТУДЕНТКА

2 октября 1926

Милый Михаил Михайлович!

Не пожалейте потратить время на чтение этих строк, — ведь в них мне так хочется сказать Вам и не только от себя, но и от имени целой группы моих товарищей, —

— какая великая, искренняя благодарность к Вам живет в нас, далеких провинциалах, так скудно и бедно награжденных «культурой», искусством и т. п.

В долгие вечера, когда кроме книг и взаимного «словоблудия» — не было ничего, когда тоска цепко забирала нас в свои руки — мы открывали тоненькие, белые и синенькие книжечки...

Как рассказать Вам все то великое дело, которое совершили они в нашем настроении.

Едва ли кто был в лаборатории человеческих душ, но если бы слабые, маленькие люди добрались туда, они, мне кажется, поразились бы, увидев, как сложно и тонко устроена машина смены настроений.

А Вы эту тонкость и сложность сумели познать. Просто, бесхитростно рассказывая о чем-нибудь — как Вы могли наполнить души таким светом, создавать такой смех и радость — цену которым не определишь...

Особенно в нас, одиноких людях...

Днем на службе, на работе... по кусочкам убиваешь здоровье, нервы, силы, жизнерадостность — в борьбе за хлеб...

До вечера — уборка, стирка, мелкие заботы, маленькая, но хлопотливая деятельность...

И всегда, во всем мы одиноки...

Нужно самому быть одиноким, чтобы понять, какой ужас, какая трагедия подчас заключается в одиночестве!

Это пустыня, но пустыня, лишенная солнца...

И если бы Вы знали, каким беззаботным смехом, какой безудержной радостью заливалась комнатка, когда в ней раздавались написанные Вами рассказы.

Уходили заботы, уходили будничные мелочи, уходили усталь и мрак.

И это странно, потому что Вы писали-то о тех же буднях, мелочах и усталостях...

Чем, чем Вы могли делать нас молодыми, беззаботными, не чувствующими своей заброшенности и одиночества в глуши?

Хоть на час, на два, но мы сияли смехом, мы забывали все.

И вот теперь, когда я, наконец, вырвалась учиться в центр и ехала сюда, мои товарищи, оставшиеся там, в далекой провинции, собрались провожать меня...

Тушили зависть в глазах... Молчали... Переминались... как всегда на проводах.

Но вот кто-то сказал безнадежно-горестным тоном:

— Увидите Зощенко, небось...

И вот, если бы Вы видели, милый Михаил Михайлович, как просияли лица у них, как засмеялись вначале глаза, потом губы, потом все лицо... как вырвался звонкий смех у них у всех...

И наперебой, все-таки не умея сдержать зависть в молодых, срывающихся голосах, искренно и горячо просили прислать все новинки Ваши, просили увидеть Вас, крепко пожать Вашу руку и сказать Вам от них большущее, хорошее спасибо.

Приехала я. Видеть Вас едва ли удастся. Да если и увижу, едва ли рискну подойти, сказать что-нибудь. Подумаете: «психопатка», «сумасшедшая»... а в лучшем случае: «скучающая, желающая соригинальничать барышня».

Решила написать.

Примите же нашу благодарность. Все, что есть в нас молодого, искреннего и хорошего, — шлет Вам ее. Большое спасибо.

А я рискую, от имени всех, попросить у Вас разрешения — и по-бабьи, звонко и крепко расцеловать Вас.

Примите уж и просьбу мою: черкните своей рукой на своих книжоночках и пошлите их мне — не решаюсь затруднять Вас посылкой всем нашим ребятам, — а уж я перешлю их в далекий Туркестан.

Вам это не составит большого труда, а если бы Вы знали, как они будут рады.

Нужно самому пожить в глуши, чтобы понять, как мучительно

однообразна там жизнь и как много света вносит получение чего-нибудь любимого... А ведь Вы — любимец, да еще какой!

Не откажите же!

И если посылка ко мне обременительна, позвоните мне, я пойду возьму их сама.

Так хочется обрадовать своих ребят.

Телефон мой... Звоните...

Еще раз большое спасибо.

Я уже не помню, как в точности случилось, но восторженная студентка зашла ко мне на квартиру за книжкой.

Я жил тогда в угрюмой комнате в б. Доме Искусств, на Мойке.

И надо сказать, в тот год я был особенно болен — неврастения и хандра замучили меня вконец. Я был злой и раздражительный. И помню, весьма неприветливо встретил мою гостью.

Она мне говорила какие-то голубые слова, а я был мрачный, как сукин сын, и даже не пытался выдавить на своем лице улыбку.

Наверное, нехорошая память обо мне осталась у студентки. И я бы хотел, чтоб она простила меня за мою нелюбезность. Я был очень болен.

А сейчас я здоровый и веселый. И даже почти что полюбил людей.

ИЗ ХЕРСОНА

Славный, веселый Михаил Зощенко!

Мы очень любим ваши рассказы. Читаем их много раз и каждый раз с новым интересом, у меня есть несколько номеров журналов, в которых есть ваши рассказы, и я их даю читать всем знакомым, все они смеются, смеются до слез, так что странички с вашими рассказами совсем покоробились от влаги и трудно читать — даже печать вылиняла.

Я с нетерпением жду, когда «30 дней» пришлет нам книжку ваших рассказов.

Все же мы читали очень мало ваших рассказов и потому не можем судить, какие лучше; по слогу большим успехом пользуется «Случай в бане», а вообще «Кинодрама».

Мы любим кино и (я особенно) приглядываемся к его посетителям и его порядкам. Раньше у нас бывали случаи вроде «кинодрамы», например, какой-то «черт военный» зацепил локтем за отворот свитера одной девочки, свитер вязаный, натянулся, военный высокий, и бедная девочка должна была на кончиках пальцев бежать за ним.

Существовала даже месть, мы когда-то удивились, что у одного типа на руке сделана татуировка — часы, и эти часы показывают столько, сколько как раз в то время было. Он услышал, и, когда толпа хлынула, он начал толкать нас, подставлять ножки и т. д.

Да мало ли примеров!

Да я лично против нумерованных мест: то хоть потолкаешься, но сядешь, где нравится. А теперь. Иногда в кассе остается 20 и более мест, но все в разных местах, а когда идешь компанией, то это прямо досадно.

Теперь у нас надписи в кино по-украински, украинский язык грубее, и иногда смешно, если принцессы начинают ругаться по-украински. На днях мы были на «Сюркуфе», сзади нас сидела интересная пара. Я плохой знаток типов и не могу точно определить его происхождение и занятие, м. б. мелкий торговец, м. б. рабочий, м. б. чиновничек, в общем, по-моему, обыватель в полном смысле слова; она лет за 30, некрасивая, с большой бородавкой на носу. Она громко (один бас на все кино) читает надписи, медленно, по слогам, и в каждом слове вместо «ы» читает «и». Он ее все время поправляет, она соглашается, но потом — снова. Только в конце она вдруг начала читать «и» вместо всех гласных.

Вообще они плохо понимают содержание, в картине герой женится не на героине, а влюбленный в героиню кузен следит за героиней. Они же думают, что это героиня вышла замуж и пускают реплику кузену: «А вин ходе и ходе, вона вже замуж вышла, а вин все ходе» — ломаным здешним языком. И все путают, так что в конце картины у них английский министр очутился в тюрьме вместо разбойника.

Хоть они и говорят на вид по-украински, но в надписях они очень мало понимают, и когда встречается «шляхетний друже», то он, вместо «благородный друг», переводит — «дорожный (от слова „шлях" — путь) друг», она сначала не согласна — все-таки «дорожный друг» — довольно сомнительное выражение.

«Гм... дорожный... наверно, дорогой», — вдруг догадывается она.

Он не согласен, объясняет: «Понимаешь, по дороге встретились, случайно, понимаешь, познакомились и подружились. Скорее, более точно будет не дорожный, а подорожный».

Я не знаю, дойдет ли письмо, но думаю, что раз доходили такие письма, о каких писали в «30 дней», то это должно дойти.

Пришлите мне ваш точный адрес, я знаю много интересных курьезов, очень хочу их вам рассказать, не побрезгуйте нашей дружбой, присылайте адрес, мы вам много, много пришлем, особенно из сельской и обывательской жизни и про украинизацию.

Ну, до свиданья. Пишите побольше в журнале, это лучше доходит до читателя. Напишите что-нибудь про обывателя (вроде нашего) в кино.

Ах, как рады будут мои друзья (и я тоже), если вдруг (именно вдруг) вы откликнитесь на послание херсонской молодежи.

До свидания, веселый Зощенко!

Желаю вам от всей души успеха и всего, всего хорошего.

Адрес: Херсон... Шуре.

«КОРОЛЬ СМЕХА»

27 апреля 1927

Михаил Михайлович!..

Я очень реально представляю себе Ваше лицо (по портретам) и, главное, то недоумение на нем, когда Вы получите и прочтете мое письмо...

Да и в самом деле: человек не думал, не гадал, и вдруг... как это вам покажется, получает письмо, да еще из такого отдаленного, захолустного уголка, как город Бежица, около госзавода «Профинтерн», и неизвестно от кого, от человека, которого Вы не знаете, не знаете его лица, ни головы, ни что он из себя представляет, — одним словом, «человек в черной маске», как будто из исторического романа на манер a la Дюма. Ах, я извиняюсь!., забыла... Я не хочу быть черной маской и прежде, чем написать Вам письмо, — представляюсь Вам, хотя я не молодой человек, а барышня, ну, да ладно, кто будет разбирать в наш эксцентричный век. Итак, звать меня Леля, ну, и так далее — особо выдающихся примет нет. Тут я на минутку молчу, а Вы, потерявший дар слова от недоумения, конечно, понемногу обретаете его и прежде всего начинаете размышлять вот так:

«Я получаю письмо от совершенно неизвестного человека, от барышни, она мне пишет, а я ее не знаю и не знал». И за этим следует вывод — ясный и беспощадный: «Это или сумасшедшая, или психопатка-истеричка», — иначе как объяснить это письмо.

Погодите, уважаемый Михаил Михайлович, так поспешно делать жестокий вывод!..

Михаил Михайлович... я очень и очень люблю Ваши сочинения — Ваши юмористические рассказы. Я от природы очень люблю смеяться и смеяться, до упаду, как говорится. Только Вы, ради бога, не подумайте, что я смеюсь и с причиной и без причины, и тогда обо мне составится невыгодное мнение... Вспомните-ка пословицу: «Смех без причины — признак дурачины». Нет! Я смеюсь всегда только по причинам — и по причинам самым основательным. А самая главная причина, когда я смеюсь заразительно, от всей души и до упаду, — это Ваши рассказы. Моя жизнь не такая беззаботная и мне часто приходится плакать, и вот в минуты отдыха я читаю Ваши произведения, смеюсь, хохочу и забываю все то мрачное и тяжелое, которого так много в жизни. Вы, как добрый волшебник, невидимо спрятали в каждом Вашем рассказе искру откровенного смеха, вспыхивающую ярко и разрастающуюся в трудно тушимый пламень смеха. Ваши произведения бесподобны. Вы думаете, что я льщу? — Нет, я говорю то, что думаю, я всегда люблю говорить правду. И Вы думаете, что я одна отношусь так к этому? — Ничуть не бывало. Все мои подруги без ума от Ваших произведений. Одна — художница, увеличила Ваш портрет с книж-

ки, повесила его чуть ли не в красный угол. Зимними вечерами мы собирались в кружок — одна читала, а мы все хохотали до упаду, что называется, свыше нормы, на все 120 процентов.

У нас вошел даже в ход «зощенский» язык. Например: встретятся где-нибудь две хохотушки, пока серьезные и придавленные житейским гнетом, но стоит только одной вспомнить какую-нибудь выдержку из Ваших произведений — они уже тонут в приливах смеха... Вы — король смеха! А что касается меня, то все Ваши произведения, какие попались в мои лапы, — я их знаю наизусть и еще опять-таки раз двадцать перечитаю их.

И вот, однажды, прочитавши Вашу книжку, под заглавием «Кризис», на обложке которой был помещен Ваш портрет, и, заглядевшись на него, я думала... Я смотрела на Ваши глаза, полные тонкой иронии и юмора, думала — где Вы, что Вы делаете и что Вы из себя представляете? И тут мне мелькнула мысль — написать Вам письмо и еще... Вы только не смейтесь, Вы, юморист... — это мне хочется переписываться с Вами. Вы, ради бога, не подумайте, что я хочу это делать из тщеславия — нет, и тысячу раз нет, — просто я хочу переписываться с остроумным человеком. И потом: Вы пишете книги, они расходятся по всем городам, по всем местам, — все читают их, а это я хочу, чтобы это была моя собственность.

Я буду ждать от Вас ответа, какой бы он ни был, и с нетерпением...

Мой адрес: г. Бежица...

Барышня не заимела остроумного кавалера — переписка не завязалась.

Не могу по барышням трепать свои мозги. Не имею на то охоты и вдохновения.

ИЗ ТИФЛИСА

5 сентября

Милый, многоуважаемый Михаил Петрович! (Сомневаюсь, что Вы Петрович.)

Может быть, Вы часто получали такого рода письма, но это легко объяснить Вашим успехом. Что касается меня, то я не в силах сдержать свой глупый телячий восторг перед Вами.

Вы, может быть, не поймете, что мне надо было написать что-нибудь, какую-нибудь ерунду, послать в Москву и успокоиться. Почему же Вы обязаны получать и прочитывать, а то, может быть, и просто рвать всякую чепуху, я не знаю, но думаю, потому что Вы «Зощенко».

Я не знаю, сколько Вам лет, но если вы молоды, то, конечно, Вы должны прочитать и даже ответить.

Если бы Вы ответили, это было бы большой радостью, а радости в моей жизни очень мало.

Я думаю, что Ваше творчество критиковалось солидными умами, и думаю, что они нашли недостатки, но не все ли равно. Клянусь Вам, что Вы попадаете в самую точку мировоззрения советских граждан.

Ваши рассказы любят все, потому что они заставляют смеяться чуть ли не до слез. И все рассказы насыщены советской прозой, жизнью, которой живут многие.

Еще раз прошу, черкните что-нибудь, этим Вы доставите большое удовольствие глупой девочке.

Я буду долго ждать.

Шлю Вам дружеский привет.

Тифлис...

Послал открытку — несколько слов привета.

НУ, СПАСИБО

Раненбург, 10 января 1927

Товарищ Зощенко!

С большим удовольствием читаю я Ваши юмористические рассказы и от души смеюсь над ними. Вы умеете так кратко, так живо и смешно описывать, что когда читаешь какой-нибудь один из Ваших рассказов, то невольно представляешь себе лицо героя и все происходящее с ним. Я всегда с восторгом разговариваю о Вас и рассказываю Ваши рассказы. Я давно хотела написать Вам это, но мне как-то не удавалось.

Жму крепко Вашу руку.

Уважающая Вас ученица второй ступени...

ДОКТОР

24 октября 1927

Дорогой и глубокоуважаемый Зощенко!

Пусть Вас не удивит настоящее письмо. Просто мне хочется выразить Вам восхищение Вашими прекраснейшими рассказами. Будучи перегружен работой, я в свободное время с величайшим удовольствием отдыхаю над Вашими книжечками, которые доставляют мне большое эстетическое наслаждение. Мне никогда не надоедает перечитывать их в сотый раз. Ваши «Уважаемые граждане» — это моя настольная книга.

Вот это заставило меня осмелиться написать Вам. Я был бы счастлив, получив Вашу фотографическую карточку. Приношу тысячу извинений за мою нескромную просьбу и надеюсь, что Вы не откажете мне в ней. Будьте здоровы и веселы.

С тов. приветом...

Сверхштатный ассистент клиники общей хирургии медицинского института.

ПИСЬМА, НЕ ВОШЕДШИЕ ВО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНАТ ВЕСЕННИЙ

30 декабря 1928

Уважаемый тов. Зощенко.

Будучи незнакомым, посылаю мою пародию на Ваши юмористические рассказы. С 1925 года (с начала студийной работы) я рассказывал Ваши рассказы с эстрады. Как и у большинства остальных рассказчиков, они проходили с должным успехом. На последнем курсе нашего драматического отделения рассказывают Ваши рассказы половина мужского состава. Вас любят читать.

Я лично еще молод — мне 19 лет. Кроме студийной работы я отдаю время литературе — пишу стихи, новеллы. В Союзе писателей состою недавно; печатаюсь с пионерского возраста.

Я много думаю о том, почему Вы не поедете в гастроль: успех моральный и материальный обеспечен. Вас любят, даже больше — Ваши рассказы причина здорового смеха.

С товарищеским приветом Донат Весенний.

Я забыл — если понравится компиляция-пародия, то передайте для напечатания по своему усмотрению.

Отвечайте! Это представит мне исключительное удовольствие.

Донат Весенний. Член Сибирского Союза Писателей.

Билет № ...

Я ответил юноше, что пародия его довольно любопытна, но что я советую ему в срочном порядке переменить весенний псевдоним на более посредственный.

В 19 лет это, может быть, звучит гордо, но в 35 лет будет чертовски неловко перед уважаемой публикой.

Пусть не обижается на меня тов. Донат Весенний! Я сердечно пожелал ему добра с высоты своих 33-х лет.

После этой книжки придется поторопиться с заменой.

СЕРЬЕЗНАЯ КРИТИКА

Станция Купянск-Узловой Южных ж. д.

13 августа 1928

Здравствуйте, тов. Зощенко!

Все этак сижу я, да и взбредет же мысль написать что-нибудь. Да, явилась фантазия именно лично Вам написать что-нибудь. А случилось это очень просто. Прочитал Вашу книжку «Над кем смеетесь» — и взялся за перо чиркнуть Вам больше пары слов. Чиркнуть собираюсь по существу, т. е. хочется дать отзыв о Вашей книжечке.

Попробую, как сумею, надеюсь, тов. Зощенко не рассердится на меня. Итак, приступил.

Наверно начну, так и полагается, с самого начала. Сама книжечка не страшит читателя своим средним форматом (т. е. не толстенькая).

Бумага этой книжоночки, также можно сказать, терпимая и, вообще, ежели строго подходить к книжонке с внешней стороны, то, пожалуй, выдержит, хотя и не строгую, но все же критику.

А вот, ежели напустить на себя смелость критикнуть про ее внутреннюю сторону, то тоже сказать плохого не найдется.

Вот хотя бы прочитать первую часть этой книжонки.

Как-то невольно позавидуешь такому человеку, как Вы.

Думаешь это, и откуда у человека столько таланта взялось.

Ну, прямо прелесть, ведь это — настоящий современный Чехов. Прямо у Вас получается еще как-то почехее (от слова Чехов).

Да, как же, и рассказики довольно маленькие и довольно-таки веселящие душу читателя.

И сколько-то в этих рассказах чего-то родного, понятного. Читаешь — и не хочется проверять страницы, скоро ли дочитаешь, а хочется, чтобы без конца тянулись Ваши рассказы.

А вот не успел глянуть, как уже подходит второй отдел Вашей же книжечки. (Начинаются рассказы: «Игра природы», «Административный восторг» и т. д.)

Что же можно сказать про этот отдельчик?

Да, нужно признаться, я по секрету Вам признаюсь, что этот отдельчик как-то слабее от первого.

Оно-то правда, также хороши, но все же слабее, это, конечно, на мой взгляд.

Читаю третий отдел Вашей же книжечки. Читаю даже Ваше предупреждение к этому отделу.

И вот там говорится, что «некоторые Ваши недоброжелатели находят, что эти рассказы (т. е. третьего отдела) лучше многих последующих Ваших рассказов».

Да, я соглашаюсь, что это именно говорят недоброжелатели по отношению к Вам.

А я бы сказал, что эти рассказы (третий отдел) совсем слабенькие, ежели, конечно, сравнить их с первым отделом.

Не проглядывает там резкого юмора, как это в первом отделе.

А, в общем и целом, книжонка Ваша прямо-таки хорошо действует, да и при том на человеческий организм. Можно без пристрастия сказать, что действует оздоровляющим образом.

Вот, все хорошо, да только что Вам пришло в голову такое заглавие дать («Над кем смеетесь»)?

Видите, читаешь себе и от души посмеиваешься, правда, пока забудешься. А вот стоит вспомнить это заглавие, неотвязная мысль и пристанет, что смеешься, а только сам над собой. Надумаешься, затем еще и поразмыслишь, возьми да сам себе и внушаешь, не плакать же.

А, может быть, я в порядке самокритики смеюся, и снова продолжаешь смеяться.

Да все равно тов. Зощенко не увидит и не услышит.

А вот ежели Вы нэпмана высмеиваете, так, пожалуй, тогда уже смело, без всякого на то размышления смеешься.

Да и в самом деле, что такое нэпман?

Да не меньше, как социально вредный элемент.

Вдоволь можно посмеяться. Думаю и Вы, т. Зощенко, не будете обижаться. Вот как будто бы и критика моя подошла к концу. А теперь, наверно, начну по личному вопросу. Вот видите ли, тов. Зощенко, в процессе моего писания отзыва у меня явилось этак скромное желаньице, чтобы Вы черкнули мне хотя бы пару слов.

А спросите у меня про что, так я и сам не могу сказать.

Да и о чем задумываться? Вам, наверно, видней, не учить же мне Вас о чем писать (наверное, Вам это не в первый раз приходится). А Вы знаете, как это будет лестно, да я Вам на бумаге не сумею передать.

Скажем, к примеру, такой случай: разговорились (так бывает в компании) примером о современной литературе, о современных писателях. Как это они, мол, теперь близко к массам этак стоят. Мне самому приходится частенько вмешиваться и рассказывать, да что, мол, вы говорите, ежели я, например, самого М. Горького видел, в двух аршинах от него стоял. Вот, милые, как на ладони, стоит да улыбается своей горькой усмешкой. (А видать-то я, правда, видел, это было дело в городе Харькове, может быть, Вы знаете, в профсоюзном саду. И видел-то всего не так давно, в этом году, 1928, если не ошибаюсь, в июне месяце.) А вот еще будет о чем рассказать.

Пройдут времена, а у меня Ваше письмо будет храниться и уж при случае, когда Вы достигнете значения в мировом масштабе, как советский писатель, то и тут придется о чем поговорить.

Т-ща Зощенко, как же, я хорошо знаю, скажу, да я с ним, может, переписку имел, придется говорить в теплом кругу товарищей — любителей поговорить о современной литературе и о современных писателях.

Вы уж не откажите и сделайте такую милость — напишите. Я Вам и марочку почтовую пересылаю (а марочка стоимости 10 коп.). Вам только бумажечки да конверта на свой счет придется послать. С этим, наверно, как и подобает хорошему писателю, есть такое добро. Чернильца, думаю, также хватает, а в крайнем случае так и карандашиком не побрезгуйте. А вот мой и адресок (следовательно, кто просит, чтобы Вы написали)...

Я знавал одного товарища, так он мне такую историю рассказал и вдобавок божится, что сущая правда. Говорит: это я послал, письмо (не рассказывал, правда, содержания того письма) одному

современному писателю. — Дальше, — говорю я ему. — А что же дальше, а он да возьми, сотвори фельетончик. Спасибо, говорит, хоть фамилию заменил, а то прямо-таки стыдно по улице пройтись. Да и то, рассказывает, хотя фамилия как бы переменная, а все-таки так и кажется, что все узнают, что это, дескать, тот идет, что про него в фельетоне говорится. А надо заметить, что-что, а уж фельетоны сейчас в моде, каждый, наверно, читает. Так вот, т. Зощенко. Я теперь напуган этим товарищем. Думаю, хотя и чепуху пишешь, а чем черт не шутит, не лазил же я в голову писателя, примером, скажем, в Вашу головенку.

Возьмет да и взбредет ему в голову написать что-нибудь. Возьмет, как выражаются по-вашему (писательскому), прочтет письмо и усмехнется, мол, есть сюжет, давай напишу.

Так вот, т. Зощенко.

Ежели, паче чаяния, у Вас появится мысль написать что-нибудь, так уж, пожалуйста, фамилию перемените, я серьезно прошу. Может быть, Вы будете сильно заняты. Может быть, расстроенный. Да, может быть, черт Вас знает что.

Так что и в голову, может быть, не полезет про какие-то сюжеты обдумывать. Теперь, т. Зощенко, я все же снова обращаюсь к Вам, чтобы Вы что-нибудь да и черкнули мне.

А просить я имею право. У меня есть основания. Вы в своем предупреждении к третьему отделу книжки «Над кем смеетесь» пишете:

— А которые читатели из принципа не захотят все же читать эти молодые рассказы — то пущай не читают. Пущай тогда за автором будет двугривенный. Когда-нибудь рассчитаемся.

Вот я и хочу рассчитаться, правда, возврата двугривенного не прошу, ибо я все же прочитал, но прошу взамен за это написать мне пару слов.

Да, еще хотел Вас предупредить и дать честное слово, что уж никому из читателей Вашей книжечки не проговорюся, что, мол, т. Зощенко рассчитывается и пишет письма. Ну, уж будьте покойны, пускай сами до этого дойдут.

А то им и в голову, наверно, не стукнет такая мысль, чтобы Вам написать и от Вас получить ответ.

Нет, т. Зощенко, уверяю Вас, им не стукнет такая мысль, ибо большинство теперь читателей пошло таких, что сразу прут к рассказам, а что им до предупреждения от автора.

С комсом. и читательским приветом

Н.

Вы уж, т. Зощенко, не откладывайте в долгий писательский ящик, а сейчас же ответьте. Как-то, знаете, надежней будет, что не забудете. Жду ответа.

ПИСЬМО РАБКОРА

Козьмодемьянск Марийской автономной области
9 июля 1928

Уважаемый т. Зощенко!

С большим удовольствием прочел Вашу изданную «ЗиФом» книгу «Над кем смеетесь». Главным образом, меня заинтересовали в ней помещенные в третьем разделе Ваши фельетоны.

Я уже давно думал, что в настоящее время юмористические рассказы должны бы быть частично заменены сборниками фельетонов, как материалом, имеющим реальную подкладку, а потому и более способным заинтересовать тот круг читателя, который предпочитает «правду» авторским, извините, «выдумкам». Затем у лиц, доставляющих материал для фельетонов, конечно, усилится боязнь доставлять этот материал, так как мало кому доставит удовольствие попасть из живущей один день и после этого преданной читателем забвению газеты в несравненно более долговечную книгу. Повторяю, что я это думал давно, но никак не предполагал, что мои мысли осуществятся.

Тов. Зощенко, я рабкор. Писал свои корреспонденции и в виде фельетонов. Часть из написанного мною количества последних была помещена. Часть шла через соответствующие органы, а часть помещалась в стенной газете.

Мне бы очень хотелось узнать у Вас, как у человека, близко стоящего к «ЗиФу» (заключаю из обилия изданных последним Ваших произведений), может ли «ЗиФ» выпустить (хотя бы в качестве приложений к одному из журналов) еще сборник фельетонов. Если да, то я бы очень желал дать свои фельетоны, только если Вы согласитесь прислать их Вам на проверку, т. е. под Вашу редакцию.

В качестве доказательства того, что если не литературно, то в смысле грамматики я наликбезился, посылаю Вам напечатанный в журнале свой маленький рассказ. Ваше мнение о нем я также очень хотел бы знать. Журнал прошу не возвращать и оставить у себя в знак моей благодарности за доставляемые чтением Ваших произведений хорошие минуты. Жду Вашего ответа.

Уважающий Вас...

Адрес — г. Козъмодемьянск...

Я — ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

В заключение я хочу припомнить два или три телефонных разговора. Это несколько выпадает из тона моей книги. Но мне кажется, это необходимо для полноты содержания.

К тому же эти разговоры я записал почти буквально. Возможно, что я ошибаюсь только в расстановке слов.

Вот первый разговор:

28 января 1929

— Простите, что беспокою вас... Вот нас пять человек... Мы скучаем... Буквально умираем от скуки... Что нам делать?.. Как развлечься?.. Куда пойти?..

— Позвольте... Но я не бюро обслуживания.

— Да, конечно, мы знаем... Не сердитесь... Это не шутка... Мы звонили именно вам. Разговор зашел о вас. Как вы сумели сохранить свою веселость, жизнерадостность... Что вы для этого делаете?..

— Но кто вам сказал?.. Я скучный и мрачный человек... Откуда я знаю, как вам нужно развлекаться...

— Простите в таком случае... Два-три слова вас, надеюсь, не затруднят...

— Ну, пойдите в кино.

(Сердится. Трубка резко повешена.)

СКРОМНАЯ ПРОСЬБА

— Извините, что я нарушаю, может быть, вам спокойствие. Мне желательно поговорить с вами... Вчера вечером я слышал, как моя жена беседовала с вами по телефону...

— Простите, но я не припомню. Мне много звонят.

— Это неважно. Вечером, около девяти она вам звонила. Я не имел удовольствия слышать, что вы ей вкручивали, но она хохотала довольно весело.

— Да, но я ее не знаю... Вчера, действительно, звонила какая-то мне незнакомая женщина. Но я не знаю ее лично. Просто телефонный разговор.

— Оставьте, товарищ... Мы знаем эти разговорчики. Сегодня она по телефонной сети разговаривает, а завтра она у вас разговаривает... Слушайте, уважаемый литератор, плюньте на это дело. Нет, я вам серьезно говорю. Ну что вам стоит! Звонит какая-то баба — не отвечайте ей. Скажите, черт ее подери, — вам нету времени.

— Голубчик, я обычно так и делаю. И охотно это сделаю и с вашей женой. Как ее имя?

— Тося... Антонина Васильевна...

— Пожалуйста.

— Я очень вам благодарен. Все это ерунда, а у меня, так сказать, нарушено течение жизни. Благодарю вас. Я всегда любил ваши веселенькие сочинения... Пока...

Больше Антонина Васильевна мне не звонила. Должно быть, помогли домашние средства.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Критики считают, что я пишу о мещанстве и что герои моих рассказов — мещане.

При этом некоторые критики недоумевают — откуда я беру такое непомерное количество мещан. Не есть ли это моя выдумка? Не погряз ли я сам в мещанском болоте? Тем более, что ничего, кроме мещан, я как будто не вижу.

В таком случае позвольте сделать разъяснение. Но прежде, чем приступать к разъяснению, позвольте опубликовать одно письмо, которое я недавно получил. Это письмо почти совпадает с теми критическими замечаниями, которые я продолжаю получать по своему адресу.

Вот это письмецо:

7 января 1930

Здравствуйте, т. Зощенко.

Пишу, только что прочитавши ваши «Письма к писателю».

Почему? Во-первых, потому, что вы стали «почти что любить людей», во-вторых — мне захотелось соригинальничать. Все мы грешны.

Признаться, меня поражает, что ни в одном письме к вам нет дельной критики. Только один парень правильно отметил ваши недостатки, да и то под конец сравнил вас чуть не с Чеховым.

Я думаю, да и вы, наверно, сами согласитесь, что до Чехова вам далеко. Может быть, чеховские рассказы глубже, потому что он высмеивал все общество, а вам приходится вытаскивать отдельные группки людей.

Но мне кажется, что вы высмеиваете не совсем то, что нужно. Еще не изжитый бюрократизм, волокиту, вредительство, некультурность — все, что тормозит наше социалистическое строительство, — вот что вам надо высмеивать, а не мещанское болото, которое и без того отживает свой век и никого не интересует. А уж если и показываете человека из этого болота, то покажите его дальнейший рост, его перестройку.

Это просто дружеский совет. По вашим комментариям у меня создалось впечатление о вас, как о «своем парне». Я надеюсь, вы не обидитесь, так как просто смотрите на вещи и как будто искренни.

А с вашими юмористическими способностями вы бы много действительной пользы принесли.

«Вот нахалка, — скажете вы, прочитав письмо, — на двенадцать лет моложе, а менторствует».

Такое уж мы поколенье, дерзкий народ, так и тянет в каждую суматоху сунуться.

Могу дать краткую характеристику о себе, чтоб не показалось все странным.

Лета — 21 год. Имею мужа, только что окончившего инженера, работает на заводе, ребенка трех лет — умненького и красивого. Все время пристает, пока пишу это письмо: «Кому пишешь?» Говорю: «Смешному дяде». Отстал.

Работаю секретарем правления — выдвинута. Имею сверх головы партийной, профессиональной и комсомольской нагрузок.

Вот и все. Прошлое мое не для юмориста — слишком безрадостно. Да и оно вас, конечно, и не заинтересует.

Не поймите письма превратно. Вы как будто бы интересный «человек». Я так и не поняла, в партии вы или нет. Все-таки надо бы в сборник и ругательные письма получить, а то получилось неестественно.

Ну, всего.

Л. К.

Получается, что некоторые критики недалеко ушли от этой молодой женщины, у которой умненький с ы н , — они также недоумевают — зачем я пишу о мещанах.

Отвечу по порядку.

Прежде всего позвольте сказать, что некоторая легкость мыслей не позволяет автору письма понять основные положения.

Автору письма требуется «высмеивать еще неизжитый бюрократизм, волокиту, некультурность» и так далее. А откуда эти явления происходят — автору письма невдомек. А эти явления происходят как раз именно от «мещанского болота». Так что вся мудрость письма рушится после первого же правильного соображения.

Я, конечно, согласен, что «мещанства» (как отдельного класса, прослойки) у нас сейчас нету. И писать о мещанстве как о мещанстве — пожалуй, что и не стоит. Но вот признаки мещанства, элементы мещанства рассеяны у нас почти что в каждом человеке. И если я пишу о мещанине, то это еще не значит, что я увидел где-то живого мещанина и целиком перевел его на бумагу. Нет. Это далеко не так. Я выдумываю тип. Я наделяю его всеми качествами мещанина, собственника, стяжателя, рвача. Я наделяю его теми качествами, которые рассеяны в том или другом виде в нас самих. И тогда эффект получается правильный. Тогда получается с о б и р а т е л ь н ы й тип. Этот тип (в силу правильного рецепта) начинает жить, и довольный читатель восклицает: «Помилуйте, да это мой знакомый. Я только не помню, кто это, но он, как живой».

Такова литературная кухня. И в этом и состоит литература. Литература — это не значит взять своего знакомого гражданина и перевести его на бумагу со всеми его «переживаниями». Это пустяки. Это по старой терминологии будет — дамское сочинение, рукоделие, бирюльки.

Литература требует, кроме лирических способностей, еще некоторой работы головы. Надо прежде всего решить основные вопросы нашей жизни, надо взять правильное соотношение, такую, что ли, правильную пропорцию мещанства. И я решил этот вопрос, вопреки заверениям моей корреспондентки, в том виде, что мещанство у нас, несмотря ни на что, еще сильно. И оно тем сильнее, что находится в скрытом виде. И говорить с ясным взором, что у нас нету мещанства, но что у нас есть только волокитчики, бюрократы и растратчики, — это есть самое явное непонимание жизни, самая вредная точка зрения, так сказать — «бюрократическая отписка».

Вот почему я пишу о мещанстве.

Я не хочу сказать, что у нас все мещане, и все жулики, и все собственники. Я хочу сказать, что почти в каждом из нас имеется еще та или другая черта, тот или другой инстинкт мещанина и собственника. И в этом нет ничего удивительного, это совершенно естественно. Это накапливалось столетиями. Сразу не бывает перерождения, и борьба с этим, по моему мнению, нужней и почетней, чем, скажем, акварельными красками описывать почти что выдуманных людей из будущего столетия.

А то, что молодая женщина пишет о перестройке, то я тоже за перестройку. Но только я стою за перестройку читателей, а не литературных персонажей. И в этом моя задача. Перестроить литературный персонаж — это дешево стоит. А вот при помощи смеха перестроить читателя, заставить читателя отказаться от тех или иных мещанских и пошлых навыков — вот это будет правильное дело для писателя.

1930 год

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

РАССКАЗЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ
ОДНОАКТНЫЕ КОМЕДИИ

РАССКАЗЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ

1933—1940

ДЕЛА И ЛЮДИ

Вчера, черт возьми, я чуть на работу не опоздал.

Главное, я вышел вовремя. Попил чайку. Спускаюсь с лестницы. Гляжу — кошка на окне сидит.

Хотел я этого котенка погладить, но после думаю: еще, черт возьми, опоздаю, если тут разных потов начну гладить.

И не приласкав киску, быстро выхожу во двор.

Выхожу во двор, подхожу к воротам — нельзя пройти. Под воротами яму вырыли. Трубы, что ли, лопнули — ремонтируют.

Народ собрался с двух сторон. И на улице ждут — пойти домой не могут. И во дворе трудящиеся волнуются — не могут поспешать на службу.

Которые яму роют, говорят:

— Через час зароем — не волнуйтесь. А которым такая торопежка — пущай в яму сигают, мы их будем наверх подавать.

Вот один прыгнул, но измазался, как подлец. Его там в яме, пока наверх подняли, до того в грязи отвозили, что он, выйдя на улицу, снова сиганул в яму и велел опять поднять его во двор — пошел мыться и переодеваться.

Стоящие во дворе начали волноваться.

— Позовите, говорят, председателя. Чего он, сволочь, до восьми часов утра дрыхнет.

Приходит председатель. Обижается.

— Я, говорит, не на жалованьи работаю. Я не нанятой. Почем я знал, что они поперек всех ворот выроют.

Член коллегии защитников, некто Брыкин, ядовито отвечает:

— Характерный фактик. Обыкновенная история. Это у нас часто. Чего-нибудь делают, а про людей забывают.

Председатель говорит:

— Вы в нашем доме известный нытик-интеллигент.

Другой жилец говорит:

— Вот, для примеру, я не интеллигент, а я тоже могу отметить. Я вчера голый хотел в ванну сесть. У меня колонка топится. Вдруг — здравствуйте, благодарю — воду закрыли. Я голый печку заливал, а то без воды колонка может лопнуть. Меня предупредить нужно, что воду закроете. Это есть чистое безобразие.

Председатель говорит:

— А ну вас! Завсегда с претензиями. А еще пролетарий.

Один, который на улице ожидает, говорит:

— Тогда пропущайте через квартиры, где выход туда и сюда. Чего я буду на вашу яму любоваться.

Председатель говорит:

— Через квартиры — мысль правильная. Но только у нас все квартиры деленые. У которых выход туда, у которых — сюда. А через кооператив заведующий навряд ли согласится столько народу пропустить — ему могут товар разворовать. Тем более что кооператив еще закрыт и откроется в десять.

Тут я не стал выслушивать дальнейшую дискуссию, а через окно подвала кое-как протискался на улицу и поднажал ходу.

На трамвай, конечно, не попал, но рысью дошел до своего учреждения. Только повесил номерок на гвоздик — ящик закрывают.

Ну, отделался легким испугом и трепыханием сердца и всего организма.

После работы возвращаюсь домой. Вижу: очень мило — яму зарыли. Ходить можно.

Поднимаюсь к себе. Хочу суп сварить — воды нету. Ремонтируют.

Взял ведерко, пошел в соседний дом. Нацедил воды. Только прихожу домой, гляжу — вода идет. Тут я сгоряча выплеснул воду в раковину. Гляжу — обратно воды нету. Закрыли. Побежал вниз узнать, как и чего. Да, говорят, пустили для пробы на пять минут, чтоб жильцы водой запаслись.

Я говорю:

— Но ведь надо, черт возьми, людей предупреждать. Почем люди знают, чего вы думаете.

Председатель говорит:

— Нам, знаете, не до людей — у нас работа идет.

Спорить я не стал, сходил еще раз за водой. Сварил суп. Но кушать не стал — аппетит пропал от усталости и огорченья.

КРОЛИКИ

Вчера в столовой я кушал кролика. И нет, ничего, знаете ли.

Сначала я, правда, с непривычки подумал, что мне какую-нибудь дрянь подсунули. А потом ничего, разъелся. Кушать можно.

Это мясо нежное и маленько курицей преподает. Или скорей цветной капустой. Очень приятно на вкус, только почему-то после этого выпить хочется. Но я это объясняю скорей психологическими причинами, чем воздействием этого мяса на организм.

А кролика я кушал в чужой столовой. В нашем учреждении с кроликами казус произошел.

У нас сорок служащих. Вот мы решили завести кроликов.

Ну, конечно, собрание, разные гордые слова, пятое-десятое.

Служащие говорят:

— Может, нам лучше свинок завести? Все-таки у нас столовая, объедки, пятое-десятое.

Но начальство решает кроликов завести.

Ну, сложились по шестнадцати рублей на рыло. Купили кроликов. Клетки. Уборщицу. Пятое-десятое.

Вот имеем двадцать три кролика и ожидаем от них, согласно обещанию, чудовищного приплода.

Только вдруг мы замечаем, что кролики наши очень такие, что ли, привередливые насекомые. Они и то не жрут и это не кушают. Их интересуют, видите ли, свеженькие овощи, листочки, сухарики. Еще чего! Очень в них барство наблюдается и капризы, чего даже не бывает у служащих.

В столовой у нас бывает много объедков — так они морды воротят. Они сырые объедки не едят. Они хотят свеженький хлеб, пятое-десятое. Пирожные, может быть.

Вот видим, начали у нас кролики сохнуть.

Начальники говорят:

— Пущай каждый служащий берет каждого кролика под свое шефство и пущай ежедневно своим подшефным чего-нибудь носит. Это и их не раззорит, и всячески план будет выполнен.

Ну, стали служащие носить — которые корку принесут, которые печенье «Мария». А им все мало. У них только и делов — пожрать побольше. Это жуткое животное в смысле еды. У них никаких других идейных запросов не бывает. Им бы только пожрать.

Начальники говорят:

— Пес их знает — действительно много жрут. Вскочили нам эти кролики в копеечку.

Служащие говорят:

— Надо было свинок завести. Все-таки у нас объедки бывают.

Вскоре у нас кролики стали хворать.

Главное, один кролик захворает, и от него все начинают хворать. Очень нежная тварь.

И чем лечить — неизвестно. Ихний врач говорит:

— Их надо едой лечить — это низшие животные. Они питание себе требуют.

Вскоре осталось у нас девять кроликов. Остальные дуба дали.

Ну, обрадовались служащие. Девять кроликов прокормить еще можно.

Вскоре наступила сырая погода. И хотя эти последние, как говорится, ходят в мехах, но тем не менее простужаются и, главное, боятся сквозняка. Еще чего!

Стали эти девять подлецов кашлять и чихать.

И вскоре осталось у нас всего две персоны.

Хотели мы их употребить в столовую. Но завхоз не позволил.

— Может, говорит, они одумаются и начнут нести потомство. Хотя это маловероятно, поскольку это — два самца. Но все-таки подождем. А нет — так тогда в столовую.

Наш бухгалтер устроил калькуляцию и подсчитал стоимость одного обеда из этих будущих кроликов.

Он говорит:

— Один обед обойдется рублей в семьдесят.

Так что, кто из служащих получает сто рублей в месяц, тем, конечно, такой обед будет не по карману.

Ну, это, конечно, только у нас. Как в других учреждениях, я не знаю. Может, там кроликов по две копейки продают.

А у нас, извините, такой казус. Такое головотяпство. Ну, я понимаю, там, где нет столовой, там пущай кроликов разводят, а где есть объедки — там бы наилучше всего свинок.

И служащие у нас теперь прямо вздрагивают при слове «кролик». А при слове «свинья» улыбаются.

А так все остальное хорошо.

СТЕНОГРАММА РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА СОБРАНИИ НАШЕГО ЖАКТа ОТ 28 ЯНВАРЯ ЖИЛЬЦОМ ИЗ КВАРТИРЫ № 7

Нет, если говорить на оборонную тематику, то мне, вообще говоря, не придется по возрасту даже в армию идти. И в этом смысле я даже так скажу: как-то огорчен. Все-таки как-то хочется что-то такое сделать, поскольку еще пламя горит в груди. Не хочется, одним словом, прозябать в тылу.

Тем более, если говорить откровенно, то и тыл тоже, знаете, не так-то уж, знаете ли, представляет глубокий интерес. Тоже, знаете, как начнут аэропланы сверху бомбами запузыривать, так тоже, как говорится, благодарю вас за такой тыл.

Или там начнут из дальнобойных орудий снарядами дергать, так тоже мерси-спасибо.

Главное, техника, я не понимаю, последнее время, как с ума сошла. Она все время добивается, как бы ей подальше стрелять. Им чем дальше, тем лучше. Они не глядят, что это в тыл попадает. Это как-то даже, я так скажу, не гуманно. Ну там достигайте особенных эффектов на близком расстоянии. Крошите там что близко. Но не ломайте голову над проблемой дальнобойности.

А то что же такое: которые вблизи, тем — ничего, а которые чуть подальше, те — отдувайся.

Нет, я так скажу: я удивляюсь на современную научную мысль. Тем более, раз это тыл, так уж он и есть тыл. И там, может быть, одни старухи сидят. Зачем же их тревожить дальнобойными орудиями? Это ведь тоже до некоторой степени некрасиво с ихней точки зрения.

Или там Лига Наций. Она разбирается по целому ряду вопросов. Но насчет этого вопроса она как воды в рот набрала.

Главное — не все же могут впереди находиться. Или я так скажу лично о себе: то есть у меня никак не выходит, что мне придется где-нибудь там маршировать. И, так сказать, воленс-неволенс я должен где-то в другом месте пребывать. Во-первых, у меня и с годами довольно спокойно. Да и со здоровьем дела обстоят исключительно благополучно. Если хотите знать: у меня и ТБЦ, и грыжа, и какая-то психическая возбудимость. Так что, когда доктора велят положить ногу на ногу и потом ударяют по коленке, чтоб с научной точки зрения поглядеть, как она подпрыгивает, то нога у меня так высоко подпрыгивает, что не только рядовые врачи, но даже и заслуженные профессора очень исключительно удивляются. «Да уж, говорят, у вас с ногами что-то такое неимоверное происходит. Мы, говорят, даже отчасти теряемся с научной точки зрения. Вы, говорят, своими ногами нам как-то даже нарушаете научную мысль».

А что я могу поделать, когда она у меня так ненаучно подпрыгивает, и даже она, я так скажу, разгоняет научный персонал.

Только, я так скажу, это, наверно, происходит по психологическим мотивам. Может быть, она и не должна бы так вскидываться при легком медицинском нажиме, но, может быть, согласно учению Фрейда, моя психология тоже, как говорится, остерегается в предчувствии там всякой разной чертовщины и, может быть, в своем подсознательном выписывает такие кренделя, недопустимые в пределах строгих научных рамок.

Но если даже отбросить подобную психологию, то и тогда получается, что такая нервность не оправдывает своих надежд, поскольку, я говорю, опять-таки все дело упирается в проблему тыла, где не так-то уж будет расчудесно, как это хотелось бы.

Так что в этом смысле я прямо даже не знаю, как быть. И может быть, действительно лучше в тылу не находиться.

Хотя тоже и впереди как начнут из всяких штук решетить, так тоже, как говорится, давайте лучше не надо.

Так что, несмотря на все, я все же склоняюсь к более опасной тыловой жизни. Тем более, что в случае обороны и в тылу можно принести посильную пользу. И если б не современная техника плюс газы и разные там аэропланы, то все было бы исключительно безобидно.

Хотя, конечно, в смысле неспокойствия тыла не следует целиком класть вину на современность. Тоже, как говорится, и в прежнее время в тылу гарантии не было. Или, например, факт из греческой истории: как они великого математика Архимеда убили. Уж, казалось бы, сидел человек у себя в помещении — чертил что-то такое. А римские войска в это время врываются в город. И, знаете, бегают по квартирам. И хотя видят, что человек

спокойно *чертит*, — все-таки они его протыкают своим дротиком. Ну что это такое?

А уж если они Архимеда убили, так уж, знаете ли, с них всего хватит.

Тем более непонятно: многие — культурные люди, некоторые — с высшим образованием. Кое-кто — стихи пишут. Некоторые — музыканты. Некоторые, сидя в театре, всхлипывают на чувствительных местах. Но, тем не менее, те же самые люди вдруг могут объявить войну, устроить кровавую баню, разорить тыл и так далее.

Нет, я гляжу против войны. Я гляжу за оборону. И под это двумя руками подписываюсь, хотя и имею антивоенные взгляды.

ДАЧА ПЕТРА СВИНЦОВА

Вот какой подлинный случай произошел этим летом в нашем дачном местечке.

Подъезжает к вокзалу шикарный автомобиль. И там сидит какой-то интурист. Это толстый мужчина, лет пятидесяти. Причем одет он ослепительно. Широкое пальто. Очки. И какая-то особая мохнатая кепочка. И вдобавок он держит во рту сигару.

То есть, по виду это прямо типичный представитель буржуазных стран.

Вот машина остановилась. И шофер, обернувшись, говорит иностранцу по-русски:

— Тогда, гражданин иностранец, я буду в аккурат вас тут поджидать.

Интурист кивнул ему головой, дескать, ладно. И сам вышел из машины.

И, выйдя на мостовую, оглянулся по сторонам. Потом сделал несколько шагов. Остановился. Потом опять пошел. И снова встал.

И кепочку снял.

И тут все зрители увидели, что этот человек нервничает. Он, как бы сказать, сильно волнуется. Он во все всматривается. И все хочет увидеть. И каждая дачная картинка его трогает.

Тогда одна из местных жительниц, зимогорка Н., не могущая дальше выносить неизвестности, подходит до него и говорит:

— Если вы дачу приехали снимать, то уже июль и все сдано. Или что с вами?

Интурист махнул рукой, дескать, отвяжитесь. И без слов пошел дальше.

Тут несколько человек с зимогоркой вместе обращаются к шоферу. Тот говорит:

— Видите, это один иностранец. У него номер в гостинице «Астория». Сам он, представьте себе, швейцарский подданный, но в смысле своего прошлого он говорит, что он чисто русский.

И это его родные места. Он тут жил в свое время, до революции. И тут у него была собственная дача. И он теперь на правах интуриста посетил это дачное местечко. Он захотел взглянуть, где он тут жил в дни своей молодости. И через это его волнение ударяет, и он даже попорол пешком, чтобы насладиться картинами прежних переживаний.

Тогда все, кому это сказал шофер, посмотрели на идущего интуриста.

А он, сняв кепочку, шел теперь по Сосновой улице к самому озеру.

И, дойдя до озера, он остановился, потом взял вправо и вдоль по берегу пошел дальше.

Наверно, он живо держал в своей памяти всю эту местность, если спустя двадцать лет шел и не сомневался.

И вот идет он по-над озером. И вдруг остановился. Растерянно оглянулся. Пошел назад. Потом опять вернулся. И развел руками, как бы говоря: ничего не понимаю.

Тогда зимогорка Н., уже ранее с ним говорившая, снова подходит к нему.

Он ей говорит:

— Вот так номер. Не могу, знаете ли, тетушка, отыскать собственную дачу. Двадцать лет, говорит, я ее во сне видел и каждый день желал на нее взглянуть. А сейчас, когда это совершилось и когда я сюда прибыл в качестве иностранного туриста, — я не могу ее отыскать. А ведь, кажется, я тут до революции прожил целых тринадцать лет. Дважды, говорит, я был тут влюблен в местных дачниц. Каждое деревцо я тут знаю. И весь фасад этой дачи я всегда держал в своем воображении. И, тем не менее, не могу теперь отыскать ее среди всех этих дач.

Зимогорка говорит:

— А скажите: под каким номером шла ваша дача?

Интурист ей говорит:

— Вы, говорит, тетушка, дура не дура, но вроде того. Если б я номер знал, то и сам бы посмотрел. Но я номера не помню. А что касается фамилии, то до революции это была дача владельца Петра Свинцова.

Тут среди собравшихся людей выступил местный житель, зимогор Попов. Он так сказал:

— Теперь, когда вы назвали фамилию, я в вас узнаю бывшего дачевладельца Свинцова. Ваша, говорит, дача стояла в аккурат на этом месте. И вы правильно тут остановились. Но только ваша дача еще в 1925 году сгорела от пожара. И на ее месте построен вот этот домик.

Тут все собравшиеся взглянули в лицо интуриста. Все захотели увидеть, как он перенесет это неприятное известие. Все-таки он так

мечтал увидеть свою дачу, с которой было связано столько чудных воспоминаний. И вдруг, здравствуйте, — ее больше нету.

Услышав это известие, интурист покачнулся, ахнул, всплеснул руками и, просиявши, сказал:

— Слава богу!

Зимогор Попов сказал:

— Почему вы так восклицаете?

— Я так восклицаю, — сказал интурист, — потому, что я узнал, что мое добро никому не досталось.

Тогда все растерялись и не знали, что ответить. И только зимогор Попов сказал:

— Напрасно восклицаете. Ваша дача сгорела в 1925 году, но до этого времени она шесть лет была под детскими яслями.

— Что она под детскими яслями, — ответил интурист, — меня это не волнует, но вот если бы сейчас я на этой даче кого-нибудь увидел в качестве владельца, — вот это было бы мне в высшей степени неприятно и тяжело. И я даже не знаю, как бы я перенес этот удар. Но теперь я благодарю судьбу, что мое добро никому не досталось. И это мне такой большой сюрприз, какой я даже и не ожидал получить в своей жизни.

Тогда зимогор Попов, довольно революционно настроенный, так нарочно сказал интуристу:

— Дача ваша сгорела, но вот, кажется, ваше имущество спасли и оттащили опять-таки в другие ясли.

Так он ему сказал и смотрит: не хватит ли того кондрашка.

Интурист помахал на себя кепочкой, как веером, и сказал, вздохнувши:

— Зато дача сгорела. И я, снова счастливый и помолодевший, уезжаю в свою Швейцарию.

Потом, испугавшись, не наговорил ли он лишнего, интурист повернулся на каблуках и быстро, не глядя по сторонам, пошел к вокзалу.

Он дошел до своей машины и, сказав шоферу что-то по-французски, велел ехать.

А зимогорке Н. он, порывшись в карманах, хотел дать какую-нибудь мелочь, но та не взяла и даже хотела позвать милиционера, чтобы обуздать интуриста, прибывшего к нам из другого мира со своими навыками.

Но пока она прикидывала в своем уме, как и что, машина уехала. И на этом дело кончилось.

НАУКУ — НА БОРЬБУ С ШУМОМ!

Если говорить насчет борьбы с шумом, то в первую очередь хочется отметить радио.

По силе звуков радио стоит на первом месте. И только, может

быть, выстрелы дают более сильный звук. И то, как говорится, против выстрелов имеется своя наука — баллистика. А против радио научная мысль ходит как слепая.

Слов нет, радио, может быть, — великое открытие, но если в квартире три или четыре громкоговорителя, то, как говорится, благодарю вас за такое открытие.

Главное, досадно, что борьба с шумом началась не с этого открытия. Научная мысль почему-то в первую очередь пошла, так сказать, по трамвайному пути.

Бесшумный трамвай уже выпущен. И он уже курсирует по улицам Ленинграда всем на удивление. Фантазия Уэллса воплотилась, так сказать, в свою действительность.

Но бесшумный трамвай — это, в конце концов, техника плюс, может быть, простая резина или там, говоря научным языком, гуттаперча.

Но что может сделать та же резина против радио, — вот это еще не выясненный вопрос.

Лично я еще в хороших условиях в смысле радио. Некоторые в своих квартирах слышат радио и с улицы, и с верхних, и с нижних этажей, не говоря уже о соседях.

Один мой родственник со стороны жены с научной целью записывает все звуки, какие к нему доносятся со всего дома. Так он, если не врет, слышит у себя шестнадцать радиоаппаратов.

Лично я такого количества не слышу, но два радиоаппарата меня прямо, как говорится, доводят до ручки.

Ну, один сосед со своим аппаратом — еще ничего. Про него нельзя сказать, что это большой любитель радио. Он с работы придет, прослушает детский час. И больше его не слыхать. Разве что, находясь под мухой, он поставит там еще минут на пять какое-нибудь пение. Вот вам и вся его радиопрограмма. Это мягкий, гуманный человек. И не дурак выпить. Так ему, как говорится, не до того.

Но другой сосед — это уже что-нибудь особенное. Главное, он не так радио слушает, как он вообще хулиган. Он нарочно подолгу не выключает радио. И даже, идя, например, в баню, оставляет радио звучать.

Но каково было наше удивление плюс возмущение и ненависть, когда он, уехав в отпуск, оставил радио работать на полный ход! Он не выключил его. А свою комнату закрыл, собачий нос, на висячий американский замок и сам, как говорится, преспокойно отбыл на месяц в Крым. Он туда загорать поехал. На южный берег Крыма. А мы, как говорится, должны в его комнате терпеть шум.

Первые два дня мы сразу даже не сообразили наличие подобной забывчивости. Но потом слышим звучание совершенно не в урочное время. И вдруг видим: радио звучит круглые сутки, до того, что у меня шарики в глазах появляться стали.

Тогда я бегу в домоуправление и прошу в конце концов прекратить вышеуказанный шум.

Председатель говорит:

— Да, борьба с шумом идет, не спорю. И это, конечно, непорядочно со стороны жильца шум производить во время отпуска. Но ломать дверь, чтоб туда войти, я не смею без его разрешения.

Тогда мы с другим его соседом делаем складчину и посылаем ему в Крым телеграмму, дескать, забыл, иуда, закрыть радио. Срочно дай согласие сломать дверь с петель.

Но поскольку от нервного раздражения я в последний момент в телеграмме добавил еще несколько язвительных слов, то этот подлец не ответил мне на телеграмму.

Тогда я хотел как-нибудь привыкнуть к этим постоянным звучаниям в его комнате. И к музыке я уже стал понемножку привыкать, но когда какая-то девица-агроном стала из бюро погоды перечислять, где какая температура находится, то я не мог более этого терпеть и выскочил из комнаты, чтоб что-нибудь произвести.

Один жилец мне говорит:

— Вы поднимитесь на крышу и срежьте к черту его антенну. Без антенны редко какое радио может звучать. И через это вы найдете себе душевный покой.

Тогда я, не будучи никогда на крыше и даже не понимая, как туда ходят, с опасностью для жизни влез туда и в аккурат над его окном отломал громадную, как багор, антенну.

Но каково же было мое удивление, когда, спустившись вниз, я снова услышал звуки!

Тогда жилец говорит:

— Вероятно, у него очень сильное радио, что оно без антенны играет. Если хотите, я, говорит, к вам вечером одного подростка подошлю, он в радиомеханике хорошо понимает.

И вот прислал он мне вечером подростка.

Подросток говорит:

— Вы не знаете, какое у него радио?

— Какое радио, — я ему отвечаю, — не знаю, но, наверное, какое-нибудь исключительное, поскольку я антенну отломал, а оно все играет.

Подросток осмотрел все, что полагается, и говорит:

— Вы, говорит, у кого-то другого антенну сломали. За что ждите себе неприятности. А что касается вашего соседа, то у него никакой антенны не должно быть, поскольку у него всего-навсего радиоточка, то есть просто у него идут провода и к ним приставлен громкоговоритель. Если вы хотите, я отрежу в коридоре эти провода, и оно перестанет давать звучание.

Так он и сделал. И музыка сразу прекратилась. И наступила блаженная тишина. И я минут двадцать наслаждался этим в полное свое удовольствие.

Но потом мой другой сосед ни с того ни с сего поставил свое радио, и снова началась чертовщина и завывание.

Тогда, будучи нервно настроенный, я, рассердившись, схватил ножницы, подбежал к его двери и отрезал к черту его провода. Но каково же было мое удивление, когда звучание продолжалось!

И вдруг выпивший сосед выскочил из комнаты с воплем:

— Ты что ж меня, рыбий глаз, оставил в полной темноте. И даже потушил мою печку, на которой варилась каша!

И тут, конечно, начались шум и крики другого порядка, которые еще более досаждают душу и ослабляют кровь.

ТВОРЧЕСТВО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Некоторые жалуются, что музеям и картинным галереям отпускают мало денег на их нужды. И через это, дескать, в некоторых провинциальных музеях холодно, неуютно. А чего, собственно, там отапливать, когда на стенах висят картины, Или, как говорится, полотна, и они могут выдержать любую температуру ниже нуля?

А что касается публики, то те могут особенно не задерживаться подолгу, если им холодно. А быстренько пусть пройдутся по залам — и хватит.

Тем более, чего там особенно подолгу смотреть? Как говорится, не ситец.

Вообще художники — народ легкомысленный и отчасти даже взбалмошный. Часто рисуют, сами не знают чего. Нарисуют, например, разрезанный арбуз и кругом него яблоки нарисуют. И думают этим удовлетворить культурные запросы населения. Дескать, натюрморт. Вообще, как правило, прежние художники — народ, оторванный от жизни и действительности. В музеях, например, такая адская холодюга, а те же самые художники знай себе рисуют разные летние сценки и пейзажи. Или там весну нарисуют и подпишут: «Грачи прилетели» или там «Снег тает». А какой, к черту, он тает, если при такой температуре он опять, может быть, замерзает?

Или те же оторванные от действительности художники выписывают там исторические и библейские сценки с полуодетыми фигурами. Неестественно. Фальшиво. Непродуманно. И смотреть на это при таком холоде — прямо всякая художественность теряется. И у зрителя недоверие возникает к данному произведению искусства.

Вообще, если не отапливать помещения, то до некоторой степени средства экономятся. И в крайнем случае эти средства можно

пустить на то, чтобы как-нибудь сгладить художественные неполадки.

Можно заказать художникам, чтобы они пририсовали что-нибудь соответствующее действительности.

Не хотим мешать творческому полету их мысли, но до некоторой степени можем подсказать, если на то пошло.

И уж если русалка в воде барахтается, то будет вполне естественно, если ее из проруби показать. То же и из райской жизни. Если Адам и Ева стоят, как говорится, в чем их мама родила, то опять-таки получается фальшиво. А чуть их приодеть — и художественность, как видите, торжествует. Но змее, конечно, холодно.

На других полотнах наш современный художник, не оторванный от реальной жизни, тоже что-то такое изобразил, соответствующее моменту. И при таком повороте живописи в сторону реальности зритель остается удовлетворенным, и он уже, наверно, не будет обижаться на температуру в помещении. Вообще искусство — кропотливое дело.

НЕТАКТИЧНО ПОСТУПИЛИ

Люди рассказывают о таком забавном фактике, происшедшем у нас в Ленинграде.

Причем это точный факт, а не выдумка или там какой-нибудь полет творческой фантазии.

Речь идет о двух приезжих иностранцах.

Как известно, этой осенью в Ленинграде был громадный наплыв иностранцев. Приезжали на кораблях целые ватаги американцев, англичан, шведов и так далее.

Ну, естественно, — морской порт, и им, может быть, удобно. Образ жизни туристов не вызывал у нас удивления. Они ездили на машинах осматривать острова. Посещали музеи, где глядели картины и все, что там есть. И сидели в ресторанах, с аппетитом кушая икру, балык и прочие северные деликатесы.

Ну, конечно, некоторые из туристов, как говорится, шлендали по комиссионным магазинам, закупая там всякую всячину, надеясь зацепить из барахла что-нибудь исключительно ценное, какую-нибудь там реликвию XIX века или что-нибудь в этом роде. Они покупали там идолов, фарфоровых болванчиков, статуэтки и всякие там штучки-мучки разных столетий.

Многие из них имели манию приобретения, другие любили посещать антикварные магазины, видя в этом цель жизни и служение красоте. Третьи, наоборот, приобретали с тем, чтобы у себя на родине, как говорится, спекульнуть.

Это был, так сказать, капиталистический мир с его разнообразными представлениями.

Но каково же было удивление, когда два иностранца, одетые очень вычурно и, я бы сказал, тонно, вошли однажды в самый обыкновенный магазин «Гастроном», где происходила продажа обыкновенных колбас, масла и так далее.

Это всех удивило.

А они вошли в магазин и, раскрыв какую-то книжечку (может быть, самоучитель), обращаются к продавцу, еле говоря по-русски.

— Любезьная особа, отвесь, голубьчик, масьло.

Но так как эти слова они произносят мужчине, то он обижается, но, видя перед собой туристов, любезно отвечает:

— Сию минуту, милорды, приступаю к вашей операции, только отпущу одну гражданку.

И, отпустив покупательницу, снова обращается к ним, дескать, сколько вам масла и какого: парижского или с солью. Те, поглядев в самоучитель, говорят:

— Любезьная особа, отвесь нам, голубушька, пиять кило масьла.

Продавец начинает энергично резать масло, но один из приезжих говорит:

— Милль пардон! Не пиять кило, а десять, любезьная особа...

Продавец говорит:

— Так бы сразу и мычали, что десять. Я бы вам одним куском отвернул.

И снова начинает резать масло.

Тогда другой иностранец обращается к продавцу:

— Я желает получить больше масьла. Мне нужно масьла сто восемь кило. Можно ли, любезьная особа, получить у вас такое количество?

Продавец говорит заведующему:

— Вон сколько они хотят.

Заведующий говорит:

— Отпустите им столько и даже больше, хоть целую тонну, а если не хватит, то я сейчас велю со склада доставить.

Продавец говорит туристам:

— Платите, милорды, в кассу тысячу восемьсот тридцать два рубля. Сейчас провернем эту операцию.

И он начинает вращать бочонки с маслом.

Целая толпа посетителей собирается у прилавка, чтобы видеть, как туристы поволокут свое масло.

Вдруг заведующий говорит:

— Позвольте, но где же эти иностранцы?

Некоторые из посетителей говорят:

— Они сейчас тут вертелись, и вот их теперь нет.

Тут все видят, что иностранцев, действительно, нет в магазине.

И кассирша кричит: денег они не платили.

Тогда заведующий, усмехнувшись, говорит:

— Это абсолютно ясно. Они хотели поглядеть, свободно ли у нас в стране продается масло и можно ли приобрести такое количество в одни руки. И, убедившись, что можно, они теперь скрылись, поскольку они интересовались не покупкой, а политикой.

Тут среди покупателей начался смех. Некоторые начали острить, дескать, у них купило притупило.

А продавец, вращавший бочонки, отчасти даже рассердился. Он выбежал из двери магазина и крикнул;

— Нетактично, господа, поступаете!

А один из посетителей, выбежавший из магазина вместе с ним, закричал:

— Эй вы, стрикулисты!

Заведующий не позволил больше кричать вслед иностранцам и велел продавцу встать за прилавок.

Тут среди покупателей снова начались шутки и остроты насчет несостоявшейся покупки.

Потом все успокоилось, и жизнь в магазине потекла нормально.

НА УЛИЦЕ

Давеча я шел по улице и вдруг вижу: идет навстречу красноармейский отряд.

Четко и славно шагают — любо-дорого на них глядеть.

Все удивительно чистенько одеты. Сапоги новенькие. Шинельки из хорошего сукна. И у каждого бойца из-под ворота гимнастерки белый воротничок еще торчит.

И самое интересное — все бойцы в перчатках.

Но меня не так перчатки удивили, как удивил командный состав. Бывало, в прежнее время идет, представьте себе, какой-нибудь гвардейский полк. Какие-нибудь там волынцы. Или какие-нибудь там, я не знаю, семеновцы. Тоже, конечно, все порядочно одеты. Чистота и так далее.

Но там поглядишь на ихний комсостав, на их офицеров, и все, как говорится, моментально делается ясным, что к чему.

Идут гвардейцы, солдаты — здоровые молодцы — представители народа. А рядом, перед каждым взводом, шествует чистенький, как кукла, офицер. И глядишь на этого офицера и видишь: это идет барчук. Холеное лицо. Усики. Сам бледный и затянутый. Надушен. И идет, все равно как танцует.

Командует: «Арш!» — и, между прочим, «р» не выговаривает. Еще чего!

И сразу видишь: дворянчик, белоручка, помещик или сын помещика.

Поглядишь снова на солдат — и видишь два мира, два класса. И один класс командует, а другой ему подчиняется.

Такая прежняя картинка была очень, как бы сказать, агита-

ционна. Сразу было видно, кому народ служит и за какие интересы он бьется и страдает.

Очень уж у них была заметна классовая разница.

Но вот идет наш красноармейский отряд.

И я гляжу на этого нашего командира и вижу: это тот же свой брат, сын народа и представитель своего класса.

Он идет рядом с бойцами, и я не вижу между ними никакой особой разницы.

Да, конечно, он с образованием, многое, может быть, там знает, учился. И так далее. Он одет более франтовато. У него меховой воротник и кожаные перчатки. Но это уже не барчук и не представитель другого мира.

И даже обыватель, стоящий на панели, может сразу заметить, в чем дело и какая у нас армия, кому народ служит и какие интересы он намерен защищать.

И вот я стою на панели и об этом думаю, когда бойцы проходят мимо меня.

И я прикладываю руку к своей штатской кепке и отдаю честь этому воинскому отряду.

ПАРУСИНОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Я прошу извинить, дорогие читатели, что задерживаю вас на таком пустяке, на незначительном факте, не стоящем, может быть, вашего просвещенного внимания, устремленного в другие дали. Но уж очень забавное дело я слушал в народном суде.

Один, представьте себе, муж весьма часто ходил на вечерние сверхурочные работы. Так он, по крайней мере, объяснял своей жене. А на самом деле у него никаких сверхурочных не было, а попросту он ходил в гости к одной своей землячке из Ростова.

У них в свое время в городе Ростове была пылкая любовь, и вот теперь они снова не без интереса встречались: они ходили в кино, в театры и так далее.

Но дома он, конечно, говорил, что у него экстренные занятия, брал для отвода глаз портфель и шествовал к своей подруге.

Наверно, он не хотел, как говорится, затемнять семейные горизонты личными делами и поэтому так поступал. Тем более, что у него была жена и сынишка лет десяти.

Вот однажды, придя со службы домой и покушавши, он сказал жене, что сегодня вечером он должен пойти на одно экстренное заседание.

Жена начала ахать и говорить, что его что-то уж слишком загрузили делами, что он, благодаря этому, совершенно отбился от дому, что это ни на что не похоже, и что если это так будет продолжаться, то она напишет об этом кому-нибудь из крупных хозяйственников, что, дескать, вот что получается.

Еле отвертевшись от семейных разговоров, наш муж надел пальто, взял портфель и направился к выходу.

Но едва он хотел выйти на лестницу, как вдруг в квартиру вошел счетчик из Электротока.

Наш муж, желая посмотреть, сколько у него нагорело электричества, немного задержался в передней. И, узнав сумму, вытащил бумажник из кармана и дал деньги своей жене с просьбой тут же расплатиться. А сам поскорей вышел, чтобы снова, чего доброго, не возникли разговоры.

Но тут случилось так, что он, торопясь и волнуясь, что опаздывает, взял портфель счетчика вместо своего портфеля и с ним поспешно вышел.

А это был обыкновенный грубый парусиновый портфель. И в нем были разные официальные бланки, документы, карточки и так далее.

Но наш инженер, находясь мыслями в другом месте, просто даже не заметил, что он несет.

А надо сказать, что в его собственном портфеле, как на грех, были положены конфеты, которые он хотел преподнести своей знакомой, какое-то еще дамское шелковое кашне и хорошенький бювар для писания писем.

Вот, значит, этот злополучный портфель с подарками остался в передней на стуле, а сам инженер с парусиновой чепухой прибыл к своей подруге.

Но поскольку он запоздал или уж я не знаю что, она не смогла его принять. То есть, она вышла к нему в переднюю и с ним мило объяснилась, но сказала, что у нее сейчас сидит приехавший из провинции какой-то ее дядя с маминой стороны и она, думая, что инженер не придет, договорилась уж со своим дядей куда-то пойти.

Находясь в большом огорчении, наш инженер не сразу, конечно, ушел, а он долго канючил в передней, говоря, что он всего-то опоздал на пять минут и что это очень жаль, что у него сорвался вечер. И тогда она пообещала встретиться с ним завтра.

Вот наш инженер, находясь в расстройстве чувств, стал прощаться со своей подругой. И собрался уже уйти, как вдруг увидел в своих руках какую-то парусиновую штуку, какой-то замызганный, не его портфель.

В полной уверенности, что это он сейчас взял его по ошибке, он положил его на столик в передней и стал искать свой портфель.

А в передней, под стулом, стоял чей-то портфель. И наш инженер, найдя его, до некоторой степени даже удивился и стал вспоминать, когда же это он успел засунуть свой портфель под стул.

Но так как его землячка снова начала спешно с ним прощаться и его выпроваживать, то он и не стал больше задумываться над этой материей, а, вытащив портфель из-под стула и решив, что он

подарки сделает завтра, еще раз приложился к ручке своей знакомой и вышел с чужим имуществом. И она ему ничего не сказала, поскольку она, наверно, тоже не знала, что это портфель ее дяди. И вдобавок, в передней царил полумрак.

И вот, выйдя на улицу, наш инженер побрел потихоньку домой, помахивая портфелем.

А надо сказать, что дома у него был уже полный переполох.

Счетчик, получив деньги и не найдя своей парусины, поднял тарарам и, думая, что это хозяйский мальчишка, играя с портфелем, затащил его куда-нибудь в комнаты, стал везде искать и, разыскивая, перевернул всю квартиру кверху дном.

Жена тоже деятельно помогала искать, но, найдя портфель мужа, удивилась, что он не взят. И из чисто женского любопытства заглянула туда — что там есть. И, найдя вещи, несколько странные для сверхурочных занятий, взволновалась и, уйдя в свою комнату, стала обдумывать, что бы все это значило.

Сынишка же инженера, десятилетний мальчик, увидев содержание портфеля, выгреб из него коробку конфет и, как говорится, отдал должное кондитерским изделиям.

Придя к мысли, что муж ей говорит неправду о сверхурочных занятиях, жена начала плакать. Но тут раздался телефонный звонок и грубый мужской голос сказал, что если еще не пришел ее муж, то пусть она передаст ему, что там, где он сейчас был, он оставил свой портфель с бумагами, а вместо него взял по ошибке чужой портфель. И пусть он, как придет, срочно это вернет, так как они садятся ужинать, а в портфеле остались кое-какие съестные припасы.

Жена сквозь слезы обещала, что передаст мужу, и, повесив трубку, начала рыдать, поняв отчасти, где ее муж бывает.

В общем, в доме был полный кавардак, когда на семейном горизонте вновь появился наш злосчастный супруг.

Счетчик из Электротока, который перевертывал теперь кухню кверху дном, набросился на вошедшего инженера, требуя моментально найти его портфель, в котором заключалось электрическое хозяйство всего района.

Не понимая еще, о чем идет речь, муж услышал рыдания своей супруги и поспешил к ней в комнату. И там вскоре разразилась буря, так что счетчик и не рискнул туда войти, а с видом великомученика сел в коридоре на стул и стал ждать, чем все это кончится.

Тут сынишка инженера, увидев новый портфель, поинтересовался, что еще принес папа. И хотя бабушка запрещала трогать этот портфель, тем не менее мальчик выгреб из него еще одну коробку конфет, маринованные пикули, паюсную икру и бычки в томате. Мальчик, не чувствуя больше аппетита к конфетам, отнес их в буфет. А бабушка, будучи не в курсе дела и полагая, что

продукты принесены для дома, поставила пикули, икру и бычки за окно. Причем, пробуя икру, больше, чем следует, налегла на нее, так что за окно попало, собственно говоря, весьма незначительное количество.

Во время этих хозяйственных процедур и в момент наивысших криков в спальне снова раздался телефонный звонок. И муж сконфуженно начинает в трубку объяснять, что это просто ошибка и что портфель будет моментально доставлен.

И с этими словами инженер идет в коридор, находит там счетчика, извиняется перед ним, дает ему адрес и рубль на автобус и просит взять портфель, лежащий в передней, и обменять его на свой, случайно занесенный в другое место.

Счетчик, довольный, что портфель с денежными бумагами, наконец, найден, не стал слишком много распространяться, и, только слегка поругавшись с рассеянным интеллигентом, отбыл, захватив для обмена портфель, опустошенный бабушкой и внуком.

Но едва в квартире наступила тишина и утомленные супруги прилегли после бури отдохнуть, как вдруг снова раздался телефонный звонок и грубый мужской голос сказал жене, что ее супруг, видимо, попросту арап, если из чужого портфеля он выгреб все, что там было. И что, если на то пошло, пусть он оставит себе бычки в томате, но икру и пикули пусть моментально вернет, иначе ему несдобровать. И что даже его знакомая просит ему передать, что он подлец.

Муж, чувствуя, что идет скандальный разговор, вырвал трубку от жены и стал кричать, что он ничего из портфеля не брал и даже его не открывал и пусть все убираются к черту. А что за посланного человека он не отвечает, и если тот взял что-нибудь из портфеля, то пусть они и имеют с ним дело.

Тогда грубый мужской голос стал мягче и сказал, что посланный человек еще не ушел и что он вытряхнет из него душу, но икру и пикули вернет.

Наконец, все смолкло. Муж и жена, объединенные общим военным фронтом, несколько даже примирились. И жена взяла с него торжественное обещание, что впредь таких вещей не будет.

Однако, примерно через час, в квартиру явился весьма бледный и в растерзанном виде счетчик и поднял невероятный скандал, требуя возврата каких-то продуктов. Но так как ни муж, ни жена об этих продуктах ничего не знали, а бабушка уже спала сном праведницы, то рассердившийся инженер велел счетчику моментально уйти. Счетчик сказал, что подобных людей он еще не видел в своей жизни и что на инженера и на того мужчину, который чуть не вытряхнул из него душу, он завтра же подает в народный суд. Тем более, что, мало того, что он потерял рабочий день, — он еще получил нервное и физическое потрясение и вдобавок до сих пор

не получил своего портфеля с денежными документами, за который тот требует выкуп.

В общем, счетчик, действительно, подал в суд. И на суде распуталась вся цепь событий.

Публика невероятно веселилась, когда выступавшие свидетели объясняли, как это все было. Но смех достиг наивысшего напряжения, когда бабушка начала рассказывать, как она съела икру.

Народный судья, женщина, отметила в своем слове, что мещанский быт с его изменами, враньем и подобной чепухой еще держится в нашей жизни и что это приводит к печальным результатам. Так, например, пострадавший на своем посту счетчик является в некотором роде жертвой этого дела.

Обвиняемый мужчина, который, кстати сказать, оказался не дядей подруги инженера, а бывшим женихом, приехавшим из Ростова, принес свои извинения счетчику. Инженер тоже горячо извинился.

Суд вынес инженеру общественное порицание, а дядю из Ростова за то, что он немного помял счетчика, справедливо приговорил к принудительным работам на два месяца.

Публика этот приговор встретила с удовлетворением.

Что будет дальше, мы не можем вам сказать, но, поскольку на горизонте дяди не будет два месяца, возможно, что произойдет примирение между инженером и его подругой. И тогда, может быть, снова возникнет какая-нибудь ерунда на семейном фронте.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Очень интересный факт рассказал мне знакомый работник уголовного розыска.

Не так давно сгорел один деревянный двухэтажный дом.

Конечно, в смысле жилищном этот дом был, как говорится, унеси ты мое горе: он весь был кривой, косой и еле стоял под тяжестью семидесяти жильцов с ихней утварью и домашними боеприпасами.

Но, поскольку жильцы пострадали, то, конечно, до некоторой степени жалко, что он сгорел. Тем более, был поджог. Это было кошмарное преступление, совершенное по неизвестным и даже отчасти загадочным причинам.

В подвале дома пожарные нашли бак из-под керосина и обгоревшее тряпье.

И брандмейстер сказал:

— Я тридцать лет тушу пожары и клянусь своей бородой, что тут поджог.

Здешний управдом, слегка угоревший во время спасения жактовского имущества и домовых книг, говорит:

— Может быть, это и так, но, откровенно сказать, я не вижу

смысла этого поджога. У меня семьдесят жильцов. И никто из них не имел застрахованного имущества. Только один жилец имел застрахованную жизнь, и то он у меня в прошлом году своевременно умер. А этот пожар всем моим жильцам причинил убытки. Все ихние манатки сгорели. Все они пострадали. Некоторые из них, как видите, лежат без чувств. Другие плачут. Третьи роются в бревнах, чтоб что-нибудь найти. Мои жильцы не могли поджечь дом. Это слишком очевидно. Это абсурд.

Брандмейстер говорит:

— Я сам удивляюсь, кому был интерес дом поджигать. Но вот посмотрите на обгоревший бак: может быть, он что-нибудь скажет уголовному розыску.

Вдруг один подросток, увидевши этот бак, говорит:

— По-моему, этот бак вчера нес один квартирант, живущий в третьем номере, у Филатовых. И, по-моему, он нес его в подвал.

Управдом говорит:

— У Филатовых гостит ихний дядя, некто Баранов. Но был бы абсурд думать, что это он дом поджег. Он тут имущества не имеет. И сам теперь лишился гостеприимного крова. Вдобавок он престарелый. И надо иметь мозги набекрень, чтобы на него подумать.

Следователь говорит:

— Тогда приведите этого Баранова.

Вот приходит мужчина лет шестидесяти.

Он говорит:

— Что вы, очумели — меня хватать! Какой интерес мне дом поджигать? Я приехал сюда погостить к своим родственникам. И я им очень благодарен за гостеприимство. Что я, дурак, что я им за это пожар устрою?

Управдом говорит:

— Это чистейший абсурд — на него думать.

Следователь уголовного розыска говорит:

— Меня не так факт удивляет, как удивляет здешний управдом: или он сильно угорел, или он в политическом отношении тупица. Теория мне подсказывает, что, кроме материальных интересов, бывает, например, классовая месть или что-нибудь вроде этого.

Услышав эти слова, дядя Филатовых побледнел и перестал отвечать на вопросы.

Его что-нибудь спрашивают, а он в ответ мычит и заговаривается.

Управдом говорит:

— Вот видите, вы своими действиями запугали мне временного жильца до того, что он свихнулся и теперь на все мычит.

Следователь говорит:

— Или он свихнулся, или он прикидывается свихнувшимся. Бывает, что некоторые прикидываются сумасшедшими, чтобы от-

вести от себя подозрения. А если это так, то это тем более говорит за то, что тут дело нечисто и, может быть, оно носит политическую окраску.

Вдруг дядя Филатовых, молчавший до сих пор, говорит:

— Я вижу, что мне тут все-таки хотят пристегнуть пятьдесят восьмую статью. Но этот номер не пройдет. И совершенное преступление не носит политической окраски, имейте это в виду. Оно имеет другие цели.

Видя, что дядя признается в преступлении, Филатовы попадали в обморок. А все жильцы бросились к злодею и прямо хотели его растерзать.

Но тут следователь совместно с милиционером пихнул преступника в машину и увез его.

Подлый старик по дороге сказал:

— Я бы ни в каком случае не признался, но вы меня поймали на понт. И мне теперь ничего не остается, как рассказать все, что было.

И тут он стал рассказывать кое-что из прошлого.

Он был, оказывается, родственник бывшего хозяина этого дома. И когда сорок лет назад строили этот дом, то он лично присутствовал на закладке этого фундамента. А в то время была традиция — класть на счастье в фундамент золото и серебро. Все присутствовавшие родственники и друзья бросали деньги, кто сколько мог. После чего отверстие закладывалось кирпичами и замазывалось.

Рассказывая об этом, преступник, вздохнувши, сказал:

— Сам хозяин бросил в фундамент пару золотых, а я, будучи в свое время состоятельным человеком, бросил, как сейчас помню, один золотой десятирублевик и два серебряных рубля. Вдобавок я был немножко навеселе и стоял рядом со своей невестой. Она мне сказала: «Вам слабо бросить туда еще что-нибудь из ценностей». И я, как сейчас помню, бросил туда еще колечко пятьдесят шестой пробы. И сам сказал своей невесте: «А вам слабо бросить свой медальон». Не помню сейчас, что именно она бросила, но что-то она бросила, хотя, кажется, не медальон... И вот я двадцать лет мечтал все это достать. Но я был выслан на десять лет за экономическую контрреволюцию. И вот недавно вернулся и захотел осуществить свои надежды. Я, говорит, в третий раз гощу у Филатовых, все дни проводил в подвале, стараясь это достать, но безрезультатно, поскольку дом и без того кривой, а когда я подрыл фундамент, то он и вовсе мог завалиться. И тогда я решил пойти на то, что сделал.

Злодея посадили пока что в тюрьму, и над этим представителем старого мира будет устроен показательный суд.

На месте пожарища уже начали строить новый дом, и, наверно, в скором времени погорельцы смогут уже туда въехать.

Что касается злодея, то он въедет куда-нибудь в другое, более отдаленное место, если его не пошлют путешествовать на небо.

Вдобавок остается сказать, что когда разрыли фундамент, то никаких ценностей там не нашли.

Тут одно из двух: либо старик наврал, что вряд ли, либо эти ценности были кем-то вынуты вскоре после закладки фундамента. И может быть, к этому приложил руку сам хозяин. А может быть, и кто-нибудь другой, решивший, что не следует потакать таким традициям.

Так или иначе, дом счастья не имел и сгорел, как стог сена.

БРАКИ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В НЕБЕСАХ

Сегодня хотелось бы рассказать вам, дорогие читатели, что-нибудь весьма интересное, достойное вашего внимания, что-нибудь смешное, лирическое и, вместе с тем, мужественное, что-нибудь такое, от чего забилось бы ваше сердце более усиленно, чем обычно.

Вот извольте прослушать небольшую, но славную историйку про одного молодого летчика.

В летную школу он поступил благодаря жажде знаний и горячему стремлению принести пользу своей стране.

А перед тем, как поступить в школу, он съездил на два дня в свою деревню — поговорить со своей матерью и с ней посоветоваться.

И вот он приезжает в свои родные места. И докладывает своей матери, — дескать, вот он на что решился.

И его мама говорит ему:

— Вот и хорошо.

А там у него в деревне проживала одна милая девушка, с которой он был довольно хорошо знаком.

И такая (как он мне сказал) бытовая мелкая подробность — эта девушка ему нравилась, и он решил на ней жениться.

И он тоже ей давно нравился. И она тоже мечтала за него выйти замуж.

Он повидался с ней и доложил ей о своих дальнейших летных перспективах.

Она обрадовалась, что он будет летчиком. Но немножко заплакала. Она, молоденькая девчонка, подумала, что, наверно, это очень жутко летать. Она, по неопытности в летном деле, испугалась за него и за свое, еще несостоявшееся, счастье.

Но он ей сказал:

— Это непременно будет, как я задумал.

И она ответила ему:

— Ну, и хорошо.

И они решили записаться в тот день, когда он на праздники приедет в отпуск.

Он отправился по месту назначения в свою летную школу и стал там изучать то, что ему преподавали.

Между тем, незаметно проходило время, и вскоре приблизились праздники.

Наш молодой будущий летчик является к начальнику школы и просит отпустить его на один день раньше, поскольку он хотел бы записаться со своей знакомой. А на праздниках это, наверно, будет невозможно. Так вот, ему бы хотелось выкроить один лишний день.

Начальник школы говорит:

— Хорошо, я вас отпущу. Но вот я смотрю список ваших зачетов и с грустью вижу, что у вас нет прыжка с высоты семисот метров. А мне непременно надо, чтоб этот прыжок вы совершили до своего отъезда.

Наш летчик, замявшись, говорит:

— Тогда завтра утром пораньше я это исполню, поскольку в обед идет мой поезд.

Начальник говорит:

— Вот и хорошо.

А надо сказать, что у нашего молодого летчика настроение тогда было не в пользу прыжка.

Последние три дня он думал о своей знакомой. Мечтал о встрече. Сделал даже ей надпись в стихах на своей фотографии.

И прыгать ему ни с того, ни с сего прямо как-то не хотелось.

Ну, он был тогда еще неопытный в этом отношении. Так сказать — юнец. Только-только он знакомился с небесами. И этот предстоящий прыжок еще несколько волновал его своей неожиданностью или, вернее скажем, не совпадал с его умозрительным состоянием.

Но утром он поднялся чуть свет и стал ждать, когда летчик возьмет его на самолет.

И видит — летчик не особенно торопится. Даже как бы нарочно затягивает время. Два раза посещает начальника школы и с ним о чем-то беседует.

И только в десятом часу вылетает с ним и поднимается на высоту 1500 метров.

Наш молодой прыгун ожидает снижения и знака прыгать, но летчик, между тем, не снижается и никаких знаков не подает.

И вот они летят уже минут сорок. И наш прыгун глядит на летчика с недоумением и досадой.

И вдруг летчик делает знак рукой — приготовиться к прыжку.

Наш молодой прыгун выходит на крыло самолета и по данному знаку бросается вниз.

Несколько секунд он летит, как камень в пространстве. Потом парашют раскрывается над ним, и наш юный летчик плавно спускается на землю.

Он глядит вниз и видит, что он спускается вблизи какой-то деревни.

Его несколько метров волочит по земле. Но он встает и видит, что он на каком-то огороде. И к нему со всех сторон бегут люди.

Наш молодой летчик отцепляет парашют и собирается отвечать на все вопросы, которые сейчас ему будет задавать население.

Он обводит всех глазами. И что за странность — все знакомые лица. Вот — тетка Дарья. Вот их сосед, Иван Кузьмич. Председатель колхоза...

Он протирает глаза, чтобы удостовериться — не снится ли ему все это. Но нет. Он видит своих односельчан. И среди них он видит свою знакомую Варю.

Та узнает его и восклицает: «Ах». И делает по направлению к нему несколько шагов.

И тогда ему вдруг становится все ясным. Тогда он понимает, что начальник школы приказал летчику доставить его к месту назначения с тем, чтобы заодно, не теряя напрасно времени, исполнить обязательство.

И вот он стоит в огороде. И от волнения и радости снимает свой кожаный шлем.

Тут все односельчане моментально узнают его. Некоторые ему аплодируют. Другие кричат «ура». И его знакомая Варя целует его в щеку своим маленьким ротиком.

Тут начинается полный восторг среди всех присутствующих. Все смеются и говорят:

— Глядите, прилетел жених.

Некоторые подбрасывают шапки в воздух и поют.

И вот наш жених, взяв Варю за ручку, идет к своему дому.

А его старая мама выходит на крыльцо. И от удивления всплескивает руками.

Тут же появляется престарелый Варин папа, Антон Михайлов.

И такая радость происходит среди всех, что и передать вам нет никакой возможности.

В тот же день празднуется свадьба.

За ужином молодой летчик поднимает стакан за наших славных руководителей, ведущих страну к славе и счастью. И второй тост он провозглашает за нашу прекрасную страну. И третий тост он произносит за Варю и родных.

И тогда Варя несмело встает со своего места и тихими словами произносит добавочный тост за начальника школы, который дал такой удачный небесный маршрут ее молодому мужу.

Тут снова все смеются, аплодируют и пьют за славного начальника школы.

ДОЛГ ЧЕСТИ

Жильцы нашего дома в эту выборную кампанию отличились вообще высоким гражданским сознанием.

Но особенно с лучшей стороны зарекомендовал себя председатель нашего дома.

Он неутомимо работал, проверял списки избирателей, будоражил инертных и вялых жильцов и заботился о всех мелочах, связанных с выборами.

У нас в доме оказалось трое лежачих больных.

Ну, одного, с вывихнутой ногой, отправили в больницу, так что он там и будет голосовать.

Другая гражданка, хворающая у нас стрептококковой ангиной, вскоре, наверно, поправится и начнет все-таки выходить...

И, наконец, третий лежачий больной — старуха, страдающая ревматизмом.

Вообще эта старуха отличалась хорошим здоровьем, но в смысле ног у нее было не все благополучно. Она еле ковыляла с палочкой по комнате и второй год не рисковала выходить на улицу.

Наш председатель лично ее навестил, спросил о состоянии ее здоровья и погоревал вместе с ней, что она не может ходить и не сможет тем самым исполнить свой гражданский долг — опустить свой избирательный бюллетень в урну.

Он ей сказал:

— Если б вы, мамаша, лежали в больнице, то вам бы поднесли к постели особый избирательный ящик. Но тут мы бессильны что-либо предпринять. И я с грустью вижу, что вы в данном случае есть выбывший член нашей дружной семьи.

Старуха ему так ответила:

— Чувствительно бы рада, молодой человек, исполнить этот гражданский акт. Сама через это страдаю и горю желанием. Вдобавок мне самой чрезвычайно скучно лежать. Все лежу и лежу, и кусочка неба не вижу. И мечтаю о такой, знаете ли, специальной колясочке, на которой иной раз вывозят старух.

Председатель говорит:

— Такую колясочку можно будет достать. А еще лучше: мы подвезем вас на автомобиле. Я возьму такси и договорюсь тут с одним нашим шофером, и мы вас чудным образом доставим в помещение для голосования.

Старуха говорит:

— Чувствительно бы рада в первый раз в жизни проехаться на автомобиле, но вот я по лестнице затрудняюсь ходить. Вот лестница-то и является главной причиной моего невыхода на улицу.

Председатель говорит:

— Это, мамаша, сущие пустяки. Я возьму двух здоровых парней, и они вас как перышко сымут с четвертого этажа.

Старуха говорит:

— Только, чтоб не было того, что меня вниз доставят, а вверх не подымут. Все-таки меня это будет тревожить, и от этого у меня будет настроение испорчено. Мало ли, забудете или вам не до того будет.

Председатель говорит:

— Тогда я об этом тоже позабочусь. В крайнем случае я вас одной рукой могу хоть в двадцатый этаж доставить.

Старуха говорит:

— Тогда знаете что: по радио передавали, что надо бы лично зайти в избирательный участок проверить свою фамилию: нет ли искажений, — а то нельзя будет голосовать. Давайте сегодня или завтра съездим туда.

Председатель говорит:

— Ого, мамаша, да вы подкованы по части выборов. И своим торопливым замечанием проявляете свое гражданское сознание. Ладно, завтра устроим вам машину.

Вот на другой день председатель подъехал на машине к подъезду. И вскоре два наших жильца — два молодых парня — помогли старухе спуститься вниз.

Полчаса они катали старуху по городу. И наша старуха была так довольна, что и передать вам нельзя.

Потом они заехали в избирательный участок, проверили все, что полагается. И вскоре снова старуха была доставлена домой.

На прощанье старуха сказала:

— Может быть, завтра или там послезавтра нужно будет зачем-нибудь еще раз съездить, то я к вашим услугам.

Один из жильцов, работающий в механической прачечной, сказал председателю:

— Эта последняя ее фраза меня сильно смутила. Боюсь, что старуха интересуется только прогулкой. И, может быть, к выборам она инертна.

На это председатель сухо сказал:

— Даже если она на пятьдесят процентов интересуется прогулкой, то и то я не вижу в ее словах ничего плохого. Почему старушке не покататься на машине?

Работающий в механической прачечной сказал:

— А если на сто процентов в ее голове прогулка?

Председатель строго сказал:

— Нет, этого не может быть. Все живые существа, пока душа теплится в их теле, интересуются хоть немножко общественной жизнью. А наша старуха в своем прошлом — трудящийся член семьи, и не надо подвергать ее сомнениям. На днях мы еще раз покатаем ее на машине, а 12 декабря повезем на выборы. И это будет наш долг чести.

Тут все жильцы, слушающие эту беседу, сказали: правильно.

И работающий в механической прачечной сказал:

— Присоединяюсь к этому мнению.

А одна женщина, имеющая чувствительную душу, добавила:

— А что, если нам каждый месяц прогуливать старуху?

Председатель сказал:

— Ну, там видно будет.

И все жильцы разошлись, довольные друг другом.

СКАЗКА

Одному молодому принцу сильно понадобились деньги.

Денег у него, вообще говоря, было много — куры не клевали. Но тут ему понадобилась громадная сумма. Он хотел себе приобрести золотые штаны.

Серебряные штаны у него уже были, и он в них пользовался большим и заслуженным успехом у женщин, но он мечтал во что бы то ни стало приобрести себе еще золотые брюки.

Ну, конечно, пошел он к своим родственникам, чтоб попросить нужную сумму. Но злодеи-родственники ему в этом отказали. А один из родственников, известный принц-регент, обещал даже его побить, если он еще раз обратится к нему с подобной глупостью.

Вот, конечно, идет обратно наш принц в полном расстройстве чувств и вдруг встречает одну колдунью. Та говорит:

— Об чем, царевич, убиваетесь?

Вот тот, значит, и пожаловался на то, что с ним. Колдунья говорит:

— Да уж, конечно, деньги достать не так легко. Но из легких способов есть у меня одно домашнее средство.

Принц говорит:

— Ах, мамаша, осчастливьте! Ответьте же, какое же это средство? Я, говорит, теряюсь в догадках.

Колдунья говорит:

— Вот чего, молодой человек! Войди ты в любое большое учреждение, где четыре этажа и лифты взад и вперед ходят. И где разные начальники в кабинетах сидят. И где курьеры чаи разносят. И войди ты в такое учреждение. И там сразу увидишь, как и чего тебе делать. И там тебе непременно деньги дадут. И ты на них купи себе золотые штаны. Только не входи в маленькое учреждение. В маленьком ты можешь засыпаться. А входи в большие...

Вот принц так и сделал. Пришел он в одно учреждение, взял клочок бумажки и написал на нем несколько слов: дескать, такой-то принц командируется за покупкой золотых штанов.

И с этой черновой бумажкой вошел принц в машинное отделение, где происходят стук и треск и где сидят семь заколдованных красавиц, превращенных в обыкновенных машинисток.

И вот принц подает одной такой заколдованной красавице свой листик и говорит суровым тоном:

— Срочно перестукайте в трех экземплярах.

Та ничего на это не сказала, вскинула на принца свои буркалы и говорит:

— Слушаю и повинуюсь.

И, схватив эту бумажку, срочно ее в две секунды переписывает.

И с переписанной бумажкой идет, конечно, принц к директору в третий этаж. И хочет к нему в кабинет войти.

Но ему дверь заслоняет своим корпусом одна молодая фея неслыханной красоты. Она говорит:

— Туда нельзя. Там сидит заколдованный Иван Максимович. И у него все время заседание идет. Это его так ужасно заколдовали. Но если у вас до него дело, то скажите мне.

Принц говорит:

— Так что надо эту бумаженцию подписать.

Фея говорит:

— Слушаю и повинуюсь.

И с этими словами она изящно входит в кабинет и через пару секунд возвращается с подписанной бумажкой.

Принц, удивившись, говорит:

— Вот мерси. До свиданья.

И тотчас он идет в бухгалтерию. И видит там ужасные сценки страшного колдовства. Один стол стоит на другом. А другой — на третьем. И за каждым столом сидит по шесть заколдованных фигур. И все они исполняют руками бесконечное задание. Принц говорит:

— Куда мне тут с подписанной бумагой идти?

Один заколдованный гном с большой бородой говорит:

— Вот примите ордер и ступайте в кассу и свободно берите оттуда золота и драгоценных камней.

Вот принц так и сделал. Взял из кассы восемьсот рублей и вышел из учреждения.

А после видит: это ему мало для покупки золотых штанов. И тогда он заскочил еще в Наркомзем и в Главзолото. И, согласно описанию газет, произвел там точно такие же операции.

И на эти деньги он купил себе золотые штаны. И вскоре в них женился.

И на свадьбу пригласил заколдованных начальников всего государства.

И все эти добродушные и доверчивые лица там были. И держали речи. И до упаду смеялись, когда им принц рассказал, как он их одурачил.

И они попросили принца, чтоб он их расколдовал, но принц сказал:

— Э-э, нет, господа, вы мне еще пригодитесь!

И все снова до упаду смеялись.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Вот сейчас формируются новые люди, новые отношения, новый быт.

А некоторые не понимают еще — что это такое значит. Некоторые думают: если они не воруют, так они уже новые люди.

А другие оклеят свою комнату новыми обоями — и тоже их заполняет гордость, что они могут теперь называться представителями нового социалистического быта.

Нет, не это формирует нового человека!

Позвольте вам рассказать небольшую, но любопытную историю, которая до некоторой степени осветит этот вопрос.

Только прошу не делать вывода до самого конца рассказа, потому что, если вы плохо подкованы насчет философии, то вполне можете сбиться в своей доморощенной диалектике.

А жила в городе Коротояке одна молодая женщина. И она была очень миленькая и интересная.

Не то чтоб она была изумительная красавица, — нет, она была просто довольно привлекательная. Бывают такие женщины — как будто в них ничего и нет особенного, а вот они на вас посмотрят своим туманным взором, вот они усмехнутся, споют вам что-нибудь такое — и мужчина, как говорится, остается без ума.

Она говорила очень красиво. Другие говорят немного сиплыми голосами, или там слегка в нос произносят, или пришептывают, а эта очень чисто и мелодично произносила фразы. Буквально наподобие серебряного ручейка текли ее речи.

Нет, со своей домработницей она, конечно, так не говорила, но в личной беседе с мужчинами она имела эту особенность. И все мужчины очень ее исключительно любили. За ней бегали. Один даже обещал ей застрелиться ради нее. Только он пистолета нигде не мог достать, а то бы, может быть, он, действительно, чего доброго, стрельнул в себя, будучи очень расстроен своей любовной неувязкой.

Другой, какой-то там заведующий, ради нее что-то такое украл в универмаге. Он ей хотел какую-то вещь подарить. Но, как говорится, через этот случай вскоре «загремел» и не подарил.

А ее звали Любочка. Родители как будто нарочно дали ей это имя, как будто они предчувствовали, что ребенок подрастет, выровняется и начнет, как говорится, колесить.

Она три раза выходила замуж. Но все не особенно удачно. Один ее супруг захворал туберкулезом и вскоре умер по всем правилам

науки. Другой запил, и она его бросила. А третий, как мы уже говорили, украл в универмаге и получил свое по заслугам.

После этого она замуж долго не выходила. А потом вдруг вышла за одного чертежника. Он был кроме того конструктор и что-то где-то делал. И он красотой не отличался. Он был на редкость длинновязый, похожий в своем облике на одного киноактера из компании, может, знаете, Пат и Паташон. Он напоминал чем-то Пата, но Пат был все-таки ничего себе. А этот был уж очень, как говорится, неинтересный и вдобавок рыжеватый.

Но она, не поглядев на это, рискнула все-таки выйти за него замуж.

Она сказала:

— Я одна не решаюсь жить, а этот мужчина меня так любит, что мне, наверно, с ним будет исключительно спокойно.

А он, действительно, так ее любил, как, может быть, и не бывает в этом мире. Он утром в тарелке приносил ей воду комнатной температуры, помакнув полотенце, мыл ее мордочку, после чего собственноручно чистил ей зубки порошком, подавал ей чай и сам уходил на службу. А она лежала часов до двух, ничего не делая.

Нет, она не была представительница нового быта. Вдобавок она его не любила, изменяла ему и предъявляла всякие немыслимые требования.

А он, конечно, старался поддержать свой дом на высоте. Он начал на чем-то спекулировать, поскольку тогда еще была частная торговля и это способствовало разным темным операциям.

Но это не могло долго продолжаться. На какой-то махинации он попался.

А когда стали развертывать все его дело, то видят такую несообразность: по виду ему тридцать пять лет, а по паспорту — пятьдесят.

Начали интересоваться и спрашивать: почему такая, как бы сказать, природная неувязка? И он вскоре признался, что он из прапорщиков царской службы, скрывший свое социальное лицо и вдобавок подделавший документы.

Тут, конечно, его окончательно взяли и отправили на одно крупное строительство.

Ему дали пять лет работы. И он приехал на это строительство и там не потерял присутствия духа. Он горячо принялся за дело. Он работал как слон с утра до вечера, не желая отдохнуть и не желая перевести свой истомленный дух.

Он очень любил свою оставшуюся в Коротояке супругу, безумно скучал по ней, мучился и в труде хотел забыться от своих личных переживаний. И, наверно, только этим можно было объяснить его такое рвение к работе.

Но его там начальство заметило, что он так старается. Ему

сделали разные льготы и дали премию. А один из начальников, некто товарищ Гонецкий, однажды поинтересовался его душевным настроением. Он спросил, что с ним. Поскольку он видел, что в свободное от занятий время человек без движения лежит на траве и с тоской следит за полетом птичек.

И заключенный ответил своему начальнику, что вот, дескать, все бы хорошо, но исключительная любовь к супруге заставляет его сильно тосковать и огорчаться. И он бы многое дал, чтобы увидеть ее хотя бы на пять минут.

Гонецкий ему говорит:

— Ты так хорошо работаешь, что я, наверно, сумею тебе устроить свидание. Мы ее сюда выпишем. Она приедет и поживет тут дней десять. А потом, в дальнейшем, может быть, еще раз она приедет. А там, глядишь, тебе дадут сокращение срока — и все будет хорошо.

Тут с заключенным чуть худо не сделалось. Он закачался на своих ногах и хотел схватить руку начальника, чтобы ее поцеловать.

Гонецкий сказал:

— Как тебе не стыдно это делать? Вот как раз этим ты показываешь, что ты выходец из мелкобуржуазного общества и еще не перестроился. И еще желаешь унижаться и лакействовать перед своим начальником. Сейчас — иные времена, и все мещанские привычки и навыки пора уничтожить. Но я на тебя не сержусь, поскольку тебя еще глубоко держат корни прошлого. И не надо твоих извинений! Свидание с женой я тебе устрою.

Тут наш заключенный принялся ежедневно строчить письма своей супруге, дескать, вот какое счастье, какая радость, что он снова увидит ее, снова может любоваться ее внешностью, и что это произойдет, наверно, очень скоро.

И супруга Любочка отвечала ему, что вот и хорошо — она приедет с Галей (у них была девочка лет пяти) и даст ребенку возможность общаться с папой.

Но сама супруга по-настоящему не была этим фактом уж очень слишком обрадована. Она и без супруга жила ничего себе. Ее мужчины не оставляли своим вниманием. А она была из тех женщин, которые считали потерянным день, если ей кто-нибудь не сказал о своем чувстве.

И вот Гонецкий устраивает это свидание. И она вскоре приезжает на строительство со своей миленькой походкой и со своим мелодичным смехом. И с ней приезжает ее дочка Галя.

Наш муж шатается от счастья, с восторгом на нее смотрит, любуется, смеется и благодарит небо за подаренную радость.

И первые два дня проходят ничего себе. Она напевает романсы, гуляет с девочкой в поле и рвет цветочки. Потом она начинает

понемножку скучать и совсем случайно останавливает свой взор на одном военнообязанном человеке из охраны.

Там, на строительстве, были разные посты по охране складов. Так вот из отряда этой охраны она увидела одного человека, который ей страшно понравился. Она им в одно мгновенье увлеклась. А он — молодой, красивый парень, лет двадцати двух, украинец, по фамилии Дошевец. Он незаметным образом влюбляется в нее до потери сознания, и у них загорается роман во всем своем блеске.

Они начинают встречаться в те часы, когда супруг находится на работе. И молодой парень, ошеломленный счастьем и не сознающий своего преступления, буквально теряет рассудок.

Едва услышав ее пение, он сломя голову в служебное время бежит на ее призыв. И они вдвоем ходят по полям и лесам или на берегу речки сидят обнявшись.

Муж, сам не зная еще, в чем дело, начинает ее подозревать. Он прибегает однажды днем к своему жилищу. Там не находит ее. Спрашивает девочку Галю, где мама. И та отвечает: мама ушла гулять с одним военным товарищем.

Как бешеный зверь, муж мчится по полям и лесам. Совсем близко пробегает через реку, где они сидят на пне. И не увидев их, бежит дальше.

Молодой парень Дошевец так говорит Любе:

— Нет, я не боюсь твоего мужа! Он меня не напугал своим диким видом. Но мне совестно стало перед твоей девочкой Галей. И теперь я вижу, какое преступление я совершил по службе. Нам надо будет непременно расстаться.

Она начинает его ласкать и обнимать и говорит ему:

— Это глупости!

И он снова тает перед ее взором и не может с ней расстаться.

Но вечером он идет к Гонецкому и все ему рассказывает. Он говорит:

— Женщина эта социально-опасная. Я совершил большое преступление, и я согласен понести наказание. Но ее надо отсюда удалить во что бы то ни стало.

Гонецкий говорит:

— Да, твое преступление очень велико. И пока что я тебя посажу под арест. А что касается женщины, то ты мелешь чушь. И надо забыть свой долг, чтобы пришиться к женской юбке.

И он отправляет украинца под арест и сам идет к заключенному посмотреть, что у него за супруга. Он хочет с ней поговорить, сказать ей, что это не дело — приехать на побывку к мужу и самой увлекаться посторонним человеком и толкать его на должностное преступление.

И он приходит к ним. Но там дома примирение. Счастливый муж, забыв о своих подозрениях, любовно за чаем сидит со своей

супругой. Они радуются посещению гостя. Нежно усаживают его за стол. Беседуют с ним и разговаривают. И Гонецкий с интересом смотрит на молодую женщину, стараясь понять, что это за человек.

И она, видя его пристальный взгляд, начинает смеяться своим мелодичным смехом, кутается в свой вязаный платок и своими голубыми глазками начинает смотреть на начальника так, что тому делается не по себе. И он некоторое время не может оторвать своего взора от ее милого лица.

И тогда Гонецкий встает и прощается. И она задерживает его руку в своей маленькой нежной ручке. И, чувствуя радостное волнение, он снова прощается и поскорей уходит, ничего особенного не сказав.

Он утром на другой день неожиданно для себя снова хочет ее посетить, чтоб с ней побеседовать и ее увидеть. Он идет к их дому. Но потом останавливается и поворачивает назад. Но в этот момент он слышит ее пение, И видит ее сидящей на ступеньках дома. И тогда он, мало о чем думая, нерешительными шагами идет к ней.

Она с радостным волнением его встречает. Они садятся на скамейку. Он хочет ее спросить о деле. Но она начинает говорить о своей жизни. И он вдруг чувствует, что ее нежная ручка покоится в его руке.

И тогда Гонецкий, посмотрев на часы, поспешно прощается и задумчиво идет к себе.

Он идет к себе, понурив голову. И позади себя слышит мелодичный голосок — это Любочка поет старинный цыганский романс, полный высшего значения: «Не уходи, побудь со мною».

Гонецкий возвращается к себе и задумчиво садится на ступеньки своего дома. И вдруг он хлопает себя по лбу и начинает весело смеяться.

Он говорит себе:

— Ну да, конечно! Это был инстинкт. Это инстинкт меня толкал снова увидеть эту женщину. Но это слепое чувство. И разум его побеждает. И может быть, человек нового быта — это тот, который с помощью разума умеет управлять своими темными желаниями. И в этом — новая мораль.

И Гонецкому весело становится от этих мыслей. И он снова смеется.

Он позвал арестованного украинца. И стал ему рассказывать о том, что думает.

И украинец на это ответил:

— Да, я понимаю, что надо управлять своими чувствами, но все-таки лучше удалить отсюда эту женщину, поскольку это будет менее опасно для здоровья, для душевного равновесия и служебного благополучия.

И Гонецкий снова рассмеялся. И сказал, что он не считает опасным для здоровья, если молодая женщина здесь останется.

И вот вечером Гонецкий пошел к супружеской паре. И там у них снова пил чай.

Люба делала ему глазки и моргала, чтобы он на минутку вышел, — она хотела с ним поговорить. Но он улыбался и дружески беседовал о том, о сем и шалил с ее маленькой девочкой Галей.

И, видя его такое поведение, она сначала надула свои хорошенькие губки, потом, улыбаясь, стала слушать, что он говорит, и, оставив свои ужимки, приняла участие в товарищеской беседе. И он слегка подтрунивал над ней. И шутил. И муж, видя, что так мило получается, окончательно развеселился, и они втроем смеялись до упаду и беседовали до ночи.

И до ее отъезда он еще раз к ним заходил, и снова они втроем дружелюбно беседовали.

Через полгода Гонецкий опять устроил свидание заключенному. И Люба еще раз приехала сюда и снова виделась с Гонецким, который заходил к ним потолковать о том, о сем.

И Люба всем и каждому рассказывала о Гонецком с огромным уважением. И в ее словах чувствовалось некоторое, что ли, удивление и, пожалуй, растерянность, поскольку в ее мещанской среде ей до сих пор не приходилось встречать представителя нового быта.

А что касается Дошевца, то он, отсидев свое, был освобожден от своих обязанностей. И тогда он, хотя и понял отчасти, что ему говорил Гонецкий, тем не менее поехал в город Коротояк к Любе.

Но она его там не приняла. Он там ей был неинтересен. Она минут пять на улице побеседовала с ним и рассталась с холодным сердцем.

И он так страдал, что хотел даже утопиться. Но потом одумался и уехал к себе на родину.

И через два года он там стал довольно знаменитый тем (об этом писали в газетах), что его молодая супруга подарила миру трех близнецов.

И теперь он говорит, что если у него еще раз то же самое повторится и потом еще раз, или хотя бы два раза по одному, то он будет исключительно счастлив и доволен, поскольку он будет получать солидное пособие на многосемейность.

КОРОЛЬ ЗОЛОТА

Вот какую удивительную историю я намерен вам рассказать. С героем этой истории я познакомился на одном крупном строительстве. Мне сказали, что это — «король золота», бывший крупный спекулянт и валютчик.

Я с любопытством посмотрел на него.

Это был средних лет мужчина в барашковой шапке. Не очень такой, что ли, толстый, но с брюшком. Усатый. И выражение лица у него было в высшей степени скучное и, я бы сказал, исключительно обиженное.

Он работал на строительстве по бетону. И, говорят, отличался примерным поведением, усердием и сугубой молчаливостью.

Несколько лет назад он жил в городе Ч., и там он спекулировал.

Он был сын купца. И сам в начале нэпа занимался разными коммерческими операциями. Продавал и покупал. Делал разные шахер-махеры. И на вырученные деньги он приобретал золото. Он не видел смысла покупать что-либо иное. Он говорил: лошадь околеет, дом сгорит, а валюта может превратиться в простые бумажки. И только золото, он говорил, всегда будет сиять своей первоначальной красотой во веки веков, аминь.

И вот он, где только можно, скупал у населения золото.

И до того он ловко это делал, что ни разу за все десять лет не попадался.

Он дошел в этом деле до полного искусства. Он вынюхивал и высматривал, у кого можно что-нибудь приобрести. Выжидал, когда кому приспичит, и буквально за пустяки приобретал то, что ему нужно.

Но он главным образом покупал золотые монеты царской чеканки. Он к этому имел особую страсть. У него руки дрожали и взор пылал, когда он, как скупой рыцарь, перебирал и пересчитывал свои монеты.

Нет, людям нашего времени незнакомы эти эмоции. Но говорят, что у представителя старого мира буквально начиналось мандраже, когда он прикасался к деньгам.

Итак, наш сын купца в течение десяти лет скупал золото. Но это золото он у себя не держал, страшась неожиданностей.

Он прятал это золото на кладбище. Он где-то там его зарывал. Он под видом страдающего сына проходил на могилу своего отца и там подолгу сидел, умиротворенный тишиной и природой. И там он, оставшись наедине, под крик ворон и шум сосен, производил свои сберегательные операции.

В 1930 году на него, как говорится, был «стук». О нем куда следует сообщили, что это спекулянт и мошенник, торгующий валютой и чем придется.

Однако у него ничего не нашли. И он ни в чем не признался. Он даже имел нахальство сказать, что это клевета на безработного человека, который едва-едва сводит концы с концами.

И он, действительно, жил в высшей степени небогато, одевался худо и ел скромную, однообразную пищу.

Его отпустили. И он снова полегоньку приступил к своим операциям.

Но он стал еще более осторожен. Он даже стал реже ходить на могилу своего отца.

Вновь купленные монеты он теперь держал в небольшой железной копилке. И эту копилку, привязанную на веревке, он спускал через вьюшку в дымоход.

Раз в месяц он опорожнял эту копилку и тогда, полюбовавшись своим золотом, нес его на кладбище.

Наконец, в тридцать втором году, к дежурному по уголовному розыску пришел частный житель города Ч., некто Андронников. Он пришел с каким-то незнакомцем. И он так сказал:

— Что вы, собственно говоря, смотрите. Под вашим носом столько лет уже орудует крупный спекулянт, а вы его не берете. А ведь он буквально заражает воздух нашего города. И хотя он мой знакомый, но я отдаю себе отчет, что он из себя представляет. Уже сам факт, что он скупает золото, показывает, что он строит свою темную жизнь в расчете на контрреволюционный переворот и на ликвидацию социализма в нашей стране. Конечно, он тонко ведет свои дела, но я уже предпринял кое-какие шаги, чтобы его ликвидировать.

Дежурный говорит:

— А что вы сделали?

Тот говорит:

— Я хотел узнать — имеется ли у него золото или это есть пустые разговоры. И я в этом теперь полностью убедился. Я нарочно при свидетеле продал ему золотую монету, на которой сделал зарубку. Потом эту монету я потребовал назад. Я сказал, что я раздумал продавать. И он мне отдал монету. Но он отдал не мою монету, а другую, без зарубки. Из чего я вполне убедился, что он смешал мою монету с другими. И из груды монет дал мне первую попавшуюся. И вот со мной пришел свидетель, который может это подтвердить.

Тогда выступил незнакомец и так сказал:

— Да, это так, как он сказал. Мы три раза ему говорили, что эта монета не наша, что наша монета 1907 года. И он три раза приносил нам монеты, и все они оказывались без зарубки. Из чего видно, что у него не семь и не десять монет, а, наверно, превеликое множество.

Дежурный говорит:

— Это становится интересным. Спасибо за участие. Сейчас же мы предпримем меры.

И вот был взят этот спекулянт. Припертый к стене свидетелями, он в высшей степени смутился и признался, что золото в небольшом количестве у него имеется.

— Тогда скажите нам, где же вы держите это золото? — спросил дежурный.

— Я держу его в дымоходной трубе, — ответил спекулянт. —

Вот возьмите этот ключик от копилки. И предъявите его моей жене. Она поймет, в чем дело, и укажет вам, где находится мое золото.

И вот послали к жене спекулянта одного опытного следователя по уголовным делам

Тот показал ключик и сказал:

— Твой супруг во всем признался. И велел тебе отдать копилку и указать, где имеется все остальное золото.

Увидев ключик, дама смутилась, и у нее затемнилось сознание от страха и огорчения. У нее ум за разум зашел, и она, сама того не понимая, сказала:

— Копилка в дымоходной трубе. Откройте вьюшку и потяните веревку. А что касается другого золота, то оно зарыто на кладбище, а где именно — я не знаю, так как мой супруг мне этого не говорил.

Когда спекулянту намекнули о кладбище, то он затрясся и пришел в полное расстройство чувств. Но потом совладал с собой и даже с готовностью сказал:

— Ну, хорошо. Раз попался, так попался. Возьмите людей и пойдемте на кладбище. Я вам укажу место, известное только мне одному.

И вот несколько человек, среди которых был распутавший дело Андронников, пошли на кладбище.

И наш спекулянт, вздыхая и утирая слезы, указал на могилу своего отца. Он указал, что надо рыть под самым крестом.

И тогда рабочий ударил лопатой по земле и вскоре вынул из-под свалившегося креста глиняную масленку, наполненную золотыми монетами.

И такая это была тяжеленькая масленка, что следователь угрозыска, которому подали эту масленку, не удержал ее в своей руке. И масленка упала на землю и разбилась.

И из нее дождем посыпались золотые монеты. И увидев это, спекулянт брыкнулся на землю, потеряв сознание.

А когда он пришел в себя, следователь ему сказал:

— Вот видишь, в каких цепких объятиях тебя держат корни капитализма. Ты падаешь с копыт и теряешь свое сознание при виде рассыпанных денег. И тебе, я так думаю, надо получить не менее пяти лет для того, чтобы ты немного перековался и переменил свое мировоззрение.

На эти слова ничего не ответил спекулянт. Он только спросил, все ли его монеты собраны.

И Андронников, который больше всех тут хлопотал, сказал:

— А что тебе с того — все ли монеты собраны? Ведь теперь они уже не твои.

Следователь угрозыска сказал:

— Успокойся. Абсолютно все монеты мы собрали и даже

подсчитали и запротоколировали, когда ты лежал без чувств. Тут оказалось сто восемьдесят семь золотых монет достоинством по десять рублей каждая.

— В таком случае, — сказал спекулянт, — тринадцати монет не хватает, поскольку в этой масленке было ровно двести штук. Поищите в траве. А еще будет лучше и прямее к цели, если вы вывернете карманы у моего знакомого, негодяя Андронникова, предавшего меня. Я хотя лежал без чувств, но сквозь пелену своего сознания видел, как он своими руками нахально ворошил мои монеты, помогая вам собирать их.

Тогда Андронникова взяли в оборот и вытряхнули у него карманы. И на землю из его карманов упало двенадцать монет.

И тринадцатую монету он выплюнул изо рта в тот момент, когда один из прохожих схватил его за горло, поскольку он видел, куда тот ее запихнул.

И когда Андронникова увели, спекулянт сказал:

— Теперь, братки, мне стало легче, поскольку вы взяли этого мошенника.

И вот дали спекулянту пять лет и отправили его на строительство, чтоб он в честном труде забылся от излишних фантазий, навеянных ему капитализмом.

И он там два года работал в высшей степени хорошо и даже превосходно, до того, что его отметили в приказе, премировали грамотой и обещали сбавить ему срок, если он будет продолжать в том же духе.

И тогда наш спекулянт явился к своему начальнику и так сказал:

— Вот в чем дело: я, действительно, был злостный спекулянт и скупал золото в расчете на перемену. Но я здесь у вас совершенно перековался и полюбил труд на свежем воздухе. Теперь вы можете на меня вполне положиться. И в доказательство моих слов я хочу отдать вам на строительство еще триста золотых, которые у меня были зарыты на кладбище в другом месте, на могиле усопшей матери. Возьмите их, мне теперь ничего из этого не надо, тем более, что тут я увидел мир в других красках. И мое сердце окончательно и бесповоротно изменило курс.

Услышав эти слова, начальник пришел в волнение. Он так сказал:

— Очень приятно слышать такие слова. Вот теперь я вижу, что за два года с небольшим ты окончательно перековался. Я схлопочу тебе льготу по срокам и снятие судимости.

И вскоре нашего спекулянта освободили по чистой и он вернулся домой. И там, на кладбище, он вырыл вторую масленку, в которой было триста золотых, и отдал эти золотые тому, с кем он сюда приехал.

И вот стал наш спекулянт снова жить в этом городе Ч.

И даже он там работал по распространению сельскохозяйственных изданий.

И многие подумали, что с ним произошла чудесная перемена, как это бывает с другими людьми.

Но в сентябре прошлого года он в высшей степени неожиданно попался.

Там на кладбище, на могиле своего только что умершего сына, сидела одна мать. И она там четыре часа сидела в полной неподвижности под тяжестью своего горя.

И уже наступили сумерки. А она все там сидела и тихо плакала.

И вдруг она увидела, что на кладбище пришел человек. Отмерил три шага от одной могилы и маленькой лопаточкой стал рыть землю.

И вскоре она увидела, что этот человек вырыл из земли глиняный сосуд и со своей ладони ссыпал туда пригоршню золотых монет.

Потом снова зарыл сосуд и утрамбовал землю.

Тут женщина подняла тревогу. И сторож совместно с милиционером схватили пытавшегося убежать.

И в милиции увидели, что это и был наш спекулянт, отпущенный до срока.

В глиняном кувшине оказалось около пятисот золотых и некоторое количество колец, браслетов и брошек.

И вот снова наш сын купца отправлен на строительство.

И там мне его и показали. И я долго не без любопытства на него смотрел, когда мне рассказывали о нем эту историю.

И тогда я понял, почему у него такое обиженное лицо. И сказал об этом рассказчику.

Но мой рассказчик ответил:

— Нет, у него обиженное лицо не потому, — только вчера у него отобрали четыре золотые монеты, которые он ухитрился где-то тут приобрести. Его же товарищи нам об этом сказали и просили его как-нибудь обуздать. Этот человек, как зверь, понюхавший крови, уже, видимо, не оставит своих привычек.

И я снова взглянул на «короля золота». Он снял свою барашковую шапочку, вытер вспотевший лоб и посмотрел на меня до того грустным взглядом, что я отвернулся.

В ОГОРОДЕ БУЗИНА, А В КИЕВЕ — ДЯДЯ

Вот какую удивительную жалобу мы получили по приезде в Киев.

Там, в Киеве, по Пушкинской улице, дом 19, проживают братья Богатыревы. Их три брата: Лев, Давид и Владимир.

Три года назад эти братья избили депутата горсовета тов. К.

Возникло дело. Народный суд Ленинского района присудил милых братьев к разным срокам наказания.

Но проходит, представьте себе, несколько месяцев, и все видят, что братья по-прежнему шляются на свободе, посвистывают, задевают жильцов дома и, вдобавок, начинают травить жалобщика К. И даже избивают его жену.

Тогда президиум горсовета, удивившись, что бывают такие случаи, передает это дело прокуратуре, чтобы выяснить, почему не состоялось наказание. Полтора года дело не двигалось. Наконец, в октябре 1937 года прокуратура предложила районному прокурору вновь расследовать все дело.

Районная прокуратура, в свою очередь, предложила расследовать дело начальнику районной милиции.

Начальник районной милиции предложил расследовать дело надзирателю.

Надзиратель тоже был бы, вероятно, рад предложить еще кому-нибудь заняться этим делом. Но не тут-то было. Подчиненных у него не было. И он сам приступил к «разматыванию дела».

Он приступил к следствию в январе 1938 года и вел его больше месяца.

Наконец, начальник милиции, возмутившись волокитой, предложил надзирателю Михайличенко закончить следствие в трехдневный срок.

Но проходит еще месяц, и, как говорится, ничего в волнах не видно.

Братья-разбойники, осмелев, вновь начали понемножку дебоширить, задевали жильцов, издевались над ними, угрожали «вообще к черту убить этого К.», поскольку за это «им ничего не будет».

Тогда жильцы начали понимать, что какой-то добрый дядя «ворожит» братьям.

Седьмого мая жалобщик направился в областную прокуратуру. Там исключительно возмутились делом и обещали тотчас выяснить, что случилось.

Но проходит еще некоторое время, и снова тишь, гладь и божья благодать.

Тогда К. написал в газету «Большевик».

Редакция запросила о деле облпрокуратуру.

Облпрокуратура запросила райпрокуратуру.

Райпрокуратура запросила начальника милиции.

Начальник милиции запросил надзирателя Михайличенко.

Наконец, облпрокуратура ответила газете: «Материалы по обвинению Богатыревых подтвердились».

Казалось бы, что деятельности братьев пришел конец. Но не тут-то было. Снова потекло следствие.

Короче говоря, прошло три года с тех пор, как братья избили депутата горсовета.

Три года шли неслыханная канитель и волокита. Три года кто-то явно покровительствовал братьям.

Мы не знаем, кто им покровительствовал. Знаем только, что следствие велось возмутительным образом.

Надзиратель Михайличенко посещал квартиру братьев и там им зачитывал весь следственный материал, знакомил их с документами. Туда же, на квартиру Богатыревых, вызывал свидетелей и там с ними беседовал.

Даже если этот надзиратель неповинен в покровительстве братьям, то он повинен в том, что нарушил основные положения кодекса в части ведения следствия.

В общем, безобразное дело следует поскорее закончить.

Вот уж действительно — в огороде бузина, а в Киеве — дядя.

Надо бы добраться до этого дяди.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Если ты не был в Ленинграде, уважаемый читатель, то мне попросту грустно на тебя глядеть.

Значит, ты, ворона, ничего хорошего не видел. А еще берешься рассуждать о красоте и гигиене.

Город Ленинград — это красивейший город. Он расположен на берегу Финского залива.

Красавица река Нева прежде, чем впасть в море, разветвляется, представьте себе, на семь отдельных рукавов. Другие реки просто и нехудожественно впадают в море одним каким-нибудь своим мутным рукавом. А тут такое, можно сказать, художественное изобилие — семь рукавов. И между ними разные острова. Перекинуты мосты. Пароходы ходят. Цветущие сады по берегам. Чудные здания в стиле ампир. Очень божественная панорама.

А главное, *конечно*, — море.

Ну, естественно, приморский город. Вот потому и море.

Главная прелесть в том и заключается, что наш город расположен у моря. Ленинградцы особенно этим гордятся и чванятся. Дескать, море. Дескать, можно его видеть.

И, действительно, все-таки, как ни говорите, забавно посмотреть с городской улицы на морские дали.

Конечно, которым это очень забавно, тем наилучше всего проехаться, скажем, в Севастополь, потому что у нас в Ленинграде море не особенно хорошо видать. Даже мы, ленинградцы, немножко удивляемся, как это у нас так здорово устроились, что от моря целиком загородились.

Все-таки охота была бы иметь какой-нибудь свой приморский бульварчик, где усталый ленинградец мог бы присесть на скамеечку, чтоб посмотреть, как плещутся балтийские воды.

Надо полагать, что в дальнейшем ученые чего-нибудь сообразят и выяснят, откуда нам смотреть на море.

Безусловно, морской порт, фабрики и разные там склады, наверно, я так думаю, больше нуждаются в морской воде, чем какая-нибудь там отдельная человеческая единица, склонная помечтать на берегу моря.

Но все-таки, как говорится, душа просится к морю. Тем более, что сухопутные москвичи — и те заимели свое море. А тут оно где-то плещется под боком, а где — не видать. Чересчур досадно.

Досадно, но не совсем, потому что желающие посмотреть на море могут запросто поехать на Елагин остров, туда, где нынче расположен наш прекрасный парк культуры и отдыха.

Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем: немножко далеко.

А такси на что? Сядем на такси и поедем к морю.

Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Нипочем такси не достать. Вот это худо. Худо, да не совсем. А трамвай на что? Сядем на трамвай и поедем. Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Там, в трамвае, и без нас усиленная давка по случаю выходного дня.

Вот это худо. Худо, да не совсем. Можно и пешком пройти.

Конечно, пехтурой идти — два часа пройдешь. Вот это худо. Худо, да не совсем. Можно ведь и вовсе не пойти. Никто ведь нас, как говорится, туда за волосы не тянет. Зачем же нам себя мучить?

Давайте вместо сомнительного моря поглядим на что-нибудь сухопутное.

Дайте руку, уважаемый читатель, пойдем на нашу главную магистраль, на проспект 25 октября.

Вот он, наш знаменитый Невский — ныне проспект 25 октября. Конечно, он сейчас неважно выглядит. Он уже три месяца разрыт. И ходить там не так уж безопасно для жительства. Вот это худо. Худо, да не совсем. Говорят, там не сегодня-завтра закончится ремонт. И наш прекрасный проспект с его слишком узенькими изящными тротуарами в скором времени снова засияет своей первоначальной красотой. Вот это хорошо.

Так что вместо этого давайте поглядим на что-нибудь другое. Вот наш прелестный Летний сад. Красивая река Фонтанка. Великолепная площадь Жертв Революции — бывшее Марсово Поле. Хотя это старинное название и навевает военные мысли, но тут мир и тишина. Здесь раньше был пустырь, и здесь шагали царские солдаты. А сейчас тут кругом зелень. Скамейки поставлены. Матовые фонарики.

Сейчас тут влюбленные сердца имеют привычку назначать свидание. Пусть их! Не мешайте им, товарищ милиционер!

Но идемте дальше. Вот Дворец пионеров. Чудный сад, великолепное здание. И там все для ребят. Вот оригинальная Адмиралтейская игла. Вот знаменитый Эрмитаж.

А вот и... Но что это за обветшалое здание? Ах, это Зимний дворец — эта, так сказать, резиденция царей, последний оплот мелкой и крупной буржуазии.

Жаль, что дворец в таком отчаянном виде. На первый взгляд кажется, что он ремонтировался последний раз при Николае I. Но, оказывается, ничего подобного. Еще как будто год назад его скоблили и красили. И вот он снова весь обшарпанный, грязный и неинтересный. Краска облупилась, штукатурка висит, уборные, наверное, не действуют.

С чего бы это он так скоро обветшал? Говорят, краска дрянная, почему-то не держится на вертикальных стенах. Отстает. Да, но зачем же они таким дерьмом красят такое чудное здание? Вот это худо.

Отойдем, читатель, от этого дворца, чтоб не портить настроения.

Дайте руку, пойдемте на набережную Невы. Вот тут еще больше, чем где-либо, можно насладиться величием Ленинграда. Тем более вода, как говорится, ремонта не требует. Течет себе и течет. И кушать не просит. Набережная гранитная. Очень повсюду чистенько, красиво, элегантно. Вот это хорошо.

Пароходики то и дело шныряют по Неве. Давайте сядем на такой пароходик и покатаемся.

Ах, да! В самом деле! Что же мы прикидываемся казанской сиротой? Ведь на таком пароходике в аккурат до самого моря доехать можно, до парка культуры и отдыха.

Едем, уважаемый читатель, на острова. Там мы воочию увидим морской пейзаж. Вот это хорошо. Хорошо, да не совсем. Там ведь море немножко сдавлено берегами. Но зато в других городах и этого нету. А тут кое-что есть. И поэтому мы еще с большей нежностью любим наш славный, красивейший в мире город Ленинград.

С морским приветом
заслужен. деят. М. М. Коноплянников-Зуев

НА УЛИЦЕ

Дозвольте, уважаемые товарищи, коснуться на этот раз вопросов хулиганства.

С одной стороны, нам даже странно об этом говорить.

Люди у нас почти все грамотные. Многие, представьте себе, окончили семилетку. Получили знания по тригонометрии. Знают, что такое астрономия. Имеют смутные представления о луне. Бренчат на рояле. Много купаются.

И вдруг такая, можно сказать, печальная несообразность — хулиганство.

Через это многие даже верить не хотят, что у нас есть

хулиганство. И, наверно, по этой причине борьба с хулиганством проходит в ослабленном виде.

На улицах милиционеров мало. Вдобавок милиция стоит на проспектах. А на маленьких улицах никого нету. Что касается дворников, то некоторые из них пугливые. Чуть что — прячутся. Так что ночью буквально некому одернуть хулигана.

Тут мы записали несколько фактов, на которые следует обратить внимание.

1. ИГРА В ФУТБОЛ

Вечер. Идет по улице молодой человек. Техник по образованию. Он идет с девушкой. Он ее провожает. Они только что были в кино. Смотрели какую-то картину. И вот теперь они идут вместе. О чем-то тихо беседуют. Может быть, об искусстве плюс еще о чем-нибудь.

Вдруг навстречу им идут трое. И один из троих толкает нашего молодого техника плечом. И толкает до того сильно, что наш начинающий ученый отлетает на три шага. И при этом наталкивается на второго встречного.

Второй парень нарочно говорит:

— Ты чего тут путаешься под ногами?

И в свою очередь с силой толкает нашего техника, так что тот наталкивается на третьего парня.

Третий парень толкает к первому. Первый — опять ко второму. И так они повторяют эту свою игру до трех раз.

Наш техник, как футбольный мяч, летает от одного к другому. И только вскрикивает от обиды и огорченья.

Наконец, три типа с хохотом идут дальше, нарочно крича черт знает что, чтоб оскорбить слух молодой девушки.

2. ПЛЮНУЛ ОТ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ

Я еду на трамвае. Стою на площадке. Уже вечер. Поздно.

На повороте, у городского театра, идут через улицу трое. Один, слегка выпивший, несет на руках младенца. Другой идет позади вместе с какой-то тетушкой. И все трое поют не в полный голос. Вероятно, возвращаются с именин.

Вот мой трамвай равняется с этой компанией. И вдруг молодой тип, несущий на руках ребенка, прицеливается губами и плюет на мой костюм.

Я моментально соскакиваю с трамвая и хватаю его за руку. Но он с ребенком. И мне неловко и неудобно его держать.

Тогда я иду за ним, и мы доходим до Пушкинской улицы.

Я там хочу сказать об этом случае милиционеру. Но там в стеклянной будке сидит только регулировщик. Вдобавок, ему

некогда. Он вертит ручку светофора и одним ухом слушает меня.

Двое, которые шли с парнем, исчезают. А парень говорит милиционеру:

— Сам не знаю, чего этот чернявый привязался ко мне. Идет за мной, как тень, и вдобавок хватает за руку. А я иду с ребенком и ему ничего не сделал.

Я говорю парню с ребенком:

— Мало того, что ты хулиган, — вдобавок ты еще трус.

И, махнув рукой, ухожу. Парень кричит:

— Эй, задержите этого! Чего он меня оскорбляет, когда я несу ребенка.

3. ГАРУН АЛЬ РАШИД

В дачной местности (куда я приехал погостить к своим знакомым), у вокзала, стоит будка. И там торгуют пивом и вином.

Конечно, у будки постоянно крики, вопли, брань и так далее. Некоторые алкоголики тут же спят. Другие «стреляют» у прохожих, поскольку им не хватает на «маленькую».

Если не дашь, то чего-нибудь крикнут вдогонку или погрозят бутылкой.

Давеча один лег на панель и стал прохожих хватать за ноги.

Тогда я сказал милиционеру, дескать, некрасивое зрелище, надо что-нибудь сделать, а то по панели нельзя ходить.

Милиционер говорит:

— Видите, это местные хулиганы. Их тронешь — потом жизни не будешь рад. Вы не идите по той панели, а идите по этой.

Я так и сделал. Пошел по другой панели. И зашел к начальнику милиции. Начальник милиции сказал:

— Не знаю, как в других дачных местностях, но у меня хулиганства нету. Может быть, есть, но настолько мало, что обсуждать не приходится. Взгляните в нашу дежурную книгу, там вы не найдете о хулиганстве ни одной записи. И ни один милиционер мне об этом ничего не сообщил!

Я говорю:

— Гарун аль Рашид имел хорошую привычку не верить своим министрам. Он лично заходил в дома и наблюдал, как живут люди. Вот и вы надели бы штатский костюм и кепку и прогулялись бы по вашим владениям.

Начальник милиции, улыбнувшись, сказал:

— Надо будет действительно попробовать. А то все больше на моторе езжу и, может быть, не замечаю то, что надо замечать.

На этом мы с ним любезно распростились. И теперь я ожидаю некоторых перемен на фронте хулиганства.

У ПОДЪЕЗДА

Вчера я задержался у моих знакомых.

Немного поговорили. Потом одна спела. Потом хозяин часа три читал свои стихи. Так что довел гостей до полного обалдения.

В общем, когда взглянули на часы — был второй час ночи.

Певица осталась ночевать у подруги. А я, как говорится, побрел домой восвояси.

Спустился по лестнице вниз — дверь, к сожалению, уже закрыта. Надо звонить. Будить дворника. Неприятная процедура.

Нащупал рукой звонок. Звоню. Жду. Еще раз звоню. Нет, вижу — что-то не идет мой дворник.

А на душе довольно погано. Жалко потерянного вечера. Вдобавок все время на ум приходят хозяйские стишки. Особенно одна фраза привязалась. Прямо ударяет в голову: «Сердце бьется от радости...»

Раз, может быть, сто повторяю я эту фразу. Потом вдруг какие-то дурацкие детские стишки выплывают из памяти: «Сердце бьется, хвост трясется...»

Проходит минут десять. Сначала я подаю короткие, нежные звонки. Потом нажимаю более продолжительно. Потом минут пять стою, уткнувшись пальцем в звонок.

Начинаю легонько стучать ногой в дверь. Потом дергаю дверь и колочу в нее до того, что прохожие в испуге шарахаются.

Наконец, слышу долгожданные шаги и мелодичное позвякивание ключей. К подъезду подходит дворник в дежурной шубе.

Открывая дверь, он говорит:

— Тоже целый час *колотит*, — наверно, мне всю дверь расшевелил.

Я говорю:

— А если вы целый час слышите, как стучат, так какого лешего не открываете?

Он говорит:

— А я почем знал, что тут стучат? Мало ли стука идет по городу? Вы бы взяли и позвонили. Еще интеллигент, а кнопку найти не может.

— Да я, говорю, целый час звонил. Может, звонок не звонит.

— Ах, это очень *возможно*, — говорит дворник.

Он нажимает кнопку звонка, прислушивается.

— Так и *есть*, — говорит *дворник*, — обратно звонок оборвали. Ой, что я буду делать с моими *жильцами*, — я прямо не знаю. Каждый день что-нибудь особенное они мне преподносят.

Я хочу пройти на улицу, но дворник придерживает дверь ногой. Он говорит, подозрительно меня осматривая:

— А, может быть, это вы звонок оборвали. Я почем знаю.

Я говорю:

— Зачем же мне было рвать звонок, если он мне как раз нужен? Чудак-человек.

Он говорит:

— Вы мне зубы не заговаривайте, а лучше скажите — с какого номера, собственно говоря, вы идете?

— С десятого, говорю.

— Тогда, — говорит дворник, — подымитесь наверх и скажите хозяину — пущай он вас до дверей проводит. А то я не знаю, кто вы есть. И почему вы идете. И зачем вы тут целый час ночью в подъезде околачиваетесь.

Я говорю:

— Да хозяин, наверное, уже спать лег. Чего мне его будить? Вот если бы я с узлом шел, — вот тогда бы вы могли тревожиться.

Дворник говорит:

— Мне указанья не надо делать. Я все время должен тревожиться на своем посту. А уж если бы ты с узлом шел, то я бы тебя моментально в отделение милиции доставил.

Я говорю:

— Слушай, отец, я иду с десятого номера от Михайловых. Ну какого черта ты меня морозишь?

Дворник говорит:

— А может, ты мне всех этих Михайловых сейчас убил. Или, может быть, я не знаю, что ты с ними в настоящее время сделал. И, может, желаешь поскорей уйти. Как же я тебя пропущу?

Я роюсь в кармане, достаю рубль и даю дворнику.

Он берет рубль и говорит:

— Вот тем более — как я тебя пропущу. Теперь меня еще больше сомнение берет. Может быть, этим рублем ты хочешь меня «смазать», чтоб пройти.

Я говорю:

— Слушай, отец, свистни милицию. Я с милиционером объяснюсь.

Дворник говорит:

— Или вот обратно свисток. Давеча свищу в свисток, а заместо настоящей трели у меня один писк получается. Гляжу — кто-то уж мне горошину выбил из свистка. И получается тонкий свист, на который милиция не подходит. Уж наверно кто-нибудь это сделал, кому это интересно сделать. На одного жильца я уже имею подозрение.

Я решительным тоном говорю:

— Отец, давай убери ногу от двери, — я сейчас пройду.

Дворник слезливо говорит:

— Вдобавок, может, ты с револьвером идешь. И, может быть, хочешь меня из револьвера трахнуть. Еще полгода пройдет, и я всю нервную систему себе испорчу такими случаями.

Я говорю:

— Отойди к черту от двери. Вот мои документы, — ты не имеешь права меня задерживать.

Дворник облегченно говорит:

— Ах, у вас есть документы! Что же вы об этом раньше не говорили? Тогда идите.

Поглядев на кончик записной книжки, которую я было начал вытаскивать из кармана, дворник сказал:

— Я бы вас, товарищ, сразу пропустил. А то вижу — мало ли кто идет.

Пошатываясь, я иду домой.

Снова почему-то вспоминаются дурацкие стишки: «Сердце бьется, хвост трясется».

Потом поэзия сменяется прозой. И на ум приходит народная поговорка: «Услужливый дурак опаснее врага».

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Недавно, уважаемые товарищи, я проживал в одном доме отдыха.

Дом отличный. И там все великолепно. Никаких дефектов не заметно. Так что кроме чувства благодарности в сердце отдыхающего ничего не возникает.

Тем не менее извольте прослушать небольшую забавную историйку, связанную с этим домом отдыха.

Надо сказать, что дом этот находится за городом, в лесу. И построен он совсем недавно — этой осенью.

Лет пять назад такой домишко построили бы на живую нитку. А в настоящее время архитектор расстарался и построил дом фундаментально, красиво и, мы бы даже сказали, художественно. И это очень хорошо.

Не обошлось, конечно, без колонн. Но уж раз у нас такая любовь к греческому искусству, то нехай пусть будут колонны. Тем более, что тут архитектор вывел немного колонн — всего две колонны. И вдобавок издали их можно принять за две сосны. Так что какой же может быть разговор, — стоят и кушать не просят.

Но не в этом дело.

Вот вы смотрите на этот дом, и все вам нравится, — сердце радуется и душа отдыхает. Но вот ваш взгляд скользит по окнам нижнего этажа, и вдруг вы замечаете какую-то ненормальность. Вы ожидали увидеть прекрасные современные зеркальные стекла, и вдруг вы видите оконные рамы, в которые вставлены не то двенадцать, не то шестнадцать небольших стекол.

Вы снова с недоумением смотрите на все шесть окон фасада. Да, в великолепные дубовые рамы вставлены крошечные стекла.

Вы решаете, что инженер под конец строительства немножко свихнулся и устроил такой балаган. И на этом успокаиваетесь, тем

более, что многим отдыхающим, оказывается, наибольше всего понравились эти окна. Некоторым отдыхающим это напомнило какой-то теремок в лесу и еще что-то такое сказочное.

Но вот в одно прекрасное утро, когда я вышел в сад, подошел ко мне один из здешних служащих и так сказал:

— Слушайте, я могу вам рассказать историю. И тогда вам будет ясно, почему у нас такие несуразные окна. Только просьба, если будете писать, не пишите, какой это дом отдыха, а то кругом будут смеяться, и нам этого не хотелось бы.

Я говорю:

— Расскажите. Должно быть, это интересно.

И вот он рассказал нижеследующую историю.

Осенью этот дом был готов. И с октября ожидалась первая партия отдыхающих.

В сентябре лихорадочно приводились в порядок последние мелочи. Уже привинтили крючки к дверям, прибили задвижки и шпингалеты. Повесили картины и занавески.

Все было готово к приему дорогих гостей. И только остановка была за стеклами. Весь фасад, где предполагались большие стекла, был не застеклен.

А на дворе осень, сырость. Правда, окна забиты щитами, но это не выход.

Директор дома писал слезные заявления туда и сюда, чтоб поскорее прислали стекла, но все было безрезультатно.

Директор с утра пораньше бежал на склад и там просил, умолял, кричал и чертыхался. Он говорил, что дело гибнет. Еще пара недель, и произойдет катастрофа, если он не получит стекла.

Но на складе пожимали плечами и говорили, что стекла для них ожидаются, но пока еще не получены. И нечего тут кричать и чертыхаться: это делу не поможет. Кроме них еще одно строительство ждет стекол и не волнуется.

Директор в панике махнул в Москву. Но там ему сказали, что стекла посланы.

Директор вернулся назад. Снова бросился на склад. Но на складе снова спокойно ответили:

— Пока ваших стекол еще нет. А как придут — сообщим вам.

Директор устроил на складе форменную истерику. Он кричал, что его режут, что его сердце — гражданина и общественника — не выдерживает такой пытки, что всего осталось девять дней, что, наконец, все путевки проданы и что отдыхающие уже, наверно, собирают свои чемоданы, чтобы ехать сюда отдыхать.

На складе снова ответили:

— Ваши крики напрасны. Раз нет стекол, то склад не может выполнить наряд. Успокойте ваши нервы.

С грустью директор вернулся домой. Прораб и рабочие, как могли, утешали его. Говорили, что еще пару дней можно обождать.

Что стекла важно вставить хотя бы дня за три до приезда отдыхающих. Что за три дня и замазка засохнет, и помещение отогреется.

Но директор был безутешен.

Через два дня, к вечеру, когда осталось всего шесть дней до приезда отдыхающих, прибегает к директору прораб и так говорит:

— Подлость заведующего складом не поддается описанию. Стекла на складе есть. Четыре ящика стекол лежат у них в грязи за сараем. Эти ящики видел мой племянник, который сегодня получал олифу. Наверное, эти стекла предназначены у них для другого строительства. А мы тут с вами локти кусаем.

Директор говорит:

— Этот заведующий складом мне всегда был противен. Неужели он, скотина, не мог дать мне эти стекла, предназначенные для кого-то там, я не знаю? Ведь я у него сегодня был, и он даже не пожелал со мной разговаривать.

Прораб говорит:

— Нам остается одно — украсть со склада эти стекла. А наши стекла, когда придут, пущай заведующий отдаст тому строительству, с которым он цацкается и для которого он бережет эти стекла. Это будет справедливо.

Директор говорит:

— Это справедливо, но небезопасно. Заведующий складом прибежит сюда, увидит свои стекла и поднимет тарарам.

Прораб говорит:

— А мы возьмем эти стекла и разрежем их на более мелкие составные части. И ни один черт в мире не узнает.

Директор говорит:

— Положение безвыходное. Приходится мне согласиться. Ладно, берите стекла, режьте.

И вот ночью прораб со своим племянником и сам директор со своей женой перелезли через забор склада и вынесли оттуда два ящика стекол.

Всю ночь и утро шла лихорадочная работа. Стекольщик резал стекла. Столяр строгал новые перекладинки для рам. И сам прораб красил эти перекладинки. К полудню все было готово. И вдруг прибегает бледный заведующий складом и так говорит прорабу:

— Вчера, к вечеру, получили мы стекла для вас, а ночью кто-то спер эти стекла. Что теперь делать, я ума не приложу.

Прораб говорит:

— Ах, как жалко, что у вас украли эти стекла. Еще хорошо, что мы устроились: достали кое-какие стекла на стороне. А то бы локти кусали.

Заведующий складом подозрительно посмотрел на застекленные рамы, но, увидев, что там вставлены какие-то мелкие стекла, ушел восвояси.

Однако вскоре дело распуталось. Директор и прораб получили

дисциплинарное взыскание, и вдобавок из их жалованья стали вычитать за испорченные стекла. И, видимо, месяца через два-три вставят новые стекла за счет директора и прораба.

Заведующий складом, который и до этого несчастного случая почти что не здоровался с директором, совсем перестал с ним здороваться. Но директор на это плюет с высокого дерева.

САПОГИ

Один муж велел своей жене купить ему ботинки.

Сам он не мог ходить по магазинам за неимением свободного времени. Он был предельно загружен работой и вдобавок что-то изобретал к своему станку. Какую-то штуковинку. И у него не было возможности драгоценные свои часы тратить на такое мизерное занятие, как покупка сапог, шлянье по магазинам, стояние у кассы, вынимание бумажника и так далее.

Вот поэтому он и предложил своей мадам купить то, что ему было нужно.

И, уходя на работу, он сказал ей:

— Я не франт. Фасон мне безразлично какой. Только прошу учесть, что я ношу сорок первый размер. Уже сапоги номером больше вызывают у меня на ногах пузыри. Это последнее обстоятельство, несомненно, неблагоприятно отразится на показателях моей работы. Так что просьба — исполнить то, что я прошу.

Жена этого человека взяла деньги и пошла покупать. Она обошла некоторое количество магазинов, но безрезультатно: нужного номера нигде не было. Кое-где были недомерки или уж что-нибудь исключительно большое, рассчитанное на распухшую ногу. Сорок первого же размера ей не удалось найти, хотя она на этот предмет затратила не менее четырех часов.

Наконец в одном магазине, протискавшись через толпу, она увидела огромные ботинки — сорок пятый номер.

Она не хотела их покупать, поскольку размер был много больше, чем ей нужно. Но тут один из посетителей стал эти ботинки дергать у нее из рук. И она, находясь в коммерческом зуде, сказала, что берет эти сапоги, просьба не вырывать то, что взято. И, не отдавая себе отчета, уплатила в кассу деньги. И сама не своя вышла из магазина с этими ботинками.

И вот идет она по улице, смотрит на свою покупку и весьма сильно горюет. Думает: «Дернула меня нелегкая купить такую ненужную обувь, достанется мне теперь от мужа!»

И, остановившись против одного дома, она развернула эти чудовищные сапоги и с грустью стала на них глядеть.

Вдруг из ворот дома вышел один мужчина.

Он вышел из ворот, воззрился на эти сапоги и спрашивает, не продаются ли эти баркасы.

— Да, продаются, — ответила обрадованная женщина.

Нет, конечно, она не хотела наживать и, тем более, спекулировать. Но неожиданный вопрос застал ее врасплох. И она, сама не понимая, как это произошло, накинула десятку против магазинной цены. Может, она подумала: «Столько хлопот, столько потраченного времени!» И, конечно, прикинула десять рублей.

Мужчина сказал, что цена его устраивает, он только жалеет, что сапоги для него велики. Но он просит разрешения показать сапоги родственнику, который живет тут же и мечтает приобрести себе что-нибудь из обуви.

И, схватив эти сапоги, мужчина нырнул в ворота.

Подождав мужчину минут пять, женщина стала беспокоиться. Но когда прошло еще пять минут, женщина подняла тревогу, крича, что ее ограбили, обворовали, унесли сапоги, что она не знает, что теперь ей делать, как явиться домой и что сказать мужу.

Тут собралась толпа. Раздались сочувственные возгласы. Кто-то произнес речь, говоря, что в наши дни постыдно видеть что-либо подобное, что это есть исключение из общего правила нашей честной повседневной жизни.

Другой стал оратору возражать, говоря, что человеческие свойства неизменны: как было воровство, так и есть. И вот, когда нашлось что-нибудь приличное украсть, вот и великолепно украли, не посчитавшись со временем.

Тут кто-то под воротами позвонил в звонок. И на звонок вышел дворник.

Один из публики крикнул:

— Хорошенький у тебя дом: кто-то из твоих квартирантов сапоги свистнул! Слабо воспитываете жильцов вместе со своим управдомом.

Дворник говорит пострадавшей женщине:

— Приблизительно опишите мне приметы этого жильца. Тогда я могу что-нибудь сказать насчет его отыскания. Я их всех знаю, поскольку седьмой год воспитываю.

Испускавшая стоны женщина сказала дворнику, что особых примет она не заметила, только она помнит, что он черный и без кепки. И голос у него скрипучий, как после выпивки. Все остальное ускользнуло от ее внимания, поскольку ее голова не тем была занята.

Тогда дворник сказал, что случай затруднительный, так как в их доме всего два блондина и пять рыжих. Все остальные — черные, и почти все выпивают. Так что из их числа находить вора он не берется.

Вдруг через толпу протискивается один неизвестный гражданин. Он весьма взволнован. И он так говорит женщине:

— Не надо слез. Успокойтесь. В ваше положение мы входим. Все вам сочувствуем. Клеймим позором недостойного человека,

оказавшегося вором. Вот, возьмите от меня некоторую сумму денег. Это я вам даю от чистого сердца, как товарищ, увидевший товарища в беде.

И с этими словами неизвестный протягивает женщине купюру в тридцать рублей.

Женщина не хочет брать, но толпа велит ей это сделать.

Под аплодисменты неизвестный товарищ скрывается в толпе.

Тотчас еще кто-то раскошеливается и сует деньги женщине в руку.

И растерявшаяся женщина стоит, не понимая, какие мысли ей подвести под все это.

Тогда удовлетворенная толпа расходится. И дворник тоже уходит. И женщина медленно шествует по улице, с недоумением поглядывая на полученные деньги.

Вдруг ее догоняет человек с сапогами в руках. И женщина видит, что это тот самый человек, который взял на примерку ее сапоги.

Этот человек, запыхавшись, так ей говорит:

— Фу, как вы меня напугали, уважаемая! Выхожу из ворот, вдруг вижу: вас нету. Уж я хотел в милицию нести ваши сапоги, чтоб невольно не оказаться вором. Зачем же вы ушли? Конечно, я немножко долго не выходил, но на это была причина: все жильцы с нашей квартиры примеряли ваши баркасы, но никому они не подошли. Вот примите назад ваши сапожищи. Сочувствую, что вы приобрели такой нечеловеческий размер.

Женщина начала было лепетать, что она получила деньги от неизвестных и теперь ей неловко принимать сапоги. Но наш покупатель, не став слушать ее несвязных речей, отбыл в другом направлении.

Некоторое время постояв на улице и подумав, женщина направилась в магазин, где купила эти баркасы, и там просила вернуть ей деньги за сапоги, которые ей не годятся.

В магазине не стали с ней спорить. Выдали ей деньги. Взяли назад сапоги. И тотчас стали их кому-то продавать. А женщина с двойной суммой вернулась домой и дома рассказала мужу, как все было.

Муж сначала на нее рассердился, но потом рассмеялся и пришел в хорошее настроение. Он сказал, что это случай удивительный. И что это следовало бы напечатать в газетах красным шрифтом. А поскольку у них столько денег скопилось на сапоги, то он, не будучи франтом, согласен, чтобы ему купили лучшую модельную обувь. И это будет ему воспоминанием об этом факте.

Жена обещала это сделать, говоря, что добросовестные работники вроде ее мужа заслуживают ходить в изящной обуви. И если таковая найдется, то она так и сделает.

ХОРОШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Один молодой человек приятной наружности, некто Ф., решил в этом году немножко встряхнуться. Он по собственному желанию ушел со службы, где работал в качестве счетовода. Взял дорожный мешок, пихнул туда смену белья и всякую мелкую чертовщинку, сел в поезд и поехал, куда глядели его глаза.

Он приехал в город Б., нашел там временное пристанище и в великолепном настроении стал там жить.

Пару недель он вообще решил отдыхать, наслаждаясь жизнью. А потом некоторое время собирался поработать. И к осени намерен был вернуться в свои родные пенаты.

Однако знакомство с одной молодой особой ударило его по карману. Лодка, кино и постоянное питье лимонаду расшатали его бюджет.

Он кое-что ликвидировал из своих вещичек и вскоре убедился, что пришло время приняться за работу, чтобы продолжать то, что начато.

Он заскочил в первое попавшееся учреждение. И там обрадовались, что он счетовод, но вместе с тем удивились, что он приехал наниматься из другого города.

Директор сказал:

— Все-таки как-то странно. Жили в одном городе, потом вдруг приехали в другой. И почему-то зашли именно к нам. Непонятно.

Наш путешественник стал объяснять психологические мотивы своего приезда. Но это объяснение заставило директора еще более насторожиться.

Бухгалтер этого учреждения, некто Л-ов, сказал директору:

— Иван Петрович, в облегчение людям введено правило брать от ворот. А мы устраиваем волокиту и перестраховку. Взгляните на документы приезжего. У него все в порядке. И только нет у него личной характеристики, каковую мы можем затребовать с места службы. Нам же до крайности нужны служащие: у нас некому проверить месячный отчет по пивным. Лично я пасую, если так будет продолжаться.

Директор сказал:

— Действительно, нам служащие нужны до зарезу. Один счетовод в отпуску, другой, свинья, отравился рыбой, третий — футболист — целый день кикает, готовясь к соревнованию. Тем не менее без личной характеристики я новенького не возьму.

Молодой человек сказал:

— В таком случае дело разрешается просто: вы берете меня на работу и тем временем запрашиваете мою характеристику. Вот как вам надо сделать.

Криво усмехаясь, директор сказал:

— А вдруг характеристика вовсе не придет. Или вдруг она

придет такая, что, как говорится, унеси ты мое горе. Мы же вас решительно не знаем. А может быть, вы сбежали от алиментов. Или, может быть, вы вовсе не счетовод, а бог знает, кто вы такой. Все это ляжет темным пятном на наше учреждение, репутацией которого мы привыкли дорожить больше, чем вами и подобными вам. Вдобавок вы не в том союзе состоите. Дуйте в свой союз и там разводите турусы на колесах.

Через пару дней молодой человек снова явился в это учреждение и сказал:

— Хорошо. Я подожду. Затребуйте мою характеристику. Но если она придет не скоро, то имейте в виду — я вылечу в трубу.

В конце второй шестидневки, узнав, что характеристики еще нет, молодой путешественник решил уехать в родные свои места.

Эта простая мысль обрадовала его и освежила. В самом деле. Черта лысого он тут будет сидеть.

Он поскакал на рынок, чтоб продать свои приличные суконные брюки и на вырученные деньги приобрести билет.

Его штаны понравились одному гражданину. И тот согласился их купить и вдобавок дать свои обыкновенные парусиновые брюки.

Но покупатель не захотел осматривать покупку на владельце. Он пожелал проверить товар на свет: нет ли дыр и какова потертость.

Недолго думая, наш путешественник влез в пустой ларек, стоявший на краю рынка, и через минуту выкинул на прилавок свои брюки с тем, чтобы покупатель убедился в качестве товара.

Осмотрев брюки, покупатель рассердился. Он сказал, что за это решето он не даст и рубля.

И от озорства, а отчасти от гнева, что не оправдались его надежды, покупатель швырнул брюки на крышу ларька, в котором наш злосчастный путешественник сидел в одной голубенькой майке.

Полчаса и больше просидел Ф. в ларьке, не зная, что ему предпринять. Потом он стал скликать прохожих, прося, чтоб они ему подсобили.

Два подростка стали орудовать палкой. Но ларек был высокий. И снять брюки оказалось не так уж просто.

Пугаясь, что подростки свистнут его брюки, Ф., озираясь по сторонам, вылез из ларька и стал руководить операцией.

Между тем собралась толпа. Кто-то припер лестницу, и под радостные крики собравшихся брюки, наконец, были сняты и торжественно вручены владельцу.

И в тот счастливый момент, когда поданы были брюки, к толпе подошел бухгалтер Л-ов, который имел обыкновение прогуливаться по рынку в обеденный перерыв.

Узнав молодого человека, бухгалтер крикнул:

— Слушайте, только что пришла ваша характеристика, а вы тут на рынке околачиваетесь!

Узнав от бухгалтера, в чем дело, толпа зааплодировала путешественнику.

Дрожащими руками напялив брюки, Ф. вместе с бухгалтером поспешили в управление.

Директор, сияя, сказал:

— Характеристика больше чем хорошая. Наше учреждение можно поздравить с ценным приобретением. Приступайте.

Ф. хотел было в счет аванса взять некоторую сумму, чтоб продержаться до жалованья, но оказалось, что это нельзя, так как он тут еще не работал.

Тогда сердобольный бухгалтер дал ему две двадцатки из своих, сказав: «Можете отдать через месяц».

Когда деньги очутились в руках путешественника, он подумал:

«А, собственно говоря, зачем я буду сидеть и томиться в этом городе? Лучше я сейчас куплю билет и уеду. А бухгалтеру верну долг по почте».

Эта остроумная мысль пришлась ему по вкусу. Он побрел на вокзал и в тот же день уехал на почтовом поезде.

Хорошая же характеристика так и осталась в учреждении.

ИСПЫТАНИЕ

Жила в нашем доме одна семья: муж, жена и сынок, парнишка лет двенадцати.

Муж работал на производстве. Жена заботилась о хозяйстве. А ребенок посещал школу.

И все шло хорошо и чудесно.

Выходной день — вылазка за город с ребенком впереди. Вечером — культпоход в кино или к зубному врачу. Регулярное посещение бани. И так далее.

Дружная, тихая семья, без претензии на что-нибудь особенное.

В один прекрасный день муж поднимается по лестнице, чтоб проследовать в свою квартиру после трудового дня. И вдруг видит: идет по той же лестнице молоденькая особа. Очень миленькая и красивенькая. Довольно нарядная. С цветком и бонбоньеркой на груди.

Увидев ее, наш муж немножко даже задрожал, поскольку она уж ему очень понравилась.

А она кокетливо улыбнулась и вспорхнула этажом выше.

И вот проходит, может быть, месяц. И наш муж снова встречает свою гражданку на той же самой лестнице.

Происходят взгляды и улыбки. И завязывается первый разговор, из которого выясняется, что молодая особа живет здесь со

своей мамой. Ей девятнадцать лет. У нее, как говорится, своя дорога — учеба в школе кройки и шитья.

Да, конечно, она своей судьбой довольна. Но не очень, поскольку все еще впереди, а в настоящий момент ничего особенного.

И вот проходит еще месяц, и наш муж начинает ее усердно посещать. Он заходит к ней в гости. Беседует на разные темы с ней и с ее мамой. И делается там как бы своим человеком.

Он, короче говоря, влюбляется в нее до потери сознания. И, будучи решительным человеком, приходит к мысли о необходимости полной перемены жизни.

И вот — разговор со своей женой, слезы и стенанье. И, наконец, наш муж перебирается этажом выше.

Он поступает до некоторой степени благородно: все оставляет своей семье. И только лишь берет с собой чемодан с бельем и носильными вещами.

Он обещает выплачивать им почти что треть жалованья, но это не уменьшает страдания жены. И там происходят обмороки, рыдания и визг сына. Печальная картина развала и крушения семьи.

Но жребий брошен. Мосты позади сожжены. И наш влюбленный муж, как говорится, вкушает счастье со своей особой.

Но он недолго вкушает счастье. Он — младший командир запаса. Его мобилизуют в Красную Армию и направляют на Карельский перешеек.

И он уезжает, нежно простившись со своей плачущей Ритой.

Он пишет ей с фронта короткие письма, в которых описывает суровую боевую жизнь, жестокие бои и адские морозы. Его письма полны решимости и отваги. Это не мямля и не слюнтяй пишет с фронта. Это пишет отважный младший командир запаса, для которого долг выше личного счастья.

Но вот письма приходят все реже и реже и, наконец, совсем прекращаются. И Рита не понимает, что это значит. Уже март, конец войны. А писем нет.

И вот однажды приходит письмецо. И Рита, прочитав его, лишается чувств.

Она падает в обморок. И ее мать опрыскивает ее водой, чтоб она пришла в себя. И, придя в себя, она зачитывает мамаше письмецо, в котором говорится: «Милая Рита, я получил ранение. Я потерял ногу. Я теперь инвалид и калека. Отпиши подробно, согласна ли взять меня или мне лучше находиться на государственном обеспечении».

Целый день мама с дочкой обсуждают положение. И, наконец, ему пишется ответ, полный жалости и участия, но вместе с тем говорится, что не так-то просто его взять. Кто же за ним будет ходить? Не может же она, молодая женщина, едва вступившая в свет, посвятить ему свою жизнь. Надо это дело хорошенько

обдумать. Тем более, государство теперь обязано за ним последить.

Но вот проходит некоторое время, и его первая жена, Анна Степановна, тоже получает такое же письмо. «Да, — пишет он, — милая Аня, теперь я калека. Ответь, возьмешь ли ты меня такого».

Как бомба разрывается в квартире по получении сего письма.

Но в тот же день бывшая жена ему пишет:

«Милый друг, Иван Николаевич, горько плачу о твоем ранении. Видно, уж суждено нам жить с тобой вместе. Зачем ты спрашиваешь — возьму ли я тебя к себе? Отпиши немедленно, куда за тобой приехать. Я буду работать. А там наш Петюшка подрастет, и все будет в лучшем виде».

Но вот проходит несколько дней. И вот — что это? К воротам подъезжает машина. И из нее выходит Иван Николаевич. Он цел и невредим. Ноги у него на месте. И на груди у него сверкает новенький орден.

Все жильцы, находящиеся в этот момент во дворе, раскрывают свои рты от высшего изумления.

Управдом подбегает к нему и говорит:

— Как понять это, Иван Николаевич? Судя по письму, мы думали, что вы в другом виде.

Приехавший берет управдома под руку и говорит ему:

— Любезный друг! Конечно, я поступил, видимо, неправильно, жестоко и так далее. Но суровая жизнь заставила меня задуматься. Я подумал: ничего, если меня убьют, но, если я потеряю руки или ноги, что будет со мной? Я живо представил себе эту картину и в тот момент решил сделать то, что я сделал. И в этом не раскаиваюсь, потому что теперь знаю, с кем мне надо жить, ибо брак — это не только развлечение.

Управдом говорит:

— Конечно, вы немножко перегнули в своем испытании. Это, как говорится, запрещенный прием. Но раз сделано, так сделано. От души поздравляем вас с орденом Красного Знамени.

Тут наш муж поднимается в свой этаж, к первой своей жене, Анне Степановне. И что там происходит в первые пять минут, остается неизвестным.

Известно только, что сын Петюшка по собственной инициативе бежит в верхний этаж и вскоре оттуда приносит папин чемодан с бельем и с носильными вещами.

В тот же день Иван Николаевич объясняется с Ритой. Он просит у нее прощения и целует ей руку, говоря, что он вернулся другим человеком и что к прошлому нет возврата.

Они расстаются скорее дружески, чем враждебно. Конечно, молодая женщина досадует на него. Но досада ее умеренна, ибо за время отсутствия мужа ей понравился один человек.

НА УЛИЦЕ

Еще недавно улицы у нас поливались из кишки.

Стоял себе дворник, держал кишку и поливал. Ну, что это такое?

А кишка привинчивалась прямо к тумбе. Ну, некрасиво. Неестественно. Не соответствовало духу времени. Научная мысль, конечно, не могла примириться с таким процессом поливания улиц.

И вот появились машины. Такой бак на колесах, и от него идут всякие трубочки, откуда брызжет вода.

Машина проехала — и улица великолепно полита: ровно, экономно и даже, пожалуй, научно, поскольку мужчина, сидящий рядом с шофером, регулирует воду. То пустит длинные струйки, то, наоборот, короткие. Смотря по надобности.

Вот такая машина — это уже современность во всем ее блеске. Это уже техника на уровне культурного ума. Это уже культура, незнакомая прошлому миру.

Взять, например, Египет. Несмотря на свой высокий идейный уровень, египтяне, будь они трижды неладны, не знали ничего подобного. А уж, кажется, южная страна. Адская жарища. Невероятная пыль благодаря тому, что пустыни близко. Тем не менее они дальше деревянного ведра, вроде шайки, не пошли. И с тем, как говорится, и закончили свою историческую миссию.

А живи они, скажем, у нас, в наше время, так, небось, тоже пользовались бы плодами цивилизованной жизни. Вот уж, как говорится, не угадаешь, где найдешь, где потеряешь.

А у нас к таким машинам уже привыкли. И люди даже не останавливаются, когда идет поливка.

Конечно, в другой раз остановятся, чтобы чертыхнуться, когда машина их обольет.

Но нельзя же требовать невозможного. Уж нельзя настолько научно поливать улицу, чтоб вовсе никого не облить.

Конечно, если там нарочно обольют, так сказать, для потехи, — ну, тогда другое дело.

Например, вчера иду по улице и вижу: едет эта поливочная машина.

Сама голубая. Небесного цвета. Брызги сверкают на солнце. Ну, восхитительное зрелище!

Иду по тротуару и любуюсь.

А впереди меня идет какой-то человечек. Машина же катит нам навстречу и поливает.

А улица второстепенная, пустынная. Больше и нет никого. Так что машина поливает все: и дорогу и тротуар.

Я, конечно, прижался к ограде, чтоб меня не слишком залило. Поскольку, думаю, мужчина, сидящий с шофером, вряд ли учтет немногочисленных прохожих. Вряд ли он уважит ходьбу двух

отдельных людей. Не может того быть, чтоб он, думаю, убавил струйки. Это было бы уж слишком грандиозно — видеть такое уважение в столь малом житейском масштабе.

Итак, я прижался к ограде, а идущий впереди меня, полагая, что струйки сократятся, пошел напролом. Ну, и, конечно, был облит и, так сказать, охлажден в своем оптимизме.

Он поднял крик. Из кабинки шофера высунулся регулировщик. Он от души хохотал, смотря на мокрую фигуру прохожего.

Машина без остановки поехала дальше. Но оскорбленный прохожий побежал за ней. Он побежал за ней, крича и размахивая руками, как бы призывая небо в свидетели.

Вдруг машина остановилась у светофора. Это была вынужденная остановка, и наш регулировщик волей-неволей встретился с противником лицом к лицу.

Что уж тут описывать их словесную баталию! В воздухе висела такого рода брань, которая не подлежит оглашению в печати.

Прохожие шарахались в стороны... Впрочем, сие замечание — художественное преувеличение. Прохожие, увы, никуда не шарахались. Прохожие спокойно слушали площадную брань. Еще бы, привычная музыка для всех, кто ходит по улице пешком.

Говорят, что в XVII веке задумали у нас с этим бороться. Специальные стражники с дубинками в руках шлялись по базарам и нещадно лупцевали каждого, кто загнет сверх нормы.

Но из этого ничего не вышло. Побитых было столько, что царь велел прекратить побоище.

Но одно дело — XVII век, а другое дело — сейчас. Уж, кажется, можно было бы образумиться. Ну, да не в этом дело.

То есть как это не в этом дело? Именно пришло время начать настоящую борьбу. А то, ей-богу, уши вянут.

В общем, простите, что сбились с основной темы. Очень уж наболевший вопрос.

Так вот, облитый прохожий лается с сидящими в кабинке. И он лается минуты три, поскольку машина не может двинуться дальше: идет какой-то обоз, и светофор красный.

На крик подходит случайный милиционер.

Узнав, что случилось, и осмотрев облитого, он говорит:

— То есть никаких следов облития я не замечаю. Штаны и рубаха на вас сухие. Об чем вы загораетесь?

Облитый хлоп себя по штанам и рубахе, — действительно, сухой, как курица.

Конечно, жара, солнце, ветерок обдувает. За три минуты высохнуть можно.

Увидев, что объективных признаков больше нету, облитый перестает ругаться и, смущенно улыбаясь, закуривает. Причем спичку ему культурно подает регулировщик, который устал отражать словесные атаки и теперь хочет мира.

Один из публики, с книгой под мышкой, говорит:

— Подумаешь, облили! Делов на копейку. Вода — продукт химически чистый, и она не оставляет следов на хлопчатобумажных тканях. Вот если бинокль облить или гравюру, — тогда иное дело. А я бы даже хотел, чтобы меня облили, а то мне идти жарко, сопрел.

Регулировщик говорит:

— Вот тронемся, и я вас, милый человек, оболью с превеликим удовольствием. Мне и самому это всякий раз забавно видеть.

Тут светофор дает зеленый свет, великолепная машина трогается. Народ молча расходится.

Я иду дальше и по дороге там и сям слышу брань, которая произносится скорее добродушно и как бы даже с удовольствием, чем со зла.

НА ВСЯКИЙ ЧАС УМА НЕ НАПАСЕШЬСЯ

Давеча еду в автобусе.

Довольно тесно. Но стоять можно: с ног не валят. Рядом со мной стоит престарелый гражданин с портфелем. А рядом с ним престарелая дама с чемоданчиком.

Они стоят безропотно. Особенно независимо стоит престарелый гражданин. Что касается дамы, то она, видать, устала стоять, и по временам она с тоской взирает на сидящих, ожидая, не уступят ли ей местечка. Тем более, что качка изрядная, и ее престарелые ноги не справляются с неожиданностями пути.

Но пассажиры не реагируют на ее взоры. И только один из них, обратившись к ней, говорит:

— Через три остановки я, мамаша, сойду, и тогда сядете на мое место — просьба обождать. Я бы и сейчас вам уступил, но войдите в мое положение: у меня пузыри на ногах — стоять трудно.

«Мамаша» с благодарностью кивает головой, но при этом замечает, что и ей через три остановки тоже надо сходить.

— Как хотите, — говорит пассажир, — не смею вас задерживать.

Вдруг на остановке в автобус входит еще новая партия пассажиров. И среди них небольшой парнишечка лет двенадцати.

Он едет самостоятельно, один. Смело входит в автобус. Сразу протискивается вперед. И начинает с интересом следить за действиями шофера.

Пассажир, у которого пузыри на ногах, неожиданно встает со своего места и, вежливо поклонившись ребенку, говорит:

— Садитесь, молодой товарищ.

Мальчугану, видать, не особенно хочется сидеть. Ему интересней наблюдать, как шофер вертит кругом. Однако, послушный голосу взрослого, он садится на его место.

Престарелая дама говорит:

— Лучше бы вы мне уступили, чем мальчугану, который может пятьсот километров стоя проехать и ему от этого худо не будет.

Пассажир, уступивший место, говорит:

— Ничего не поделаешь, мамаша. Детей надо уважать и к ним надо почтительно относиться. Они нам смена.

Престарелый пассажир с портфелем говорит:

— Об этом никто не спорит. Детей надо уважать. Но и портить их не надо.

Который с пузырями говорит:

— А чем же я их порчу? Что вы на меня навалились?

Престарелый пассажир говорит:

— Детей надо так воспитывать, чтоб они место старым людям уступали. Не надо из них оранжерейные цветочки делать.

Еще одна женщина говорит:

— Между прочим, я так своих детей и воспитываю. Мои дети и дверь откроют, если звонок звонит. И тарелку принесут взрослому, если это ему надо.

Еще кто-то произносит:

— Сам на пузырях стоит, а здоровому парнишке место уступил. А парнишка и местом не интересуется: эвон сидит, как на шиле, вертится и подскакивает. Ясно, это не надо было делать. Крошечному ребенку следует место уступить. А такому, когда и давки-то н е т , — это перегиб.

Который с пузырями говорит:

— А пожалуй, я действительно допустил перегиб. Не сообразил, что данный ребенок — крупный и вроде подростка. Но линия у меня на уважение детей принципиально правильная. И она не расходится с общей тенденцией. С этой позиции вы меня не собьете.

Пассажир с портфелем говорит:

— Позиция правильная и с общей тенденцией не расходится, но в данном случае разошлась.

С пузырями говорит:

— Убедили. Тоже ведь на всякий час ума не напасешься. Лучше бы я мамаше место уступил. А еще бы лучше сам остался сидеть. А то стою на пузырях и испытываю муки.

Тут мальчуган встает и говорит:

— Что вы мне велите сидеть? Я не хочу сидеть. Я хочу рядом с шофером стоять.

Тут пассажиры начинают смеяться. И говорят тому, у кого пузыри:

— Видите, какая допущена накладка. Мальчик принял вашу глупую любезность за приказание. И поэтому он сел. Теперь, будьте любезны, не садитесь, а пусть на это место сядет престарелая гражданка с чемоданчиком.

Та садится на это место. И пассажир с пузырями, расстроившись от всех этих дел, сходит с автобуса на своих полусогнутых. Причем сходит на одну остановку раньше, чем это ему было надо. И при этом бормочет: «На всякий час ума не напасешься».

КОММЕРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Недавно мы с женой задумали приобрести дубовую вешалку в переднюю.

В комиссионном магазине продавалась хорошенькая стоячая вешалка с зеркалом.

И для этой цели нам с женой срочно понадобились деньги. И мы решили где-нибудь перехватить некоторую сумму до первого апреля. Но поскольку нам не удалось это сделать, то мы пришли к решению — продать один мой лишний выходной костюм.

Не скажу, что этот костюм был новенький или, как говорится, с иголочки. Некоторое количество дырок и пятен имелось, но уж не настолько, чтоб его нельзя было назвать костюмом.

Слов нет, брюки были нехороши. Не хватало пуговиц. И позади от пояса был отрезан кусок материи на починку нижнего отворота, случайно оторванного в автобусе. И вдобавок не хватало одного хлястика, тоже оторванного, как говорится, «с переляку», во время крымского землетрясения в 1927 году.

А пиджак был еще ничего себе. И даже, может быть, сам Форд не погнушался бы носить его во время затемнения.

А что брюки и пиджак давали между собой такую разницу, то это оттого, что пиджак я носил раз в году, а брюки трепал ежедневно и даже по несколько раз в день.

Первоначально мы с женой имели намерение заложить наш костюм в ломбарде. Но нам не хотелось длинной канители, и поэтому мы упростили коммерческую операцию: отнесли товар на скупочный пункт.

Заведующий пунктом, осмотрев наш костюм, не проявил ни радости, ни горя. Осмотрев, он отбросил его от себя и при этом буркнул: «Семьдесят!»

А мы с женой мечтали получить сто и поэтому сказали заведующему:

— Оглядите лучше и дайте ту божескую цену, какую заслуживает наш товар.

Осмотрев еще раз, заведующий сказал:

— Нет, я не ошибся. Более семидесяти ваша вещь не потянет. Дырки. Пятна. Хлястика нет. И штаны, как решето.

Эта сумма нас с женой не устраивала. И поэтому, взяв костюм, мы отправились домой. И двое суток приводили этот костюм в христианский вид.

Мы пришили хлястик и пуговицы. Заштопали дырки. Вывели

пятна. И отутюжили костюм. И, полюбовавшись на него, снова отнесли на скупочный пункт.

Однако заведующий, осмотрев костюм, сказал: «Пятьдесят».

Откровенно вам сказать, мы были ошеломлены и растеряны. Мы сказали:

— Еще позавчера вы давали семьдесят. А ведь тогда были дырки, пятна, и хлястика не имелось. А сейчас, когда костюм с иголочки, вы даете пятьдесят. Как же так, уважаемый?

— Не знаю, — сказал заведующий, — не помню, чтоб я давал семьдесят. Более пятидесяти ваша вещь не тянет. Говорю вам это как специалист, шесть лет проработавший в этом.

Мы с женой хотели было тут же оторвать от брюк пуговицы и хлястик для того, чтобы вызвать прежнюю цену. Но заведующий сказал:

— Боже сохрани вас это делать! В противном случае более десяти рублей ваша вещь не потянет.

И тогда мы с женой, рассердившись, пошли в другой скупочный пункт. Но там оценили нашу вещь еще того меньше, в тридцать рублей.

Мы вернулись в первый магазин для того, чтоб получить то, что давали. Однако заведующий, не узнав нас, сказал:

— Не скажу — сто, но рублей девяносто ваш костюм тянет. Но только — увы! — на сегодня мы уже расторговались, и в кассе больше нет ни сантима.

Мы с женой вернулись домой и решили вешалку не покупать.

Но вскоре к нам пришел один наш знакомый и, узнав, что продается костюм, купил его за сто десять рублей в рассрочку. Двадцать шесть рублей он нам дал, а остальное обещал после праздников и уж, во всяком случае, не поздней весны.

И мы решили ждать, поскольку вешалка нам уж не так нужна, не до зарезу.

ОДНОАКТНЫЕ КОМЕДИИ

1930—1940

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГОРБУШКИН, заведующий кооперативом.
ГОРБУШКИНА, его жена.
СЕНЯ, брат жены.
БАНАНОВ, перекупщик.
СОСЕД.
НЕИЗВЕСТНЫЙ.
КРАСНОАРМЕЕЦ.
ЛОМОВОЙ ИЗВОЗЧИК.

(В комедии могут играть четыре актера.)

Квартира Горбушкина. Стол. Картины на стене. Висячая лампа под шелковым абажуром. Горбушкин с женой сидят за самоваром. Горбушкин просматривает газету.

1.

ГОРБУШКИН *(читая).* Ого... Эва как... Фу ты, фу ты... Ишь ты, как...

ЖЕНА. Ну, чего еще?

ГОРБУШКИН *(читает).* Фу ты, фу ты... Ого, ого, ого... Ух ты, ух ты, ух ты...

ЖЕНА Да говори ты толком — чего еще?

ГОРБУШКИН *(читает).* Ух ты... ух ты... М-да... Вот так да... Угу...

ЖЕНА Ну, мне буквально дурно делается от твоего мычания... Ну?

ГОРБУШКИН. Вот тебе и ну — высшая мера за расхищение народного имущества.

ЖЕНА А ты-то при чем? Ты-то чего крякаешь?

ГОРБУШКИН. А я разве сказал, что я при чем? Дура какая! Вообще говорю: за расхищение — высшая мера.

ЖЕНА. А чего ты расхищаешь-то? Подумаешь! Раз в год какое-нибудь гнилье принесет и после этого газеты читать не может — ему высшая мера снится.

ГОРБУШКИН. Я вообще говорю. Вот, мол, говорю, вышел революционный декрет.

ЖЕНА. Декрет! Другие заведующие несут, несут, несут — ставить некуда.

ГОРБУШКИН. А я не несу — я, по-вашему, розы нюхаю? Дура какая! А это что? А это чего? А на тебе чего? *(Глядит в газету.)* Ух ты, ух ты, ух ты...

ЖЕНА. Немного домой принес — в этом пороку нету. Другие на сторону продают и то без криков газеты читают...

ГОРБУШКИН. А сахар? Сахар-то я на сторону продал. *(Опять смотрит в газету.)* Ух ты, ух ты, ух ты.

В передней звонок. Разговор.

ЖЕНА. Там кто-то пришедши.

ГОРБУШКИН. Кто ж это приперся с утра пораньше? Уж не братец ли ваш, подлец? (*Прячет сыр.*)

ЖЕНА. Братец попозже собирался.

ГОРБУШКИН. АХ да — это Бананов. Он мне деньги принес... за сахар... Ух ты, ух ты, ух ты.

ЖЕНА *(роняет вилку).* Нет, не он. Вилка упавши. Должно быть, дама сейчас явится — я в эту примету глубоко верю.

Входит Красноармеец. Горбушкина ахает. Горбушкин, наливая чай, забывает закрыть кран самовара. Паника и замешательство.

2.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Извините, граждане. Не пужайтесь... Я от следователя послан... Гражданин Горбушкин... Который тут?

Горбушкин показывает рукой на жену. Жена показывает на мужа. Замешательство.

ЖЕНА. Вот они... Они — Горбушкин.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Тогда будьте любезны, пойдемте со мной. Только следователь велел спешно. Вот и повестка.

ЖЕНА. Следователь?!

ГОРБУШКИН. Ух ты, ух ты, ух ты! *(Дрожащими руками берет повестку, читает.)* Бре... бре... кру... Не могу глядеть — буквы прыгают... бре... кру... П... п... п... по... делу... по делу...

ЖЕНА. ПО делу?!

ГОРБУШКИН. Вот я тебе говорил... я тебе говорил... А ты не верила... *(Смотрит на газету.)* Ух ты, ух ты... *(Мечется по комнате.)*

КРАСНОАРМЕЕЦ. Велели к десяти.

ГОРБУШКИН *(торопливо одевается. Сует руку не в тот рукав).* Ух ты, ух ты...

ЖЕНА. Возьмите хотя несъеденных продуктов. Кулек-то захватите!

ГОРБУШКИН *(застегивает пальто: верхнюю пуговицу на нижнюю петлю).* Я г... г... готов... Ведите меня, товарищ.

Идут к выходу.

3.

ЖЕНА *(одна).* Что ж это, батюшки-светы!.. *(Мечется по комнате, вытаскивает сверток из-за картины, опять прячет.)* Куда ж это я теперича дену?

Телефонный звонок.

Где ж это опять звонят?.. Ах, да... Але... я... але... Это, братец, вы стоите у телефона? Гришу-то, это самое, понимаете... Да нет, хуже... Ну да, да... Только сейчас. Не знаю... Ничего не знаю. Только скорей являйтесь. *(Снова берет сверток из-за картины.)* Ну куда ж это мне деть? *(Убегает.)*

Входит перекупщик Бананов с деньгами в руках.

4.

БАНАНОВ. Эва, собака, как роскошно живет! А плачется, сукин кот. Деньги ему — вынь и положь. Сам, небось, хапнул сахар — а мне за него плати! Обидно. *(Кашляет.)* И ждать заставляет по полчаса. *(Присаживается на стул.)* Продуктов-то, продуктов-то насыпано! Мать честная! Небось, жрет без устали... А мне деньги носи. *(Подходит к столу. Кушает, осторожно озираясь.)* И таким иродам письма пишут. *(Читает брошенную повестку.)* «Срочно. Гражданину Горбушкину... Прошу вас явиться для дачи свидетельского показания по делу Щукина. Следователь Кемин». Скажите, пожалуйста, такого арапа еще в свидетели вызывают... А я ему зря ходи... Пущай тогда сам приходит. *(Идет к выходу. Возвращается.)* Продуктов-то! *(Снова ест, снова идет к выходу и опять возвращается, намазывает хлеб маслом. Запихивает в рот.)*

Входит жена Горбушкина со свертком в руках.

5.

ЖЕНА *(испуганно).* Ах!.. Это кто?.. Кто это?!

БАНАНОВ *(жуя бутерброд).* Кхм... кхм...

ЖЕНА. Кто это? Я кричать буду.

БАНАНОВ *(прожевывая).* Кхм... Извиняюсь. Это самое... сейчас скажу... Комок в горле застрял...

ЖЕНА. Что вам надо?

БАНАНОВ. Извиняюсь. Комок в горле — нервная спазма схватила... Я к Григорию Иванычу — Бананов... Но поскольку Григорий Иваныч...

ЖЕНА. Ах, вы знаете... Да, да... арестован Григорий Иваныч...

БАНАНОВ. Арестован?! Как арестован?.. Ну... Я уж пойду тогда... Я думал, совсем напротив. Я думал, по делу... свидетель...

ЖЕНА. Свидетель? Почему свидетель?

БАНАНОВ. Ну, это у них бывает... Сначала, знаете, свидетель, а после и не свидетель... Это часто бывает... Ну, я пойду... Поскольку арестован. *(Поспешно уходит.)*

6.

ЖЕНА *(ставит стул на стол. Прячет сверток на лампу).* Сюда, что ли, деть...

Входит Сосед.

СОСЕД. Кхм, кхм...

ЖЕНА. Ктой-то? Кто это?

СОСЕД. Да что вы, Анна Васильевна, пужаетесь? Соседа уж своего узнавать перестали?

ЖЕНА. Ах, это вы... извиняюсь.

СОСЕД. Куда ж это вы, я извиняюсь, на потолок полезли?

ЖЕНА. Да это я так... Поглядеть — чего там делается.

СОСЕД. Да, от таких делов полезешь... Вижу — ведут вашего супруга. Дай, думаю, зайду — успокою даму. Обыска-то еще не было?

ЖЕНА *(встревоженно).* Обыска? Нет, не было.

СОСЕД. Ну, тогда будет.

ЖЕНА. Батюшки мои, неужели же будет?

СОСЕД. А как же! Щукина помните? Ну, который проворовался. Обыск и, говорят, полная конфискация имущества.

ЖЕНА. Полная конфискация?!

СОСЕД. Да вы оставьте беспокоиться. Я же специально пришел вас успокоить. Дама вы, так сказать, в цветущем возрасте... Можете еще нравиться. На вас, пожалуй, еще жениться могут. Мало ли чего бывает... Не пропадете...

Входит брат жены Сеня.

7.

БРАТ *(торопливо).* Ну чего? Ну? По какому делу? *(К соседу.)* А этот еще чего?

ЖЕНА. Это сосед наш.

СОСЕД. Решил маленько успокоить даму. Вижу — повели голубчика. Ну, думаю, дама теперь чересчур встревожена... Пойду, думаю, успокою.

БРАТ *(к сестре).* Дело-то какое, я говорю?

ЖЕНА. И сама, братец, не знаю.

БРАТ. Ну, бросьте свои дамские штучки. «Не знаю»! Ну, припомните, чего у него было?

ЖЕНА. И прямо, братец, сама теряюсь. Было. Конечно, было. Сахар и туалетное мыло... Наверное, конечно... мало ли...

БРАТ. Это плохо. Это тогда плохо. Тогда надо чего-нибудь спешно сейчас придумывать.

СОСЕД. Это, я так понимаю, полная конфискация имущества может сейчас произойти.

БРАТ. Чего? Конфискация? Ну да, я же и говорю. Тут надо на полных парах гнать. Сейчас же кругом все имущество продавайте. *(Тянет коврик, на котором стоят Сосед и сестра. Свертывает.)*

ЖЕНА. Неужели же, братец, кругом все имущество продавать?

СОСЕД. Тут, я так понимаю, вам надо подчистую все продавать. Рафинад, для примеру, я себе возьму.

БРАТ. Сахар в продажу не поступает. Я на себя сахар беру. *(Подходит к телефону.)* Але. Семь — шестнадцать — тридцать два...

СОСЕД. Тогда, может, из текстильного товарцу?

БРАТ *(сестре).* Нюша, покажите им быстро пальто и костюмы. Им костюмы в аккурат будут. Только быстро у меня. Быстро!

Горбушкина показывает костюмы.

СОСЕД *(рассматривает на свет).* Костюмы — это, конечно, мало интересу. Хотелось бы чего-нибудь такое, более вечное... Сколько за это сильно поношенное тряпье на круг хотите?

БРАТ *(в телефон).* Але. Федор Палыч? Да, это я... Чего? Именно так. Кругом все продается. Полная спешная распродажа. Ну да, разная обстановка. Да, и шкапы. И картины, и картины. Чего? Чьих кистей? Каких кистей? Кистей? Кистей, кажись, нет. *(Смотрит на картину.)* Нету, картина без кистей. Ну, обыкновенная рама, и кистей, знаете, нету. Чего? А, это. *(К сестре.)* Он говорит: какие-то кисти.

ЖЕНА *(сердито).* Какие кисти? Нет у меня кистей.

БРАТ. Але. Кистей у вдовы нету. Чего? Ах, это. А-а. *(К сестре.)* Он говорит: чьих кистей, ну, какие мастера?

ЖЕНА. Да какие кисти? Без кистей!

СОСЕД. Нет, это так прежние буржуазные классы гуманно выражались: чьи кисти. Кто, одним словом, картины красил? Смех, ей-богу.

ЖЕНА. А пес их знает, кто их красил.

БРАТ. Фамильи. Он фамильи спрашивает. Только быстро отвечайте.

ЖЕНА. Ай, я не могу про это думать... Этот, как его, на «ой» фамилья. Или, погоди, на «ах»...

СОСЕД. Ахов? Чехов?

БРАТ (в *телефон*). На «ах» фамилья начинается.

ЖЕНА. Или, погоди, — на «ай».

БРАТ. На «ай» начинается. Айвазовский? Ну да, этот, Айвазовский. Одним словом, на одной картине чудная сухая березовая роща — метров сорок сухих березовых дров, а на другой, извиняюсь, простая вода. За рощу не меньше трехсот, а за воду — сговоримся. Значит, ждем вас, Федор Палыч.

СОСЕД. Ну, я забираю этот товар, Анна Васильевна. А насчет супруга вы оставьте беспокоиться. Я на это так завсегда гляжу. Меня это никогда не пугает. Только бы, думаю, не высшую меру. Высшую я, действительно, с трудом переношу, а остальное как-нибудь утрясется.

БРАТ. Деньги-то он, бродяга, уплатил? Чего он вам зубы заговаривает!

СОСЕД. Уплатил, уплатил. Не сомневайтесь. *(Уходит.)*

БРАТ. Давайте сюда деньги-то. Чего вам в руках держать-то?

ЖЕНА. Да ничего... Я бы подержала.

8.

БРАТ. Тут надо, для примеру, очень все спешно провернуть. Тут надо — полная быстрота. Сейчас этот небель возьмет. Этот — шкапы. Этот пущай — костюмы. Я тоже чего-нибудь возьму. Уж не оставлю вас по мере возможности. Помогу, чем могу.

ЖЕНА. Да уж спасибо, братец. Только как же это так? Ну, это прямо имущество на глазах уплывает!

БРАТ. А вы, сестра, не можете много понимать. Человек засыпавшись по такому важному делу. Неисчислимые убытки, может быть, государству нанесены. Тут нам с вами одной минуты зевать нельзя. Тут надо совершенно ударно провернуть. По-большевистски... А которые придут — у вас и нет ничего. Жена в полной нищете на койке сидит... Да вы одеты-то как! Одеты-то вы как? Накрутили на себя, ну, ровно верблюд. А ну, оденьте темненькое платье победней. Остальное все продавайте... Куда вы сверток-то тычете, дайте его сюда.

Жена уходит. Входит, потирая руки, Неизвестный (перекупщик мебели).

9.

БРАТ. Федор Палыч! Очень приятно и все такое. Пожалуйста, глядите небель. Только просьба поскорее.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Так. Это можно купить... Так. Картины. *(Рассматривает через кулак.)* Можно... Сколько за этот хлам хотите?

БРАТ. Там еще чудная дамская спальня.

НЕИЗВЕСТНЫЙ *(смотрит, открыв дверь).* Можно. Это тоже можно. Сколько на круг за весь этот лом? Три возьмите.

10.

ЖЕНА *(входит в тряпье).* Ох-ох, три. Он дешево покупает, только домой не носит. Три!

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну, тогда четыре дам — и разговор кончен. *(Снимает картины. Ставит стулья на стол.)*

БРАТ. Соглашайтесь, сестра, соглашайтесь. Нам тут каждая минута дорога. Пишите ему расписку.

ЖЕНА. Батюшки мои! Да что ж это получается?! Да как же это так?! *(Пишет расписку, берет деньги.)*

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Тогда я лошадь сейчас пришлю. *(Уходит.)*

БРАТ. ТОЛЬКО лошадь-то поскорей засылайте... По-большевистски.

11.

БРАТ. Тут, сестра, главное — быстрота. Вы мой характер знаете: я в панику не вхожу. Но дело делать — я понимаю. Тут надо провернуть в ударных темпах.

ЖЕНА. Да, я понимаю, конечно. Я вхожу в ваше положение. Но только мне имущества жалко. Это что же, мне теперича в своей квартире и сесть не на что будет?

БРАТ. Ах, да. А квартера? Квартеру-то ведь вы купили за десять тысяч. Тут надо сейчас и квартеру провернуть. *(Звонит по телефону.)* Але, три ноля пятнадцать. Але. Я, я. Квартера — две комнаты. У застройщика. *(К сестре.)* Да не хватайтесь за меня руками. *(В телефон.)* Нет, небель, к сожалению, уже продана. И костюмы проданы. Нет, это все продано. Вдова все продала. Тогда заходите насчет квартерки.

Входит Сосед в новом широченном костюме.

12.

СОСЕД. Пугаюсь я, что костюмчик на мне несколько широковато сидит. А?

БРАТ. Обыкновенно сидит.

ЖЕНА. Очень миленько на них сидит.

СОСЕД. Нет, чувствую, что широко.

БРАТ. Откуда же широко? *(Руками сзади зажимает костюм.)* Оно даже как бы скорей узко на вас.

СОСЕД *(чуть не плача).* Где же, помилуйте, узко!

БРАТ. Известно — узко. Даже грудью дышать не можете.

ЖЕНА. Очень на них миленько сидит.

СОСЕД. Нет, знаете, чего-то не то. И плечо режет. Нет, узко мне. Чувствую, что узко.

БРАТ. Ну, знаете, вы фигуряете. Вы же только что говорили — широко.

СОСЕД. Разве я говорил — широко? Нет, я говорил — узко. Именно говорил — узко. Дышать трудно.

БРАТ. Ну, знаете, вас не поймешь. *(Отпускает пиджак.)* Где же узко, когда материя ложится свободными складками. Скорей уж широко.

СОСЕД. Или широко. Пес его знает. Ей-богу, широко.

БРАТ. И, прямо, никакой широты не наблюдается. Эвон как фигурку облепляет. Вы, прямо, не знаете, чего хотите.

ЖЕНА. Они сами не понимают, чего они хочут. Фигуряют...

СОСЕД *(чуть не плачет).* Тогда я колпак еще возьму. Как бы в премию. Меня такие колпаки немножко интересуют.

БРАТ. Берите колпак. Только быстро, быстро. На носках, прямо, ходите.

С о с е д влезает на стол и отвязывает колпак.

ЖЕНА. Да что ж это на моих глазах делается? Куда ж ты, сатана, на стол-то вперся?

СОСЕД. Извиняюсь. *(Уходит с колпаком, на ходу захватывая с собой пару стульев.)*

БРАТ. Стулья-то на место положьте. Небель вся продана.

СОСЕД. Извиняюсь.

БРАТ. Этажерка тоже продана. Не хватайтесь за предметы руками. Кругом все продано. Квартерка только осталась.

СОСЕД. Квартерку я бы принял, ежели бы в рассрочку. Вашей квартеркой я завсегда не перестаю любоваться.

ЖЕНА. Братцы-батюшки! Что ж это такое?! А я-то, для примеру, где же буду находиться?

БРАТ. Ах, черт! Это верно. Где ж вдова-то находиться будет?

СОСЕД. Да в крайности ей угол уступить можно.

БРАТ. Пишите расписку. Или дайте я напишу. Вы только подпишетесь. Не цепляйтесь за меня руками.

С о с е д уходит с колпаком и распиской.

13.

БРАТ. Ну, теперича, кажись, все. Сейчас этот небель увезет, и можете дышать спокойно.

ЖЕНА. Это, ну, прямо — что ж такое произошло?.. А ежели вызовут меня? Чего я скажу?

БРАТ. А ежели вызовут вас, вы им скажите: нет ничего, вот я вся тут.

ЖЕНА. Или, может быть, им сказать: на иждивении у брата нахожуся?

БРАТ. Еще чего! У брата! И, прямо, мене не упоминайте. Прямо, мене забудьте. Прямо, нет меня. Ай, ей-богу... Ах ты черт! Какое, скажут, родство, да пятое-десятое. Может быть, вам, сестра, замуж выйти? Слушайте, не можете ли вы быстро жениться, замуж выйти, а? Только быстро.

ЖЕНА. Как это?

БРАТ. Тогда бы у нас очень великолепно получилось. Вещей нет, сама, дескать, на иждивении у мужа, пятое-десятое... Нет ли у вас какого-нибудь дурака на примете?

ЖЕНА. И, прямо, братец, что вы говорите!

БРАТ. Только быстро, быстро. Ну, кто у вас есть?

ЖЕНА. Ну как же это так?

БРАТ. Ну, вот этот, что приходил, — сосед. Он, как вы думаете, не женится? А ну, позовите его быстро. Быстро, быстро!

ЖЕНА. Да что ж это, ей-богу? Да как же так? Да вот он, никак, и сам идет.

14.

СОСЕД. Ей-богу, не возьму костюмы. Кругом все смеются.

БРАТ. Ай, да перестаньте вы канючить. Вы мне лучше скажите — чего вы к моей сестре так часто в гости заскакиваете? Только, может, ее коньпроменьтируете.

СОСЕД. То есть как же, помилуйте, часто? За месяц только раз и зашел — успокоить даму.

БРАТ. «Успокоить даму»! Мы знаем это спокойствие. Еще врет! Он раз зашел. Да он, сука, на моих глазах третий раз входит. Коньпроменьтирует. А если она вам нравится, то вы так и скажите.

СОСЕД. То есть кто это нравится, помилуйте...

БРАТ. Да сестра-то, я говорю, нравится вам — вот возьмите и женитесь на ней.

СОСЕД. Да я, разве я... разве я сказал, что она нравится?

БРАТ. Да давеча-то говорили...

СОСЕД. Я? Ну, знаете... Я... я про костюмы говорил. И совсем даже в противном смысле. Костюмы, говорил, мне не нравятся.

БРАТ. Нет, вы мне баки не заколачивайте. А возьмите и же-

нитесь на ней, если нравится. Только быстро, быстро. В ударных темпах.

СОСЕД *(чуть не плачет).* Ну как же это так, помилуйте! За что же я буду жениться? Я, прямо, не понимаю вас,

ЖЕНА. Конечно, если они не хочут, то об чем же говорить?

БРАТ. Как не хочут? Хочут, да стесняются.

СОСЕД. Ей-богу же, не хочу... Я прямо не понимаю вас... Как же так, помилуйте! Я же ничего не говорил еще... Чего ж вы меня суете куда попало.

БРАТ. Ах, ему говорить надо... Вот вы и говорите: мол, хочу жениться. Я вам говорить не мешаю.

СОСЕД. Нет, я, прямо, чего-то не понимаю. Я не хочу... Я не хочу жениться. Чего ж это я сдуру возьму — и вдруг женюсь. Чего вы, ей-богу, ко мне пристали?

ЖЕНА. Об чем тогда говорить?

БРАТ. Такая интересная женщина! Я, прямо, не понимаю его! А если нету у человека вкуса, то так и скажите и не вводите людей в заблуждение.

СОСЕД. Я... я не ввожу в заблуждение. Я вкус имею... Только я говорю...

БРАТ. Вы имеете вкус! Не смешите меня. Такая славная, интересная женщина. А корпус у ней какой! Нет, я вижу, вы ничего в женщинах не понимаете.

СОСЕД. Нет, я понимаю... Я признаю, что это такая, что ли, интересная... Но только я... Я прямо не знаю, как же так...

БРАТ. Хорошая, стройная походка. Другая идет, как верблюд, а эта ровно кладет ноги. Ать, два, ать, два.

СОСЕД. Я это понимаю, признаю. Конечно, она мне нравится — у меня вкус есть... Но только как же это так, помилуйте...

БРАТ. Сестра, подойдите к ним. Возьмите их за руку.

СОСЕД. Ну как же так, помилуйте! Я прямо теряюсь...

БРАТ. Тем более, вы развестись всегда можете, и об чем толковать — я не понимаю.

СОСЕД. Ну, да разве что если развестись — тогда я, пожалуй, женюсь.

БРАТ. Конечно, женитесь. Только быстро, быстро. Нюша, побегите сию минуту в загс — разведитесь... да заодно там кому-нибудь кухольную посуду загоните. Поцелуйтесь с ним.

ЖЕНА. Ну как же это так? *(Целуются. Уходит.)*

15.

БРАТ. Ну вот, а хныкали. Какую жену оторвал.

СОСЕД. Да нет, я только говорил...

БРАТ. И говорить нечего... Взял и женился.

СОСЕД. Позвольте, позвольте... Ну, хорошо, я женился, а зачем же я тогда костюмы у ей купил, а?

БРАТ. Вот и будете в них щеголять медовый месяц...

СОСЕД. Но я же за них деньги заплатил, а поскольку я женюсь, так это же мне вроде как все равно даром бы перешло. Это что же я, значит, у самого себя купил, а? Нет, знаете, я так не согласен...

БРАТ. Так вы сначала купили, а потом женились. Чего вы тень на плетень наводите? Только вводите в заблуждение.

СОСЕД. Как же так, помилуйте! Нет, я так не согласен. Раз я женюсь, значит, костюмы и так мои. Тогда отдайте мне деньги. Или я жениться не буду.

БРАТ. Нате, выкусите — отдайте ему деньги. Сестра, может быть, уже развелась. Может быть, она женщина, может быть, у нее больное самолюбие. А он — жениться не будет!

СОСЕД. Как же так... И за квартиру я задаток дал... Как же так. Нет, ей-богу, я так не могу... Я... Я...

БРАТ. Об чем вы загораетесь? Ну, хорошо, я вам отдам половину.

Входит Ломовик.

16.

ЛОМОВИК. Эту, что ли, небель везти?

БРАТ. Эту, эту.

СОСЕД. Да, а небель! А зачем вы тогда небель продаете? Зачем же вы мою небель продали? Не трогайте мою небель! Ей-богу, я не буду жениться.

БРАТ. А чего ж вы тянули канитель? Только своим поведением срамили женщину. Вот женились бы раньше, и небель бы вам осталась.

СОСЕД. Как же, помилуйте, раньше — вы же мне только сию минуту сказали, чтоб я женился.

БРАТ. А сами вы не могли додуматься? Вот и отвечайте теперь за все.

СОСЕД. Ну как же так, ей-богу!

БРАТ. А идите вы к лешему! Вот глядите, никак невеста идет.

17.

СОСЕД. Анна Васильевна, что ж это такое? Я чего-то не пойму. Пущай они не трогают нашу небель.

БРАТ. Небель продана — об чем толковать. *(Сестре.)* Ну что, развелась? Только быстро отвечайте.

ЖЕНА. Развелась. А кухольную посуду соседям продала.

СОСЕД *(визгливо).* Как кухонную посуду?! Зачем вы мою кухонную посуду продаете? А мы из чего кушать будем?

БРАТ *(сестре).* Какая сволочь у вас жених попался. Мы так славно расторговались, а он все недоволен, кричит, как сова. А мне как раз нездоровится сегодня — у меня голова болит.

ЖЕНА. Чего ж нам с ним довольным-то быть?

СОСЕД. Вот именно! Тогда пущай нам наши деньги отдает.

БРАТ. Ладно, заткнися. Сказал — дам половину. *(Ломовику.)* И вот это. Это тоже выносите.

СОСЕД. Прямо у меня голова, как в тумане. Чего-то я ничего не понимаю.

БРАТ. Хоть к невесте-то подойдите. Стоит, как болван.

ЖЕНА. Чего вы на них кричите — видите, совсем запугали человека. *(Подходит к нему. Нежно разговаривают. Целуются.)*

Входит Горбушкин. Он слегка навеселе. Поет и притоптывает.

18.

ГОРБУШКИН *(поет).* Колокольчики-бубенчики звенят, звенят. Про ошибки моей юности твердят, твердят...

ЖЕНА. Гриша!

ГОРБУШКИН *(не замечая разгрома в комнате).* Очень вежливо поступили. Очень. Извиняемся, говорят, что повестку не по почте прислали: очень, говорят, вы срочно нам понадобились свидетелем. Ага, говорю, конечно, я с этим и шел — свидетелем. Я говорю: колокольчики-бубенчики... По какому делу, говорю, я свидетелем? Они говорят, и так вежливо, красиво: расскажите, говорят, нам, чего знаете про Щукина. Он, говорят, в короткое время проворовался. Пожалуйста, говорю. Беру стул, присаживаюсь этак вот к сто... *(Испуганно смотрит на полупустую, развороченную комнату.)* Это чего? Это, я говорю, чего?

Брат жены на цыпочках осторожно смывается.

ЖЕНА. Это... это мы думали... Это мы, Григорий Иваныч...

СОСЕД. Прямо голова, как в тумане.

ГОРБУШКИН *(орет).* Это чего?! Это чего в моей камере происходит?!

Входит ломовой извозчик.

ЛОМОВИК. Все, что ли?

Трое стоят, раскрывши рты.

СВАДЬБА

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОТЕЦ.
МАТЬ.
ДОЧЬ.
ЖЕНИХ.
ПРИЯТЕЛЬ ЖЕНИХА.
1-й ГОСТЬ.
2-й ГОСТЬ.
1-я ЖЕНЩИНА.
2-я ЖЕНЩИНА.

Мещанская комната. Три двери. В углу — накрытый стол. У стола Отец пьет рюмку водки. Левая дверь открыта. Там гости танцуют под гармонь. Входит Мать — нестарая молодящаяся женщина в шелковом платке.

1.

МАТЬ. Ну что ж это такое? И пирог сейчас будет готов. И гости собравшись. А наших молодых еще нет...

ОТЕЦ. А пущай хоть совсем не являются... Вот мое родительское слово: я стою против таких браков. Три дня знакомы, и вдруг — здравствуйте, пожалуйста, — муж и жена. Примите праздравление. Кушайте пироги. Бис и ура!

МАТЬ. Где бы радоваться, что дочка замуж вышла, а он... Да ты что, обалдел, водку-то лакаешь, гостей не дождавшись!

ОТЕЦ. «Лакаешь»! Ну, пропустил одну баночку. Для равновесия. Тем более, я, может, против таких современных браков. Меня, может, такие браки не удовлетворяют... Три дня знакомы.

МАТЬ. И не три, а неделю.

ОТЕЦ. Ну, неделю. Может, жених толком еще и не разглядел свою супругу. Может, он придет сейчас и от нее откажется. Эва, скажет, я думал, что она такая, а она без шляпки и без пальто — вон какая. Что вы, скажет, такую муру выдаете...

МАТЬ. А ну тебя к лешему! Надрался уж... А по-моему, очень хорошо. Ты у меня, никак, семь лет был женихом, а что толку-то! Эва, сидит какая зюзя. И нос синий.

ОТЕЦ. У тебя голубой. Ты лучше не тронь мое самосознание. *(Звонок.)* Эвон, никак приперлись.

Входит Дочь в пальто и в шляпе.

2.

ДОЧЬ. Платье готово?

МАТЬ. Ну, а твой-то где? Жених-то?

ДОЧЬ *(снимает пальто).* Он в парикмахерскую зашел за своим приятелем. И заодно причесаться. Сейчас придет. Дайте мне скорей переодеться.

ОТЕЦ *(издеваясь).* Очень мило! Невеста одна является. Молодой в парикмахерскую зашедши. Не мог заранее оболваниться. Очень мило! Очень современный брак. Да я, черт возьми, может, за месяц готовился к таинству брака. Может, я за полгода сходил в баню и в парикмахерскую.

ДОЧЬ. Ага, надрались уже. Поздравляю!

ОТЕЦ. «Надрались». Другой век. Грубые нравы. Романтизму нету — человеку спокойно выпить не дают — задергивают.

ДОЧЬ. А ну вас к черту! Не мешайте мне переодеваться. *(Звонок.)* Ах, кажется, он... Дайте сюда платье. *(Убегает в правую дверь.)*

Входят гости — мужчина и женщина.

3.

МАТЬ. А, милости просим — заходите. Уже все собравшись.

ОТЕЦ. Только молодой в парикмахерской шевелюру завивает.

МАТЬ. Здесь польта кладите. Знаете, коммунальная квартира — мало ли чего...

1-Й ГОСТЬ. Примите наше проздравление. Очень рады...

1-Я ЖЕНЩИНА. Так неожиданно! Быстро! А правда, говорят, они в трамвае познакомились?

МАТЬ. И вовсе нет. Не в трамвае.

1-Й ГОСТЬ. А нам говорили — в трамвае.

МАТЬ. Нет, они увиделись в трамвае. А познакомились они на площадке.

ОТЕЦ. Ха! Три дни...

1-Я ЖЕНЩИНА. Прямо феерично...

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Мать, да пойдите сюда. Помогите мне причесаться. *(Звонок.)*

МАТЬ. Ну, прямо, мне не разорваться. Сейчас, сейчас. *(Гостям.)* Пройдите сюда к гостям.

Входят Жених и Приятель.

4.

ПРИЯТЕЛЬ. Да сюда ли мы зашли? Жених, а не знаешь, куда идти.

ЖЕНИХ. Кажись, сюда. Или нет. Нет, погоди — какие-то незнакомые хари.

ПРИЯТЕЛЬ. Сюда, что ли?.. Жениху-то?

МАТЬ. Ах, боже мой... Это ж молодой. Извиняюсь, я вас сразу не признала.

ПРИЯТЕЛЬ. Да что вы, помилуйте... Это они женихи... А я ихний приятель.

МАТЬ. АХ, извиняюсь... Я сразу не признала...

ЖЕНИХ. Я жених, я... Где же признать — мельком виделись. Мамаша? Очень рад.

ГОЛОС ДОЧЕРИ. Мать, а мать, да пойдите же сюда!

МАТЬ. Извините. Сейчас. Иду. Кладите польта сюда. *(Мужу.)* Займись с ними. Побеседуй. Проводи к гостям. У, зюзя! *(Уходит в правую дверь.)*

ОТЕЦ. Очень рад. Не желаете ли трахнуть по маленькой? Присаживайтесь. А к гостям завсегда успеете выйти.

ЖЕНИХ. Мерси-с.

ПРИЯТЕЛЬ. Это никогда не помешает.

ОТЕЦ. Ах, господа, господа! Романтизму нету — выпить спокойно не дают. Нет прежней красоты. В прежнее время невеста в ногах бы у меня валялась. А сейчас: «Ах, надрались!» *(Кричит.)* В прежнее время сволочь-жених у меня бы в пыли лежал!

Приятель бежит одеваться.

ЖЕНИХ. Ну уж, знаете, вы, папаша, слишком загибаете. Я в пыли не согласен лежать.

ПРИЯТЕЛЬ. АХ, нет — это они так, фигурально выражаются. Ваше здоровье!

ОТЕЦ. Кушайте на здоровье.

ЖЕНИХ. А К примеру — где же моя молодая супруга? *(Ломится в дверь.)*

ОТЕЦ. Она прибирается.

ГОЛОСА. Нельзя, нельзя!

ОТЕЦ. Да вы плюньте на нее. Знаете чего: вы мне очень понравились. Я желаю с вами выпить на брудершафт. *(Шепчет.)* Там у меня бутылка шампанеи в ванной комнате. Знаете, от гостей припрятал. Пойдемте ее поскорей раздавим... А приятель пущай к гостям пройдет. На всех не напасешься.

Уходят в среднюю дверь.

5.

ПРИЯТЕЛЬ *(один)*. Какой сволочной старикан. Нет того, чтоб и приятеля пригласить. Ну, погоди, я им тут наверну. *(Озираясь, пьет и закусывает. Потом, давясь от смеха, ставит дамский ботик на стол.)*

Правая дверь открывается. Показываются Мать с Дочкой. Приятель Жениха шмыгает в левую дверь, к гостям.

6.

ДОЧЬ. Ай, да не нервируйте меня, мамаша! Человек в первый раз будет меня видеть без пальто, а платье как из помойки вынутое...

МАТЬ. Платьице очень изумительное.

ДОЧЬ. Где же изумительное? Простая дерюга.

МАТЬ. Ну, что ж — и дерюгой можно любоваться.

ДОЧЬ. «Любоваться»!

МАТЬ. Тогда накинь мой платок сверху. Вот оно и не будет видать.

ДОЧЬ. Дайте хоть платок. *(Набрасывает на плечи платок.)*

МАТЬ. Ну вот, сейчас совсем изумительно.

ДОЧЬ. «Изумительно»! Теперь платья почти не видать.

МАТЬ. А ну тебя! Фигуряешь. Лучше пойди погляди, не готов ли пирог. У меня ноги трясутся от усталости. *(Уходит в левую дверь.)*

В среднюю дверь входят Жених и Отец. Вслед за ними Приятель.

7.

ОТЕЦ *(жениху)*. Шурик, ну дай я тебя поцелую. И в другой раз, Шурик. Не женись быстро. От этого романтизм теряется.

ЖЕНИХ. Да уж ладно! Чего там. Полно вам врать.

ОТЕЦ. Ну, а уж если женился — пущай хоть сейчас все будет романтично. Пущай все по-старому. Прими сейчас невесту под руку и веди ее торжественно к столу. Как только пирог принесут.

ЖЕНИХ. Да ладно, ладно. А к примеру — где же она-то?.. Моя молодая супруга... Ах, приоделась и ушла. *(Идет в левую дверь.)*

ОТЕЦ. Возьми ее под руку и веди. За тобой пущай целая вереница гостей. Музыка играет. Бис и ура! А мы тем временем с приятелем пофилософствуем — не желаете ли еще по одной?

ПРИЯТЕЛЬ. Я, папа, на вас прямо удивляюсь. Вы очень здоровы пить.

ОТЕЦ *(пьянеет)*. В прежнее время я свободно четверть мог выкушать. Ну, конечно, романтизм был, закуска. Да и сейчас — пью, пью, и все ни в одном глазу.

Быстро входит Жених.

8.

ЖЕНИХ. Папаня, вы не видели ли мою молодую супругу?

ОТЕЦ. А плюнь на нее...

ЖЕНИХ. Нет, папаня, я интересуюсь, где моя невеста? Я прямо не могу ее найти.

ОТЕЦ. Да вон она ходит среди гостей.

ЖЕНИХ. Разве? *(Мнется у дверей, смотрит.)* Гриша, Гриша, пойди сюда!

ПРИЯТЕЛЬ. Ну?

ЖЕНИХ. Прямо, знаешь, я в полной панике. Не могу признать, где моя новая супруга.

ПРИЯТЕЛЬ. Ну как же так, что ты, ей-богу...

ЖЕНИХ. Черт ее знает... Главное, Гриша, без шляпки и без пальто я ее сроду никогда и не видал. А там, гляди, баб чертова уйма. Все вертятся, мотаются. Прямо не знаешь, к кому подойти. К одной подошел — она отстраняется.

ПРИЯТЕЛЬ *(хохочет).* Да ты что же, узнавать ее не можешь?

ЖЕНИХ. Нет, я могу ее узнавать... Вот ее и пальто. Но только мне ее к столу сейчас вести. Прямо первый раз со мной такое — не могу невесту отыскать. Я привык их сразу отыскивать.

Входит домработница.

9.

ПРИЯТЕЛЬ. Шурик, не эта?

ЖЕНИХ *(раздраженно).* Да нет. Моя служащая была, интеллигентка.

Из комнаты, где гости, выходит молодая женщина, подходит к зеркалу.

10.

ПРИЯТЕЛЬ. Шурик, погляди. Не она?

ЖЕНИХ. Нет, по-моему, не она. По-моему, моя была более красивенькая.

ПРИЯТЕЛЬ. Ой, кажись, она. Гляди: белое платье, с носу пудра сыплется... Ну, подойди и спроси... Делов на копейку.

ЖЕНИХ. Ну как же я спрошу? Мне, как жениху, прямо совестно спросить. Что я скажу? *(Подходит.)* Хе-хе... ну вот... Это самое... Вот и я...

2-я ЖЕНЩИНА *(иронически).* Очень приятно!

ЖЕНИХ. Нет, я говорю... Ну вот, наконец, мы и того...

2-я ЖЕНЩИНА. Надрались?

ПРИЯТЕЛЬ *(тихо).* Погоди... Интересненького супруга вы охватили.

2-я ЖЕНЩИНА. Ах, разве вы его знаете?

ПРИЯТЕЛЬ. Ну как же — задушевные приятели.

2-я ЖЕНЩИНА. АХ, правда? Послушайте... В таком случае,

я вас хотела спросить. Мне прямо неловко... Это, конечно, сплетни... Говорят, что у него какое-то темное прошлое. Правда это?

ЖЕНИХ. Она! *(Сконфуженно.)* Я извиняюсь, какое темное прошлое? На что вы намекаете?

2-я ЖЕНЩИНА. Говорят, он тетку свою обчистил.

ЖЕНИХ. Тетку? Нет, это была соседка. И не обчистил, а просто попугать хотел.

2-я ЖЕНЩИНА. И будто приговорили его на пять лет...

ЖЕНИХ. Меня? На пять лет? На год!

ПРИЯТЕЛЬ. Его на год условно.

2-я ЖЕНЩИНА. Но при чем тут вы? Я про мужа говорю.

ПРИЯТЕЛЬ. Шурик, она про своего мужа говорит. Ее муж где-то там, наверно, танцует... *(Ей.)* Да, ваш муж — это, действительно...

ЖЕНИХ. Это штучка... Это фигура...

2-й гость *(подслушивая разговор, выходит. Молча подходит к столу, выпивает рюмку водки).* Мы после поговорим.

Приятель бежит одеваться.

11.

ПРИЯТЕЛЬ. Это тогда плохо! Ай ты, черт! Да вот папа сидит. Ты расспроси поскорей у папы, какая она. Пока он, кажется, еще говорить может.

ЖЕНИХ. Ну как же я спрошу? Мне, как жениху, неловко спросить про такие интимные вещи. Спроси его осторожненько. Главное, скажи, что жених без шляпы ее никогда не видел.

ПРИЯТЕЛЬ. Папаня, вот тут жених интересуется, где его молодая супруга. Он чего-то с ветру ее узнавать перестал.

ЖЕНИХ. То есть, я, папаня, ее узнаю. Но только... Благодаря же вашим словам... Мне ее надо торжественно к столу вести. А я ее совершенно узнаю. Вот ее и пальто. И вот и шляпка ее.

ПРИЯТЕЛЬ. Папа, вы говорить можете? Будьте любезны, скажите им, где ихняя супруга. Они крайне интересуются.

ОТЕЦ. Ну, знаете, это мне, как отцу, прямо оскорбительно слышать. *(Хохочет.)* Вот, я говорил. Я говорил тебе — не женись, Шурик, быстро. Видишь — теперь узнавать ее не можешь.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет, они могут узнавать. Только они согласны вместе с пальтом ее узнавать.

ОТЕЦ *(хохочет).* Вот три дни! Вот тебе плоды просвещенья!

ЖЕНИХ. Не три дни, но только мы, папаня, завсегда на улице встречались. Естественно, теперь, без шапочки, без пальто я имею право растеряться.

Входит 1-й гость с женой.

12.

ОТЕЦ *(хохочет, подмигивает Приятелю).* Да вон она идет. Вон. Подходи. Гляди, за ней какая-то собака волочится. *(Подмигивает Приятелю.)*

ЖЕНИХ *(подходя к женщине).* А я вас всюду ищу... Ах, вы очень интересны в этом платье. Так без шапочки вам идет — ну, прямо, другое лицо. И я теперь от вас весь не в себе.

[1-я] ЖЕНЩИНА. Позвольте... Что вы...

ЖЕНИХ. Только теперь, при полном электрическом свете, я вижу, какая вы есть полнейшая красавица. И я весь горю. *(Обнимает ее.)*

1-й ГОСТЬ. Ну, знаете... Что ж это такое! Ну ты, полегче со своими граблями!

ЖЕНИХ. А ты кто такой? Ты на голос не бери. Папаня, это что у вас за персона ходит? Не дозволяет обнимать! *(Обнимает.)*

[1-я] ЖЕНЩИНА. Как же вы смеете! Нахал! *(Ударяет его по лицу.)*

ОТЕЦ *(хохочет, натравливает).* Взы... Взы... Взы его.

1-й ГОСТЬ. Это нахальство... Обнимать мою жену... Это даже я сам себе не дозволяю. Лиза, идем.

Быстро уходят.

13.

ПРИЯТЕЛЬ. Да это не она. Чего ты, действительно, сунулся... Видишь, папаня пошутили.

ЖЕНИХ. Ну, папаня, спасибо. Из-за вас я сейчас по морде съел... *(Приятелю.)* Нет, я жалею, что это не она. Эта мне очень понравилась. Теперь подсунут какое-нибудь дерьмо — потом живи с ним.

ПРИЯТЕЛЬ. Да ты войди в комнату и скажи: мол, прошу к столу, прошу подойти ко мне мою супругу. Ясно, она и подойдет.

ЖЕНИХ *(мнется у двери).* Прямо не знаю. Не вышло бы опять чего.

Выходит из средней двери Дочь — молодая супруга в платке. Задерживается у входа — разговаривает с гостем.

14.

ПРИЯТЕЛЬ. Или погоди. Вон, гляди, ее мамаша идет. Возьми и спроси. А я с папой подремлю.

ЖЕНИХ. Разве это мамаша? По-моему, это не мамаша.

ПРИЯТЕЛЬ. Ясно, мамаша. Я завсегда ее по платку узнаю. Подойди и прямо руби с плеча — так и так. Или скажи, что у тебя

куриная слепота, не можешь рельефно людей видеть. Пущай она тебе сама невесту подведет. Скажи — ослеп.

ЖЕНИХ *(смеется).* Ей-богу, скажу ее мамаше, что ослеп. Пущай сама подведет.

ДОЧЬ *(Жениху).* А я вас ищу. Что ж это вы, зашли к гостям и сразу выскочили?

ЖЕНИХ. Да как-то, знаете... Взял и вышел. Тут как-то спокойней. Посижу, думаю, тут, поговорю с мамой на разные темы... Захлопотались, мамуля? Дозвольте уж мне теперь вас мамулечкой называть на родственных началах.

ДОЧЬ. Нет, мамулечка — как-то нехорошо. Лучше вы меня киса называйте.

ЖЕНИХ. Киса? Ну как же так, мамуля? Я прямо не осмеливаюсь вас кисой называть. Я вас очень уважаю, но киса вам, ей-богу, затрудняюсь и говорить. Я прямо не знаю.

ДОЧЬ. Ну, тогда, — как меня в детстве называли — чижик.

ЖЕНИХ *(растерянно).* То есть, как это, помилуйте, чижик? *(Грозит пальцем.)* Захлопотались, мамулечка... Устали... Пироги... Угар... Конечно... Естественно...

ДОЧЬ. Мне хочется, чтобы вы меня называли как-нибудь нежно, любовно. Ну там — киса, птичка, рыбка...

ЖЕНИХ. Что вы, мамуля! Не могу ж я в вашем возрасте... как же, помилуйте, рыбка! Какая же вы рыбка?

ДОЧЬ. Александр, я не понимаю вас... Я свои года не скрываю. Вы как-то странно себя ведете. Поцелуйте меня.

ЖЕНИХ *(косится на Отца).* Ну нет, знаете... Я уж за это раз от одной схлопотал по морде... Извольте, ручку поцелую. И вообще, мамуля, я вам хотел сказать про одну вещь. Я, знаете, очень забывчив на людей. Ну, память зрительная, конечно. Я в детстве куриной слепотой хворал. К вечеру плохо вижу... Вот я вас почти и не вижу... Мамуля, где вы?.. Вот я вас, одним словом, хотел спросить, где ваша дочь? Покажите.

ДОЧЬ *(растерянно).* Дочка? Моя дочка? Откуда вы знаете?

ЖЕНИХ. Пардон, мамуля, я вас что-то не понимаю. Нет, я говорю: где дочка?

ДОЧЬ. Ее здесь нет.

ЖЕНИХ. Ах, нет! То-то я, знаете, хожу, как дурак, по комнатам. И вижу — ее нету. А где ж она?

ДОЧЬ. Она... она в деревне...

ЖЕНИХ. Кто в деревне? Нет, я, мамулечка, говорю: дочка где? Ваша дочка. Ну вот, где она тут?.. Дочка...

ДОЧЬ. Александр, я не хотела пока вас расстраивать. Но если вы все знаете... Она в деревне. Она вам ничего не будет стоить.

ЖЕНИХ. То есть, как в деревне? А на чем же я тогда сейчас жени... Позвольте, я чего-то не понимаю. Кто в деревне?

ДОЧЬ. Ну, дочка. Я туда ее отправила...

ЖЕНИХ. Мамуля, тут кто-то из нас, знаете, того... свихнулся. Я говорю — до-о-очка-а... где-е?.. Не та, вторая, а эта. Ну?

ДОЧЬ. Какая вторая? Второй у меня не было. Ах да, действительно, я была в положении... ожидала, но когда... одним словом...

ЖЕНИХ. Мамуля, вы меня пугаете. Я говорю: не та, которая поехала в деревню, и не эта, которой не было, а вот которая тут. Ну?

ДОЧЬ. Нет, тут ее никогда не было. Ах, тут? Нет, это был мальчик. Сын. Но он сейчас у бабушки. Он тоже вам ничего не будет стоить.

ЖЕНИХ. Мальчик? Мамуля! *(Дует ей в лицо.)* Киса... Успокойтесь. *(Приятелю.)* Гриша! *(Показывает жестами, что собеседница свихнулась.)*

ДОЧЬ. Вы ревнуете? Забудьте это.

ЖЕНИХ. Да я уж и забыл, мамуля. Мамуля... Агу... Забыл... Где дочка? Ну, покажи мне ее: какая она из себя — и все. И иди по своим делам. Приляг, отдохни.

ДОЧЬ. Ну, хорошо, если вы настаиваете, я могу показать ее карточку.

ЖЕНИХ. Нет, зачем же мне ее карточку? Вы мне наглядно ее покажите. Во весь рост.

ДОЧЬ. Нет, она очень маленькая, любительская. Трудно разглядеть.

ЖЕНИХ. Нет, вы меня не поняли, мамуля: я в детстве хворал куриной слепотой. А сейчас-то я разгляжу. Вы только покажите.

ДОЧЬ. Да и пожелтела она.

ЖЕНИХ. Что ж она, захворала?

ДОЧЬ. Нет, она здорова... Ну, хорошо, я сейчас покажу. *(Уходит.)*

15.

ЖЕНИХ *(Приятелю)*. Гриша, Гриша! Да ну, проснись же, скотина. Тут, брат, чего-то происходит, я в толк не возьму. Мамуля прямо нехороша. Я не понимаю, чего ее держат среди здоровых. Не предупреждают. За столом она же может в кого-нибудь вилкой ткнуть.

ПРИЯТЕЛЬ *(равнодушно)*. А что она — свихнувшись?.. Да ты плюй на них, сволочей. В крайнем случае, возьмем и уйдем — делов на копейку.

ЖЕНИХ. Это я понимаю. Мне бы только минут пять на высоте продержаться.

ПРИЯТЕЛЬ. Плюй на их. Тут у стола разберутся — кого с женихом сажать.

ЖЕНИХ. Мне бы только до стола продержаться. Я очень скандалов не люблю. Сразу драться полезут. Я этот дом понимаю.

16.

МАТЬ. Прошу всех к столу. *(Мужу.)* Да встань ты, олух. Гляди, слюни распустил.

ОТЕЦ. Все к столу. Парами, парами. Жених, ведите вашу невесту. Музыка, играй! Бис! Ура!..

МАТЬ. Где же молодая?

ЖЕНИХ. Я, знаете, сам ее... ищу... Мамуля сказала... Сейчас ее... стало быть... приведет... Какая-то желтизна у ней выступила, что ли... Наверное, припудривается...

Входят гости и Дочь с подругой. Дочь бледна и взволнована. Опирается на подругу — весьма некрасивую девицу.

17.

ЖЕНИХ. Да вот они... *(Испуганно смотрит на подругу, которую он принимает за невесту.)* Не может быть...

ДОЧЬ *(подруге).* Нет, ты понимаешь, какие подлецы — в первый же день ему рассказали, что у меня дети. *(Жениху.)* Александр! Пойдите сюда. Вот она... *(Хочет показать карточку, потом прячет.)* Нет, лучше потом...

ЖЕНИХ. Что же это такое?.. Вот эта рыжая — моя невеста?! Не может быть...

ПРИЯТЕЛЬ. Отчего же не может быть? Раз ее мать привела — значит, так и есть. *(Смеется.)* А еще говорил — женился на хорошенькой. Где ж у тебя, дурака, глаза-то были? Гляди, какую оторвал.

ОТЕЦ. Все к столу! Молодой, возьмите под руку невесту. И все так благородно, элегантно.

ЖЕНИХ. Это обман, жульничество! Моя интересней была. Что ж вы мне, действительно, подсовываете!

МАТЬ. Садитесь, садитесь.

ОТЕЦ. Молодой, целуйте вашу супругу. Ведите ее к столу. И все так чинно, благородно. Бис, ура!

ЖЕНИХ. Да как же это так? По-моему, это не та.

МАТЬ. Не скандальничайте, молодой человек. Довольно стыдно крики поднимать из-за пустяков.

ЖЕНИХ. Какие же, помилуйте, пустяки? Это подлог! Не то подсовывают. Я не настолько выпивши, чтоб в вещах не разбираться.

ДОЧЬ. Ради бога... Я надеюсь на ваше благородство... Не разглашайте.

ПРИЯТЕЛЬ. Папаня, разрешите сомненья. Жених в своей невесте сомневается.

ОТЕЦ. Музыка, играй! И все так благородно, романтично. Молодой, целуйте ее в губы. Горько, горько!..

ЖЕНИХ. Да уж я и не знаю, что подумать. *(Целует подругу жены.)* Пойдемте, что ли...

ДОЧЬ. Александр!

ОТЕЦ. Это какой-то ненормальный сукин сын...

1-я ЖЕНЩИНА. Он на всех кидается.

МАТЬ. Он пьяный, что ли?..

ПРИЯТЕЛЬ. Он на глазах жены с другой упражняется.

ЖЕНИХ. Я скандалов не люблю... Но мы после поговорим.

ДОЧЬ. Александр!

ЖЕНИХ. А, уйдите, мамуля! Прямо не до вас... уберите от меня эту психическую.

ДОЧЬ. Что ж это такое?..

МАТЬ. Что вы безобразничаете, молодой человек... Гоните свою невесту.

ПРИЯТЕЛЬ. Шурик, гляди — вон твоя невеста. А это — мама.

ЖЕНИХ. Ай, да не смешите меня. Уберите, говорю, психическую, а то жениться перестану. Ах, это моя невеста?! У которой мальчик и три девочки...

ГОСТИ. Это черт знает что такое!

ОТЕЦ. И все так чинно, благородно, по-старому. *(На цыпочках подкрадывается к жениху и накрывает его пальто — делает «темную».)*

ЖЕНИХ *(вырывается).* Гриша, наших бьют!

ПРИЯТЕЛЬ. Держись, Шурик, до моего прихода. А ну, разойдись!

2-й гость. АХ, этот сказал, что у меня темное прошлое?

Гости кидаются на Жениха и Приятеля, который спешно бросился одеваться.
Происходит драка и потасовка. Мать спасает пирог.
Гости окружают Жениха, хватают его.

ЖЕНИХ. Ну ладно, я уйду. Только дайте хоть пожрать-то — с утра не евши по такой канители.

Гости несут Жениха к выходу.

ЖЕНИХ. Ну ладно... Хорошо... Я согласен...

ПРИЯТЕЛЬ. Он согласен. Не ломайте ему руки...

МАТЬ. Отпустите молодого — он согласен,

ДОЧЬ. Александр!

ОТЕЦ. Все к столу! Парами, парами! И все так чинно, благородно, элегантно.

ГОСТИ. Горько! Горько!

Растерзанный Жених целует мать своей невесты, приняв ее за невесту.
Шум и крики гостей.

ПРИЯТЕЛЬ. Да нет, Шурик. Это ее мама, а вон твоя невеста!

ГОСТИ. Горько! Горько!

Жених целует невесту. Танцы.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Фантастическая комедия

В ограде стоят царские памятники, снесенные на слом, а также памятники, которые могут быть снесены. Среди них: принц Ольденбургский, Николай Николаевич, Екатерина II, ангел с памятника Славы и др.
На лавочке сидит сторож в валенках.

1. МОНОЛОГ

СТОРОЖ. Мне волноваться вредно. Врач говорит: у вас организм есть наскрозь простуженный. И ежели вы начнете допущать в себе волнение или выпивку, то, говорит, внутри вас может лопнуть какая-нибудь нужная жила... И тогда, говорит, без нее вы не сможете так интересно жить.

А я, братцы, не могу глядеть хладнокровными глазами на текущие вопросы дня. Мне вот этих памятников напихали в ограду и говорят: сторожи. В скором времени мы из этого культурного наследия шестеренок наделаем.

Нет, мое дело маленькое. Делайте шестеренки. Сымайте хоша все памятники к свиньям собачьим. Мне волноваться нельзя. У меня с жилой нехорошо.

Только я вам так скажу: без памятников город Ленинград не будет давать такой красоты.

Ну, взять памятник: знаете, под Думой — Фердинанд Лассаль. Фердинанд Лассаль есть памятник маловысокохудожественный. Это есть одна голова на каменной подставке. А мене интересуют памятники чисто художественной лепной работы. Мне надо, чтоб памятник лошадь давал, змею, быка или в крайнем случае какую-нибудь художественную панораму. Теперича говорят: это есть загиб — оберегать все памятники. Надо, говорят, так обернуть памятник, чтоб он сыграл в руку революции. Это правильно. Только как это, братцы, сделать?

Нет, я за все памятники горой не стою.

Ну, сняли этого *(показывает),* как его, длинноногого обалдуя этого, Николай Николаевича. Пожалуйста. Я сам согласен его за обе ноги тянуть. Он мне красоты не дает.

Или сняли этого ангела с колонны. Вот эта морда стоит. Я тоже приветствую это начинание. Он мне ничего не говорит: ни уму, ни сердцу. К тому же он не на лошади — он пешком.

Но вот теперь превращается город Ленинград в образцовый город. Стало быть, я так мерекаю — обратно начнется сокращение штатов в этой области.

И я тревожусь, как бы из этого памятника, этой, как ее,

Екатерина Васильевна — Екатерина Вторая, — тревожусь, как бы из ее шестеренок не накрошили.

А это есть памятник художественной обработки. Лошади, действительно, на ем, кажется, нету, зато имеется на ем целая группа людей.

И проходящей публике интересно и культурно поглядеть, какая была эта самая Екатерина Васильевна. И какие у ей были фавориты.

Я так понимаю — этот памятник можно оставить в образцовом городе.

Ну, сделайте на ем какую-нибудь надпись. Какое-нибудь обличение или как-нибудь письменно обидно обругайте — мол, дура или холера.

Или можно стишки написать. Я, безусловно, не поэт. Я стихов не умею. Но пущай поэты придумают чего-нибудь такое:

1) Что танцуешь, Катенька...
Или
2) Я царством не владею,
Корону не ношу,
Одну любовь имею —
И ту я всем дарю...

Ну, я, одним словом, не знаю. Пущай наши славные поэты придумывают.

А если поэты придумают, тогда, я так мерекаю, все памятники можно оставить в образцовом городе. Тогда они все будут полезны и все сыграют в руку революции.

Нет, ну что я опять волнуюсь. Пущай как хотят. Пущай все сымают. Мне мое здоровье важней. У меня жила может лопнуть. Вот сейчас глоток выпью и засну спокойным сном. Мое дело маленькое. Сымайте. Крошите на шестеренки. Ух, я сейчас засну чертовски. *(Ложится так, что из-за кулис видны только ноги. Храпит. На секунду делается темно.)*

2. СОН

ЕКАТЕРИНА II *(зевает и крестит рот)*. Вот, бывало, встанешь утром — а тебе кофию несут в кровать... Мягкие булки... Крендельки...

ПРИНЦ ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ. Да ну?

ЕКАТЕРИНА. Ей-богу. Бывало, выкушаешь стаканов пять — эй, кричишь, еще несите.

АНГЕЛ. Вот нажрались в свое время, а теперича терпи через вас.

ЕКАТЕРИНА. Бывало, выпьешь кофию — зовешь любимую фрейлину — Настасьюшка, говоришь, а кто у меня сегодня, для примеру, назначен фаворитом?

ПРИНЦ. Да ну?

ЕКАТЕРИНА. Ей-богу... Ну, она говорит: фаворитом у вас сегодня, предположим, такой-то, граф Зубов. Ах, Зубов? Дать ему, говорю, десять тысяч мужиков и шесть подмосковных деревень.

ПРИНЦ. Да ну? Это здорово. Неужели же по десять тысяч мужиков дарили, ваше величество?

ЕКАТЕРИНА. Десять тысяч, а то, бывало, если я в хорошем настроении, то и пятнадцать.

АНГЕЛ. Додарилась, корова. А теперича через вас страдай.

ЕКАТЕРИНА. Кто корова? Господин принц, заступитесь за даму — чего он, подлец, выражается. Корова! Сам хамло.

ПРИНЦ. Кель выражанс, ваше величество...

АНГЕЛ. Кто хамло?.. Старая торговка...

ПРИНЦ. Ну, ну, товарищ ангел, вы не очень со своими ангельскими манерами.

АНГЕЛ. Я извиняюсь, господин принц, — вывели из себя. Ихнее неправильное царствование буквально довело нас до ручки. И нас с колонны сняли, и теперича вас убрали с Литейного проспекту.

ПРИНЦ *(вздыхает)*. А главное, меня-то за что? Я либерал, ездил в разные страны, хлопотал, беспокоился...

АНГЕЛ. ЭТО вот их благодарите. Раздарилась мужиками, а теперича мужики загнули салазки.

ЕКАТЕРИНА. Хам. Небесный болван.

АНГЕЛ. Ну, ну, мамаша, не очень-то.

ЕКАТЕРИНА. Господин принц, чего он, сволочь, замахивается, оградите меня.

ПРИНЦ. Да ну вас, ей-богу. Действительно, раздарилась, корова. За что меня сняли с Литейного проспекту?

ЕКАТЕРИНА. А за что тебя держать-то, обалдуя? Небось, хапнул при жизни три мильона.

ПРИНЦ. Я хапнул? Ну, знаете... Ну, хапнул и тебя не спросил. Корова.

СТОРОЖ. Ну, тихо, тихо. Чего разорались-то, дьяволы?

ЕКАТЕРИНА *(сторожу)*. Григорий Иваныч, этот подлец-ангел прямо дыхнуть мне не дает. Прилипает. Будьте любезны оградить.

СТОРОЖ. Господа-особы, прямо мне на вас противно глядеть. *(Ангелу.)* Пошел на место. Чего ты тут под ногами со своим крестом путаешься. Вы бы, я говорю, тихо-мирно обсудили свое острое положение. Собраньице бы устроили организованным порядком. Как вы насчет собрания, Екатерина Васильевна?

ЕКАТЕРИНА. Это можно, отчего же.

АНГЕЛ. Ежели кофию дадут — я согласен.

СТОРОЖ. Для тебя специально какао подадут. Характерный какой нашелся.

ПРИНЦ. Только тут не все коронованные особы, Григорий Иванович.

ЕКАТЕРИНА. Главное, я думаю, Петра Великого надо пригласить.

АНГЕЛ. Петра Великого не надо. Он сразу драться полезет.

СТОРОЖ. Петра — это само собой. *(Входит Петр — «Медный всадник».)* Петя, займи место. Еще кого?

ПРИНЦ. Александра Третьего.

СТОРОЖ. Это который, что ли, с художественной лошадью? А ну, Сашура, заходи сюды. Да не входи, дурак-голова, с лошадью-то. *(Входит «Пугало» — Александр III. Поет.)*

[АЛЕКСАНДР III.]

Бывало, спашешь пашенку,
Лошадок уберешь,
А сам тропой знакомою
На трон себе идешь.
Ну там подпишешь приговор —
И легче на душе,
А после выпьешь рюмочку
С французским атташе.

ЕКАТЕРИНА. Николая Палкина надо бы, Григорий Иваныч. *(Входит Николай I. Поет.)*

[НИКОЛАЙ I.]

Вот царская рубашка,
Вот царские штаны,
Вот царская шашка
С левой стороны...
Не хватает, жалко,
Царской мне страны...
Я — Николай Палкин,
Сукины сыны...

СТОРОЖ. Николаша, друг ситный, займи местечко. Все, что ли? Считаю тогда собрание открытым. Пущай я председатель. На повестке дня: международное положение и отношение к культурному наследию в связи с чисткой города.

АНГЕЛ. И текущие дела...

СТОРОЖ. А ну тебя, ей-богу — Международное положение, товарищи, для вас такое, что надо бы хуже, да не бывает. Внутреннее положение тоже, прямо скажу, неблагополучно для вашего пребывания в этом городе...

НИКОЛАЙ I. Не знаю, как других, а меня навряд ли сымут.

АНГЕЛ. Сымут, сымут. Я пятнадцать лет присматриваюсь к этой стране. Вот тебя обязательно сымут.

СТОРОЖ. Это какой-то не ангел, а прохвост. Ко всем прилипает. Нет, может, вас и не сымут, Николай Палыч, но зато могут такую

надпись состряпать, что ваш художественной работы конь ржать начнет.

ЕКАТЕРИНА. Вот уж, действительно, надписи — это, как бы сказать, лишнее.

ПРИНЦ. Товарищ председатель, а которых уже сняли — может быть, их обратно можно восстановить, ежели с надписью? Я, между прочим, согласен с надписью.

[АНГЕЛ. Ежели мелкая надпись — я тоже согласен.]

СТОРОЖ. Да помолчи ты, ангельская морда. Ты мне буквально на нервы действуешь. *(Петру.)* Петя, возьми слово. Отмочаль чего-нибудь по текущему моменту дня.

ПЕТР *(обиженно)*. Да чего же мне говорить? Я, между прочим, город основал. Пушкин про меня писал разные слова. А теперича чего я вижу — ребята с моего памятника гору устроили — съезжают на салазках. Змею трогают.

СТОРОЖ. Неужели, Петя, змею трогают?

ПЕТР. Давеча чуть голову не открутили от змеи. Главное, я говорю, памятник у меня очень драгоценный, мировой памятник — «Медный всадник», а такое чистое безобразие наблюдается в наши дни. Оборвут змею, а мне без змеи как без рук.

СТОРОЖ. Петя, а чего ты думаешь насчет культурного наследия?

ПЕТР. Насчет культурного наследия я думаю, что надо бы все это оставить.

ВСЕ. Правильно. Верно.

ПЕТР. Поскольку я город основал, я так мерекаю — нехай все культурное наследие остается. Что касается образцового города, то образцовый город желательно в стороне строить.

СТОРОЖ. Петя, стало быть, ты думаешь — два города? Старый Петербург со всякой прежней мурой и новый образцовый Ленинград.

НИКОЛАЙ I. Да, но я хотел бы тогда в образцовом городе стоять.

СТОРОЖ. Заткнись, Никола.

ПЕТР. Я так мерекаю: город я по неопытности на болоте построил. Завсегда он водой заливается. А рядом более возвышенное место. Вот я и думаю — пущай большевики отсюда и начнут строиться.

СТОРОЖ. Вот, Петя, не знаю, как с деньгами, а то ваше предложение очень ценное.

ЕКАТЕРИНА. И тогда можно в старом Петербурге даже без надписей нас оставить.

ПРИНЦ. А которых сняли, тех даже можно обратно восстановить.

АНГЕЛ. В крайнем случае я даже могу на другой колонне стоять. Мне безразлично.

СТОРОЖ. Заткнись, лахудра. *(Александру.)* А ты чего, Сашура, думаешь?

АЛЕКСАНДР III. А чего мне думать? Я ничего не думаю. Пущай моя лошадь думает — у ней голова больше.

СТОРОЖ. Нет, я вижу, мне с тобой каши не сварить. Отойди к своему коню. Так какую же, Петя, резолюцию вынесем?

ПЕТР. Я так мерекаю: ценные памятники — ну, там «Медный всадник» или вот Екатерина Васильевна — тех надо сохранять и оберегать всячески. Ну, а там разную шпану... Там какой-нибудь Кутузов или там Барклай да Толли, Суворов или вот, недалеко ходить — эту морду — ангела, тех можно запросто сымать на мою голову.

АНГЕЛ. Думает, со змеей, так ему и все можно. Приспособленец.

СТОРОЖ. Нет, погоди, Петя, ты зашился. Надо не такую резолюцию вынести. Кто из вас мысли может сочинить?

ПРИНЦ. Пущай Пушкин сочинит.

ВСЕ. Позовите Пушкина. *(Входит Пушкин. В руках у него блокнот. Сочиняет стихи.)*

СТОРОЖ. Вот, извиняюсь, господин Пушкин. Насчет резолюции. Ломаем головы. Разрешите наши сомнения.

ПУШКИН. Это можно.

СТОРОЖ. Главное, не знаем, какие памятники сымать, какие оставлять.

ПУШКИН. А пущай все остаются...

АНГЕЛ. Ай да Пушкин, ай да сукин сын!

СТОРОЖ. Неужели же, господин Пушкин, все?

ПЕТР. Ну уж и все — тоже хватили. А скажите, господин Пушкин, какой из нас наиболее ценный памятник?

ПУШКИН. Наиболее ценный? Да вот этот *(показывает на Александра III).*

ВСЕ. Этот?..

АЛЕКСАНДР III *(подкручивает усы).* Видали?

ПУШКИН. Да, этот. Поскольку его стихами обернули на революцию и он есть пугало для всей страны — он и есть ценный.

СТОРОЖ. Мы с Пушкиным держимся одного мнения. Пущай все памятники остаются. И пущай господин Пушкин к ним стишки припишет.

ПРИНЦ. Я извиняюсь, мусью Пушкин, тогда, может, и меня как-нибудь можно обернуть на революцию? Я, в крайнем случае, согласен.

ПУШКИН. Ну, поскольку вас уже сняли, молодой человек, — это ни к чему, лишняя возня.

СТОРОЖ. Стало быть, выносим резолюцию... *(Телефонный звонок.)* Але, кто меня спрашивает по телефону? Ах, так... Понимаю... Тсс, братцы, новое распоряжение от бюро погоды — оставить один наиболее ценный памятник. Остальные снять в двадцать четыре часа.

ВСЕ. Безобразие! Хамство!

СТОРОЖ. Тогда, робя, выбирайте голосованием — кого оставить?

ПЕТР. Я город основал... Я так мерекаю — пущай, братцы, меня оставят.

АНГЕЛ. Да он весь облезши. Вон, глядите, какие у него зеленые подтеки...

ПЕТР. Ах, у меня подтеки? Держите, братцы, меня — сейчас я ему по морде наклепаю.

ЕКАТЕРИНА. Безусловно, подтеки. И змея мятая.

АЛЕКСАНДР III. И конь у него хромает.

НИКОЛАЙ I. Ну уж, вы тоже, Александр Васильевич, хороши со своим першероном.

АЛЕКСАНДР III. Ах, я хорош!..

СТОРОЖ. Погодите драться-то, черти... Пушкина-то не задавите...

СУВОРОВ *(входит)*. Пуля дура — штык молодец. Что за шум, а драки нету?

ПЕТР. Держите меня. Я сейчас Суворову голову отвинчу.

Делается темно. Гремит барабан.

3. ПРОБУЖДЕНИЕ

СТОРОЖ *(просыпается, вскакивает)*. Пушкина не задавите, дьяволы... Господин Пушкин... Пиши... А? Что? Фу ты, черт, что это, братцы, со мной? Где я? Петя... Сашура... Катерина Васильевна... Фу ты, черт! Нет, мне пить, братцы, нельзя. Вот маленько заложил за свои чистые, а после снится любая дрянь. Извиняюсь... Все в порядке. Пьяных нет.

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЗАВЕДУЮЩИЙ КООПЕРАТИВОМ.
РАБОТНИК ПРИЛАВКА.
СЧЕТОВОД.
КАССИРША.
ДВОРНИК.
МИЛИЦИОНЕР.

Помещение кооператива. Полутемно. На прилавке стоит фонарь. На полу расстелено одеяло, на котором положены продукты. Дворник (он же ночной сторож), осторожно шагая и прислушиваясь, берет с полки несколько пачек папирос и кладет их на одеяло. Открыто полуподвальное оконце, в которое влез Дворник.

1.

ДВОРНИК *(успокаивая себя)*. Нет, рази это кража, граждане? Кража — это когда, одним словом... воруют, крадут и там целые кассы ломают. Или там народ убивают к черту. Тогда это да — кража. А это — тьфу, а не кража! Ну, зашел ночной сторож в кооперацию, ну, и взял человек *(берет несколько селедок из бочки)* самую малость... *(Кладет к своим краденым продуктам.)* Подумаешь! От этого государству убытку нет. Государству это раз плюнуть и растереть. *(Завязывает свой узел.)* Нет, погоди, — колбаса. Охота колбаской побаловаться. *(Берет круг колбасы.)* Другой там ночной сторож влезет в кооперацию — такой зверь-бандюга, — так он, небось, миндальничать не будет. Вроде меня. Он нипочем один круг колбасы не возьмет. Он возьмет, сволочь, три круга. *(Берет три круга колбасы.)* А то и четыре... А я вот три возьму, — и мне хватит. Я совесть понимаю. Я государство без товару не оставлю, как другие. Я позволяю государству торговать. *(Заворачивает [в] платок. Прислушивается.)* Ой, надо поспешать! Другой сукин сын попадет сюда — ого-го! Он тебе навернет. *(Смотрит, чего бы взять.)* Он если чего и не возьмет, так половину сожрет, скотина. *(Жрет сахар. Пихает его по карманам.)* Рази это кража, господа? Это одно выражение слов, что кража. *(Берет узел с продуктами.)* Это голубиная порция. Поскольку я совесть понимаю... Это благодаря меня, может, три человека меньше в очереди к кассе будут стоять. Это, может, есть мое благодеяние. Ой, надо поспешать. *(Подходит к оконцу. Кладет наверх узел с продуктами. Потом сам лезет.)* Холера-заведующий, небось, расстраиваться будет. Ай, скажет, уперли! Ай, скажет, кража! Оно, конечно, честному человеку это видеть неинтересно. Ой, никак, идут? *(Исчезает.)*

2.

ЗАВЕДУЮЩИЙ *(открывает дверь, зажигает свет).* Нет, я, Иваныч, люблю на работу пораньше приттить.

РАБОТНИК *(лебезит).* Меня, Василий Федорович, прямо оторопь берет — какой вы есть гениальный ответственный работник! Очень вы, как бы сказать, честный человек. Завсегда первый на своем боевом посту.

ЗАВЕДУЮЩИЙ *(томно).* Да ну, что ты, Иваныч...

РАБОТНИК *(не замечая разгрома).* Истинная правда, Василий Федорович. Какой-то вы, знаете, какой-то такой... не подлец, одним словом.

ЗАВЕДУЮЩИЙ *(елейно).* Я, Иваныч, для общего блага стараюсь. Если бы для себя, я бы, может, и не стал так с нагрузкой работать.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это определенно...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну, а для общего блага я должен постараться.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это определенно для общего блага... Мы все через это стали какие-то такие, какие-то не от мира сего, какие-то такие, одним словом...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Конечно, Иваныч, мы для себя не наживаем. Это не капитализм. Наше дело — общее дело.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это определенно. Об себе ни черта не думаем. Только бы об других.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Нет, Иваныч, что-то ты политически неверно выражаешься... А кто есть другой... Другой — это мы сами.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это мы сами. Я же говорю. Об других ни черта не думаем. Только бы об себе.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Такая работа, когда об себе не думаешь, конечно, облагораживает человека, Иваныч. Человек делается честный, возвышенный.

РАБОТНИК. Да, уж возвышенности своей мы не теряем, Василий Федорович. Отыми от нас возвышенность, и от нас прямо ничего не останется.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Один пар да дым останутся. *(Снимает калоши.)*

РАБОТНИК. Ой, Василий Федорович...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

РАБОТНИК. ОЙ, Василий Федорович, чтой-то...

ЗАВЕДУЮЩИЙ *(видит разгром).* Ну? Чего это?

РАБОТНИК. Кража, Василий Федорович.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Братцы мои! Беги, Иваныч... Зови милицию. Братцы мои, что же это? Смотрите-ка... *(Кричит.)* Милиция!

РАБОТНИК *(кричит).* Милиция! *(Убегает.)*

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот так да! Вот так шутка!

Вбегает Счетовод кооператива.

3.

СЧЕТОВОД. Ну?.. Говорят, кража у нас, Василий Федорович?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Эвон, погляди! Полюбуйся! Народное имущество к черту разворовали. Нет, бывают же такие подлецы, у которых руки на это самое подвертываются.

СЧЕТОВОД. Кажется, огромные убытки-с, Василий Федорович?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Нет, украли-то, кажись, на копейку, но мне морально тяжело — какие люди бывают. А украли-то как будто сущие пустяки. Да вот сейчас милиция придет. Акт составим. Пойди позови дворника. Тоже ночной сторож — накараулил. Пущай теперь его стыд возьмет при составлении акта.

СЧЕТОВОД. Сию минуту... *(Мнется.)* Ах, Василий Федорович, Василий Федорович!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

СЧЕТОВОД. Такой момент, как бы сказать, благовидный...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

СЧЕТОВОД. Момент, я говорю, очень, как бы сказать, великолепный. Акт, это самое, составлять будут. Писать будут...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

СЧЕТОВОД. Мало ли, Василий Федорович, у нас утруски, утечки. Вот бы, Василий Федорович, под это дело маленько того, как запасец, Василий Федорович... Не что-нибудь...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну, да разве что как запасец...

СЧЕТОВОД *(вдохновенно).* Как запасец, Василий Федорович. Мало ли утруски, утечки. Каждый месяц неприятности. Концы не сходятся. А тут вот это самое — запасец. Ать, два, три.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Разве что самую малость.

СЧЕТОВОД. Абсолютно самую малость, Василий Федорович. Сахару, Василий Федорович, кило пять сперли? А мы скажем — десять. Вору-то, подлецу, все равно, а у нас легонький запасец.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, вору-то, конечно, теперича безразлично.

СЧЕТОВОД. Вору, Василий Федорович, теперь абсолютно вот как безразлично. Тут, как бы сказать, иносказательно получается. Он бы мог сахару мешок иметь, а он, балда, может, со страху взял себе две горсти. А мы тут-то — и того. Ать, два, три.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, с сахаром-то у нас завсегда операции не сходятся.

СЧЕТОВОД. Я ж и говорю. Определенно не сходятся. А тут завсегда теперь сойдутся.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Государству-то тоже, конечно, безразлично, поскольку вор мог и больше взять.

СЧЕТОВОД. Я ж и говорю — он мог бы весь кооператив взять. Очень момент благовидный. И жульничества нету, и красиво получается. Помогите, Василий Федорович, этот мешок сахара сюда поставить.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да мешок-то это ты много...

СЧЕТОВОД. Отчего много, Василий Федорович? В аккурат. Давайте, Василий Федорович, еще один мешочек для равного счета. Мало ли — детишкам на молочишко. *(Прячут под прилавок.)*

ЗАВЕДУЮЩИЙ *(жрет колбасу).* Колбасу, что ли, тоже? С колбасой у нас завсегда трудные операции. Товар чересчур нежный. Завсегда балансы не сходятся.

СЧЕТОВОД. Колбаса — это само собой. А ну, подайте мне сюда три круга.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Тогда пущай четыре возьми. Я к ней завсегда страсть имею". Папиросы еще, что ли?

СЧЕТОВОД *(прячет папиросы).* Папиросы — это само собой.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ай, это ты много!

СЧЕТОВОД. А по-моему, в аккурат. Товар раскурочный. Выкурил — и нет его, а после балансы на небе искать приходится. Идут, Василий Федорович.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. А вор-то нам дурак попался.

СЧЕТОВОД. Абсолютный дурак, Василий Федорович. Прямо презренная личность. Опенка...

Входят Милиционер и Работник прилавка.

4.

РАБОТНИК. Эвон, поглядите, товарищ милиция... Эвон.

МИЛИЦИОНЕР. ЭТО они ловко обработали.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Главное, и ночной сторож находился, и такой, как бы сказать, мизерный случай.

РАБОТНИК. Он у нас в этом доме дворник и ночной сторож.

МИЛИЦИОНЕР. Тогда его позовите.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот пущай тут находится при составлении акта. Это для него будет хороший урок. Позовите дворника.

СЧЕТОВОД *(вертится у кассы).* Сию минуту, Василий Федорович. Сейчас позову. Гляжу, как тут насчет кассы. *(Берет что-то незаметно в карман. Быстро идет к выходу. На ходу чуть не сбивает с ног вошедшую Кассиршу.)*

5.

КАССИРША. Ай! Воры! *(Поднимает кверху руки.)*

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да что ты, обалдела, мадам?

КАССИРША. Ай, я думала, нас грабят.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Маленько запоздали, мадам. Уже ограбили.

РАБОТНИК. Перепужалась дамочка.

КАССИРША. Ай, ограбили? А кассу-то мою не тронули?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, кассу-то ее не тронули?

РАБОТНИК. Кассу, кажись, не тронули.

МИЛИЦИОНЕР. Кассу незаметно, что тронули.

КАССИРША. Ясно, что тронули. Все набок свернули. Сколько у меня бон было — теперь, вижу, меньше. Я сейчас подсчитаю.

Входят Счетовод с Дворником-вором.

6.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ты что ж так неосторожно караулишь-то, сукин сын?

ДВОРНИК *(нарочно протирает глаза, будто только проснулся, зевает)*. Рази что случилось?

СЧЕТОВОД. Спал, как прохвост, еле добудился.

РАБОТНИК. «Случилось»! Дрыхнут без задних ног, а государству такой нестерпимый убыток.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Эвон, полюбуйся.

ДВОРНИК *(деланно)*. Ай-я-я-я-я-й! Ай-яй! Никак у вас кража? Скажите на милость! Вот удивление!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Видал?

ДВОРНИК *(искусственно)*. Ай-я-яй! *(Неумело играет роль изумленного человека. Хватает себя за голову. Берется за сердце.)* Ай-я-я-яй! Ах, какое изумление, всем на диво!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот этого вора я бы задушил собственными руками.

ДВОРНИК *(испуганно)*. Но-но-но! *(Потирает свою шею.)* За что же людей-то душить? Товарищ милиция...

МИЛИЦИОНЕР. Вы что же, будете ночной сторож?

ДВОРНИК *(бытовым голосом)*. Я-то? Конечно, ночной сторож. Обыкновенно у ворот сидел. И ничего такого лишнего не заметил. Конечно, может, вздремнул несколько.

РАБОТНИК. «Вздремнул»! Старый пес! Какие теперича убытки государству нанесены!

ДВОРНИК. Хорошо, что, конечно, украсть много не смогли.

СЧЕТОВОД. Ах, по-твоему, мало украли?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Это ужасти подобно, сколько украдено.

ДВОРНИК *(растерянно)*. Я так думаю, много красть не смогли. Украли, небось, самую малость. Я... я бы проснулся.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. А вот мы сейчас составим а к т, — увидим, какая ты есть в о р о н а, — какие убытки государству нанесены.

ДВОРНИК. Чтоб много уперли — этого не может быть. Я завсегда чутко сплю.

СЧЕТОВОД. Главное, много сахару украли.

ДВОРНИК. Как это — сахару? Что ты, обалдел? Эвон, тут маленько товар разворошили. Раструсили товар.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Пишите, товарищ милиционер.

СЧЕТОВОД. Рафинаду украдено... Сейчас... По списку. Рафинаду украдено два мешка.

ДВОРНИК. К-как это — два м-м-мешка? Граждане... Да что вы... объелись?!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Дюже крепко спал, сукин сын.

ДВОРНИК. К-как это два м-м-мешка? Какие это два мешка? Я... я бы проснулся, ежели бы два мешка. Я завсегда ноги вдоль ворот протягиваю.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот будешь в другой раз спать. Нестерпимые убытки нанесены благодаря твоей невнимательности. Пишите, товарищ милиционер. Как у нас там с колбасными продуктами?

СЧЕТОВОД. Колбасы семь кругов не хватает.

ДВОРНИК. Как — семь? Сколько? Сколько? Ты что ж это, как считаешь, прохвост? Как — семь кругов? Товарищ милиция... Какие семь кругов? Ай, ну что ж это?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ага, расстраиваешься, горюешь?! За ум схватился, когда увидел такое народное бедствие. В другой раз будешь более чутко спать.

ДВОРНИК. Как же это не расстраиваться? Такие вдруг неожиданные убытки государству нанесены.

СЧЕТОВОД. Папирос не хватает... Сто шестьдесят пачек украдено.

ДВОРНИК. Сто шестьдесят пачек?! Товарищ милиция... Товарищ заведующий. Господи, как же так?

СЧЕТОВОД. Сто шестьдесят пачек и спичек шестнадцать пачек.

ДВОРНИК. Спички-то откуда? Откуда он, холера, спички-то взял? Товарищ милиция... Да что ж это такое?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Уберите этого дворника. Он за всех руками хватается. Мешает производить работу.

СЧЕТОВОД. А ну, уходи, дядя, к лешему. Тебя позовут.

МИЛИЦИОНЕР. Мы тебя позовем, товарищ. Иди пока.

ДВОРНИК. Я извиняюсь... Встревожен событиями. Маленько расстраиваюсь. Волнение ударяет. Извиняюсь. Не буду.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, пущай остается.

РАБОТНИК. До чего расстраивается человек! Видать, сочувствует убыткам. А ну, посиди, дядя, а то с катушек свалишься.

КАССИРША. Из кассы, запишите, сперли боны на сто тридцать два рубли, три чернильных карандаша, кольдкрем и ножницы.

ДВОРНИК. Ка-какие боны! Да я... Какие боны! Это что за новости! Какие боны? Какие ножницы и колькрем, а?.. Товарищ милиция... Да что же это, братцы, а?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Уберите этого дворника. Он мешает своим хрюканьем.

КАССИРША. Он нервирует работников прилавка.

СЧЕТОВОД *(из двери в соседнюю комнату)*. У меня тут висели шелковое кашне и барашковая шапка. Теперича не найду. Запишите.

ДВОРНИК. Сволочь! Не брал я у тебя кашне. И семь кругов колбасы — это прямо издевательство. Взято всего три круга. И колькрем не брал. И ножней в глаза не видел.

Пауза.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. К-как это по-понимать?

ДВОРНИК. Пес с вами. Сознаюсь. Я — вор. Но я, между прочим, честный человек. Я мухи не обижу.

МИЛИЦИОНЕР. Это как же понимать?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот именно.

МИЛИЦИОНЕР. Стало быть, это ты, подлец, товар украл?

ДВОРНИК. Я. Но я не трогал боны и эти ножницы и это сволочное кашне. И сахар — это издевательство. Я не дозволю иметь такие факты под моим флагом.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. АХ, какой подлец!

СЧЕТОВОД. ЭТО прямо обшарпанная личность.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Конечно, мы можем сгоряча ошибиться. Но мы проверим. Товар на месте.

СЧЕТОВОД. Товар в магазине. Проверить можно. Иваныч, ты куда давеча сахар ставил? Нет ли его под прилавком?

РАБОТНИК. Да ты что, объелся?! Какой я сахар ставил? Есть под прилавком. Тольки я не ставил.

СЧЕТОВОД. Или кто-нибудь поставил. Товар в магазине. Без обмана... Да, сахар почти что весь налицо.

КАССИРША. Пардон, боны завалились в угол. Боны не взяты. Но кольдкрема и ножниц нет.

ДВОРНИК. Я тебе сейчас плюну в бесстыжие глаза. Ищи лучше, куриная нога.

КАССИРША. Товарищ милиционер... Пардон, кольдкрем за кассу завалился.

СЧЕТОВОД. Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось. Но шапки нету.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Перепишите акт.

ДВОРНИК. Сволочь, считай колбасу, или я сам за себя не отвечаю.

РАБОТНИК. Три круга колбасы взято.

ДВОРНИК. Три круга — это правильно.

МИЛИЦИОНЕР *(Дворнику).* А ну, пойдем.

ДВОРНИК. Да погоди! *(Кассирше.)* А ну, что, нет ножней? Да я тебе, куриная зараза... За волосья вытяну с твоей кассы.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, пойдем, пойдем.

РАБОТНИК. Какой характерный! Еще упирается.

СЧЕТОВОД. Страшная личность.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Мне, главное, морально тяжело.

Милиционер уводит Дворника.

7.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ай, какие бывают люди!

РАБОТНИК. Какие отрицательные подлецы, Василий Федорович.

СЧЕТОВОД. Его становят ночным сторожем...

РАБОТНИК. Облекают его в доверие...

СЧЕТОВОД. А он такие подлые штучки производит.

КАССИРША. И какой хам! К женщинам как относится!

РАБОТНИК. Он вас «куриная нога» назвал, Антонина Васильевна?

КАССИРША. Нет, он только хотел что-то сказать... Да, нету ножниц. Ей-богу, нету ножниц! Ай, ну что ж я буду делать? Теперь вычтут.

СЧЕТОВОД. Ай, да не канючьте! Да вон... (*Вытаскивает из кармана ножницы, бросает их на пол.)* Вон чьи-то ножницы валяются на полу. У меня шапку сперли, и я не ною. Чудная барашковая шапка висела. Что я теперь буду делать? В чем я буду зиму ходить?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Глядите, и калоши унесли. Где мои калоши? Здравствуйте, пожалуйста! Вот так да! Вчерась калоши купил — и уперли. Ай, какой неудачный день! Что я буду делать? Я простудой хвораю.

РАБОТНИК *(снимает с себя калоши).* Да вон чьи-то калоши стоят на полу. Не ваши ли, Василий Федорович?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ах, мои!

РАБОТНИК. Бродяга-вор, Василий Федорович, наверное, нарочно их поставил у бочки. После, думает, возьму.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, но калоши-то я... Я же после кражи их снял.

РАБОТНИК. А вор-то ведь заходил, вот и нацелился на новенькие.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. АХ, ну да, разве что после кражи!

СЧЕТОВОД *(ноет).* Такая чудная барашковая шапка была, с ушками. Уперли. Жена теперь меня со свету сживет.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ай, да не нойте! У меня и без того в груди тошнит. Да вон лежит... *(Вытаскивает из своего кармана шапку.)* Вон лежит чья-то шапка.

СЧЕТОВОД. Ей-богу, она самая! Эвон, как смяли. Затоптали ногами.

ЗАВЕДУЮЩИЙ *(томно).* Ай, какой неудачный день!

РАБОТНИК *(с тоской смотрит на калоши).* Чересчур неудачный день, Василий Федорович.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Эй, там... Кто-нибудь!.. Народ!.. Дайте мне чай с вареньем...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭФИРУ

Скетч

Комната. Диван. Стол. На столе — громкоговоритель.
На диване — человек в ночных туфлях. Читает газету.

ЧЕЛОВЕК *(раздраженно).* А ну их! Пишут — сами не знают чего. Кажется, в каждом явлении хотят увидеть политику, классовое лицо, пятое-десятое, черта в стуле... *(Бросает газету.)* А ну их, знаете ли... Спокойно отдохнуть не дают. *(Вскакивает. Подходит к радиоприемнику. Поворачивает регулятор. Снова ложится на диван.)*

РАДИО. ...причем лучше всего менять солому ежедневно. Тельную корову не следует, кроме того, поить холодной водой. Это отра...

ЧЕЛОВЕК. Еще чего!

РАДИО. ...жается как на качестве молока, так и на...

ЧЕЛОВЕК. Завели волынку...

РАДИО. ...состоянии здоровья тельной коровы. А также может вызвать...

ЧЕЛОВЕК *(вертится на диване).* А, черт!

РАДИО. ...заболевание внутренних органов, что нередко...

ЧЕЛОВЕК *(вращается на диване).* О, черт!

РАДИО. ...выводит корову из строя...

(Человек зарывается головой под подушку.
Потом вскакивает и в раздражении бросается к радио.)

РАДИО. И мы горячо рекомендуем...

ЧЕЛОВЕК *(закрывает радио).* «Рекомендуем»! А мне плевать хочется, чего ты рекомендуешь... Дураки!.. Ослиные морды!.. *(Снова ложится на диван.)*

ЧЕЛОВЕК. Хочется отдохнуть, а тут слушайте ихние коровьи бюллетени. Что я — колхозник или кучер, что мне про коров слушать дают... Нет, это только у нас может быть такое неуважение к отдыхающей личности... Вот, например, за что я люблю Европу, вот там этого не может быть. Там и социальная революция произойдет, и то про коров не будут нашептывать. *(Смотрит на радио.)* Попробовать разве Европу поймать, отдохнуть? Да нет, черта с два. Небось, наши миляги весь эфир заняли под свои коровьи беседы... А вот, например, скажи я кому-нибудь, дескать, люблю буржуазную Европу. Тут мне намнут холку, покажут кузькину мать. Странно, скажут, подозрительно. А нет ли, скажут, у вас попа в родстве? Классовое лицо начнут шарить, пятое-десятое... А при чем тут классовое лицо? У меня просто критическое

отношение к вещам. Я не имею слепого преклонения перед буржуазным строем. Если у них хорошая вещь, я говорю — хорошо, плохая у них вещь, я говорю — ничего себе... сойдет... Ладно... Только давайте. При чем тут классовое лицо?.. А ну их с ихней диалектикой. Только башка пухнет... Отдохнуть, что ли... (*Подходит к столу. Поворачивает рычаг репродуктора.*) Да разве от них отстроишься... О... о... Позвольте... Ого... Есть... Красота...

(Слышится какой-нибудь фокстрот или танго. Установку можно сделать — патефон за сценой. Хорошая слышимость необязательна. В данном случае музыка почти условна.)

Вот видите. Вот мотив... чудно. Душа отдыхает. Это вам не коровьи рассуждения про телят и быков. Вон как наворачивают... тру-ру-ру-ру-ру... *(Танцует.)* Вот она, старая волшебница Европа. Это еще не видать, что там делается... А если на минуту представить себе картину. Ого! Европа. Бар. Мужчины в смокингах. Манжеты. Лорнеты. Пятое-десятое. Элегантность... *(Показывает, заплетаясь в своих войлочных туфлях, походку, жесты, движения.)* Толкают вежливо, с улыбкой... А у нас...

Интересно, какая это страна? Может быть, черт возьми, сама госпожа великая Франция? Париж. Этакие дамочки вьются. Француженки. Легкость отношений. Всюду французская речь: пардон, мерси боку, кес ке се...

На таком языке минуты две поговорить — и жить хочется. Дает бодрую зарядку. Бонбон... Бонтон... Бонфрер... А у нас — корова. Солома. Кобыла. Холера. Фрикаделька... Да, отсталая страна. Азия... Вот, скажем, язык. А как его перегонишь? Красавец язык. Пермете моа де ките ля клясс. Коман сапле ву.

Нет, язык не так уж красив. Некоторые выражения даже русские обороты речи напоминают. Но зато вежливость... А, закончили. Перерыв. Хороший мотивчик, черт их дери. Хорошая вещь, я всегда скажу — хорошо.

РАДИО. Говорит Москва.

ЧЕЛОВЕК. М-Москва?

РАДИО. Опытный передатчик Наркомпочтеля.

ЧЕЛОВЕК. Как? Почтеля?.. Это что ж?.. Наши... Значит...

РАДИО. Волна семьсот сорок и восемь десятых метра.

ЧЕЛОВЕК. А, черт! *(В крайнем раздражении бросается на диван, зарывает голову под подушку. Не слышит дальнейших слов, сказанных по радио.)*

РАДИО. ВЫ прослушали трансляцию заграничной станции из Стокгольма. Через одну минуту слушайте продолжение трансляции. На одну...

ЧЕЛОВЕК *(высовывает голову из-под подушки).* Ах, черт возьми! Как это я, дурак, ошибся.

РАДИО. ...минуту перерыв.

ЧЕЛОВЕК. Черт возьми, даже странно. Я думал — заграница, а это наши забавляются. Главное, меня смутил развлекательный мотив. Гм. Тоже. За ум схватились. Понимают, что на одних коровах далеко не уедешь. Заграницу копируют... Все-таки большой сдвиг наблюдается. Легкую музыку дают. Этакий веселенький, но пошленький мотивчик. Да, собственно, не так и веселенький. Тру-ру-ру да тру-ру-ру... О... о... опять начали...

Скажите, пожалуйста... Тоже... Веселье разыгрывают. Главное, уменья на грош, а туда же. И фальшивят же... фальшивят-то как... А, черт, визг какой! Не могут эфир очистить. Это уж лучше бы про коров говорили. Не так раздражает. Тот еще мотивчик был ничего себе, а этот просто определенная дрянь. И вот спроси их — что можно под эту музыку делать, а? Разве что коров доить. *(Делает неуклюжие па.)* Нет, не умеют у нас... Не умеют. Азия... О, фальшивят как. Кто в лес, кто по дрова. Один — тру-ту-ту, другой — тю-тю-тю. А вместе — шиш и безобразие. Главное, музыкантов не видать, а вот чувствуешь, что сброд сидит.

Так и чувствуешь — сидят этакие в толстовках, ноги растопырив. Морды небритые, рожи такие, лапы грязные. Бухают в свои инструменты — кто во что горазд... Капельдука, этакий брюхастый курицын сын, тыкает своей палочкой туда и сюда. И думает — артист. Композитор. Вагнер. Только, сволочь, сбивает музыкантов...

Нет, вы поглядите, какую анафемскую музыку разводят. Рявкают — только народ раздражают. А, черт! Как нарочно, для расстройства нервов. Башка лопается. *(Ложится на диван. В раздражении вертится.)* Какое-то дикое завывание. О, черт! А, черт! *(Кладет подушку на голову. Лежит неподвижно. Снова приподымает голову.)*

Играют еще. Тьфу, ей-богу. Какофония какая-то. Мазурики. *(Снова кладет подушку на голову. Покрывается толстым платком. Лежит в таком виде и не слышит слов по радио.)*

РАДИО. Говорит Москва. Вы прослушали передачу из Данцига. На этом заканчиваем трансляцию заграничных станций — путешествие по эфиру. Переходим к очередной передаче. Слушайте урок эсперанто.

Аудате, аудате... А ин аискуле пролетаре де тревена...

ЧЕЛОВЕК *(высовывая голову из-под подушки).* Кончили, что ли?

РАДИО. Естас доцена пароле дефензива...

ЧЕЛОВЕК. Какая-то заграничная станция встревает.

РАДИО. Атента пароле латуда дабужа ен момента...

ЧЕЛОВЕК. Финны, что ли?

РАДИО. Парлерато де пертуте деорум...

ЧЕЛОВЕК. Швеция, кажется...

РАДИО. Пляна констуаре социоль де дженераля кризис...

(Пауза.)

ЧЕЛОВЕК. Вот не понимаешь шведского языка, а чувствуешь, что здорово. Чувствуешь, что говорят не про телят и коров, а про что-нибудь этакое хорошее, общечеловеческое...

РАДИО. Аудатес парлорум Профинтерна естас грациа Италиа деорум...

ЧЕЛОВЕК. Италия!

РАДИО. Уна момента левинтациа фините...

(Пауза.)

ЧЕЛОВЕК. Италия! *(Стучит в стену.)* Фекла Васильевна, Италию поймал на коротких волнах.

(Радио медленно повторяет сначала все сказанное раньше.)

ЧЕЛОВЕК. Италия! Боже мой!! Синее небо. Солнце. Смуглые итальянцы ходят туда и сюда — потомки римлян. Чувствуется каменистый берег. Пляж... Этакая смуглая красоточка навстречу идет. Стреляет в тебя глазками и щебечет: парлеранта, парлеранта... А ты языка не понимаешь, но чувствуешь, какая парлеранта. Ах, Европа, Европа. Прими мой пламенный привет. Я иду по твоим стопам.

РАДИО. Теперь прослушайте перевод с эсперанто...

ЧЕЛОВЕК. С... с... с эсперанто?

РАДИО. Слушайте, слушайте. Сообщаем политические новости на языке эсперанто...

ЧЕЛОВЕК. Ах, это эсперанто! Да, да. Ну да, конечно. Ну вот. Вот и наши передают, а мне понравилось. Вот ваша диалектика. У меня нет слепого пристрастия к чему-нибудь. Вот дрянь была наша музыка — я говорю — дрянь. Хороший, интересный язык — мне сразу понравился. Напоминает какую-то Грецию. Италию.

Конечно, особенно долго слушать *(выключает радио)* мало интереса, но послушать можно. Отчего же? Я беспристрастно сужу. С общечеловеческой точки зрения. А ну их к черту! Разве попробовать на сон грядущий кусочек Европы отхватить? Так сказать, для успокоения нервов. Есть.

(Играют музыку Чайковского.)

Нет, опять, кажется, наши. Ну да. Так и есть. Опять со своим Чайковским. В ушах навязло. Нет, безнадежная страна. Не умеют создать человеку сносных условий.

РАДИО *(по-немецки)*. Майне херн унд дамен, ауфвидерзейн...

ЧЕЛОВЕК. Стойте, стойте... Ах, это немцы передавали. Ах, ну да. Ну, для Германии это другое дело. Чайковский — отчего же. У нас это одно дело. А у них — почему же, правильно. Там это иначе звучит. *(Нежно.)* Ауфвидерзейн, мои дорогие.

КОРНИ КАПИТАЛИЗМА

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ОН И ОНА.

Прилично обставленная комната. Чистенько. Аккуратно. Стол. Диван. Картины. В комнату входит молодой человек. У него в руках букет роз, коробка конфет и бутылка шампанского. Вид молодого человека радостный и даже сияющий. Он кладет покупки на стол. Берет вазу, ставит в нее цветы. Несколько роз небрежно бросает на диван, на стол и на пол. Поэтический беспорядок еще более радует хозяина. Он, довольный и счастливый, потирает руки.

1.

ОН. Вот теперь хорошо... *(Поправляет розы на диване.)* Вот так. Превосходно. Чудно... Теперь она может переступить порог моего дома... Юлия... *(Вытаскивает из кармана ее фотографическую карточку, восхищенно смотрит, целует.)* Юлия... Нет, все-таки, любовь — это что-то волшебное... Это черт знает что такое!.. Я не понимаю, как я раньше жил... тянулись дни, на душе пасмурно... И вдруг... Юлия... Хочется петь, читать стихи... Это черт знает что такое!.. Как сказал поэт: «О, ты...» Гм... как же это он сказал?.. Вот раньше и стихи-то не к чему было читать. А сейчас просто какая-то потребность. Хочется, чтоб все в рифму было... «О, ты... Вселенная... Земная ось...» О, черт! Хоть бы какие-нибудь захудалые стишки вспомнить... «Прибежали в избу дети...» Не могу вспомнить... «Тятя, тятя, наши сети...» Нет, не то... Ну, черт с ним! *(Снова восхищенно смотрит на карточку.)*

2.

Юлия! Сейчас ты своими легкими стопами войдешь в мою скромную холостую хижину. Несколько роз упадет к твоим ногам. И взволнованный голос полюбившего тебя человека скажет: «Юлия, я безмерно счастлив, что ты будешь моей женой...» О, черт! Что же это я, как болван, в шляпе и в пальто... *(Вешает шляпу и пальто на гвоздь. Подходит к зеркалу, прихорашивается.)*

3.

Так. В порядке... Как говорится — в полной форме и с превышением... Юлия, ты первая женщина, которую я, без тени сомнения, назову своей женой... Мы как бы созданы друг для друга. У меня хорошее служебное положение. И ты — на виду.

У меня приличная зарплата и у тебя, ну, может быть, там, несколько хуже, но, как говорится, ты тоже при своих... Комната у меня, комната у нее. Стало быть, и в этом корыстный мотив отсутствует. А это в любви немало. Все-таки как-то приятно знать, что она полюбила меня просто так. Без тени расчетов, соображений. Просто по-лю-би-ла. Вот чего, вероятно, не знали наши отцы... Это у них — пошлые приданые, коммерческий расчет... бр-р... А тут полюбила за внешность, за светлый ум... Потому что мы с ней в равных условиях. Она сама великолепно зарабатывает. На что ей мои деньги... То есть, как на что? Деньги-то ей, конечно, нужны. То платьице, то что... *(Задумчиво.)* Вообще я дурак, что чуть не с первого дня брякнул ей, что зарабатываю две тысячи. Еще для форсу приврал на триста. Пыль в глаза пустил. В Крым предложил поехать. Дурак... Что дурак, так дурак. Уж скорее надо было убавить. Потому что если б полюбила — так и так бы полюбила... Конечно, она выше этого. Но все-таки такие вещи незаметно откладываются в женском сознании. Сказал бы — зарабатываю пятьсот. И поглядел бы, черт ее дери, как бы она меня полюбила! Нет, конечно, полюбила бы, но все-таки, как говорится, взял бы и проверил ее чувства. *(Снова влюбленно смотрит на карточку.)*

4.

Юлия... *(Задумчиво.)* Вообще-то, конечно, не поздно и теперь сказать. Скажу — пошатнулось положение, увольняют со службы. И погляжу в ее глаза — что там у нее загорится. И если увижу хоть малейшую перемену... Нет, нет... А почему нет?.. А почему, черт возьми, нет? А сколько таких фактов, когда выходят замуж из-за служебного положения, женятся из-за комнаты... Ну, хорошо, у Юлии своя отличная комната. Ей не нужна моя жилплощадь. *(Задумчиво.)* Черт ее знает. Она говорила, что — ее комната. Но, может, мамашина комната. То-то она юлила перед матерью: «мамочка, мамочка»... А мамочка, может, спит и видит, когда дочка к какому-нибудь дураку в комнату въедет. Здорово! То-то она все время мечтала на мою комнату взглянуть. Покажите да покажите. Ремонт, говорю... Еще не закончился. Нет — загорелось... А сказал бы — не моя комната. И поглядел бы в ее глаза и выяснил бы мотивы ее чувства... А-а, черт! Фанфарон. Пустил пыль в глаза. Две тысячи зарплаты... Крым... Шампанское... *(Хватает со стола бутылку шампанского, прячет ее в шкаф.)*

5.

Черта лысого я шампанского дам!.. Шампанское, цветы, шоколадные конфеты... Это — всякая полюбит. *(Прячет конфеты в шкаф. Вместо них кладет на стол печенье.)* А вот я погляжу,

мадам, как вы меня с печеньем полюбите... И печенья не дам. *(Прячет печенье.)* Жрите хлеб... Полюбите нас, когда мы черненькие... *(Выхватывает цветы из вазы. Швыряет их на пол. Подбрасывает их ногой под диван и под комод. Случайно в зеркале видит себя. Недоволен своим франтоватым видом.)* Сапожки... Брючки... Расфуфырился... *(Стаскивает с себя пиджак. Надевает рваную захудалую куртку.)* А вот в таком виде не хотите ли нас полюбить? *(Надевает на коверкотовые брюки вторые — рваные и страшные.)* Вот в таком виде полюбите, — вот тогда спасибо скажу. А так-то всякая полюбит. *(Переодевает сапоги.)* Вот... Эвон, какой теперь... *(Смотрится в зеркало.)* Немножко, кажется, перехватил, но ничего... Жалею, что побрился. Ишь, гладкая морда. *(Треплет свою прическу.)* А такого не хотите — ободранного бедняка, сокращенного по службе, не имеющего своей жилплощади... Вот и поглядим, что от вашего чувства останется. *(Прихрамывая, подходит к портрету на стене.)* Нет, хромать-то не надо. Это уже слишком... А вот что ей сказал — папаша у меня пролетарского происхождения, — это ни к чему. Сказал бы, что барон. И поглядел бы, как вытянулась [бы] ее физиономия. *(Снимает со стены портрет отца.)* А генерала не хочешь?.. Нет, погоди, я тебе сейчас наверну родство. *(Роется в папке, вытаскивает что-то вроде священнослужителя.)* А такого папу не хочешь? Вот, скажу, отец. Извините, скажу, что приврал. На самом деле, мадам, будете теперь из духовного звания, ежели рискнете за меня замуж пойти.

Стук в дверь. Входит Она.

6.

ОНА *(нежно).* Мой дорогой...

ОН. Юлия!

ОНА *(с изумлением).* Что с вами? Что за маскарад?

ОН. Ах, это... Да так... Приходится беречь выходной костюм. А то вопрешься в единственный костюм — лоскутки полетят.

ОНА *(пожимает плечами. Потом торжественно).* Ну вот, наконец, я в вашей комнате. *(Оглядывается.)* Николай! Какое странное чувство. Я вошла в вашу комнату и в первый раз в жизни почувствовала — я дома, у себя...

ОН *(подозрительно).* Гм... У себя?

ОНА. Этот милый диван... Этот столик, этажерочка... Все это теперь какое-то близкое, родное...

ОН. Нет, диван-то... не родной... это не мой диван... Со... соседа... И мебель, Юлия, вообще не моя... чужая...

ОНА. Ах, да? Ну, тем лучше. Мы приобретем другую, такую, какая нам понравится. Да, котик?

ОН. М-да... Приобрести, конечно, можно... Если, конечно...

ОНА. Вот как мы вернемся из Крыма, так и займемся этим делом. Да?

ОН. Конечно, если финансы позволят.

ОНА. Ну, что за чепуха! Вы отлично зарабатываете. И у меня хорошее жалованье... Обязательно приобретем, да, котик?

ОН *(с горькой усмешкой).* Отлично зарабатываете! Крым... Мебель... Юлия... Я должен вас с заоблачных высот спустить на землю... Видите ли, Юлия... Случилась непоправимая беда... Материальное положение у меня более чем плохое...

ОНА. Но вы говорили...

ОН. Да, тогда было одно, а сейчас другое...

ОНА. Но ведь еще вчера...

ОН. Да, сегодня все и обнаружилось...

ОНА. Но что обнаружилось?

ОН. Обнаружилось... Вообще... Стало быть... Ликвидируется моя должность... Конечно, работу найду... Но уже не то... Рублей на триста, четыреста... от силы...

Юлия подходит к нему. Нежно смотрит в его глаза.

7.

ОНА. Николай! Ну, это ничего. Ты не огорчайся... Будем работать, трудиться...

ОН. Юлия! *(Сдерживает себя.)*

ОНА. Будем постепенно обставлять нашу комнату. Зачем нам торопиться...

ОН. Да, конечно.

ОНА. А в Крым поедем через два года... Единственно мне хочется в первую очередь — это оклеить комнату. А то эти жуткие обои мне на нервы действуют.

ОН. Конечно, оклеить можно, но... Не знаю... как сосед... поскольку...

ОНА. Что сосед?

ОН. Поскольку комната со... соседа... Если оклеить, так он... обидится...

ОНА. Как со... соседа?

ОН. Да, Юлия... Комната не моя... Комната решительно не моя... Со... соседа.

ОНА. А сосед где живет?

ОН. А сосед... там... живет...

ОНА *(мужественно).* Ну, ничего, Николай. Мы переедем ко мне. И вообще все будет чудно.

ОН. Юлия! *(Снова сдерживается.)*

ОНА. Мы будем работать. И шаг за шагом все сделаем.

Юлия подходит к нему и нежно обнимает.

8.

ОН. Юлия!

ОНА. Фу, ну что за тряпки на вас! Неужели у вас нету ничего другого?..

ОН. Ну откуда? Живешь, как говорится... Сегодня сыт — и слава богу... А костюм — откуда же взять костюм?..

ОНА. Я не понимаю... Но ведь вы же говорили, что все так хорошо. А теперь выходит, что...

ОН. Было хорошо... Но вот... *(Машет рукой, обращается к портрету.)* Бедный мой папка, если б он знал, что с его сыном!..

ОНА *(косо поглядывая на портрет).* Николай, вы меня пугаете... Я не понимаю, что случилось...

ОН. Нет, ничего не случилось... Так, бедность заела. Вот был бы жив мой отец — он помог бы мне...

ОНА *(испуганно смотрит на портрет).* Это что?! Это кто?..

ОН. Папа...

ОНА. Но вы говорили, что ваш отец был легковой извозчик... а тут... Какой-то римский папа...

ОН. Да, он был извозчик, потом в последний момент перекинулся. Иеромонахом был...

Она нервно ходит по комнате. В изнеможении садится за стол, барабанит пальцами по столу.

ОНА. Ну, это, знаете ли...

ОН. Уж извините, Юличка... Угостить нечем. Была где-то у меня булка... Не знаю, кажется, я ее съел...

ОНА *(нервно).* Дайте мне воды...

ОН. Откуда у меня вода?.. Живешь — еле концы с концами сводишь... Ах, воды? Простите, не понял, сейчас принесу... Вот только не знаю — есть ли стакан... *(Уходит.)*

9.

ОНА. Бедный Коля! Он так взволнован, огорчен. Я, кажется, еще больше его полюбила. Он такой беспомощный... Мы переедем ко мне. Я буду о нем заботиться... Нянчиться с ним... Я так счастлива, что я теперь свободна, что разошлась с этой свиньей Мирским, который женился на мне из-за комнаты. Подлец! Это какое-то несчастье, что я имею комнату! Четыре раза нарывалась на подлецов... В Николае хоть я уверена. Он сам имеет ком... Хотя, впрочем, это не его комната... А что, если и он?! Нет, нет... А почему нет?.. Если те четверо строили свои расчеты на комнате... то почему бы

и он?.. Комнаты-то у него нет... Ну ясно... Фу, потерять из-за комнаты такого человека, такое чувство... Ах, почему я не сказала ему, что это не моя комната. Я же хотела это сделать...

Входит Николай со стаканом воды.

10.

ОН. Еле стакан нашелся. У соседа занял. Мои-то все перекоканы... Только вода сырая — пейте осторожно. Вскипятить не на чем...

ОНА. Вообще я поражена, Николай. Еще вчера все казалось великолепным, а сегодня — нищета, бедность, стаканов нет... Я, право, не знаю, как мы будем жить.

ОН. Ну, мы, Юля, переедем к вам, дома у вас так хорошо...

ОНА. Что хорошо? Да знаете ли вы?! Извольте — откровенность за откровенность: та комната не моя. И если вы имели в виду...

ОН. Ну конечно... Я так и знал.

ОНА. Что вы знали?!

ОН. Что вы... Что вы сами хотели... короче говоря, сами мечтали переехать в мою комнату.

ОНА. Какой вы негодяй! Ну так знайте — комната, действительно, не моя... В службе я не уверена. Техникум не закончен. Получаю зарплаты сто семьдесят рублей, а не семьсот... На-те! Извольте. Вы хуже того подлеца, с которым я разошлась. Тот хоть честно проговорился, что ему комната нужна, а вы... вы тайком...

ОН *(пораженный).* Юлия!

ОНА. Ну так знайте, корыстный человек, что у меня хуже положение, чем у вас. У меня нет даже пятнадцати копеек на трамвай.

ОН. Юля! Но вы говорили...

ОНА. Что я говорила?! А вы что говорили? Мы — квиты.

ОН. Юля, я не понимаю вас... вы клевещете на себя. Я же был у вас дома... Я видел у вас... даже драгоценности...

ОНА. Ах, вы и драгоценностями интересовались! Ну так знайте — это все не мое. Я взяла брошку и браслет у подруги.

ОН. Но ведь это у вас второй год. *(Вытаскивает серебряный портсигар. Нервно закуривает. Потом, боясь, что она увидит портсигар, прячет в задний карман брюк.)*

ОНА. Да, второй год как взяла... и забыла отдать...

ОН. Забыли отдать?! Мило! Значит, попросту прикарманили? Вот теперь я вас понимаю.

ОНА. Как вы смеете?! О, я только теперь вас раскусила!

Он нервно курит. Потом бросает папиросу на пол. Хочет закурить другую. Ищет портсигар по карманам. Не находит, позабыв, что портсигар в заднем кармане. Смотрит по сторонам. Подозрительно поглядывает на Юлию, потом на ее сумочку.

11.

ОН. Мило... Гм... Тут где-то мой портсигар был...

ОНА. О-о, какой вы негодяй! Нет, ни минуты больше я не останусь в вашей комнате...

ОН. Гм... Серебряный портсигар... Странно... И сразу уходите... Простите, может быть, вы случайно в сумочку... серебряный портсигар...

ОНА. Что?! Как вы смеете!.. Да откуда у вас серебряный портсигар?.. Не трогайте мою сумочку...

ОН. Мне не жалко портсигара, но я хочу вас проучить. *(Раскрывает ее сумочку. С удивлением вытаскивает пачку денег. Смотрит документы.)*

ОНА. Как вы смеете?!

ОН. Юля!.. На сберкнижке у вас пять тысяч. Зачем вы клеветали на себя?.. Вы закончили техникум... Зарплата у вас — семьсот рублей... Юля!..

ОНА. Как вы смеете?! *(Почти падает на диван.)*

ОН. Так значит, это вы так сказали... Юля, простишь ли ты меня?.. Ведь я тоже нарочно... Тоже хотел узнать... *(Случайно обнаруживает портсигар в своем кармане, закуривает, бросает папиросу, становится перед Юлией на колени.)*

ОНА. Не трогайте меня!

ОН. Простишь ли ты меня?.. Я пошутил... Это все была шутка... Комната моя... Зарплата тысяча семьсот монет... В Крым заказаны путевки... Юлия!.. *(Вытаскивает из шкафа пиджак, переодевается. Приглаживает прическу. Ставит на стол шампанское и конфеты.)*

ОНА. А папа?

ОН. И папа... Это папа римский. Репродукция с картины Веласкеса... *(Срывает со стены портрет, достает портрет отца.)* Вот он, мой старик. *(Снова становится на колени перед Юлией, достает из-под дивана цветы. И вместе с какой-то ночной туфлей кладет их на колени возлюбленной.)*

ОНА. Видите, как много в нас еще прежнего, нехорошего! Мы подозрительны, недоверчивы...

ОН. Да, да, Юля... Как много в нас еще старой закваски! Наше сознание еще не освободилось от прежнего... Я был свинья, Юля. Прости меня! *(Он снова выгребает цветы из-под дивана. И вместе с другой туфлей кладет их на колени возлюбленной.)*

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

РАССКАЗЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ

РАССКАЗЫ ФЕЛЬЕТОНЫ

1941—1945

ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ

Конечно, мухи приносят огромный вред человечеству.

Мухи мешают спать, мешают работать, портят продукты питания и распространяют заразные болезни.

Столь грозная опасность со стороны мух должна, казалось бы, подтолкнуть науку на борьбу с этим злом. Тем не менее научная мысль почему-то не пошла дальше липкой бумаги и мушиной отравы.

Нет, нельзя сказать, что научная мысль совсем уж дремлет в этой области. Не далее как в прошлом месяце в Госсанинспекции возникла дельная мысль в связи с мухами. Возникла хорошая и правильная мысль — уничтожить мух, которые остались еще в живых и сейчас летают в теплых помещениях. Это давало надежду, что летом совсем не будет мух или их будет мало.

Полученное это указание нашло отклик в сердцах сотрудников санинспекции.

Госсанинспектор Октябрьского района в своем обращении к директору Октябрьторгина так и пишет:

«Предлагается вам принять все меры для полного уничтожения мух до последней любыми разрешенными средствами, вплоть до механического уничтожения отдельных летающих экземпляров мух... Учитывая, что единичные оставшиеся живыми мухи летом могут явиться источником размножения многомиллионного потомства, необходимо отнестись с полной серьезностью к выполнению настоящего задания. Срок для выполнения настоящего требования установлен до 25 января 41 года».

Распоряжение правильное. Ничего против не скажешь. Стиль немного комичный, но он не затемняет дельную и толковую мысль — уничтожить мух в кратчайший десятидневный срок.

Но одно дело — мысль, а другое дело — осуществление этой мысли. Обычно находится человек, который начинает поворачивать любую хорошую мысль на свой прискорбный лад.

Так и тут. Начали расшифровывать постановление. Сразу почему-то решили штрафовать за каждую муху. Пришли к мысли, что надо брать по рублю за каждый «отдельно летающий экземпляр». Возникли прения, в процессе которых выяснилось, что эта цена за муху — мелкая, снижающая масштабы начатой кампании против мух.

Решили штрафовать по десять рублей за штуку.

Человек прыгает с трамвая — и то платит пять рублей, рискуя потерять за эти деньги свою, можно сказать, драгоценную жизнь. А тут за какую-то паскудную муху в два раза дороже. Неестественно. Обидно.

Тем не менее решили удержаться на этом высоком уровне.

И вот наступило роковое число, после которого мухи должны были прекратить свое жалкое существование.

Началось энергичное обследование кухонь и столовых.

Санинспектора с хлопушками в руках обходили вверенные им учреждения и щелкали зазевавшихся мух.

Начали штрафовать даже с превышением против установленной таксы. Например, директора столовой № 42, у которого нашли пару мух, оштрафовали почему-то на двадцать пять рублей.

Под штраф попало еще несколько директоров. Некоторые из них уплатили солидные суммы. Остальные директора отделались испугом.

Кому-то вдруг пришла светлая мысль — не только штрафовать, но и поощрять людей. Тот же самый санинспектор Октябрьского района предложил директору столовой № 6 организовать ловлю мух, платя любителям по десять копеек за муху.

Не знаю, нашлись ли любители ловить мух по такой цене. Но если нашлись, то они, вероятно, затаили в душе досаду на санинспектора за слишком низкие расценки. И действительно. Сам берет по десять целковых, а как платить — так гривенник.

В общем, мы пишем наш фельетон в разгар мушиных событий и поэтому не знаем еще, до чего дошла в этом деле человеческая мысль. Нет, мы не думаем, что штрафы прекратились и что мухи снова торжествуют. Скорей всего, нашлись еще какие-нибудь подступы и заходы во фланг и в тыл к мухам.

По-моему, эти санинспектора все-таки могут довертеть до того, что мухи возьмут и действительно прекратят свое существование. Начиная с потопа, мухи жили, и ничего особенного с ними не происходило.

Но не тут-то было. По десять рублей за мушиную голову — это что-нибудь да значит. Это — или мух не будет, или директора окончательно разорятся.

В самом деле — надо снизить расценки на мух. Нельзя по десять рублей брать за штуку. Это уже абсурд получается. Тем более абсурд, что мухи крайне живучи и увертливы. За тысячи лет они прошли огонь, воду и медные трубы. Они нет-нет да и подведут человека под штраф благодаря своему стойкому существованию.

Более того — надежды на то, что мухи летом не возникнут или возникнут в малом количестве, если истребить летающих зимних мух, эти надежды, увы, неосновательны. Это есть мечты.

Я не считаю себя специалистом по мухам, но я краем уха слышал, что зимние мухи, лениво летающие в теплых помещениях, не таят в себе единственной опасности в смысле продолжения мушиного рода.

«Многомиллионное потомство» возникает не только от них, но и от тех молодых мушек, которые зимой находятся в состоянии личинок или, кажется, куколок.

В этом смысле природа более остроумна, чем можно предполагать. Природа предусмотрела все возможные происки санинспекции на этом мушином фронте.

Увы, летом все-таки мухи будут! Мушиный род еще не угаснет, даже если санинспекция доконает-таки этих полудохлых зимних одров.

Конечно, может, мы не научно подходим к данному вопросу. Может, в этом деле существуют еще какие-нибудь тонкости. Но эти тонкости надлежит знать санинспектору в первую очередь, а уж нам — во вторую.

Что касается зимних мух, то истреблять их, конечно, можно и должно. Мысль светлая и дельная, что и говорить.

Истреблять их нужно, как сказано в отношении, «любыми разрешенными средствами, вплоть до механического уничтожения».

Но средство, на которое пошла районная санинспекция, — это уже не разрешенное средство, хотя и «механическое».

Короче говоря, нельзя брать по десять рублей за муху. Это уже опасный поворот в мыслях санинспектора.

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В город Горький прибыл один уважаемый товарищ М.

Он прибыл с фронта. Его командировали в Горький по делам службы.

Туда же прибыла и знакомая этого человека. Его невеста Катя.

Они любили друг друга, эти люди. Два года не видались.

И вот теперь, воспользовавшись случаем, встретились в городе Горьком, приехав туда из разных географических точек нашей обширной страны.

Нет сомнения, это была великолепная, радостная, трогательная встреча. Это было счастье.

Шапку сними, уважаемый читатель, если ты читаешь эти строчки в головном уборе.

В тот же день молодые поспешили в загс. Они давно мечтали записаться, давно хотели оформить свою любовь. И вот настал этот торжественный день — молодые люди на пороге загса. Сейчас они подойдут к столу, положат свои документы и, взявшись за руки, будут взирать на несложный канцелярский процесс, отныне соединяющий их вместе.

Нет, наверно, после войны этот процесс будет обставлен более торжественно. С цветами. С музыкой. На столе загса, может быть, будут стоять коробки с конфетами или там с мармеладом. И, скажем, каждый желающий может подойти и что-нибудь там скушать. Ну, не каждый, конечно, желающий. Но жениху-то уж определенно это будет полагаться. И, конечно, невесте. Но та вряд ли воспользуется этим, поскольку мысли у нее будут в небесах.

Из-за стола поднимется почтенного вида человек, похожий на профессора. Произнеся краткую, но прочувствованную речь о счастье на земле, профессор зарегистрирует пришедших под звуки симфонического оркестра.

Наверно, так и будет. И, наверно, жених будет стоять в отутюженных брюках. И у невесты, наверно, будет в руках веер вместо «авоськи».

Нет, сейчас, конечно, не до этого. Война. Все помыслы наши в ином. И нет ни у кого огорчения, что все происходит проще, чем хотелось бы...

Короче говоря, наши молодые люди явились в загс.

Сурового вида женщина, осмотрев документы жениха и невесты, сказала:

— Ничего не получится. Еще невесту я зарегистрировать могу. Но что касается жениха, то вот с женихом у меня что-то ничего не получается.

Дрожащим голосом жених попросил растолковать ему значение этих слов.

Регистрирующая браки сказала:

— Сами взгляните, какое у вас командировочное удостоверение. Оно маленькое. И мне там некуда штамп поставить. А без штампа какой же брак? Нет, я отказываюсь регистрировать вас.

Жених хотел встать на колени, чтоб упросить регистраторшу, но, увидев ее суровое, непреклонное лицо, не сделал этого.

В полном смятении жених и невеста вышли из загса.

Жених, наверно, снова на фронте. Катя уехала в Новосибирск.

С печалью во взоре мы описываем это маленькое происшествие.

Ну еще понятно, когда война, когда танки разъединяют любящие сердца. Но чтобы, черт возьми, куцая бумага разъединяла, — это уж, как говорится, сверхдосадно.

Конечно, понимаем: штамп надо поставить. Но если его некуда поставить, то можно поставить на обороте. Или в крайнем случае выдать жениху особое приложение, справку: дескать, так и так, жених, извиняюсь, зарегистрирован, но у него подгуляло удостоверение и мы ему, страдальцу, выдаем отдельную бумажку, чтоб не нарушать его индивидуального счастья.

Нет, в дальнейшем, наверно, так и будет. Наверно, будут делать некоторые поблажки женихам.

А пока, как говорится, бракосочетание не состоялось.

Шапку надень, читатель, если ты снял свой головной убор, сдуру полагая, что ты присутствуешь свидетелем счастья двух любящих сердец.

А ну вас, ей-богу! Какую чепуху разводите в столь несложном деле.

БОЛЕЕ ЧЕМ ГРУСТНО

17 дней

Старший лейтенант Р. приехал в город Куйбышев. Он приехал из Ташкента, где находился в госпитале. Он был ранен.

И вот теперь он, инвалид Отечественной войны, вернулся домой!

Он вышел на вокзал с надеждой, что сейчас к нему бросятся его родные, друзья и произойдет та волнующая встреча, которую он с таким нетерпением ждал.

Нет, на вокзале никого не было. Его никто не встретил. Неужели же его позабыли, отвернулись от него за эти два года войны?

С горькими мыслями лейтенант побрел к своему дому. Он с трудом дошел, опираясь на костыль.

Что ж оказалось? Оказалось, что родные понятия не имели об его приезде. Они не получили телеграмму, посланную лейтенантом из Ташкента.

Эта телеграмма пришла спустя семь дней. И того семнадцать дней она перла из Ташкента в Куйбышев!

На черта же нам нужны такие телеграммы!

10 месяцев

Гвардии лейтенант Т. получил письмецо из дома, от своей жены.

Конечно, он очень обрадовался. Стал читать. Потом видит: что-то неладное в письме. Жена пишет о каком-то младенце, который только что родился... В чем дело? Ведь его сыночку пошел второй год. О каком же новом младенце идет речь?

Протер глаза лейтенант, стал опять читать. Потом видит: письмецо-то ведь послано в ноябре 1942 года. А нынче, слава богу, сентябрь 1943 года. Стало быть, письмецо шло десять месяцев. Почти год.

И вот теперь гвардии лейтенант нам пишет: «Да за эти десять месяцев мой сынок говорить научился. За эти десять месяцев я побывал на обороне Сталинграда, участвовал в зимнем наступлении Красной Армии. За эти десять месяцев мы прошли сотни километров, тесня противника... А тут одно письмо они мотали почти год...»

Еще хорошо, что письмо только год мотали. Могли бы его три года мотать.

Проверили

Иные посылают письма в редакции газет. Иные жалуются нам.

А майор Р. бахнул жалобу прямо в Наркомат связи. Он послал письмо наркому: дескать, телеграмма из Куйбышева в Москву шла восемнадцать дней и по этой причине он, майор Р., не встретил свою жену на вокзале и вообще произошла чепуха. Обратите, дескать, внимание на такое безобразие.

Начальник секретариата прислал ответ. Исключительно вежливый, любезный ответ. Дескать, дано указание... проверили... накажем... не сомневайтесь.

Казалось бы, все в порядке. Благодарили за сообщение. Спасибо за внимание.

Ан нет. Взглянул майор на конверт и убедился, что это любезное письмецо шло ровно четырнадцать дней.

Четырнадцать дней тащилось письмо с улицы Горького до улицы Чайковского!

А в Наркомате будут проверять медлительное шествие телеграммы из Куйбышева! Будут хлопотать, тревожиться, наказывать. Переписку заведут. Почту загрузят. Ну зачем это? И так все ясно.

Бред

Всем известно, что иной раз приходят повторные телеграммы.

Тот же текст, тот же номер. А телеграмму несут вторично.

Я не знаю, почему это бывает.

Может быть, телеграфистка из уважения к тексту передает его дважды. А может быть, она не туда кладет отработанную бумажку и потом снова за нее хватается.

В общем, я не знаю, как там это у них происходит с технической стороны.

Во всяком случае, это — явление нередкое. И оно вряд ли ведет к разгрузке телеграфных проводов.

Но вот перед нами три одинаковые телеграммы. Все три они, как близнецы. И номер у них одинаковый. И текст. И число. Прямо как-то даже трогательно видеть их вместе.

Они посланы из Алма-Аты в Москву, на адрес «Мясохладпромстроя».

Ну, к двойным телеграммам мы как-то уже привыкли.

Но три раза повторять одну и ту же телеграмму — это уж, как говорится, слишком. Это уж ни к чему.

Нет, три раза повторять не надо.

Лучше три разных телеграммы посылайте, чем одну и ту же. Это уж, извините, бред.

О МАЛЕНЬКИХ ДЛЯ БОЛЬШИХ

Захожу в магазин купить игрушку для ребенка. Продавец ставит на прилавок какое-то плоское чудовище, отдаленно напоминающее коня.

— Это лошадка, — говорит продавец, неуверенно пододвигая ко мне кусок раскрашенной фанеры, вынутой, вероятно, из окна по случаю окончания ремонта в доме.

— И что же, покупают у вас таких лошадей? — спрашиваю я, не без удивления поглядывая на обломок фанеры.

— Как говорится, плачут, но покупают, — отвечает продавец.

Рассматриваю коня. Действительно, есть от чего всплакнуть. Выпилен конь на редкость плохо. Морда у него в зазубринах. Хвост похож на полено, вынутое из огня. Две ноги вместо четырех искупаются их непомерной толщиной. И весь конь такой, как будто он нарисован шестилетним мальчиком.

— Конечно, не рысак, — говорит продавец, несколько конфузясь за своего коня, — но зато на подставке, и колесики имеются, что тоже отчасти может обрадовать ребенка.

Пробую вертеть эти колесики — не вертятся. Пробую держать коня просто в руке. Но тут замечаю, что руки мои покрываются зеленой краской.

— Нет, я вижу, что конь вам не нравится, — говорит продавец. — Возьмите в таком случае акробата. Вертится. И на двенадцать рублей дешевле лошади.

Знакомая, веселая игра. Две палочки. Веревочка. На ней гимнаст. Нажимаю палочки. Гимнаст поднимается вверх и перекидывается через голову. Нажимаю еще раз — и гимнаст запутывается в веревочках. Пробую распутать. И тут чувствую, что-то острое впивается в мой палец.

— Это вас струна уколола, не обращайте внимания, — говорит продавец.

Рассматриваю акробата. Руки и ноги его скреплены кусочками балалаечных струн. Четыре острых обрывка угрожающе торчат из утлого тела акробата.

Интересуюсь — кто выпустил в продажу такую игрушку. Продавец говорит:

— Фабричной марки нет на акробате. Однако многие наши игрушки выпускает артель «Музпром». Судя по музыкальным струнам, вероятно, и это — их продукция.

Замечание не лишено логики. Улики существенны. Акробат, как говорится, пойман с поличным.

Продавец ставит на прилавок весь наличный ассортимент. Ма-

терчатые мячи, набитые опилками. Ватные фигурки, усыпанные блестками. Крошечные деревянные грузовички, от которых колесики тотчас отлетают, как перепуганные воробьи.

— Конечно, игрушки невеселые, — говорит продавец, — но все-таки надо сказать спасибо организациям и кустарям, которые заботятся о наших детях.

— Слово «спасибо», — говорю я продавцу, — происходит от двух слов: «спаси бог». Если принять это во внимание, то я согласен, шутки ради, сказать спасибо. Спасибо от такой продукции.

Извинившись за беспокойство, я хочу уйти. Продавец удерживает меня, говорит:

— Могу предложить вашему вниманию нечто особенное, пролежавшее у нас на витрине три года. Популярная игра «Дьяболо».

Перед ним большая деревянная катушка и две палки с веревкой. Катушка подбрасывается вверх и ловится на веревку. Прикидываю на руку эту катушку, чтоб сообразить, каков ее вес. Граммов, пожалуй, триста-четыреста. Говорю продавцу:

— Ведь это же может убить ребенка.

— Новорожденного действительно может убить, — говорит продавец, — но если у вас малыш более солидный и достаточно упитанный, то он отделается только лишь ушибом и синяками.

Подбрасываю вверх эту катушку. Покупатели шарахаются в сторону. Продавец прячется за прилавок.

— Что вы делаете в общественном месте! — кричит он.

Поздно. Катушка, подброшенная вверх, падает, как маленькая фугасная бомба. Удар приходится по моему плечу, защищенному пальто. Все-таки больно.

Еще раз извинившись за беспокойство, я выхожу из магазина. На улице я замечаю, что не только мои руки, но и пальто вымазаны в краске. Из одного пальца сочится кровь. В другом пальце я чувствую занозу. Ушибленное плечо побаливает.

На ум приходят какие-то старинные строчки: «О, дети, дети, как опасны ваши лета...»

ДВА ПИСЬМА

Звонок. Открываю дверь. Передо мною мальчуган лет семи. Он в отцовской шапке, валенках. На одном валенке подвязан конек. Это сынок моей соседки — Вася.

Протянув мне помятый листок бумаги, Вася говорит:

— Мама просила вас перепечатать на вашей пишущей машинке. Только срочно.

Просматриваю листок. С трудом можно разобрать написанное. Еще удивительно, что и так сумела написать эта бедная женщина. Неделю назад ее сбила грузовая машина. Оказался перелом бедра, руки плохо повинуются ей.

Я говорю мальчугану:

— Ты не жди. Я перепечатаю и сам отнесу.

С благодарностью улыбнувшись, Вася исчезает, гремя своим коньком.

Сажусь за пишущую машинку. Первые строчки письма меня ошеломляют. Я рассчитывал увидеть описание уличного происшествия, а тут вижу совсем не то. Невольно начинаю читать вслух: «Родной мой. Если бы ты знал, как мы были счастливы, когда получили твое письмо. Я прочитала его детям, и мне на минуту показалось, что ты сидишь рядом с нами. Меня только огорчило, что ты тревожишься о нас. Не тревожься. У меня все идет хорошо, по-прежнему... Мы все здоровы и веселы. Таточка стала совсем большая. Все просит, чтобы я рассказывала ей о тебе. Васютка тоже вырос, целые дни он скользит по двору на своем коньке...» Далее идут фразы о родственниках, о работе. Засим приписка:

«Свое письмецо я отдала перепечатать на машинке для того, чтобы тебе легче было читать в твоей полутемной землянке...»

Перепечатав письмо, я иду к соседке.

Тусклая лампочка освещает небольшую комнату. На койке лежит худенькая молодая женщина. Рядом с ней девчурка лет четырех. Это Таточка.

У печурки сидит Васютка со своим коньком на валенке.

Молодая женщина говорит мне:

— Вы извините, что мы потревожили вас, но я не рискнула послать ему письмо, написанное моей слабой от болезни рукой. Он стал бы беспокоиться, что со мной, почему я так плохо пишу.

Смущенно улыбаясь, женщина продолжает:

— Ведь если бы ему об этом написать, он бы там с ума сошел от волнения. Приехать не может... Значит, помочь не в силах...

Оторвавшись от своего дела, Вася говорит:

— И стал бы плохо, неметко стрелять в фашистов.

Мать с улыбкой глядит на своего сына.

— Вы правильно *поступили*, — бормочу я и с волнением смотрю на маленькую худенькую женщину.

Теперь выслушайте вторую историю письма, посланного на фронт.

В Ветлуге проживает молодая женщина. У нее маленький ребенок. Муж ее на фронте.

И вот однажды муж получает письмо из Ветлуги, В письме говорится, что жена неверна ему.

Мы не знаем, кому и с какой целью понадобилось написать такое письмецо. Но оно было написано, послано и, так сказать, возымело свое действие. Возмущенный и взволнованный муж написал своей жене, что она «разбила его счастье» и поэтому между

ними все кончено, он не считает ее своей женой и просит не беспокоить его письмами.

Встревоженная и огорченная жена пишет письмо за письмом, но ответа не получает.

Пролито немало слез. И наконец, молодая женщина решает обратиться к общественности за помощью. Перед нами ее письмо, посланное в редакцию газеты. Вот что в нем говорится:

«...Это неправда, то, что написали моему мужу. Это клевета, ложь. Ведь я люблю его и ни о ком другом не думаю. Я даже не хожу в кино. Я только воспитываю сына и жду встречи с мужем... Дорогой редактор, напишите статью о моей любви к моему мужу! Передайте ее по радио. Пусть он услышит, как я его люблю.

Я не обижаюсь на него, что он мог так подумать обо мне. Я твердо надеюсь на встречу. И свято храню нашу любовь. Так напишите же ему, что я все та же жена Танюша, которая, что бы ни случилось с ним на фронте, примет его с радостью и любовью.

Передайте ему, чтобы он поскорее присылал мне прежние письма, с любовью и заботой...»

Нет, такое письмо не могла бы написать женщина, которая провинилась, — это искреннее и чистое письмо.

Снова говорим — мы не знаем, какой черной душе понадобилось послать на фронт грязную клевету. Ведь эта клевета оказалась хуже вражеского снаряда. Она произвела два взрыва — в тылу и на фронте. Она разбила семью. Она заставила плакать, заставила страдать, волноваться. Быть может, многие дни опечаленный муж находился в унынии и поэтому, как отлично сказал Вася, «плохо, неметко стрелял в фашистов».

И в свете первого письма — письмо, посланное на фронт каким-то подленьким человечком, кажется еще более мерзким, еще более отвратительным.

Не дело, что муж, ослепленный клеветой, рвет отношения со своей семьей. Против клеветы следует обороняться — разумом, логикой и той искренностью, какую мы видим в письме бедной Танюши.

ВНИМАНИЕ — ЛЮДИ!

Примерно за год до войны произошло нижеследующее происшествие. На одной из ленинградских улиц машина сбила прохожего. Он упал и остался лежать возле панели. Машина ушла.

Некоторое время спустя прохожие, увидев лежащего, решили, что он пьян. Была суббота. Вечер. И такие легкие мысли могли, допустим, возникнуть.

Позвали милиционера. И тот отправил «пьяного» в вытрезвитель. Может быть, даже потер ему уши, чтобы привести в должный вид.

И только под утро выяснилась вся картина.

Ошибка, недоразумение. Но весьма досадная ошибка. Весьма досадное недоразумение. Ибо за этой ошибкой — невнимательное, небрежное, бездушное отношение к человеку.

Такой пример указывает, что в каждом отдельном случае надлежит подходить к человеку с особым вниманием. И надлежит поступать не по шаблону (валяется, значит — пьян), а всякий раз индивидуально.

Приведу еще один случай, опубликованный в свое время в калужской газете.

Колхозница Р. получила из больницы извещение о смерти своего мужа. Администрация больницы просила ее приехать за умершим.

Р. приехала в больницу. Но там ей показалось, что умерший не похож на ее мужа. Свои сомнения она высказала администрации. Но старшая медицинская сестра сказала: «Науке вполне известны такие факты, когда человек после своей смерти слишком меняется и делается непохожим на себя. Бывает даже, что он становится меньше ростом, что вы наглядно и видите на данном примере».

Поплакав, Р. положила в сани тело мужа и вернулась в свое село. Однако дома ее сомнения усилились.

Р. вернулась в больницу. Во время объяснения со старшей сестрой Р. увидела в окне своего мужа. Он, живехонький, сидел на койке и глядел во двор.

В общем, дело разъяснилось. Оказалось недоразумение. Умер сосед по койке, а в канцелярии случайно отметили факт смерти не в том листке.

Мы снова видим ошибку, недоразумение, оплошность. Причем ошибку в таком деле, в каком не должно быть ошибок. Это же не шутка, не пустяк — отметить, что человек умер, в то время, когда он жив. Этот пример показывает, что надо семь раз проверить, прежде чем начертать ответственные слова, относящиеся к человеку.

Следует сказать, что по сие время иной раз встречается такая небрежность, невнимательность, легкость в мыслях в тех делах, в которых требуется сугубая точность.

Общий отдел Красногвардейского исполкома в Ленинграде сообщает бойцу в ответ на его запрос о судьбе семьи: «Ваша жена и сестра умерли в 1942 году». Оказалось, что сестра жива. Она была эвакуирована из Ленинграда.

Красноармеец Иванов просил сообщить ему, где находится его мать. Отдел отвечает: «Мать умерла, а вещи все раскрадены».

Иванов не запрашивал о вещах. Тем не менее отвечающий счел своей обязанностью помянуть и такую деликатную деталь, отметив при этом, что вещи не пропали, а именно раскрадены. Быть может,

он хотел внести успокоение, хотел, чтобы Иванов перестал тревожиться о вещах, поскольку их уже нет.

Дальнейшее показало, что мать Иванова жива и вещи целы.

Можно себе представить, какую печаль испытал товарищ Иванов, получив первое извещение!

Ответы следует тщательно проверять. И писать их следует культурной, грамотной рукой. Не годится, например, что военнослужащий Скворцов получил такой ответ на свой запрос о семье: «По указанному адресу дом сломан».

Ошибочные, небрежные, неточные, легкомысленные ответы говорят прежде всего о непродуманном, невнимательном отношении к человеку.

И такого рода примеры тем более досадны, что рядом с ними мы все чаще и чаще видим примеры внимания, заботы, предупредительности, которая волнует и глубоко радует.

Перед нами письма, адресованные ленинградской городской милиции. Они написаны в знак благодарности за бережное и трогательное отношение к детям.

Надо сказать, что ленинградская милиция сделала в этом отношении немалое дело. В тяжелый период 1941—43 годов милиция подбирала на улицах ребят, кормила их, заботилась о них. Более трех тысяч детей возвращено родителям.

При милиции был организован специальный детский адресный стол, на учете которого состоят тридцать две тысячи ребят.

Со всех концов Союза идут письма в адрес этого стола. Один из бойцов пишет:

«От всей души приношу благодарность за проявление внимания... Если бы вы знали, как это помогает бить фашистов».

Нет сомнения, чуткое отношение к людям вливает в них силу, энергию, радость. И они в свою очередь становятся внимательны и проявляют заботу и бережное отношение к окружающим.

ЗАТЕМНЕНИЕ В НОВО-АННЕНСКОМ

О загсах у нас писали немало. Пожалуй, нет фельетониста, который не пробовал своих сил на загсовскую тему. На эту тему и с моего грешного пера сошло в свое время не менее шести фельетонов.

Понятно. Естественно. Всем желательно, чтобы немаловажные акты гражданского состояния (и в особенности бракосочетание) проходили по-человечески, хорошо. И чтобы в помещении было чистенько. И чтобы к жениху отнеслись культурно. И чтобы невеста осталась довольна происходящим.

А поскольку иной раз оного не случается, то вот и понятна та горечь, которая возникала, когда речь заходила о загсах.

Надо сказать, однако, что фельетонисты в особенности поче-

му-то налегали на будничную обстановку в загсах, на унылый канцелярский стиль и на отсутствие торжественности при записи браков.

Конечно, некоторая торжественность тут желательна, но придумывать что-нибудь такое исключительное, по-моему, не приходится. По-моему, лишнее, если при регистрации будет греметь духовой оркестр или если невесте будут преподносить коробку конфет. Кушать конфеты и слушать музыку можно, вообще говоря, и потом.

В общем, немало горьких слов было произнесено по адресу загсов. И слова эти, как теперь выясняется, находили живейший отклик в душе тов. Ильина, инструктора райбюро загса Ново-Анненского района (Сталинградская область).

Ему тоже казалось, что записи совершаются слишком уж буднично, заурядно и ничего не оставляют в сердцах жениха и невесты.

И вот пришла ему простая, в сущности, мысль, — устраивать торжественные митинги перед записью. Такая простая, как мычание, мысль взволновала инструктора. Ему вдруг показалось, что именно этого и не хватает при регистрации браков.

Сам он, конечно, не посмел на свой страх и риск вводить такое начинание. Он сходил в райисполком и там тщательно проконсультировался.

В райисполкоме уважительно отнеслись к идее инструктора. Зам. предисполкома тов.Чернышев несколько даже развил идею, уточнив ее в некоторых деталях. Он сказал: такой торжественности не будет, если митинги устраивать вдвоем в полутемном загсе. Нет, уж лучше жениха и невесту подводить прямо к зданию райисполкома, и тогда в ненастную погоду я буду сам произносить речь из окна, а когда сухо, я буду влезать на грузовик с тем, чтобы, стоя, произнести то, что нужно.

Воодушевленный горячей поддержкой, инструктор Ильин вернулся в свой загс и стал хлопотать, чтобы поскорее что-нибудь было.

Нет, мы, конечно, не знаем, какие мысли посещали инструктора в те дни, решающие судьбу загса. Но можно допустить, что ему уже мерещилась какая-нибудь медаль, отлитая в честь его изобретения, какая-нибудь хотя бы цинковая медаль со скромной, но выразительной надписью: «За усердие не по разуму». В общем, скоро состоялась первая и, так сказать, показательная свадьба.

По центральной улице поселка с грохотом промчалось несколько подвод и автомобилей, разукрашенных ленточками и цветами.

У здания райисполкома свадебный поезд остановился.

На крыльцо вышел тов. Чернышев. (Заметьте — дождя не было.) Он влез на грузовик и произнес краткую речь, в которой, между прочим, сказал:

— Торжественный митинг по случаю бракосочетания гражданина Н. и гражданки НН. считаю открытым.

Грянул духовой оркестр. И тут один за другим стали выступать ораторы, произнося соответствующие речи.

Нет, мы не знаем, как чувствовали себя жених и невеста. И не знаем, участвовал ли жених в словопрениях. Или он стыдливо сидел в грузовике, утешая свою невесту тем, что вся «эта музыка», вероятно, скоро кончится. Нет у нас сведений также и о мальчишках. Надо полагать, что они тоже понапезли в грузовик и своим поведением внесли в торжество свою долю шума и грохота.

Известно только, что сам председатель райисполкома на улицу не вышел. Стоя у открытого окна, он со снисходительной улыбкой взирал на происходящее, аплодируя по временам тому или иному оратору.

Наконец, утомленного жениха и не менее утомленную невесту повезли в загс.

Было бы крайне обидно инструктору, если бы торжественная часть произошла только у здания райисполкома. Поэтому, привезя жениха и невесту в загс, инструктор открыл тут второй торжественный митинг, что ему вполне удалось, так как при записи присутствовали представители различных организаций.

Сам инструктор взял слово только лишь в самом конце. Он произнес прочувствованную речь, которую заключил словами:

— Именем закона объявляю брак вступившим в силу.

Засим все вышли на улицу. И тут состоялся уже, так сказать, летучий митинг, на который подоспел и сам тов. Чернышев. Причем, заключая торжество, он сказал:

— От своего имени, а также имени местной советской власти приветствую новообрученных. Пожелаем же им счастливой жизни.

Тут снова грянул духовой оркестр и новообрученных повезли куда-то, я не знаю, еще.

Нет, все это, пожалуй, даже трогательно, и во всем этом есть сердечное желание сделать все получше, покрасивее. Но получилось все, к сожалению, наоборот.

Мы не против того, чтобы браки совершались торжественно. Но такое торжество, какое предложил инструктор, это уж, знаете ли, слишком. Это уж ни к чему...

ЗОЛОТАЯ КОРОВА

Весьма сожалею, что наш маленький фельетон приходится озаглавить столь скромно и невыразительно: «Золотая корова». Более яркие заглавия, как, например, «Золотой осел» и «Золотой теленок», были уже использованы нашими предшественниками.

А впрочем, и такое заглавие годится, тем паче, что речь пойдет главным образом о коровах и только лишь частично о телятах.

Жизнь коров, как известно, страхуют. И владелец коровы получает от Госстраха премию, если корова его погибнет преждевременно. Я не знаю, какова премия, которую выплачивали в Киргизии. Во всяком случае, начальник джалал-абадской конторы Киргизстраха тов. Мартыщенко не был доволен ее размерами. Говорят, он сетовал на то, что на премию нельзя купить корову по рыночной цене.

Тов. Мартыщенко самовольно определил новый размер премии — в двадцать тысяч. И в районах стали заново страховать коров, мотивируя их высокую цену особой молочной продуктивностью и племенными качествами. Узнав об этом новаторстве, Киргизстрах сделал тов. Мартыщенко выговор. Вмешались и другие организации, кои указали: не делать сего впредь.

Неизвестно, как на тов. Мартыщенко подействовали указания. Известно только, что семена, брошенные его щедрой рукой, дали изумительные всходы. Встрепенулись любители легкой наживы. Едва только человек застрахует свою корову, а она уже, как говорится, дышит на ладан и вскоре околевает, к великой радости своего владельца.

В Базар-Курганском районе, выполняя установки своего начальника, страховой инспектор довел премию чуть ли не до тридцати тысяч. Сумма эта оказалась роковой для многих коров. У Искандарова Мамыкая корова, как означено в акте, «отравилась неизвестным ядом». На поверку же вышло, что корова жива, а погиб во цвете лет ее невинный теленок. За оного теленка Искандаров и собирался получить свои двадцать-тридцать тысяч.

Некто Рахимов Хаджимат почему-то решил, что Госстрах выплачивает буквально за каждую зарезанную корову. И с этими мыслями Рахимов в один прекрасный день прирезал свою буренку. Мясо он продал на базаре, а шкуру приложил к заявлению о выплате ему означенной суммы. И заявление вручил райстрахинспектору!

В общем, за короткое время областная контора Госстраха выплатила страховых премий за коров свыше четверти миллиона рублей.

Еще хорошо, что тов. Мартыщенко работает только в областном масштабе. А если бы он действовал в масштабе всей Киргизии? Каково пришлось бы киргизским коровам?

ОПАСНОЕ ЛЕКАРСТВО

Интересно отметить, что водка появилась сравнительно недавно — шестьсот лет назад. Причем она появилась в качестве лекарства.

Врачи прописывали ее слабым больным для поднятия душевной

бодрости, а также с профилактической целью — против чумы и холеры.

Причем прописывали ее помалу, как это и полагается в медицине, — по столовой ложке два раза в день.

Но вскоре больные сами увидели, что это такое. И в короткое время опрокинули, как говорится, все медицинские нормы. Уже столовые ложки их стали не удовлетворять. Уже родственники и врачи стали замечать, что больные тянут лекарство прямо из пузырька, прямо из горлышка. Причем шумят и требуют закуски.

И это был опасный поворот в истории человеческой жизни, когда больные обнаружили вдруг такое исключительное внимание к своему лекарству.

Главное, с другими лекарствами этого не случалось. Нашатырно-анисовые капли как были каплями, так ими и остались. Больные к ним не пристрастились. А с этим лекарством произошло что-то особенное. И даже в дальнейшем случилась просто неразбериха. Уже это лекарство стали пить почему-то здоровые. А больных снова посадили на диету, сказав, что это лекарство им неполезно.

И теперь водка как лекарственное понятие совершенно исчезла из человеческой памяти. Единственным напоминанием остается восклицание: «Будьте здоровы», — что произносят здоровые люди теперь перед тем, как выпить.

Впрочем, справедливость требует отметить, что и в настоящее время находятся слабые люди, которые не прочь отнестись к водке как к медицинскому пособию — «для храбрости», «для поднятия душевной бодрости». Однако положительные результаты от такого лечения слишком сомнительны. И особенно сомнительны в области театрального искусства.

Артист, находясь «под мухой», как правило, играет ненатурально, переигрывает, суетится, кричит.

Короче говоря, вот какое печальное происшествие случилось в одном морском клубе.

Сейчас, как известно, проходит смотр художественной самодеятельности. И вот одно учреждение подготовило отличную программу. У них был свой оркестр, хор. Прекрасный баянист. Поэты.

В зале собралось много народа. В гости пришли рабочие и работницы судоремонтных мастерских. В первых рядах сидело начальство. В общем — большой торжественный вечер. И вот один из участников самодеятельности, некто Т., перед поднятием занавеса почувствовал душевное волнение. Решил «для храбрости» выпить. Достал водки. Выпил.

Тут подошел его номер — «Ритмический танец». Заиграла музыка. Отличный танцор, он на этот раз ничего не мог показать из своих творческих достижений. С первых же тактов полностью разошелся со своим партнером. И, кое-как дотанцевав, удалился под смех публики.

За кулисами он стал готовиться к новому номеру. Выпил уже «для поднятия творческого настроения».

Вышел на сцену танцевать «Яблочко». И тут снова разошелся со своим партнером. На этот раз уже с тремя.

В мрачном настроении артист удалился за кулисы. Решил еще выпить. Уже «с горя». Тут подошел третий его номер — белорусский танец «Лявониха».

На беду в этом танце участвовало восемь человек. Наш герой сразу же запутался среди них. Стал соваться не к тем партнерам, внес замешательство в их ряды, стал хвататься за декорации. Его не без труда увели со сцены.

А предстояло еще играть в скетче. Прибегают устроители и видят, что играть он не может — на голову надевает брюки, а на ноги тельняшку. Но при этом хорохорится. «Сейчас, говорит, переоденусь и сыграю в лучшем виде».

Но тут, к счастью, оказалось, что его партнер по скетчу тоже «не в себе». И поэтому скетч сняли с программы.

Вот теперь и рассудите, полезно ли для театрального искусства прибегать к такого рода «лекарствам».

Нет, выпивка перед поднятием занавеса просто возмутительна. А если еще учесть, что происходил смотр художественной самодеятельности, то выпивать, хотя бы и для храбрости, — это просто свинство.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЕЗЬЯНЫ

В одном городе на юге был зоологический сад. Небольшой зоологический сад, в котором находились — один тигр, два крокодила, три змеи, зебра, страус и одна обезьяна, или, попросту говоря, мартышка. И, конечно, разная мелочь — птички, рыбки, лягушки и прочая незначительная чепуха из мира животных.

В начале войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологический сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском. Всем зверям на удивленье.

Причем были убиты три змеи — все сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжелым фактом, и, к сожалению, страус.

Другие же звери не пострадали, и, как говорится, только лишь отделались испугом.

Из всех зверей больше всего была перепугана обезьяна-мартышка. Ее клетку опрокинуло воздушной волной. Эта клетка упала со своего возвышения. Боковая стенка сломалась. И наша обезьяна выпала из клетки прямо на дорожку сада.

Она выпала на дорожку, но не осталась лежать неподвижной по примеру людей, привыкших к военным действиям. Наоборот. Она тотчас влезла на дерево. Оттуда прыгнула на забор. С забора на улицу. И, как угорелая, побежала.

Бежит и, наверно, думает: «Э, нет, думает, если тут бомбы кидают, то я не согласна». И, значит, что есть силы бежит по улицам города. И до того шибко бежит, будто ее собаки за пятки хватают.

Пробежала она через весь город. Выбежала на шоссе. И бежит по этому шоссе прочь от города. Ну — обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городе.

Бежала, бежала и устала. Переутомилась. Влезла на дерево. Съела муху для подкрепления сил. И еще пару червячков. И заснула на ветке, там, где сидела.

А в это время ехала по дороге военная машина. Шофер увидел обезьяну на дереве. Удивился. Тихонько подкрался к ней. Накрыл ее своей шинелькой. И посадил в свою машину. Подумал: «Лучше я ее подарю каким-нибудь своим знакомым, чем она тут погибнет от голода, холода и других лишений военного времени». И, значит, поехал вместе с обезьяной.

Приехал в город Борисов. Пошел по своим служебным делам. А мартышку в машине оставил. Сказал ей:

— Подожди меня тут, милочка. Сейчас вернусь.

Но мартышка не стала ждать. Она вылезла из машины через разбитое стекло и пошла себе по улицам гулять.

И вот идет она по улице как миленькая. Гуляет, прохаживается, задрав хвост. Народ, конечно, удивляется, хочет ее поймать. Но поймать ее не так-то легко. Она живая, проворная, бегает быстро. Так что ее не поймали, а только замучили напрасной беготней.

Замучилась она, устала и, конечно, кушать захотела.

А в городе где она может покушать? На улицах ничего такого съедобного нет. Не может же она со своим хвостом в столовую зайти. Или в кооператив. Тем более — денег у нее нет. Скидки нет. Продуктовых карточек она не имеет. Кошмар.

Все-таки она зашла в один кооператив. Почувствовала, что там что-то имеется. А там отпускали населению овощи — морковку, брюкву и огурцы.

Заскочила она в этот магазин. Видит — большая очередь. Нет, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтоб пробиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добежала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почем стоит кило морковки. А просто схватила целый пучок морковки и, как говорится, была такова. Выбежала из магазина, довольная своей покупкой. Ну — обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствия.

Конечно, в магазине шум произошел, гам, переполох. Публика закричала. Продавщица, которая вешала брюкву, та вообще чуть в обморок не грохнулась от неожиданности. И, действительно, можно напугаться, если вдруг рядом, вместо обычного, нормаль-

ного покупателя, скачет что-то такое мохнатое, с хвостом. И еще, вдобавок, денег не платит.

Публика бросилась за обезьяной на улицу. А та бежит и на ходу морковку жует, кушает. Не понимает, что к чему.

И вот впереди всех бегут мальчишки. За ними взрослые. А позади бежит милиционер и дует в свой свисток.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочила собака. И тоже погналась за нашей мартышкой. Притом, такая нахалка, не только тявкает и лает, а прямо-таки норовит схватить обезьяну своими зубами.

Наша мартышка побежала быстрей. Бежит и, наверно, думает: «Эх, думает, зря покинула зоосад. В клетке спокойнее дышится. Непременно вернусь в зоосад при первой возможности».

И вот бежит она что есть мочи, но собака не отстает и вот-вот хочет ее схватить.

И тогда наша обезьяна вскочила на какой-то забор. И когда собака подпрыгнула, чтоб схватить мартышку хотя бы за ногу, та со всей своей силой ударила ее морковкой по носу. И до того больно ударила, что собака завизжала и побежала домой со своим разбитым носом. Наверно, подумала: «Нет, граждане, лучше я буду спокойно дома лежать, чем ловить вам обезьяну и испытывать такие неприятности».

Короче говоря, собака убежала, а наша обезьяна прыгнула во двор.

А во дворе в это время колол дрова один мальчик, подросток, некто Алеша Попов.

Вот он колет дрова и вдруг видит обезьяну. А он очень любил обезьян. И всю жизнь мечтал иметь при себе какую-нибудь такую обезьянку. И вдруг — пожалуйста.

Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забилась в угол на лестнице.

Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьяна была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее невзлюбила. Она накричала на мартышку и даже хотела ударить ее по лапе. Все из-за того, что, когда пили чай и бабушка положила свою откусанную конфету на блюдечко, обезьяна схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну — обезьяна. Не человек. Тот если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствии бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез.

Бабушка сказала:

— Вообще, это крайне неприятно, когда в квартире живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловеческим видом. Будет прыгать на меня в темноте. Будет кушать мои конфеты. Нет, я категорически отказываюсь жить в одной квартире с обезьяной. Кто-нибудь из нас двоих должен находиться в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти

в зоологический сад? Нет, уж пусть лучше она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартире.

Алеша сказал своей бабушке:

— Нет, бабушка, вам не надо переходить в зоосад. Я вам гарантирую, что мартышка больше ничего у вас не съест. Я ее воспитаю, как человека. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолке. Оттуда, конечно, она может прыгнуть вам на голову. Но вы, главное, не пугайтесь, если что произойдет. Потому что это всего лишь безобидная обезьяна, привыкшая в Африке прыгать и скакать,

На другой день Алеша ушел в школу. И попросил свою бабушку присмотреть за обезьяной. Но бабушка не стала за ней смотреть. Она подумала: «Вот еще, стану я смотреть за всяким чудовищем». И с этими мыслями бабушка взяла и нарочно заснула в кресле.

И тогда наша обезьяна вылезла через открытую форточку на улицу. И пошла себе по солнечной стороне. Неизвестно — может быть, она прогуляться хотела, но, может быть, и решила снова заглянуть в магазин, чтоб там что-нибудь себе купить. Не на деньги, а так.

А по улице проходил в это время один старик. Инвалид Гаврилыч. Он шел в баню и в руках нес большую корзинку, в которой лежало мыло и белье.

Он увидел обезьяну и сначала даже не поверил своим глазам, что это обезьяна. Он подумал, что это ему показалось, поскольку перед этим он выпил кружку пива.

Вот он с удивлением смотрит на обезьяну. И та на него смотрит. Может быть, думает: «Это еще что за чучело с корзинкой в руках?»

Наконец Гаврилыч понял, что эта настоящая обезьяна, а не воображаемая. И тогда он подумал: «Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива». И с этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая: «Кыс, кыс, кыс... подойди сюда».

Нет, он знал, что это не кошка, но он не понимал, на каком языке с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из мира зверей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьяне и сказал ей, поклонившись:

— Красавица мартышка, не желаете ли скушать кусочек сахара?

Та говорит: «Пожалуйста, желаю...» То есть вообще-то она ничего не сказала, потому что она говорить не умеет. Но она просто подошла, схватила этот кусочек сахара и стала его кушать.

Гаврилыч взял ее на руки и посадил в свою корзинку. А в корзинке было тепло и уютно. И наша мартышка не стала оттуда

выскакивать. Быть может, она подумала: «Пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинке. Это даже интересно».

Сначала Гаврилыч думал отнести ее домой. Но потом ему не захотелось домой возвращаться. И он пошел с обезьянкой в баню. Подумал: «Еще и лучше, что я с ней в баню схожу. Я там ее вымою. Она будет чистенькая, приятненькая. На шею ей бантик привяжу. И мне за нее на рынке дороже дадут».

И вот он со своей мартышкой пришел в баню. И стал с нею мыться.

А в бане было очень жарко — прямо как в Африке. И наша мартышка была очень довольна такой теплой атмосферой. Но не совсем. Потому что Гаврилыч намылил ее мылом, и мыло попало в рот. Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтоб кричать, царапаться и отказываться мыться. В общем, наша мартышка стала плеваться, но тут мыло попало ей в глаз. И от этого мартышка совершенно обезумела. Она укусила Гаврилыча за палец, вырвалась из его рук и, как угорелая, выскочила из бани.

Она выскочила в ту комнату, где раздевались люди. И там она всех перепугала. Никто же не знал, что это — обезьяна. Видят — выскочило что-то такое круглое, белое, в пене. Кинулось сначала на диван. Потом на печку. С печки на ящик. С ящика кому-то на голову. И снова на печку.

Некоторые нервные посетители закричали и стали выбегать из бани. И наша обезьяна тоже выбежала. И спустилась вниз по лестнице.

А там, внизу, находилась касса с окошечком. Обезьяна прыгнула в это окошечко, думая, что там ей будет спокойней и, главное, не будет такой суеты и толкотни. Но в кассе сидела толстая кассирша, которая ахнула и завизжала. И выбежала из кассы с криком:

— Караул! Кажется, бомба попала в мою кассу! Накапайте мне валерианки!

Нашей мартышке надоели все эти крики. Она выскочила из кассы и побежала по улице.

И вот бежит она по улице, вся мокрая, в мыльной пене. А за ней снова бегут люди. Впереди всех мальчишки. За ними взрослые. А за взрослыми милиционер. А за милиционером наш престарелый Гаврилыч, кое-как одетый, с сапогами в руках.

Но тут снова, откуда ни возьмись, выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась.

Но собака на этот раз не погналась за ней. Собака только посмотрела на бегущую обезьяну, почувствовала сильную боль в носу и не побежала, даже отвернулась.

А в это время наш мальчик, Алеша Попов, вернувшись из школы, не нашел дома своей любимой обезьянки. Он очень огорчился. И даже слезы показались на его глазах. Он подумал, что

теперь уже никогда больше он не увидит своей славной обожаемой обезьянки.

И вот от скуки и грусти он вышел на улицу. Идет по улице меланхоличный такой. И вдруг видит — бегут люди. Нет, сначала он не подумал, что они бегут за его обезьяной. Он подумал, что они бегут благодаря воздушной тревоге. Но тут он увидел свою обезьянку, всю мокрую, в мыле. Он бросился к ней. Схватил ее на руки. И прижал к себе, чтоб никому ее не отдавать.

И тогда все бегущие люди остановились и окружили мальчика.

Но тут из толпы вышел наш престарелый Гаврилыч. И, всем показывая свой укушенный палец, сказал:

— Граждане, не велите этому парнишке брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынке. Это моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните все на этот мой распухший палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду.

Мальчик Алеша Попов сказал:

— Нет, это моя обезьяна. Видите, с какой охотой она пошла ко мне на руки. И это тоже доказательство того, что я говорю правду.

Но тут из толпы выходит еще один человек — тот самый шофер, который привез обезьяну в своей машине. Он говорит:

— Нет, уважаемые, это не ваша и не ваша обезьяна. Это моя мартышка, потому что я ее привез. Но я снова уезжаю в свою воинскую часть и поэтому я подарю обезьяну тому, кто ее так любовно держит в своих руках, а не тому, кто хочет ее безжалостно на рынке продать ради своей выпивки. Обезьяна принадлежит мальчику.

И тут вся публика захлопала в ладоши. И Алеша Попов, сияющий от счастья, еще крепче прижал к себе обезьяну. И торжественно понес ее домой.

Гаврилыч же со своим укушенным пальцем пошел в баню домываться.

И вот с тех пор обезьяна стала жить у мальчика Алеши Попова. Она и сейчас у него живет. Недавно я ездил в город Борисов. И нарочно зашел к Алеше — посмотреть, как там она у него живет. О, она хорошо живет! Она никуда не убегает. Стала очень послушной. Нос вытирает носовым платком. И чужих конфет не берет. Так что бабушка теперь очень довольна, не сердится на нее и уж больше не хочет переходить в зоологический сад.

Когда я вошел в комнату к Алеше, обезьяна сидела за столом. Она сидела важная такая, как кассирша в кино. И чайной ложкой кушала рисовую кашу.

Алеша сказал мне:

— Я воспитал ее, как человека, и теперь все дети и даже отчасти взрослые могут брать с нее пример.

ЭПИЛОГ

Александр Галич

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Памяти М. М. Зощенко

В матершинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика,
А когда просыпалась, глаза ее жуткие
Выражали почти человечью отчаянность,
А шарманка дудела про сопки маньчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень печалилась...

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

Были и у Томки трали-вали,
И не Томкой — Томочкою звали,
Целовалась с миленьким в осоке,
И не пивом пахло, а апрелем...
Может быть, и впрямь, на той высотке
Сгинул он, порубан и пострелян...

Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

А последний шарманщик — «обломок империи» —
Все пылил перед Томкой павлиньими перьями,
Он выламывал, шкура, замашки буржуйские:
То, мол, теплое пиво, то мясо прохладное!
А шарманка дудела про сопки маньчжурские,
И спала на плече обезьянка прокатная.

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

И делясь тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами,
А шарманщик ел, зараза, хаши,
Алкашам подмигивал прелестно:

Дескать, деньги ваши — будут наши,
Дескать, вам приятно — мне полезно!

На сопках маньчжурских воины спят,
И русских не слышно слез...

А часов этак в десять, а может, и ранее,
Непонятный чудак появился в шалмании.
Был похож он на вдруг постаревшего мальчика.
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чудака — всенародно — обманщиком!

Пусть гаолян
Навеет вам сладкие сны...

Сел чудак за стол и вжался в угол,
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнет немного,
Помолчав, добавил напряженно:
«Если есть боржом, то, ради бога,
Дайте мне бутылочку боржома...»

Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

Обезьянка проснулась, тихонько зацокала,
Загляделась на гостя, присевшего около,
А Тамарка-буфетчица — сука рублевая,
Покачала смущенно прическою пегою
И сказала: «Пардон, но у нас не столовая,
Только вы обождите, я на угол сбегаю...»

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

А чудак глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал: «Запомнишь?»
И она кивала: «Да, запомню».

Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

Отодвинул шарманщик шарманку ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной бутылкою —
И сама налила чудаку полстаканчика
(Не знавали в шалмане подобные почести).
А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: «Играй, — человек в одиночестве».

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи лапками шуршати.
Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута —
Непонятное — чужое — лихо
Стало общим лихом почему-то!

На сопках маньчжурских воины спят,
И русских не слышно слез...

Не взрывалось молчанье — ни матом, ни брехами,
Обезьянка сипела спаленными бронхами,
А шарманщик, забыв трепотню свою барскую,
Сам назначил себе — мол, играй да помалкивай...
И почти что неслышно сказав: «Благодарствую»,
Наклонился чудак над рукою Тамаркиной...

Пусть гаолян
Навеет вам сладкие сны...

И ушел чудак, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи...
...Вот какая странная эпоха —
Не горим в огне и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо —
Человеку было много хуже!

Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

КОММЕНТАРИЙ И ДОПОЛНЕНИЯ

Структура и характер раздела определяются тремя моментами: принципом составления тома, возникшими в связи с ним текстологическими задачами и особенностями публикаций произведений М. М. Зощенко.

Как уже сказано в предисловии, читатель нынешний и тот, кому очередной номер журнала или газеты только что опустили в почтовый ящик в любом из давно минувших годов — будь это в двадцать третьем, тридцать пятом, сорок шестом, уравнены: перед ними один и тот же текст. Потом писатель будет его править, сокращать, дополнять, иногда вовсе переиначивать, возвращаясь к некоторым рассказам и фельетонам по нескольку раз. Но пока — вот он, нетронутый свидетель своей эпохи, частица прошлого, перенесенная в настоящее в первозданном виде.

Не завидую текстологам, которые станут заниматься подготовкой академического собрания сочинений писателя (надежда на него, правда, слабая, все же существует). Им придется вести длительные изыскания и раскаленные дискуссии, чтобы договориться, что счесть каноническим, а что — отнести в варианты. Здесь одним простеньким рассуждением об авторской воле, учитывая издательскую и цензурную ситуацию двадцатых — пятидесятых годов, никак не обойтись. Моя же задача полегче: дать читателю общее представление о метаморфозах текста. Поэтому в комментарии я, как правило, рассказываю лишь об основных изменениях и привожу только наиболее выразительные фрагменты позднейших редакций. Сразу же оговорюсь: кроме одного случая, я не обращался к рукописям, основной массив которых хранится в ИРЛИ (Пушкинском доме) в Ленинграде.

Том выстроен по хронологии. Она соблюдена внутри каждой его части. Разумеется, не обошлось без отступлений. Прежде всего это связано с традиционным стремлением сохранить жанровое единство там, где оно несомненно. Но не только. Вынося на первое место пародии, охватывающие пятилетие, чтобы затем возвратиться к самому началу, я руководствовался соображением о том, что они, учитывая привкус пародийности, явственно ощущаемый в стилистике Зощенко, служат своего рода камертоном его творчества, особенно в двадцатые годы. Представлялось целесообразным и несколько нарушить временную последовательность в размещении материала, сначала без перебивок представив один род пародий — «персональный», а затем показав купно другой — «жанровый». Думаю, понятна и причина отнесения драматургических опусов к рубежу между тридцатыми и сороковыми годами: разделение одноактных комедий

по годам написания, разбросанным по всему десятилетию, нарушило бы целостность восприятия.

Зощенко работал много, очень много. Нередко в одном номере журнала помещались несколько его вещей, что наиболее характерно для первого десятилетия писательской деятельности. Это, а также то, что периодика выходила порой не слишком регулярно, что издания, в которых он сотрудничал, начинали свое существование в середине или даже в конце года, заставило, чтобы сохранить четкость хронологии, обязательно указывать в библиографической справке месяц, иногда, если оно имелось, число выхода в свет каждого номера и страницу, на которой напечатан материал.

В тех случаях, когда под ним стоит подлинное имя — Зощенко, М. Зощенко, чаще всего Мих. Зощенко, этот пункт в справке опускается, во всех остальных — называется псевдоним или же отмечается отсутствие подписи (Б. п.).

Вообще, библиографии уделяется повышенное внимание. Она у Зощенко весьма не проста, а иногда и запутана. Это связано главным образом с тем, что многие рассказы, фельетоны и сатирические заметки разного содержания озаглавливались им одинаково, что в его сборниках одно и то же произведение часто меняло названия, и, наконец, с передачей заголовка какого-либо сочинения — другому. Все это пришлось фиксировать в комментарии. Кроме того, я постарался учесть все прижизненные публикации произведений, входящих в том, и перечислить посмертные перепечатки их в периодике. Но здесь мне трудно ручаться за полноту сведений, ибо соответствующей библиографической службы у нас, увы, не существует, а Зощенко, бывает, печатали и печатают сейчас самые неожиданные издания.

Мною просмотрены несколько тысяч номеров газет и журналов, где сотрудничал или мог сотрудничать писатель. Однако это не был все же сквозной, тотальный просмотр периодики такого рода. Поэтому несколько рассказов и фельетонов, первые публикации которых обнаружить не довелось, печатаются по самым ранним текстам сборников Зощенко. Если они датированы автором (хотя, как показывает опыт, на это не всегда можно полагаться), то такие материалы печатаются в конце подборки за соответствующий год. Если же подобного указания нет, то — с большой долей условности, *конечно*, — в конце подборки того года, когда сборник увидел свет.

Немало проблем возникло в связи с пунктуационными особенностями зощенковского письма, достаточно своеобразного. Дело осложнялось еще тем, что в журналах двадцатых годов и ряде книг, включая первое собрание сочинений Зощенко (1929—1932), правила соблюдались далеко не с пуристской строгостью. К тому же в каждом издании — в зависимости от склонностей и степени грамотности редакторов и корректоров — расставляли знаки препинания по-своему. Поэтому утверждать во всех случаях, что писатель сам именно так и применил тире, двоеточие, систему запятых, я бы поостерегся. В общем, пришлось приводить пунктуацию к современным нормам, оберегая, однако, наиболее устойчивые, несомненно ав-

торские приемы. Главный из них — отсутствие двух тире, выделяющих глаголы речи, если они не сопровождаются авторскими словами. Примеры: «Я, отвечает, пятьдесят лет на свете живу. Глаз, говорит, у меня наметанный...»; или — «Неси, говорю, курицын сын...» Кроме того, пусть это и не вписывается в правила, сохраняется авторская пунктуация, определяющая интонационный строй речи — неожиданность паузы, повышение или понижение голоса и тому подобное.

Помимо комментария в этот раздел включаются — по соответствующим поводам — тексты Зощенко, не нашедшие места в основном корпусе тома, что позволяет глубже понять умонастроения писателя, его творческие принципы, историю того или иного произведения.

В заключение хочу поблагодарить тех, кто помог мне материалами для работы: научного сотрудника Государственного Литературного музея З. Г. Годович, известных московских библиофилов — доцента МВТУ им. Баумана Э. П. Казанджана и библиографа В. И. Якубовича. Не менее обязан я и ЦГАЛИ, прежде всего — любезному содействию его директора Н. Б. Волковой.

Привожу список книг Зощенко, ссылки на которые даются в сокращениях двоякого рода: в библиографической справке указывается только порядковый номер, в тексте комментария — название.

1. Агитатор, 26. — Агитатор. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926.
2. Агитатор, 27. — То же. Изд. 2-е.
3. Американская реклама. — Американская реклама. Л.: типография «Красной газеты», 1926. (Веселая библиотека «Бегемота», № 13.)
4. Аристократка. — Аристократка: Рассказы. Пг.; М.: Новелла, 1924.
5. Бледнолицые братья. — Бледнолицые братья: Юмористические рассказы. М.: Огонек, 1927. (Библиотека «Огонек», № 267.)
6. Веселая жизнь. — Веселая жизнь. Л.: ГИЗ, 1924.
7. Дни нашей жизни. — Дни нашей жизни. Л.: Красная газета, 1928. (Веселая библиотека «Бегемота», № 115.)
8. Избранное, 33. — Избранное: Рассказы. Повести. Фельетоны. Л.: ГИХЛ, 1933.
9. Избранное, 34. — Избранное: Однотомник. Л.: ИПЛ, 1934.
10. Избранное, 39. — Избранное. Л.: ГИХЛ, 1939.
11. Избранные произведения. — Избранные произведения: 1923—1945. Л.: ГИХЛ, 1946.
12. Избранные рассказы, 31. — Избранные рассказы. Л.: ИПЛ, 1931.
13. Избранные рассказы, 35. — Избранные рассказы. Л.: ГИХЛ, 1935.
14. Избранные рассказы, 36. — Избранные рассказы: 1923—1934. Л.: ГИХЛ, 1936.
15. Избранные рассказы и повести, 28. — Избранные рассказы и повести. [Харьков]: Пролетарий, [1928].
16. Избранные рассказы и повести, 30. — То же. Изд. 2-е.
17. Избранные рассказы и повести, 56. — Избранные рассказы и повести: 1923—1956. Л.: Сов. писатель, 1956.
18. Личная жизнь. — Личная жизнь. Л.: ГИХЛ, 1934.

19. Лишние люди. — Лишние люди. М.: Федерация, 1930.
19а. То же. Изд. 2-е. 1931.
20. Матренища, 26. — Матренища. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. (Библиотека сатиры и юмора.)
21. Матренища, 27. — То же. Изд. 2-е.
22. Мелочи жизни. — Мелочи жизни. Л.: Красная газета, 1927.
23. Мещанский уклон. — Мещанский уклон. Л.: Красная газета, 1927. (Веселая библиотека «Бегемота», № 34.)
24. Над кем смеетесь?!, 28. — Над кем смеетесь?! М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Изд. 1—3-е.
25. Над кем смеетесь?!, 29. — То же. Изд. 4-е. 1929.
26. Нервные люди. — Нервные люди. Харьков: Пролетарий, [1928].
27. Понимать надо. — Понимать надо. Л.: Обл. изд-во, 1931. (Библиотека «Ленинские искры».) [Вышел в середине марта 1932 года.]
28. Рассказы, 25. — Рассказы. Л., [1925]. (Юмористическая библиотека журнала «Смехач», № 1.)
29. Рассказы, 26. — То же. Изд. 2-е.
30. Рассказы, 34. — Рассказы. Л.: ИПЛ, [1934].
31. Рассказы, 38, Жургаз. — Рассказы. М.: Жургаз, 1938. (Библиотека «Огонек», № 13—14.)
32. Рассказы, 38, СП. — Рассказы: 1937—1938. [Л.]: Сов. писатель, 1938.
33. Рассказы, 39. — Рассказы. М.; Л.: Детиздат, 1939.
34. Рассказы, 40. — Рассказы. Л.: ГИХЛ, 1940.
35. Рассказы, 46. — Рассказы. М.: Правда, 1946. (Библиотека «Огонек», № 22.)
36. Рассказы, фельетоны, повести. — Рассказы, фельетоны, повести. М.: ГИХЛ, 1958.
37. Рыбья самка. — Рыбья самка. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. (Библиотека сатиры и юмора.)
38. Собачий нюх, 25. — Собачий нюх: Юмористические рассказы. М. :Огонек, 1925. (Библиотека «Огонек», № 61.)
39. Собачий нюх, 27. — То же. Изд. 2-е.
40. СС, 29—32. — Собрание сочинений: [В 6 т.] Л.; М.: Прибой — ГИХЛ, 1929—1932. (Первая цифра после этой аббревиатуры обозначает том, вторая — страницу.)
41. СС, 86—87. — Собрание сочинений: В 3 т. Л.: ХЛ, 1986—1987. (Первая цифра после этой аббревиатуры обозначает том, вторая — страницу.)
42. Социальная грусть. — Социальная грусть. Л.: Красная газета, 1927. (Веселая библиотека «Бегемота», № 47.)
43. Трезвые мысли. — Трезвые мысли. М.: Гудок, 1928. (Дешевая юмористическая иллюстрированная библиотека «Смехача», № 4.)
44. 1935—1937 (37). — 1935—1937. Л.: ГИХЛ, 1937.
45. 1935—1937 (40). — То же. [Изд. 2-е.]
46. 1937—1939. — 1937—1939: Рассказы. Повести. Театр. Фельетоны. Л.: ГИХЛ, 1940.

47. Тяжелые времена. — Тяжелые времена: Юмористические рассказы. М.: Огонек, 1926. (Библиотека «Огонек», № 94.)
48. Уважаемые граждане, 26. — Уважаемые граждане. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. (Библиотека сатиры и юмора.) С 1926 по 1928 год тираж постоянно допечатывался, что обозначалось как новое издание. Всего их было девять.
49. Уважаемые граждане, 40. — Уважаемые граждане: Избранные рассказы: 1923—1938. Л.: Сов. писатель, 1940.
50. Фельетоны, рассказы, повести. — Фельетоны. Рассказы. Повести: 1940—1945. Л.: Лениздат, 1946.
51. Эстрада. — Эстрада. Л.; М.: Искусство, 1940.
52. Юмористические рассказы. — Юмористические рассказы. Пг.; М.: Радуга, 1923.

ДОКУМЕНТЫ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКЕ

ИСТОЧНИКИ. Монтажный ряд составлен из четырех групп документов: газетных и журнальных статей и заметок, появлявшихся при жизни Зощенко, частной переписки, дневниковых записей и канцелярских бумаг. Многое из этого целиком или частично вошло в журнальные публикации последнего времени, но оказалось разрозненным. А значительная часть материалов печатается по рукописям или впервые извлечена из периодики.

При публикации рукописей, хранящихся в ЦГАЛИ — Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, название архива опускается. Первая цифра обозначает номер фонда, вторая — номер описи, третья — номер единицы хранения. В необходимых случаях указывается номер листа — л. Что касается дневников Б. М. Эйхенбаума, то уже давно его дочь, О. Б. Эйхенбаум, разрешила мне снять с них копии, сверив их с оригиналом (1527, 1, 24а, 249, 250). С повторного ее разрешения я печатаю выдержки из них, опуская ссылку на архив.

Вот список источников и сокращений:

ВЛ — Журнал «Вопросы литературы».

ВМ — Газета «Вечерняя Москва».

Восп. — Михаил Зощенко в воспоминаниях современников. М.: Сов. писатель, 1981.

ВСП — Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Сов. Россия, 1988. — «Понятие о сатире я имею более твердое»: Письма М. М. Зощенко — М. З. Мануильскому / Публикация С. В. Зыковой.

ДН — Журнал «Дружба народов». 1988. № 3. — «...Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации»: М. М. Зощенко: Письма, выступление, документы 1943—1958 годов / Публикация и комментарии Ю. Томашевского.

Изв. — Газета «Известия».

Каверин. ВД — В. Каверин. Вечерний день: Письма. Встречи. Портреты. М.: Сов. писатель, 1980.

Каверин. Л-р — В. Каверин. Литератор: Дневники и письма. М.: Сов. писатель, 1988.

КИЖ — Газета «Культура и жизнь».

КЛ — Еженедельник «Книжная летопись». Москва.

КН — Журнал «Красная новь». Москва.

ЛГ — «Литературная газета».

Л-д — Журнал «Ленинград».

ЛДЛ — Журнал «Летопись Дома литераторов». Петроград.

ЛЕ — Журнал «Литературный еженедельник» (приложение к «Красной газете»). Петроград.

ЛЗ — Журнал «Литературные записки». Петроград.

ЛИИ — Газета «Литература и искусство». Москва.

ЛЛ — Газета «Литературный Ленинград».

ЛН, 70 — Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели / Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

ЛН, 93 — Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920—1930-х годов: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1983.

ЛП — Ленинградская панорама: Литературно-критический сборник. Л.: Сов. писатель, 1988. — М. Зощенко в дневниках К. Чуковского / Публикация Елены Чуковской. Предисловие Бенедикта Сарнова.

ЛПр — Газета «Ленинградская правда».

Нак. — Накануне / Литературная неделя. Берлин.

НК — Бюллетень «Новая книга». Петроград.

НЛП — Журнал «На литературном посту». Москва.

НМ, 84 — Журнал «Новый мир». 1984. № 11. — М. М. Зощенко. Из писем и дневниковых записей (1917—1921) / Публикация, вступление и примечания Ю. Томашевского.

ПИР — Журнал «Печать и революция». Москва.

Пр. — Газета «Правда».

Рез. — Журнал «Резец». Ленинград.

СИ — Газета «Советское искусство». Москва.

Федин, 11; Федин, 12 — К. Федин. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11, 12. М.: ХЛ, 1986.

Л. Чуковская — Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1980.

Чукоккала — Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979.

Шагинян, — Мариэтта Шагинян. Дневники. 1917—1931. Л.: ИПЛ, 1932.

Юн. — Журнал «Юность». 1988. № 8. — Бенедикт Сарнов, Елена Чуковская. Случай Зощенко: Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946—1958.

ТЕКСТОЛОГИЯ. За несколькими исключениями все тексты печатаются в выдержках. Купюры внутри них обозначаются отточиями, заключенными

в угловые скобки. В начале и конце каждого фрагмента они не ставятся — кроме тех случаев, когда первое предложение цитируется с середины или последнее оборвано.

Некоторые опубликованные ранее документы содержали пропуски (например, письма Зощенко к Островской и Ленчу), которые восстановлены по рукописям. Эти места взяты в квадратные скобки.

Для увеличения общего объема биографической хроники авторское деление текста на абзацы не соблюдается: их здесь гораздо меньше, чем в оригиналах.

Инициалы адресантов и адресатов писем и других лиц, чьи материалы встречаются неоднократно, ставятся только при первом появлении их фамилий, а в дальнейшем — опускаются.

Сохранены индивидуальные особенности дневниковых записей, писем и некоторых других документов: сокращения слов, их разное написание (Серапионы, серапионы, «Серапионы», Бог и бог и т. д.) и прочее.

Теперь — автобиографические материалы.

О СЕБЕ, ОБ ИДЕОЛОГИИ И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

Отец мой художник, мать — актриса. Это я к тому говорю, что в Полтаве есть еще Зощенки. Например: Егор Зощенко — дамский портной. В Мелитополе — акушер и гинеколог Зощенко. Так заявляю: тем я вовсе даже не родственник, не знаком с ними и знакомиться не желаю.

Из-за них, скажу прямо, мне даже знаменитым писателем не хочется быть. Непременно приедут. Прочтут и приедут. У меня уж тетка одна с Украины приехала.

Вообще писателем быть трудновато. Скажем, тоже — идеология... Требуется нынче от писателя идеология. Вот Воронский (хороший человек) пишет:

...Писателям нужно «точнее идеологически определяться».

Этакая, право, мне неприятность!

Какая, скажите, может быть у меня «точная идеология», если ни одна партия в целом меня не привлекает?

С точки зрения людей партийных я беспринципный человек. Пусть. Сам же я про себя скажу: я не коммунист, не эс-эр, не монархист, я просто русский. И к тому же — политически безнравственный.

Честное слово даю — не знаю до сих пор, ну вот хоть, скажем, Гучков... В какой партии Гучков? А черт его знает, в какой он партии. Знаю: не большевик, но эс-эр он или кадет — не знаю и знать не хочу, а если и узнаю, то Пушкина буду любить по-прежнему.

Многие на меня за это очень обидятся. (Этакая, скажут, невинность сохранилась после трех революций.) Но это так. И это незнание для меня радость все-таки.

Нету у меня ни к кому ненависти — вот моя «точная идеология».

Ну, а еще точней? Еще точней — пожалуйста. По общему размаху мне ближе всего большевики. И большевичить я с ними согласен.

Да и кому быть большевиком, как не мне?

Я «в Бога не верю». Мне смешно даже, непостижимо, как это интеллигентный человек идет в церковь Параскевы Пятницы и там молится раскрашенной картине...

Я не мистик. Старух не люблю. Кровного родства не признаю. И Россию люблю мужицкую.

И в этом мне с большевиками по пути.

Но я не коммунист (не марксист вернее) и думаю, что никогда им не буду.

Мне 27 лет. Впрочем, Оленька Зив думает, что мне меньше. Но все-таки это так.

В 13-м году я поступил в университет. В 14-м поехал на Кавказ. Дрался в Кисловодске на дуэли с правоведом К. После чего почувствовал немедленно, что я человек необыкновенный, герой и авантюрист, — поехал добровольцем на войну. Офицером был. Дальше я рассказывать не буду, иначе начну себя обкрадывать. Нынче я пишу «Записки бывшего офицера», не о себе, конечно, но там все будет. Там будет даже, как меня однажды в революцию заперли с квартирмейстером Хоруном в городском холодильнике.

А после революции скитался я по многим местам России. Был плотником, на звериный промысел ездил к Новой Земле, был сапожным подмастерьем, служил телефонистом, милиционером служил на станции Лигово, был агентом уголовного розыска, карточным игроком, конторщиком, актером, был снова на фронте — добровольцем в Красной Армии.

Врачом не был. Впрочем, неправда — был врачом. В 17-м году после революции выбрали меня солдаты старшим врачом, хотя я командовал тогда батальоном. А произошло это оттого, что старший врач полка как-то скуповато давал солдатам отпуска по болезни. Я показался им сговорчивей.

Я не смеюсь. Я говорю серьезно.

А вот сухонькая таблица моих событий:

арестован — 6 раз,
к смерти приговорен — 1 раз,
ранен — 3 раза,
самоубийством кончал — 2 раза,
били меня — 3 раза.

Все это происходило не из авантюризма, а «просто так» — не везло.

Нынче же я заработал себе порок сердца и потому-то, наверное, стал писателем. Иначе — я был бы еще летчиком.

Вот и все.

Да, чуть не забыл: книгу я написал. Рассказы — «Разнотык» (не напечатал; может быть, напечатаю часть). Другая книга моя «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» — в продаже. Продается она, я думаю, в Пищевом тресте, ибо в окнах книжных лавок я ее не видел.

А разошлась эта книга в двух экземплярах. Одну книжку купила — добрый человек — Зоя Гацкевич, другую, наверное, — Могилянский. Для рецензии. Третью книжку хотел купить Губер, но раздумал.

Кончаю.

Из современных писателей могу читать только себя и Луначарского.

Из современных поэтов мне, дорогая редакция, больше всего нравятся Оленька Зив и Нельдихен.

А про Гучкова так и не знаю.

ЛЗ. 1922. № 3. 1 августа. С. 28—29. Перепечатано: Сов. культура. 1989. № 39. 1 апреля. С. 6; В. Каверин. Эпилог. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 469.

Вот Воронский... — *Воронский А. К.* (1884—1943? Репрессирован в 1937 году) — критик, публицист, член РСДРП с 1904 года. В двадцатые годы играл видную роль в литературе, был одновременно редактором «Красной нови», «Прожектора» и (до 1923 года) руководителем издательства «Круг». Высоко ценил талант Зощенко, хотя и журил его за аполитичность (см. «Документы»).

В какой партии Гучков? — *Гучков А. И.* (1862—1936) — глава октябристов, председатель 3-й Государственной думы, военный и морской министр во Временном правительстве. После революции эмигрировал.

Впрочем, Оленька Зив... — *Зив О. М.* (1904—1963) — журналист, прозаик. В 1922 году ей было всего 18 лет — и тогда она писала стихи, не оставившие следа в русской поэзии.

Дрался в Кисловодске на дуэли с правоведом К. — Об этой дуэли я больше ничего не знаю. Но вот любопытный эпизод, рассказанный В. Кавериным. Однажды, в январе 1922 года, на очередные серапионовские «посиделки» Зощенко пришел в сопровождении трех молоденьких актрис, что возмутило вспыльчивого Каверина, наговорившего много резкостей. Зощенко потребовал извинений, на что оскорбитель ответил: «Полагаю, что вопрос может решить только та встреча лицом к лицу, с помощью которой еще недавно решались подобные споры...» Потом они помирились и — после дружеского поцелуя — Зощенко сказал, улыбаясь: «Знаешь, а ведь я эти дни почти не выходил. Думал: черт его знает, мальчишка горячий! Ждал секундантов». Восп. С. 98—101.

...наверное, — *Могилянский. Для рецензии.* — Критик М. Могилянский, сотрудничавший во многих изданиях, в том числе и в «Литературных записках», где напечатана автобиография, рецензию не написал. Зато он откликнулся в 1923 году в четвертом номере журнала «Книга и революция» на сборник «Разнотык».

...хотел купить Губер... — *Губер П. К.* (1886—1941? Репрессирован) — литературовед и прозаик. Наиболее известна его книга «Дон-Жуанский список Пушкина», вышедшая в 1923 году и являющаяся предметом вожделения многих библиофилов.

...и Нельдихен. — *Нельдихен С. Е.* (1891—1942) — поэт, писавший для детей и взрослых и достаточно известный в двадцатые годы. Владислав Ходасевич в «Некрополе» (Брюссель, 1939. С. 129—131), описывая его вступление в Гумилевский «Цех поэтов», отнесся к нему пренебрежительно и раздраженно: «Неофит читал свои стихи. В сущности, это были сти-

хотворения в прозе. По-своему они были даже восхитительны: той игривой глупостью, которая в них разливалась от первой строки до последней. Тот „я", от имени которого изъяснялся Нельдихен, являл собой образчик отборного и законченного дурака, притом — дурака счастливого, торжествующего и беспредельно самодовольного». Ходасевич поинтересовался у Гумилева, зачем его принимают в «Цех», на что тот ответил: «Сам я не хотел бы быть дураком, но я не вправе требовать ума от Нельдихена. Свою глупость он выражает с таким умением, какое не дается и многим умным».

На самом деле, мне кажется, произошло то, что потом случилось и с Зощенко: автора идентифицировали с его персонажами. Отличительной чертой поэзии Нельдихена была ирония, направленная и на самого себя и на своего героя, во многом близкого зощенковским «уважаемым гражданам». И странно, что ее не уловили (или не захотели принять?) ни Гумилев, ни тем более язвительно ироничный Ходасевич.

[АВТОБИОГРАФИЯ]

Я родился в Полтаве в 1895 году. Мой отец — художник. Из дворян.

В 1913 году я окончил классическую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Курса не кончил. В 1915 году пошел добровольцем на фронт. Был ранен и отравлен газами. Получил порок сердца. Чин имел штабс-капитана.

В 1918 году пошел добровольцем в Красную Армию.

В 1919 году вернулся в первобытное состояние.

В 1921 году занялся литературой.

Первый мой рассказ напечатан в 1921 году в «Петербургском альманахе».

Михаил Зощенко
Ленинград, 1924

Литературная Россия: Сборник современной русской прозы / Под ред. Вл. Лидина. М.: Новые вехи, 1924. С. 101—102. Вторично: Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Современные проблемы, 1928. С. 137.

Я родился в Полтаве в 1895 году. — На самом деле — в Петербурге 28 июля (9 августа) 1894 года.

Первый мой рассказ... — Имеется в виду «Гришка Жиган», напечатанный в «Петербургском сборнике». Он вышел в самом начале 1922 года.

О СЕБЕ

Я родился в 1895 году. В прошлом столетии! Это меня ужасно огорчает.

Я родился в 19 веке! Должно быть, поэтому у меня нет достаточной вежливости и романтизма к нашим д н я м , — я юморист.

О себе я знаю очень мало.

Я не знаю даже, где я родился. Или в Полтаве, или в Петербурге. В одном документе сказано так, в другом — этак. По-видимому, один из документов — «липа». Который из них «липа», угадать трудно, оба сделаны плохо.

С годами тоже путаница. В одном документе указано — 1895, в другом — 1896. Определенно, «липа».

Профессий у меня было очень много. Об этом я всегда говорю без иронии. Даже с некоторым удивлением к самому себе.

Наиболее интересные профессии, кроме самых разнообразных военных, были такие:

1. Студент Петроградского университета.
2. Комендант почт и телеграфа. (При Керенском.)
3. Агент уголовного розыска. (Район Ленинград — Ораниенбаум.)
4. Инструктор по кролиководству и куроводству. (Смоленская губерния, город Красный. Совхоз «Маньково».)
5. Постовой милиционер. (В Лигове.)
6. Телефонист пограничной охраны.
7. Сапожник,
8. Конторщик Петроградского военного порта.

Было еще множество других профессий. Всего не вспомнишь.

Между прочим, о ремесле сапожника. Я очень люблю это спокойное, благородное ремесло. Я почти год (1920) работал подмастерьем у сапожника Воскресенского (или Вознесенского) на Васильевском Острове, по Второй линии, напротив Румянцевского сквера.

Однажды произошла такая встреча. В подвал к нам пришел человек в крылатке. Я разговорился с ним. Он назвал себя писателем Н. Шебуевым. За руку я с ним не здоровался, но разговаривал о чем-то долго. Я был тогда никому не известный юноша. Литературой в то время не занимался. А на коленях, на зеленом фартуке, у меня лежали дамские недочиненные ботинки. И поэтому, вероятно, я не назвал Шебуеву своей фамилии. Воображаю, с каким удивлением Н. Шебуев будет читать эти строчки!

Во второй раз Н. Шебуев пришел к нам вместе со своей женой. Мы опять о чем-то долго разговаривали. Однако, я не чинил ему сапоги. Чинил хозяин.

Самая пышная должность у меня была в 17-м году. После Февральской революции. Я был комендантом почт и телеграфа в Петрограде. Мне полагалась тогда лошадь. И дрожки. И номер в «Астории».

Я на полчаса являлся в Главный Почтамт, небрежно подписывал бумажки и лихо уезжал в своих дрожках.

При такой жизни я встречал множество удивительных и знаменитых людей. Например, Горького. Шаляпина как-то раз встретил у Горького. Знаком с Дм. Цензором. Иногда встречаю Липатова. Два раза сидел с Сергеем Есениным в пивной. На Михайловской улице.

Старик Есенин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...

Рабиндраната Тагора не пришлось увидеть. Но твердо верю, что встречу и этого почтенного старца.

Сейчас у меня биография скудная. Писатель. Кажется, это последняя профессия в моей жизни. Мне жаль, что остановился на этой профессии.

Это очень плохая профессия, черт ее побери! Самая плохая из 12-ти, которые я знаю.

Сент. 27 г.

Бегемотник: Энциклопедия «Бегемота»: Автобиографии, портреты, шаржи и избранные рассказы, стихи и рисунки наших юмористов — писателей и художников. Л.: Красная газета, 1928. С. 66—67. Перепечатано: Советские писатели: Автобиографии. Т. 3. М.: ИХЛ, 1966. С. 278.

Он назвал себя писателем Н. Шебуевым. — *Шебуев Н. Г.* (1874—1937) — беллетрист, но главным образом — очень заметная фигура в русской журналистике. Никто не помнит, что в 1915 году у него вышло шеститомное собрание сочинений, но зато многие знают его знаменитый журнал «Пулемет», выходивший в 1905—1906 годах и прославившийся резкой критикой трона и государственного строя России, за что издатель угодил в тюрьму, где провел несколько месяцев, не переставая и там писать и переправлять на волю сатирические стихи, памфлеты и антиправительственные статьи. Издание «Пулемета» возобновлялось в 1914 году, когда его редактор уже занимал сугубо патриотические позиции, и в 1917—1918 годах. Причем новая власть была признана Шебуевым далеко не сразу. Известны также «Газета Шебуева» и журнал «Весна», в которых сотрудничали и видные писатели, и начинающие авторы. В частности, там впервые напечатались Велимир Хлебников и Николай Асеев. После революции Шебуев сотрудничал в советской периодике, писал сценарии, цирковые либретто и выпустил несколько книг. Одну из них — антирелигиозную «Троицу» (1922) оформил и снабдил рисунками будущий классик кино Всеволод Пудовкин. (Еще раз о встрече с Шебуевым Зощенко написал в повести «Возвращенная молодость» — СС, 86—87. Т. 3. С. 157.)

Знаком с Дм. Цензором. — *Цензор Д. М.* (1877—1947) — поэт — преимущественно сатирического направления, однако далеко не чуждый политики. Первое стихотворение появилось в печати в 1896 году. Вел занятия в марксистских кружках, в годы первой русской революции сотрудничал в большевистских газетах «Волна», «Казарма» и «Вперед», а также в различных сатирических журналах. После Октябрьской революции публиковался там же, где и З о щ е н к о, — в «Бегемоте», «Смехаче», «Пушке». В «Бегемотнике» поместил «Некоторые сведения о моей замечательной жизни»: «Меня любила молодежь, я просто и честно работал <...>» (с. 154).

Ирония, хотя и незлобивая, в адрес Д. Цензора была выражена и несколько раньше — в рассказе «Гроб» (позднее название — «Пушкин», см. СС, 86—87. Т. 1. С. 375), где развертывается гротескная история жилищного кризиса из-за превращения квартир, в которых жили великие люди, и прежде всего — Александр Сергеевич, — в мемориальные. Вот нужный нам отрывок:

«Да вот недалеко ходить, в наше время наш знакомый поэт, Митя Цензор, Дмитрий Михайлович. Да он за последний год не менее семи комнат сменил. Все, знаете, никак не может ужиться. За неплатеж.

А ведь, может, он, черт его знает, гений!

Ох, и обложат же его лет через пятьдесят за эти семь комнат».

Два раза сидел с Сергеем Есениным в пивной. — Об этих эпизодах Зощенко подробно рассказывает в главках «Кафе „Двенадцать"» и «В пивной» в книге «Перед восходом солнца» — СС, 86—87. Т. 3. С. 503—504, 507—508.

«Старик Есенин нас заметил...» — Шутливая переделка строки из восьмой главы «Евгения Онегина»: «Старик Державин нас заметил...»

Рабиндраната Тагора не пришлось увидеть. — Зощенко смеется, никак не предполагая, что ровно через три года, в сентябре 1930-го, Тагор посетит СССР — и такой шанс представится. Правда, он им не воспользовался, потому что как раз в эти дни занимался общественной работой — сотрудничал в многотиражке «Балтиец», снабжая ее фельетонами и сатирическими заметками на местные темы. Но зато двое его коллег — Ильф и Петров — не упустили столь экзотический материал и сочинили для романа «Золотой теленок» главу о визите Остапа Бендера к индийскому мудрецу, хотя и впрямую не названному. А Зощенко ограничился тем, что не без иронии титуловал Рабиндранатом Тагором (по свидетельству Чуковского) Константина Федина, на что тот обиделся (см. «Документы»). И объяснил в написанной тогда же статье источники этой иронии, о чем вы сейчас и узнаете. Ведь вслед, согласно хронологии, должны пойти два материала, касающиеся не столько биографии, сколько тех творческих принципов и установок, которыми руководствовался Зощенко. Первый из них —

О СЕБЕ, О КРИТИКАХ И О СВОЕЙ РАБОТЕ

Предупреждение

Эта моя статья написана не для книги. Происхождение статьи совершенно случайное.

В Институте истории искусств читали доклад о моей литературной работе. Меня попросили выступить после доклада.

Я говорю плохо, несколько запутанно и, по этой причине, перед докладом за полчаса набросал эти строчки.

Статья получилась спорная. Я и сам сейчас не совсем согласен с ней. Но в тот день мне казалось именно так. Я беллетрист. И это качество, к сожалению, никогда не оставляет меня.

Я сообщаю читателю об этих обстоятельствах для того, чтобы читатель более терпимо отнесся к этой моей случайной статье.

Относительно моей литературной работы сейчас среди критиков происходит некоторое замешательство.

Критики не знают, куда собственно меня причалить — к высокой литературе или к литературе мелкой, недостойной, быть может, просвещенного внимания критики.

А так как большая часть моих вещей сделана в неуважаемой форме — журнального фельетона и коротенького рассказа, то и судьба моя обычно предрешена.

Обо мне критики обычно говорят как о юмористе, о писателе, который смешит и который ради самого смеха согласен сделать черт знает что из родного русского языка.

Это, конечно, не так.

Если я искажаю иногда язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип — тип, который почти что не фигурировал раньше в русской литературе.

А относительно мелкой литературы я не протестую. Еще неизвестно, что значит сейчас мелкая литература.

Вот, в литературе существует так называемый «социальный заказ». Предполагаю, что заказ этот в настоящее время сделан неверно.

Есть мнение, что сейчас заказан красный Лев Толстой.

Видимо, заказ этот сделан каким-нибудь неосторожным издательством. Ибо вся жизнь, общественность и все окружение, в котором живет сейчас писатель, заказывают конечно же не красного Льва Толстого. И если говорить о заказе, то заказана вещь в той неуважаемой, мелкой форме, с которой, по крайней мере раньше, связывались самые плохие литературные традиции.

Я взял подряд на этот заказ.

Я предполагаю, что не ошибся.

В высокую литературу я не собираюсь лезть. В высокой литературе и так достаточно писателей.

Но когда критики, а это бывает часто, делят мою работу на две части: вот, дескать, мои повести — это действительно высокая литература, а вот эти мелкие рассказики — журнальная юмористика, сатирикон, собачья ерунда, это неверно.

И повести и мелкие рассказы я пишу одной и той же рукой. И у меня нет такого тонкого подразделения: вот, дескать, сейчас я напишу собачью ерунду, а вот — повесть для потомства.

Правда, по внешней форме повесть моя ближе подходит к образцам так называемой высокой литературы. В ней, я бы сказал, больше литературных традиций, чем в моем юмористическом рассказе. Но качественность их лично для меня одинакова.

А дело в том, что в повестях («Сентиментальные повести») я беру человека исключительно интеллигентного. В мелких же рассказах я пишу о человеке более простом. И само задание, сама тема и типы диктуют мне форму.

Вот отчего так, казалось бы, резко делится моя работа на две части.

Но критика обманута внешними признаками.

А беда вся в том, что особенно последние два года, в силу некоторой

усталости, отчаянной хандры и еженедельной обязательной работы, я ухитрился написать много плохих мелких вещей, которые на самом деле не поднимаются выше обычного журнального рассказа. Это еще больше сбивает критиков, которые с большой охотой и чтоб впредь не возиться со мной, загоняют меня чуть не в репортеры.

Но я опять-таки не протестую.

Я только хочу сделать одно признание. Может быть, оно покажется странным и неожиданным. Дело в том, что я — пролетарский писатель. Вернее, я пародирую своими вещами того воображаемого, но подлинного пролетарского писателя, который существовал бы в теперешних условиях жизни и в теперешней среде. Конечно, такого писателя не может существовать, по крайней мере сейчас. А когда будет существовать, то его общественность, его среда значительно повысятся во всех отношениях.

Я только пародирую. Я временно замещаю пролетарского писателя. Оттого темы моих рассказов проникнуты наивной философией, которая как раз по плечу моим читателям.

В больших вещах я опять-таки пародирую. Я пародирую и неуклюжий, громоздкий (карамзиновский) стиль современного красного Льва Толстого или Рабиндраната Тагора и сентиментальную тему, которая сейчас характерна. Я пародирую теперешнего интеллигентского писателя, которого, может быть, и нет сейчас, но который должен бы существовать, если б он точно выполнял социальный заказ не издательства, а той среды и той общественности, которая сейчас выдвинута на первый план...

Еще я хотел сказать об языке. Мне просто трудно читать сейчас книги большинства современных писателей. Их язык для меня — почти карамзиновский. Их фразы — карамзиновские периоды.

Может быть, какому-нибудь современнику Пушкина так же трудно было читать Карамзина, как сейчас мне читать современного писателя старой литературной школы.

Может быть, единственный человек в русской литературе, который понял э т о, — Виктор Шкловский.

Он первый порвал старую форму литературного языка. Он укоротил фразу. Он «ввел воздух» в свои статьи. Стало удобно и легко читать.

Я сделал то же самое.

Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей.

Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л.: Academia, 1928. С. 7—11. Перепечатано: Советские писатели: Автобиографии. Т. 3. С. 280. Историю статьи см. в «Документах» за 1927 год.

КАК Я РАБОТАЮ

Это — не специальная статья — о том, как я работаю. Это стенограмма моей беседы на эту тему с начинающими писателями-рабко-

рами. Вернее — часть *стенограммы*, — исправленная и несколько дополненная мною <...>.

Прежде всего я должен сказать, что всю свою литературную работу я делю на две категории, на две системы. То есть, у меня есть два способа работы. Один способ — когда имеется вдохновение, когда я пишу творческим напряжением. Тогда работа идет легко, быстро и без помарок. Причем весь план, вся композиция вещи складываются сами по себе.

Второй способ — когда нет вдохновения. В этом случае я пишу техническим навыком. При этом способе работы я сам проделываю то, что обычно проделывается подсознательно: сам прорабатываю план сюжета, сам соразмеряю части и, слово за словом, делаю рассказ. И все годы моей литературной работы свелись к тому, чтобы научиться такой технике, при которой качество продукции было бы все время приблизительно одинаково.

Никому из писателей не удавалось всю литературную работу провести с помощью одного только творческого подъема. Таких писателей я не встречал. То есть, литература, конечно, знает таких писателей. Это по большей части состоятельные люди, помещики или люди, имеющие другую профессию. Они могли работать только тогда, когда хотели. <...>

Но нам, писателям, которым приходится писать все время, без перерыва, без большого отдыха, нам необходимо научиться писать и без вдохновения. Нам необходимо научиться той технике, с которой можно работать в любое время и во всяком состоянии. <...>

Каков же этот рецепт и как его отыскать? Для этого следует присмотреться к собственному вдохновению, когда оно бывает.

Присматриваясь к тому, как я работаю подсознательно, я прихожу к выводам, что самое главное в этой работе — три основных положения.

Первое — правильное построение рассказа, правильная пропорция материала в каждой его части. Это дело наиболее легкое. Этому просто научиться, делая всякий раз подробный план рассказа.

Второе — точность изложения и наиболее сильные слова и образы, которые при вдохновении возникают сами собой. Без вдохновения — необходимо пользоваться записной книжкой.

И, наконец, третье, то, чему научиться наиболее *трудно*, — это, так сказать, плавное течение рассказа, одно дыхание, если так можно назвать это отсутствие швов, которые обычно получаются при удающейся не сразу работе. Читатель может и не заметить этих швов, но зато он заметит отсутствие плавности, немонолитность вещи, и тогда интерес к ней если и не пропадает, то уменьшается. Становится трудно читать. Внимание ослабевает. Легко оторваться.

Избежать этого, не имея вдохновения, конечно, чрезвычайно трудно. Тут требуется упорное мастерство, навык и правильный глаз, который видит шероховатости. Эти шероховатости и швы стираются или заполняются словами. <...>

Огромную роль в такой работе играет записная книжка. Я думаю, что каждый писатель ведет записную книжку. В частности, для меня она чрезвычайно важна. Почти каждый день, вечером, я заношу в свою

записную книжку несколько слов, одну-две фразы, иногда образ, какую-нибудь встречу, причем все очень кратко, одним словом, одной фразой. Это вошло уже в привычку, и я все это проделываю почти каждый день. Весь улов за день я заношу в записную книжку, часто мне это, может, и не пригодится в дальнейшей моей работе, но иногда, в особенности когда я работаю без вдохновения, я из записной книжки беру слова и фразы и вставляю их в повесть или рассказ.

Должен сказать, что лично я работаю большей частью и главным образом имея вдохновение, то есть то творческое напряжение, которое позволяет работать легко, быстро и успешно. При такой работе на рассказ тратится столько времени, сколько требуется, чтобы его записать.

Однако иной раз приходится работать и без вдохновения.

И все десять лет моей литературной работы свелись именно к тому, чтобы научиться той высокой технике, при которой качество продукции все время держится приблизительно на одинаковом уровне. Это позволяет мне не зависеть от вдохновения и не ждать его.

Некоторого успеха в этом деле я достиг, ибо кое-какие мои рассказы, написанные в самом большом творческом упадке, считаются чуть ли не наиболее удачными. <...>

Например, мой маленький пустяковый рассказ «Баня», очень известный и до последней степени затрепанный эстрадой, был написан без вдохновения. Этот рассказ был написан искусственным путем, то есть я сам подбирал кропотливо фразу за фразой и вытаскивал из записной книжки слова, причем техника была настолько высока, что читатель не заметил в этом рассказе искусственных швов. <...>

Теперь я хочу сказать о вдохновении.

Вдохновение есть то счастливое сочетание физического здоровья, бодрости, нервной свежести и уверенности в себе, которое позволяет всю силу своей личности бросить в одно место, — в данном случае — в литературу.

Это есть мощь, потенция. Это есть правильная работа всего организма. Вернее, неправильная, пожалуй, даже совсем неправильная. Вдохновение — это не совсем нормальный акт. Это скорее перегрузка. Это высокая работа организма за счет других, более низких органических функций. Это, если говорить модным языком, — сублимация. <...>

Вот к этому состоянию, несмотря на неблагоприятные условия, я и стремлюсь и этого добиваюсь. Техника же помогает мне не выходить из строя в те моменты, когда я истратил свое вдохновение на свою жизнь.

На этом был закончен мой доклад. Из целого ряда заданных мне потом вопросов приведу здесь наиболее любопытные — вместе с ответами на эти вопросы.

Вопрос. Какова техника дела для записной книжки? Вы пишете на одной стороне и потом вы вырезываете?

Ответ. Я вижу, что вы меня не поняли. Вы думаете, что я из записной книжки беру слова, фразы и вклеиваю их в рассказ? Это не так.

В моей записной книжке три отдела. В одном отделе — слова. Я записываю те слова, которые мне показались интересными. Может быть, это — новые слова, может быть, они интересны по своей необычайности, может быть, это — жаргонные слова, или слова, которые употребляют рабочие в разговоре. Вот какие слова я записываю. Но это не значит, что я из них клею рассказ. Это значит, что когда я пишу рассказ и когда у меня не хватает своей силы, — тогда я прибегаю к записной книжке. И тут же на черновике своей рукописи я записываю те слова, которые могу вставить или для блеска, или чтобы усилить правдивость той жизни, о которой я хочу рассказать.

В другом отделе — фразы, поговорки, пословицы. В третьем — сюжеты для моих будущих рассказов. <...>

Вопрос. Сильно ли вы переделываете свои рассказы?

Ответ. Я говорил вам: работа складывается двояко, те рассказы, которые я пишу с вдохновением, я отделываю мало. Тут вся работа делается подсознательно, — я одним жестом записываю рассказ, и он достаточно точен и правилен. Но в тех рассказах, которые я пишу искусственным путем, техническим навыком, — там я затрачиваю большую работу. Иногда маленький рассказ работается четыре-пять дней. Рассказ же, написанный с вдохновением, обычно пишется пятнадцать-двадцать минут. <...>

Вопрос. При выборе сюжета вы используете газеты?

Ответ. Очень часто. Тридцать-сорок процентов сюжетов маленьких рассказов брались из газет, если не целиком, то отталкиваясь от какой-нибудь детали газетного сюжета. <...>

Вопрос. Какая главная задача лежит на писателе в наше время, особенно партийце?

Ответ. Я не берусь говорить об обязанностях, которые несет партиец. Но вообще перед писателем наших дней, по моему мнению, стоит такая задача: необходимо научиться писать так, чтобы возможно большее количество людей понимало его произведения. Необходимо массу заинтересовать литературой. А для этого нужно писать ясно, кратко и со всей возможной простотой. <...>

Впервые: Литературная учеба. 1930. № 3. С. 107—114. С примечанием: «Сокращенная и исправленная стенограмма беседы М. Зощенко в кабинете начинающего писателя в ленинградском Доме печати». Почти одновременно — в сборнике: Как мы пишем. Л.: ИПЛ, 1930. С. 48—58. Тексты не идентичны. В журнале есть куски, не вошедшие в книгу, и наоборот. Кроме того, для книжной редакции сделана существенная смысловая и стилистическая правка. Существует также рукопись с вклеенными в нее машинописными вставками (601, 2, 1, л. 1—14).

Статья печатается по тексту сборника с сокращениями и исправлением ошибок и опечаток по рукописи.

Привожу несколько фрагментов из журнала, с учетом правки в рукописи.

С. 107. Раньше, когда я был несколько помоложе, лет 5—7 тому назад,

и был здоровее, я мог работать при любых условиях. Я писал где попало. Я мог писать в трамвае, на улице. Например, «Аристократку» я написал на лестнице, — т. е. весь план этого рассказа я набросал на лестнице. Я вспомнил одну фразу из события, которое мне рассказали, и на лестнице, на конверте письма, набросал сразу почти весь рассказ. Это так называемый рассказ, написанный в творческом подъеме.

С. 109—110. Вопрос. Вы с самого начала писали юмористические рассказы?

Ответ. Нет, в начале моей литературной деятельности, в 21 году, я написал несколько больших рассказов. Это: «Любовь», «Война», «Рыбья самка». Мне показалось в дальнейшем, что форма большого рассказа, построенная на старой традиции, есть чеховская форма и [она] менее пригодна, менее гибка для современного читателя, которому, мне показалось, лучше давать краткую форму, точную и ясную, чтобы в ста или пятидесяти строчках был весь сюжет, никакой болтовни. Тогда я перешел на краткую форму, на маленькие рассказы. Их называют юмористическими. Собственно, это не совсем правильно. Они не юмористические. Под юмористическими мы понимаем рассказы, написанные ради того, чтобы посмешить. Но я писал не для того, чтобы посмешить; это складывалось помимо меня — это особенность моей работы.

С. 110. Вопрос. Когда вы начали писать небольшие рассказы, вероятно, кто-нибудь на вас влиял? Чехов или О. Генри?

Ответ. О. Генри никакого влияния на меня не имел. Первые мои рассказы были написаны под влиянием старых традиций, может быть, Чехова, возможно, Гоголя. Это дело критики разобрать, как они написаны, под каким влиянием.

С. 110. Вопрос. Чехов писал маленькие рассказы, пародии на чиновников своего времени, а вы смело высмеиваете наши общие недостатки. Почему бы вам не сочетать эти недостатки с достижениями? Сможете ли вы так начать работать? (Мотив знакомый и не раз звучавший и ранее и впоследствии. — *М.Д.*)

Ответ. Вот, товарищи спрашивают, почему я пишу все о недостатках и несовершенствах, как говорил Гоголь: «о несовершенствах нашей жизни». Почему я не пишу о достижениях? Дело вот в чем, — мой жанр, т. е. жанр юмориста, — нельзя совместить с описанием достижений. Это дело писателей другого жанра. У каждого свой: трагический актер играет «Гамлета», комический актер играет «Ревизора», мне кажется, у каждого из них свое.

...может быть, Чехова... — В связи с этим интересна не публиковавшаяся при жизни Зощенко его статья 1944 года «О комическом в произведениях Чехова». В ней он, в частности, писал:

«Современники не захотели увидеть себя в качестве объектов чеховского смеха. Сатирические зарисовки показались пошловатыми, анекдотичными. И смех Чехова был квалифицирован иначе, чем следовало квалифицировать. <...>

Критики сделали решительно все для того, чтоб Чехов не рассматривался как сатирик. Ибо, признав Чехова сатириком, можно было бы ужаснуться (казалось им) от безрадостных картин, зарисованных писателем. <...>

Критика стала смешивать художника с его персонажами. Настроения персонажей чеховских произведений отождествлялись с настроениями писателя. Это была вопиющая ошибка». (ВЛ. 1967. № 2. С. 152, 154. Публикация Г. Белой.)

Аналогии, мне кажется, напрашиваются сами собой.

И еще одно. Как ни странно, Зощенко одобрял — по крайней мере печатно — диковатую, чтобы не сказать более, идею, заключавшуюся в том, что безупречного классового происхождения и трудового энтузиазма достаточно для превращения рабочего в писателя. Речь шла лишь о том, как лучше претворить ее. Отвечая на анкету журнала «Смена» (1931. № 34—35. Декабрь. С. 25), он писал: «Вопрос о новых литературных кадрах — вопрос чрезвычайной сложности. Призыв ударников в литературу сделан был своевременно, но, по-видимому, здесь были допущены некоторые ошибки. Сколько я знаю, процент призывников, оставшихся всерьез работать в литературе, не слишком значительный. Так, например, из 12 человек, „навербованных" мною, осталось работать, как мне удалось узнать, всего 2 человека. По-видимому, надо было не только „призвать", но и со всей внимательностью надо было руководить дальнейшими шагами».

Вернемся к автобиографиям.

[АВТОБИОГРАФИЯ]

Я начал писать рассказы, когда мне было девять лет.

До 25 лет я писал изредка. Иной раз не писал годами. Но стремление к литературной работе было почти всегда.

Стало быть, я имел за плечами пятнадцатилетний опыт, когда после революции начал работать как профессионал.

Я сразу столкнулся с труднейшей задачей — писать для новой страны, для новых, еще неизвестных читателей.

Судя по письмам, которые я получал, многие думали, что я пишу с необычайной легкостью, просто так, как поет птица. Как Маяковский говорил: «Разжал уста и вот — пожалуйста».

Это, конечно, было далеко не так.

Обычно, правда, я писал рассказы легко. Но по временам, когда я искал новую форму или новый ж а н р , — я сталкивался с необычайными трудностями. Такие, например, трудности мне пришлось одолеть в начале моей работы.

Первые мои литературные шаги после революции были ошибочны. Я начал писать большие рассказы в старой форме и старым, полустертым языком, на котором, правда, и посейчас еще иной раз дописывается большая литература.

Только через год, пожалуй, я понял ошибку и стал перестраиваться по всему фронту. Эта ошибка была естественна. Я родился в интеллигентной семье. Я не был, в сущности, новым человеком и новым писателем. И некоторая моя новизна в литературе была целиком моим изобретением.

Мне много пришлось поработать над языком. Весь синтаксис надо было круто менять, чтобы сделать литературную вещь простой и доступной новым читателям. Доказательством того, что я не ошибся, были очень высокие тиражи моих книг. Стало быть, язык, который я взял и который, на первых порах, казался критике смешным и нарочно исковерканным, был, в сущности, чрезвычайно простым и естественным.

Возможно, конечно, что в этом деле я несколько преувеличивал. Но искусство всегда преувеличение. Иначе получается фотография.

Работу над языком я продолжаю. Кое-что в дальнейшем уберу, кое-что приглажу. В общем, это будет одна из основных задач моей будущей работы.

О будущей своей работе говорить сейчас несколько затруднительно. У меня были большие сомнения, что именно сейчас нужно.

Я был отчасти сбит с толку кучей статей и статеек, которые чего только не требовали от писателя. Одни требовали, чтоб писатель писал, главным образом, о производстве, другие желали видеть писателя фельетонистом стенной газеты. Третьи говорили, что все «проклятые вопросы» уже решены или решаются руководящими органами и писатель должен истолковывать распоряжения правительства. Это, конечно, не так.

Роль писателя в социалистической стране именно такая же, какая она была и всегда. Писателю, в силу профессионального уменья думать и разбираться во всех вопросах, дана исключительная способность видеть многие вещи, которые могут ускользнуть от обычного взгляда.

Итак, будущую свою работу я мыслю, конечно, в прежнем плане — сатира, сатира, осмеивающая человеческие недостатки. Ведь сколько я мог заметить, все недочеты и неудачи, которые бывают в наши дни, упираются, главным образом, в недочеты человеческой натуры — в глупость, халатность, леность, эгоизм, корысть и преступность.

Сатирику хватит еще работы надолго.

Теперь несколько слов о моей личной жизни. Родился в Ленинграде (Петербурге) в 1895 году. В семье художника. Кончил гимназию. Учился два года в университете на юридическом факультете.

В 14 году пошел добровольцем на фронт. (Скорей из любопытства, чем из патриотических чувств.)

Был ранен и отравлен газами.

До 17 года был на фронте. С 17 по 19 год был секретарем суда, комендантом почт и телеграфа в Ленинграде, инструктором по кролиководству и куроводству в Смоленской губернии, телефонистом пограничной охраны в Стрельне и Кронштадте. В 19 году пошел добровольцем на фронт, хотя и был освобожден от воинской повинности по болезни сердца.

Пробыл в Красной Армии на Нарвском фронте шесть месяцев.

С 20 по 22 год переменил много профессий. Был агентом уголовного розыска, служил в милиции, был конторщиком, делопроизводителем и т. д. Изучил несколько ремесел — столярное, сапожное и пр.

С 20 года начал писать. С 22 работаю исключительно в литературе. Последние два года имел много общественной работы, по каковой причине и писал редко.

Печатается по авторизованной машинописи. 601, 2, 3, л. 1—3. Последняя фраза дает основания датировать автобиографию 1932 годом.

К этому следует добавить несколько фрагментов из повести «Возвращенная молодость» (1933).

«Мой отец <...> умер рано — сорока с чем-то лет. Он был талантливый художник-передвижник. Его картины и сейчас имеются в Третьяковской галерее, в Академии художеств и в Музее революции. (Отец был в социал-демократической партии.) Моя мать русская. В молодые годы она была актрисой.

Я кончил гимназию в Ленинграде. Учился весьма плохо. И особенно плохо по русскому — на экзамене на аттестат зрелости я получил единицу по русскому сочинению. (Сочинение было на тему о тургеневских героинях.) Эта неуспеваемость по русскому мне сейчас тем более странна, что я тогда уже хотел быть писателем и писал для себя рассказы и стихи. Скорей от бешенства, чем от отчаяния, я пытался покончить со своей жизнью. (Этот эпизод подробно описан в главке „Пытка" книги „Перед восходом солнца" — см. СС, 86—87. Т. 3. С. 467—468. — *М. Д.*)

Осенью 1913 года я поступил в университет на юридический факультет. Мне тогда было 18 лет. Я год занимался в университете, но своим делом почти не интересовался. Сдал минимум — один экзамен по римскому праву. И все почти дни проводил в физическом кабинете, слушая лекции профессора Хвольсона.

Весной 1914 года я без денег поехал на Кавказ и поступил там на железную дорогу контролером поездов (на линии Кисловодск — Минеральные Воды). Там же давал уроки.

Осенью, в начале войны, я вернулся в Ленинград и вместо университета, прослушав ускоренные военные курсы, уехал прапорщиком на фронт. У меня не было, сколько я помню, патриотического настроения — я попросту не мог сидеть на одном месте из-за склонности к ипохондрии и меланхолии. Кроме того, я был уволен из университета за невзнос платы. <...>

В сентябре 1917 года я выехал в командировку в Архангельск. Был там адъютантом архангельской дружины и секретарем полкового суда. За несколько недель до прихода англичан я снова уехал в Ленинград. Был момент, когда я из Архангельска хотел уехать за границу. Мне было предложено место на ледоколе. Одна влюбленная в меня француженка достала мне во французском посольстве паспорт иностранного подданного. Однако в последний момент я передумал. <...>

Мои первые рассказы попали к Горькому. Горький пригласил меня к себе, правильно покритиковал и помог мне материально. А также устроил мне академический паек. С тех пор началась моя литературная судьба. И с тех пор меркнет разнообразие моей жизни. Скоро 15 лет, как я занимаюсь литературой. <...>

Я несколько упростил форму рассказа (инфантилизм?), воспользовавшись неуважаемой формой и традициями малой литературы.

В силу этого моя работа мало уважалась в течение многих лет. И в течение многих лет я не попадал даже в списки заурядных писателей. Но я никогда не имел от этого огорчений и никогда не работал для удовлетворения своей гордости и тщеславия.

Профессия моя оказалась все же чрезвычайно трудна. Она оказалась наиболее тяжелой из всех профессий, которые я имел. За 14 лет я написал 480 рассказов (и фельетонов), несколько повестей, две маленькие комедии и одну большую. А также выпустил мою самую интересную (документальную) книгу — „Письма к писателю".

Нынче, в 1933 году, я начал писать „Возвращенную молодость". Я писал ее три месяца, а думал о ней четыре года. <...>

Эта книга, для ее достоверности и для поднятия авторитета автора, все же обязывает меня жить по крайней мере 70 лет. Я боюсь, что этого не случится. У меня порок сердца, плохие нервы и несколько неправильная работа психики. В течение многих лет в меня стреляли из ружей, пулеметов и пушек. Меня травили газами. Кормили овсом. И я позабыл то время, когда я лежал на траве, беспечно наблюдая за полетом птичек. <...>» (СС, 86—87. Т. 3. С. 156—159.)

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1895 году (10 августа) в г. Полтаве. Отец — художник-передвижник. (Его картины имеются в Третьяковской галерее и в Суворовском музее.)

Отец — из потомственных дворян, украинец. Мать — русская.

Я окончил 8-ю гимназию в Петербурге (в 13 году) и продолжал учение в Петербургском университете (юридический факультет).

В 1915 году (закончив ускоренные военные курсы) ушел на фронт в чине прапорщика.

На фронте пробыл два года. Участвовал во многих боях, был ранен и отравлен газами. Имел четыре боевых ордена и чин штабс-капитана.

Годы 15—17 находился в должностях — полкового адъютанта, командира роты и батальона — 16-го гренадерского Мингрельского полка Кавказской дивизии. После Февральской революции служил в Петрограде в должности коменданта Главного почтамта и телеграфа и позже — в сентябре 17 года — был адъютантом архангельской дружины.

После Октября вернулся в Петроград и служил в пограничных войсках — в Стрельне и Кронштадте.

В сентябре 18 года перевелся из пограничного отряда в действующую армию и до весны 19 года пробыл на фронте в 1-м образцовом полку Деревенской бедноты (адъютантом полка).

В апреле 19 года был демобилизован по болезни сердца и снят с военного учета. С апреля 1919 года служил следователем в Уголовном надзоре (Лигово — Ораниенбаум).

В 1920 году поступил в Петроградский военный порт — делопроизводителем. И в этом же году занялся литературой.

В 1921 году вышла в свет первая книга моих рассказов (в издательстве «Эрато»).

За последующие двадцать лет было издано большое количество моих книг, перечислить которые я не в состоянии. Из больших работ могу только отметить: «Сентиментальные повести» (1923—1936), «Возвращенную молодость» (1933), «Голубую книгу» (1935) и «Исторические повести» («Черный принц», «Керенский», «Возмездие»).

В 1941 году (в начале Отечественной войны до октября) работал в ленинградских газетах, на радио и в журнале «Крокодил».

В октябре 41 был эвакуирован в Алма-Ату и там до весны 43 года работал в сценарной студии («Мосфильм»), написал сценарий («Солдатское счастье»), который был утвержден кинокомитетом и пущен в производство (43 года). (Сценарий этот напечатан в моем однотомнике 1946 года, Госиздат.)

В марте 1943 года я вернулся в Москву и работал членом редколлегии журнала «Крокодил».

Осенью 1943 года я напечатал в журнале «Октябрь» мою повесть «Перед восходом солнца», за которую подвергся резкой критике.

В 1944—46 годах работал для театров. Две мои комедии были поставлены в Ленинградском Драматическом театре. Одна из них («Парусиновый портфель») выдержала 200 представлений за 45—46 год.

В августе 1946 года (после постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград») я был исключен из ССП. За годы 46—52 я, главным образом, занимался переводческой работой. Было издано четыре книги в моем переводе: 1. М. Лассила, «За спичками», 2. М. Лассила, «Воскресший из мертвых», 3. Антти Тимонен, «От Карелии до Карпат», 4. М. Цагараев, «Повесть о колхозном плотнике Саго» (в издательствах Госиздат КФССР и «Советский писатель» — Москва).

В июне 1953 года я вновь принят в ССП.

В настоящее время работаю в сатирическом жанре — в журналах «Крокодил» и в «Огоньке». Кроме того, работаю для театра и пишу книгу рассказов.

5 июля 1953 г.

Советские писатели: Автобиографии. Т. 3. С. 286.

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

ПАРОДИИ

Пародийная стилизация — один из самых мощных приемов зощенковского письма. Особенно активно он пользовался им в двадцатых и первой половине тридцатых годов. Но писатель не только прибегал к этому приему в рассказах, повестях и фельетонах, а и работал, так сказать, в «чистом» жанре. Вспоминая первые шаги Зощенко в литературе, Корней Чуковский так объяснял это: «...его тогдашние пародии на меня, на Евгения Замятина, на Виктора Шкловского были, в сущности, учебными экзерсисами в области литературной стилистики. Насмешливо копируя чужие стили, чужую манеру, будущий писатель тем самым вырабатывал свой собственный стиль, причем в пародиях сказывается с особенной силой его обостренная чуткость к различным интонациям речи, та утонченность писательского слуха, которая и сделала его впоследствии мастером сказа». (Восп. С. 22—23.)

Это соображение с полным правом можно распространить и на опыты Зощенко в пародировании чиновничьего языка документов, газетных штампов, доносительского тона части редакционной почты или же письменной речи тех, кто выступал потом в облике его персонажей. В преамбуле к главке «Пригодилось» книги «Письма к писателю» он характеризует один из документов: «Вот любопытное письмо. Оно написано, как будто бы я его писал. Оно несомненно написано „моим героем"».

В дополнение к основному тексту и письму жене, приведенному в «Документах» и насмешливо стилизованному под язык XVIII века, привожу еще два материала, опубликованных давно, семнадцать лет назад, Ю. Томашевским. Первый из них относится к тому времени, когда Зощенко служил старшим милиционером на станции Лигово.

Ст. милиционеру Форсбергу

ПРИКАЗ

ПО ЖЕЛЕЗНОД. МИЛИЦИИ И УГОЛОВНОМУ НАДЗОРУ
ст. Лигово № 1

7 июля 19 г. *По части строевой*

§ 1

Завтра, 8 июля, дежурный милицейский — Мигуцкий.

§ 2

Переведен на ст. Лигово агент Уг. Надз. Сергей Субботин. В партии хотя он и не состоит, но сочувствует телефонистке Верочке, что в Красном Селе. С сим предметом пылких своих чувств по телефону каждодневно изъясняется об увенчании пламени сердца своего и прочих органов.

Названный агент прибыл на станцию без винтовки.

Вера кланяется.

§ 3

Объявляется строгий выговор милицейскому Форсбергу, который был в ушедшем состоянии с места своей службы, дверь закрыл на ключ и оный унес с собой, к великому недовольству агентов и не агентов, а также и сочувствующих оным, бившихся грудью о дверь.

Чего же смотрит милицейский? Сегодня ключ, завтра чайник, а там, скажем, и единственный и столь прекрасный диван унесет по рассеянности своей натуры. И где же тогда возложат уставшие свои мясы бедные милицейские и прочие агенты?! Небо хмурилось.

§ 4

Мария Александровна переводится из лавки № 1 в лавку № 2. Муж оной прелестницы и тайный по ней воздыхатель Лобанов в отчаянии. Каково любящим сердцам слышать селедочный и лучный запах от любимых рук!

Лобанов кланяется.

§ 5

Предписываю кассиру ст. Лигово быть вежливым и наиделикатнейшим, особливо к конторщице с печальным бантиком при той же станции. Слов грубых и непристойных не произносить отнюдь и в руку, хотя бы и собственную, не сморкаться, памятуя, что вышеуказанная конторщица лет от роду имеет только 17 и что в оные любопытные годы всякая непристойность развратно отзывается.

Если же кассирово естество требует подобной развратности, то пусть словами и даже жестами превозносится сколь угодно пред другой кассиршей — конторщицей, женщиной не очень молодой, в свободное от занятий время замирающей на груди у начальника станции (дежурного по ст.).

§ 6

Все дела наши — игрушка!..
Ах, какой же «бантик» душка!..
Ах, какой веселый час —
«Печальный бантик» любит нас!

По части хозяйственной

§ 7

Взятые со стола полфунта хлеба неизвестной личностью занести в расход.

Кто-то кланяется.

§ 8

Некая Полина на станции не является пятый день... Старш. милицейского Зощенко исключить с молочного довольствия при названной особе и числить расстроенным.

§ 9

Арестованного агента Угол. Надзора Зусю на ст. Красное Село исключить с полового довольствия и числить под арестом.

§ 10

12 сего июля, в день святого Павла-апостола, милицейский Лобанов высокоторжественно празднует свой день ангела.

Птичка прыгает по ветке...
Бабы ходят спать в овин...
Честь имею вас поздравить
Со днем ваших именин.

§ 11

12 сего июля, в день святого Павла-апостола, милицейский Форсберг зачисляется на все виды довольствия (и приварочное, и мыльное) при Лобанове... Что-то родное...

ВЛ. 1973. № 10. С. 284—286.

Второй материал — отрывок из письма Зощенко своему другу юности А. В. Елкину от 21 апреля 1919 года.

<...> вопрос: где лучше театры, — интересен, и мы тотчас, не щадя собственных своих денег и расстоянием не стесняясь, произвели анкету и собрали ценные сведения от лиц компетентных и знакомых. Знакомых не так с театрами, как с нами.

Петербург или Москва — или где лучшие театры?

АНКЕТА

У г-на К.

Талантливый К. встретил нас мрачно и на вопрос наш, пробормотав две формулы из неорганической химии, махнул рукой. И умное лицо сделал.

— М-да, прихожу это я вчера из театра домой... Бац... телеграмма. Призывают в Красную Армию. Я туда, я сюда. Нет. Призывают... Еду завтра. Ах, вы про театры. Так я же говорю вам, что вчера возвращаюсь это... Ну да, был. Вчера же вот и был. Недурно. В шести актах и дивертисмент. Вера Холодная. 40 рублей 3 ряд. Да мне это ничего, — скромно улыбнулся К. — Подъемные да прогонные. Тыщонки две набежало. А позавчера закладываю 20 рублей, бью семь рук и снимаю. А? Каково? Может, сыграем? Помалу?

У г-на И.

Г-н И. встретил нас ласково (впрочем, не так встретил, как проводил — торопился) и горячо отозвался на наш вопрос.

— О, театры, театры! — с пафосом ответил нам И., показывая два билета на Шаляпина. — Недорого. По 60. В кассу прихожу — нет билетов. Я туда, сюда. И вот видите. Ах, знаете, голова прямо кругом! Вчера на Пиотровском, завтра на Шаляпине, позавчера на Горской. Сегодня к Шелиховым иду. Голова кругом. Ко всем поспей. Ну, тороплюсь. Извините. О, петроградские театры — это таки театры! С трамваями ужасно неудобно только. Ну, тороплюсь...

— О, театры, театры, — застонал приятным голосом г-н И., — «кто тебя усе...» — м-м, впрочем, это про поле... Ну, бегу!

У г-жи К.

Молодая женщина встретила нас лас... уютно и ласково.

— Театры? — кокетливо спросила она, играя кончиком туфли. — Ах, какой вы странный! Театры же мой бог! Только я так занята — время не хватает на них. Встаю в 8. Легкий завтрак. Ах, кстати, слышали: Горский женится. Вот уж не понимаю, что она нашла в нем... Потом служба. А вчера, знаете, еду в трамвае и... Ах, вы про театры!.. «Сирень цветет неделю и отцветает»... Да, да, я сниму непременно зал Петровской гимназии... Будет белый весенний бал. Струнный оркестр. Да что я — два струнных! Все в белом... Вот прозвенела шпора, и статный корнет... м-м... Да, говорят, тысячи две возьмут... А раньше?! Ну куда ж вы? Ну, заходите, заходите.

У г-на Н.

Недавно вернувшийся г-н Н. встретил нас лас... радушно и угостил нас свиным салом со скипидаром. На наш вопрос ответил со свойственной ему чудесной простотой:

— Вчера только вернулся из Воронежа. Сопровождал 7 бочек с воблой. Дешевка! Хлеб 3 рубля... Неплохо покушал... Кстати, не знаете ли, где бы купить штаны? Пообносился. Хо-хо-хо... — И подмигнул левым глазом.

Наш интересный вопрос взбудоражил не только Петроград, но и провинция закидала нас телеграммами. Вот наиболее ценный ответ, исчерпывающий все сомнения:

Телеграмма. Срочно.

Фу, противный. А я-то думала! Люблю тоскую петроградские театры. <...>

Там же. С. 287—288.

Зашифрованные инициалами г-да К., И., Н. — знакомые Зощенко и адресата: Кулибин, Иванов, Николаев. Г-жа К. — Вера Владимировна Кербиц, вскоре ставшая его женой.

Вера Холодная (1893—1919) — звезда немого кино. Судя по упоминанию ее имени, или г-н К. вообще был не в театре, а в синематографе, где в программу входили дивертисменты — выступления между фильмами актеров «легкого жанра», или же все-таки в театре, устроившем кинодивертисмент.

Пиотровский К. И., Горская Р. Г. — солисты бывшего Мариинского театра: лирический тенор и лирико-колоратурное сопрано.

О «СЕРАПИОНОВЫХ БРАТЬЯХ». — ЛЗ. 1922. № 2. 23 июня. С. 8. Перепечатано: ВЛ. 1968. № 11. С. 236; Советская литературная пародия: Проза. М.: Книга, 1988. С. 13—14.

Пародируя писательскую манеру В. Б. Шкловского, свойственную всем его работам, Зощенко все же в первую очередь адресуется к двум книгам, изданным «ОПОЯЗом» в 1921 году: Развертывание сюжета: Строение рассказа и романа. — Как сделан Дон Кихот; «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. Отсюда — «Я верблюдов люблю. Я знаю, как они сделаны», «Лоб у меня хорошо развернут», упомянутый дважды Стерн.

..могу еще сказать о комете или о Розанове. — Розанов В. В. (1856—1919) — писатель и философ, игравший заметную, хотя и весьма

неоднозначную роль в духовной жизни России конца прошлого и начала нынешнего века. Он упомянут в пародии в связи с еще одной работой Шкловского того же времени: Р о з а н о в : Из книги «Сюжет как явление стиля». Пг.: ОПОЯЗ, 1921.

КРУЖЕВНЫЕ ТРАВЫ. — ЛЗ. 1922. № 2. 23 июня. С. 9. Вторично: ЛЕ. 1923. № 36. 9 сентября. С. 7. Перепечатано: ВЛ. 1968. № 11. С. 237; Советская литературная пародия. С. 14—16.

Зощенко хорошо знал — и любил — творчество Вс. Иванова, своего «серапионова брата». Поэтому пародия очень точна и адресна: прежде всего она основана на повестях «Партизаны» (1921) и «Бронепоезд № 14-69» (1922). В ней также звучат мотивы еще одной повести — «Цветные ветра» (1922).

О БОР. ПИЛЬНЯКЕ. — ЛЕ. 1923. № 36. 9 сентября. С. 7. Вторично: Однодневная ЛГ. Ленинград. 1929. 2 мая. С. 3. Перепечатано: ВЛ. 1968. № 11. С. 237—239; Советская литературная пародия. С. 17—20.

Чуковский вспоминает о лете 1919 года: «<...> я задал студистам очередную работу — написать небольшую статейку о поэзии Надсона. <...> Принес свою работу и Зощенко — на длинных листах, вырванных из бухгалтерской книги. Принес и подал мне с еле заметной ухмылкой:

— Только это совсем не о Надсоне...

— О ком же?

Он помолчал.

— О вас. <...>

Придя домой, я начал читать его рукопись и вдруг захохотал как сумасшедший. Это была меткая и убийственно злая пародия на мою старую книжку „От Чехова до наших дней". С сарказмом издевался пародист над изъянами моей тогдашней литературной манеры, очень искусно утрируя их и доводя до абсурда. <...> Судя по заглавию, в пародии изображался гипотетический случай: что и как было бы написано мною, если бы я вздумал характеризовать в своей книге творчество Андрея Белого, о котором на самом-то деле я никогда ничего не писал. Пародия меня не обидела. Ее высокое литературное качество доставило мне живейшую радость, тем более что к тому времени я уже успел отойти от своего первоначального стиля, над которым издевался пародист. <...> Своей пародией он, начинающий автор, горделиво отгораживался от моего менторского влияния смехом и громко заявлял мне о том. Иначе, конечно, и быть не могло: без такого стремления к интеллектуальной свободе он не стал бы уже в ближайшие годы одним из самых дерзновенных литературных новаторов».

В примечании Чуковский добавляет: «Впоследствии <...> он написал другую пародию на меня („Чуковский о Пильняке" — тоже уморительно смешную)». (Восп. С. 20—21.)

В «Однодневной ЛГ» пародии предпослано коротенькое вступление: «Эта пародия — на критические статьи К. И. Чуковского. Правда, К. И. Чуковский о Пильняке никогда не писал, но я предполагаю, как примерно должна выглядеть его статья, скажем, о Пильняке. Эта пародия написана

мною несколько лет назад. И я имел в виду старые критические статьи Корнея Ивановича, главным образом, его книгу „От Чехова до наших дней"».

Ну, а не «главным образом»? Вырезка из газеты вклеена в составленный А. Е. Крученых альбом «М. М. Зощенко. 1931—1945». И сбоку Зощенко приписал: «Эта пародия написана в 1923 г. и несколько исправлена в 1929 г. М. Зощенко» и «Пародировал отчасти статью Чуковского о Крученых! М. Зощенко». (601, 1, 3, л. 53.)

Статья входила в сборник Чуковского «Футуристы» (Пг.: Полярная звезда, 1922).

СЛОНОВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ. — ЛЕ. 1923. № 39. 7 октября. С. 17. Перепечатано: ВЛ. 1968. № 11. С. 239.

Автопародия на «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова».

СЕНСАЦИОННЫЕ ИЗВЕСТИЯ. — Мухомор. 1922. № 12. Ноябрь. С. 4. Подпись: М. З.

Первая пародия Зощенко на язык, стиль и характер сообщений о «буржуазном Западе» в тогдашних газетах. По манере письма и «смеховым приемам» напоминает юморески Антоши Чехонте в «Стрекозе», скажем: «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?».

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ. — Мухомор. 1923. № 14. Январь. С. 2.

В этом же номере (с. 7) напечатан еще один театральный материал — «Мемуары старого капельдинера» (СС, 86—87. Т. 1. С. 148). Пародия направлена против грозивших всяческими карами за пустяковые провинности директив того времени, их жесткого тона и чиновничьей стилистики, перешедшей к новой власти по наследству от прежнего режима. Кстати, абсурдность требований к гражданам, действительно не слишком жаловавшим тогда драматические театры, объявленные академическими (в отличие от оперных, хорошо посещавшихся всегда), выдержана вполне в духе эпохи.

НОВЫЙ ПИСЬМОВНИК. — Мухомор. 1923. № 15. Январь. С. 2—3. Перепечатано: ВЛ. 1969. № 9. С. 238—239 (с неточностями); ВЛ. 1984. № 7. С. 259.

Старый «Письмовник» издания Сытина... — Пособий такого рода до революции выпускалось множество, в том числе и крайне необходимых, например, составленный А. Ф. Скоровым «Сборник форм договоров, условий, прошений, заявлений, корреспонденции с Уставом о векселях» (М.: т-во скоропечатни А. А. Левинсон, 1905). Но были книги и забавные. К ним относится наверняка известный пародисту, приспособившему его к новым реалиям, «Полный любовный письмовник: Собрание любовных писем для всех возрастов различного содержания / Сост. Дядя Серж» (М.: типогр. т-ва И. Д. Сытина, 1917). Он состоит из двух разделов: «Любовные письма» и «Письма, упрекающие в холодности, непостоянстве и проч.».

Вот образцы стиля. «Многоуважаемая моя! Не выросла моя мысль, не созрела лелеянная моя, не осуществились добрые мои намерения, угасла горевшая так светло надежда. Что делать?» Или: «Приходите, душечка Василий Григорьевич. Мне нужно сказать Вам много, много слов, выхо-

дящих из колеи обыденной жизни. <...> я Вас буду ждать на крылечке. Ваша неизменная Люба». Ну, и так далее.

Формой письмовника щедро пользовались юмористы двадцатых годов. Один пример: В. Ардов. Краткий советский письмовник. — Бузотер. 1927. № 27. С. 2—3.

СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ. — Жизнь искусства. 1924. № 1. 1 января. С. 4—5. Перепечатано: ВЛ. 1968. № 11. С. 234—236; Советская литературная пародия. С. 10—12 (с пропуском одной фразы в разделе «1923»).

Здесь не столько пародируется жанр, к тому времени уже оставшийся в прошлом, сколько «поэтика» беллетристики дурного пошиба, ее способность приспосабливаться к любой тематике и любым обстоятельствам бытия.

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ. — Печатается по сборнику «Рассказы, 25». Включалось автором в 20, 21, 48, 40 (Т. 1. С. 41).

Еще один пародийный письмовник, на этот раз касающийся типичной газетной корреспонденции. См. также «Письма в редакцию» (СС, 86—87. Т. 1. С. 449).

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК. — Бегемот. 1926. № 44. Ноябрь. С. 9. Подпись: 3.

Вторая пародия Зощенко на газетные штампы, на этот раз — в освещении внутренней жизни. «Торжественный комплект. Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей» Ильфа и Петрова из романа «Золотой теленок» появился на пять лет позже.

РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, САТИРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ИСКУШЕНИЕ. — Культура и жизнь. 1922. № 1. 1 февраля. С. 21—22.

Зощенко не возвращался к тому, что было им написано в юности, и ничего из этого не напечатал. Единственное известное мне исключение относится к этому рассказу. Его первый вариант, по свидетельству В. В. Зощенко (ВЛ. 1975. № 10. С. 247; Восп. С. 68—69), был написан в 1914 году. Привожу его, ибо сравнение двух текстов дает наглядное представление о том, как развивался талант писателя.

ДВУГРИВЕННЫЙ

В церкви колеблющийся свет свечей. Причудливые тени на стенах и высокий, неведомо где кончающийся купол. В нем тонет густой бас дьякона.

— Придите поклонитеся, — дребезжит молящий голос священника, и бас дьякона вторит ему и заглушает.

Женщины низко сгибают головы, крестятся и шепотом повторяют слова моления. В церкви больше всего женщин. Все беднота... Где же богачи молятся?

Вот в этом тусклом углу нищие. Серые, оборванные, с жуткими болезнями и робкими глазами.

Вот старуха нищенка. Ей давно перевалило за восьмой десяток. У ней классический подбородок старости, желтые, вечно жующие зубы и неуверенные движения. Старуха поминутно крестится и опускает голову.

Вот там, в стороне, на полу лежит кем-то оброненный двугривенный. Новенький и блестящий двугривенный.

Старуха давно его заметила. Нужно поднять.

Здесь, в этой бедной церкви, больше пятачка никто не даст.

Целый двугривенный! Трудно нагибаться, и могут заметить.

Трудно старой опуститься на колени. Только бы никто не заметил. Ближе подойти и потом на колени.

Старуха торопливо крестится, ниже и ниже сгибает голову и, кряхтя, опускается на колени.

Земной поклон. Богу и угодникам.

Холодный и грязный пол неприятно трогает лоб.

Где же монета?

А вот — у ноги. Старуха тянется рукой и шарит по полу.

Это не двугривенный — это плевок.

«Искушение, прости господи!»

ВОЙНА. — Веселый альманах. М.; Пб.: Круг, 1923. С. 81—94. (Вышел в первой половине марта: КЛ. № 5. № 1983.) Включалось автором в 52, 24, 25, 40 (Т. 3. С. 237). Второй раздел третьего тома СС, 29—32 открывается небольшим предисловием (с. 101—102):

ОТ АВТОРА

Я начал писать в 1921 году. Первые мои рассказы были большие по размеру — «Любовь», «Рыбья самка», «Старуха Врангель» и «Война». (Эти рассказы напечатаны в самом конце настоящей книги.)

После этих рассказов я оставил так называемую «высокую» литературу для интеллигенции и перешел главным образом на мелкие журнальные рассказы.

Мне казалось, что в наше время такие рассказы более пригодны для читателя.

В дальнейшем же я старался «примирить» эти два направления. То есть я постарался ввести в мелкие рассказы — традицию и сюжет большой литературы. Допускаю, что мне это удалось не полностью.

Так вот, в этом отделе я печатаю первые свои рассказы 1921—23 годов. В них наиболее резко видна разница «высокой» и «мелкой» литературы, которую я в дальнейшем старался преодолеть.

Впрочем, ничего особенного в них не видать. Средние, молодые рассказы. К тому же наиболее удачные я выделил в первую книгу. Собственно, три рассказа: «Письма в редакцию», «Гришка Жиган» и «Лялька Пятьдесят».

Во всяком случае — не настаиваю на прочтении всего отдела целиком. Хотя тут есть рассказы любопытные. А некоторые — так и не хуже более

поздних. Если не лучше. В общем, читать можно. Во всяком случае, надо же куда-нибудь разместить молодой товар.

К тому же, читателю наглядно будет видно, насколько вырос писатель за восемь лет. Или наоборот — читатель роста не увидит, а увидит деградацию писательского хозяйства. В общем, на чей вкус и кто как умеет думать.

Эти первые мои молодые рассказы тем более любопытно прочесть, что последнее время некоторые любители русской словесности восклицают, закрывши глазки: «Ах, первые ваши произведения были, действительно, выдающиеся!»

Так вот, будьте любезны посмотреть. В этом отделе как раз и помещены эти заманчивые произведения, как маленькие, так и большие.

Апрель 1929 года

«Война», согласно авторской датировке в рукописи, хранящейся в ЦГАЛИ (2118, 1, 90), написана в марте 1921 года. Рукопись стилистически весьма отличается от печатного текста: она многословнее, структура многих фраз определяется старой литературной традицией. Вот, например, как звучит начальная фраза второй главки там и здесь: «Очень хорошо жить в провинции» — «А очень великолепно жить в провинции». Интонационный строй речи в первом случае нейтрален, лишен индивидуальной окраски, во втором же — легко узнаваем как именно — и только — зощенковский. Или же в четвертой главке: «Очень прекрасная собой» — «Очень прекрасная из себя». И так далее. Но, разумеется, в значительном числе случаев и рукопись уже свидетельствует о неповторимости авторского лица.

Главки в рукописи имеют подзаголовки: 1. Лисья шуба. 2. Штука. 3. Мятежники. 4. Федюша-сердцегрыз. 5. В овине. 6. Чертова Маруська. 7. Разбойники.

В ЛН, 93 (с. 564) приводится письмо Зощенко Воронскому, написанное, учитывая выход «Веселого альманаха» в первой половине марта 1922 года, не позже февраля: «Мне сказали, что рассказ мой *„Война"* лежит в редакции *„Культура и жизнь"*. Как это случилось — не знаю. Помню, осенью еще дал я этот рассказ Замятину. Он сказал: „Пошлю в Москву, пристрою там". Нынче он говорит мне: «Ну вот, пристроил. Напишите, согласны ли. Журнал „Культура и жизнь". Так вот, тов. Воронский, верно ли это? Если так, то посылаю согласие свое. Напечатайте. Если нужно. Если нет — ответьте. Рассказ из ранних — даже не помню, хорош или плох».

Результат мы знаем. Но любопытно, что летом, когда альманах был не только распродан, но и отрецензирован, в приложении к газете «Петроградская правда» — «Литературной неделе» (№ 3. 4 июня. С. 1) — появились первые три главки «Войны» под заголовком «Лисья шуба», представлявшие по стилистике промежуточный вариант между рукописью и окончательным текстом.

ПОСЛЕДНИЙ БАРИН. — Красный журнал для всех. 1922. № 2. Декабрь.

С. 3—9. Рис. В. Сварога. Включалось автором в 6, 26, 40 (Т. 3. С. 222). Текст, исключая пунктуацию и несколько несущественных мелочей, практически не менялся.

ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ. — Там же. 1923. № 3—4. Март — апрель. С. 10—15. Этот цикл, объединенный, как и синебрюховские истории, фигурой рассказчика — Семена Семеновича Курочкина, чье имя и фамилия стали одним из псевдонимов Зощенко, претерпел самые различные изменения. В этом номере журнала он состоял из вступления, «Рассказа о том, как Семен Семеныч Курочкин попугая на хлеб менял» (позднее — «Попугай» — СС, 86—87. Т. 1. С. 129), «Рассказа о том, как у Семен Семеныча Курочкина ложка пропала», «Рассказа о герое германской кампании». В течение 1923 года появились также «Рассказ о том, как Семен Семенович в Лугу ездил» (позднее — «Дисциплина» — Дрезина. № 3; СС, 86—87. Т. 1. С. 126) и «Рассказ о том, как Семен Семенович в аристократку влюбился» (позднее — «Аристократка» — «Красный ворон». № 42; СС, 86—87. Т. 1. С. 170).

В 1924 году цикл пополнился «Рассказом о том, как Семен Семенович Курочкин работал у барона Некса» (позднее — «Барон Некс» — «Красный журнал для всех». № 1; СС, 86—87. Т. 1. С. 182), «Рассказом о том, как Семен Семенович перестал в бога верить» (позднее — «Монастырь» — «Красный журнал для всех». № 1; СС, 86—87. Т. 1. С. 188), «Рассказом о том, как Семен Семенович Курочкин встретил Ленина» (ранее — «Встреча», позднее — «Исторический рассказ» — «Красный ворон». № 4; СС, 86—87. Т. 1. С. 210), «Рассказом о собаке и собачьем нюхе» (позднее — «Собачий нюх» — «Смехач», № 1; СС, 86—87. Т. 1. С. 181), «Рассказом о медике и медицине» (ранее — «Лекарь», позднее — «Медик» — «Красный ворон». № 7; СС, 86—87. Т. 1. С. 221), «Рассказом о том, как Семен Семенович в квартире электричество провел» (ранее — «Электрификация», не путать с одноименным фельетоном — СС, 86—87. Т. 1. С. 452, позднее — «Бедность», в сильно переработанном виде вошел в «Голубую книгу» под заглавием «Последний рассказ» — «Красный ворон». № 17; СС, 86—87. Т. 3. С. 438; в нашем издании несколько далее печатается первоначальный текст), «Рассказом о колдуне» (позднее — «Колдун» — «Красный ворон». № 10; СС, 86—87. Т. 1. С. 228).

В сборнике «Веселая жизнь» цикл единственный раз напечатан целиком. В сборнике «Над кем смеетесь?!» и СС, 29—32. Т. 3. С. 153—164 цикл, поскольку от него «откололись» многие рассказы, начавшие самостоятельное существование, представлен следующим образом: вступление, «Рассказ о том, как у Семен Семеныча Курочкина ложка пропала», «Рассказ о герое германской кампании», «Рассказ о том, как Семен Семенович в Лугу ездил».

БАБКИН МУЖ. — Пламя. Тифлис. 1923. № 2. 15 мая. С. 12—13. Под рассказом значится: «3 апреля 23 г. Москва». Вторично: Красный ворон. 1923. № 43. Ноябрь. С. 5. Включался автором в сборник «Аристократка», причем текст взят им именно из «Пламени», а не из более поздней публикации, в которой есть немалые отличия. Оттуда исчезло имя ге-

роя — он так и титулуется: бабкин муж. Там сделаны некоторые сокращения, стилистические изменения. Объяснено и загадочное появление милиционера. Вот второй финал:

«Вышел он во двор. Дворника Егора встретил.

— Где, спрашивает, обыски?

— Обыски? Какие обыски? Про что вы?

— Как же, — сказал бабкин муж, — я милицию видел.

— Милицию? Да это квартальный к Нюшке ходит. В пятый номер.

Бабкин муж махнул рукой и побежал к дому. Он подошел к своим дверям, постоял, потрогал звонок, подумал и, покачивая головой, пошел на улицу.

Домой он так и не явился».

НИЩИЙ. — Красная панорама. 1923. № 4, 26 мая. С. 10. Рис. Н. Акимова. Включалось автором в 52, 20, 21, 48, 40 (Т. 1. С. 28). Во все эти издания рассказ вошел в переработанном виде, сокращенным на треть.

БЕСПЛАТНО. — Дрезина. 1923. № 1. Май. С. 4. Под названием «Карусель» включалось автором в 52, 20, 21, 48, 40 (Т. 1. С. 30). В «Голубой книге» (СС, 86—87. Т. 3. С. 189) этот рассказ, кардинально переработанный и расширенный втрое, напечатан под заголовком «Сколько человеку нужно».

Напомню, что это — та самая миниатюра, по поводу которой рецензент счел нужным донести: «А один его рассказик так и прямо с тенденцией. <...> Явная насмешка над бесплатностью» (см. «Документы»).

ЧЕТВЕРО. — Там же. С. 10. Подпись: 3. Рис. Н. Радлова.

ТРЕВОГА. — Дрезина. 1923. № 2. Май. С. 14. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 67 (с пропуском одного предложения и некоторыми неточностями).

МАТРЕНИЩА. — ЛЕ. 1923. № 23. 9 июня. С. 11—12. Включалось автором в 52, 28, 20, 21, 48, 15, 40 (Т. 2. С. 70), 16, 12, 8, 9, 13. Рассказ перерабатывался дважды: для первого же отдельного издания, то есть для сборника «Матренища», и для «Голубой книги» (СС, 86—87. Т. 3. С. 201), где получил иное название: «Рассказ о том, как жена не разрешила мужу умереть». Все три редакции сильно отличаются друг от друга. Вторая из них — с рисунками Б. Антоновского — вошла в книгу: Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 36.

Она заканчивается так:

«Но, может, науке и действительно неизвестны такие факты, однако Иван Савич и посейчас жив. И даже ежедневно вечером сидит себе здоровешенький на проспекте, на углу Гулярной улицы, и тихим голосом просит граждан об одолжении.

А знаете что? А ведь этот случай можно истолковать и медицински, научно. Может, Иван Савич, выйдя на улицу, слишком распарился от волнения, перепрел, и с потом у него вышла болезнь наружу.

Впрочем, неизвестно».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ НАЧАЛЬНИКОВ. — Дрезина. 1923. № 4. Июнь. С. 4. Подпись: Назар Синебрюхов. Перепечатано: ВЛ. 1984. № 7. С. 263.

ХОЛОСТЫЕ ПОЖАРНЫЕ ТАНЦУЮТ. — Там же. С. 7. Подпись: М. З. Эта и следующие три заметки напечатаны под постоянной рубрикой журнала — «40 человек и 8 лошадей». Такую надпись можно было увидеть на теплушках — товарных вагонах, предназначенных для «живого груза», сначала, в войну, только для солдат, а потом и для всех остальных граждан. Не забудем, что «Дрезина» была приложением к «Гудку» — газете железнодорожного ведомства. Оно почему-то особенно склонялось к юмору и потому привечало не одного лишь Зощенко, а всю лучшую когорту сатириков. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую четвертую полосу «Гудка», где оттачивали перья Ильф, Петров, Олеша, Катаев, Булгаков.

ДЕЛИКАТНЫЕ МАШИНИСТЫ. — Там же. В сокращенном виде и с существенной правкой заметка была включена автором в подборку подобных же материалов, озаглавленную «Черт знает что такое». Эта подборка входила в сборники «Социальная грусть», «Над кем смеетесь?!» и СС, 29—32. Т. 2. С. 278—285. В наиболее полном составе представлена в сборнике «Над кем смеетесь?!».

Вот он: 1. Национальное самосознание. 2. На театральном фронте. 3. Кстати о деревообделочниках. 4. Веселый директор. 5. Подкрепил. 6. Скверный анекдот. 7. Позвольте выйти. 8. Бедность. 9. Строгий местком. 10. Научное сообщение. 11. Василий Исаевич. 12. Новый метод преподавания. 13. С перепугу. 14. Деликатные машинисты. 15. 25%. 16. Удостоверение. 17. Герой труда. 18. Тонкое соображение. 19. Просвещенный человек. 20. Землемер.

В «Социальной грусти» даны первые тринадцать номеров. Из собрания сочинений исключены № 2, 5, 10, 14—17, 20.

ЕЩЕ НЕ ТАК СТРАШНО! — Там же.

НЕ ВСЕ СРАЗУ. — Там же.

СПЕЦОДЕЖДА, ИЛИ БЕРИ, БОЖЕ, ЧТО НАМ НЕ ГОЖЕ. — Там же. С. 14. Рис. неустановленного художника.

СДВИГ. — Дрезина. 1923. № 5. Июль. С. 12.

МОЛИТВА. — Дрезина. 1923. № 6. Август. С. 12. Включалось автором в 4, 21, 22, 48, 40 (Т. 1. С. 27).

РЕЧЬ О ВЗЯТКЕ. — Дрезина. 1923. № 7. Август. С. 3. Тот же текст включен автором в сборник «Аристократка». Затем рассказ претерпел серьезные изменения. Он получил название «Речь, произнесенная на банкете», из него исключено начало до слов «Дорогие друзья, вот сейчас, когда мы...», исчез инженер Слива, а вместе с ним и последние три абзаца, предшествующие им еще три абзаца подверглись серьезной правке. В исправленном виде входил в 20, 21, 48, 40 (Т. 3. С. 103).

НЕ ПО ТОМУ АДРЕСУ. — Там же. С. 7. Подпись: Н. С. (Она стоит в конце всей подборки в рубрике «40 человек и 8 лошадей», начатой на с. 7 и завершенной на с. 10, ибо разворот между ними занят «комиксом» Б. Антоновского и Р. Волженина «Повесть о беспартийном рабочем Климе».)

РУГАТЕЛИ. — Там же. Впервые на эту тему — о позорной стихии ма-

терщины, захлестнувшей страну, — Зощенко высказался в заметке «Деликатные машинисты» и не раз возвращался к ней (см., например, «Не дают развернуться» или «На улице», 1940).

С ПЕРЕПУГУ. — Там же. Не путать с одноименной заметкой 1925 года.

КОМАР НОСА НЕ ПОДТОЧИТ. — Там же.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ. — Там же. Не путать с одноименной пародией того же года.

ХОТЯ И БРЕХНЯ, НО ЗАТО ЗДОРОВО. — Там же.

«ЦЕНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОНИЖЕНЫ». — Там же. С. 10.

«ИЗ МИРА НАУКИ». — Там же.

ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА. — Красная нива. 1923. № 35. 2 сентября. С. 14—15. Под тем же названием есть рассказ другого содержания, хотя действие в нем тоже происходит в поезде. Он напечатан в журнале «Чудак» (1929. № 39), а в переработанном виде — в «Голубой книге» (СС, 86—87. Т. 3. С. 434) под заголовком «Мелкий случай из личной жизни».

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ. — Красный ворон. 1923. № 35. Сентябрь. С. 2. Б. п. Эта и следующие три заметки напечатаны под рубрикой «В трех соснах». Включались автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40 (кроме последней, в 42 и СС, 29—32 не вошедшей).

СТРОГИЙ МЕСТКОМ. — Там же.

ТОНКОЕ СООБРАЖЕНИЕ. — Там же.

25%. — Там же.

БАБА. — Там же. С. 3. С мелкими изменениями (например, «виновным» — «виноватым») включалось автором в 40 (Т. 1. С. 31), а до того — в журнальном варианте — в 4, 1, 48, 2. Перепечатано: Огонек. 1989. № 11. С. 20—21 (под заголовком «В суде», у Зощенко мне не встречавшимся).

АМЕРИКАНЦЫ. — Красный ворон. 1923. № 38. Октябрь. С. 3. Включалось автором в 4, 20, 21, 48, 40 (Т. 3. С. 128).

УЧЕНЫЕ ДРЕВООБДЕЛОЧНИКИ. — Красный ворон. 1923. № 39. С. 2. Б. п. Под рубрикой «В трех соснах». Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40 под заголовком «Кстати о деревообделочниках».

ПРИЯТЕЛИ. — Там же. С. 3. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 69.

НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ. — Красный ворон. 1923. № 41. Ноябрь. С. 5. Б. п. Под рубрикой «В трех соснах». Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25.

ТЩЕСЛАВИЕ. — Красный ворон. 1923. № 42. С. 2. Включалось автором в сборник «Аристократка».

МЕДАЛЬ. — Красный ворон. 1923. № 44. Ноябрь. С. 6. Включалось автором под заголовком «Герой» в 28, 20, 21, 48, 40 (Т. 1. С. 25). В «Бегемоте» (1926. № 4) напечатан фельетон «Герой» другого содержания — см.: СС, 86—87. Т. 1. С. 492.

БОЖЕСТВЕННОЕ. — Красный ворон. 1923. № 46. Декабрь. С. 6. Подпись: М. З. Заголовок, как исключение, дан по книжным публикациям, а не по журналу. Там материал соседствует с разделом «В трех соснах» и на-

з в а н , — очевидно, по аналогии — «В двух соснах», что в связи с его содержанием выглядит странно. Включалось автором в 42, 24, 25, 40 (Т. 2. С. 209), 8. Сделана незначительная правка.

НОВЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ. — Красный ворон. 1923. № 47. Декабрь. С. 6. Подпись: Н. С. Эта и следующие две заметки, напечатанные под рубрикой «В трех соснах», включены автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40. Там учитель Ландога обозначен инициалом — Л.

ПОДКРЕПИЛ. — Там же. Последняя фраза из подборки «Черт знает что такое» исключена.

УДОСТОВЕРЕНИЕ. — Там же.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК. — Красный ворон. 1923. № 48. Декабрь. С. 3. Подпись: Н. С. Эта и следующая заметка напечатаны под рубрикой «В трех соснах». Включена автором в подборку «Черт знает что такое» в 24, 25, 40. Последние два абзаца оттуда исключены.

ЗЕМЛЕМЕР. — Там же. Включено автором в подборку «Черт знает что такое» в 24, 25.

КРЕПКАЯ ЖЕНЩИНА. — Дрезина. 1924. № 16. Январь. С. 8. Подпись: Назар Синебрюхов. Перепечатано: Смена. 1989. № 6. С. 10.

БЕДНЫЙ ВОР. — Красный ворон. 1924. № 6. Февраль. С. 6. Подпись: Н. С. Напечатано под рубрикой «В трех соснах».

БРАК ПО РАСЧЕТУ. — Смехач. 1924. № 2. Февраль. С. 10. Включалось автором в 38, 39, 40 (Т. 3. С. 136). Тема и сюжетный ход были использованы в «Голубой книге» (СС, 86—87. Т. 3. С. 245) для рассказа «Женитьба — не напасть, как бы после не пропасть».

В обоих изданиях сборника «Собачий нюх» и СС, 29—32 в роли рассказчика, который в журнале был неким Ваней, выступает Григорий Иванович. Это для автора персонаж не случайный. Вполне вероятно, что он должен был перенять эстафету у Назара Ильича Синебрюхова и Семена Семеновича Курочкина, стать стержневой фигурой некоего нового цикла. Во всяком случае, он заменил собой Семена Семеновича в «Аристократке», появился в рассказах «Твердая валюта» и «Ошибка», напечатанных в «Смехаче» в 1924 и 1925 годах. Потом из «Ошибки», переименованной в «Ошибочку», исчез. Короче говоря, цикл, даже если он и был в проекте, не осуществился.

В дальнейшем «Брак по расчету» подвергся некоторой правке. Был вычеркнут дважды с гордостью упомянутый героем «союз Михал-Архангела», вместо ПЕПО — Петроградского единого потребительского общества, где служила героиня рассказа, возник просто склад, исчезли несколько фраз: «Живем прелестно — райотдел и медовый месяц», «Ах, думаю, ах!» и кое-какие другие мелочи.

В ПОРЯДКЕ БОЕВОГО ПРИКАЗА. — Красный ворон. 1924. № 9. Март. С. 6. Подпись: Н. С. Напечатано под рубрикой «В трех соснах».

«ПЕРЕДОВОЙ ЧЕЛОВЕК». — Красный ворон. 1924. № 16. Апрель. С. 4—5. Вторично — под заголовком «Праздник книги» — Желонка. Баку. 1924. № 9. Май. С. 135. Перепечатано оттуда: ВЛ. 1983. № 2. С. 261—262. Текстуально первый вариант существенно отличается от второго. Он

полнее, гости собираются 5 мая, а не четвертого, как там, иначе пишется фамилия героя — Ситников, а не Сытников, здесь во многих случаях по-другому конструируется фраза. Вот фрагмент из «Желонки» для сравнения:

« — Я все-таки передовой человек, — говорил тов. Сытников, польщенный общим вниманием. — Вот иные люди гостей приглашают на пасху или в день своего рождения, а мне, знаете ли, эти дни вроде как и не праздники. Мне подавай-ка что-нибудь этакое значительное, культурное. Например, День всероссийской печати 5 мая. Так сказать, торжественный день книги. Праздник книги и науки...»

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ. — Красный ворон. 1924. № 17. Май. С. 3. Подпись: Семен Курочкин. Включалось автором в 6 («Рассказ о том, как Семен Семенович в квартире электричество провел»), 39 (здесь и далее — под заголовком «Бедность»), 48, 40 (Т. 2. С. 41). В сильно переработанном виде вошло в «Голубую книгу» с названием «Последний рассказ» (СС, 86—87. Т. 3. С. 438). Первоначальный текст стилистически весьма отличается от всех предыдущих, в которых к тому же отсутствуют пять заключительных предложений. Третья редакция рассказа — «Бедность» — входит в книгу: Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 60.

Фельетон «Электрификация» другого содержания — см. СС, 86—87. Т. 1. С. 452.

ПОДШЕФНОЕ СЕЛО «СМЕХАЧА». — Смехач. 1924. № 10. Июнь. С. 12. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 83.

ПОВОДЫРЬ. — Красная панорама. 1924. № 14. 17 июля. С. 4—5. Включалось автором в 28, 48, 15, 16, 40 (Т. 1. С. 169), 12, 8, 9, 30, 13, 14.

РАЗГОВОРЫ. — Смехач. 1924. № 12. Июль. С. 11. Включалось автором в 39, 20, 21, 48, 40 (Т. 3. С. 125). В главке «Часы» в последующих публикациях «он» заменен на «врач» и вместо «Ему говорят» — «Фельдшер говорит».

ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА. — Красный ворон. 1924. № 25. Июль. С. 5.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО. — Красный ворон. 1924. № 26. Июль. С. 2. Перепечатано: ВЛ. 1984. № 7. С. 256—257.

МАЛОМЫСЛЯЩИЕ. — Красный ворон. 1924. № 27. Июль. С. 4. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 82.

НЕПРИЯТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. — Красный ворон. 1924. № 31. Август. С. 4. Подпись: Семен Курочкин.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН. — Смехач. 1924. № 17. Сентябрь. С. 3.

ТОЧНАЯ НАУКА. — Красный ворон. 1924. № 33. Сентябрь. С. 2. Подпись: С. Курочкин. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 70.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА. — Красный ворон. 1924. № 34. Сентябрь. С. 3. Подпись: М. З.

НЯНЬКИНА СКАЗКА. — Бегемот. 1924. № 5. 7 ноября. С. 14. Б. п. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 72. Со ссылкой на «Бузотер» и указанием подписи «М. З.».

ПОВЫШАЮТ. — Бегемот. 1924. № 6. Ноябрь. С. 7. Б. п. Включалось автором под заголовком «Шипы и розы», заимствованным у фельетона

1925 года, напечатанного в том же журнале, в 28, 29, 37, 48, 40 (Т. 1. С. 55). Им сделана незначительная правка.

СЛУЧАЙ. — Бегемот. 1924. № 9. Декабрь. С. 2. Б. п. Включалось автором в 28, 48, 40 (Т. 2. С. 44). Им заменены два слова («цвета» — «вида» и «говорит» — «докладывает») и дописаны последние две фразы.

ШЕСТЕРЕНКА. — Бегемот. 1924. № 11. Декабрь. С. 2. Б. п. Включено автором в сборник «Личная жизнь». Им сокращено «Примечание „Бегемота"» и вычеркнуты несколько слов (например: «Катитесь колбаской» — «Катитесь»).

СЛУЧАЙ НА ЗАВОДЕ. — Бузотер. 1924. № 3. Декабрь. С. 4. Подпись: М. З. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 71.

ПОЛЕТЫ в КРЕДИТ. — Там же. С. 9. Подпись: Гаврила.

ТОЧНАЯ ИДЕОЛОГИЯ. — Смехач. 1924. № 24. Декабрь. С. 7. Включалось автором в 3, 40 (Т. 1. С. 136). Им сделана мелкая правка.

ДРОВА. — Смехач. 1925. № 1. Январь. С. 7. Включалось автором в 28, 48, 29, 40 (Т. 2. С. 34), 12, 8, 9, 30, 10, 33.

Для «Голубой книги» (СС, 86—87. Т. 3. С. 305) рассказ был существенно переработан и назван «Поимка вора оригинальным способом. (Быль)». А в сборники «Дрова» входили почти в прежнем виде, лишь слегка подправленные. Например, «истинное происшествие» — «подлинное происшествие», «наводнение» (для Ленинграда 1925 года — только что, минувшей осенью, происшедшее событие) — «черт знает что». Сменил фамилию главный виновник происшествия — Мишка. Из Бочкова он превратился во Власова. Между тем, в год написания рассказа он чуть было не стал еще одним постоянным зощенковским персонажем. Скажем, в «Муже» (СС, 86—87. Т. 1. С. 315) действует именно Мишка Бочков, на этот раз «сослуживец, знаете ли, супругин».

Эпиграф (в «Голубой книге» перенесенный внутрь текста) — не мистификация, а шутливое переиначивание шутливого же стихотворения Блока, написанного 21 ноября 1919 года, — «Enjambements»:

Давид Самуилыч! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».

Д. С. Левин, в альбом которого это записано, — завхоз издательства «Всемирная литература», распределявший дрова между его сотрудниками.

Стихотворение тогда еще не было напечатано, но Зощенко, знакомый и с Блоком (см., например, главку «Дом искусств» в книге «Перед восходом солнца» — СС, 86—87. Т. 3. С. 502—503), и с Левиным, его знал по изустным пересказам.

СПИЧКА. — Бузотер. 1925. № 5 [1(5)]. Январь. С. 3. Подпись: М. З. Включалось автором в 21, 22, 48, 40 (Т. 3. С. 105) в сокращенном виде — без первых двух фраз, слов «эти три кита нашей жизни» и «эти три кита», концовки. Вторая редакция заканчивается так: «Ну, народ, конечно, похлопал докладчику и по домам пошел, рассуждая между

собой — к чему, мол, этими цифрами мозги засорять, когда и так все видно».

САМОДЕЯТЕЛИ. — Там же. С. 5. Подпись: Гаврила. Хотя псевдоним, точнее, этот автор-персонаж придуман Зощенко, который часто им пользовался (позже, в «Пушке», он трансформировался в Гаврилыча), под его именем выступали и другие авторы, включая стихотворцев. Так что далеко не все, подписанное Гаврилой, следует относить на счет классика.

ОХ! ТА!.. — Бегемот. 1925. № 3. Январь. С. 4. Б. п. Под заголовком «Дым отечества» и без подзаголовка и последней фразы включалось автором в 42, 24, 25, 40 (Т. 2. С. 222), 8, 9, 13, 14.

ХИТЕР ЧЕЛОВЕК. — Смехач. 1925. № 3. Январь. С. 5. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 74.

ВАЛЯЙТЕ, НАМ НЕ ЖАЛКО! — Бузотер. 1925. № 6. Февраль. С. 10. Б. п. Рис. неустановленного художника.

Вскоре журнал еще раз вернулся к своему нахальному конкуренту. В № 13 (с. 9) читаем:

ПОЧТИЛИ, МОЖНО СКАЗАТЬ

Кто как чествует Гаврилу

В Харькове в честь его выпускают даже журнал. Журнал так и называется:

«Гаврило».

В харьковской газете «Пролетарий» черным по белому напечатано:

№ 7 — журнала — № 7

«ГАВРИЛО»

вышел в свет и рассылается
всем подписавшимся

Видите: уже 7-й номер выходит.

Очень тронут Гаврила этаким необыкновенным вниманием, а все-таки...

Не слишком ли много чести, дорогие харьковские товарищи?

Гаврила не самолюбив. Семь номеров в честь его выпустили — и довольно. Теперь можете переименовать журнал. Ладно?

ПОЗВОЛЬТЕ ВЫЙТИ! — Бузотер. 1925. № 7. Февраль. С. 9. Б. п. Под рубрикой «Сапоги всмятку». Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40. Перепечатано: ВЛ. 1969. № 9. С. 236—237 (с ошибочным отнесением заметки к 1923 году и журналу «Красный ворон»).

300 %. — Бузотер. 1925. № 8. Март. С. 2. Подпись: М. З. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 73.

ЗАСЫПАЛИСЬ. — Бузотер. 1925. № 9—10. Март. С. 2. В очень сильно переделанном виде включено автором в 40 (Т. 2. С. 255).

УЖАСЫ ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА. — Бузотер. 1925. № 11. Апрель. С. 4. Подпись: Гаврила.

ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ. — Бузотер. 1925. № 12. Апрель. С. 9. Подпись: Г. Вот откуда вся подборка получила название. Первая заметка под заголовком «Бедность» и без первой фразы включалась автором в эту подборку в 42, 24, 25, 40.

БЕДНЫЙ ТЫРКИН. — Бегемот. 1925. № 13. Апрель. С. 4.

№ 1028. — Бузотер. 1925. № 13. Май. С. 5. Подпись: Гаврила. Перепечатано: ВЛ. 1984. № 7. С. 267—268.

ВЕСЕЛЫЙ ДИРЕКТОР. — Там же. С. 8. Б. п. Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ. — Там же. Включалось автором без последней фразы в ту же подборку в тех же изданиях. Не путать с одноименной заметкой в «Бегемоте» за тот же год — см. ниже.

ВОРЫ. — Бегемот. 1925. № 23. Июнь. С. 7. Включалось автором в 47, 20, 21, 48, 40 (Т. 2. С. 50), 12, 8, 9, 30, 13, 14. Была сделана незначительная правка, в том числе к фразе «Один сукин сын даже чернильницу унес» добавлена еще одна: «С чернилами». В сильно измененном виде под заголовком «Рассказ о том, как чемодан украли» входит в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 303).

ДОМАШНЕЕ СРЕДСТВО. — Бузотер. 1925. № 15. Июнь. С. 2. Подпись: Гаврила. Под таким же заголовком в «Ревизоре» (1929. № 2) напечатан фельетон другого содержания (СС, 86—87. Т. 1. С. 515).

С ПЕРЕПУГУ. — Там же. С. 9. Б. п. Под рубрикой «Гаврила бузит». Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40. Перепечатано: ВЛ. 1969. № 9. С. 237 (с ошибочным отнесением заметки к 1923 году и журналу «Красный ворон»).

Не путать с одноименной заметкой 1923 года в «Дрезине» — см. выше.

ВРЕДНЫЕ МЫСЛИ. — Бузотер. 1925. № 16. Июль. С. 4. Подпись: Гаврила. Включалось автором в 42, 24, 25, 40 (Т. 2. С. 220).

ВАСИЛИЙ ИСАЕВИЧ. — Там же. С. 8. Б. п. Под рубрикой «Гаврила бузит». Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 42, 24, 25, 40.

НА ТЕАТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ. — Там же. В той же подборке включалось автором в 42, 24, 25.

ШИПЫ И РОЗЫ. — Бегемот. 1925. № 25. Июль. С. 9. Подпись: Семен Курочкин. Фельетон не перепечатывался, а заголовок был передан рассказу «Повышают» — см. выше.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ. — Бегемот. 1925. № 30. Август. Подпись: «Бегемот». Включено автором в сборник «Личная жизнь», где датировка — 1924. Не путать с одноименной заметкой в «Бузотере» за тот же год — см. выше.

ГЕНИЙ ИЗ АЛЕШЕК. — Бузотер. 1925. № 20. Сентябрь. С. 2. Подпись: Гаврила.

ХИТРЕЕ МУХИ. — Там же. С. 5. Подпись: Гаврила.

ОБШТОПАЛИ. — Бузотер. 1925. № 21. Сентябрь. С. 2. Подпись: Гаврила.

ЗЕЛЕНЫЙ УЖАС. — Там же. С. 5. Подпись: Гаврила.

ГИБЕЛЬ СТРОИТЕЛЕЙ. — Бузотер. 1925. № 22. Сентябрь. С. 2. Подпись: Гаврила. Включалось автором в 42, 24, 25, 40 (Т. 2. С. 216).

ГЕРОЙ ТРУДА. — Там же. С. 8. Б. п. Под рубрикой «Гаврила бузит». Включалось автором в подборку «Черт знает что такое» в 24, 25.

ИНЖЕНЕР. — Бегемот. 1925. № 38. Октябрь. С. 6. Включалось автором в 24, 25 с небольшой правкой. Володька поступал там не в кинотехникум, а в Ветеринарный институт. Концовка выглядит так:

«А он ручкой махнул и пошел.

А фуражка так за ним и осталась. Наверное, на что-нибудь пригодилась. Пущай. Ладно».

ЮБИЛЕЙ. — Бегемот. 1925. № 46. Ноябрь. С. 10. Подпись: «Бегемот».

АВАНТЮРНЫЙ РАССКАЗ. — Бегемот. 1925. № 49. Декабрь. С. 4. Включалось автором с незначительной правкой в 5, 24, 25, 40 (Т. 1. С. 45).

ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА. — Бузотер. 1926. № 4. Февраль. С. 2. Подпись: Гаврила. Перепечатано: Смена. 1989. № 6. С. 10.

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ. — Бузотер. 1926. № 6. Апрель. С. 2. Подпись: Гаврила. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 76.

СПЕШНОЕ ДЕЛО. — Бегемот. 1926. № 49. Декабрь. С. 2. Включалось автором в 23, 24, 25, 40 (Т. 3. С. 32), 12. Рассказ послужил основой для одноактной комедии «Преступление и наказание» — см. соответствующий раздел в этом томе.

СУЕТА СУЕТ. — Бегемот. 1926. № 50. Декабрь. С. 4. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 75; Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. С. 152.

БЛЕДНОЛИЦЫЕ МОИ БРАТЬЯ. — Смехач. 1927. № 1. Январь. С. 4. В журнале напечатаны только те два рассказа, которые и представлены в нашем томе. Затем Зощенко был составлен цикл из пяти рассказов под названием «Бледнолицые братья», давший название одному из сборников. В него вошли: 1. Идейный организм. 2. Квартира. 3. Юморист. 4. Скупой рыцарь. 5. Обезьяний язык. № 3 и 4 впервые опубликованы в «Бегемоте» (1927. № 6), № 5 двумя годами раньше открывал одноименный сборник. Эти три рассказа входят в СС. 86—87. Т. 1. С. 502, 503, 264.

Цикл включался автором в 5, 24, 25, 40 (Т. 2. С. 177—186).

ВОЛОКИТА. — Бузотер. 1927. № 5. Февраль. С. 2. Рис. А. Успенского. Без первых двух фраз и с мелкой правкой включалось автором в 5, 24, 25, 13, 14. В существенно переработанном виде вошло под заголовком «Интересное происшествие в канцелярии» в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 373).

ИГРУШКА. — Пушка. 1927. № 33. Август. С. 2. Включалось автором в сборник «Личная жизнь», где в начале дописаны несколько абзацев, а первая фраза журнального текста изменена:

«Нет, вы не думайте, что вопрос о детских игрушках — пустяковый вопрос, которым, что ли, зазорно заниматься серьезным людям.

Этот вопрос мы считаем очень крупным и даже обращаемся за помощью к общественности.

Очень глупо поставлено это дело. Детские игрушки делают плохо и без интереса. Только чтоб продать.

В другой раз ребенку купишь игрушку — ребенок хнычет, не хочет играть. Ну, поиграешь сам и кинешь к чертовой бабушке.

Особенно, конечно, летом ребенку покупать игрушки — это ужасно неприятная история».

На ту же тему — см. фельетон 1944 года «О маленьких для больших».

КАТОРГА. — Бегемот. 1927. № 34. Август. С. 4—5. Включалось автором в 22, 24, 25, 40 (Т. 2. С. 131). Перепечатано: Сов. культура. 1989. № 39. С. 6.

НЕПРЕДВИДЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. — Пушка. 1927. № 39. Сентябрь. С. 7. Включалось автором в 43, 19, 40 (Т. 2. С. 273). Перепечатано: Огонек. 1989. № 11. С. 21.

БЫСТРЫ КАК ВОЛНЫ ВСЕ ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ. — Пушка. 1927. № 48. Ноябрь. С. 3. Текст М. З. Рис. Н. Радлова.

ГРАФОЛОГИЯ. — Пушка. 1927. № 49. Декабрь. С. 4. Текст М. З. Рис. Б. Малаховского. На ту же тему через три года Ильф и Петров написали фельетон «Довесок к букве „Щ"». И там действие происходит в учреждении. Только увольняют не графолога, а чуть было не остается без работы сотрудник, получивший за некоторую мзду столь лестную характеристику, что она весьма насторожила его начальника: «Наконец-то он сыскал змею, которая таилась в недрах учреждения и могла когда-нибудь занять его место».

НОВАЯ ЭПОХА. — Пушка. 1927. № 51. Декабрь. С. 5. Текст М. З. Рис. Н. Радлова.

ЖУЛИК. — Бегемот. 1927. № 52. Декабрь. С. 2. Включено автором в сборник «Трезвые мысли» под заголовком «О пользе неграмотности». Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 77.

БЕРЕГИТЕ ЗДОРОВЬЕ! — Пушка. 1928. № 3. Январь. С. 3.

НЕПРИЯТНОСТЬ. — Пушка. 1928. № 4. Январь. С. 6. Подпись: Михал Михалыч. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 79. Не путать с одноименным рассказом 1929 года — см. ниже.

ЦЫГАНСКИЙ МОТИВ. — Пушка. 1928. № 9. Февраль. С. 5. Подпись: Гаврилыч. Рис. Б. Малаховского.

Некоторые наши учреждения шумною толпою... — Шутливо переиначенные строки из начала поэмы «Цыганы»:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.

РАБОТЯГИ. — Пушка. 1928. № 10. Март. С. 7. Подпись: Гаврилыч. Перепечатано: ВЛ. 1984. № 7. С. 266.

КРАСОТА! — Пушка. 1928. № 11. Март. С. 5. Текст Гаврилыча. Рис. А. Юнгера.

Внизу полосы, на которой напечатан этот материал, объявление в рамке: «От редакции. Доводим до сведения годовых подписчиков, что наш сотрудник Гаврилыч захворал гриппом. Температура 37,7, пульс 120, телефон 565-55. Однако, несмотря на такие цифры, герой труда продолжает работать. И дважды спрашивал по телефону, почем на рынке серое

мыло. Сочувственные телеграммы просим посылать по старому адресу. Гаврилыч, не падай духом!»

БРАЧНЫЙ АППАРАТ «ТУСТЕП». — Пушка. 1928. № 12. Март. С. 3. Подпись: Гаврилыч. Рис. Н. Радлова. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 90.

ВАНЬКУ ВАЛЯЮТ. — Там же. С. 6. Текст Гаврилыча. Рис. Рафаэля.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ — ЗАГРАНИЦА. — Пушка. 1928. № 13. Март. С. 5. Текст Гаврилыча. Рис. Б. Малаховского.

...гляди без визы на отечественный небоскреб. — На рисунке — покосившаяся избушка на высоком холме, на которую снизу смотрят туристы.

ПОДКАЧАЛИ. — Пушка. 1928. № 14. Март. С. 6. Текст Гаврилыча. Рис. Б. Шемиота. Включено автором в подборку «Дни нашей жизни» в сборнике того же названия.

СИМПАТИЧНОЕ НАЧИНАНИЕ. — Пушка. 1928. № 15. Апрель. С. 5. Текст Гаврилыча. Рис. А. Успенского. Включено автором в подборку «Дни нашей жизни» в сборнике того же названия.

Вспоминаются знаменитые слова Сергея Есенина... — Шутка, конечно. Зощенко цитирует — не совсем точно — предпоследнюю строку стихотворения Ф. Шиллера «Торжество победителей» в переводе В. Жуковского. Оно заканчивается так:

«Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящий в гробе, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущий!»

ПОМЫТЬСЯ ЗАХОТЕЛОСЬ. — Пушка. 1928. № 16. Апрель. С. 4. Текст Гаврилыча. Рис. А. Любимова. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 87.

ВОТ СПАСИБО-ТО! — Пушка. 1928. № 17. Апрель. С. 8. Текст Гаврилыча. Рис. К. Рудакова. Включено автором под заголовком «Спасибо» в подборку «Дни нашей жизни» в сборнике того же названия.

ГРУБО. — Пушка. 1928. № 20. Май. С. 3. Текст Гаврилыча. Рис. Г. Эфроса. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 88.

КАРМАННАЯ КРАЖА. — Пушка. 1928. № 36. Август. С. 5. Подпись: Гаврилыч. Перепечатано: Смена. 1989. № 6. С. 11.

...неизвестными ворами похищены панельные плиты <...>. Товар вывозили на подводе. — Уж не знаю, радоваться ли такому постоянству, теша ностальгическую тоску по прошлому, или все же огорчаться, но сравнительно незадолго до написания этого комментария ленинградская телепрограмма «600 секунд» сообщила о загадочной краже именно панельных плит, вывезенных — вот он, прогресс! — не на подводе, а на грузовом автомобиле. Правда, те, прежние плиты, предназначались для дорожных работ, а эти, нынешние, — для строительства. Однако, я думаю, принципиального значения это не имеет.

МУЗЫКАНТЫ ДОПРЫГАЛИСЬ. — Пушка. 1928. № 38. Сентябрь. С. 5. Подпись: Гаврилыч.

РАЗДУЛИ КАДИЛО. — Там же. Подпись: Гаврилыч. Фотомонтаж Гаври-

лыча. Это не фотомонтаж, а снимок из какого-то иностранного журнала, на котором изображен весьма фасонистый дом.

ЛОМБАРДИЯ. — Пушка. 1928. № 43. Октябрь. С. 3. Подпись: Гаврилыч. Рис. Б. Малаховского. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 89.

Мы не можем, знаете, за пятачок... — Номер журнала стоил пять копеек.

ПОРА ВСТАВАТЬ. — Пушка. 1927. № 44. Октябрь. С. 7. Подпись: Гаврилыч. Рис. Л. Бродаты.

ТЯГА К ЧТЕНИЮ. — Там же. С. 14. Подпись: Гаврилыч. Рис. Б. Малаховского. Перепечатано: Смена. 1989. № 6. С. 10—11.

ЧЕРТ ВОЗЬМИ! — Пушка. 1928. № 46. Ноябрь. С. 8. Подпись: Гаврилыч. Рис. Б. Малаховского.

КРЫСЫ. — Там же. С. 14. Подпись: Гаврилыч. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 78.

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИНОСТРАНЦАХ. РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ. — Пушка. 1928. № 47. Ноябрь. С. 11. Подпись: Гаврилыч. В заметку вверстано фото импозантного господина в длинном пальто и брюках-гольф. Второго, а тем более последующих «рассуждений» обнаружить не удалось. Не было их.

ВСЮДУ ЖИЗНЬ. — Пушка. 1928. № 48. Ноябрь. С. 14. Подпись: Гаврилыч. Рис. В. Краева.

НЕПОРЯДКИ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ. — Пушка. 1928. № 49. Ноябрь. С. 9. Подпись: Гаврилыч. Рис. Б. Малаховского.

[ГРУСТНО]. — Там же. С. 12. Подпись: Гаврилыч. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 89. В «Пушке» заметка напечатана без заголовка, вместо него — рисунок: луна, лучина, спички, свеча, воткнутая в бутылочное горло, карманный фонарь, коптилка, уличный фонарь и солнце. Заголовок дан в «Волге» публикатором Ю. Томашевским — и в данном случае вольность эта вполне допустима.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ. — Пушка. 1928. №50. Декабрь. С. 3. Подпись: Гаврилыч. Рис. А. Юнгера.

«ПУШКА» — ПУШКИНУ. — Там же. С. 12. Подпись: Пушкинист Гаврилыч. Рис. Л. Бродаты. Перепечатано: ВЛ. 1977. № 3. С. 306 (с измененным заголовком — «Пушкин»).

КОМУ ЧТО, КОМУ НИЧЕГО. — Пушка. 1928. № 52. Декабрь. Подпись: Гаврилыч. Рис. Г. Эфроса. Перепечатано: ВЛ. 1977. № 3. С. 303.

ПУСТОЕ ДЕЛО. — Чудак. 1928. № 1. Декабрь. С. 14. Включалось автором в 19, 19а, 40 (Т. 3. С. 42).

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ. — Печатается по сборнику: Трезвые мысли (вышел в первой декаде марта 1928 года — см. КЛ. № 11. № 4402). С. 3.

Включалось автором в 19, 19а, 40 (Т. 3. С. 107).

НЕПРИЯТНАЯ ИСТОРИЯ. — Печатается по сборнику: Дни нашей жизни (вышел во второй декаде сентября 1928 года — см. КЛ. № 38. № 15 857). С. 20. Указание на то, что рассказ был помещен в «Бегемоте» (1927. № 27), содержащееся во втором томе справочника «Русские советские писатели. Прозаики» (Л., 1964) и повторенное в СС, 86—87 в примечаниях к «Голубой книге», не подтвердилось. Включалось автором в 40 (Т.

3. С. 71), 19, 19а, 12, 13, 14. Для «Голубой книги» (и, конечно, «Избранных рассказов» 1935 и 1936 годов) текст был сильно изменен, Троцкий заменен Рыковым, а потом не стало и его. Там рассказ называется «Интересный случай в гостях» (СС, 86—87. Т. 3. С. 316, с купюрой).

КЛАД. — Чудак. 1929. № 2. Январь. С. 3. Включалось автором в 40 (Т. 3. С. 48), 19, 19а, 12, 8, 9, 30, 13, 14. Начиная с первой же книжной публикации, один фрагмент несколько переделан и дописан:

«И хотя дело не закончилось, тем не менее наша молодая критика может предъявить свои права.

Позвольте, скажут, а чего, собственно, автор хотел сказать этим художественным произведением? Чего он хотел выяснить? И откуда, скажут, видать развитие наших командных высот? Или, может, это чистое искусство для искусства? И, может быть — вообще, автор нытик и сукин сын?»

КРАЖА. — Пушка. 1929. № 2. Январь. С. 3. Подпись: Гаврилыч.

Включено автором в СС, 29—32 (Т. 2. С. 244). Под тем же названием есть рассказ другого содержания (Крокодил. 1933. № 7), включенный затем в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 300) под заголовком «Интересная кража в кооперативе». Он послужил основой для одноактной комедии «Неудачный день» — см. соответствующий раздел тома.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ! — Пушка. 1929. № 3. Январь. С. 4. Подпись: Гаврилыч. Рис. А. Юнгера. Перепечатано: ВЛ. 1977. № 3. С. 304—305.

Скрытое и явное соперничество двух первейших российских городов не сегодня началось и закончится, по-моему, не завтра, если вообще закончится. Когда, по пушкинскому определению, «перед младшею столицей // Померкла старая Москва, // Как перед новою царицей // Порфироносная вдова», белокаменная стала особенно, напоказ, кичиться своей «самостью» перед северным «выскочкой». И грибоедовский Фамусов настаивает: «А, батюшка, признайтесь, что едва // Где сыщется столица, как Москва», да к тому же «на всех московских есть особый отпечаток». Но проходит столетие — и роли переменяются. Теперь уже, после революции, бывший Петербург-Петроград, ставший Ленинградом, уходит на вторые роли — и чем явственней это обозначается, тем язвительней становятся коренные его обитатели. Эта язвительность, вполне, впрочем, обоснованная, ощутима и в маленькой зощенковской заметке, не единственной у него такого рода.

НЕПРИЯТНОСТЬ. — Там же. С. 6. Подпись: Гаврилыч. Не путать с одноименным рассказом 1928 года — см. выше.

НЕ ЗАБАВНО. — Пушка. 1929. № 5. Февраль. С. 2. Подпись: Гаврилыч. Включено автором в СС, 29—32 (Т. 2. С. 241). Под таким же заголовком печатался фельетон другого содержания — см. СС, 86—87 (Т. 1. С. 513).

ВСЕ В ПОРЯДКЕ. — Пушка. 1929. № 6. Февраль. С. 5. Подпись: Гаврилыч. Рис. В. Краева. Под этим же названием в «Бегемоте» (1928. № 21) и «Пушке» (1928. № 19) печатались рассказ и фельетон другого содержания, получившие затем заголовки «Иностранцы» и «Старая история» — см. СС, 86—87 (Т. 1. С. 420, 510).

Ирония Зощенко имеет здесь двойной смысл. Направленная против

конкретных людей, она в то же время, по видимости отрицая спецеедство, как явление характерное, на самом деле не оставляет сомнений в его существовании и распространенности. Недоверие к интеллигенции, в том числе и к научной, технической, внедрялось в сознание народа самыми разными методами — вплоть до фальсифицированных политических процессов. Тут был целый комплекс причин. Вот одна из них, о которой говорит Хрущев в своих воспоминаниях: «Сталин в первые годы революции, гражданской войны занимал, как тогда называли, антиспецевскую, или „спецеедовскую", позицию недоверия к буржуазным специалистам, которых Ленин призывал привлекать к работе <...>» (Огонек. 1989. № 37. С. 29). С этой позиции он не сошел и позднее, хотя и утверждал прямо противоположное.

ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ. — Ревизор. 1929. № 1. Март. С. 4. Включалось автором в 40 (Т. 3. С. 81), 19, 19а, 12, 8, 9, 30, 13, 14.

ТУХЛОЕ ДЕЛО. — Ревизор. 1929. № 4. Март. С. 3. Подпись: Назар Синебрюхов. Рис. неустановленного художника. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 86.

1:0. — Там же. С. 11. Б. п. Под рубрикой «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!». Принадлежность текста Зощенко подтверждается, на мой взгляд, всем интонационным и лексическим строем заметки.

ПРИРОДА И ЛЮДИ. — Ревизор. 1929. № 6. Апрель. С. 5. Подпись: Назар Синебрюхов. Первая часть — «Не про людей» — включена автором в сборник «Личная жизнь» (с. 138). Перепечатано: Сов. культура. 1989. № 39. С. 6.

НЕ ДАЮТ РАЗВЕРНУТЬСЯ. — Ревизор. 1929. № 14—15. Июнь. С. 2. Подпись: Михал Михалыч. Включено автором в СС, 29—32 (Т. 5. С. 57). В переработанном виде входит в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 319) под названием «Забавное происшествие с кассиршей».

БЕССОННИЦА. — Ревизор. 1929. № 30. Октябрь. С. 3. Подпись: М. Гаврилов. Включено автором в сборник «Личная жизнь» без последней фразы и с неверной датировкой — 1926 год.

БУРЛАЦКАЯ НАТУРА. — Ревизор. 1929. № 38. Ноябрь. С. 2. Подпись: Мих. Гаврилов. В переработанном виде входит в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 382) под названием «Рассказ о человеке, которого вычистили из партии». На основе рассказа написана комедия «Уважаемый товарищ» (СС, 29—32. Т. 6. С. 181. Перепечатано: Избранное. 1989. С. 339).

НЕ СОГЛАСЕН. — Ревизор. 1930. № 4. С. 4. Напечатано в специальном номере журнала «Готовь зимой телегу, а летом сани!».

ХИТРОСТЬ. — Ревизор. 1930. № 7. Март. С. 3. Подпись: Мих. Гаврилов. Включено автором в сборник «Личная жизнь». В переработанном виде входит в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 322) под названием «Хитрость, допущенная в одном общежитии».

НЕУВЯЗКА. — Ревизор. 1930. № 11. Апрель. С. 2. Подпись: М. Гаврилов. Включено автором в СС, 29—32 (Т. 5. С. 60). Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 79.

ЛОШАДИНОЕ СРЕДСТВО. — Ревизор. 1930. № 24. Август. С. 9. Подпись: М. Гаврилов.

...указанию тов. Рухимовича. — *Рухимович М. Л.* (1889—1938. Расстрелян) — большевик с дореволюционным стажем, занимал ряд руководящих партийных и государственных должностей, в 1930—31 годах — нарком путей сообщения.

«ВЫДВИЖЕНЕЦ», НЕКРАСИВАЯ ИСТОРИЯ, СПЕШНОЕ ДЕЛО. — Балтиец. Трехдневная газета рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода. 1930. № 69. 20 сентября. С. 3. Подпись: Гаврилыч. Напечатано под рубрикой «Слезай, приехали!», заимствованной из журнала «Чудак».

Эти три заметки относятся к началу работы Зощенко в заводской многотиражке. В следующем номере (№ 70. 23 сентября. С. 2) под той же рубрикой, уже под своей фамилией, он поместил еще три материала: «Уважительная причина», «Вредный характер» и «Стихийное бедствие».

Об этом безобразном деле была напечатана уже заметка. — № 67. 12 сентября. С. 4. Без подписи. Кончается она так: «Это не невежество и не просто хамство, это антисемитизм. Надо раз навсегда дать по рукам Мамаевым. Крепко дать».

НЕ ЗАБАВНО. — Балтиец. 1930. № 71. 27 сентября. С. 3. Под рубрикой «Слезай, приехали!». Внизу полосы напечатан фельетон К. Вагинова, также числившегося членом «писательской бригады», «Как некий товарищ чуть не стал „летуном"».

В «Балтийце» за подписью Зощенко напечатаны также заметки «Неувязка», «Неполадки», «И неполадки и неувязки» (№ 73. 4 октября. С. 3) и с подписями «Мих. Зощенко» и «Зощенко № 2» — «Кузнеца не видать», «Подозрительная личность» (№ 76. 15 октября. С. 2).

Несколько раньше, 11 октября, Михаил Козаков сделал доклад на пленуме Совета ФОСП — «Чертеж писательской психики изменился», в котором сказал: «Такая работа — уже большое достижение не только для М. М. Зощенко, но и для всей литературной общественности Ленинграда» (ЛГ. № 48. С. 2). Конечно, в самом факте сотрудничества известных писателей в заводской печати ничего предосудительного нет. Наоборот — это можно было бы только приветствовать, если бы не связанный с таким явлением противный налет кампанейщины, столь характерной вообще для той эпохи, когда «почины» сменяли друг друга, оболванивая людей очередными широковещательными лозунгами, никак не соотносившимися ни с реалиями, ни со скромными результатами всяческих административно-партийных начинаний. При этом литература, вообще культура превращалась в придаток государственного механизма и перед ней постоянно ставились чисто утилитарные задачи, ей прививался курс на показуху. В этой связи любопытна, например, статья О. М. Лежоевой «Писатели в борьбе с прорывами на производстве», напечатанная в рапповском журнале «Литература и искусство» (1931. № 1. С. 134):

«Сентябрьская кампания по борьбе с прорывами на производстве поставила совершенно особые и новые задачи перед писателями, приняв-

шими участие в этой борьбе. <...> Мобилизованные члены литорганизаций и многочисленные добровольцы, организованные в бригады и прикрепленные к предприятиям, выступают с чтением своих произведений, посвященных борьбе за промфинплан на своем заводе, в обеденные перерывы, в клубе; они пишут лозунги, которые развешиваются в цехах, и главным образом сотрудничают в заводских газетах <...> мы имеем ряд остро-сатирических произведений (эпиграммы, фельетоны), беспощадно бичующих конкретные факты бесхозяйственности, головотяпства, прогулов, разгильдяйства и т. п. с точным указанием цеха, мастерской, имени и фамилии и даже рабочего номера виновных. Таковы, например, фельетоны Зощенко в „Балтийце". <...> Обычная для этого автора своеобразная подача материала, выделяя его фельетоны из ряда обычных газетных статей, тем самым привлекает особенное внимание читателя. Правда, такие приемы оформления темы отчасти смягчают ее остроту, слишком выделяя детали, которые должны были бы только подчеркивать основную мысль».

А вот что писал сам Зощенко (ЛГ. 1930. № 50. 29 октября. С. 3):

НА БАЛТИЙСКОМ ЗАВОДЕ

С ударной бригадой я был послан на Балтийский судостроительный завод.

Конечно, я понимал, что литература, тем более в один месяц, не может принести очень, что ли, существенной и очень реальной помощи для ликвидации прорыва. Но предстоящую мне работу я рассматривал несколько под другим углом, чем это принято в таких случаях.

Я считал, что моя задача должна заключаться не в чтении моих рассказов рабочим, не в придумывании лозунгов и в устройстве бесед, а в той обыкновенной и будничной работе, которую обычно ведут газетные фельетонисты.

И, в силу этого, я попросил прикрепить меня к стенной цеховой газете и к печатной заводской.

Печатная заводская газета «Балтиец» делалась в достаточной мере интересно и занимательно, но материал все же подавался несколько суховато и штампованно.

И вот на этом участке мне и предстояла работа.

Нет сомнения, что писателю вообще, так называемому беллетристу, чрезвычайно трудно перестроить свою привычную работу на этот лад, трудно попасть в тон газете и нелегко овладеть формой короткого фельетона. Эта работа, если можно так сказать, в другом музыкальном ключе.

Лично я этой трудности не почувствовал. Все одиннадцать лет своей работы я, наряду с повестями, писал мелкие рассказы и злободневные фельетоны, полагая, что писать для потомства задача менее почтенная, чем писать для своих современников.

Я взял тот знакомый, привычный материал, который я осмеивал в

течение целого ряда л е т , — о прогулах, о пьяницах, о глупости, хамстве и разгильдяйстве и о том, что протекает крыша, и о тех мелких и ничтожных повседневных делах, которые стоят вне поля зрения высокой литературы.

Это был тот материал, который я всегда оценивал высоко и, по мере своих сил, протаскивал в литературу.

В заводской газете я ввел отдел, какой был когда-то в «Чудаке», — «Слезай — приехали». И в этом отделе стал помещать свои фельетоны, сделанные на фактическом материале.

Надо сказать, что за месяц работы мне не попадался очень интересный и характерный материал. Тут была, главным образом, одна тема — расшатанная дисциплина. Рабочие играли в орлянку во время работы. Рабочий-партиец ушел от срочной работы в пивную. Рабочий-выдвиженец пытался выйти за ворота за папиросами. И когда его не пустили, он ударил сторожа по зубам, крича, что он и его брат — выдвиженцы и к ним нужно иначе подходить.

Вот на эти нехитрые темы я и сделал десятка полтора фельетонов. Должен оговориться — на заводе был и другой материал, более значительный и серьезный, но лично я отбирал себе тот материал, который ближе подходил к моей привычной работе.

Я понимаю, что работа моя незначительна и, вероятно, в силу короткого срока, особой пользы заводу не принесла, но это был, в сущности, по моему мнению, единственный путь для писателя-фельетониста, который пошел с ударной бригадой работать на завод.

Однако несомненно, что литература может принести значительную и ощутимую пользу производству, в том, конечно, случае, когда писатель проработает в заводской газете более длительный срок.

На дальнейшее я условился с редколлегией «Балтийца» — обрабатывать нужный им материал по мере надобности.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. — Ревизор. 1930. № 36. Декабрь. С. 9. Включено автором в сборник «Личная жизнь» с некоторыми сокращениями.

ЗАПУТАЛИСЬ. — Ленинские искры. 1930. № 105, 27 декабря. С. [6]. Включалось автором в 27 и 18.

«Ленинские искры» — ленинградская пионерская газета, в которой Зощенко печатался в самом конце двадцатых и начале тридцатых годов. Фельетоны оттуда составили сборник «Понимать надо». «Баклажка» — сатирический отдел газеты, от имени которого писатель и разговаривает. «Запутались» — один из материалов сорок восьмого выпуска «Баклажки».

В книжные тексты внесены некоторые изменения. Вместо 3-й Детскосельской школы фигурирует некая 73-я и слегка зашифрована фамилия бывшей заведующей: Глинская вместо Балинской.

ПИСЬМА К ПИСАТЕЛЮ

Печатаются по СС, 29—32. Т. 6. 1931. С. 1—179. Не вошедшее в это — второе — издание печатается по книге: Письма к писателю. Л.: ИПЛ, 1929.

Первое упоминание о замысле книги мне встретилось в дневнике К. И. Чуковского, в записи от 23 августа 1927 года. Зощенко сказал тогда ему: «Хорошо бы напечатать собрание подлинных писем ко мне — с маленьким комментарием, очень забавная вышла бы книга» (ЛП. С. 503). В том же дневнике 26 марта 1929 года Чуковский фиксирует: «Зощенко весь захвачен теперь своей книгой „Письма к писателю", прочитал ее мне всю вслух. В ней нет для меня того обаяния, которое есть в других книгах Зощенки, но хотя вся она состоит из чужого материала, она вся — *его,* вся носит отпечаток его личности» (там же. С. 509).

Вероятно, Чуковский не держал в секрете своего мнения. Во всяком случае, Зощенко заколебался в оценке собственного труда, что видно, например, из письма А. М. Горькому от 30 сентября 1930 года: «Я вот выпустил, может быть, Вы знаете, книжку „Письма к писателю". Но эту книжку мне сейчас просто неловко взять в руки, до того я неуклюже и неискренне отнесся к читателям» (ЛН, 70. С. 163). Но Горький с этим не согласился и в письме от 13 октября счел нужным сказать: «Против Вашей оценки „Писем к читателю" (описка автора. — *М. Д.*) я — спорю. Это — хорошая книга, такие возможны только у нас и в наше время, когда писатель становится — как нигде и никогда — настоящим и близким человеком читателю. И хотя весьма часто это — процесс погружения в чепуху, в сорьё быта, но — на мой взгляд — это все же интереснейший процесс плотного сближения с жизнью сего дня. Если разрешите сказать — скажу, что в „Письмах" вы не пользовались всею силой Вашего юмора и это — ее недостаток» (там же).

Мнение Горького имело для Зощенко существенное значение, о чем он сам не раз говорил. И, конечно, собственные, более глубокие размышления над итогами необычной своей работы привели его к тому, что было высказано в «Возвращенной молодости»: «А также выпустил мою самую интересную (документальную) книгу — „Письма к писателю"». Кстати говоря, в этой повести он снова счел необходимым процитировать два письма к себе, причем одно — весьма обширное.

Считаю небесполезным привести материал из газеты „Литературный Ленинград"» (1934. № 2. 9 января. С. 4):

ПИСЬМА

Беседа с Мих. Зощенко

Из открытого ящика стола, доверху наполненного письмами, М. М. Зощенко выбирает наудачу один листок.

«Из Ленинграда мне пишут, что вы очень симпатичный и большой балагур. Так ли это, обязательно ответьте».

— Кроме писем я получаю рукописи и стихи. Стихов очень много. Я никак не могу отделаться от вопроса, почему именно мне присылают столько стихов...

Улыбаясь, Михаил Михайлович читает письмо:

«Прочел твою пару рассказов. Вот так здорово! Посылаю и мои рассказы „под тебя". Сообщи мнение».

И автор письма действительно прислал рассказы — 32 страницы написанного мелким почерком текста «под Зощенко»...

Не на все письма М. Зощенко имеет возможность или желание ответить. Не ответил он, например, Кетти, для которой «денежность — последнее дело, был бы человек...». Не собирается отвечать Зощенко и женщине-врачу А., регулярно раз в неделю на десяти страницах сообщающей Зощенко, как она к нему звонит на кнопку «А» (телефонные номера раньше начинались с букв. — *М. Д.*), но барышни бестолковые и дают ей кнопку «Б», но все равно она его любит, писать не перестанет и добьется, что барышни не будут путать кнопок «женщине-врачу с положением, единственное несчастье которой — неисцелимая любовь...».

— На это письмо я тоже не отвечу, — почти с грустью говорит Михаил Михайлович.

Письмо из Самары. Корреспондент очень просит «помочь в смысле нравственности, т.е. писать мне длинно или коротко или никак не писать, т.е. вообще оставить мечты о музе...».

Письмо «бывшего графа»:

«Ваши произведения действуют мне на нервы. Уверен, что, прочтя строки старого и опытного эстета, сразу перемените свой стиль и будете писать языком высшего класса. Одолжите 50-60 рублей. Лучше 60. Бывший граф — а теперь торгую яблоками. Обратите внимание — какое падение!»

Без ответа останется и письмо сумского корреспондента, несмотря на то, что Михаил Михайлович не скрывает удовлетворения, испытанного им при чтении этого письма. «Ваша биография, — пишет корреспондент, — точная копия моей. Я — поэт, известный всем сумским девицам (100 за две зимы), вы — хороший прозаик». Правда, дальше в письме сумской поэт пишет, что и биография Мишеля Синягина — героя одного из произведений Зощенко — тоже точная копия его собственной биографии — «мы оба поэты». Но Мих. Мих. этой части письма не придал значения... Присланный с письмом сборник стихов (100 за две зимы) всецело поглотил его внимание... Отдельные места Михаил Михайлович читает вслух: великолепный сногсшибательный букет застарелой пошлости расцвел во всем своем блеске. «Грусть», вальс «Грусть», «Глаза», «Искушение», «Пробуждение», «Испытание», «Красиво ресницы тенили»...

— Вот, — Михаил Михайлович беспомощно разводит руками, — писать им не лень... А я читать должен; хорошо еще, что дочитывать не обязательно.

Михаил Михайлович открывает другой, четвертый по счету, ящик, тоже переполненный письмами. Стол уже напоминает почтовое отделение за

разборкой очередной почты. Листы черновиков и личных записок писателя тонут в общей массе.

— Вот образец правильной постановки переводческого дела. — Михаил Михайлович извлекает из ящика с заграничными письмами письмо на бланке полицейпрезидиума вольного города Данцига.

Оберсекретарь полиции и присяжный переводчик при суде вольного города Данцига господин Крюгер жалуется на неточность переводов произведений Зощенко на немецкий язык. «Я предлагаю Вам точный перевод — мое положение и звание присяжного переводчика должны вполне гарантировать Вам совершенно дословный перевод Ваших произведений. Это обеспечит им еще больший успех, чем они уже имеют».

Несколько дней назад Зощенко получил письмо от одного из членов редакционной коллегии крупнейшего американского литературного журнала «Америкен Спектейтер» — Теодора Драйзера. Знаменитый писатель предлагает Зощенко сотрудничать в этом журнале. «Я с огромным интересом читал Ваши юмористические рассказы — те из них, которые переводились на английский язык и выходили у нас здесь», — пишет Теодор Драйзер.

О чем только не пишут, каких только чувств, мыслей, причуд не доносят до адресата разноцветные, разнокалиберные, кокетливые или канцелярски торжественные конверты...

— Чтобы отвечать на все письма, которые я получаю, мне нужно было бы совсем забросить свою профессию.

Но есть письма — и их довольно много, — на которые нельзя не ответить.

Среди писем, адресованных к самому веселому писателю Союза, попадаются письма неожиданные и трагические.

— Их гораздо больше, чем можно было бы предположить. И мне часто пишут такие вещи, которые совсем не настраивают на веселый лад...

«...Обратите внимание на мое положение. Я болен и лежу в постели с 8 лет. Болезнь и страдание размягчили мой мозг. Я ничего не умею и ничего не знаю и всем надоел, но я хочу жить. Научите меня, я хочу жить и разговаривать...»

...Письма, письма, письма каждый день с каждой почтой. Уже заполнены все ящики стола, уже в шкафу нет больше места, уже на подоконниках растут разноцветные горки. А письма все прибывают.

Михаил Михайлович обводит свой стол слегка растерянным взглядом.

— Какая страшная вещь — иметь постоянный адрес! Каждый день два-три письма, — говорит он тихо. — Есть же счастливцы, которые жалуются на неисправность почты... Впрочем, между нами говоря, — я был бы очень огорчен, если бы некоторые письма до меня не дошли... Письма читателей, друзей, критиков, героев моих произведений... Я бы чувствовал себя одиноким, если бы действительно не имел постоянного адреса.

В. Грэффс.

И — напоследок — отрывок из еще одного интервью, взятого у Зощенко Евгением Танком в том же 1934 году (ЛЛ. № 53. С. 3):

«...Тут, по нашей настойчивой просьбе, Мих. Зощенко слегка продемонстрировал нам единственную в своем роде коллекцию писем, — их у него накопилось около 6 тысяч».

Книга «Письма к писателю», несмотря на два издания, до недавнего времени являлась библиографической редкостью — и не столько из-за давности выхода в свет, сколько из-за тиражей, каждый из которых составлял 10 000 экземпляров. Лишь однажды, насколько мне известно, оттуда была сделана перепечатка: М. Чудакова опубликовала три материала — «Комбинация», «Простите ль вы меня за то...» и «Человек обиделся» в журнале «Вопросы литературы» (1969. № 9. С. 240—242). Когда настоящий сборник уже готовился к печати, в издательстве «Московский рабочий» в конце 1989 года вышла книга Зощенко, подготовленная Ю. Томашевским, в которую он — помимо «Возвращенной молодости» и «Перед восходом солнца» — включил тексты второго издания «Писем к писателю». Материалов из первого издания там нет.

Как и Зощенко, мы сохраняем везде орфографию подлинников.

ПРЕДИСЛОВИЕ ко ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ. Эти письма я печатаю взамен убранных мной. — К новым письмам, отсутствующим в первом издании, принадлежат: «Задушевная переписка», «Поет и пишет», «Лелька-Бандит», «Акростих», «Незнакомка», «Человек на улице», «Хороший конец».

Изъятые письма находились на следующих местах: «Донат Весенний» — после «Пастушеской поэзии» (в первом издании — «Пастушеской песни»), «Серьезная критика» — после «Стихов из ночлежного дома», «Письмо рабкора» — после «Плохой молодости», «Я — веселый человек» и «Скромная просьба» — после «Стихов, несозвучных эпохе».

ЧЕЛОВЕК ОБИДЕЛСЯ. ...Из Чубаровского переулка... — Старые москвичи помнят, с чем связывались для них название района — Марьина Роща и название улицы — Домниковская (в просторечии — Домниковка). Это были места, именуемые специалистами криминогенными. Рощинские бандиты гремели на весь город, им мало уступали по печальной известности домниковские воры, промышлявшие главным образом на трех вокзалах Каланчевской (ныне — Комсомольской) площади. Для ленинградцев же криминогенной зоной была Лиговка и ее окрестности. Чубаровский переулок «прославился» тем, что там было совершенно омерзительное групповое преступление, о котором с гневом писала в 1926—1927 годах вся пресса.

Зачем нам в книгах учиться ругаться, когда и так умеют. — Зощенко ответил на этот упрек в послесловии к письму «Дельная критика», что вы прочитаете чуть дальше. А в уже цитированной в разделе «Документы» статье «Литература должна быть народной» вернулся к теме, сказав, что «когда у нас (в общей массе) будут говорить совершенно изысканно, я, поверьте, не отстану от века». К этой фразе он дал примечание:

«Интересно отметить, что читатель (главным образом колхозник) делает большой нажим на меня в этом смысле. За последний год я по-

лучил много писем от читателей, которые просят меня вычеркнуть из моих старых рассказов „некультурные" слова (такие, как, например: жрать, скотина, подохли, морда и т. д.).

Этот факт замечательный: это требование показывает, как сильно изменилось лицо нашего читателя. Нет сомнения, что это законное желание очистить язык от вековой грубости, от слов, рожденных в условиях тяжелой и подневольной жизни. (Это, значит, в „проклятое царское время". Слава богу, что кроме поездки на строительство „канала имени Сталина" ему не довелось столкнуться с лагерным бытом. Что бы он написал в таком случае? — *М. Д.*) И с этим желанием литература наша должна посчитаться.

Но, говоря о моих рассказах весьма солидной давности („Баня", „Аристократка" и т. д.), читатель упускает из виду, что старые мои рассказы (которым по 10 и 15 лет) отражают прежнюю жизнь с ее характерными особенностями. И для правдивого изображения той прежней жизни мне необходимо было в какой-то мере пользоваться этим лексиконом. И если б я ту жизнь попробовал изобразить только при помощи изящных выражений, то получилось бы фальшиво, неверно и лакированно.

И хотя это не совсем правильно, тем не менее я при переиздании всякий раз подчищаю текст моих старых рассказов. (Читатель это легко заметит, если сравнит тексты, напечатанные в данном томе, с теми, которые вошли в „Голубую книгу", например. — *М. Д.*) Однако вовсе „отутюжить" их — не представляется возможным без искажения прошлой действительности».

ДРАМА НА ВОЛГЕ. Из записи в дневнике К. И. Чуковского от 30 октября 1927 года. Монолог Зощенко: «Ах, я только что был на Волге, и там вышла со мною смешная история! По Волге проехал какой-то субъект, выдававший себя за Зощенко. И в него, в поддельного Зощенко, влюбилась какая-то девица. Все сидела у него в каюте. И теперь пишет письма мне, спрашивает, зачем я не пишу ей, жалуется на бедность — ужасно! И, как на грех, это письмо вскрыла моя жена. Теперь я послал этой девице свой портрет, чтобы она убедилась, что я тут ни при чем». (ЛП. С. 506.)

Нынешние самозванцы, согласно изменившейся обстановке, предпочитают выдавать себя за журналистов, о чем мы пару раз читали в «Известиях», или за руководителей знаменитых рок-групп. Но в двадцатые годы авторитет литературы стоял еще достаточно высоко — и Зощенко был не единственным, чьим именем воспользовались. Скажем, в 1925 году «Огонек» (№ 2) сообщил о некоем прохиндее, представлявшемся как Саша Черный, хотя тот давно уже был в эмиграции. Правда, не менее распространенным видом мошенничества был тот, который описали Ильф и Петров в романе «Золотой теленок», выведя на сцену мифических детей лейтенанта Шмидта и упомянув о внуках Маркса и прочих мнимых потомках основоположников и революционеров. Это отнюдь не головная выдумка сатириков.

Но литература позиций не сдавала. Вот о чем рассказал Евгений

Петров в речи на общемосковском собрании писателей в 1937 году: некий молодой человек, представившись по телефону писателем, возглавляющим литературную бригаду ЦК ВЛКСМ, направляемую в Баку и Грозный «для собирания материала о стахановцах нефтяной промышленности», выбил из соответствующего ведомства две тысячи рублей — немалые деньги по тем временам. «Что и говорить, — воскликнул оратор, — происшествие неприятное! И чем больше думаешь о нем, тем неприятнее оно становится. Ведь в самом деле! Жулик Халфин не выдавал себя за врача по уху, горлу и носу, за летчика-полярника, за преподавателя истории и географии, за девушку-парашютистку. *(Смех.)* Нет, он выдал себя за писателя. *(Смех.)* И сделал это рассудительный Халфин потому, что легче всего получить деньги, назвавшись писателем». (И. Ильф, Е. Петров. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1961. С. 408—409.)

ВАЛЬКА С НЮРКОЙ. ...неизданных и запрещенных цензурой рассказов у меня не имеется. — Их, действительно, как будто бы не было. Но затруднения с цензурой случались, а в тридцатые годы вошли в практику (см. «Документы»), тем более что редакционный аппарат периодики и книжных издательств фактически взял на себя цензурные функции, от которых и сейчас отвыкает с трудом, а кое-где — и с явной неохотой.

ЛЯЛЕЧКА И ТАМОЧКА. Пьесы и романы пишут также не менее двух авторов. — Примеров этого немало. Что касается пьес, то Зощенко скорей всего имеет в виду А. Толстого и П. Щеголева, чьи пьесы на историческом материале «Заговор императрицы» и «Азеф» имели большой кассовый успех, хотя серьезная критика и относилась к ним, мягко говоря, весьма прохладно. Из романов можно назвать, например, «Иприт» В. Шкловского и «серапионова брата» Вс. Иванова, к этому времени вышли и «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова.

Кстати говоря, хотя сам Зощенко в прямое соавторство не вступал, он счел возможным принять участие в «коллективном романе 25 авторов», затеянном журналом «Огонек» в 1927 году (№ 1—25) и озаглавленном «Большие пожары». Ему принадлежит глава 19-я — «Златогорская, качай!» (перепечатана журналом «Наука и жизнь» — 1973. № 10).

Я видел стихи, подписанные двумя скромными фамилиями. — По всей видимости речь идет об Арго и Н. Адуеве, поэтах, сотрудничавших в юмористических журналах. Ими выпущены и книжки, скажем, «Переписка друзей, или Киномузей», вышедшая в 1927 году и оформленная начинающим кинорежиссером Сергеем Юткевичем.

ПОЭТ И ЛОШАДЬ. Это письмо мне послужило темой... — См. фельетон «Поэт и лошадь» в СС, 86—87 (Т. 1. С. 509).

ПЛОХАЯ МОЛОДОСТЬ. Я хотела б быть большущим псом лохматым // И сидеть и выть бы на луну. — Таких реминисценций из есенинской лирики (вспомните «Собаке Качалова»: «Давай с тобой полаем при луне // На тихую, бесшумную погоду») много в молодой профессиональной и любительской поэзии того времени, несмотря на яростную борьбу с «есенинщиной» и всевозможного рода «злые заметки». Впрочем, в объектах для борьбы недостатка не было: чуть не целую полку занимают у меня

сборники статей и авторские брошюры и книги, кликушески призывающие покончить с «толстовщиной», «достоевщиной», «воронщиной», «переверзевщиной», «северянинщиной» и так далее — почти до бесконечности.

Воровать для «буржуйки» торцы. — Многие мостовые в Петрограде-Ленинграде были торцовыми. Во время недавнего приезда Н. Н. Берберовой в СССР интервьюер — Феликс Медведев — спросил у нее: «Когда вы уезжали из Петрограда, каким он вам запомнился?» Она ответила: «Голодный, пустой, страшный, торцы выкапывали, чтобы топить печи...» (Книжное обозрение. 1989. № 35. С. 8.)

ДОНАТ ВЕСЕННИЙ. — Настоящая фамилия автора этого письма — Мечик. Их было три брата — и семью эту знал Александр Фадеев в бытность свою на Дальнем Востоке. Он даже дал их фамилию одному из центральных персонажей «Разгрома», хотя лестным для них это никак не назовешь. Судьба разбросала братьев по свету. Донат оказался в Ленинграде, стал режиссером. Он был хорошо знаком с Зощенко, о котором написал и издал воспоминания. Но это было уже не здесь: Донат Мечик эмигрировал, живет сейчас в Нью-Йорке, в 1989 году ему исполнилось 85 лет. Сведения о нем сообщил мне нью-йоркский издатель Григорий Поляк.

ПРИЛОЖЕНИЕ ИЗ ПЕРЕПИСКИ с ЧИТАТЕЛЯМИ. — Литературный современник. 1941. № 3. Март. С. 126—127. Напечатано под рубрикой «Дневник литератора». Здесь же — статья Зощенко «О литературном искусстве».

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

РАССКАЗЫ. ФЕЛЬЕТОНЫ.

ДЕЛА И ЛЮДИ. — Крокодил. 1933. № 5. Февраль. С. 8. Подпись: Михал Михалыч. Рис. Л. Бродаты.

КРОЛИКИ. — Печатается по сборнику «Личная жизнь» (сдан в набор 12 ноября 1933 года). Включено автором в «Избранное, 34». Перепечатано: Сов. культура. 1989. № 39. С. 6.

Вот что писал Л. Колодный в статье «Первый секретарь»: «Приходилось заниматься Хрущеву не только „большими проектами", к которым было приковано внимание всей страны, но и делами самыми будничными, прозаическими, требовалось „накормить рабочий класс", то есть миллионы жителей Москвы. Люди получали продукты по карточкам, и руководство города выбивалось из сил в поисках продуктов. То повсеместно начинали разводить по совету Сталина кроликов, привлекая к этому промыслу заводы и фабрики, то выращивали с их же помощью грибы в погребах и канавах...» (Московская правда. 1989. № 85. С. 4.)

То же самое происходило тогда, разумеется, и в Ленинграде. Кстати, о кроликах Зощенко мог писать почти как специалист: ведь среди его многочисленных профессий была и такая — инструктор по кролиководству.

СТЕНОГРАММА РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА СОБРАНИИ НАШЕГО ЖАКТА ОТ 28 ЯНВАРЯ ЖИЛЬЦОМ ИЗ КВАРТИРЫ № 7. — Крокодил. 1936. № 5. Февраль. С. 12. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев.

Этот номер журнала — тематический: «Советская военная крокодильская энциклопедия в самом сокращенном виде». Не ссылаясь на опыт сатириконцев, но тем не менее используя его, «Крокодил» несколько раз обращался к форме сатирических энциклопедий. В тридцатые годы кроме военной дважды появлялась «Крокодильская советская энциклопедия» (1934. № 29—30; 1936. № 30). В последней из них было, например, следующее: «Воробьиный нос — расстояние, некогда отделявшее троцкизм от фашизма. Впоследствии, как известно, это расстояние стало короче воробьиного носа, а затем свелось к нулю»; «Москва — Волгоканал — организация по переделке географического и социального наследия прошлого»; «Ублюдок — сын Троцкого — Седов».

«Стенограмма...» напечатана в статье «Тыл». Ее предваряет текст: «Тыл — учитывая выдающуюся роль тыла в условиях современной войны, редакция „Крокодила" обратилась к признанному авторитету в этой области, популярному тылологу, заслуженному деятелю М. М. Коноплянникову-Зуеву с просьбой прислать статью о тыле. Маститый деятель, загруженный сверх всякой меры текущей работой, не смог, к сожалению, принять непосредственного участия в составлении нашей энциклопедии, но любезно предоставил в наше распоряжение из своих архивов стенографически записанную речь, которую мы, слегка обработав, и предлагаем вниманию читателей».

Жакт — жилищное акционерное товарищество, предшественник наших ЖСК.

ДАЧА ПЕТРА СВИНЦОВА. — Крокодил, 1936. № 26. Сентябрь. С. 4. Под заголовком «Большой сюрприз» и с некоторыми незначительными поправками включалось автором в 44, 45.

НАУКУ — НА БОРЬБУ С ШУМОМ! — Крокодил. 1936. № 27. Сентябрь. С. 6—7. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев. Под заголовком «Еще о борьбе с шумом» включалось автором в 44, 45. Этот же — книжный — вариант представлен в СС, 86—87 (Т. 2. С. 411). По сравнению с журнальным он существенно сокращен: нет третьего и пятого абзацев в начале, вычеркнуты несколько фраз в середине, изъяты одиннадцатый — девятый и четвертый — второй абзацы от конца.

ТВОРЧЕСТВО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — Крокодил. 1936. № 31. Ноябрь. С. 12. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев. На с. 13 — полосный рисунок Н. Радлова под тем же заголовком, изобразительно комментирующий текст и в свою очередь дающий ему некоторые импульсы: служительница музея греет руки возле «буржуйки», на стенах — покрытые инеем картины, под ними — обледеневшие скульптуры; на одном из полотен Ева зябко кутается в какую-то хламиду, на другом — Лев Толстой поджал босую ногу и т. д. Без всяких натяжек текст и рисунок могут быть помещены в любом сегодняшнем журнале, ибо положение лишь ухудшилось.

НЕТАКТИЧНО ПОСТУПИЛИ. — Крокодил. 1936. № 32. Ноябрь. С. 2—3. Со значительной стилистической правкой и некоторыми дописками включалось автором в 44, 45.

Пример из книжного текста:

«Продавец говорит туристам:

— Платите, милорды, в кассу тысяча восемьсот тридцать два рубля. Сейчас в одну минуту мы с вами провернем эту операцию. Небось, хотите к себе на родину повезти, или как?

И, не получив ответа, он начинает вращать бочонки с маслом».

НА УЛИЦЕ («Давеча я шел по улице...»). — Крокодил. 1937. № 5. Февраль. С. 4. Включено автором в 32. См. далее еще два фельетона под тем же заголовком.

ПАРУСИНОВЫЙ ПОРТФЕЛЬ. — Крокодил. 1937. № 10. Апрель. С. 8. Включалось автором в 44, 32, 10, 45, 49. Журнальный текст подвергся некоторой стилистической правке. В книжном варианте входит в «Избранное» 1989 года. На основе рассказа написана комедия (см., например: Рассказы. Фельетоны. Комедии. Неизданные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. — То же. 1963. — Избранное. Л.: Лениздат, 1981), шедшая во многих театрах страны.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. — Крокодил. 1937. № 16. Июнь. С. 6. Под заголовком «Пожар» включалось автором в 32, 46, 49 и под заголовком «Уголовное дело» в 36, где печатался фельетон «Пожар» другого содержания. Кроме того, под тем же названием — «Пожар» — существует еще один рассказ (Нева. 1956. № 6. С. 83).

Рассказ подвергался авторской правке дважды: для первого книжного издания и для издания 1958 года. В первом случае она была главным образом стилистической, там дописаны несколько фраз и чуть расширена концовка. Во втором случае после фразы дяди «Оно имеет другие цели» следует: «Так что обождите приписывать мне контрреволюцию. Тут совсем иное дело.

Следователь говорит:

— Тогда признавайтесь во всем, и этим вы облегчите свое положение.

Дядя Филатовых говорит:

— Да уж, ясно, признаюсь, чтобы не получить пятьдесят восьмую статью, которая предусматривает самое долголетнее наказание либо путешествие на небо».

Далее по тексту. В связи с этим слова «если его не пошлют путешествовать на небо» из четвертого абзаца от конца выкинуты. А в предыдущий абзац вписано: «Либо этот дом предоставят иным жильцам, а погорельцам тоже что-нибудь дадут из жилплощади».

БРАКИ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В НЕБЕСАХ. — Правда. 1937. № 308. 7 ноября С. 6. Включалось автором в 31, 32, 34, 46, 49, 11, 36. Книжный текст имеет отличия от газетного — он подвергнут сильной правке, кое-что добавлено, а кое-что, наоборот, вычеркнуто. Между вторым и третьим абзацами появился еще один: «Он сам рассказал мне эту историйку с просьбой огласить ее в печати. Вот что он мне рассказал». Упразднены последние

две фразы из двадцатого абзаца. Начиная с двадцать восьмого абзаца и по тридцать третий текст звучит так:

«Последние три дня он непрестанно думал о своей знакомой. Мечтал о встрече. Сделал ей даже надпись в стихах на своей фотокарточке.

И при таком лирическом настроении прыгать ему не так уж исключительно хотелось. Такое тихое, земное дело — женитьба, и вдруг, извольте — прыгайте с такой безумной вышины.

Это, конечно, не совпадало с его умозрительным настроением. А так-то он был не против прыжка.

Но все-таки наш молодой летчик решил исполнить задание. И для этой цели он встал утром чуть свет и стал ожидать, когда его возьмут на самолет.

Но тут он видит, что с этим делом начальство не особенно торопится. Начальник школы, как нарочно, вызвал к себе пилота, с которым наш прыгун должен лететь, и долго с ним беседовал. А время идет. И до поезда остается не так-то много времени.

Но вот, наконец, все готово. И пилот поднимается с нашим молодым летчиком на высоту 1500 метров».

Расширен третий абзац от конца:

«За ужином молодой летчик встает из-за стола, поднимает стакан и говорит:

— Мой первый тост я произношу за нашу молодую прекрасную страну и за ее славных (в издании 1958 года это слово отсутствует. — *М. Д.*) руководителей, ведущих нас от победы к победе.

И второй тост наш молодой летчик произносит за Варю и родных».

ДОЛГ ЧЕСТИ. — Крокодил. 1937. № 32. Ноябрь. С. 2—3. В 1938 году Зощенко относит это произведение к фельетонам, в 1956 — к рассказам. Включалось автором в книгу «За лучших людей. Литературно-эстрадный сборник» (М.; Л.: Искусство, 1938), для которой и было написано, а также в 32, 46, 17.

Современному читателю, думается, небезынтересно и небесполезно узнать, с чем соседствовал этот рассказ в сборнике. Вот несколько цитат.

Из стихотворения Джамбула «Сталинские батыри». С. 5—6:

Пусть первым войдет от народов в Верховный Совет
Немеркнущим солнцем, дающим вселенной свой свет,
Сверкающим гением наших великих побед,
Родной и любимый, сравнений не знающий Сталин!

Калинин и Молотов — вот кандидаты мои;
Герой Каганович, тебе отдаю свое слово;
И с маршалом Климом, кто выстоял грудью бои,
В совет выдвигаю орла и батыра Ежова.

Из стихотворения Якуба Коласа в переводе Сергея Городецкого «Избранникам народа». С. 7—8:

Шумит наша радость,
Как майский парад:
Прославленный гений,
Он — наш депутат!
И Молотов, разум
Советской державы,
И Клим Ворошилов,
Щит воинской славы,
И око республик —
Любимый Ежов —
Нам дали согласье,
Услышав наш зов!

Из стихотворения В. Лебедева-Кумача «Выборная песня». С. 9—10:

Мы тех посылаем в Верховный Совет,
Кто дал нашей Родине мир и расцвет,
Дал правду — сердцам и работу — рукам,
Восторг — молодым и покой — старикам!

Рассказ Зощенко напечатан на с. 62—65.

СКАЗКА. — Печатается по: Рассказы, 38, СП. С. 153. Авторская датировка — 1937 год.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА. — Звезда. 1938. № 1. Январь. С. 107. Включалось автором в 46, 48. Под тем же названием в «Крокодиле» (1938. № 28—29) был напечатан фельетон — см. СС, 86—87. Т. 2. С. 443.

И все мужчины очень ее исключительно любили. — Прямая аналогия с чеховской «Душечкой» здесь была бы неправомерна, но кое-что в характере героини от нее все же есть, хотя бы в истории с тремя мужьями, переписанной, естественно, на советский лад.

Только он пистолета нигде не мог достать... — В 1933 году Юрий Олеша писал в «Заметках драматурга»: «В наших пьесах, если действующее лицо выхватывает револьвер, тотчас возникает вопрос: где он достал револьвер? Драматург записывает в записной книжке: „Затем он в него выстрелит". Это опрометчиво. Сперва нужно тщательно, во избежание лжи и натяжки, обдумать, как, откуда, какими путями оружие оказалось у действующего лица». (Ю. Олеша. Повести и рассказы. М.: ИХЛ, 1965. С. 393.)

Тут, конечно, его окончательно взяли и отправили на одно крупное строительство. — Распространенный сюжет для литературы того времени, причем в данном случае я говорю не о политических делах, а об уголовных. Ведь, скажем, точно так же и точно туда же попал отец героя в гайдаровской «Судьбе барабанщика». И это лишь один пример из многих.

КОРОЛЬ ЗОЛОТА. — Огонек. 1938. № 10. Апрель. С. 11. Включалось автором в 31, 32, 34, 49, 11, 36. Для книжной редакции была произведена небольшая смысловая и стилистическая правка («И многие подумали, что с ним произошла чудесная перемена, как это бывает с другими людьми» — «...перемена, близкая к фантастике» или «И я долго не без любопытства на него смотрел» — «И я долго на него смотрел» и т. п.).

Не станем вдаваться в правовую оценку описанного или рассуждать о нравственности — как индивидуальной, так и государственной. Я хочу напомнить о другом — той беспрецедентной охоте за золотом, драгоценностями, валютой, которая — во имя будто бы высших, общих интересов — была развернута властью. Ее гротескно, язвительно, но точно по сути показал Михаил Булгаков в главе «Сон Никанора Ивановича» романа «Мастер и Маргарита». Это впрямую перекликается с тем, что с негодованием отметил в черновике письма в Совнарком академик И. П. Павлов в конце 1934 года:

«Не знаю, как сейчас, а год-два назад работала так называемая „золотая комната". Т. е. люди, которые подозревались в том, что у них есть сбережения в виде золота, драгоценностей и валюты, хотя незначительные, если они не отдавали его прямо, лишались свободы, заключались в одну комнату и подвергались, конечно, пыткам, должны были стоять, днями и неделями голодали и даже были ограничены в свободе пользоваться уборной. При этом, конечно, многие из истязаемых заболевали. Такой случай я тоже знал. А отнимут каких-то пустячков, золотой крестик, который верующие на груди носят, серебряный подарок покойного мужа». (Сов. культура. 1989. № 6. С. 10.)

В ОГОРОДЕ БУЗИНА, А В КИЕВЕ — ДЯДЯ. — Крокодил. 1938. № 17. Июнь. Напечатано в специальном номере «Экскурсия в Киев».

...расследовать дело надзирателю. — Надзиратель — нынешний участковый уполномоченный.

ПРИГЛАШЕНИЕ в ЛЕНИНГРАД. — Крокодил. 1938. № 20. Июль. С. 3. Вслед за подписью автора следует постскриптум «От редакции»:

«В яркой, хотя и довольно замысловатой форме заслуженный деятель М. М. Коноплянников-Зуев ставит вопрос о приморских красотах Ленинграда, а заодно — и о недостатках планировки и коммунальных устройств этого города. Однако, как мог заметить наш зоркий и бдительный читатель, в статье М. М. Коноплянникова-Зуева имеется ряд противоречий. Для того, чтобы дать читателю более широкие сведения по интересующему вопросу, РЕДАКЦИЯ „КРОКОДИЛА" ПОЧТИ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ ВЫЕХАЛА В ЛЕНИНГРАД И СВОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИЗЛОЖИТ В СЛЕДУЮЩЕМ СПЕЦИАЛЬНОМ НОМЕРЕ «ПУТЕШЕСТВИЕ „КРОКОДИЛА" В ЛЕНИНГРАД».

Возможно, бригада и выехала, но номер такой не был выпущен.

НА УЛИЦЕ («Дозвольте, уважаемые товарищи...»). — Крокодил. 1938. № 21. Июль. С. 8—9. Рис. Е. Когана. Включалось автором в «1937—1939». См. ранее и далее еще два фельетона под тем же заголовком.

У ПОДЪЕЗДА. — Печатается по сборнику: Рассказы, 38, СП. С. 138. Авторская датировка — 1938. Под заголовком «У парадного подъезда» включено автором в сборник «1937—1939».

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ. — Крокодил. 1939. № 6. Февраль. С. 5. В двадцатые годы в журналах под этим заголовком напечатаны два рассказа другого содержания (см. СС, 86—87. Т. 1. С. 350—«Рачис»; 393).

САПОГИ. — Крокодил. 1939. № 17. Июнь. С. 4—5. Включалось автором в 11, 50. В книжной редакции произведена стилистическая правка (на-

пример, «великолепно украли» — «отлично украли»). Но дело коснулось не только стилистики. Не могу сказать, авторская ли это осторожность или редакторская настойчивость, однако некоторые ситуации смягчены, а кое-какие слова заменены более, что ли, благопристойными, не могущими раздражить чей-либо пуристский и идеологически выдержанный слух.

Во втором абзаце «шлянье по магазинам» стало «хождением», в третьем — «мадам» превратилась в «супругу», в пятом убран деепричастный оборот — «протискавшись сквозь толпу»: такого, очевидно, в советских магазинах не должно было существовать. В журнальном варианте дворник сообщает, что почти все жильцы дома «выпивают», в книжном — лишь «склонны к выпивке». Наконец, снята последняя фраза рассказа, где мягко было выражено сомнение, что подходящая мужу героини «изящная обувь» может в конце концов где-то обнаружиться.

Правда, как утверждает кинорежиссер-сатирик Юрий Мамин, факты такого рода понятны только нам, а иностранцам недоступны. Французы, посмотрев, например, фильм Георгия Данелия «Афоня», «были приведены в полный восторг парадоксальной ситуацией — сантехник терроризирует целый район! До чего изощренное воображение у советского (не западного!) режиссера». А далее Мамин описывает случай, прямо относящийся к теме рассказа:

«...гигантская очередь в Гостином дворе. Все нормально — орут, лезут на плечи, добывают сапоги. И вдруг какой-то иностранец решил все это сфотографировать. Как тут очередь развернется, как попрет на иностранного съемщика! Руками машут, за милицией бегут. Дали отпор, выдворили наконец проклятого и снова кинулись драться между собой за сапоги. По-моему, это смешно. Хотя очереди было не до смеха. Она кипела ненавистью. Я понимаю, что люди не виноваты, их довели до этого». (Огонек. 1989. № 38. С. 18.)

ХОРОШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. — Крокодил. 1939. № 24. Август. С. 2. Перепечатано: Смена. 1989. № 6. С. 9.

ИСПЫТАНИЕ. — Крокодил. 1940. № 13. Май. С. 4. Включалось автором в 50, 17. Правка для сборников несколько нивелировала зощенковский стиль. Примеры: «И все шло хорошо и чудесно» — «И все шло чудесно»; «Очень миленькая и красивенькая» — «Очень миленькая»; «И вот проходит, может быть, месяц» — «И вот проходит месяц». Вычеркнута также последняя фраза.

НА УЛИЦЕ («Еще недавно улицы у нас...»). — Крокодил. 1940. № 14. Май. С. 4. Включалось автором в 11, 50. См. ранее два фельетона под тем же заголовком. Правка для книжной редакции шла под тем же углом зрения, что и правка рассказа «Сапоги». Примеры: «Прохожие спокойно слушали площадную брань» — «Прохожие спокойно слушали брань»; «На крик подходит случайный милиционер» — «На крик подходит милиционер» (слово «случайный», — скорее всего по мнению редактора, как бы могло принизить славную когорту стражей порядка). Вычеркнуты две последние фразы.

НА ВСЯКИЙ ЧАС УМА НЕ НАПАСЕШЬСЯ. — Крокодил. 1940. № 22. Август. С. 2. Перепечатано: Волга. 1988. № 7. С. 81.

КОММЕРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. — Крокодил. 1940. № 23. Август. С. 2. Подпись: Засл. деят. М. М. Коноплянников-Зуев. Включено автором в «Фельетоны, рассказы, повести». Сделана мелкая правка и начало стало короче:

«Недавно мы с женой задумали приобрести дубовую вешалку в переднюю.

И для этой цели нам с женой срочно понадобились деньги. И мы пришли к решению — продать один мой лишний выходной костюм».

ОДНОАКТНЫЕ КОМЕДИИ

Зощенко-драматург — тема, исследованная весьма поверхностно и фрагментарно. Между тем, он был мастером и в этой области литературы, хотя и утверждал даже в конце жизни, что далеко не до конца постиг ее секреты и специфику. И однако же театр Зощенко пока больше существует на бумаге, чем на сцене. Не то чтобы его пьесы не ставили — ставили, конечно, и некоторые из них с успехом шли один-два сезона, но в «железный репертуар» так и не внедрились.

Если несчастливую судьбу комедий писателя после 1946 года и до начала шестидесятых можно объяснить главным образом как результат расправы с ним, то редкие их постановки в тридцатые годы требуют более тщательного анализа, что выходит за рамки комментария. Ведь, казалось бы, «Чужой ребенок» и «Простая девушка» В. Шкваркина или «Большая семья» и «Сашка» К. Финна находятся в том же русле так называемой «бытовой комедии», что и «Уважаемый товарищ» или одноактные пьесы Зощенко, причем, на мой взгляд, уступают им по степени таланта и «уровню смеха». Однако те прочно утвердились на сцене, а эти возникали эпизодически. Не в том ли дело, что горький привкус зощенковского юмора таил некую опасность, пришелся не ко времени, а Шкваркин и Финн сосредоточили внимание на «простых и хороших советских людях», остающихся и в комических обстоятельствах на высоте тех идеальных представлений, которые внедрялись в сознание народа пропагандистским аппаратом? Впрочем, это не утверждение, а всего лишь вопрос.

Кстати говоря, сам Зощенко так, по-моему, не думал. Он все относил к своей недостаточной умелости. Вспомните, что написал он Леониду Ленчу уже в 1955 году: «Я 20 лет учусь этому делу и все еще мало знаю. Это самое трудное производство». Тем более испытывал он неуверенность за много лет до этого признания. Вот отрывок из его письма автору «Страха» и «Машеньки» А. Н. Афиногенову от 4 ноября 1939 года: «Дорогой Александр Николаевич! Посылаю комедию <...>. Ваше мнение мне чрезвычайно интересно. Больше того — Ваше мнение я считаю окончательным, так как из всех разговоров о моей комедии я не сумел вывести сколько-нибудь определенного заключения. Театр меня привлекает, но признаюсь Вам, что в этом деле я многого не понимаю и не считаю себя природным драматургом». (2172, 1, 162.) Справедливость требует, чтобы

было приведено мнение, расходящееся с высказанным мною, принадлежащее к тому же человеку, которого я глубоко уважал, крупнейшему театроведу К. Л. Рудницкому. Свою статью о Зощенко-драматурге в «Театральной энциклопедии» (Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1963. Столбец 808) он завершил так: «Сатира З. направлена против мещан, пошляков, стяжателей, невежд. Однако пьесы З., отличающиеся вялостью действия, монотонностью диалога, не имели большого сценического успеха». Прочитав одноактные комедии, вы сами сделаете вывод, так это или не так.

По подсчету Ю. В. Томашевского Зощенко «написано десять пьес, восемь одноактных комедий, два либретто, множество сценок и миниатюр для театральных и эстрадных ревю и др.» (ВЛ. 1989. № 3. С. 263). К этому следует добавить еще несколько работ для кино.

Обратимся теперь к нашим текстам. В 1931 году Зощенко напечатал в журнале «Рабочий и театр» (№ 34. 17 декабря. С. 3) статью «Довольно ютиться на задворках», где утверждал: «Нам нужна короткая одноактная пьеса. Почему бы нашим таким испытанным драматургам, как Афиногенов, Вишневский и Лавренев, не написать хотя бы по одной пьеске? Эта продукция также не унизительна даже для самого высокого честолюбия!»

И он начал подтверждать этот постулат на практике.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ. — Красная новь. 1933. № 3. Март. С. 131—138. Включалось автором в «Альманах эстрады» (Л.: ИПЛ, 1933) и в 18, 44, 45, 51. Комедия написана на основе рассказа «Спешное дело» (см. в настоящем томе). Впервые поставлена Д. Гутманом в Ленинградском мюзик-холле в том же 1933 году. Но предварительные неприятности были. На машинописном экземпляре, представленном в Главреперткомом 2 июня, стоит штамп: «Неприемлемо» (656, 1, 1249, л. 1). Потом дело все-таки утряслось.

Сложнее оказалось залитовать пьесу через два с половиной года. В ЦГАЛИ есть еще один экземпляр машинописи, представленный ЦЕДРАМом (Главным управлением по распространению драматургической продукции) для издания «на правах рукописи». К нему приложено заключение политредактора Злобиной: «<...> само „наказание" за хищения в комедии довольно мягкое — по существу жулик остался на свободе. <...> Произведение устарело. Хищения в торговой сети не носят той примитивной формы, как это имелось в кооперативной сети. С художественной стороны сделано крепко, занимательно». Цензор все-таки разрешает распространить пьесу, сделав некоторые купюры (они, к сожалению, отсутствуют в этом экземпляре). Но начальник управления думает иначе: «Распространять не следует. (Подпись неразборчива.) 4. 3. 36 г.» (656, 2, 1016, л. 10, 11). Однако 1 января 1937 года на обложке экземпляра появляется иная надпись: «Разрешить по литеру „В"» (л. 8).

Что это значит? Привожу разъяснения самого Главреперткома: «„В" — произведения, художественно и идеологически слабо и поверхностно разработанные и неактуальные. *Примечание.* Произведения, литерованные „В", местные органы контроля могут исключать из репертуара в

порядке его отрегулирования по собственному усмотрению, с одновременным оповещением об этом ГРК». (Репертуарный указатель: Официальный справочник разрешенных и запрещенных драматических, музыкальных, хореографических и эстрадных произведений. М.: ГИХЛ, 1934. С. 4.)

Насколько мне известно, «Преступление и наказание» на сцене в довоенные годы и, разумеется, до шестидесятых больше не ставилось. Была предпринята попытка экранизации. Газета «Вечерняя Москва» (1940. № 161) сообщила: «Ленинградская киностудия малых форм снимает кинокомедию „Преступление и наказание" по сценарию М. Зощенко и И. Попова. На снимке: артистка Московского театра эстрады и миниатюр М. В. Миронова в роли Нюши Горбушкиной». А журнал «Советский киноэкран» (1940. № 11) дал даже отрывок из сценария. Но картины прокат не увидел. Я даже не уверен (это нужно дополнительно проверить), что она вообще была закончена.

В «Альманахе эстрады», вышедшем под редакцией Зощенко и собравшем на своих страницах обширный круг сатириков и юмористов — Ал. Флита, Д. Цензора, Р. Волженина, В. Полякова, И. Пруткова и других, кроме «Преступления и наказания» и «Культурного наследия» есть предисловие их автора. Вот оно:

«Ленинградские авторы так называемых „малых форм", то есть авторы, пишущие для эстрады, выпускают свой первый литературный альманах.

Эстрада в наши дни приобрела исключительное значение. Эстрада — это устная литература, это литература, доступная массам, понятная малограмотным и даже неграмотным. Художественное и политическое воздействие ее на слушателей, благодаря сценическому *исполнению*, — огромно.

В силу этого отношение к эстраде, вернее, отношение к эстрадным авторам и к их произведениям, должно быть в высшей степени внимательное — что в настоящее время имеется не в полной мере.

До сего времени эстраду поругивали или хвалили театральные критики или театральные теоретики, но эстрадные вещи как литературные произведения, как ни *странно*, — никогда еще не были под обстрелом литературной критики. Нам кажется крайне необходимым и крайне важным включить эстрадную литературу в общий литературный котел.

И вот, выпуская эту книгу, мы выходим на литературную дорогу. Мы хотим не то чтобы помериться силами с „большой литературой", мы хотим и считаем нужным изменить обычное мнение, обычное представление об эстраде как о чем-то таком внелитературном, как о каких-то куплетах и стишках, которые произносятся с эстрады и в силу особого дарования актера и „по милости *неба*" сходят с рук. (Кстати сказать, даже фамилия автора сплошь и рядом не упоминается.)

Это далеко не так.

Эстрада требует от автора особого уменья брать тему, требует особой остроты ума. Причем необходимо обладать юмором и большой политической зрелостью.

Это не легкий труд. Это труд, который не всем, даже большим писателям, по плечу.

Мы выпускаем эту книгу не как „чтец-декламатор", мы выпускаем ее как литературный альманах, как толстый журнал, рассчитывая этими признаками не отпугать литературную критику.

Следует отметить, что при чтении эстрадных произведений необходимо делать некоторую поправку „на сцену." Необходимо учитывать, что эти вещи писались для сцены.

В этом смысле тут будет некоторое расхождение с обычной литературой.

Иной раз бывает, что явно несмешная вещь при чтении — совершенно иначе звучит на сцене. Иной же раз смешная и веселая вещь при переносе на сцену теряет свои качества. Стало быть, необходимо учитывать сценические условия.

Мне вспоминается один, почти классический случай в этой области. Вл. Маяковский читал свою пьесу „Баня" актерам и худсовету театра им. Мейерхольда.

Я был на этом чтении.

Это было триумфальное чтение.

Актеры и писатели хохотали и аплодировали поэту. Каждая фраза принималась абсолютно. Такую положительную реакцию мне редко приходилось видеть.

Это ввело меня в заблуждение. Мне не понравилась пьеса, она показалась мне сценически беспомощной. И первый раз в жизни я покривил душой, думая, что я чего-то не понял. И когда Маяковский спросил меня — хороша ли пьеса, я сказал, что пьеса хороша.

И второй раз за ужином на квартире Мейерхольда Маяковский, который сидел за столом рядом со мной, еще раз переспросил меня: точно ли хороша пьеса?

И я, вспоминая смех опытных актеров и сценических работников, снова подтвердил свои слова.

На премьере „Бани" у Мейерхольда я не был, но я был на премьере в Народном Доме в Ленинграде.

Публика встретила пьесу с убийственной холодностью. Я не помню ни одного взрыва смеха. Не было даже ни одного хлопка после двух первых актов.

Более тяжелого провала мне не приходилось видеть.

Кажется, через неделю после премьеры Маяковский мне сказал, что он, по-видимому, не понимает „железных законов" сцены.

Этот случай я привел к тому, чтобы показать, какая разница в реакции бывает при чтении и при постановке сценических произведений.

Конечно, этим обстоятельством мы не хотим прикрыть недостатки нашей книги. Далеко не всегда скучная вещь должна засиять на сцене. Мы только просим читателя учитывать сценические положения, которые и создают главным образом остроту и смех.

Мы выпускаем альманах как опыт приближения к „большой литера-

туре". Мы не хотим, чтоб было деление на малую и большую литературу. Все, что х о р о ш о , — это литература.

Пускай делит только качество, а не жанр».

Рассказанное здесь о Маяковском дополняется еще несколькими штрихами — см. раздел «Документы» (23 апреля 1933 года) и главку «За столиком» в книге «Перед восходом солнца» (СС, 86—87. Т. 3. С. 513—514).

Текст комедии в журнале и альманахе почти идентичен. Однако в книге к последней ремарке явления 14-го *(«Целуются. Уходит»)* дана сноска: «Комедию можно поставить как водевиль. Здесь и в дальнейшем указаны куплеты:

«БРАТ.

Примите наше поздравленье
И будьте счастливы вполне.
Жених, умерьте раздраженье,
Сердито не глядите на мене.

ВСЕ.

Однако время уж не ждет,
Пущай по-вашему идет,
Женитьба, впрочем, не напасть,
Но как бы после не пропасть».

В явлении 15-м после реплики Соседа «Да глядите, чего он делает — он роняет мою небель» сноска:

«ЛОМОВИК *(разбивает шкаф).*
Ах, нет трудней моей работы —
Уж очень надо сильным быть.
Дипломатические ноты
Куда как легче сочинить.

Не только надо силой обладать.
Тут надобна другая благодать:
Тут надо много ловкости иметь,
Чтобы шкафы с лица земли стереть».

В явлении 16-м после заключительной ремарки *(«Трое стоят, раскрывши рты»)* сноска:

«ГОРБУШКИН.
Я воровал и был наказан,
Но наказанье свыше сил —
Я очень к небели привязан.
И кодекс б мягче поступил.
Какой удар, какая драма...
Прощайте, небель и жена.

Моя житейская программа
Совсем теперь сокрушена.

На жену мне, впрочем, наплевать...
Но небель чересчур жалею:
Ну где ж теперь другую взять?
Ах, прямо я душой болею».

В последующих книжных редакциях комедии чуть поправлен перечень действующих лиц (например, «Сеня, брат жены» — «Брат жены»), несколько изменены некоторые реплики (например, в конце 6-го явления: «Не пропадете...» — «Дураков много» — только в «Альманахе эстрады», затем эта фраза вообще исчезает). Только в журнале Брат дважды повторяет «По-большевистски» (явления 8 и 10); Жена к фразе «Они сами не понимают, чего хочут» добавляет: «Фигуряют» (явление 12).

Произведена и другая мелкая правка. Кроме того, начиная со сборника «Личная жизнь», дописана концовка явления 17-го (здесь оно числится 18-м, ибо произошло разделение явления 13-го на 13 и 14). После ремарки: *«Подходит к нему. Нежно разговаривают. Целуются»* следует:

«БРАТ. А ну, сестра, пригласите там каких-нибудь гостей, — охота маленько станцевать. *(Сестра уходит.)*

СОСЕД. Ей-богу, я танцевать не буду. У меня сегодня настроение какое-то неподходящее — чего вы мне танцы навязываете.

БРАТ. А зачем женился? Не надо было жениться.

Входит Горбушкин».

В «Альманахе эстрады» эта последняя ремарка выглядит иначе: *«Входят гости. Начинаются танцы. В разгар танцев входит Горбушкин».*

СВАДЬБА. — Красная новь. 1933. № 3. Март. С. 138—144. Включалось автором в 18, 44, 45, 51. Пьеса написана на основе одноименного рассказа (Бегемот. 1927. № 14. С. 10), вошедшего затем в переделанном виде и под заголовком «Свадебное происшествие» в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 260).

В «Документах» за 1941 год вы уже прочитали: «В 32-м году я поставил в Мюзик-холле мою одноактную комедию „Свадьба". Эта моя режиссерская работа увенчалась успехом». Событие немного смещено во времени, что не должно смущать, ибо Зощенко был не в ладах с точными датировками. А все остальное, естественно, чистейшая правда. В ЦГАЛИ хранится соответствующий договор: «Ленинград, 1933 года, 3 января, мы, нижеподписавшиеся дирекция театра „Мюзик-холл" <...> и режиссер Зощенко М. <...> заключили настоящий договор в следующем: 1. Дирекция приглашает режиссера Зощенко М. для постановки пьесы <...> „Свадьба". 2. За указанную работу дирекция обязывается уплатить режиссеру 1500 рублей». (601, 1, 3, л. 31.)

А уже в феврале газета «Вечерняя Москва» поместила рецензию Л. Дорохова на этот спектакль. Забыв (или не зная), что «Уважаемый товарищ» уже шел к этому времени на ленинградской сцене, автор

озаглавил ее так: «Первая пьеса Зощенко». Он писал: «После длительной деятельности в качестве писателя, мастера малой формы и одного из создателей советского юмористического рассказа М. М. Зощенко дебютирует вновь. На этот раз в качестве *драматурга и режиссера.* <...> Первый опыт *оказался достаточно удачным.* Во всяком случае об этом свидетельствует живой интерес, проявленный зрителем к спектаклю, и несмолкаемый смех, которым он сопровождается. <...> Выступая в качестве постановщика „Свадьбы", М. Зощенко проделал большую работу с актерами. Исполнители, во главе с Каюковым (Степан Каюков — известный мастер театра и кино, исполнитель преимущественно острохарактерных ролей. — *М. Д.*) в центральной роли жениха, не только создают ряд острых и выразительных масок, оживляя перед зрителем давно знакомых по рассказам автора героев, но и доносят каждое слово текста, несмотря на обильное уснащение действия комедийными трюками, игрой с вещами, пантомимой и движением» (№ 37. С. 4).

По сообщению «Известий», и через сезон пьеса сохранилась в репертуаре: «Мюзик-холл с 3 октября дает новую программу, в которую входят ревю-джаз-оркестр под управлением пражского дирижера Циглера, водевиль М. Зощенко „Свадьба", выступления Смирнова-Сокольского, велосипедистов Бретфорд, примадонны варшавской оперетты Эльны Гистед, балетные постановки К. Голейзовского и Н. Глан и др.» (1934. № 229. С. 4).

Конечно же, многие не упускали случая провести аналогию, лежащую на поверхности. Это сделал, например, в той же «Вечерней Москве» Борис Бегак: «<...> в сущности в „Свадьбе" Зощенко предстает мелкий буржуа чеховской „Свадьбы", деформированный революцией» (1933. № 101. С. 4). Но возникали и другие ассоциации, за которыми также не нужно было далеко ходить. Вот что писал Симон Дрейден в «Литературном Ленинграде»: «Когда читаешь специальное эстрадное произведение превосходных фельетонистов Ильфа и Петрова — их водевиль „Сильное чувство" (еще одну вариацию на вечную тему юмористики — свадебное празднество. — *М. Д.*), когда смотришь водевиль превосходного писателя М. М. Зощенко — „Свадьба" и задумываешься над речами и поступками героев этих водевилей-близнецов, — нельзя отделаться от чувства досады, неловкости! Пусть по формальным качествам водевили эти возвышаются над обычным эстрадным юмором, но по своей идейной сущности, по своей образной системе — они слишком уж ограничены и неприхотливы». Статья была озаглавлена по Велимиру Хлебникову — «О, рассмейтесь, смехачи» (1935. № 25. С. 2).

В данном случае соавторы и Зощенко оказались «скованными одной цепью», причем тяжелой, кандальной — идеологической. Но чаще их предпочитали сталкивать между собой. И поскольку уже в наши дни мне пришлось снова соприкоснуться с противопоставлением классиков, совершенным, правда, более мягко, даже интеллигентно, но явно в пользу Зощенко, чему сам бы он, я думаю, искренне огорчился, нужно решиться на небольшое отступление.

Как они сами относились друг к другу? Полагаю, что вряд ли их могли порадовать такие, например, критические упражнения: «Можно сказать, что смех М. Зощенко — это смех бытового оппортунизма, смех ради смеха и именно потому глуповатый, недейственный. Ильф и Петров же умеют внушить читателю презрение к той некультурности, грубости, пошлости, которую они изображают» (К. Гурьев. — НЛП. 1929. № 18. С. 70). Когда в 1932 году появился фельетон Ильфа и Петрова «Литературный трамвай», через него рефреном проходила фраза: «А о Зощенко опять ничего не пишут». Под занавес же шел такой текст:

« — А про Зощенко все еще ничего не пишут. Как раньше не писали, так и сейчас. Как будто и вовсе его на свете нет.

— Да. И знаете, — похоже на то, что этот ленинградский автор уже немножко стыдится своего замечательного таланта. Он даже обижается, когда ему говорят, что он опять написал смешное.

Ему теперь надо говорить так: „Вы, Михаил Михайлович, по своему трагическому дарованию просто Великий Инквизитор". Только тут он слегка отходит, и на его узких губах появляется осмысленно-интеллигентная улыбка. Приучили человека к тому, что юмор — жанр низкий, недостойный великой русской литературы. А разве он Великий Инквизитор? Писатель он, а не инквизитор...» (И. Ильф, Е. Петров. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М.: Сов. писатель, 1961. С. 175.)

В годовщину со дня смерти Ильи Ильфа в «Литературной газете» (1938. № 31. 15 апреля. С. 4) появилась статья Зощенко «Сатирик-публицист». В расширенном виде она была включена им в сборник «1937—1939» (с. 307), откуда я и привожу фрагмент:

«Ильф был очень умный и тонкий человек.

Пожалуй, основное свойство его ума — это едкость, язвительность, в чем было иной раз немало горечи и сарказма.

Петрову более свойственен юмор, более свойственны улыбка, смех, мягкая ирония.

Сочетание этих качеств дало удивительный эффект. Это было великолепное сочетание, какое в одном человеке почти несовместимо.

Сарказм и юмор, горечь и веселая улыбка, едкая злость и мягкая ирония — вот что нам дало это превосходное содружество и вот что мы видим в книгах Ильфа и Петрова.

Я чрезвычайно высоко ценю их публицистические работы — фельетоны, статьи, газетные заметки. Но я еще выше оцениваю их роман „Двенадцать стульев" и книгу „Одноэтажная Америка".

Роман „Двенадцать стульев" — это превосходный образчик комического романа. Веселый, смешной и трогательный, он обладает еще отличными качествами, — там есть настоящее знание жизни, и шарж и гротеск только подчеркивают это знание и делают роман в полной мере сатирическим.

Книга „Одноэтажная Америка" — книга исключительной силы.

Тут зрелое мастерство, совершенная форма и отличный язык выдвигают эту книгу в ряд лучших книг советской литературы.

Я читал эту книгу с чувством большой радости. И я, не преувеличивая, скажу — с сожалением перелистывал оставшиеся страницы: мне хотелось, чтоб их было больше».

Вернемся к «Свадьбе».

Текст в журнале и сборнике «Личная жизнь» практически идентичен, внесены лишь несколько мелких поправок («проздравление» — «поздравление», «интересуются» — «интересируются» и т. п.).

Однако в сборниках «1935—1937» и «Эстрада» изменения гораздо более существенны. Часть из них привожу.

В списке действующих лиц вместо 1-го и 2-го гостя и 1-й и 2-й женщины значатся просто Гость и Женщина.

Явление первое: «современных браков» — «скороспелых браков».

Явление второе: «Другой век» — «Грубый век».

Явление третье: снята реплика Матери «Знаете, коммунальная квартира — мало ли чего...». В другой ее реплике замена — вместо «познакомились они на площадке» — «познакомились они, кажется, потом».

Явление пятое: в первой ремарке снята фраза: *«Потом, давясь от смеха, ставит дамский ботик на стол».*

Явление восьмое: снята из реплики Жениха фраза «Я привык их сразу отыскивать».

Явление девятое: к последней реплике Жениха добавлена фраза «И сейчас мне ее к столу надо вести». Последняя ремарка и все явление десятое исключены.

Явление одиннадцатое (в книжных текстах — продолжение явления девятого): из реплики Жениха исключены фразы «Вот и ее пальто. И вот и шляпка ее».

Явление двенадцатое (десятое): вместо «Отец *(хохочет, натравливает).* Взы... Взы... Взы его» — «Отец *(хохочет).* Вот тебе три дни!» В конце добавлена реплика Жениха «То-то я гляжу... Ясно, что не она...».

Явление тринадцатое (одиннадцатое): в начало первой реплики Приятеля добавлено — «Да это не она».

Явление семнадцатое (пятнадцатое): снята последняя фраза «Нет, лучше потом...» из реплики Дочери. После реплики Приятеля «Держись, Шурик, до моего прихода. А ну, разойдись!» снята реплика 2-го гостя.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. — Альманах эстрады. Л.: ИПЛ, 1933. Подписан к печати 13 августа. С. 154—162. В журнале «Вопросы литературы» (1989. № 3. С. 264—270) и в сборнике «Избранное» (М.: Сов. Россия, 1989. С. 378—384) Ю. В. Томашевским снова напечатана эта комедия, однако, судя по серьезным расхождениям с текстом «Альманаха эстрады», по рукописи, хотя это и не оговорено. Тем интереснее сравнение.

Из воспоминаний Владимира Полякова:

«— Хочу написать пьесу для Театра малых форм, — сказал он мне как-то. — Пьесу про заседание петербургских исторических памятников. Екатерина II со своими фаворитами, Медный всадник со змеей, Николай I, Александр III — про собрание чугунных царей. Показать всю их „чу-

гунность". Как считаете? Все пишут исторические пьесы, почему бы и мне не написать? Только я сразу обо всех царствующих особах...

Пьеса была написана за шесть дней и поставлена в ленинградском Театре малых форм под названием „Культурное наследие". Поставил ее режиссер В. В. Раппопорт, автор популярного некогда водевиля „Иванов Павел"» (Восп. С. 148—149).

Главное, однако, было не в стремлении спародировать «исторический театр» или «театр истории», что явно просматривается в словах Зощенко и что нашло воплощение в «Голубой книге». Ему, коренному петербуржцу, было хорошо заметно то небрежение, с каким относилась власть к прошлому российской культуры, воплощенному в камне, чугуне и бронзе и сделавшему город тем, чем он стал для мира, — одной из его художественных вершин. Писателя не могло не тревожить возобладание сиюминутно-политического над долговременными и высшими ценностями. А угроза им все возрастала. Вот, думается, одна из основных причин, по которой было написано «Культурное наследство», — и парадоксальная его форма ничуть не принижала эту мысль. Просто Зощенко в согласии со своим уникальным даром принял систему доказательств от противного.

Я не стану перечислять, каким петербургским памятникам грозило уничтожение или неузнаваемое искажение, сколько актов государственного вандализма уже было к тому времени совершено: все это легко узнать из книг. Лишь один пример, ставший достоянием гласности в самое последнее время и имеющий прямое отношение к персонажу комедии — ангелу с Александрийского столпа. 15 октября 1989 года ленинградская телепрограмма «Монитор» предложила сюжет о том, как Г. Зиновьев намеревался ангела скинуть, заменив его фигурой Ленина. С большим трудом Луначарскому удалось убедить ленинградского властелина не делать этого. «Черт с ним. Пусть остается», — то ли сказал, то ли написал он — и ангел продолжает осенять своим крестом Дворцовую площадь.

Для тех, кто плохо или совсем не знает Ленинград, привожу список памятников (по «Путеводителю по Ленинграду», изданному Ленсоветом в 1929 году, с. 156—158).

«Памятник Петру I — пл. Декабристов. Творение французского скульптора Фальконета и его ученицы Марии Колло, которая лепила голову Петра (1765—1770 гг.). Мощный памятник. Чувствуется напряжение и движение и всадника и лошади под ним. Это — один из лучших памятников Европы. Пьедесталом служит гранитная глыба „Гром-камень", найденная недалеко от Ленинграда. Пьедестал и надпись Фельтена.

Памятник Екатерине II — пр. 25 окт. против б. Александринского театра. Сооружен в 1873 г. скульптором Микешиным при участии Опекушина и Чижова. Характерное произведение эпохи упадка.

Памятник Николаю I — Мариинская площадь. Работы Клодта при участии Монферрана и Ефимова. Один из лучших образцов реалистической скульптуры середины XIX века. Пьедестал и отличная решетка Ефимова.

Памятник Александру III (Пугало) — пл. Восстания. Выдающееся монументальное произведение скульптора П. Трубецкого начала века.

Ярко отражает мрачную эпоху самодержавия. На памятнике четверостишие Демьяна Бедного:

Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел последнего бесславья,
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Александровская колонна — пл. Урицкого. Колонна-монолит высечена из гранитной скалы. Принадлежит к лучшим монументальным сооружениям эпохи начала XIX века. Строил Монферран. Скульптура Ленно и Свинцова. Ангел на колонне работы Орловского.

Памятник Суворову — пл. Жертв Революции. Аллегорическая статуя работы Козловского, одно из лучших произведений XVIII века, характеризующее сказочный поход за Альпы и воплощающее идею непобедимого полководца.

Памятник Пушкину — в сквере на Пушкинской ул. Памятник исполнен по модели акад. Опекушина, несоразмерно мал».

О названиях улиц и площадей. Площадь Декабристов — бывшая Сенатская. Проспект 25 октября — бывший и нынешний Невский проспект. Мариинская площадь — ныне Исаакиевская, площадь Восстания — бывшая Знаменская, площадь Урицкого — бывшая и нынешняя Дворцовая, площадь Жертв Революции — бывшее и нынешнее Марсово поле.

Памятники принцу Ольденбургскому и великому князю Николаю Николаевичу снесены.

Как уже сказано, публикация Томашевского отличается от текста в «Альманахе эстрады». Там нет куплетов Александра III и Николая I, но зато есть фрагменты, отсутствующие здесь. Привожу их.

После ремарки *«Входит Пушкин. В руках у него блокнот. Сочиняет стихи»* следует: «ПУШКИН *(сочиняет).* Птица прыгает на ветке... На ветке...»

После реплики Пушкина «Ну, поскольку вас уже сняли, молодой человек, — это ни к чему, лишняя возня» следует: «АНГЕЛ. Думает, Пушкин, так ему и все можно. Приспособленец. *(Принцу.)* Я говорил: вам загнут салазки».

Финал, после слов Сторожа «...а после снится любая дрянь», продолжается:

«Поглядеть — не сперли ли памятник. Нет, все на месте. Ой, никак у этого кавалера (принц Ольденбургский) шпагу уперли! Ну, это чистое безобразие. Это чистое хамство — у ценных памятников отбивать художественные детали. Вот какое у нас отсталое отношение к культурному наследию... Нет, пардон, кажись, я сам давеча шпажонку взял. Эх, память у вас, Григорий Иваныч, отшибло. Вы же сами шпажонку за трояк загнали. Верно, верно. Чего пардон, того пардон...

Пущай барабан играет — сеанс окончен.

Вашу ручку, Екатерина Васильевна. Не желаете ли польку-бабочку?..»

Некоторые разночтения.

Вторая фраза монолога Сторожа: «Врач говорит: у вас, товарищ Шестиперов, организм есть наскрозь простуженный».

Начало пятого абзаца монолога: «Ну, взять памятник: Фердинанд Лассаль».

В середине этого абзаца вместо слова «загиб» — «троцкизм».

Десятый абзац монолога: «Я тревожусь, как бы из этого памятника этой, как ее, Екатерине Николаевне, или, как ее по батюшке — Екатерине Второй, шестеренок не накрошили».

В реплике Екатерины II из части «Сон» вместо «граф Зубов» — «Валька Зубов», вместо «мужиков» — «сиволапых мужиков».

В другой реплике той же героини вместо «подлец» — «сволочь».

Реплика Принца в той же части: «ПРИНЦ *(вздыхает).* А главное, меня-то за что? Я либерал. Во всяком случае, против крепостного права».

В тексте альманаха выпала строка: «АНГЕЛ. Ежели мелкая надпись — я тоже согласен». Поэтому она заключена в квадратные скобки.

В реплике Ангела «Думает, со змеей, так ему и все можно. Приспособленец» выкинуто последнее слово.

В реплике Екатерины II «Безусловно, подтеки. И змея мятая» нет второй фразы.

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ. — Красная новь. 1934. № 2. Февраль. С. 138—143. Включалось автором в 44, 45, 51. Пьеса написана на основе рассказа «Кража» (Крокодил. 1933. № 7. Март. С. 5—8. Рис. Л. Бродаты). В существенно переработанном виде рассказ под заголовком «Интересная кража в кооперативе» вошел в «Голубую книгу» (СС, 86—87. Т. 3. С. 300). Поэтому — особенно для сопоставления с комедией — считаю целесообразным привести текст рассказа здесь.

КРАЖА

Вот мне часто говорят: «Поскольку вы, товарищ, сатирик, написали бы заместо развлекательных вещиц чего-нибудь остросатирическое, ну там, о ворах, спекулянтах, перерожденцах и мошенниках. Громите их, милый. Не стесняйтесь. Давите их своим дарованием. Чтобы пыль с них, мерзавцев, летела».

Нет, братцы, мы не верим в целебные свойства такой сатиры. Мы не верим, что эти проходимцы и жулики интересуются последними новинками художественной литературы. Мы не верим, что, прочитавши наше такое сатирическое произведение, ряд жуликов одумается и начнет вести правильную жизнь.

Конечно, если там взять фактик да намекнуть, где это было, да перечислить фамилии, да сообщить куда следует, или послать журнал в прокуратуру — такая сатирическая вещица, пожалуй, подействует.

Подействует, конечно, и такая вещица, которая вскроет чего-нибудь новенькое в области жульничества, предупредит дальнейший ход событий и осветит, так сказать, дело, чтоб другим было неповадно.

Вот такой сатирой мы еще можем, пожалуй, заинтересоваться.

Вот попробуем своим пером сатирика коснуться именно такого дела.

А случилась, знаете, кража в нашем кооперативе. Ну вообще — закрытый распределитель. Много товаров. На витрине утки лежат. Приятный голландский сыр. Дамские чулки. Одеколон. Папиросы.

Все это было выставлено в витрине. И, конечно, привлекло чей-то взор.

Одним словом, ночью с заднего хода проник ворюга, подпилил дверь, снял крючок и похозяйничал в магазине. Уволок товару на большую сумму.

И главное — дворник у ворот спал, ничего не заметил.

— Какие-то сны, говорит, мне действительно показывали, но ничего такого я не слыхал.

Он очень, между прочим, перепугался, когда воровство обнаружили. Бегал по магазину, за всех цеплялся. Умолял его не подводить.

Заведующий говорит:

— Твое дело маленькое. Что ты спал, за это тебя по головке не погладят, но навряд ли тебе пришьют какое-нибудь обвинение. Так что ты не пугайся, не путайся под ногами и не нервируй работников прилавка своими восклицаниями, а иди себе и досыпай дома.

Но дворник не уходит. Стоит и расстраивается.

Главное, его расстраивает, что так много уперли.

— Вот этого, говорит, я прямо не могу понять. Я сплю завсегда чутко и завсегда ноги протягиваю вдоль ворот. Не может быть, чтобы через меня два мешка сахару перенесли.

Заведующий говорит:

— Дюже крепко спал, сукин сын. Это ужасти подобно, сколько уперли.

Дворник говорит:

— Чтоб много уперли, этого быть не может. Я бы проснулся.

Заведующий говорит:

— А вот сейчас составим актик, увидим, какая ты есть ворона — такой убыток государству нанес.

Тут начали составлять акт в присутствии милиции. Начали говорить цифры. Подсчитывать. Прикидывать.

Бедняга дворник только руками всплескивает и чуть не плачет — до того, видимо, страдает человек, сочувствует государству и унижает себя за сонное состояние.

Заведующий говорит:

— Пишите. Девять пудов рафинаду. Папиросы «Ант» — 160 пачек. Дамские чулки — две дюжины. Восемь кругов колбасы.

Он диктует, а дворник прямо подпрыгивает при каждой цифре.

Вдруг кассирша говорит:

— Из кассы, запишите, сперли боны на 132 рубля. Три чернильных карандаша и ножницы.

При этих словах дворник начал даже хрюкать и приседать — до того, видать, огорчился человек своей позорной невнимательностью.

Заведующий говорит милиции:

— Уберите этого дворника. Он только мешает своим хрюканьем.

Милиционер говорит:

— Слушай, дядя, уходи домой. Тебя попросят, когда надо будет.

В это время счетовод кричит из задней комнаты:

— У меня висело кашне на стене, теперь его нету. Прошу записать, я потребую возместить нанесенные мне убытки.

Дворник вдруг говорит:

— Сволочь! Не брал я у тебя кашне. И восемь кругов колбасы, — это прямо издевательство. Взято два круга колбасы.

Тут наступила в магазине отчаянная тишина.

Дворник говорит:

— Пес с вами. Сознаюсь. Я своровал. Но я честный человек. Меня возмущает такое составление акта. Я не позволю лишнее приписывать.

Милиционер говорит:

— Стало быть, это ты, подлец, проник в магазин?

Дворник говорит:

— Я. Но я не трогал эти боны, и ножницы, и это сволочное кашне. Я, говорит, взял полмешка сахару, дамские чулки — одну дюжину и два круга колбасы. Я, говорит, не дозволю иметь такое жульничество под моим флагом.

Заведующий говорит:

— Конечно, мы можем ошибиться. Но мы проверим. Я очень рад, если украли меньше. Сейчас прикинем на весы.

Кассирша говорит:

— Пардон, боны завалились за угол. Боны не взяты. Но ножниц нету.

Дворник говорит:

— Я тебе сейчас плюну в бесстыжие глаза. Я не брал твоих ножней, ищи лучше.

Кассирша говорит:

— Ножницы нашла. Они за кассу завалились.

Счетовод говорит:

— Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось.

Заведующий говорит:

— Перепишите акт. Сахару действительно не хватает полмешка.

Дворник говорит:

— Сволочь, считай колбасу! Или я сам за себя не отвечаю. У меня есть свидетельница — тетя Нюша.

Вскоре подсчитали товар, оказалось, — украли все, как сказал дворник.

Его взяли под микитки и увели в отделение.

Тетю Нюшу тоже задержали. У ней было спрятано украденное. Все это у ней отобрали, за исключением одного круга колбасы, который она успела загнать на рынке.

Чего автор хотел сказать этой сатирической вещицей? Куда направлено наше сатирическое жало?

Жало нашей сатиры направлено на дальнейшие события. Мы желаем предупредить подобные факты. А то, знаете, уворуют на копейку, а навернут на тысячу.

В крайнем случае это произведение можно зачитать как развлекательный материал под лозунгом — показ живого человека.

...показ живого человека. — Запоздалая стрела в адрес одного из постулатов рапповского литературоведения. Теоретический этот посыл, вопреки привлекательной формулировке, был столь же догматичен и подчинен правилам антигуманного идеологического катехизиса, как и все остальные литературные принципы РАПП. Впрочем, почему запоздалая? РАПП ликвидировали, но дело ее успешно продолжалось и развивалось.

Для сборников «1935—1937» и «Эстрада» текст пьесы подвергся правке, по большей части — стилистической. Кроме того, были смягчены нелестные определения, которыми пользовались дворник и заведующий: «сволочь» заменена на «нахал», «сукин сын» — на «старый пень» и «старый дурень», милиционер не употреблял слово «подлец» и т.д. В связи с тем, что боны уже вышли из употребления, их сменили «свертки с деньгами».

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЭФИРУ. — Печатается по сборнику «Личная жизнь», подписанному к печати 31 января 1934 года (с. 100—104).

КОРНИ КАПИТАЛИЗМА. — Ленинград. 1940. № 1. Январь. С. 2—4. Включено автором в книгу одноактных пьес (В. Волженин. Третья нить. — В. Каверин. Одна ночь. — М. Зощенко. Корни капитализма. Л.; М.: Искусство, 1939) и сборник «Эстрада», для которого произведена пунктуационная и незначительная стилистическая правка. В том же 1940 году пьеса была размножена Управлением по охране авторских прав.

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

ОПАСНЫЙ ПОВОРОТ. — Печатается по книге «Фельетоны, рассказы, повести» (с. 20—23). Авторская датировка — 1941 год.

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ. — Крокодил. 1943. № 30—31. Сентябрь. С. 5. Включено автором в книгу «Фельетоны, рассказы, повести».

Любопытно, как разные обстоятельства жизни влияют на точку зрения автора. Вы прочитаете дальше фельетон 1945 года «Затемнение в Ново-Анненском», в котором затрагивается та же тема. Но если в первом случае, в разгар войны, Зощенко мечтает о том, что «на столе загса, может быть, будут стоять коробки с конфетами или там с мармеладом», то во втором он уже судит иначе: «Кушать конфеты и слушать музыку можно, вообще говоря, и потом».

БОЛЕЕ ЧЕМ ГРУСТНО. — Крокодил. 1943. № 37. Октябрь. С. 7.

О МАЛЕНЬКИХ ДЛЯ БОЛЬШИХ. — Печатается по книге «Фельетоны, рассказы, повести» (с. 35—37). Авторская датировка — 1944 год.

Вспомните фельетон «Игрушка» 1927 года. Там тоже фигурирует игра «Дьяболо», только у нее иные аксессуары. Но итог — непригодность для пользования — одинаков. А ведь прошло семнадцать лет. Мы вообще отличаемся постоянством: живи Зощенко сейчас, он мог бы без труда разыскать и третий вариант какого-нибудь «Дьяболо» — преемника первых двух.

ДВА ПИСЬМА. — Известия. 1945. № 5. 6 января. С. 3. Включалось автором в 50, 11, 36. Газетный текст подвергся некоторой правке. В четвертый абзац добавлена фраза «Это папе письмо на фронт»; в двенадцатый — «Она спит неспокойно, мечется. Вот уже третий день она больна гриппом»; в тринадцатый — «Парнишка с аппетитом хлебает суп из котелка».

ВНИМАНИЕ — ЛЮДИ! — Известия. 1945. № 67. 21 марта. С. 3. Включено в сборник «Фельетоны, рассказы, повести». В книжном тексте в пятом абзаце вместо «бездушное отношение» — «и, я бы сказал, — механическое отношение»; в конец девятого абзаца дописана фраза «Ваш муж хворал, умер — и вот вам результат»; в начале десятого абзаца вместо «положила в сани тело мужа» — «положила в сани то, что ей дали»; после десятого абзаца дописано: «Родственники и знакомые также сосчитали, что она получила не то, что ей следовало». Остальная правка несущественна.

ЗАТЕМНЕНИЕ В НОВО-АННЕНСКОМ. — Известия. 1945. № 197. 22 августа. С. 3. Напечатано под рубрикой «Маленький фельетон». Включено автором в «Фельетоны, рассказы, повести» под заголовком «Затемнение в Энске». Кроме зашифровки названия райцентра никаких других изменений не произведено.

ЗОЛОТАЯ КОРОВА. — Известия. 1945. № 225. 23 сентября. С. 3. Напечатано под рубрикой «Маленький фельетон».

В № 259 под рубрикой «По следам наших выступлений» говорится: «В „Известиях" от 23 сентября напечатан фельетон М. Зощенко „Золотая корова". Главным управлением государственного страхования ССР дано распоряжение управлению Госстраха Киргизской ССР снять с работы начальника Джалал-Абадского областного управления Госстраха тов. Мартыщенко и предать его суду. Одновременно предложено проверить правильность договоров о добровольном страховании животных (о, великий канцелярский язык! Где еще вы найдете добровольно страхующихся животных? — *М. Д.*) и правильность выплаты страхового возмещения».

ОПАСНОЕ ЛЕКАРСТВО. — Печатается по книге «Фельетоны, рассказы, повести». С. 41. Авторская датировка — 1945 год.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЕЗЬЯНЫ. — Мурзилка. 1945. № 12. Декабрь. С. 2—5. Рис. А. Лаптева. Печатается по тексту: Звезда. 1946. № 5—6. Май — июнь. С. 144—147. Включалось автором в 11, 50, 35. Перепечатано: Кн. обозрение. 1987. № 24. 12 июня. С. 9—10.

Итак, принцип нарушен. Читателю предлагается не первая, а вторая журнальная публикация. Почему? Чтобы ответить, я должен — насколько такое теперь возможно — восстановить историю рассказа, сыгравшего роковую роль в судьбе писателя, и прояснить, была ли предпринятая по отношению к нему акция неожиданной, спонтанной или логически неизбежной.

Обратимся к фактам. Здесь, к сожалению, мы частенько будем попадать на зыбкую почву предположений, однако другого выхода нет. Как в наши дни рисуется вся картина? Редактор «Звезды» Виссарион Саянов, не поставив в известность автора, из не вполне понятных соображений,

публикует материал из «Мурзилки» в своем журнале, после чего и разражается гроза на сталинском Олимпе, сразившая Зощенко ударом молнии. Формально все как будто так и происходило. Однако внешние признаки часто бывают обманчивы.

Начнем с «Мурзилки». В том, что Зощенко сам передал туда рассказ (я склоняюсь к тому, что скорее — переслал по предварительной договоренности), сомнений нет. Они появляются с момента публикации. Вычитывал ли автор гранки? Любопытство не праздное. Кто слегка изменил название: «Приключения обезьяны» на «Приключения обезьянки» — сама ли редакция, полагавшая, что детей нужно кормить манной кашей уменьшительных суффиксов, или автор согласился с этим, а заодно и с теми сокращениями текста и стилистическими изменениями, которые были произведены?

Полагаю, что в известность его, скорее всего, не поставили. В те времена, как, впрочем, нередко и сейчас, с авторами не слишком-то считались, даже с такими маститыми. Редактор вносил собственные коррективы, исходя из своего статуса сеньора, пользующегося данным ему законом правом первой брачной ночи. Вспомните хотя бы приводимое в «Документах» письмо Зощенко Мануильскому, в котором он горестно недоумевал по поводу несогласованных с ним сокращений, сделанных в «Крокодиле».

Правка в «Мурзилке» весьма характерна и для той идеологической сверхосторожности, сверхбдительности, которая была привита сверху редакторскому аппарату с двадцатых годов, и для концепции «счастливого детства», которое следует ограждать от грубых жизненных реалий. Вот примеры.

Из фразы «Она выпала на Дорожку, но не осталась лежать неподвижной по примеру людей, привыкших к военным действиям» вычеркивается сравнение с людьми. Советского человека, да еще воина, не подобало ставить в один ряд с неразумным зверьком. Как бы не получилось принижения. По этим же соображениям, я полагаю, из абзаца, начинающегося фразой «Пробежала она через весь город», вычеркнуто: «Ну — обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городе». Не берусь объяснить, почему далее «кооператив» заменен на «магазин». Но зато вполне понятен следующий вскоре вычерк трех фраз: «Ну — обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствия при отсутствии зарплаты». В связи с этим, вероятно, изъята и фраза «Не понимает, что к чему» из абзаца, в котором обезьяна позаимствовала в магазине морковку и убегает, жуя ее на ходу. Забавная замена слова в монологе бабушки: «Она будет меня пугать своим нечеловеческим видом» — «Она будет меня пугать своим беззастенчивым видом».

Следующая группа сокращений относится к инвалиду Гаврилычу (некоторая автоирония, связанная с этим именем, детям была, конечно, непонятна: ведь их еще не было на свете, когда этот псевдоним Зощенко знали все его читатели). Пренебрежем тем, что опять возник уменьши-

тельный суффикс: корзинка, которую тот нес в руках, превратилась, разумеется, в корзиночку. Это не главное. А вот нечистые помыслы инвалида от детей следовало скрыть, чтобы то ли не компрометировать вообще старшее поколение, то ли не подавать дурной пример. И поэтому оказались изъятыми из текста мечты Гаврилыча: «Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива». Удивительно, что только в «Мурзилке» обращение Гаврилыча к обезьяне звучит так: «Ваше сиятельство, красавица-мартышка», то есть идеологически весьма сомнительно. Явный недосмотр.

Далее вычеркнуто: «Быть может, она подумала: „Пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинке. Это даже интересно"»; затем устранено рассуждение Гаврилыча: «Она будет чистенькая, приятненькая. На шею я ей бантик привяжу. И мне за нее на рынке дороже дадут». Заодно редактор выбросил пассаж о мыле, попавшем обезьяне в рот: «Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтоб кричать, царапаться и отказываться мыться. В общем, наша мартышка стала плеваться, но тут мыло попало ей в глаз». В «Мурзилке» оно сразу попадает в глаз вместо рта. Подозреваю, что в поведении мартышки был усмотрен дурной пример для детей, капризничающих при мытье.

Вычеркнуто также: «Он подумал, что теперь уж никогда больше он не увидит своей славной, обожаемой обезьянки»; из реплики Гаврилыча убраны слова «которую я завтра хочу продать на рынке», слова шофера «...а не тому, кто хочет ее безжалостно на рынке продать ради своей выпивки». Исчез и финал: «Алеша сказал мне: „Я воспитал ее, как человека, и теперь все дети и даже взрослые могут брать с нее пример"».

Я так подробно рассказываю об этом не только потому, что речь идет о многострадальном, как сказали бы теперь — «судьбоносном», произведении, но и потому, что анализ текста в «Мурзилке» категорически отвергает версию о прямой перепечатке оттуда, якобы предпринятой «Звездой». Все было не так.

Передо мною пять текстов «Приключений обезьяны», появившихся в печати всего за полгода, но среди них нет и двух идентичных. Правка осуществлялась в каждом издании. Так откуда же текст попал в «Звезду»? Для начала нужно перечислить эти издания, исключая, естественно, «Мурзилку». Вот они.

Фельетоны, рассказы, повести. Подписаны к печати 15 января 1946 года. Вышли в свет во вторую неделю мая (КЛ. № 20. № 7436).

Звезда. № 5—6. Журнал подписан к печати 11 мая.

Избранные произведения. Подписаны к печати 25 марта. Вышли в свет в первую неделю июля (КЛ. № 27. № 9759).

Рассказы. Подписаны к печати 22 июня. В «Книжной летописи» отсутствуют, но, поскольку они принадлежат к регулярной серии «Библиотека „Огонек"», выпуски которой попадали к подписчикам еженедельно, можно с достаточной уверенностью предположить, что книжка появилась в конце июня или начале июля.

Издавалась она в Москве — и маловероятно, чтобы Саянов получил

текст оттуда. Да и нужды в том не было, ибо обе предыдущие книги готовились ленинградскими издательствами. Остается выяснить, в каком из них именно редактор «Звезды» получил машинопись.

Для этого нужно установить, какой из текстов двух сборников ближе к тексту «Звезды». Чтобы не повторять каждый раз названия сборников, будем пользоваться их цифровыми обозначениями.

В 50: «Замучилась она, устала, и, конечно, что совершенно естественно, кушать захотела».

В 11 и «Звезде»: «Замучилась она, устала и, конечно, кушать захотела».

В 50: «...чуть в обморок не свалилась от неожиданности».

В 11 и «Звезде»: «...чуть в обморок не грохнулась от неожиданности».

В 50: «Она закричала на мартышку...»

В 11 и «Звезде»: «Она накричала на мартышку...»

В 50: «Будет жрать мои конфеты».

В 11 и «Звезде»: «Будет кушать мои конфеты».

В 50: «Пожалуй, желаю...»

В 11 и «Звезде» (кстати, и в «Мурзилке» тоже): «Пожалуйста, желаю...»

В 50: «...подошла, взяла этот кусочек сахара...»

В 11 и «Звезде»: «...подошла, схватила этот кусочек сахара...»

В 50 после фразы «И это есть доказательство того, что я говорю правду» пропущен выход Алеши, который был в «Мурзилке», а затем в 11 и «Звезде» (хотя и с некоторыми разночтениями между двумя последними текстами, цитирую по более полному из них в 11): «Мальчик Алеша Попов сказал: „Нет, эта обезьяна не его, это моя обезьяна..."» и т. д.

Таким образом, с достаточной уверенностью можно утверждать, что в «Звезду» попал текст из ленинградского отделения ГИХЛа, а не более ранний — из Лениздата. Кто и в каком случае делал правку рассказа для второго его книжного издания — сам автор, только редактор, они вместе, — можно только догадываться.

Это не означает, что тексты «Звезды» и «Избранных произведений» совпадают полностью. Как уже сказано, ни один из пяти не идентичен, в каждой редакции вносилась своя лепта. В мою задачу не входит указание всех разночтений в пяти изданиях: это возможно осуществить лишь в книге академического типа. Но кое на что укажу.

Из «Звезды» выброшены: после абзаца «Но тут снова, откуда ни возьмись, выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась» абзац — «Увидев ее, наша мартышка подумала: „Ну, теперь, граждане, я окончательно пропала"»; из абзаца, следующего за этим, последние две фразы: «Наверно подумала: „Носов не напасешься — бегать за обезьянами". И хотя отвернулась, но сердито залаяла — дескать, беги, беги, но чувствуй, что я тут»; из фразы «И чужих конфет категорически не берет» вычеркнуто слово «категорически»; есть и другие мелочи.

У нас нет оснований не верить утверждению Зощенко о его неосведомленности по поводу публикации в «Звезде». И единственное, что необходимо сделать, — рассеять давнее недоразумение, связанное с тем,

что будто бы «Приключения обезьяны», внедренные Саяновым во «взрослые тексты» журнала, оказались абсолютно чужеродными. Дело в том, что в этом злополучном номере появился довольно большой раздел «Новинки детской литературы», в который вошли (перечисляю по порядку): стихотворение Корнея Чуковского «Ленинградским детям», Зощенко, рассказ К. Золотовского «Рыба-одеяло», сказка Виталия Бианки «Башенный стриж», рассказ Изабеллы Гринберг «Папа приехал», стихотворения С. Погореловского из цикла «Игрушки» — «Мячик» и «Дед Мороз». Так что «Приключения обезьяны» отнюдь не пребывали в гордом одиночестве.

Наконец, последнее. Почему именно этот рассказ вызвал гнев и расправу? Боже мой, да разве в нем дело?! Следовало приструнить интеллигенцию, которая во время войны получила послабление — относительное, конечно, — и которой почудился, как теперь модно говорить, «свет в конце тоннеля». И появилась вереница партийных постановлений-приговоров, эту задачу выполнивших. Не имело существенного значения, какие произведения высечь для острастки, рискну предположить, что и Зощенко с Ахматовой вполне могли быть заменены кем-то другими. Но случилось то, что случилось. Культура снова стала во фрунт, подавив глупые мечты о творческой независимости, — и все замерло...

ЭПИЛОГ

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ. НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ. — Искусство кино. 1988. № 10. С. 96—97. (Стихотворение написано в 1969 году. Публикаторы — Нина Крейтнер и Валерий Гинзбург.)

СОДЕРЖАНИЕ*

* Первые цифры — страницы текста, вторые, в скобках, комментария.

Литературно-художественное издание

Из архива печати

Зощенко Михаил Михайлович

УВАЖАЕМЫЕ ГРАЖДАНЕ

Пародии. Рассказы. Фельетоны
Сатирические заметки
Письма к писателю
Одноактные комедии

Зав. редакцией Н. В. Ганиковская
Редактор И. М. Анисимова
Художественный редактор И. К. Борисова
Технические редакторы: Н. И. Аврутис, В. М. Скребнева
Корректор Л. Ю. Столярова

ИБ № 113

Сдано в набор 20.08.90. Подписано в печать 17.12.90. Формат 60X88/16.
Бумага кн.-журн. для офсета, 60 г. Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 40,67. Усл. кр.-отт. 43,73. Уч.-изд. л. 42,51.
Тираж 50000 экз. Изд. № 333. Заказ № 749.
Цена 8 р.

Издательство «Книжная палата». 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.
Набор и фотоформы изготовлены в отделении
автоматизированной обработки ВКП
127018 Москва, ул. Октябрьская, 4, строение 2.
Отпечатано в московской типографии В/О «Внешторгиздат» Госкомпечати СССР.
127576 Москва. Илимская ул., 7.

Зощенко М. М.

3888 Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные пьесы. — М.: Кн. палата, 1991. — 664 с. — (Из архива печати).

ISBN 5-7000-0205-1

Однотомник Михаила Зощенко, названный по одному из его сборников двадцатых годов, не повторяет предыдущие издания произведений писателя. В нем собрано то, что выпало из поля зрения читателей на много десятков лет. Это свыше двухсот рассказов, сатирических заметок, фельетонов, литературных пародий. Включена в том и уникальная по замыслу книга «Письма к писателю». Впервые под одной обложкой собраны шесть одноактных комедий Зощенко.

З $\frac{4702010201-004}{008(01)-91}$ **Без. объявл.** **ББК 84Р7**

8 р.

Издательство «Книжная палата»